ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ)
МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Центр военно-политических исследований МГИМО
АО «Концерн ВКО „Алмаз–Антей“»

А. И. Подберезкин

Стратегия национальной безопасности России в XXI веке

Аналитический доклад

Издательство
«МГИМО–Университет»
2016

УДК 327(470+571)
ББК 66.4(2Рос)
П44

Подберезкин А. И.

П44 Стратегия национальной безопасности России в XXI веке : аналитич. доклад / А. И. Подберезкин ; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Центр военно-политич. исследований ; АО «Концерн ВКО „Алмаз–Антей“». — М. : МГИМО–Университет, 2016. — 338 с.

ISBN 978-5-9228-1532-1

Аналитический доклад посвящен теоретическим основам формирования долгосрочной стратегии национальной безопасности. В основе данного исследования — цивилизационный подход, который предлагает ценностно-ориентированное планирование и прогнозирование. В работе также рассматриваются наиболее вероятный прогноз развития системы международных отношений и наиболее вероятные вызовы и угрозы национальной и международной безопасности.

Книга будет интересна и полезна для всех интересующихся вопросами безопасности в современном мире, особенно для лиц, принимающих решения в этой области.

УДК 327(470+571)
ББК 66.4(2Рос)

ISBN 978-5-9228-1532-1

© МГИМО МИД России, 2016
© А. И. Подберезкин, 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ГЕНЕРАЛЬНОГО ДИРЕКТОРА АО «КОНЦЕРН ВКО „АЛМАЗ–АНТЕЙ“» Я. В. НОВИКОВА 7

ПРЕДИСЛОВИЕ 9

ПОНЯТИЙНЫЙ АППАРАТ 17

ГЛАВА I
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ АНАЛИЗА И ПРОГНОЗА СОВРЕМЕННОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОБСТАНОВКИ 29

1.1. Иррациональность и возможность научного стратегического прогноза развития международной обстановки 32

1.2. Современное состояние анализа и стратегического прогнозирования развития международной обстановки в России 39

1.2. а). Современная международная обстановка как предмет стратегического прогноза 44

1.2. б). Экспертное обеспечение анализа и прогноза развития международной обстановки в России 52

1.3. Теоретическое обоснование наиболее вероятного сценария развития международной обстановки и его вариантов до 2050 года 57

1.3. а). Логика формирования и развития сценария международной обстановки до 2050 года 61

1.3. б). Стратегия национальной безопасности России как результат стратегического прогноза развития международной и военно-политической обстановки 65

1.3. в). Обоснование развития военно-силового сценария международной обстановки в 2016–2025 годы 69

1.3. г). Мир — это война. Война — это мир 73

1.3. д). Теоретическое обоснование развития трех вариантов наиболее вероятного сценария глобального «Военно-силового противоборства ЛЧЦ» 76

1.4. Теоретическое обоснование основных периодов развития сценария международной обстановки глобального «Военно-силового противоборства ЛЧЦ» на этапе до 2025 года 82

1.4. а). Обоснование периода завершения формирования военно-политической коалиции западной локальной человеческой цивилизации 83

1.4. б). Обоснование периода завершения военно-технической подготовки для ведения глобальных военных действий западной ЛЧЦ и создания внутренней оппозиции 89

1.4. в). Обоснование периода военно-силового использования мощи западной ЛЧЦ для утверждения норм и правил, соответствующих системе интересов и ценностей этой ЛЧЦ 95

1.4. г). Обоснование необходимости создания новой военной организации России в ходе третьего периода противоборства (2021–2025 гг.) 98

1.5. Методологическое обоснование наиболее вероятного варианта сценария развития международной обстановки до 2050 года 104

1.5. а). Методологическое обоснование наиболее вероятного варианта развития сценария «Военно-силового противоборства ЛЧЦ» до 2025 года (на основе известных парадигм) 105

1.5. б). Методологическое обоснование развития наиболее вероятного варианта сценария «Военно-силового противоборства ЛЧЦ» после 2025 года (на основе новых парадигм) ... 112

ГЛАВА II
НОВЫЕ ПАРАДИГМЫ ДОЛГОСРОЧНОГО ПРОГНОЗА РАЗВИТИЯ КОНКРЕТНОГО СЦЕНАРИЯ СОВРЕМЕННОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОБСТАНОВКИ ДО 2050 ГОДА ... 119

2.1. Предварительные замечания к конкретному долгосрочному прогнозу ... 121

2.2. Логико-теоретическая модель развития наиболее вероятного долгосрочного сценария международной обстановки и его вариантов ... 130

2.2. а). Значение относительно постоянных факторов и тенденций для долгосрочного прогноза международной и военно-политической обстановки ... 132

2.2. б). Основы логико-теоретического, стратегического прогноза развития новых парадигм международной обстановки в XXI веке ... 135

2.2. в). Социально-политическое конструирование новых парадигм ... 141

2.2. г). Новые парадигмы в развитии основных факторов и тенденций в долгосрочном прогнозе развития сценария международной обстановки ... 148

2.3. Анализ и прогноз качественного развития конкретного субъекта международной обстановки до 2050 года ... 154

2.3. а). Системный анализ субъекта международной обстановки ... 156

2.3. б). Влияние международной обстановки на развитие субъекта международных отношений ... 161

2.4. Фундаментальный анализ и прогноз влияния субъектов международной обстановки на формирование вероятных сценариев развития ... 164

2.4. а). Модель и алгоритм фундаментального анализа и прогноза международной обстановки ... 164

2.4. б). Этапы стратегического прогнозирования парадигм развития субъектов международной обстановки ... 169

2.5. Новые модели и алгоритмы реализации политической стратегии локальных человеческих цивилизаций и государств в XXI веке ... 173

2.6. Политическая стратегия: модель или алгоритм? ... 177

2.6. а). Деформация традиционной модели международной обстановки и политической стратегии в XXI веке ... 177

2.6. б). Новый алгоритм политической стратегии субъектов международной обстановки в XXI веке ... 181

ГЛАВА III
АНАЛИЗ И ПРОГНОЗ РАЗВИТИЯ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ЛОКАЛЬНЫМИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ В XXI ВЕКЕ КАК ВАЖНЕЙШАЯ ЧАСТЬ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПРОГНОЗА РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ И ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ В МИРЕ ... 187

3.1. Основы методического подхода к формированию международной и военно-политической обстановки, основанного на учете новой роли ЛЧЦ ... 188

3.1. а). Конфликт ЛЧЦ как основа для будущих военных конфликтов ... 194

3.1. б). Западная и восточная ЛЧЦ в XXI веке: синдром «братских стран» ... 196

3.2. Ключевое значение прогнозирования развития отношений между ЛЧЦ в Евразии 201
3.2. а). Евразийский ТВД: современное представление о роли экспансии западной ЛЧЦ 204
3.2. б). Новые центры силы и консолидации ЛЧЦ в Евразии как реакция на экспансию ЕС–НАТО 209
3.2. в). Решающая роль человеческого капитала в противоборстве ЛЧЦ в Евразии 211
3.2. г). НЧК и его институты как главное средство противоборства ЛЧЦ в Евразии 215
3.3. Значение взаимоотношений между ЛЧЦ для формирования международной и военно-политической обстановки в XXI веке 219
3.3. а). Наиболее вероятный сценарий развития международной обстановки — сценарий глобального «военно-силового противоборства ЛЧЦ» 222
3.3. б). Сценарий «Военно-силового противоборства ЛЧЦ» и влияние развития стратегической обстановки 226
3.4. Развитие национального человеческого капитала как перспектива сохранения российской ЛЧЦ 232
3.4. а). Российская ЛЧЦ и евразийская интеграция 234
3.4. б). «Российское ядро» ЛЧЦ и евразийская интеграция в области развития НЧК 237
3.5. Основные особенности противоборства ЛЧЦ в XXI веке 239
3.5. а). Особенности развития ЛЧЦ в первой половине XXI века 240
3.5. б). Основные особенности противоборства ЛЧЦ в XXI веке 243
3.6. Прогноз развития военно-политической обстановки и военной организации «российского ядра» ЛЧЦ 245
3.6. а). Методика оценки и долгосрочного прогноза развития сценариев военно-политической обстановки, вытекающих из отношений между ЛЧЦ 248
3.6. б). Стратегический прогноз, превращение военной организации России в военную организацию нации и ЛЧЦ 251
3.6. в). Российская ЛЧЦ и последствия отсутствия в будущем единой военной организаций в Евразии 256
3.7. Выводы и предложения, вытекающие из анализа и долгосрочного прогноза влияния развития отношений между ЛЧЦ на международную и военно-политическую обстановку в мире 260
3.7. а). Основные выводы 260
3.7. б). Основные предложения 263

ГЛАВА IV
ПРОЕКТ НОВОЙ СТРАТЕГИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА ДОЛГОСРОЧНЫЙ ПЕРИОД ДО 2050 ГОДА 269
4.1. Стратегия национальной безопасности России и стратегический прогноз развития сценария международной обстановки глобального «Военно-силового противоборства ЛЧЦ» 272
4.2. Основные правовые и политические нормы современной Стратегии национальной безопасности Российской Федерации 278
4.2. а). Положительный советский опыт 279
4.2. б). Современные правовые основы Указа Президента РФ «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» от 31 декабря 2015 года 283

4.3. Порядок формирования Стратегии национальной безопасности России ... 287
4.3. а). Этапность формирования Стратегии и эффективность управления ... 288
4.3. б). Алгоритм подготовки и принятия Стратегии ... 293
4.4. Сопоставление Стратегий национальной безопасности России в редакциях 2009 и 2015 годов: комментарии, анализ и предложения ... 300
4.4. а). Правовая форма современной Стратегии ... 303
4.4. б). Основные положения Стратегий 2009 и 2015 годов ... 304
4.4. в). Основные целевые показатели Стратегии ... 307
4.4. г). Важность стратегического прогноза ... 310
4.4. д). Сопоставление разделов II «Современный мир и Россия» ... 314
4.4. е). Сопоставление систем национальных ценностей и интересов ... 319
4.4. ж). Средства обеспечения национальной безопасности и развития ... 322
4.5. Обоснование проекта нового варианта Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2050 года ... 326
4.6. Федеральный конституционный закон «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2021 года»: некоторые положения ... 331
4.6. а). Стратегический прогноз развития международной обстановки и России в первой половине XXI века (Глава II Стратегии) ... 332
4.6. б). Система национальных ценностей и интересов (Глава III Стратегии) ... 335
4.6. в). Цели и задачи (Глава IV Стратегии) ... 335
4.6. г). Внешние условия развития нации и реализации Стратегии (Глава V Стратегии) ... 336
4.6. д). Ресурсное обеспечение (Глава VI Стратегии) ... 336
4.6. е). Полномочия органов власти, институтов гражданского общества и отдельных граждан в области обеспечения национальной безопасности и развития (Глава VII Стратегии) ... 337
4.6. ж). Политико-идеологические, организационные, нормативно-правовые и информационные основы (Глава VIII Стратегии) ... 338
4.6. з). Заключение ... 338

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ГЕНЕРАЛЬНОГО ДИРЕКТОРА АО «КОНЦЕРН ВКО „АЛМАЗ-АНТЕЙ“» Я. В. НОВИКОВА

Уважаемый читатель!

Вашему вниманию представляется аналитический доклад, посвященный теоретическим основам разработки стратегии национальной безопасности в современном мире. Уникальность данного исследования заключается в том, что в нем впервые ставится научная и практическая проблема не просто выработки стратегии национальной безопасности, а создания долгосрочной стратегии. На первый взгляд, может возникнуть противоречие. Со всех сторон мы слышим, что современный мир и все его аспекты, включая проблемы национальной и международной безопасности, претерпевает постоянные изменения и скорость этих изменений постоянно нарастает. Как в таких условиях можно создавать долгосрочную стратегию национальной безопасности? Автор доклада директор Центра военно-политических исследований МГИМО профессор А. И. Подберезкин убедительно доказывает, что не только можно, но и нужно. Основная задача разработчиков долгосрочной стратегии национальной безопасности заключается не в угадывании будущего, а в его формировании. Долгосрочная стратегия национальной безопасности — это инструмент активного планирования, а не пассивного реагирования. Основной такого планирования могут являться только ценности, при этом ценности цивилизационные. Именно эти ценности, укорененные в религии и культуре, являются константой в постоянно меняющемся мире. Они же являются и основным объектом конкуренции и ресурсом выживания в современном мире. Цивилизационное прогнозирование и планирование — методологическая основа выработки долгосрочной стратегии национальной безопасности.

Учитывая нарастающую и обостряющуюся мировую конкуренцию ценностей, такой подход к формированию стратегии национальной безопасности представляется оправданным и необходимым. Данная работа будет интересна и полезна для всех интересующихся вопросами безопасности в современном мире.

Генеральный директор
АО «Концерн ВКО „Алмаз–Антей“»
Я. В. Новиков

ПРЕДИСЛОВИЕ

… в результате длительного и безоглядного восхваления якобы непревзойденной военной мощи США нынешняя администрация и впрямь поверила, что силовая политика и есть универсальная панацея для решения всех действительных и мнимых проблем…[1]

Н. Симония,
академик РАН

… искать новые характеристики войн и конфликтов будущего необходимо в современных тенденциях развития человеческой цивилизации, международных отношений[22]

С. Нарышкин,
Председатель Госдумы ФС РФ

Анализ и долгосрочный прогноз развития международной обстановки (МО)[3] в XXI веке имеет жизненно важное значение не только для российского государства, но и будущего всей нации, более того, — всей локальной человеческой цивилизации (ЛЧЦ) формирующейся вокруг «российского ядра» в настоящее время. Обострение межцивилизационного и межгосударственного конфликта, начавшееся в первом десятилетии XXI века, уже привело к тому, что во втором десятилетии этот конфликт перерос в силовую фазу развития и достаточно динамично сползает к её вооруженному этапу: современная МО все больше напоминает обстановку, которая была в самый начальный период Первой и Второй мировых войн[4].

Этот факт — так или иначе — признается все чаще и все большим количеством экспертов и политиков, становится общим местом дискуссий. По политическим причинам, однако, признать этот факт публично никто из крупных политиков в мире пока что не решается. Но это только «пока». Между тем «вползание» в войну де-факто происходит ежедневно и проявляется на множестве примеров: то поймают в Австрии американских десантников, которые едут «мелкими партиями» с оружием на Украину, то «обнаружат» концентрацию войск или военной техники, вблизи российских границ, то передадут новые полномочия военному командованию НАТО.

Во многом этот процесс сползания от просто силовых к активным военным действиям имеет под собой цвилизационно-идеологическую основу, о которой еще в начале 90-х годов XX века говорил американский политолог С. Хантингтон, а до него многие другие сторонники концепции, столкновения цивилизаций, в основе которой лежит борьба за продвижение собственной системы ценностей. Как справедливо заметила профессор МГИМО Т. Шаклеина, в мире стала происходить (в XXI в.) «обратная идеологизация» международных отношений, которая выразилась в ужесточении

---

1 *Симония Н. А.* Избранное. — М.: МГИМО–Университет, 2012. — С. 679.

2 *Нарышкин С. Е.* Вступительное слово // *А. И. Подберезкин, Р. Ш. Султанов, М. В. Харкевич* [и др.]. Долгосрочное прогнозирование сценариев развития стратегической обстановки, войн и военных конфликтов в XXI веке: аналитич. доклад. — М.: МГИМО–Университет, 2014. — С. 3.

3 Сокращения и аббревиатуры даны по: *Подберезкин А. И.* Сборник сокращений по международной, политической, социально-экономической и военно-политической тематике. — М.: МГИМО, 2013. — 239 с., а также: Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 ч. — М.: МГИМО, 2015. Т. 1. — 796 с. Т. 2. — 722 с.

4 Стратегическое прогнозирование международных отношений: кол. монография / под ред. А. И. Подберезкина, М. В. Александрова. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — С. 17–72.

либерально-моралистской догматики, абсолютизации опыта западных демократий»[5]. Эта «идеологизация», следует напомнить, произошла после заявленной еще А. Яковлевым в конце 80-х годов XX века в СССР «деидеологизации», продолжающейся во многом в российской политике и сегодня, уже под лозунгами «прагматизма» и «разновекторности». Этот факт признают и западные эксперты, отмечающие «большое значение идеологии», хотя это и «… удручающе нечеткое понятие»[6].

Сегодня, к сожалению, по-прежнему получается, что когда против России фактически начата война, включающая самые крайние в т.ч. силовые формы идеологических акций, психологических и прямых военных действий, Россия продолжает дистанцироваться от собственной идеологии, по-Яковлевски «деидеологизироваться», отказываясь не только от собственной идеологии, но и системы ценностей, т.е. часть её правящей элиты фактически:

— отказывается от мощного ресурса противодействия враждебным силовым политико-идеологическим акциям;
— отказывается от системного подхода к тем или иным проблемам, будь то финансы и экономика, либо социальная или военная область;
— отказывается от идеологии как эффективной системы политического, общественного и военного управления в условиях жесточайшего управленческого кризиса.

Во многом это происходит из-за того, что сохраняется влияние прежних либеральных идей и их представителей в правящей элите России: ни провалы их экономической и социальной политики, ни отсутствие эффективного управления, как представляется, не влияют на их господство. Это, естественно, вызывает сопротивление и непонимание у значительной части общества и даже части правящей элиты, которые сопротивляются остаткам либерального лагеря во власти, и которых М. Делягин справедливо назвал «навсегда вчерашними»[7].

Между тем идеология, как система взглядов, нужна, прежде всего, для эффективного управления, а именно для того, чтобы, во-первых, адекватно и точно реагировать во всех областях жизнедеятельности государства всему российскому обществу, а не только властям, во-вторых, — правящей элите необходимо максимально точно представлять себе не только современное состояние МО и военно-политической обстановки (ВПО), но и иметь адекватные представления об их будущем развитии, что также невозможно без логически обоснованной системы взглядов, т.е. идеологии[8].

Известный субъективизм в политике и общественных науках, который в России далеко зашкаливает, давно должен — если всерьез добиваться эффективности в управлении — в минимальной степени влиять на точность и оперативность политического анализа (а тем более вести к ошибочным предположениям и выводам), которые, к сожалению, в последние десятилетия не раз приводили руководство СССР и России к неправильным и даже преступным действиям. Тем более что такой субъективизм может объясняться и внешним влиянием, а именно давлением, подкупом, шантажом, что очень активно используется Западом в последние годы. Он даже открыто сделал эту политику, давления и шантажа элиты, публичной, официальной, назвав её «политикой санкций».

Поэтому, в данной работе автор попытается совместить логико-теоретический (аналитический) и политико-идеологический, а также эмпирический (конкретный), методы исследования. Кроме того, он попытался также проанализировать влияние некоторых субъективных факторов на процесс формирования МО. Прежде всего, конечно же, такого субъективного фактора, как влияние различных групп правящей российской элиты, которое в последние десятилетия — от Горбачева до Ельцина — нередко пересиливало влияние объективных реалий на формирование внешней политики.

---

[5] Введение в прикладной анализ международных ситуаций / под ред. Т.А. Шаклеиной. — М.: «Аспект-Пресс», 2014. — С. 35.

[6] Глобальные тенденции 2030: альтернативные миры. Национальный Совет по разведке США, декабрь 2012 г. — С. 5.

[7] *Делягин М.* Светочи тьмы. Физиология либерального клана: от Гайдара и Березовского до Собчака и Навального. — М.: Институт проблем глобализации, 2016. — С. 5.

[8] *Подберезкин А.И.* Военные угрозы России. — М.: МГИМО–Университет, 2014. — С. 119–160.

В данной работе предпринимается попытка такого адекватного политико-идеологического анализа и прогноза международной и военно-политической обстановки, который остается, все равно, достаточно субъективным взглядом автора именно в силу определенной идеологизированности самого автора. В ней развиваются, во многом, те положения, которые были разработаны в 2012–2016 годы в Центре военно-политических исследований (ЦВПИ), созданном МГИМО–Университетом и Концерном ВКО «Алмаз-Антей», в частности, в серии аналитических докладов, посвященных анализу МО и ВПО[9], а также в нескольких теоретических публикациях посвященных стратегическому прогнозированию внешней и оборонной политики[10]. Эти вопросы были рассмотрены также в отдельных специальных работах[11], с которыми можно познакомиться на сайте ЦВПИ www.eurasian-defence.ru[12].

Предлагаемая работа является, как хочется верить, дальнейшим шагом в развитии предпринятых Центром усилий и может быть использована не только в академических и образовательных целях, но и для решения прикладных задач. Прежде всего, если речь идет об эффективном долгосрочном внешнеполитическом и оборонном прогнозе и планировании, которое необходимо для плана социально-экономического развития, государственного оборонного заказа и других, прежде всего образовательных целей.

Основной тезис, который отстаивается в этой работе, заключается в том, что достаточно быстрое изменение соотношения сил не в пользу западной ЛЧЦ в XXI веке неизбежно должно привести к пересмотру всех систем (финансово-экономических, военно-политических, гуманитарно-ценностных и иных), образующих МО в начале XXI века и находящихся под контролем США. Такой контроль со стороны США предполагает огромную выгоду для одной из ЛЧЦ, а именно, — западной, и заведомо несправедливое распределение мировых богатств и возможностей, чему, безусловно, угрожает неизбежное будущее изменение соотношения сил в мире[13]. Это — одно из основополагающих положений общей теории политического процесса, которое Б. Поршнев сформулировал следующим образом: «Социально-экономические системы, наблюдаемые нами на «переднем крае» человечества, существуют и развиваются лишь благодаря всасыванию дополнительных богатств и плодов труда из всего остального мира и некоторой амортизации таким способом внутреннего антагонизма»[14].

В предлагаемой работе такое противоборство рассматривается не столько как противоборство различных социально-экономических систем, сколько как противоборство — вполне естественное для международных отношений — локальных человеческих цивилизаций, объединяющих различные субъекты МО как на экономической, военно-политической, так и социо-культурной основе. Причем именно цивилизационная основа все более и более становится основной для стран, входящих в западную ЛЧЦ, включая не только представителей американо-европейского, но и японского и азиатского этносов. Не случайно Б. Обама еще в самом начале своего президентства говорил об «общих ценностях, которые могли бы заложить основу нового политического согласия»[15]. Разумеется, в интересах Запада и конкретно США.

---

[9] Долгосрочное прогнозирование развития международной обстановки: аналитич. доклад / А. И. Подберезкин [и др.] — М.: МГИМО, 2014 г.

[10] Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А. И. Подберезкина. — М.: МГИМО 2015 г.

[11] *Подберезкин А. И.* Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — 169 с.

[12] *Подберезкин А. И.* Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — 325 с.

[13] Современная международная обстановка: цивилизации, идеологии, элиты / А. И. Подберезкин, В. Г. Соколенко, С. Р. Цырендоржиев. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — С. 23–170.

[14] *Поршнев Б. Ф.* О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии): науч. ред. О. Т. Вите. СПб.: Алетейя, 2007. — С. 25.

[15] *Обама Б.* Дерзость надежды. Мысли о возрождении американской мечты. СПб : «Азбука-классика». 2008. — С. 14.

Рис. 1[16].

Рис. 2[17].

Это положение было позже им развито и конкретизировано, в том числе в важнейших нормативных документах[18], которые, в свою очередь, стали основой для дальнейшей конкретизации политики уже отдельными министерствами и ведомствами[19]. В результате развития этого процесса можно констатировать, что к концу президентского срока Б. Обамы в США сформировалась стратегия воен-

16 http://im6.kommersant.ru/ISSUES.PHOTO/CORP/2016/05/14/2%20TXT%20WAR% 20gr%20R.jpg
17 http://im6.kommersant.ru/ISSUES.PHOTO/CORP/2016/05/14/2%20TXT%20WAR% 20gr%20R.jpg
18 National Security Strategy. Wash.: The White House. February. 2015. — P. 29.
19 The National Military Strategy of the United States of America. June. 2015. Wash. : GPO, 2015. P. 17.

но-силового противоборства с другими ЛЧЦ за сохранение сложившихся к началу XXI века и очень выгодных для США финансово-экономических и военно-политических систем, которые к тому времени получили окончательное международно-правовое оформление. В основе этой стратегии лежат политико-идеологические и ценностные положения западной ЛЧЦ, преимущественно США, а также система интересов, нормы и правила, обеспечивающие жизнедеятельность этой системы.

Иными словами, неизбежное будущее перераспределение сил и влияния в мире будет встречать растущее военно-силовое противоборство со стороны западной ЛЧЦ, представители которой не питают иллюзий и напрасных ожиданий относительно «всеобщего братства» на планете, а спокойно готовятся к силовому и даже вооруженному отстаиванию своих интересов. Эта — общепризнанная, даже банальная, главная закономерность мирового переустройства, о которой, очень точно, в свое время сказали профессора МГИМО: «Каждая система международных отношений существует до тех пор, пока закрепленное в ней соотношение (баланс) сил не противоречит новым историческим реалиям»[20]. Она, однако, отнюдь не всегда считается объективной и является общепризнанной в США и других ведущих странах, представляющих западную ЛЧЦ, где полагают, что с помощью военной силы эту объективную ситуацию можно исправить в свою пользу. Они, вне всякого сомнения, попытаются предотвратить изменение существующих норм и правил в мире, в том числе используя для этого весь спектр силовых и даже военных средств. Что, собственно говоря, уже подтверждается достаточно часто политической практикой. Так, ослабление позиций США на Ближнем и Среднем Востоке стало главным мотивом появления «стратегии хаоса», главной задачей которой стала дестабилизация любых самостоятельных режимов, которые претендуют на собственную политику в регионе (Ирак, Ливия, Сирия, Египет).

Поэтому, эволюция всей системы МО в XXI веке вероятнее всего будет развиваться по одному (или периодически сменяющему друг друга) из двух вариантов наиболее вероятного из всех возможных сценариев развития МО, который автор назвал сценарием глобального «Военно-силового противоборства локальных человеческих цивилизаций)» — «пессимистическому» или «реалистическому». Оба варианта этого сценария предусматривают все более активное применение силы, и даже неизбежное применение вооруженного насилия на различных театрах военных действий (ТВД)[21], и в глобальном масштабе. Вся разница между этими вариантами в скорости развития того или иного варианта и масштабах использования военной силы. В одном случае — «пессимистическом варианте» — такой вариант этого сценария может развиваться очень быстро, как это было в 2013–2015 годы, до 2021–2025 годов. В другом случае — медленнее, как в 2008–2013 годы, когда силовые средства «новой публичной дипломатии», опираясь на военную мощь, оказываются достаточно эффективными для достижения поставленных целей. Более того, по мнению автора, оба варианта такого сценария попеременно уже реализуются в форме системной сетецентрической войны, начиная с 2008 года[22], (в зависимости от внешних условий и внутриполитических обстоятельств), не афишируя их публично.

Очень важно сформулировать политико-идеологическое отношение к этой реальности, которое может ее признавать, либо отрицать, либо признавать с оговорками. В России и в мире сформировались различные силы и слои, относящиеся к этой реальности субъективно по-разному. Автор полагает, что сценарий усиления военно-силового противоборства с различными ЛЧЦ не только разработан и предусмотрен, но и фактически уже начат реализовываться США с 2008 года, т.е. война, в её специфической форме уже начата. Прежде всего, по отношению к тем ЛЧЦ, как российская, которые попытались публично заявить и практически сделать пусть незначительные, публичные шаги в политике, угрожающие сложившейся системе МО, находящейся под контролем западной ЛЧЦ. Очевидно, что такие попытки в той или иной степени предпринимались исламской, российской,

---

[20] *Сидоров А. Ю., Клейменова Н. Е.* История международных отношений. 1918–1939 гг. — М.: ЗАО Центрополиграф, 2006. — С. 21.

[21] *Подберезкин А. И.* Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — С. 13–15.

[22] *Подберезкин А. И.* Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — 325 с.

китайской и латиноамериканской ЛЧЦ в разное время и с разной интенсивностью, но сочетание практических действий и публичных заявлений характерно только для российской внешней политики.

При этом важно подчеркнуть, что угрозы сложившимся прозападным и существующим в XXI веке системам, и необходимость резкого противодействия нарождающимся для них угрозам видятся в западной ЛЧЦ во всех аспектах — от финансово-экономических и военно-политических до культурно-гуманитарных, образовательных, спортивных и пр. Легко заметить, например, немедленную реакцию Запада на такие «угрозы» в любой области: от спорта до космоса, если появляются даже слабые попытки оспорить право Запада контролировать ситуацию. Соответственно западная ЛЧЦ публично декларирует и готова в действительности, реально, всеми силами защищать свое «право» контролировать ситуацию во всех областях человеческой деятельности в мире и принуждать другие ЛЧЦ и нации публично признавать это право во всех областях жизнедеятельности — от спортивных состязаний, защиты ЛГБТ-сообществ до нераспространения ядерного оружия.

На практике это выражено, прежде всего, в противодействии западной ЛЧЦ как попыткам угрожать господству доллара в качестве единой мировой расчетной единицы и сложившейся системе военно-политических союзов, так и признанию однополых браков и проведению Олимпийских игр и чемпионатов по футболу в странах, «не соблюдающих нормы международного права», т.е. отказывающихся подчиниться контролю западной ЛЧЦ в существующей системе международных отношений[23].

Выбор главных политических противников западной ЛЧЦ объясняется, прежде всего, их публичным политическим отказом признать право западной ЛЧЦ на такой глобальный цивилизационный контроль, попыткой публично «поставить под сомнение» само право Запада формулировать систему ценностей и международные нормы. Именно поэтому в первые два десятилетия XXI века в качестве основных объектов военно-силового противоборства Соединенными Штатами были выдвинуты мусульманские государства, представляющие наиболее самостоятельную часть мусульманской ЛЧЦ — Иран, Ирак, Египет, Ливия, Судан, Йемен, Афганистан и др., против которых была развернута системная сетецентрическая война, включающая информационную войну, экономические и гуманитарные санкции, антиправительственные выступления, наконец, прямую военную интервенцию[24].

Другой приоритетный и самый главный объект для военно-силового противоборства — российская ЛЧЦ, которая в конце первого десятилетия публично «посмела» поставить под сомнение, как справедливость существующего мироустройства, так и права США контролировать сложившиеся под их контролем системы. Особенное беспокойство у США и их союзников вызвало то, что Россия не только практическими действиями в мире ставила под сомнение это право, но и публично, даже демонстративно, его последовательно и настойчиво оспаривало, подчеркивая приоритет национального суверенитета, что в итоге было закреплено в июле 2015 года решением Конституционного суда России. Но этот приоритет пока что является для США и самым опасным с точки зрения политических и военно-стратегических рисков. Поэтому для военно-силовой борьбы с Россией требуется системная подготовка и время, которое (по оценкам автора) потребуется, как минимум, до 2021–2025 годов[25].

По мере изменения соотношения сил и усиления формирующихся новых центров силы, на базе ЛЧЦ, не согласных со сложившейся однополярной моделью мироустройства, прежде всего КНР, РФ, Индии, Бразилии и ряде других стран, будет усиливаться и военно-силовое противоборство западной ЛЧЦ с другими ЛЧЦ и странами. Представляется, что это и дальше будет происходить в соответствии с определенными приоритетами и с помощью различных стратегий. Так, очевидно, что по отношению к мусульманской ЛЧЦ будет применяться по-прежнему стратегия «управляемого хаоса» — создания очагов внутренних и внешних конфликтов, в которых будут участвовать преимущественно сами

---

[23] Стратегическое прогнозирование международных отношений: кол. монография / под ред. А.И. Подберезкина, М.В. Александрова. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — С. 551–594.

[24] *Подберезкин А.И., Мунтян М.А., Харкевич М.В.* Долгосрочное прогнозирование сценариев развития военно-политической обстановки: аналитич. доклад. — М.: МГИМО–Университет, 2014. 161 с.

[25] *Подберезкин А.И.* Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — 169 с.

мусульманские страны. Это позволит западной ЛЧЦ не только разобщить и противопоставить, и, в конечном счете, ослабить мусульманскую ЛЧЦ, но и сохранить на ее территории сложившуюся систему финансово-экономических и военно-политических отношений, выгодных западной ЛЧЦ.

По отношению к другому политическому приоритету — российской ЛЧЦ — предполагается, что будет продолжено начатое в 2008 году достаточно быстрое, но постепенное усиление системного силового противоборства с включением в него «по нарастающей степени» все большего потенциала и элементов собственно военной силы. Важно понимать, в этой связи, что реальное фактическое применение военной силы, будет, во-первых, как правило, политически и публично не признаваться, во-вторых, не демонстрироваться и всячески скрываться, а, в-третьих, контролироваться с тем, чтобы на каждой ступени военной эскалации инициатива развития или остановки оставалась за США. Это означает, что весь период с 2016 по 2021 год силовое и военное давление на РФ будет развиваться по нарастающей, включая в свою орбиту не только все элементы межгосударственных, общественных и межцивилизационных отношений — от торговли и спорта до культурных обменов, — но и скрытые, а постепенно и явные инструменты вооруженного насилия.

При этом также важно выделить два основных стратегических направления в развитии сценария, основанного на стратегии западной ЛЧЦ глобального «Военно-силового противоборства» применительно к России, которые являются не только географически, геополитически и социо-культурно и экономически, но и военно-политически аргументированы. Это, во-первых, формирование крайне негативного и враждебного регионального сценария развития МО в Европе на базе усиления конфликта на Украине и активизации деятельности союзников США по НАТО. Это уже нашло свое явное подтверждение и обоснование в 2014 и 2016 годы и будет дальше только усиливаться.

Во-вторых, — о чем пока что говорят значительно меньше и реже — создание аналогичного враждебного регионального сценария развития МО на базе бывших азиатских советских республик — сначала в Таджикистане, Киргизии и Узбекистане, а затем — на втором, самом важном этапе, — в Казахстане. Главная цель развития этого сценария заключается в том, чтобы создать на южной границе России угрозу не только Западной Сибири, Южному Уралу и Поволжью, но и территориальной целостности всей России, возможности, в конечном счете, «раздела» ее на европейскую и азиатскую часть, а в итоге — ликвидации самой страны и раздела нации на отдельные общности по примеру выделения независимых Украины и Белоруссии.

С методологической точки зрения, автор хотел бы подчеркнуть, что политико-идеологические и мировоззренческо-цивилизационные аспекты анализа и прогноза развития МО и конкретных сценариев имеют очень важные значения, ибо они лежат в основе как логико-теоретического, так и конкретно-эмпирического исследований, взаимно дополняющих друг друга. Без них, как и без логико-теоретических положений, анализ и прогноз развития МО и ВПО превращается в простой набор эмпирических данных, подобранных достаточно субъективно и нередко противоречащих друг другу. «Прагматизм», как метод, в данном случае означает простое отсутствие внятной политической, а не только идеологической концепции.

И, наоборот, достаточно точный стратегический прогноз развития МО и ВПО в мире вполне возможен при условии правильного выбора политико-идеологических, мировоззренческих и логико-теоретических основ и методологии, на базе которых можно создать динамическую модель, иллюстрирующую современное и будущее состояние развития наиболее вероятного сценария МО и её составной части — ВПО[26], что лишает руководство понимания системности политического процесса, «топит» его в деталях.

Учитывая, что современные информационно-технологические возможности позволяют обрабатывать огромное количество параметров в кратчайшие сроки (одна из действующих отечественных систем, созданных в Концерне ВКО «Алмаз-Антей», например, позволяет одновременно мониторить состояние более 50 000 объектов, находящихся в космосе и атмосфере, со скоростью 10^{15}),

[26] *Подберезкин А. И., Султанов Р. Ш., Харкевич М. В.* Военно-политические аспекты прогнозирования мирового развития: аналитич. доклад [и др.] М.: МГИМО–Университет, 2014. 167 с.

можно допустить возможность создания такой модели развития МО, в которой учитывались бы все основные количественные и качественные факторы и тенденции. Поэтому решение задачи эффективного прогноза развития МО зависит не столько от технических возможностей и программного обеспечения (ПО), а от построения адекватной реалиям логико-теоретической модели системы МО, учитывающей большинство наиболее важных тенденций, факторов и показателей.

Но такой объективный анализ — следует подчеркнуть — будет полезен только в том случае, если его результаты и рекомендации будут использованы правящей элитой, а не игнорированы ей, как случалось почти всегда в 1980-е — 1990-е годы и порой происходит сегодня. Качество принимаемых решений и их исполнение, т.е. эффективность управления (которые, как общепризнано, в России остаются на очень низком уровне) зависят не только от научной проработки экспертов, но и от личных качеств представителей самой правящей элиты.

Экспертные заключения могут играть определенную роль в повышении качества управления, но для этого необходимо, чтобы процесс принятия политических решений исходил из обязательности учета объективных данных исследований, анализа и прогноза (даже если, в конечном счете, принимаемые решения и противоречат этим рекомендациям), а не игнорирования изначально научных рекомендаций.

Процесс работы над темой анализа, прогноза и стратегического планирования развития МО происходил именно таким способом: готовилась серия докладов, затем — более детальная и объемная публикация, учитывающая мнения вех исследователей, наконец, окончательный вариант, имеющий сугубо практическую направленность. Алгоритм этот очень похож на алгоритм работы британского Центра по исследованию глобальных стратегических тенденций, который в последние годы выпустил пять фундаментальных докладов, включая последний «Глобальные стратегические тренды — до 2045 года»[27]. Этот процесс у экспертов ЦВПИ занял 4 года и вылился в серию опубликованных докладов и книг, насчитывающую почти 20 наименований. Думается, что и эта работа не станет окончательной.

Автор, как и всегда, наивно надеется, что его рассуждения окажутся полезными для тех, кто

принимает политические решения. Так, в конечном счете, нередко и происходит, но через очень длительное время, когда актуальность таких решений, к сожалению, существенно снижается. Вот почему хочется надеяться, что эта работа во время найдет своего читателя среди той оставшейся в абсолютном меньшинстве публики, которая пока еще что-то читает и что-то думает.

---

[27] Strategic Trends Programme Global Strategic Trends — Out to 2045. London, Ministry of Defence. 2015.

ПОНЯТИЙНЫЙ АППАРАТ

Чем выше в социальной иерархии стоит человек, тем дороже цена
его необоснованных интерпретаций и решений[1]
Т. Чеснакова,
психолог

Мы опять видим решительные действия без обдуманных решений и жертвы,
принесенные без надежных результатов[42]
Г. Павловский

Ошибки в политике и государственном управлении России стали частью ее повседневной жизни. Во многом потому, что последние десятилетия развития общественной мысли в России свидетельствуют о качественном снижении интеллектуального уровня нации и ее правящей элиты, в которой, по оценкам некоторых специалистов, доля лиц, обладающих понятийным мышлением, не превышает 20%. Большинство правящей элиты, к сожалению, не может:

— точно определить суть явления, объекта;
— увидеть его характерные особенности;
— увидеть причину его возникновения и спрогнозировать развитие;
— не обладает способностью к систематизации и формированию целостной картины мира.

Во многом это является следствием сознательной деформации школьного и высшего образования, формирующего личности, которые изначально не способны к понятийному мышлению. Частью это проблемы является и сознательное замещение понятийного аппарата чужими и ложными понятиями, либо вообще (по определению А. Н. Яковлева) «отказом от дефиниций».

В результате оказалось, что современное состояние важнейшего инструмента общественной науки в России — понятийно-категорийного аппарата — можно охарактеризовать минимум, как кризисное, а в области теории международных отношений и военно-политической теории — как катастрофическое. Старый аппарат, использованный в общественных науках «при историческом материализме», признан устаревшим, а наспех внедренный «эталонным» — западный, — не очень-то, как оказалось, подходит для современных российских исследований.

В итоге к началу второго десятилетия XXI века мы остались фактически без согласованных терминов, определений и прочих «дефиниций», от которых нас призывал отказаться еще главный идеолог и «прораб перестройки» А. Яковлев в конце 80-х гг. XX века. Примечательно, что многочисленные попытки, предпринимавшиеся таким энтузиастом, как генерал запаса А. Владимиров (по его собственному признанию), «к позитивным результатам не привели», хотя он и полагает, что в «России началась военная реформа, соответствующая его подходам и идеям»[3].

---

[1] *Чеснакова Т.* Разрыв между умными и глупыми нарастает / Эл. ресурс «Росбалт». 2015. 25 июля / http://www.rosbalt.ru/

[2] *Павловский Г. О.* Неопознанные национальные интересы РФ / Россия в глобальной политике, 2015. Май–июнь. — С. 24.

[3] *Владимиров А. И.* Основы общей теории войны в 2 ч. Часть I. Основы теории войны. — М.: Синергия, 2013. — С. 13.

Нередко на экспертных совещаниях, в т.ч. самого высокого уровня понятийная путаница приводила к путанице политической или научной. Приведу одно из многочисленных высказываний по этому поводу, точно характеризующее состояние в этой области: «Пока такие выражения, как «национальная безопасность», «военная безопасность», «политика военной безопасности» и близкие к ним, используются преимущественно как ориентировочные понятия. Они дают общее представление о явлении, но недостаточны для конкретной количественной и качественной оценки его состояния. Этим объясняется ситуация «понятийного бедлама», когда одно и то же явление обозначается разными понятиями или одно, и тоже понятие по-разному трактуется. Но практика все настойчивей требует инструментального применения этих понятий, т.е. наполнение их конкретным содержанием, которое можно анализировать и оценивать количественными и качественными показателями»[4], справедливо отмечает И. Даниленко.

С самого начала работы Центра военно-политических исследований МГИМО и Концерна ВКО «Алмаз-Антей» (ЦВПИ) этой проблеме было уделено серьезное внимание. На сайте Центра (www.eurasian-defence.ru) были созданы соответствующие обновляемые рубрикаторы, а в 2013 году с участием МИД РФ была выпущена первая книга, в которой собраны соответствующие аббревиатуры[5]. В дальнейшем во всех работах ЦВПИ обязательно давался перечень определенний и понятий, используемых в изданиях[6], который (естественно) уточнялся, редактировался и менялся за 2013–2016 годы[7].

Естественно, что такая работа ведется не только силами одного Центра. Огромную деятельность в этой области проводит МИД РФ и посольства, которые (как представительство России при НАТО, например) подготовили свои издания. Ведется определенная работа и в Минобороны, Генеральном штабе ВС РФ, прежде всего Академии ГШ ВС РФ, НИИ №46 Минобороны. Естественно, что при подготовке соответствующих законов и нормативных актов к ним даются соответствующие описания и характеристики основных понятий, силами аппарата Совета безопасности РФ и Государственной Думы ФС РФ, но в достаточно узких, отобранных в связи с подготовкой этих документов, областях.

Тем не менее, преодолеть эту проблему полностью пока что не удалось, о чем публично и часто говорится на многочисленных встречах и справедливо отмечается многими исследователями, что во многом это произошло из-за упадка национальной исследовательской школы и активного внедрения в эту область западной политологии, некритическому использованию заимствований. В частности, уже упоминавшийся И. Даниленко справедливо пишет: «Дело в том, что к анализу реальности посредством понятия «национальная безопасность» и производных от него понятий в России обратились недавно, взяв его из понятийного аппарата западных стран, главным образом США… Безопасность любой страны все многостороннее связывается с международной безопасностью. Соответственно растет и необходимость говорить на языке равнозначных понятий. Однако при этом важно, чтобы заимствованные понятия были адаптированы к логическому строю русского языка. Эта работа проделана наспех. Поэтому даже в директивных государственных документах некоторые понятия не сопрягаются»[8].

---

[4] *Даниленко И. С.* Проблемы анализа адекватности политики военной безопасности Российской Федерации опасностям вероятных войн / Общество, власть и аналитика / Под ред. А. Н. Каньшина. — М.: МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2013. — С. 10.

[5] *Подберезкин А. И.* Сборник сокращений по международной, политической, социально-экономической и военно-политической тематике. — М.: МГИМО–Университет, 2013. 239 с.

[6] См. например: *Подберезкин А. И.* Долгосрочный сценарий развития стратегической обстановки, войн и военных конфликтов в XXI веке: аналитич. доклад. / *А. И. Подберезкин, М. А. Мунтян* [и др.]. — М.: МГИМО–Университет, 2014. 175 с.

[7] Стратегическое прогнозирование международных отношений: кол. монография / под ред. А. И. Подберезкина, М. В. Александрова. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — 743 с.

[8] *Даниленко И. С.* Проблемы анализа адекватности политики военной безопасности Российской Федерации опасностям вероятных войн / Общество, власть и аналитика / Под ред. А. Н. Каньшина. — М.: МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2013. — С. 10.

Общая картина в гуманитарной области вполне иллюстрирует и ситуацию в области военно-политических исследований, где продолжается «преступная кровосмесительная связь» «французского с нижегородским», в результате которой нередко «происходит путаница даже в, казалось бы, очевидных вопросах. Иногда даже складывается впечатление, что эта путаница создается сознательно.

Особенно вредно это состояние возникает в связи с публичными обсуждениями профессиональных вопросов в СМИ, где нередко не только ведущие, но и приглашенные гости (которых даже называют «эксперты») путаются в элементарных понятиях. Возникает хаос в эфире, который часто ведет к дискредитации той или иной обсуждаемой проблемы. Ситуацию, не намного, облегчает то обстоятельство, что в основных документах — Федеральных законах, законах, постановлениях, указах и их нормативных приложениях, — дается некоторый понятийный аппарат: журналисты и даже «эксперты» с ним, как правило, просто не знакомы.

В настоящей работе предлагается свое толкование некоторых понятий и определений, которое частично или полностью может совпадать (или не совпадать) с понятиями и определениями, дающимися как в официальных документах, так и словарях и соответствующей научной и политической литературе. Авторы и их коллеги самостоятельно или с помощью известной литературы, применяли эти понятия, определения и аббревиатуры, стараясь, когда это возможно, их аргументировать или пояснить в специальных примечаниях или прямо по тексту[9]. Кроме того, специальная рубрика, в которой систематизированы все использовавшиеся понятия и определения, была сделана на официальном сайте ЦВПИ www.eurasian-defence.ru, на которой с 2012 года собиралась информация по этому вопросу.

Понятно, что эти усилия не решают в целом проблему, которая является следствием общего снижения научного уровня в стране и качества экспертов и преподавателей. Тем не менее, начатые в последние годы научно-исследовательские работы, уже не могут обойтись без договоренностей относительно понятийного аппарата, а также общего языка для обсуждения вопросов безопасности на международном уровне. Это означает, что процесс формирования научного аппарата будет ускоряться, а его качество — неизбежно повышаться.

Применительно к настоящей работе, объектом исследования которой является как собственно процесс развития международной обстановки и влияние на этот процесс идеологии, так и научный анализ этих процессов, рассматриваются отдельные теоретические и методологические вопросы, в которых используется соответствующий аппарат. Это означает, что теория международных и военно-политических отношений не является предметной наукой, интегрируя новые знания в относительно устойчивые и самостоятельные научные основы, соответствующие как эмпирическому, так и теоретическому уровням познания.

Эмпирические данные — чрезвычайно важны для анализа и прогноза развития международной обстановки, в особенности, когда речь идет о прогнозе наиболее вероятных и возможных сценариев развития МО и ВПО[10]. Но — и это очень важно подчеркнуть — без теоретического обоснования, выстроенной концепции и системного идеологического подхода — эти эмпирические данные мало значат в практическом плане. Не случайно то, что, казалось бы, тщательно разработанные стратегические прогнозы, построенные на огромном массиве информации, и использующие различные математические методы оказываются, в конечном счете, не эффективными. В качестве примера можно привести многочисленные прогнозы МЭР РФ, в 2014–2015 годах, развития экономики России, которые, как минимум, четырежды пересматривались за один год.

---

[9] См., например: *Подберезкин А. И.* и др. Долгосрочное прогнозирование развития международной обстановки: аналитич. доклад. — М.: МГИМО–Университет, 2014 и другие аналитич. доклады, а также: Подберезкина А. И. Военные угрозы России. — М.: МГИМО–Университет, 2014; Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. — М.: МГИМО–Университет, 2015 и др. работы.

[10] *Подберезкин А. И.* Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — 325 с.

На эмпирическом уровне, как показывают предыдущие работы авторов ЦВПИ, необходимы все методы получения данных — измерение динамики и мировых процессов и развития факторов и акторов, формирующих МО; сравнение — сопоставление развития субъектов МО и отдельных акторов; — анализ отдельных факторов, формирующих МО и ВПО; — синтез, как объединение результатов проведенного анализа.

В исследовании развития и прогноза МО, сделанном авторами, особое значение имеют такие два метода получения эмпирических знаний как индукция и моделирование МО и отдельных сценариев, а также дедукция — построение логических моделей и общих идей, которые приводятся в большом количестве в работе.

В настоящей работе используются следующие основные понятия:

— **алгоритм** — последовательность четко определенных действий, выполнение которых ведет к решению задачи. Алгоритм, записанный на языке машины, есть программа решения задачи.
— **алгоритм политической стратегии** — точная последовательность действий власти ЛЧЦ или государства, необходимых для получения необходимого политического результата.
— **анализ** — логический прием определения понятия, когда это понятие разлагают по признакам на составные части с целью ясного и полного познавания. Анализ — «исследование» по частям, первый этап изучения (структуры, свойств, состава).
— **атрибутивный поиск** — поиск информации по явно заданным значениям признаков (атрибутов).
— **база данных** — система хранения данных, обеспечивающая оперативный доступ к информации по содержанию хранимых данных; множество логически совместимых структурированных файлов данных.
— **банк данных** — совокупность нескольких баз данных с программами управления ими и совместимыми аппаратными средствами.
— **безопасность информации** — состояние защищенности информации, обрабатываемой средствами вычислительной техники или автоматизированной системы, от внутренних или внешних угроз.
— **бизнес данные** — информация о людях, местах, вещах, правилах ведения бизнеса и событиях.
— **боевой порядок** — построение подразделений для ведения боя.
— **веб (www)-сервер** — программный продукт, обеспечивающий доступ ко всей информации во «Всемирной паутине».
— **видеоконференц-связь** — информационная технология организации дистанционного визуального группового общения, проведения совещаний, обучения в виртуальной реальности, создающая атмосферу, близкую к реальности.
— **внутренний военный конфликт** — внутреннее вооруженное противоборство, преследующее политические, экономические и идеологические цели.
— **внутренний вооруженный конфликт** — высшая форма внутригосударственного конфликта.
— **внутренняя война** — конфликт в форме вооруженного противоборства между двумя (или несколькими) политическими субъектами.
— **военная безопасность Российской Федерации** (далее — военная безопасность) — состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних военных угроз, связанных с применением военной силы или угрозой ее применения, характеризуемое отсутствием военной угрозы либо способностью ей противостоять.
— **военная доктрина Российской Федерации** (далее — Военная доктрина) является одним из основных документов стратегического планирования в Российской Федерации и представляет собой систему официально принятых в государстве взглядов на подготовку к вооруженной защите и вооруженную защиту Российской Федерации.
— **военная опасность** — состояние межгосударственных или внутригосударственных отношений, характеризуемое совокупностью факторов, способных при определенных условиях привести к возникновению военной угрозы.

— **военная организация государства** (далее — военная организация) — совокупность органов государственного и военного управления, Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, составляющих ее основу и осуществляющих свою деятельность военными методами, а также тех частей производственного и научного комплексов страны, совместная деятельность которых направлена на подготовку к вооруженной защите и саму военную защиту России.
— **военная политика** — деятельность государства по организации и осуществлению обороны и обеспечению безопасности Российской Федерации, а также интересов ее союзников.
— **военная угроза** — состояние межгосударственных или внутригосударственных отношений, характеризуемое реальной возможностью возникновения военного конфликта между противостоящими сторонами, высокой степенью готовности какого-либо государства (группы государств), сепаратистских (террористических) организаций к применению военной силы (вооруженному насилию).
— **военное планирование** — определение порядка и способов реализации целей и задач развития военной организации, строительства и развития Вооруженных Сил и других войск, их применения и всестороннего обеспечения;
— **военное планирование в Российской Федерации** — составная часть военных мер организации обороны Российской Федерации, заключающаяся в определении порядка и способов реализации целей и задач развития военной организации, строительства и развития Вооруженных Сил, других войск, воинских формирований и органов, их применения и всестороннего обеспечения. Посредством военного планирования определяется последовательность действий по достижению целей планируемых процессов — ведения обороны, военного строительства, обеспечения обороны, информационного противоборства и управления обороной Российской Федерации.
— **военно-политическая обстановка (ВПО)** — состояние мировой военно-политической системы в определенный период времени, характеризуемое составом субъектов военной политики, их состоянием и особенностями военно-политических отношений между ними, а также основными тенденциями развития. ВПО оценивается совокупностью результатов действий одних субъектов военно-политических отношений в отношении других.
— **военно-политические отношения** — процесс взаимодействия субъектов военной политики во внешнеполитической, военной, социально-политической, экономической, идеологической и других сферах, в ходе которого проявляются их национальные, государственные, коалиционные и иные интересы. Военно-политические отношения в каждой сфере взаимодействия представляют собой определенную совокупность акций, мероприятий, проводимых субъектами военной политики в целях реализации своих интересов, достижения определенного их баланса, соотношения. Процесс взаимодействия субъектов военной политики имеет определенные фазы (этапы) развития, различающиеся степенью напряженности военно-политических отношений.
— **военно-политический потенциал** — совокупность нематериальных и духовных возможностей, как задействованных в настоящее время, так и тех, которые потенциально могут быть использованы в военных целях.
— **военно-экономический потенциал** — часть экономического потенциала государства, которая может быть использована в военных целях при максимальном военно-экономическом напряжении.
— **военный конфликт** — форма разрешения межгосударственных или внутригосударственных противоречий с применением военной силы (понятие охватывает все виды вооруженного противоборства, включая крупномасштабные, региональные, локальные войны и вооруженные конфликты).
— **военный потенциал** — возможности государства для ведения войны, производные от экономического и морально-политического потенциала страны.

— **вооруженный конфликт** — вооруженное столкновение ограниченного масштаба между государствами (международный вооруженный конфликт) или противостоящими сторонами в пределах территории одного государства (внутренний вооруженный конфликт).
— **геоинформационная система** — система фактографической и аналитической информации о состоянии географической среды (региона, города и т.д.) и показателях, относящихся к экономическому состоянию территориально распределенных объектов.
— **гипермедиа** — компьютерная совокупность нелинейно связанных записей текстов, графики, речи, аудио, видео, музыки, мультипликации и т.п., позволяющая их составлять, увязывать и читать в произвольном порядке.
— **гипертекст** — объединение взаимосвязанных по тематике фрагментов множества текстов (документов), которое порождает новый текст на основе оригинальных фрагментов, заимствованных в исходных текстах.
— **глобальная информационная сеть** — соединение нескольких региональных сетей компьютеров между собой каналами (линиями) связи для передачи информации между регионами и странами с целью совместной обработки.
— **государственная программа Российской Федерации** — система мероприятий (взаимоувязанных по задачам, срокам осуществления и ресурсам) и инструментов государственной политики, обеспечивающих в рамках реализации ключевых государственных функций достижение приоритетов и целей государственной политики в сфере социально-экономического развития и безопасности, определенных в концепции долгосрочного социально-экономического развития или Стратегии национальной безопасности Российской Федерации.
— **государственная программа субъекта Российской Федерации** — увязанный по ресурсам, исполнителям и срокам осуществления комплекс мероприятий, направленный на наиболее эффективное решение задач социально-экономического развития субъекта Российской Федерации.
— **государственное прогнозирование** — регламентируемая законодательством Российской Федерации деятельность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления с участием общественных, научных и иных организаций по разработке научно обоснованных представлений о возможных рисках социально-экономического развития и угрозах национальной безопасности Российской Федерации, направлениях и результатах социально-экономического развития Российской Федерации и субъектов Российской Федерации.
— **государственное стратегическое планирование** — регламентируемая законодательством Российской Федерации деятельность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления с участием профессиональных союзов и объединений работодателей, общественных, научных и иных организаций по государственному прогнозированию, программно-целевому и территориальному планированию, а также мониторингу реализации документов государственного стратегического планирования, направленная на решение задач устойчивого социально-экономического развития Российской Федерации и укрепления национальной безопасности.
— **данные** — информация, записанная (закодированная) на «языке машины».
— **делопроизводство** — комплекс мероприятий по реализации документационного обеспечения управления (ДОУ) предприятия или организации, систематизация архивного хранения документов, обеспечение движения, поиска, хранения и использования документов.

Для целей настоящего Федерального закона применяются следующие термины и понятия:

— **документ** — информационное сообщение в бумажной, звуковой или электронной форме, оформленное по определенным правилам (стандартам), заверенное в установленном порядке;
— **документ государственного стратегического планирования** — документированная информация, разрабатываемая, рассматриваемая и утверждаемая органами государственной власти Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и иными участниками государственного стратегического плани-

рования в соответствии с требованиями, установленными нормативными правовыми актами, указанными в статье 2 настоящего Федерального закона, в целях обеспечения процесса государственного стратегического планирования;
  - **документирование** — процесс создания документов, то есть их составления, оформления и изготовления;
  - **документооборот** — система создания, интерпретации, передачи, приема и архивирования документов, а также контроля за их исполнением и защиты от несанкционированного доступа.
- д**окумент государственного стратегического планирования** — документированная информация, разрабатываемая, рассматриваемая и утверждаемая органами государственной власти и иными участниками государственного стратегического планирования в соответствии с требованиями, установленными нормативными правовыми актами.
- **долгосрочный период (перспектива)** — период продолжительностью более 6 лет.
- **задача социально-экономического развития** — ограниченный по времени комплекс взаимосвязанных мероприятий в рамках направления достижения цели социально-экономического развития.
- **качественные показатели** — субъективные показатели, не поддающиеся количественным измерениям, либо являющиеся производными от таких измерений.
- **коалиционный потенциал** — способность государств/ цивилизаций создавать взаимные коалиции, включая военные, политические, экономические и др.
- **количественные показатели** — физические, экономические, социологические, математические и иные показатели, предполагающие количественное измерение.
- **концепция (Стратегия) долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации** — документ государственного стратегического планирования, определяющий систему научно обоснованных представлений о долгосрочных целях, внешних и внутренних условиях социально-экономического развития Российской Федерации.
- **корректировка документа государственного стратегического планирования** — частичное изменение текста документа без изменения периода, на который разрабатывался документ государственного стратегического планирования.
- **критерий** — признак, основание для принятия решения об оценке чего-либо на соответствие предъявляемым требованиям.
- **критическое (пороговое) значение показателя обеспечения национальной безопасности** — количественная характеристика угрозы национальной безопасности.
- **локальная человеческая цивилизация (ЛЧЦ)** — определенная часть человеческого общества, проживающего на конкретной территории, объединенного общей системой ценностей, интересами, историческим наследием и видением общего будущего.
- **маневр** — организованное передвижение войск в ходе боя в целях занятия выгодного положения по отношению к противнику и создания необходимой группировки сил и средств, а также перенос или перенацеливание ударов и огня для наиболее эффективного поражения противника. Видами маневра являются охват, обход, отход и маневр ударами и огнем.
  Маневр ударами и огнем заключается в одновременном или последовательном их массировании (сосредоточении) по важнейшим объектам противника, а также в перенацеливании их на новые объекты.
- **международная война** — одна из форм международного конфликта с участием, как минимум, двух государств и их вооруженных сил.
- **международная обстановка (МО)** — состояние мировой системы международных отношений в определенный период времени, характеризуемое составом субъектов (государственных, международных и негосударственных) мировой политики, ведущими мировыми тенденциями и отношениями между ними. МО оценивается совокупностью результатов действий одних субъектов в отношении других.

- **метод оценки критериев и показателей** — психофизический метод оценки степени уверенности эксперта в правильности того или иного критерия или показателя.
- **методы прогноза показателей ВПО**:
  - **метод экстраполяции**;
  - **метод аналогии** — прогноз на основе похожести условий прежних событий, предполагая их вероятность в будущем;
  - **метод сценариев** — описания событий в будущем;
  - **метод моделирования**.
- **методическое обеспечение государственного стратегического планирования** — требования и рекомендации по разработке документов государственного стратегического планирования.
- **методологическая база военного планирования в Российской Федерации** — разработанная (уточненная) в ходе подготовки к очередному этапу военного планирования совокупность процедурных знаний, применяемых для обоснования (прогнозирования) на определенный временной период процессов ведения и обеспечения обороны, военного строительства, информационного противоборства и управления обороной Российской Федерации, системы обеспеченных ресурсами мер по подготовке к вооруженной защите и вооруженной защите Российской Федерации.
- **мировая военно-политическая система (ВПС)** — совокупность субъектов военной политики, взаимосвязь между которыми осуществляется посредством военно-политических отношений. В структуре мировой ВПС могут выделяться региональные ВПС и внутригосударственные ВПС.
- **мониторинг реализации документов государственного стратегического планирования** — деятельность по комплексной оценке основных показателей, а также бюджетных обязательств.
- **национальный человеческий потенциал (НЧП)** — демографические, творческие, интеллектуальные и духовные ресурсы нации, являющиеся основной частью национального богатства и мощи государства.
- **облик военной организации государства** — совокупность количественных и качественных параметров (показателей), характеризующих возможности, состав, структуру, численность, техническую оснащенность, а также системы управления и всестороннего обеспечения военной организации.
- **обход** — более глубокий маневр, совершаемый подразделениями для удара по противнику с тыла.
- **огонь** — это одновременное поражение противника стрельбой из различных видов оружия. Он ведется с задачей уничтожения, подавления и изнурения противника или разрушения его объектов. Виды огня представлены на рис.
- **основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на среднесрочный период** — документ государственного планирования, определяющий задачи социально-экономического развития Российской Федерации и укрепления национальной безопасности на среднесрочную перспективу.
- **отраслевой документ государственного стратегического планирования** — документ, в котором определены цели, приоритеты и задачи развития и обеспечения национальной безопасности, в соответствующей отрасли или сфере социально-экономического развития Российской Федерации.
- **отход** — маневр, применяемый в целях вывода своих войск из-под ударов превосходящих сил противника, выигрыша времени и занятия более выгодного рубежа. Отход проводится только по разрешению или приказу старшего командира.
- **отчетный год** — год, предшествующий текущему году.
- **отчетный период** — отчетный год и два года, предшествующие отчетному году.
- **охват** — маневр, осуществляемый подразделениями в целях выхода для удара во фланг противнику.
- **очередной год** — год, следующий за текущим годом.

— **план обороны Российской Федерации** — комплекс взаимосвязанных документов военного планирования в Российской Федерации, разрабатываемый в целях обоснования и нормативного правового закрепления системы согласованных по срокам и обеспеченных ресурсами военных, правовых, политических, экономических и иных мер, реализация которых позволит обеспечить оборону и безопасность государства.
— **планирование ведения обороны Российской Федерации** — процесс определения военной организацией государства системы мер по стратегическому сдерживанию и предотвращению военных конфликтов, вооруженной защите жизненно важных интересов государства от внешних и внутренних угроз.
— **планирование военного строительства в Российской Федерации** — процесс определения системы мер по строительству и развитию военной организации государства, направленных на перевод органов государственного и военного управления, Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований, органов, привлекаемых к выполнению задач в области обороны частей производственного и научного комплексов страны, в определенные качественные состояния, позволяющие в условиях планового периода обеспечить оборону и безопасность государства.
— **планирование информационного противоборства Российской Федерации** — процесс определения комплекса мер, осуществляемых военной организацией государства в интересах обеспечения национальных интересов Российской Федерации в информационной сфере и достижения политических, экономических, военных и иных целей.
— **планирование обеспечения обороны Российской Федерации** — процесс выработки решений и разработки на их основе системы мер, определяющих цель, задачи, мероприятия обеспечения деятельности военной организации государства при выполнении ею задач по подготовке к вооруженной защите и вооруженной защите Российской Федерации.
— **планирование управления обороной Российской Федерации** — процесс определения основ управления деятельностью военной организации государства при выполнении ею задач обороны в мирное время, в период непосредственной угрозы агрессии и в военное время.
— **показатели** — данные, по которым можно судить о состоянии и развитии какого-то объекта или процесса.
— **показатели внутригосударственной военно-политической обстановки** — данные, позволяющие оценивать состояние и процессы, происходящие в военно-политической, военно-социальной, военно-экономической, научно-технической, технологической и иных областях жизни страны.
— **показатели межгосударственной обстановки** — данные, по которым можно судить о состоянии и перспективах развития международной ситуации и положения России в мире.
— **потенциал государства** — совокупность материальных и духовных сил государства и общества.
— **походный порядок** — построение подразделений для передвижения в колоннах. Он применяется на марше при преследовании, при проведении маневра и должен обеспечивать высокую скорость движения, быстрое развертывание в предбоевой и боевой порядки.
— **предбоевой порядок** — построение подразделений, осуществляемое в целях сокращения времени на развертывание в боевой порядок, меньшей уязвимости от ударов всеми видами оружия.
— **принципы стратегического прогнозирования** — основные правила, объединяющие в действительности известную совокупность идей, связанных со стратегическим прогнозированием.
— **приоритет социально-экономической политики** — предпочтительные направления и способ действий по достижению целей социально-экономического развития, исходя из целесообразности, рациональности и эффективности.
— **провоцирование международного конфликта** — использование частной ситуации или искусственное создание такой ситуации в качестве повода для эскалации конфликта.

— **прогноз научно-технологического развития Российской Федерации на долгосрочный период** — документ, содержащий систему научно обоснованных представлений о направлениях и ожидаемых результатах научно-технологического развития Российской Федерации и субъектов Российской Федерации в долгосрочной перспективе.
— **прогноз социально-экономического развития Российской Федерации** — документ, содержащий систему научно обоснованных представлений о направлениях и ожидаемых результатах социально-экономического развития Российской Федерации, в том числе субъектов Российской Федерации, на долгосрочный или среднесрочный период.
— **прогноз социально-экономического развития субъекта Российской Федерации** — документ государственного стратегического планирования, содержащий систему научно обоснованных представлений о направлениях и ожидаемых результатах социально-экономического развития субъекта Российской Федерации на долгосрочный или среднесрочный период.
— **прогнозирование социально-экономического развития** — деятельность по разработке научно обоснованных представлений о направлениях и результатах социально-экономического развития Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, определению параметров социально-экономического развития Российской Федерации, достижение которых обеспечивает реализацию целей социально-экономического развития Российской Федерации и приоритетов социально-экономической политики с учетом задач национальной безопасности.
— **программа социально-экономического развития субъекта Российской Федерации на среднесрочный период** — документ государственного стратегического планирования, определяющий цели деятельности органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации на среднесрочную перспективу и комплекс мероприятий по их достижению.
— **программно-целевое планирование** — деятельность, направленная на определение целей социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, приоритетов социально-экономической политики и национальной безопасности, а также формирование комплексов направленных на достижение этих целей и приоритетов мероприятий с указанием источников их финансового обеспечения.
— **результат социально-экономического развития** — фактическое (достигнутое) состояние экономики, социальной сферы, обороны и безопасности, которое характеризуется количественными и (или) качественными показателями.
— **сетецентричность** — подход к организации внешней и военной политики, который связывает все элементы системы в единую интегрированную систему управления, сбора, обработки и передачи информации.
— **система государственного стратегического планирования** — совокупность участников государственного стратегического планирования, взаимоувязанных документов государственного стратегического планирования, характеризующих приоритеты социально-экономического развития Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности, и нормативно-правового, информационного, научно-методического, финансового и иного ресурсного обеспечения государственного стратегического планирования.
— **система документов государственного стратегического планирования** — совокупность взаимосвязанных по стратегическим целям, задачам, срокам и источникам ресурсного обеспечения документов государственного стратегического планирования.
— **совокупный военный потенциал страны** — военная мощь государства.
— **современная локальная человеческая цивилизация** — уровень развития духовной, социальной и материальной культуры конкретной части общества, проживающего на определенной территории в современный период.
— **среднесрочный период (перспектива)** — период, следующий за текущим годом, продолжительностью от 3 до 6 лет включительно.
— **стратегическая обстановка (СО)** — вид военно-политической обстановки, представляющий собой состояние мировой (региональной, внутригосударственной) ВПС в определенный

период времени в ходе военного конфликта между субъектами военной политики (фаза развития военно-политических отношений — военный конфликт). Стратегическая обстановка характеризуется особенностями, масштабами и ходом военных действий, возможностями и условиями их прекращения или расширения, факторами, влияющими на их ход и результаты. Конкретное состояние участников военно-политической обстановки, их положение в определенный период времени накануне и в ходе конкретного военного конфликта или войны.

— **стратегические национальные приоритеты** — важнейшие направления обеспечения национальной безопасности, по которым реализуются конституционные права и свободы граждан Российской Федерации, осуществляются устойчивое социально-экономическое развитие и охрана суверенитета страны, ее независимости и территориальной целостности.
— **стратегический прогноз рисков социально-экономического развития Российской Федерации и угроз обеспечения национальной безопасности** — документ, содержащий систему научно обоснованных представлений о возможных стратегических рисках социально-экономического развития и угрозах национальной безопасности Российской Федерации.
— **стратегическое сдерживание** — разработка и системная реализация комплекса взаимосвязанных политических, дипломатических, военных, экономических, информационных и иных мер, направленных на упреждение или снижение угрозы деструктивных действий со стороны государства — агрессора (коалиции государств) в интересах обеспечения военной безопасности страны.
— **стратегия национальной безопасности Российской Федерации** — документ государственного стратегического планирования, определяющий стратегические национальные приоритеты, цели и меры внутренней и внешней политики, характеризующий состояние национальной безопасности и уровень развития государства на долгосрочную перспективу.
— **стратегия социально-экономического развития субъекта Российской Федерации на долгосрочный период** — документ государственного стратегического планирования, определяющий цели, приоритеты социально-экономической политики и задачи социально-экономического развития субъекта Российской Федерации в долгосрочной перспективе.
— **структура сценариев развития ВПО** — последовательная совокупность действий элементов и субъектов ВПО и эволюция их устойчивых взаимосвязей как единой системы, обеспечивающих ее целостность и сохранение основных свойств при самых различных вариантах изменения внутреннего и внешнего характера.
— **структура сценария** — последовательная совокупность действий (актов, сцен, сюжетов).
— **субъекты военной политики** — государства, коалиции государств (военно-политические союзы), вооруженные силы государств, вооруженные формирования, не имеющие международного правового статуса, способные вырабатывать свою политику и генерировать различные мероприятия и действия, с помощью которых должны решаться политические задачи и достигаться поставленные политические цели.
— **сценарии развития международной обстановки** — детальный план (проект), существующий в виде документа или набора идей относительно долгосрочных политических и иных целей.
— **сценарий** — детальный план (проект), существующий в виде документа (пакета документов) или набора идей относительно долгосрочных политических и иных целей.
— **сценарий развития военно-политической обстановки** — это описание изменения состояния мировой военно-политической системы в течение заданного периода времени при определенных (возможных, наиболее вероятных) уровнях действия влияющих факторов (политических, военных, экономических, идеологических и др.).
— **сценарий текущей и прогнозируемой ВПО** — существующий и будущий детальный план с участием основных действующих субъектов развития ВПО.
— **удар** — это одновременное поражение группировок войск и объектов противника путем мощного воздействия на них всеми имеющимися средствами или войсками.
— **управленческий потенциал** — институциональная сила государства (цивилизации), выраженная в эффективности управления — политического, экономического, военного.

- **факторный анализ** — метод, применяемый для изучения взаимосвязей между значениями переменных. Предполагается, что известные переменные зависят от меньшего количества неизвестных переменных и случайной ошибки.
- **характер внешних угроз** — разновидность типов угроз, зависящих от сферы их возникновения: политических, экономических, военных.
- **характер войн и вооруженных конфликтов** — структура относительно устойчивых связей, определяющих цели войн, средства достижения этих целей и масштабы военных действий.
- **характер международных войн** — совокупность наиболее важных черт и признаков современной войны как конкретного исторического явления, определяемого конкретными историческими условиями.
- **цель социально-экономического развития** — достижение состояния экономики, социальной сферы, обороны и безопасности, которое определяется участниками государственного стратегического планирования в качестве ориентира своей деятельности и характеризуется количественными и (или) качественными показателями.
- **человеческая цивилизация (ЧЦ)** — локализованное по времени и пространству современное человеческое сообщество, объединяющее нации, государства и отдельные социумы. В данной работе рассматриваются две основные формы ЧЦ: глобальная ЧЦ, как совокупная современная общность людей проживающих на планете, локальная ЧЦ — часть современно глобальной цивилизации, объединяющая цивилизационно близких людей.
- **шкалы количественных и качественных показателей** — оценка того или иного показателя для измерения его значения.

  Различают:
  - **номинальную шкалу**, предназначенную для описания того или иного объекта, его принадлежности к определенному типу или классу;
  - **порядковую шкалу**, устанавливающую предпочтения между объектами, их упорядочения по одному или нескольким признакам;
  - **шкала интервалов**, предназначенная для отображения различий между свойствами объектов, насколько один объект превосходит или уступает другому.

ГЛАВА I
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ АНАЛИЗА И ПРОГНОЗА СОВРЕМЕННОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОБСТАНОВКИ

В долгосрочной перспективе мировая
система развивалась по гиперболическому закону, или в режиме с обострением[1]
А. Белогорьев, В. Бушуев и др.

… до настоящего времени существуют нерешенные вопросы в отношении природы
и сущности войны, а также содержания основных дефиниций, определяющих специфику
данного явления применительно к конкретной исторической эпохе, в том числе
и к современной политической действительности[2]
М. Бочарников, С. Лемешев,
военные эксперты

Сталкиваясь с потребностями практического анализа и долгосрочного прогнозирования развития международной и военно-политической обстановки, неизбежно приходишь к выводу о фактическом отсутствии в российской науке теоретических и методологических работ, посвященных этим проблемам, в частности, и теории международных отношений, вообще. Фактически существует некий набор работ (преимущественно учебников и учебных пособий), которые имеют незначительную ценность для военно-политического анализа и прогноза. Это объясняется тем, что теоретическая наука в области международных отношений, внешней и военной политики в России к началу XXI века оказалась в глубоком кризисе. Во многом из-за политических и идеологических провалов 80-х и 90-х годов XX века, которые, в свою очередь стали следствием не только политических ошибок М. Горбачева и Б. Ельцина, но и тех катастрофических ошибок в советской и российской политической и исторической науке, которые были допущены в те годы. Геополитическая катастрофа, постигшая СССР и ОВД, означала для большинства стран очень серьезные, даже трагические последствия не только в политике и экономике, но и в общественно-политической науке, в самых основах восприятия бытия. В том числе в области тех остатков теории внешней и военной политики, существовавшей прежде в СССР, и доставшейся «по наследству» России.

От остатков этого наследства в современной России слишком быстро поспешили отказаться, не предложив по сути ничего оригинального взамен, кроме компиляций западных политологов. Во многом по идеологическим мотивам, но не только. Надо признать, что российский кризис конца 80-х годов начала XXI века по-разному затронул все области, но особенно сильно науку и гуманитарную сферу. Более того, в России долгое время не только не сохраняли и не развивали

---

[1] Тренды и сценарии развития мировой энергетики в первой половине XXI века / А. М. Белогорьев, В. В. Бушуев и др. — М.: ИД «Энергия», 2011. — С. 8.

[2] *Бочарников М. В., Лемешев С. В.* и др. Современные концепции войн и практика военного строительства. — М.: Экон-информ, 2013. — С. 4.

прежние, но и, как мне кажется, сознательно не создавали новые собственные научные школы. В лучшем случае просто попытались (часто, очень некритически) скопировать чужие, отказавшись (на всякий случай) фактически от самостоятельной гуманитарной науки и идеологии, присягнув политике «политического прагматизма», а по сути дела отказу от собственной отечественной науки[3].

В немалой степени на ситуацию повлияло «внимание» внешних спонсоров российской гуманитарной науки, в частности, Дж. Сороса, который тщательно следил за развитием политологии в России и представители которого в ряде институтов, в т.ч. РАН и ведомственных НИИ и вузах, чувствовали себя (и продолжают чувствовать) очень комфортно. Их влияние в значительной степени ощущается и сегодня: частично по инерции, а частично потому, что те же люди остались почти на тех же должностях и даже сделали научные карьеры, нередко определяя политические направления научного и общественно-политического развития России. Не случайно, например, «панамский скандал», вспыхнувший в апреле 2016 года, был профинансирован все тем же Дж. Сорсом, а его агенты очень «по-демократически» озаботились судьбой коррупционеров в России, «не заметив», что среди этих коррупционеров «вдруг» почему-то не оказалось американцев.

Как и в других областях жизнедеятельности российской нации в XXI веке, это, в конечном счете, потребовало своего рода «импортозамещения», которое медленно и несмело началось с начала нового века. Вновь — осторожно и несмело — появился политический и социальный заказ для собственной общественной науки. В том числе и для создания новых исследовательских центров и институтов (например, созданного по инициативе МИД РФ Совета по международным делам — РСМД). Медленно и неспешно началась постепенная реанимация старых исследовательских центров по мере формирования «пакета заказов» Министерством обороны, Министерством иностранных дел, РГНФ, РНФ и другими институтами государства[4]. Появление социального заказа, растущие потребности СМИ и выделение скромных дополнительных финансовых ресурсов привело к существенному оживлению в общественной науке.

К сожалению, пока что эти скромные усилия не привели к значительным результатам. Во многом потому, что было потеряно время, когда работы были свернуты, исчезли целые поколения ученых и научные школы. То очень немногое, что осталось от СССР в области теории, анализа и прогноза развития общества, государства и МО, и то очень немногое новое, что было создано в России в последние десятилетия, можно объединить по сути всего лишь в несколько работ, из которых, наверное, особенно выделяются по своей практической значимости работы М. Хрусталева[5], Т. Шаклеиной[6], А. Владимирова[7], А. Сидорова и Н. Клейменовой[8] и ряда (очень немногих) других российских авторов[9].

По большому счету в области теории и методологии международных отношений и военно-политической проблематики работают постоянно не более трех–четырех десятков человек, не считая небольшого числа исследователей, работающих по закрытой тематике. (Речь не идет, конечно же, о великом множестве «экспертов» и «политологов» появившихся в последние годы,

---

[3] См. также: Стратегическое прогнозирование международных отношений: кол. монография / под ред. А. И. Подберезкина, М. В. Александрова. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — С. 17–73.

[4] Первоначальный вариант главы см.: *Подберезкин А. И., Соколенко В. Г., Цырендоржиев С. Р.* Современная международная обстановка: цивилизации, идеологии, элиты. — М.: МГИМО–Университет, 2014. — С. 15–171.

[5] *Хрусталев М. А.* Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. — М.: «Аспект Пресс», 2015. 208 с.

[6] Введение в прикладной анализ международных ситуаций / под ред. Т. А. Шаклеиной. — М.: «Аспект Пресс», 2014. 256 с.

[7] *Владимиров А. И.* Основы общей теории войны: монография: в 2 ч. — М.: Синергия, 2013. Т. I, 832 с., Т. II. 976 с.

[8] *Сидоров А. Ю., Клейменова Н. Е.* История международных отношений. 1918–1939 гг. — М.: Центрополиграф, 2006. 640 с.

[9] *Боришполец К. П.* Методы политических исследований. 2-е изд. испр. и доп. — М.: «Аспект Пресс», 2010. 230 с.

но не имеющих ни образования, ни даже научной степени, ни школы, ни печатных работ, но регулярно мелькающих в СМИ). В задачу этой работы, однако, не входит анализ их позиций и оценок, которые затрагиваются лишь в том случае, когда речь идет о практических последствиях этих исследований. Как правило, негативных, но, чаще всего, просто нелепых.

В последние годы интерес к теоретической проблематике обострился в силу объективного изменения международной обстановки и появления у правящей российской элиты практической потребности в анализе, прогнозе и планировании внешнеполитических и оборонных мероприятий. Это, в свою очередь, привело к созданию многочисленных продуктов — стратегий, концепций, планов, прогнозов всех уровней — от федеральных законов (например, ФЗ «О безопасности» и «О стратегическом планировании»), Концепций и Стратегий национальной безопасности, социально-экономического развития, Военной доктрины и т.д. Все они потребовали научного, в т.ч. теоретического и методологического обеспечения, и осмысления. Сложился некий практический запрос на подобные исследования, удовлетворить который попытались те же немногие десятки организаций и коллективов (хотя, следует подчеркнуть, что их численность в сотни и тысячи раз меньше, чем только в США).

Надо сказать также, что не только М. Горбачеву и Б. Ельцину, но и их окружению, эти вопросы были просто не интересны — вся внешняя и военная политика строилась на настроении и политических амбициях захватить и удержать власть. Это постепенно привело к снижению и даже потерям интереса не только в практической дискуссии, но и к теоретическим спорам, которые до этого, а именно ко второму десятилетию XXI века, практически уже были сведены в России к нулю. Так, работы, подготовленные мною в 90-е годы («Национальная доктрина России», «Концепция национальной безопасности РФ», «Россия сегодня: реальный шанс» и др.), привлекли в то время внимание лишь очень узкой группы специалистов[10], а работа «Русский путь» хотя и была замечена, но отнесена к непопулярному в те времена творчеству государственников-патриотов.

Ситуация стала меняться с конца 90-х годов после дефолта и прихода к власти на время кабинета Е. Примакова — Ю. Маслюкова, а затем — В. Путина.

Обострение МО и ВПО, состоявшееся во втором десятилетии XXI века, объективно потребовало от руководства России поиска и разработки наиболее эффективной Стратегии национальной

Рис. 1.1. Существующая иерархия стратегий, концепций и планов национального развития и безопасности

[10] Национальная доктрина России. — М.: РАУ-корпорация, 1994; Россия сегодня: реальный шанс. — М.: РАУ-корпорация, 1999; Концепция национальной безопасности России. — М.: РАУ-корпорация, 1995 и др.

безопасности в условиях ограниченных ресурсов, что и было сделано в 2009 и 2015 годах. Эта Стратегия должна была заменить отсутствие общенациональной стратегии, которая находится в основе всех других стратегий и концепций безопасности и развития. Эту логику, которая до конца не реализована и сегодня, можно проиллюстрировать на следующем рисунке (рис. 1.1).

К сожалению, и в 2016 году в Российской Федерации отсутствуют не только целые области прогноза и планирования, но даже понимание об их необходимости. В июне 2016 года по решению Президента РФ впервые был создан Совет при Президенте России, который должен ответить на многие вопросы, ответов на которые пока что нет ни в законодательных и нормативных документах, ни в теории, а именно:

— дать стратегический прогноз и соответствующие рекомендации в области стратегического планирования развития МО и ВПО, как минимум, до 2040–2050 годов;
— создать систему законодательно-нормативных документов, обеспечивающих долгосрочное планирование, которая сегодня сводится к нескольким ФЗ и Указам Президента РФ;
— создать эффективный механизм управления, во-первых, обеспечением национальной безопасности, а, во-вторых, развитием нации;
— рассмотреть развитие России и обеспечение ее безопасности в широком контексте развития МО и ВПО, а также противоборства локальных человеческих цивилизаций, центров силы и их коалиций.

Естественно, что эта работа не может быть реализована без соответствующей теоретической, методологической и методической базы, с создания которой необходимо начинать для того, чтобы практические политические и иные задачи решались наиболее эффективно и адекватно.

1.1. ИРРАЦИОНАЛЬНОСТЬ И ВОЗМОЖНОСТЬ НАУЧНОГО СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПРОГНОЗА РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОБСТАНОВКИ

Мы недооценили значение иррациональных факторов в деятельности человечества[11]
А. Гринспен

… это такое … домашнее мероприятие, скорее всего американское
(о «ядерном саммите в Вашингтоне в апреле 2016 г.)[12]
В. Путин,
Президент России

Избежать субъективности, хаотичности и непредсказуемости в политике (ее анализе и прогнозе можно только основываясь на некой системе политико-идеологических взглядов. Как и любая социальная деятельность человека, политика, в т.ч. внешняя (и особенно в области безопасности), носит крайне субъективный характер, что ставит нередко под сомнение вообще саму возможность ее научного анализа, а тем более долгосрочного прогноза. Этот субъективизм в политике и политической науке приобретает нередко абсолютно иррациональные черты, которые вносят дополнительные переменные в многочисленные факторы формирования внешней политики. Как справедливо отмечает российский социолог Ш. Султанов, «… в „стратегическом сознании", даже для высоколобого интеллектуала много тайны, мистики, неопределенности, неясности. Словно в реальной жизни»[13]. Попытки формализовать эти процессы, конечно же,

[11] *Гринспен А.* Карта и территория: Риск, человеческая природа и проблемы прогнозирования. Альпина Паблишер, 2015. — 412 с.

[12] Путин рассказал, что не поехал на ядерный саммит по совету экспертов. — М.: АИФ, 2016. 7 апреля / http://www.aif.ru/politics/world/putin_rasskazal_chto_ne_poehal_na _yadernyy_sammit_po_sovetu_ekspertov

[13] *Султанов Ш. З.* Стратегическое сознание и мировая революция. — М.: Книжный мир, 2016. — С. 5.

предпринимаются, но пока что они очевидно недостаточны. И, надо признать, далеки от реальных результатов.

Тем не менее, ряд авторов, включая меня, полагает, что научный анализ и прогноз внешней политики не только необходим, но и обязателен в условиях формирования и развития многочисленных и достаточно устойчивых факторов и тенденций, которые задают некие объективные границы для действия субъективных и иррациональных факторов. Надо признать, что за рубежом — и не только в странах-лидерах — США и Великобритании, — где долгосрочными прогнозами занимаются многочисленные и профессиональные группы исследователей, — но и в Канаде, Австралии, Новой Зеландии, Израиле, Франции, в самые последние годы появилось множество качественных прогнозов.

В значительно меньшей степени этой проблематикой занимаются и в России. Прежде всего, там, где это нужно в силу необходимости долгосрочного планирования, например, в Министерстве обороны, энергетики, экономики. Однако вряд ли результаты, пока что, можно назвать удовлетворительными.

Определенную лепту вносят в эту работу и отдельные группы исследователей. В частности, мною и моими коллегами был подготовлен ряд подобных работ в 2013–2016 годах в Центре военно-политических исследований МГИМО–Университета и Концерна ВКО «Алмаз-Антей»[14]. Авторы этих работ полагают, что перед современной политической наукой и аналитикой стоит задача минимизировать[15] по возможности негативное влияние субъективных факторов в оценке,

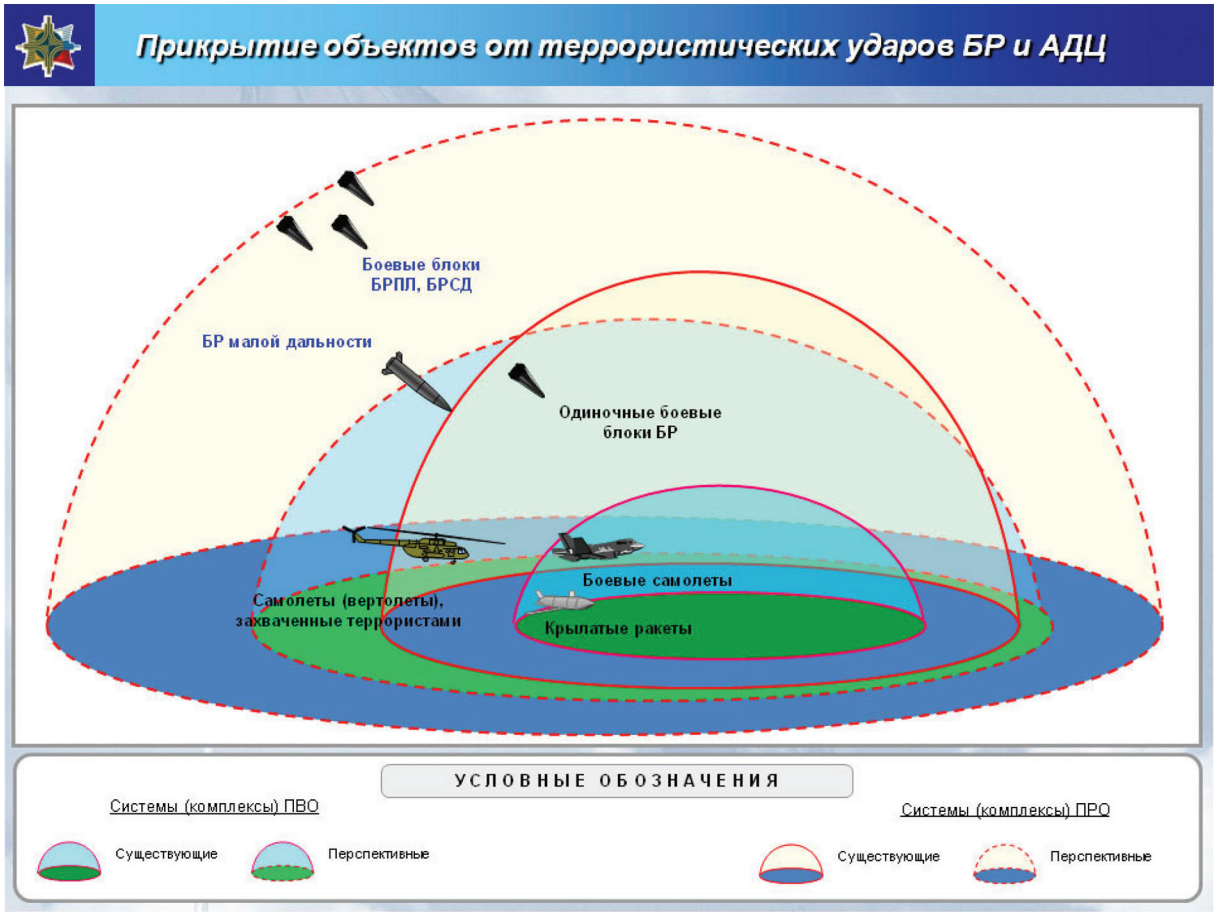

Рис. 1.2.

[14] См., например: *Подберезкин А. И., Харкевич М. В.* Мир и война в XXI веке: опыт долгосрочного прогнозирования развития международных отношений. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — 581 с.

[15] Минимизировать — не значит не учитывать, а тем более — не использовать.

анализе и стратегическом прогнозе МО. Это можно сделать несколькими способами, не только опираясь, прежде всего, на профессионализм экспертов, достоверную информацию, логику и объективный научный анализ и методы исследования, но и логические, теоретические и идеологические основы внешней и военной политики. Особенно, если все эти действия просчитаны, и сделаны заранее, а процесс их контроля и актуализации не прекращается: системный логико-теоретический и политико-идеологический анализ и прогноз исключают полную хаотизацию обстановки случайными событиями. Даже такие классические методические основы исследования, как использование самых различных методов, как совокупности приемов и операций практического и теоретического понимания действительности, подчиненных решению конкретной задачи (в частности прогнозу развития МО и ВПО), измерение мощи и влияния субъектов МО, их сравнение и сопоставление, а также анализ и синтез современной МО и ВПО, и, особенно, — такие формы мышления как индукция, дедукция и метод современной абдукции способны существенно помочь в понимании сути и прогнозе будущего развития ЛЧЦ, развития различных сценариев и их вариантов МО и ВПО.

Так, например, если вы принимаете концепцию защиты (ПРО и ПВО) от террористических, одиночных ударов, то вы должны иметь четкий план ее развития (рис. 1.2).

Кроме того, успехи в области сбора, обработки, систематизации и анализа информации в XXI веке предоставляют уникальные возможности, которые в ряде случаев приближаются к возможностям искусственного интеллекта в области анализа и прогноза МО и ВПО в мире. И, как ожидается, еще более увеличатся в связи с появлением веб 2.0, веб 3.0 и веб 4.0 технологий. Так, методы количественных исследований и сопоставлений, сделанные на основе крупных баз данных, могут давать существенную качественную информацию для стратегического прогноза, например, соотношения военных сил вообще и личного состава вооруженных сил, в частности. Например уже сегодня мы можем не только точно сказать численность ВС практически всех государств и коалиций, но и дать количественный и качественный прогноз их развития на долгосрочную перспективу, основываясь на открытых данных.

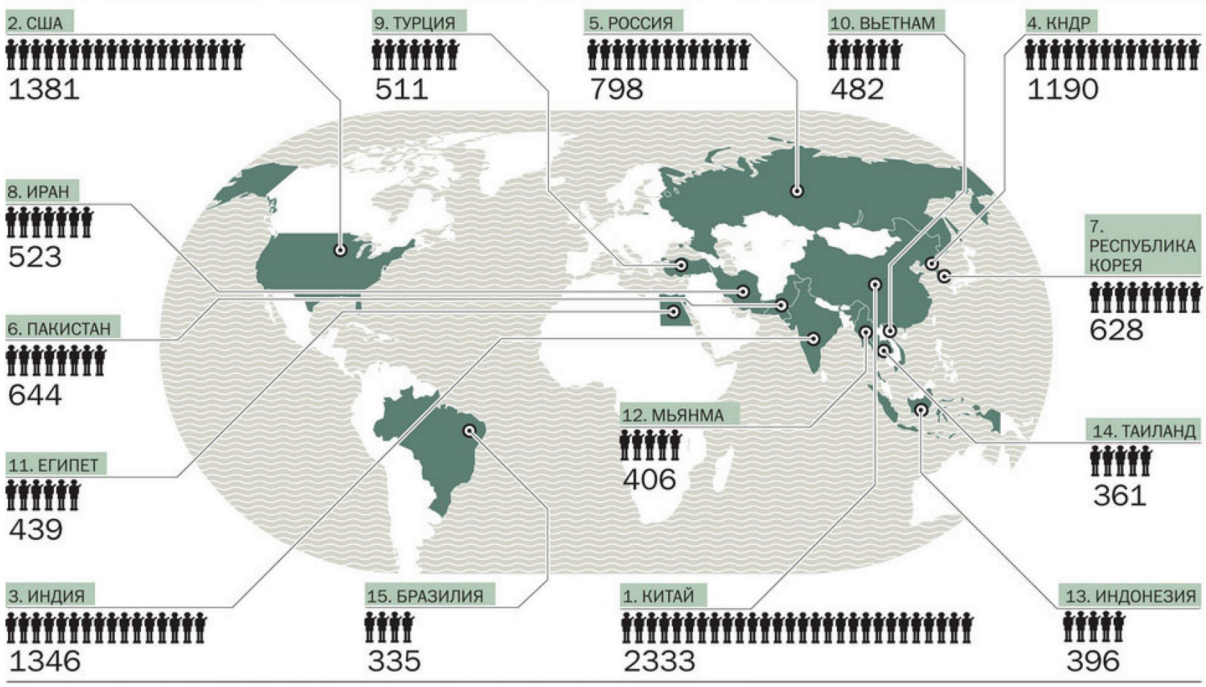

Рис. 1.3[16]. Страны с наибольшей численностью вооруженных сил (тыс. человек)

[16] World Military Balance 2016 исследовательского института International Institute for Security Studies (IISS).

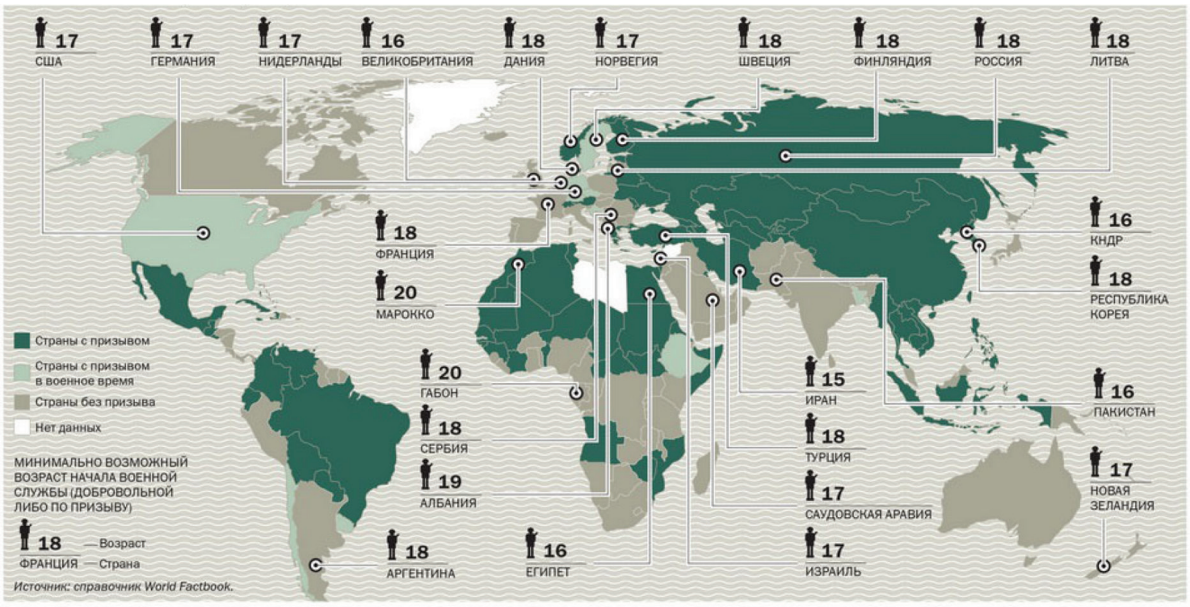

Рис. 1.4[17]. Призыв на военную службы в мире

Рис. 1.5[18]. Страны мира с наибольшей и наименьшей стоимостью содержания одного военнослужащего*

Субъективность анализа МО и особенно ВПО, а тем более СО и войн хорошо известна (так, например, до сих пор историки расходятся во мнении, кто же победил, в конечном счете, в Бородинском сражении), но именно эта субъективность требует, чтобы в предварительной научной работе максимально доминировали объективные научные методы анализа современной, а тем будущей МО и развитие её сценариев в долгосрочной перспективе. Иначе говоря, для того, чтобы заранее максимально подготовиться к возможному, а тем более вероятному развитию различных сценариев международной и военно-политической обстановки, их конкретизации в наиболее вероятных вариантах сценариев. Это значит, что необходимо сделать максимально полные «заготовки» и полноценные, «планы» действий, а национальную стратегию развития (в том числе стратегию социально-экономического развития России и даже отраслевые и региональные стратегии) планировать изначально уже с учетом развития таких сценариев и их вариантов[19]. Так, например, мы убеждены, что очередную стратегию социально-экономического развития Дальнего Востока, Забайкалья и Курил невозможно готовить (хотя это и делается) без стратегического прогноза развития международной и военно-политической обстановки на юго-востоке Евразии, влияния развития транспортных коридоров (не только в Евразии, но и, например, Суэцкого канала)

[17] http://im3.kommersant.site/ISSUES.PHOTO/CORP/2016/05/11/03%20WAR%20R%20for%20site%20.jpg

[18] Расчеты «Денег» на основе данных справочника World Military Balance 2016 исследовательского института International Institute for Security Studies (IISS).

[19] См., например: *Подберезкин А. И., Харкевич М. В.* Мир и война в XXI веке: опыт долгосрочного прогнозирования развития международных отношений. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — 581 с.

и внешней торговли между основными ЛЧЦ и центрами силы в мире. Как, например, в этой связи учитывается активность КНР в Пакистане или Шри-Ланке, где создается логистическая, промышленная, а также военная инфраструктура?[20] Или каким образом повлияет увеличение в 2016 году пропускной способности Панамского или Суэцкого канала (или, тем более, строительства с участием КНР канала в Никарагуа?

Очень важна такая функция анализа и прогноза развития МО как идеология и системное управление, которые нередко не учитываются. Между тем в XXI веке идеология и формирование (в т.ч. с помощью силы) системы ценностей той или иной ЛЧЦ становятся основой внешней политики. На одном из «круглых столов» в России в 2015 году немецкий политолог А. Рар даже признал, что в ЕС происходит «мучительный переход в политике от национальных интересов к системе ценностей». Это означает, что не только научное обоснование, сбор, обработка, систематизация информации и подготовка вариантов для принятия стратегических решений, но и идеологическая основа и теория создают реальную научную основу для современного и будущего эффективного государственного управления. Особенно, если учитывать необходимость согласования подготовки и принятия таких решений как «сверху-вниз», так и «по-горизонтали», между ведомствами и институтами государства и общества. Соответственно и участие в таком анализе и прогнозе должны принимать не искусственно отобранный очень узкий круг лиц — что является в России современной практикой, — а достаточно широкое экспертное и политическое сообщество.

Наконец, объективный теоретический и идеологический анализ требуется также для того, чтобы в виртуальной реальности (сознательно формируемой и, порой, малоотличаемой от действительности) знать реальное, истинное, состояние не только отдельных субъектов и акторов, но и всей системы МО и основных тенденций в ее развитии[21]. Война на Украине 2014–2016 годов продемонстрировала абсолютную полярность и необъективность в оценках событий, действий, потерь, которая превзошла все предыдущие расхождения в оценках войн и конфликтов. Одно и то же событие (или его отсутствие) трактовалось и трактуются одновременно не только в противоположных лагерях, но и внутри оных, совершенно по-разному, что требует для лиц, принимающих решения, своего собственного, «личного», анализа, понимания и объяснения.

Искажение действительности в политике — невольное или сознательное — происходило и прежде, но в XXI веке оно приобрело другое качество: изначально прогнозируется, планируется и создается заведомо ложная, «виртуальная» реальность, под которую позже, с помощью самых разных средств, подгоняется реальная действительность. Так, если в начале 1990-х годов в Европе создавалась ложная, «виртуальная» реальность «Югославия-агрессор», которую потом превратили в подлинную, реальную МО, вокруг этой страны, по отношению к которой применили военную силу. Сегодня то же самое делается и по отношению к России, что иногда вводит в заблуждение не только общество, но и некоторых представителей правящей элиты страны, считающих, что эту «ошибку» политики западной ЛЧЦ можно исправить объяснениями, аргументами или комментариями.

Следует признать, что такую ложную, «виртуальную» реальность в условиях и при существующих возможностях XXI века можно создать практически всегда, т.е. эта практика повседневна, обычна. Опыт формирования такой «виртуальной» реальности — врага в лице «чужого» русского народа и создания враждебной МО и ВПО на Украине — показывает, что наличие некоторого ресурса времени, медийных, финансовых и других даже незначительных возможностей и ресурсов может привести к полному искажению практически любой международной реальности до неузнаваемости[22]. Это сознательное и тщательно планируемое искажение действительности бессмысленно пытаться объяснить «ошибками» политиков и СМИ, научными и информационными провалами.

---

[20] China responds positively to Sri Lanka's development plans, looks forward to PM's visit Wed. ColomboPage. Mar 2, 2016 / http://www.colombopage.com/

[21] *Подберезкин А. И.* Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — С. 25–75.

[22] *Подберезкин А. И.* Военные угрозы России. — М.: МГИМО–Университет, 2014.

Их можно объяснить только с идеологической точки зрения, соответствующей политикой, когда сознательно формируется ложная система взглядов в качестве принципиально новой парадигмы. Так, бессмысленно пытаться понять логику действий правящей элиты на Украине с научной и даже политической точки зрения. Она — абсурдна. Но она отнюдь не абсурдна с точки зрения идеологии, а именно создания (даже путем огромных издержек) образа врага из России, а также превращения украинцев в русофобов, которых можно будет использовать в войне против России.

В этих условиях методы научного исследования, как теоретические, логические, так и эмпирические, крайне необходимы, ибо предоставляют не только конкретные результаты исследований — выводы, анализы и прогнозы, — но и необходимый конкретный контент для информационной и пропагандистское борьбы, которую можно назвать «борьбой за объективную реальность» между ЛЧЦ. Та ЛЧЦ, которая сможет создать собственную «виртуальную реальность» и навязать ее другим ЛЧЦ, сможет, в конечном счете, и превратить эту «виртуальную реальность» в реальность политическую, экономическую, финансовую и даже военную[23]. Этим, в частности, объясняется резкое повышение эффективности невоенных силовых средств новой публичной дипломатии.

Именно поэтому важны максимально объективные — теоретические, логические и идеологические — методы политико-идеологического научного анализа МО, ВПО и СО, минимизирующие субъективное, а тем более сознательно искаженное, ощущение, ложное восприятие правящей элитой и общественностью существующих реалий и неизбежных ошибочных неверных выводов.

Последовательность этих методов может быть представлена в виде самого простого и общего плана действий в результате, которого, однако, потребуется, не только, как минимум, научное осмысление и дискуссия, но и обсуждение и критика дальнейших этих действий, на каждом из этапов. Все эти этапы неизбежно составляют некую идеологию, т.е. систему взглядов, своего рода «идеологию анализа и прогноза МО», представляющую собой логическую и обоснованную концепцию, а не искусственно придуманную идеологическую систему (как до сих пор пытаются нас в этом убедить), «навязываемую обществу». Это может быть, как у А. Тойнби или С. Хантингтона, даже идеологическая концепция «борьбы цивилизаций» (отрицающая силу идеологии), или что-то иное, но такая концепция как метод индукции и даже абдукции должна быть в основе анализа и прогноза, что поможет избежать простого нагромождения фактов (рис. 1.6).

Главное в этом подходе то, что изначально, на самом первом этапе, создается некая теория или политико-идеологическая концепция как система взглядов на сущность и особенности развития МО. Естественно, что такая абстрактно-логическая работа предполагает, что занимающиеся ей эксперты «глубоко погружены» в политические реалии, а не витают в облаках умозрительных теорий, а сама концепция является максимально ориентированной на практическую политику. Даже плохая теория или план — лучше их отсутствия.

В дальнейшем (если сохраняется последовательность) происходит уточнение и корректировка этой теории или общей политико-идеологической концепции, наполнение ее важнейшими сущностными деталями (в т.ч. противоречивыми) и развитие, актуализация до конкретного практического уровня. При этом отход от предлагаемой общей концепции (а не только ее корректировка) вполне допускается, но с обязательной заменой другой, более обоснованной, а значит и правомерной концепцией.

Очень важно, чтобы такая политико-идеологическая и логико-теоретическая концепция была не абстрактным слепком с чужого опыта, не заимствованием, а принципиально оригинальной, привязанной к реалиям конкретного субъекта МО и ВПО. К сожалению, в России еще с советских времен стали популярны некие абстрактно-логические схемы, в основе которых лежат математические или управленческие законы и алгоритмы, абсолютно далекие от социально-политических, исторических и иных реалий ЛЧЦ или нации. Они нередко объявлялись (публично и фактически) «единственно научными» просто на основании суждений относительно того, что

---

[23] *Подберезкин А. И., Соколенко В. Г., Цырендоржиев С. Р.* Современная международная обстановка: цивилизации, идеологии, элиты. — М.: МГИМО–Университет, 2014. — С. 194–209.

Рис. 1.6.

математические методы — единственно научные, — а гуманитарные — нет. Это заблуждение во многом способствовало появлению политической и экономической эклектики М. Горбачева и Б. Ельцина, а также сохраняется до сего дня, в наиболее яркой форме, в подходах к реформам в здравоохранении и образовании, где количественные методы «оказания услуг» уже вытеснили содержательные методы обучения и лечения.

Подобный приоритетный подход к изначально политико-идеологическим концепциям, теориям и планам, основанный на исключительно существующих в настоящее время реалиях, означает отказ от прежних подходов, когда любая концептуальность изначально просто отрицалась (а стратегическое планирование и прогноз предавались анафеме вместе с практикой Госплана), а сегодня фактически игнорируется «менеджерами». Так, «строить» реалистическую концепцию анализа и прогноза МО в сентябре 2015 года в России (опираясь на реалии МО и ВПО, экономики и пр.) означает изначальный отказ от псевдо-моделей 2000, 2010 и даже 2014 годов, что в действительности и происходит, но хаотично, без политико-идеологической концепции. Стратегия национальной безопасности, принятая 31 декабря 2015 года, например, фактически означает отказ от многих установок первого десятилетия (и даже СНБ 2009 г.), и практически всех положений 90-х годов, но и эта Стратегия так и не стала системой политико-идеологических взглядов, оставшись набором прагматических оценок начала второго десятилетия XXI века.

Как видно из этого (пока что не существующего политико-идеологического) плана, конечный результат анализа и прогноза выражается в практических выводах и предложениях, имеющих вполне конкретный характер. Причем, ориентированных на конкретных представителей правящей элиты. Так, очевидно, что выводы и практические рекомендации для МИД РФ и конкретно С. Лаврова будут одни, а для МО РФ и С. Шойгу — другие, отличающиеся не только деталями, но

и предметом анализа и конкретными особенностями, даже если речь идет о достаточно общей теме, например, безопасности России, понимаемой в МИД «широко», а в МО — более «узко» (только как военная безопасность). Самого же общего плана как не было, так и нет до сих пор.

Тем важнее для этой работы теоретическое и логическое обоснование общей политико-идеологической модели концепции и ее идеологии. Мы убеждены, что только количественный анализ и описание только эмпирических событий и тенденций, происходящих в МО и ВПО, мало что дает, если оно не оформлено в рамках некой концепции, предлагающей гипотезу анализа и прогноза развития МО и ВПО в настоящее время и в будущем, которая может быть подтверждена фактическим развитием событий. Пока что этого, к сожалению, нет: никто в правящей элите не несет и ответственности за свои ложные, вредные и даже опасные убеждения, которые не оправдались и нанесли ущерб нации. Ни в области финансов, экономики, ни в области внутренней и внешней политики.

Поэтому нужна именно самая общая политико-идеологическая концепция и гипотеза, модель. Даже если эта гипотеза и модель несовершенны, они позволяют проследить логику и динамику развития многих тысяч факторов и тенденций, определяющих настоящую и будущую МО, но, главное, определить ошибку и ответственных. Здесь уместна аналогия с планом военного сражения, когда лучше, если этот план (даже плохой) существует чем, когда его нет вообще, и очень важно, чтобы он (пусть даже плохо), но выполнялся. Сегодня в России нет ни первого, ни второго. Именно поэтому, в конечном счете, служат теоретические и идеологические основы анализа и долгосрочного прогноза развития МО и ВПО.

1.2. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ АНАЛИЗА И СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОБСТАНОВКИ В РОССИИ[24]

… Дмитрий Медведев поручил создать рабочую группу по подготовке стратегии социально-экономического развития России до 2030 года[25]
Официальный сайт Правительства РФ

Сегодня крайне актуальны и востребованы профессиональные и фактически обоснованные прогнозы геополитического характера[26]
С. Нарышкин, Председатель Госдумы ФС РФ

Проблемы существующие в анализе и стратегическом прогнозе развития МО и ВПО в России являются частным случаем, проявлением накопившихся политических, научных и идеологических проблем. Они проявляются в точности анализа и прогноза национального развития страны и отдельных аспектов ее развития — социального, экономического, финансового, других, — их влияния на формирование современной МО, имеющих порой крайне противоречивый и неопределенный характер. Стало общим местом говорить о «турбулентности», «непредсказуемости», даже «хаотичности» развития МО, что, естественно, отражается и на попытках формулирования этой ситуации в официальных документах. Как справедливо заметил по этому поводу С. Лавров, «Мы, наверное, смотрим одинаково на те процессы, которые показывают, что период неопределенности в мировых

[24] См. подробнее: Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А. И. Подберезкина. — М.: МГИМО–Университет, 2015. Т. I. — С. 51–76.

[25] Для России напишут новую стратегию развития до 2030 года / Ведомости. 2015. 21 июля.

[26] *Нарышкин С. Е.* Вступительное слово // *Подберезкин А. И., Султанов Р. Ш., Харкевич М. В.* [и др.]. Долгосрочное прогнозирование развития международной обстановки: аналитич. доклад. — М.: МГИМО–Университет, 2014. — С. 3.

делах продолжается… и мы стараемся отражать эту тенденцию в наших основополагающих доктринальных документах — это стратегия национальной безопасности России, концепция внешней политики»[27]. Другими словами, министр иностранных дел России, осторожно («наверное») сказал, что мы не знаем наверняка что происходит («период неопределенности продолжается»), а также, что это наше незнание и неуверенность… «отражается в официальных документах».

И действительно, если полагать, что именно Стратегия национальной безопасности (в редакции 31 декабря 2015 года) отражает эту нашу неуверенность и неопределенность развития МО и ВПО на нормативном уровне и она же является базовым документом для всех других концепций, стратегий и доктрин (включая Концепцию внешней политики России, новая редакция которой должна быть осенью 2016 года), то мы можем констатировать, что все планы развития России упираются в неизвестность будущей МО и ВПО, а поэтому очень условны.

В конечном случае, прогноз развития МО и ВПО нам нужен для того, чтобы сформулировать, максимально эффективную национальную стратегию безопасности и развития, и ее отдельные части — экономическую, социальную, внешнеполитическую, военную, информационную и др. Без понимания ясной цели развития и приоритетов в распределении ресурсов нам крайне трудно адекватно оценить и спрогнозировать то, что мы хотим от перспективы развития МО, наш интерес и нашу роль, «Круг» замыкается: без ясной политико-идеологической цели, четкого образа будущего и вытекающей из этого образа цели стратегии, а также определения приоритетов в распределении ресурсов мы не можем сформулировать своего отношения понимания и к будущей МО, а без адекватной оценки будущей МО мы, в свою очередь, не можем сформулировать свою национальную стратегию и сформулировать основы стратегического планирования. Этому, в частности, посвящена отдельная работа[28].

Ситуация осложняется тем, что всерьез задачей прогнозирования будущей МО и ВПО в России не занимались (в отличие от Запада, где подобных работ — государственных и частных — огромное количество), а те немногие работы, которые есть, — очень общие, не конкретные и, порой, откровенно слабые. Об этом свидетельствует, например, поручение подготовить очередную долгосрочную стратегию социально-экономического развития России до 2030 года, данное летом 2015 года. Символично, что это поручение дается тем же исполнителям (судя по тому, кто был участниками встречи: В. Мау и Я. Кузьминову), которые готовили соответствующие «Концепции» и «Стратегии» социально-экономического развития в 2007–2008 годах и в последующие годы. И с теми же, вероятно, результатами: о них сразу же забывали уже через месяц–два. Более того, «с момента принятия Стратегии — 2020, — по откровенному признанию А. Кудрина, — у правительства нет единой программы стратегических действий», а Г. Греф (который начал свою карьеру в 2000 году с разработки долгосрочного прогноза и программы правительства), даже сказал о том, что «мы обсуждаем ситуацию, которая была вчера, но никто не обсуждает, что будет завтра»[29]. Именно так он говорил и осенью 1999 года, т.е. более 15 лет назад.

Собственно эти факты свидетельствуют о состоянии стратегического прогнозирования не только в экономике, но и в МО и ВПО в современной России: если мы не можем профессионально прогнозировать и планировать на самом верхнем — (политико-идеологическом) и более низком (социально-экономическом) уровнях, то частные прогнозы, к которым относятся конкретные прогнозы развития МО и ВПО, вытекающие во многом из предыдущих, заведомо не могут быть точными[30]. Очевидно, что и научный и экспертный уровень таких прогнозов не может быть в принципе высоким, хотя

---

[27] МИД РФ по поручению президента разрабатывает новую редакцию внешней политики. — ТАСС. 9 апреля 2016 г. / http://tass.ru/politika

[28] *Подберезкин А. И., Соколенко В. Г., Цырендоржиев С. Р.* Современная международная обстановка: цивилизации, идеологии, элиты. — М.: МГИМО–Университет, 2014. — 464 с.

[29] *Кувшинова О., Лютова М.* Для России напишут новую стратегию развития до 2020 года / Ведомости. 2015. 21 июля.

[30] См., например: Интересы России в Центральной Азии: содержание, перспективы, ограничители. — РСМД, 2013. — №10.

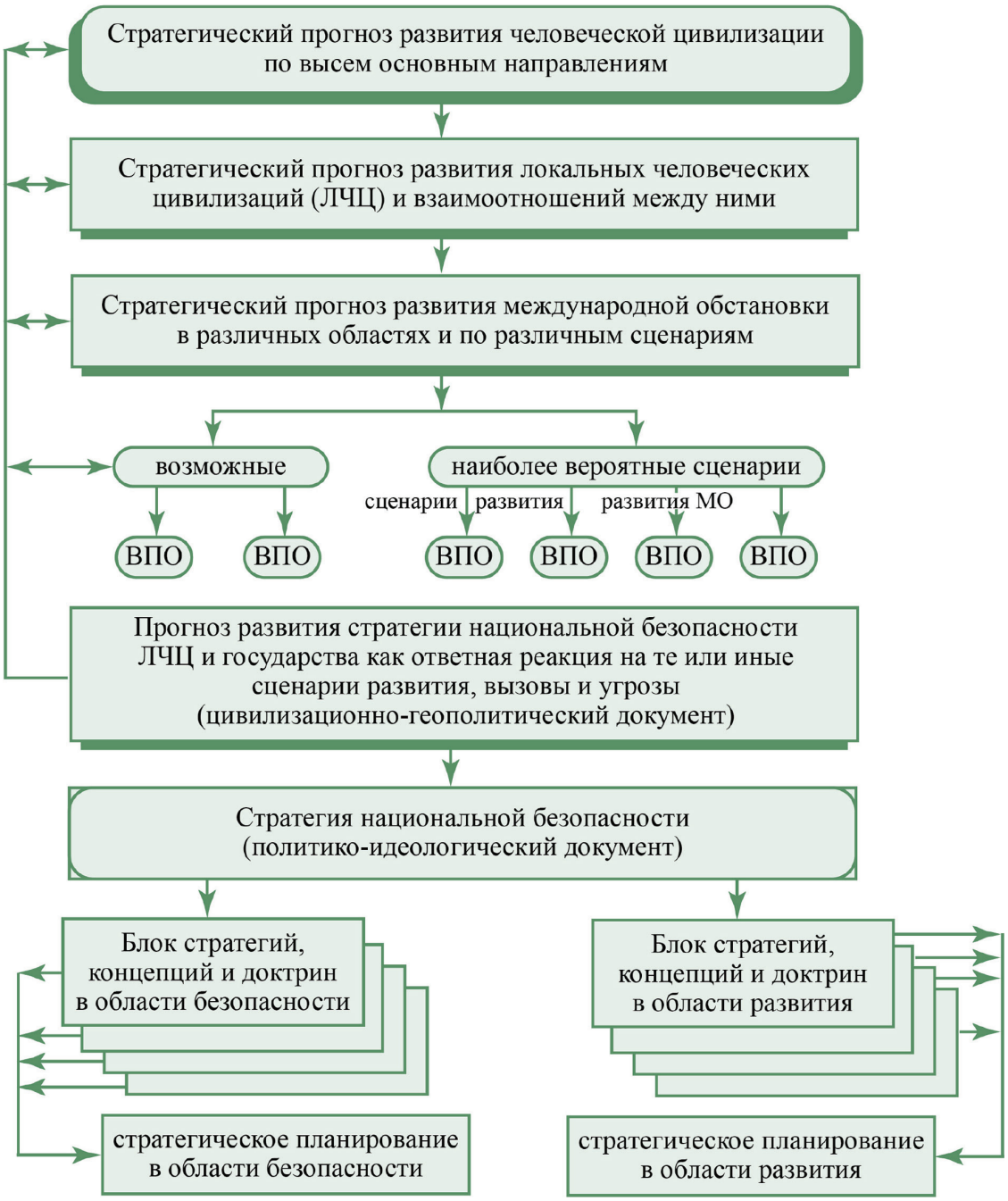

Рис. 1.7. Последовательность разработки стратегических прогнозов

в МИД РФ и Генеральном Штабе, безусловно, не могут всерьез не заниматься такими прогнозами[31]. Прежде всего потому, что не решены самые общие, теоретические и методологические прогнозы.

Как видно из рисунка 1.7, в российской политической практике и науке практически отсутствуют «верхние» уровни стратегического прогноза. Более того, даже на уровне документа о стратегии национальной безопасности существует указ Президента РФ, который ни по форме, ни по своему содержанию не является общенациональным. Не является он и основой для документов

[31] См., например: *Подберезкин А. И.* [и др.] Долгосрочное прогнозирование развития международной обстановки: аналитич. доклад. — М.: МГИМО–Университет, 2014. — С. 105.

более низкого уровня, хотя и декларирует это. Об этом достаточно подробно будет говориться ниже в соответствующем разделе[32].

Иными словами в нашем стратегическом планировании мы беремся за решение частных вопросов, не уяснив себе ответов на более общие. Очевидно, что подобная ситуация в общенациональной области неизбежно переносится и на теоретическую и методологическую области стратегического анализа и прогноза в МО и ВПО. Естественно, что это сказывается на эффективности управления. Характеризуя такое теоретическое состояние в области анализа и стратегического прогноза современной МО, профессор МГИМО Т. Шаклеина осторожно заметила (что, однако, позволяет понять уровень, на котором находятся наши познания в этой области): «В условиях усложняющейся структуры мировой системы, снижения ее управляемости, роста непредсказуемости и нестабильности … снижение роли качественного систематического анализа … уже привело к серьезным последствиям во внешнеполитическом планировании…»[33].

В начале XXI века уже не только в МИД и МО РФ, ГД и СФ ФС, Совете Безопасности, но и в партиях, различных общественных организациях, стали периодически обсуждаться самые общие вопросы безопасности, требующие профессиональных знаний, опыта и специалистов. К сожалению, таковых уже к 2016 году осталось мало, что естественно отражается на уровне и качестве обсуждений. Особенно, если такие обсуждения проходят публично или на площадках тех или иных СМИ.

Вместе с тем такой всплеск интереса, подогретый ростом напряженности, внешней угрозы и выборами в Государственную Думу РФ, имеет и положительную сторону: очевидно, что возросший интерес вытекал как из политического курса В. Путина по возвращению суверенитета России, так и поиска эффективной стратегии развития. В рамках этой тенденции можно считать, например, появление серии работ Центра военно-политических исследований, среди которых хотелось бы выделить серию аналитических докладов и книг, посвященных анализу и прогнозу международной и военно-политической обстановки в России[34], где авторы попытались по-своему подойти к решению этой проблемы.

Эти и другие работы экспертов в минимальной степени затрагивали субъективные факторы формирования МО, прежде всего связанные с политико-идеологической деятельностью правящей элиты или человека (За исключением нескольких работ О. Крыштановской и О. Гаман-Голутвиной, которые были посвящены анализу российских элит). Между тем социально-политическая деятельность человека — наиболее сильный, но и наименее предсказуемый процесс, радикально влияющий на политику, особенно военную, — который резко ограничивает реальные возможности науки в этой области. Основная задача научного анализа и прогноза развития МО и ВПО поэтому заключается не только собственно в исследовании, но и в том, чтобы максимально постараться избежать неадекватности, субъективности и непрофессионализма в анализе и оценке МО, что, к сожалению, на практике случается очень редко. В реальности чаще всего мы сталкиваемся с ситуацией, когда важнейшие внешнеполитические и военные решения принимаются под воздействием сугубо субъективных обстоятельств, имеющих под собой очень слабую и даже сомнительную объективную основу. Так, решения о нападении на Южную Осетию М. Саакашвили или о начале применения тяжелого вооружения против оппозиции на юго-востоке Украины были именно решениями такого порядка.

Это происходит отчасти по вполне понятным и объяснимым причинам — отсутствия полноты информации, недостатка времени, эмоциональной неустойчивости и др.[35], но в немалой

---

[32] См. также подробнее: Проект долгосрочной стратегии национальной безопасности России с методическими и методологическими комментариями: аналитич. доклад / [А.И. Подберезкин (рук. авт. кол.] и др. — М.: МГИМО–Университет, 2016. Июль. — 86 с.

[33] Введение в прикладной анализ международных ситуаций / под ред. А.Т. Шаклеина. — М.: Аспект–Пресс, МГИМО, 2014.

[34] Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А.И. Подберезкина. — М.: МГИМО–Университет, 2015. Т. I, 796 с., Т. II. 722 с.; *Подберезкин А.И.* Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — 169 с.

[35] *Кувшинова О., Лютова М.* Для России напишут новую стратегию развития до 2020 года / Ведомости. 2015. 21 июля.

степени и из-за непрофессионализма политиков. Ни грузинскую, ни украинскую правящие элиты профессиональными не назовешь. Я нередко становился сам участником и свидетелем развития такой обстановки в 90-х годах, когда лица, принимающие решения находились порой в неадекватном состоянии: перехлестывали эмоции, поступало много ложной информации, было страшно от ответственности и т.д. Такие ситуации я наблюдал из Кремля и Белого дома в августе 1991 г., сентябре–октябре 1993 г., а также в ходе военных конфликтов в Ингушетии, Приднестровье, Югославии и в других случаях.

Оценки и решения, принимаемые в этих условиях, которые приходилось наблюдать, были, порой не просто противоречивыми, но иногда и прямо противоположными. (Именно это мы наблюдаем, чуть ли не ежедневно на Украине). Ожидать, — с другой стороны, — что в условиях политического и военного кризиса, а тем более масштабной войны, все решения будут приниматься трезво, обосновано, логично и правильно, — заведомая наивность и серьезное допущение[36]. Более того, было бы правильно изначально исходить вообще не только из невозможности точного анализа международной обстановки, в принципе, что, естественно, неизбежно транслируется и переносится на реалистичность анализа ВПО.

Исторических примеров принятия таких неадекватных политических и военных решений очень много. Еще больше тех, о которых мы просто не знаем. Тем более что мы часто не знаем подлинные мотивы принятия даже очень крупных и важных решений и реальной обстановки, которая могла существовать в то время. Хрестоматийный пример — развитие в октябре 1962 года так называемого «кубинского кризиса», который был абсолютно не просчитан ни с политической, ни стратегической, ни военно-технической точки зрения, но чуть не привел к военному конфликту.

Существует великое множество других примеров. Так, мало кто знает, например, что крупнейшее танковое сражение Второй мировой войны было не на «Курской дуге», а в самые первые дни войны, 23–25 июня 1941 года, когда механизированные советские корпуса (насчитывавшие более 3500 танков) контратаковали немецкие танковые колонны (в которых было порядка 800 танков). Это было не только крупнейшее сражение, но и первое встречное танковое сражение в мире. Более того, впервые танки стали основным средством борьбы с танками, что совершенно не соответствовало представлениям о военном искусстве тех лет. Другими словами, мы вообще оставили вне эпицентра внимания две очень важные особенности, характеризующие всю Вторую мировую войну.

Мы и сегодня даже точно не знаем, правильное ли было это решение и кто его реальный автор — Г. Жуков или И. Сталин, или кто-то другой. — Этот вопрос так до конца и не ясный, хотя масштаб этого события впечатляет и сегодня. Ясно только одно: это решение шло вопреки существовавшей в то время в СССР политической и военной доктрине, военно-техническим особенностям и военному искусству того времени, т.е. было со всех точек зрения неадекватным (Ошибочным? Преступным? Неправильным?).

Вместе с тем я являюсь сторонником той точки зрения, что в принятии того или иного политического решения, которое выглядит субъективно, есть своя объективная логика и свои объективные условия, которые делают возможным такой политический субъективизм. Так, если говорить о танковых атаках в июне 1941 года, то надо признать, что им предшествовало решение о воссоздании танковых корпусов, а также массовом производстве танков в 1938–1941 годах. То же самое можно сказать и о кубинском кризисе, который вытекал из размещения американских ракет «Тор» и «Юпитер» в Турции и Италии, с одной стороны, и возможностей СССР массового производства своих БР уже в конце 50-х годов.

Другими словами любой политический субъективизм, даже самый неожиданный, вытекает из неких объективных условий и закономерностей, которые можно анализировать и прогнозировать.

---

[36] См. подробнее: Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А.И. Подберезкина. — М.: МГИМО–Университет, 2015.

1.2. а). Современная международная обстановка как предмет стратегического прогноза

В США глубоко укоренилось мнение,
что недалек тот день, когда страна потерпит крах[37]
Дж. Фридман,
политолог

Современный мир характеризуется существенным усилением хаотизации мировой политики. Непредсказуемость в этой сфере становится выше, чем в экономике[38]
Я. Новиков,
Генеральный директор Концерна ВКО «Алмаз-Антей»

Для того, чтобы дать ответ на вопрос об возможности анализа и прогноза современной международной обстановки важно, прежде всего, договориться о том, что мы понимаем под термином «международная обстановка», т.е. о предмете исследования, и попытаться дать ему, как минимум, самую общую характеристику, описать его структуру, характер и основные современные особенности. В этом случае становятся понятными и основные возможные направления анализа и прогноза МО.

В этой работе под термином «международная обстановка» понимается такое состояние всей системы международных отношений в определенный период времени, которое характеризуется целым рядом параметров и критериев, насчитывающим тысячи показателей[39]:

— составом, уровнем развития и политикой основных суверенных субъектов МО — прежде всего локальных человеческих цивилизаций, наций и государств, а также их союзами, коалициями и пр. объединениями;
— составом, влиянием и политикой основных негосударственных акторов МО — как международных, так и национальных, — которые включают в себя весь спектр таких акторов: гуманитарных, общественных, религиозных и т.д.;
— основных тенденций в развитии человечества и его ЛЧЦ, а также в отдельных регионах. Эти тенденции (как, например, глобализация) могут быть противоречивыми и обладать разнонаправленным воздействием;
— влиянием субъективных факторов, являющихся в основном производными от развития национального человеческого капитала и его институтов. Эти факторы, связанные с «когнитивной революцией» и политикой правящих элит, являются, собственно говоря, той областью, в которой смыкается важнейший ресурс человечества и искусство его использования;
— наконец, отношений и взаимодействий между всеми этими факторами и тенденциями, которые и создают уникальную международную обстановку и вытекающие из нее военно-политическую, финансово-экономическую, социальную и пр. обстановки.

Таким образом, предметом анализа и стратегического прогноза являются многочисленные факторы и тенденции и их взаимодействие и взаимовлияние, образующие сложную динамическую и многофакторную систему. Так, если рассматривать современную МО и ВПО только с точки зрения военных расходов отдельных стран, то соотношение военных бюджетов России и США будет 1 : 12, а России и Франции, и Англии 1 : 1,1 и 1 : 1,2 соответственно. Если же это соотношение измерять соотношением российских военных расходов и военных расходов западной ЛЧЦ и ее союзников, то это соотношение будет уже 1 : 21.

---

[37] *Фридман Дж.* Следующие 100 лет: Прогноз событий XXI века.

[38] *Новиков Я. В.* Вступительное слово // В кн.: Стратегическое прогнозирование международных отношений: кол. монография / под ред. А. И. Подберезкина, М. В. Александрова. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — С. 9.

[39] *Подберезкин А. И., Соколенко В. Г., Цырендоржиев С. Р.* Современная международная обстановка: цивилизации, идеологии, элиты. — М.: МГИМО–Университет, 2014. — 464 с.

Рис. 1.8[40]. Страны с самыми большими оборонными бюджетами

Еще впечатлительнее соотношение военных расходов российской ЛЧЦ и других центров силы, из которого видно, что эти расходы в 3 раза меньше, чем у стран Ближнего Востока, в 4 — ЕС и 7 раз — АТР.

Рис. 1.9[41]. Глобальные военные расходы в региональном разрезе

Структура и предмет исследования — международная обстановка — характеризуется состоянием и темпами развития нескольких групп основных факторов и тенденций, каждая из которых, в свою очередь, требует своего собственного анализа. При этом следует сделать две важные

[40] http://im6.kommersant.ru/ISSUES.PHOTO/CORP/2016/05/14/2%20TXT%20WAR% 20gr%20R.jpg
[41] http://im6.kommersant.ru/ISSUES.PHOTO/CORP/2016/05/14/2%20TXT%20WAR% 20gr%20R.jpg

оговорки:Во-первых, эти группы факторов, акторов и тенденций делятся вплоть до самых мелких составляющих, которые также требуют своего анализа. Так, группа факторов — «субъекты МО» — может быть не только ограничена в своем анализе великими державами, членами «двадцатки», членами ОЭСР, либо даже «только» членами ООН, но и количеством отобранных критериев, которое может варьироваться от основных 7–10 (ВВП, площадь территории, население и др.) до 90–120 и даже 300, которые делятся на количественные, качественные, признанные в ООН и т.д. и т.п[42]. Как правило, в своей работе авторы используют небольшое количество критериев

Сравнение средств доставки и ядерных боеприпасов США и КНР[43]

System Name	Type	IOC	Warhead	Number	1996	2003	2010	2017	Launcher
United States									
Minuteman II Mk-11C	ICBM	1965	W56	1	Yes	No	No	No	Silo
Minuteman III Mk-12	ICBM	1970	W62	3	Yes	Yes	Yes	No	Silo
Minuteman III Mk-12A	ICBM	1979	W78	3	Yes	Yes	Yes	No	Silo
Minuteman III Mk-21/SERV	ICBM	2006	W87	1	No	No	Yes	Yes	Silo
Trident C-4	SLBM	1979	W76	6	Yes	Yes	No	No	Ohio class
Trident D-5 Mk-4	SLBM	1990	W76	8	Yes	Yes	Yes	No	Ohio class
Trident D-5 Mk-4A	SLBM	2008	W76	6	No	No	No	Yes	Ohio class
Trident D-5 Mk-5	SLBM	1992	W88	8	Yes	Yes	Yes	Yes	Ohio class
AGM-86B	ALCM	1982	W80	1	Yes	Yes	Yes	Yes	B-1B, B-52a
AGM-129A	ALCM	1991	W80	1	Yes	Yes	No	No	B-52a
B61	Bomb	1967	—	—	Yes	Yes	Yes	Yes	B-2A
B83	Bomb	1983	—	—	Yes	Yes	Yes	Yes	B-2A
China									
CSS-4 Mod 2 (DF-5A)	ICBM	1980	Unknown	1	Yes	Yes	Yes	Yes	Silo
CSS-4 Mod 3 (DF-5B)	ICBM	~2014	Unknown	3	No	No	No	Yes	Silo
CSS-10 Mod 1 (DF-31)	ICBM	2006	Unknown	1	No	Yes	Yes	Yes	TEL
CSS-10 Mod 2 (DF-31A)	ICBM	2007	Unknown	1	No	No	Yes	Yes	TEL
CSS-XX (DF-41)	ICBM	Unknown	Unknown	6	No	No	No	No	TEL
China (cont.)									
CSS-N-3 (JL-1)	SLBM	1987	Unknown	1	Yes	No	No	No	Xia class
CSS-N-3 (JL-1A)b	SLBM	2000	Unknown	1	No	Yes	Yes	No	Xia class
CSS-N-14 (JL-2)	SLBM	Unknown	Unknown	1	No	No	No	Yes	Jin class

[42] См., например: Индикаторы мирового развития / Л.М. Капица. — 2-е изд. — М.: МГИМО–Университет, 2008. — 352 с.

[43] The U.S. — China Military Scorecard: Forces, Geography, and the Evolving Balance of Power, 1996–2017. — RAND, Califorma, 2015. P. 285–286.

для анализа того или иного субъекта МО, хотя в последние годы появились и работы, где анализ военных потенциалов и их сравнение происходит по многим сотням показателей и критериев. Так, в недавнем докладе РЭНД, посвященном сравнению военных потенциалов КНР и США, приводится огромное число показателей — основных, дополнительных, вспомогательных и пр. и критериев. В качестве примера можно привести сравнение только стратегических ядерных сил (СЯС) США и КНР по:

— дальности;
— типу базирования;
— типам БР;
— годам испытания;
— боеголовкам;
— численности и т.д., а также ближнесрочный прогноз их состояния на 2017 год.

Но анализ МО и ВПО предполагает не только количественное, но и качественное сравнение и сопоставление самых различных параметров, в том числе, например, таких сложных как выживаемость ядерных сил после применения контрсилового ядерного удара. Так, в 1996 году такая атака США против КНР оценивалась как почти полное уничтожение СЯС Китая.

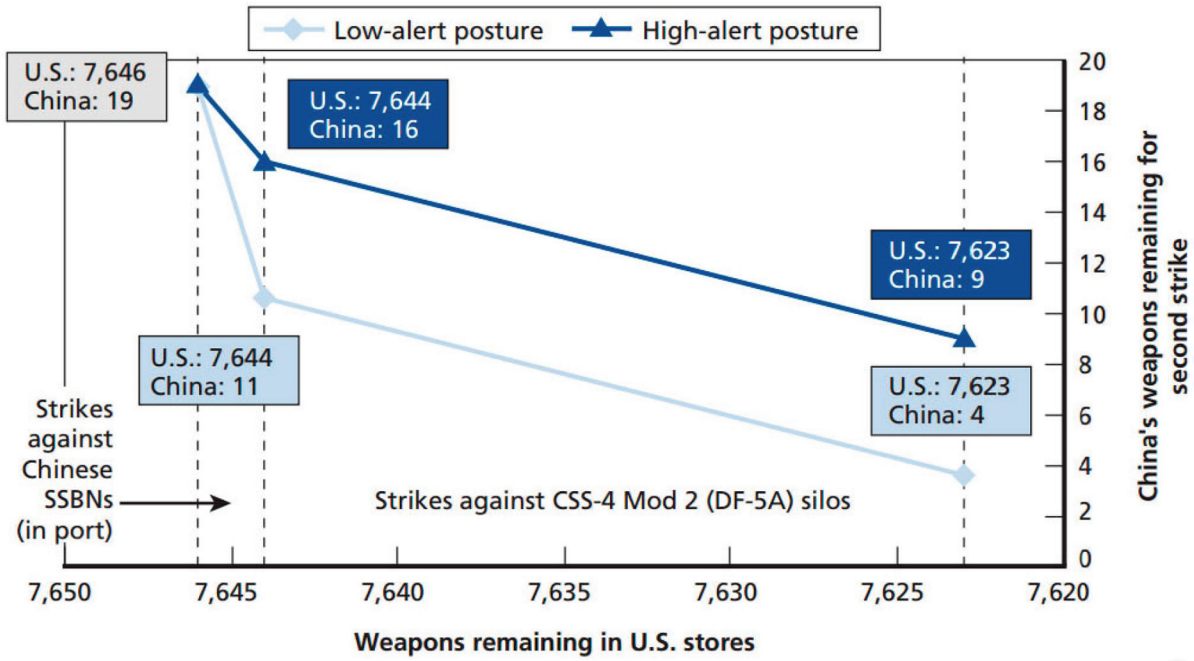

Рис. 1.10[44]. Нанесение контрсилового удара по СЯС КНР в 1996 году

Во-вторых, МО представляет собой систему взаимоотношений этих групп факторов и тенденций, а не простой их набор (даже очень большой, пусть даже сделанный в динамике), что предполагает как выделение взаимосвязей между этими группами, так и определение их влияния. Мало, например, знать объем ВВП США в 2030 году, численность их ВС, количество и качество ВиВТ и т.д. для того, чтобы определить степень их влияния на тот или иной сценарий развития МО. Надо знать и мощь других государств, ЛЧЦ и акторов, влияние глобальных тенденций, наконец, идеологию правящей элиты США, включая частные взгляды на военную политику и стратегию[45].

[44] The U.S. — China Military Scorecard: Forces, Geography, and the Evolving Balance of Power, 1996–2017. — RAND, Califorma, 2015. P. 296.

[45] *Подберезкин А.И.* Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — С. 111–162.

Трудно предположить, что в России делается сегодня такой объем работы, где бы то ни было. Если и есть прогнозы развития отдельных стран и регионов (далеко не всех и далеко не по всем основным параметрам), если и есть некоторые прогнозы развития мировых тенденций, то общего, системного прогноза развития МО, а значит, и ВПО, нет. Это означает, что при оценке необходимых оборонных расходов России, например, на государственную программу вооружений (ГПВ) на период 2018–2025 годов подходы Министерства финансов и Министерства обороны отличаются на 100% (12 и 24 трлн рублей), что с военно-политической точки зрения требует самых серьезных обоснований.

Учитывая, что в эти же годы прирост ВВП в стране, по оценкам Минфина, будет не значительным, а доля военных расходов в ВВП (4,15%) останется на прежнем уровне, это означает, что финансовые возможности страны жестко ограничены: необходимо либо увеличивать долю военных расходов в ВВП до уровня воюющих стран (Израиля ~ 7% или Ирака ~ более 20%), либо сокращать статьи расходов на социальные нужды и развитие, либо — что и является самым трудным, но и самым эффективным — повысить эффективность военных расходов, пересмотрев приоритеты. При этом у нас уже есть примеры такого подхода: в 2014 году сами военные говорили, что им за счет унифицирования изделий удалось снизить ГПВ-2025 с 55 трлн до 35 трлн рублей[46].

Таким образом, определение ресурсов и проведение других мероприятий по противодействию внешним вызовам и угрозам во многом предопределяется максимально точным анализом

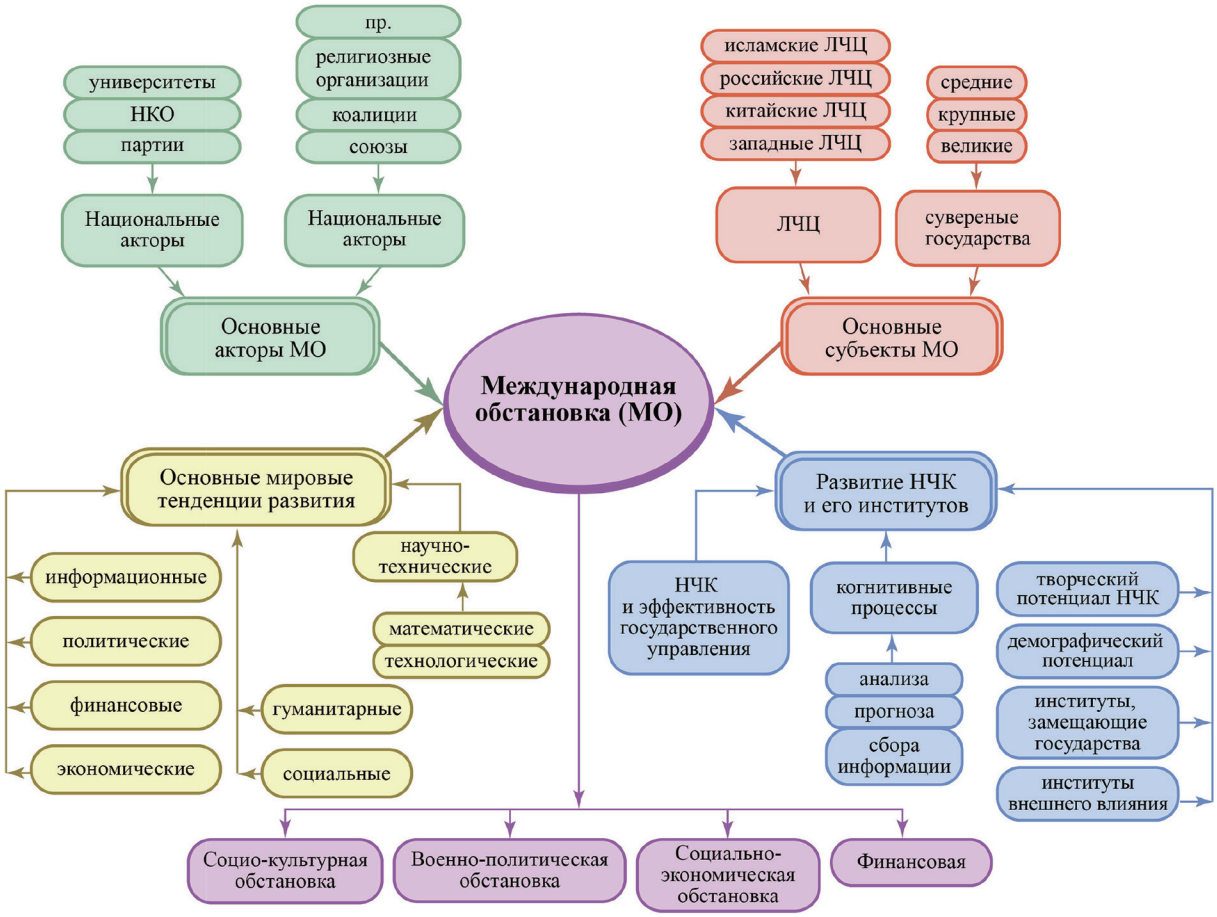

Рис. 1.11. Абстрактная структура МО в XXI веке

[46] *Сафронов И., Сапожков О.* Битва при бюджете // Коммерсант, 2016. 4 июля.

и прогнозом будущей МО и ВПО, которые формируют эти вызовы. Когда в середине 30-х годов XX века в СССР и особенно после 1938 года был взят курс на максимализацию темпов военного строительства, то доля военных расходов и степень милитаризации страны, очевидно, превысили все мирные нормы. Естественно, что подобные политические решения принимались, прежде всего, исходя из оценки будущего состояния МО и ВПО в мире.

Чтобы попытаться нагляднее и проще представить себе всю сложность и масштаб такого анализа, необходимо попытаться понять, чем даже в самых общих чертах является МО. Для этого можно воспользоваться приемом составления диаграммы связей (иногда называемым «картой мыслей» — «mind map», которую сделал популярной английский психолог Тони Бьюзен) — ассоциативной картой, — представляющей собой метод структуризации состояния отдельных систем и концепций (рис. 1.11). В ней в самом общем приближении дается представление о состоянии абстрактной МО в некий период времени. Естественно, что динамика и масштаб изменений, происходящих во всех группах факторов, акторов и тенденций и между ними, превращает это состояние в некий временной «эпизод» жизни, требующей постоянной динамической корректировки. Очевидно, что позиции не только отдельных акторов и государств, но и ЛЧЦ могут меняться, а тенденции — ускоряться, тормозиться или отмирать.

На этой «карте мысли» представлений о МО в XXI веке только обозначены основные группы факторов и тенденций, формирующих МО[47] и — как ее часть и следствие — военно-политическую обстановку[48], а также другие области МО — социально-культурная, финансово-экономическая, торговая, промышленная и пр., которые являются конкретным следствием и результатом развития МО.

Международная обстановка развивается по самым различным сценариям, которые реализуются в тех или иных конкретных вариантах. Так, МО 1946–1990 годов характеризовалась её развитием по сценарию «холодной войны», хотя были периоды, когда в рамках этого сценария она развивалась по варианту «разрядки международной напряженности» (1972–1979 гг.), или варианту «обострения МО». Ни один из этих вариантов не отрицал целиком особенностей развития указанного сценария МО («холодной войны»), но в своих конкретных вариантах, безусловно, оказывал влияние на формирование ВПО и СО.

Соответственно, если мы хотим проанализировать современное состояние, а тем более сделать стратегический прогноз развития МО, то мы должны в максимально полной мере учесть не только существующее состояние (как минимум, основных) факторов и тенденций, но и степень взаимовлияния и взаимодействия между ними[49], возможность и вероятность развития МО по тому или иному сценарию.

Очевидно, что такую огромную информационную и аналитическую работу можно сделать только достаточно большому и квалифицированному коллективу, объединяющему специалистов в самых разных областях — от «региональщиков» и «страноведов» до экспертов в области науки, техники, технологиях, психологии, финансах и т.д.[50] Очень важно, чтобы этот коллектив обладал не только соответствующими информационными возможностями и инструментами, но и разработанной достаточно глубоко теоретической базой, методологией и конкретными методиками. Так, в этом случае в ЦВПИ МГИМО в последние годы широко используется метод стратегического прогнозирования сценариев и вариантов их развития ЛЧЦ, МО, ВПО и СО, чему было посвящено достаточно много работ[51].

---

47 Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А. И. Подберезкина. — М.: МГИМО–Университет, 2015.

48 *Подберезкин А. И.* Военные угрозы России. — М.: МГИМО–Университет, 2014.

49 *Подберезкин А. И.* Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015.

50 *Подберезкин А. И.* Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года. — М.: МГИМО–Университет, 2015.

51 *Подберезкин А. И.* Военные угрозы России. — М.: МГИМО–Университет, 2014; а также серия аналитич. докладов, опубликованных в 2014 году и книг — в 2015 году.

Исходя из этого опыта, можно сказать, что наш коллектив оказался только в самом начале пути разработки теоретических и методологических основ развития МО. Также необходимо признать, что в настоящее время различные научные коллективы предпринимают самые разные попытки такого стратегического анализа и прогноза. В некоторых случаях (как в США, например) бывают задействованы огромные объединенные коллективы разведывательных служб, корпораций и индивидуальные усилия университетских ученых. В других примерах (как в России) — используются относительно небольшие коллективы МО и Генерального штаба, РАН, Минобра, МИД и др. ведомств, работающие, как правило, в соответствии с выделенными грантами на среднесрочной основе.

В любом случае следует признать, что в силу кризиса в ведомственной и академической гуманитарной — международной и военной — науке качество анализа и прогноза развития МО и ВПО резко снизилось. Яркий пример — отсутствие известного внятного прогноза реального характера отношений с Западом в 1985–2015 годах, когда авторы таких известных (следует признать, немногих и частных) прогнозов отмечали «благополучное развитие МО». Во многом именно это, а также непрофессионализм политических элит, привело к крупнейшим внешнеполитическим ошибкам, сопоставимым с преступлениями, которые были следствием внешнеполитического курса М. Горбачева, Э. Шеварднадзе, А. Яковлева и Б. Ельцина. Этот курс привел к развалу мировой социалистической системы — по сути дела локальной человеческой цивилизации во главе с «российским ядром» СССР, — а также ОВД, СЭВ и, в конечном счете, СССР, а затем недооценке реальных намерений Запада в отношении России.

Другим стратегическим провалом во внешней политике (теперь уже России) стала ее наивная ориентация на «западных партнеров» в ущерб своим национальным интересам и интересам оставшихся друзей и союзников в 90-е годы XX века и в начале нового столетия, отчасти сохранившаяся и сегодня.

Наконец, самой главной ошибкой, уже не только внешнеполитической, но и цивилизационной, стала односторонняя ориентация на западную систему ценностей, нормы и правила, которые изначально создавались в качестве неравноправных и несправедливых — будь-то в финансах или спорте — для других стран. Эта ошибка привела к катастрофическим последствиям для российской гуманитарной науки, фактически лишив ее теоретических и методологических основ, научных кадров, общественного и политического «интереса» (потребности). Только в самые последние годы стали реанимироваться некоторые старые и создаваться новые (Российское историческое и географическое общества, например) институты.

Таким образом, советско-российская политика и дипломатия совершила за 30 лет как минимум, несколько стратегических ошибок глобального масштаба, некоторые из которых привели даже к «геополитической катастрофе». Во многом это было вызвано тем, что политического и научного механизма их предотвращения не существовало, как, впрочем, до конца не создано, и сегодня. Более того, очень вероятно, что такие научные школы были сознательно ликвидированы в 80-е и 90-е годы с тем, чтобы у политики не было национальной научной опоры.

В настоящее время ситуация в области анализа и стратегического прогноза в международной и военно-политической сферах выглядит даже менее удовлетворительно, чем прежде (когда правящая верхушка СССР часто просто игнорировала мнение экспертов ЦК КПСС, МИД, Генштаба и части коллективов РАН) по причине общей деградации научных школ и снижения уровня исследований. При этом некоторые эксперты почему-то констатируют, что «За двадцать лет практической реализации в нашей стране американской теории обеспечения национальной безопасности в Российской Федерации была создана достаточно разветвленная сеть сил и средств аналитического обеспечения принятия решений органами государственного управления в сфере национальной безопасности (рис. 1.12)[52]. В качестве доказательства они

[52] *Сизов В. Ю.* О создании системы долгосрочного прогнозирования угроз национальной безопасности России в интересах принятия решений органами государственного управления в сфере национальной безопасности. — С. 23.

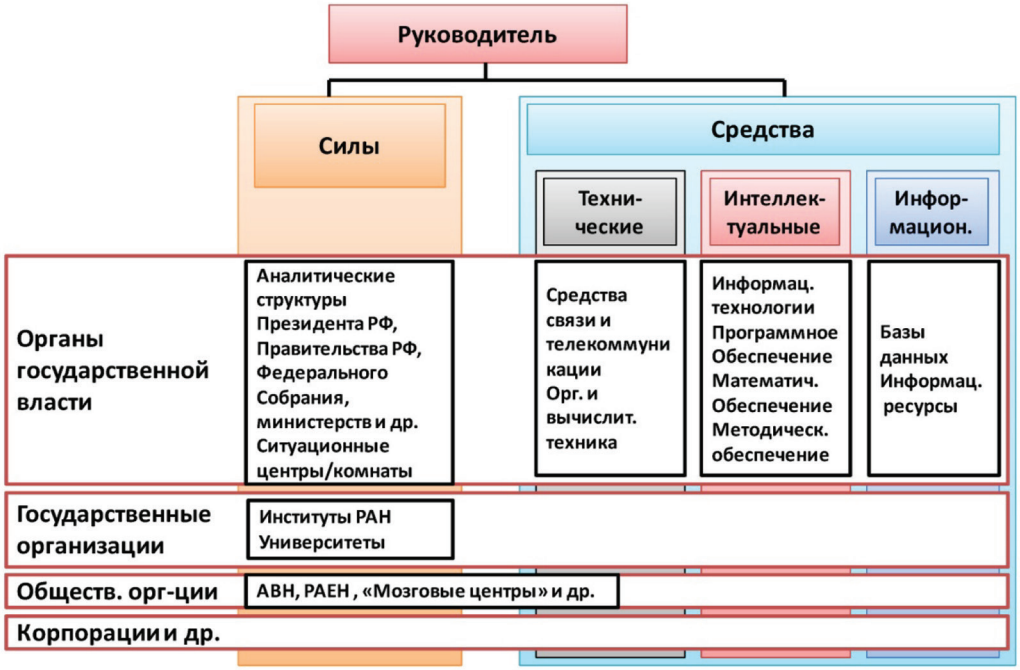

Рис. 1.12. Система информационно-аналитического обеспечения

приводят классическую схему, которая в действительности малосодержательна и, на мой взгляд, носит самый общий, слабо развитый и взаимосвязанный между собой, бессистемный и крайне малоэффективный характер. Это, естественно, неизбежно отражается на качестве прогнозов, планировании и выполнении принятых решений. В самом общем виде эта система представляет собой следующее (рис. 1.12).

Практически, все элементы этой системы по отдельности и взятые вместе не только крайне неэффективны, но и не могут выполнять порученные функции что вызвано, прежде всего, их недоразвитостью и слабой востребованностью у власти: аналитические структуры законодательной и исполнительной власти обладают слабым и малочисленным кадровым потенциалом, а учреждения, в частности, университеты — только «зародышами» аналитических структур. Общественные организации, как правило, не обладают необходимым материальным ресурсом, а корпорации (например, ВЭБ) — качественными, но крайне узкоориентированными и малочисленными структурами. Как правило, аналитические управления (отделы, центры) даже крупных государственных структур и корпораций насчитывают не более 15–20 человек, чьи возможности весьма ограничены решением частных задач и выполнением оперативных поручений.

В конечном счете, можно сделать неутешительный вывод о фактическом отсутствии в России сколько-нибудь эффективной научно-информационной системы подготовки и принятия внешнеполитических решений, которая в реальности, практически, сегодня сохранилась лишь в нескольких структурах, где опирается на остатки советской экспертной системы, существовавшей в МИД СССР, ЦК КПСС, МО и Генштабе, а также КГБ СССР и АН СССР. Соответственно и современное теоретическое и методологическое обеспечение анализа и прогноза развития МО и ВПО оставляет желать лучшего, что неизбежно ведет к резкому снижению эффективности государственного управления на всех уровнях.

1.2. б). Экспертное обеспечение анализа и прогноза развития международной обстановки в России

Прогнозирование международных отношений всегда являлось вызовом, ответ на который пытались найти многие ученые и мыслители прошлого. Как правило, их изыскания на этом поприще заканчивались неудачно[53]

авторы работы
«Стратегическое прогнозирование международных отношений»

Информационная и информационно-аналитическая поддержка реализации настоящей Стратегии осуществляется при координирующей роли Совета Безопасности Российской Федерации за счет привлечения информационных ресурсов заинтересованных органов государственной власти и государственных научных учреждений с использованием системы распределенных ситуационных центров, работающих по единому регламенту взаимодействия[54]

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года (Указ N 537 от 12 мая 2009 года)

Выше уже говорилось о недостаточности качественного экспертно-аналитического обеспечения анализа и стратегического прогноза развития МО и ВПО в России, которое характеризуется растущим отставанием от информационного, экспертно-аналитического обеспечения внешней и военной политики не только на традиционном Западе, но и в Китае, Австралии, Новой Зеландии, где в последние годы готовятся на регулярной основе анализы, обзоры и стратегические прогнозы высокого качества.

Очевидно, на мой взгляд, что основной результат, квинтэссенция такого анализа и прогноза, должен концентрироваться в Совете Безопасности РФ и отражаться в важнейших нормативных документах. Прежде всего, в Стратегии национальной безопасности России, которая де-юре и де-факто является основой для других доктринальных и концептуальных документов. Вот почему обращают на себя внимание несколько обстоятельств, связанных с процедурой и экспертно-информационным обеспечением «основ реализации Стратегии»:

Во-первых, в редакции предыдущей Стратегии 2009 года основная ответственность возлагалась на Правительство (ст. 101, в которой говорится о том, что «система документов… формируется Правительством…, а также ст. 110, в которой говорится «о разработке и реализации комплекса оперативных и долгосрочных мер… в федеральных округах, (которая) проводится при координирующей роли Правительства», а контроль возлагается на Секретаря Совета Безопасности).

Во-вторых, в новой редакции Стратегии от 31 декабря 2015 года говорится уже, что «Реализация государственной политики… происходит под руководством Президента РФ и при координирующей роли Совета Безопасности»[55]. Это, безусловно, правильная редакция, повышающая авторитет и значимость Стратегии и делающей ее обязательной для всех ветвей власти.

Вместе с тем остается ощущение, что основная работа контролируемая Правительством и Советом Безопасности, осуществляется в структурах и органах исполнительной власти. Практически это означает, что в соответствующих управлениях и департаментах министерств, служб и ведомств, которые, на мой взгляд, не обладают достаточными ресурсами после многочисленных реорганизаций, «оптимизаций» и сокращений.

Известно, что в настоящее время согласно Федеральному закону Российской Федерации от 28 декабря 2010 г. №390-ФЗ «О безопасности» и Положению о Совете Безопасности Российской

[53] Стратегическое прогнозирование международных отношений: кол. монография / под ред. А.И. Подберезкина, М.В. Александрова. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — С. 11.

[54] Указ Президента Российской Федерации №537 от 12 мая 2009 г. «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» //Российская газета. 2009. 18 мая. — №20.

[55] Указ Президента Российской Федерации №683 от 31 декабря 2016 г. «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» / http://base.consultant.ru

Федерации (утверждено Указом Президента Российской Федерации от 6 мая 2011 г. №590) информационную и информационно-аналитическую поддержку принятия государственных решений координирует Совет Безопасности РФ за счет привлечения информационных ресурсов заинтересованных органов государственной власти и государственных научных учреждений, однако состояние, качество и функциональные возможности этих органов власти в области анализа, экспертизы и прогноза вызывают сомнения.

Действительно, в самые последние годы стали формироваться заказы на НИР среди экспертного и научного сообщества, которые, однако, как правило, не носят масштабного, последовательного и долгосрочного характера, не ведут к преемственности в анализе и прогнозе[56], что обязательно для научных школ и фундаментальной науки.

В соответствии с прежней Стратегией национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года эта задача должна была реализовываться с использованием системы распределенных ситуационных центров, работающих по единому регламенту взаимодействия[57]. Однако вплоть до 2015 года результаты этой деятельности были, мягко говоря, незаметны и не отражены в попытках стратегического прогноза, как минимум, существующих в открытой печати[58].

Фактически ситуационные центры при органах государственной власти и управления должны были стать технической и интеллектуальной базой принятия решений в сфере национальной безопасности и основой формирования полноценной системы аналитического обеспечения. Следует констатировать, что эта задача пока не решена ни по количественным, ни по качественным показателям[59], — делает справедливый вывод В. Сизов. Можно целиком согласиться с его выводом о том, что «Сегодня прогнозирование в сфере национальной безопасности, как составная часть и форма аналитической деятельности обеспечивающих структур и самих органов государственного управления страны, находится на начальной стадии своего становления… — Органы государственного управления, в основном, заняты подготовкой и реализацией оперативных решений текущих проблем национальной безопасности. Долгосрочные прогнозы развития страны отсутствуют, среднесрочные носят описательный характер, отсутствуют сценарии развития обстановки с опорой на обоснованные критерии и показатели. Потенциал ситуационных центров используется слабо, а возможности современных технических средств — не полностью»[60].

Сегодня в стране практически не ведется (закрытые заведения вне темы сегодняшнего обсуждения) подготовка аналитиков-экспертов по международным отношениям, по вопросам войны и мира и других. Чуть лучше — ситуация с подготовкой «аналитиков-технологов» (специалистов по методике выработки решений). Хуже того, мой опыт говорит о том, что существовавшие кадры «естественным образом» вымываются: уходят на пенсию, меняют работу, умирают, а новые приходят крайне медленно, да и качество новых кадров нередко оставляет желать лучшего. В то же самое время мы наблюдаем стремительный рост интереса и возможностей стратегического прогнозирования и планирования на Западе, в Японии, КНР, Австралии и целом ряде других стран. В Китае, например, с 1998 года вышло уже 9 изданий Белой книги, посвященной «Военной стратегии КНР», где стратегический прогноз развития МО является исходной точкой анализа. В частности,

---

[56] См., например: Информационно-аналитическая система стратегического планирования противодействия угрозам национальной безопасности: аналит. доклад / П.М. Шмелев, А.И. Подберезкин [и др.]. — М.: МГИМО–Университет, 2014. — 159 с.

[57] *Сизов В.Ю.* О создании системы долгосрочного прогнозирования угроз национальной безопасности России в интересах принятия решений органами государственного управления в сфере национальной безопасности. — С. 24.

[58] *Подберезкин А.И.* Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года. — М.: МГИМО–Университет, 2015.

[59] *Сизов В.Ю.* О создании системы долгосрочного прогнозирования угроз национальной безопасности России в интересах принятия решений органами государственного управления в сфере национальной безопасности. — С. 25.

[60] Там же. С. 27.

в ней достаточно оптимистично дается оценка современной МО и прогноз ее развития на будущее: «Сохранение мира, внутреннее развитие … становятся главными тенденциями современной ситуации на планете»[61]. Вместе с тем в этом прогнозе признается, что «потенциальная и вполне реальная угроза широкомасштабной войны продолжает сохраняться»[62].

Отсутствие фактически фундаментальных и методологических исследований не может заменить никакое разовое финансирование или отдельный грант. Даже если эти средства выделены на 3–5 лет потому, что научная школа и методологии в такие сроки не создаются. Получается, что каждое отдельное финансирование, выделенное на теоретические и методологические исследования (иногда не известно кому и по каким критериям) фактически начинает процесс заново. Особенно, если предыдущие исследования носили закрытый характер. Поэтому на практике, как правило, это ведет к появлению множества частных методик, которые нередко не только не обоснованы, но и практически не применимы.

Те же прикладные методики, которые могут быть полезны, как правило, резко используются. Так, Сизов В. Ю. справедливо полагает, что совершенствование системы аналитического обеспечения органов государственного управления предполагает, например, разработку, апробацию и внедрение моделей долгосрочного прогнозирования угроз национальной безопасности Российской Федерации, предлагая, в частности, следующую сетевую модель, которая в очень упрощенном виде дополняет метод «карты мыслей», указанный выше, конкретизируя вытекающие из конкретной МО угрозы.

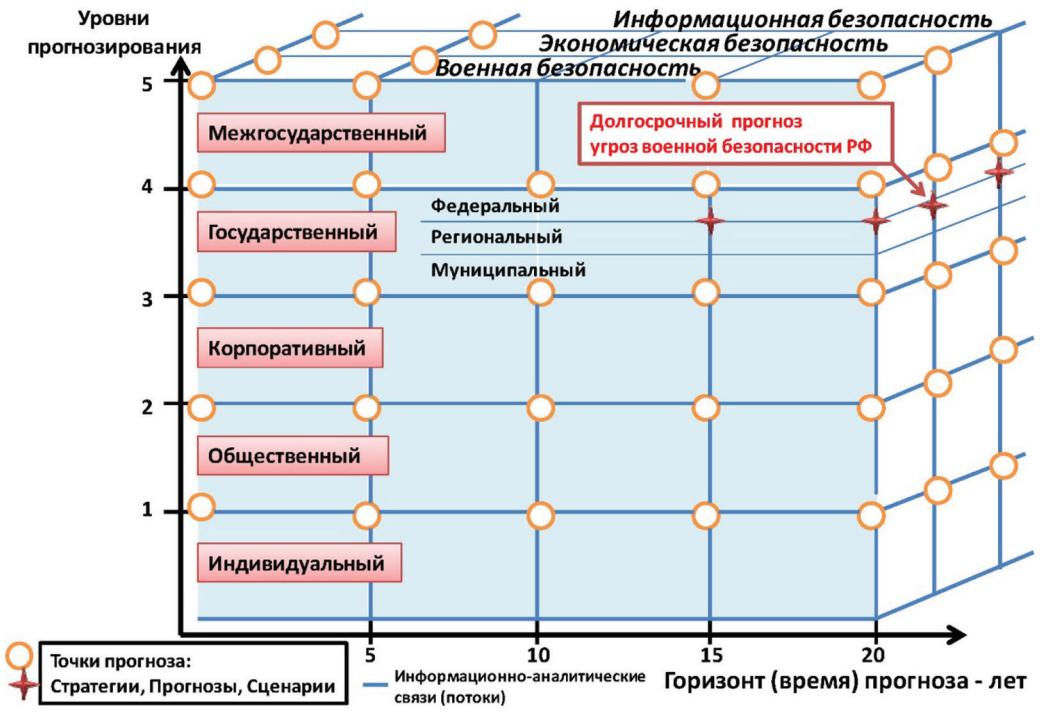

Рис. 1.13. Сетевая модель прогнозирования угроз национальной безопасности РФ

Одним из возможных подходов к созданию и практическому использованию таких упрощенных моделей может быть использование сетевого метода. Подразделения (специалисты) прогнозирования в составе аналитических центров (отделов, управлений, департаментов и др.) при органах государственного управления составляют государственный уровень прогнозирования. На региональном и местном уровнях, органы, имеющие внутреннюю структуру федерального, регионального и муниципального

[61] *Иванов В.* Миролюбие Поднебесной. Пекин сформулировал новые военно-стратегические установки // Независимое военное обозрение. 2015. 28 июля.

[62] Там же.

(локального) анализа и прогнозирования. Здесь же функционируют центры анализа и прогноза государственных и негосударственных организаций, академий и институтов. Вся информация стекается в единый федеральный координационный центр анализа и прогноза при Совете национальной безопасности, который обеспечивает деятельность единого органа управления военной организации страны. Так, с точки зрения долгосрочного прогноза развития МО в социально-экономической области, которым, как правило, занимаются структуры далекие от проблематики международной безопасности, очень информативен анализ и прогноз военных расходов на душу населения у конкретных стран, который называет степень милитаризации экономики и общества и их возможности в будущем.

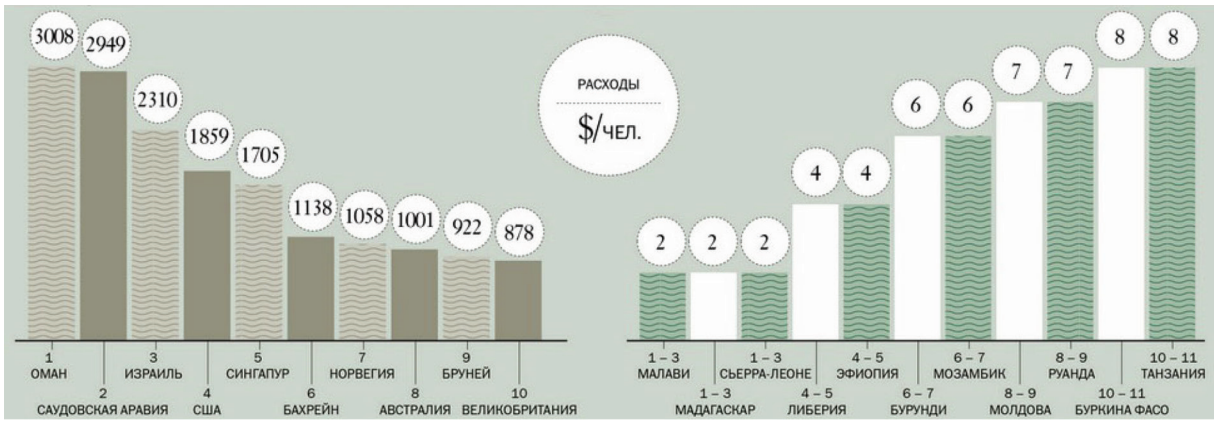

Рис. 1.14[63]. Страны с наибольшими и наименьшими военными расходами на душу населения

Другой аспект международной безопасности — возможности военно-технического сотрудничества (ВТС), являющиеся не только экономическими показателями (что, как правило, учитывается), но и важнейшими инструментами внешнеполитического влияния. С этой точки зрения у России, с одной стороны, есть серьезные аргументы, но, с другой, эти возможности в 2 раза меньше, чем у США и в 5 раз меньше, чем у западной коалиции, которая может обеспечивать любые страны любым оружием в любых масштабах.

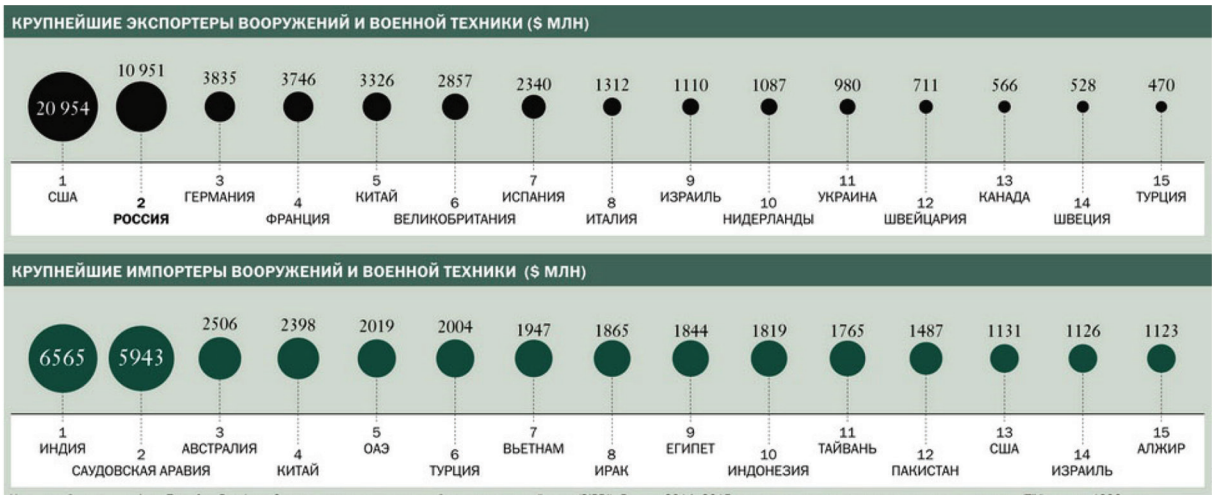

Рис. 1.15[64].

В настоящее время можно говорить о том, что в некоторых министерствах и ведомствах существуют достаточно эффективные аналитические центры, работающие в пределах своей ком-

[63] http://im5.kommersant.ru/ISSUES.PHOTO/CORP/2016/05/14/1%20TXT%20WAR%20gr%202R.jpg
[64] http://im6.kommersant.ru/ISSUES.PHOTO/CORP/2016/05/14/2%20TXT%20WAR%20gr%20R.jpg

петенции и функций этого министерства. Например, можно говорить о Национальном центре обороны, созданным министерством обороны России. Однако остается открытым вопрос об обеспечении деятельности всей военной организации нации, а не только военной организации государства, которая охватывала бы деятельность общественных и других негосударственных институтов — от институтов гражданского общества до бизнес-структур, — а также интегрировала бы информационно-аналитические возможности всего общества, а не только соответствующих центров отдельных министерств и ведомств.

Необходимо, чтобы сбор, обработка, анализ и прогноз информации стал не только в сфере ответственности некоторых государственных структур, но и всего общества, и всей нации, включая весь потенциал российской локальной человеческой цивилизации, а не только возможности государственных структур. Естественно, что вся обработанная информация должна стекаться и дальше обрабатываться в соответствующем центре, контролируемым Советом безопасности. На этом уровне разрабатываются стратегические, в том числе долгосрочные, прогнозы угроз безопасности страны и всей ЛЧЦ. Они могут носить комплексный характер и могут быть изложены в документах стратегического планирования, например в Стратегии национальной безопасности, сроком действия 10–20 и более лет. Либо могут быть составлены государственные или ведомственные прогнозы по видам безопасности, например в сфере военной, информационной, экономической и другой безопасности.

Предлагается в этой связи сделать попытку подготовить проект нового варианта Стратегии национальной безопасности с соответствующими комментариями в качестве альтернативы существующей стратегии, утвержденной Указом Президента РФ 31 декабря 2015 года, где главными исполнителями будут не только анонимные центры неких органов власти, но все институты общества и нации. Это означает, что будущая стратегия национальной безопасности должна быть не продуктом аппаратного труда Совета безопасности, а результатом общенациональных усилий. Соответственно и информационная и экспертно-аналитическая работа должна быть организована на всех уровнях в интересах военной организации, включающей возможности не только институтов государственной власти, но и всего общества, и бизнеса и даже личных интеллектуальных и информационных ресурсов отдельных граждан. Эта структура должна быть организована следующим образом (рис. 1.16).

Из рисунка видно, что пока что в интересах безопасности и развития работают (с разной степенью эффективностью) только центры сбора и анализа информации некоторых государственных структур. Остальные возможности (может быть) используются только частично. Это означает, что огромный ресурс нации остается не использованным и не задействованным, хотя он не только существует, но и может быть организован и использован без значительных ресурсных затрат.

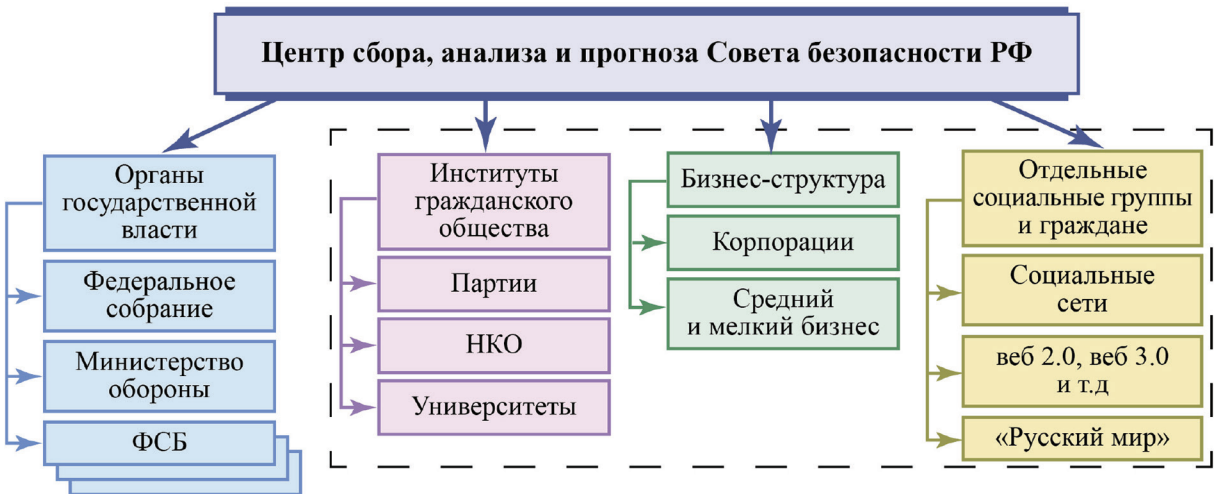

Рис. 1.16. Экспертно-аналитическая структура обеспечения деятельности новой военной организации

1.3. ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ НАИБОЛЕЕ ВЕРОЯТНОГО СЦЕНАРИЯ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОБСТАНОВКИ И ЕГО ВАРИАНТОВ ДО 2050 ГОДА

Россия как добыча, брошенная на расхищение, есть величина, которую никто не осилит, на которой все рассорятся, которая вызовет к жизни неимоверные и неприемлемые опасности для всего человечества[65]

И. Ильин,
русский философ. 30 июля 1950 г.

В основе подхода США лежит осознанная политика отказа от признания объективных, но неудобных реальностей, а именно того, что мир в XXI веке уже вступил в эпоху «фазового перехода»…[66]

авторы работы
«Стратегическое прогнозирование международных отношений»

Число попыток прогнозировать развитие международной обстановки и конкретных ситуаций в области безопасности резко возросли в XXI веке в связи с разными причинами и в разных странах, но, прежде всего, с резким обострением политической ситуации в мире, переходом человечества в качественно новую фазу своего развития. Этот «фазовый переход» вылился в достаточно длительный период «турбулентности» в международных делах, обострение которого постоянно наблюдалось с начала XXI века. Попытки теоретического осмысления и разработки методологии анализа и прогноза стали в эти годы реальностью, в формировании которой участвовал и автор.

Этой теме было посвящено немало работ, в т.ч. сотрудников Центра военно-политических исследований МГИМО, в частности, таких специальных разделов, например, как отдельные главы книги «Наиболее вероятный сценарий развития международной обстановки и его варианты»[67], а также целого ряда других. Некоторые работы, как показало время, были достаточно удачными. Так, например, в работе, посвященной необходимости интеграции воздушно-космических сил стран Евразии («Евразийская воздушно-космическая оборона». — М.: МГИМО, 2013)[68], я попытался обосновать необходимость:

- каждого государства, претендующего на сохранение суверенитета, иметь современную систему воздушно-космической обороны как минимум, против авиации и крылатых ракет;
- острую потребность объединения сил и средств ПВО, ПРО, противокосмической обороны в единую систему и вид вооруженных сил — силы Воздушно-космической обороны (ВКО);
- необходимость интеграции не только средств ВКО стран-членов ОДКБ, но и других государств в объединенную систему, и в перспективе — единую систему ВКО.

Примечательно, что в последующие три года все три тезиса получили свое развитие и начали практически реализовываться:

- после уничтожения режима М. Каддафи в Ливии и войны в Сирии стало общим местом утверждение, что понятия «суверенитет» и «эффективная ПВО–ПРО» во многом тождественны;
- в России появился новый вид вооруженных сил — ВКО, — объединивший прежние виды и рода войск;
- начался активный процесс интеграции сил и средств ВКО России, Белоруссии, Казахстана, Армении, к которому хотят присоединиться и другие страны.

---

65 *Ильин И. А.* О русском национализме. Сборник статей. — М.: Российский Фонд Культуры, 2007. — С. 91.

66 Стратегическое прогнозирование международных отношений: кол. монография / под ред. А.И. Подберезкина, М.В. Александрова. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — С. 555.

67 Там же. — С. 551–559.

68 *Подберезкин А. И.* Евразийская воздушно-космическая оборона. — М.: МГИМО–Университет, 2013. — 488 с.

Теоретическим и методологическим вопросам анализа и прогноза развития МО и ВПО были в 2013–2016 годы посвящены и другие работы Центра, в частности:

— «Евразия и Россия». — М.: МГИМО, 2013. — 517 с.;
— «Военные угрозы России». — М.: МГИМО, 2014. — 268 с.;
— «Некоторые аспекты анализа военно-политической обстановки». — М.: МГИМО, 2014. — 874 с.;
— «Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики» в двух томах: том I «Теоретические основы системы анализа, прогноза и планирования внешней и оборонной политики». — М.: МГИМО, 2015. — 796 с., том II «Прогнозирование сценариев развития международной и военно-политической обстановки на период до 2050 года». — М.: МГИМО, 2015. — 722 с.;
— «Третья мировая война против России: введение к исследованию». — М.: МГИМО, 2015. — 169 с.;
— «Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года». — М.: МГИМО, 2015. — 325 с.;
— «Мир и война в XXI веке: опыт долгосрочного прогнозирования развития международных отношений». — М.: МГИМО, 2015. — 581 с.

Кроме того, Центром были подготовлены доклады:

— «Долгосрочное прогнозирование сценариев развития военно-политической обстановки». — М.: МГИМО, 2014. — 159 с.;
— Долгосрочные сценарии развития стратегической обстановки, войн и военных конфликтов в XXI веке». — М.: МГИМО, 2014. — 175 с.;
— «Прогнозирование международной ситуации: угрозы безопасности и военная политика России». — М.: МГИМО, 2014. — 44 с.;
— «Военно-политические аспекты прогнозирования мирового развития». — М.: МГИМО, 2014. — 167 с.;
— «Долгосрочное прогнозирование развития международной обстановки». — М.: МГИМО, 2014. — 105 с.;
— «Информационно-аналитическая система стратегического планирования противодействия угрозам национальной безопасности». — М.: МГИМО, 2014. — 60 с.

За 2013–2015 годы экспертами ЦВПИ подготовлено и опубликовано в интернет-СМИ 496 статей и аналитических материалов. За эти же годы эксперты Центра дали интервью и выступили в средствах массовой информации более 450 раз.

По данной тематике переведено 730 зарубежных материалов.

ЦВПИ организовал и провел более 100 круглых столов, рабочих семинаров и ситуационных анализов, а также Центром организовано более двадцати научных конференций различного уровня.

Все это говорится для того, чтобы можно было утверждать, что выводы о наиболее вероятном сценарии развития МО и его вариантах в долгосрочной перспективе до 2050 года могут считаться вполне обоснованными, хотя, естественно, и не абсолютно точными. В частности, в качестве наиболее вероятного сценария развития МО до 2050 годов был предложен сценарий глобального «Военно-силового противоборства западной локальной человеческой цивилизации» с другими ЛЧЦ, центрами силы и странами за сохранение своего контроля над созданными этой ЛЧЦ военно-политической и финансово-экономическими системами в мире в предыдущие десятилетия. Это название наиболее вероятного сценария развития МО и, как следствие, ВПО до 2050 года, характеризуется следующими основными признаками:

— основными субъектами, формирующими современную и будущую МО и ВПО с 90-х годов XX века выступают локальные человеческие цивилизации, вокруг которых идет бурный процесс формирование центров силы и закономерностей противоборства;

— основными целями противоборства между ЛЧЦ выступают системы ценностей, интересы ЛЧЦ и нормы, и правила, которые они пытаются защитить, продвинуть или даже (если говорить о западной ЛЧЦ) сделать универсальными;
— противоборство между ЛЧЦ в силу разных причин является:
  — глобальным;
  — системным, охватывающим все области;
  — сетецентричным;
  — силовым, где спектр возможных средств и способов стремительно расширяется;
  — вооруженным, призванным обеспечить эффективность применения других силовых средств;
— противоборство ЛЧЦ предполагает запланированный и долгосрочный характер, а его конкретная цель — подчинение других ЛЧЦ воле западной ЛЧЦ, выраженной в соответствующих ценностях, нормах и правилах.

Эти объективные характеристики современного и будущего сценария развития МО конкретизируются применительно к конкретным условиям к различным вариантам этого сценария, которые развиваются в его рамках и могут переходить из одного в другой.

Вместе с тем, анализируя развитие будущих сценариев МО важно подчеркнуть очень сильное влияние субъективного (личностного) фактора. Более того, влияние субъективного фактора (всегда и без того сильное в политике) в XXI веке усиливается по мере развития информационных, социальных, психологических и когнитивных технологий, которые делают национальный человеческий капитал (НЧК) и его институты самой влиятельной группой факторов, формирующих МО[69]. Так, в ходе соцопроса большого числа экспертов проведенного ЦВПИ в ноябре 2015 года, достаточно ровное отношение было высказано относительно четырех возможных вариантов сценариев развития МО, т.е. не было высказано явного предпочтения в пользу какого-то одного сценария. Это свидетельствует о том, что в российском экспертном сообществе отсутствует общее понимание закономерностей развития МО, более того единой теоретической и методологической основы этого процесса.

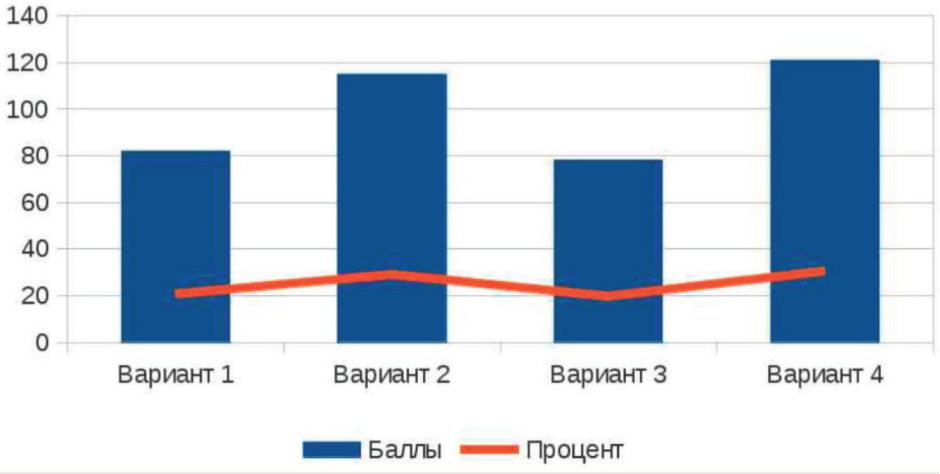
На мой взгляд, в перспективе до 2020–2025 годов будет доминировать первый из указанных сценариев, который постепенно может быть вытеснен сценарием №2 после 2020–2025 годов.

Вариант №	Сценарии
1	Гегемонический регионализм — сохранение одного из международно-политических регионов западной ЛЧЦ в качестве глобального лидера при существовании значительного пространства свободы для остальных центров силы.
2	Мир региональных империй — формирование региональных политических объединений с высоким уровнем внутренней консолидации и жесткими экономическими, идеологическими и социокультурными барьерами между ними.
3	Биполярность — разделение мира между двумя центрами силы на сферы влияния и развитие в каждой из них самостоятельной «полуглобальной» инфраструктуры, политики и идеологии.
4	«Зонтичная» глобализация — формирование полузакрытых международно-политических регионов при сохранении глобальной западной инфраструктуры. Глобализация полностью не отменяется, но трансформируется ее логика, правила и нормы.

[69] *Подберезкин А.И.* Национальный человеческий капитал. В 5 т. Т. 1–3. — М.: МГИМО–Университет, 2011–2013.

Этот сценарий «Военно-силового развития МО» может быть реализован, как уже говорилось, в нескольких вариантах, которые условно обозначены как «пессимистический», «реалистический» и «оптимистический» в зависимости от степени присутствия в них военного компонента среди прочих силовых инструментов политики. (Ниже в работе эти варианты будут описаны подробнее). Так, в системе силовых средств «оптимистического» варианта собственно военно-силовые средства не играют решающего значения хотя и оказывают существенное влияние («ядерное сдерживание», «угроза использования военной силы» и т.п.), а при реализации «пессимистического» варианта сценария развития МО этот сценарий, по сути, трансформируется в сценарий развития ВПО и даже СО[70].

Результаты экспертного опроса, однако, показывают, что субъективные представления о будущих сценариях развития МО в XXI веке делятся почти поровну между опрошенными экспертами в конце 2015 года и почти не меняются в 2016 году. На мой взгляд, это означает очень высокую степень несуверенности, существующую среди российских экспертов, которые затрудняются представить себе ясный долгосрочный прогноз развития МО.

	Вариант 1	Вариант 2	Вариант 3	Вариант 4	Всего
Баллы	82	115	78	121	396
Процент	20,71	29,04	19,70	30,56	100

Рис. 1.17.

Работ, связывающих прогноз развития МО и ВПО со Стратегией национальной безопасности, значительно меньше, чем долгосрочных прогнозов, а ещё меньше — известных научной общественности, хотя любая Стратегия национальной безопасности должна исходить не столько из анализа существующей МО, сколько из прогноза ее развития (который отсутствует, например в существующей «Стратегии», утвержденной Президентом РФ 31 декабря 2015 года)[71]. Детальный анализ «Стратегии», сделанный в ЦВПИ в 2016 году, показал, что она должна быть существенно скорректирована и развита именно с точки зрения противодействия будущему сценарию глобального «Военно-силового противоборства ЛЧЦ», который, вероятно, будет доминировать в качестве наиболее вероятного сценария развития МО в первой половине XXI века[72].

[70] *Подберезкин А. И.* Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — 169 с.

[71] Прогнозирование международной ситуации: угрозы безопасности и военная политика России / А. И. Подберезкина, К. П. Боришполец, А. А. Казанцев, В. П. Козин, А. А. Орлов. — М.: МГИМО–Университет, 2014. — 44 с.

[72] Проект долгосрочной стратегии национальной безопасности с методологическими и методическими комментариями: аналит. доклад / [А. И. Подберезкин (рук. авт. кол.) и др.]. — М.: МГИМО–Университет, 2016. Июль. — 86 с.

Более того, если говорить о разработке мер противодействия развития такого сценария (или мер по стратегическому сдерживанию, о котором говорится в «Стратегии»), то необходимо определиться:

— во-первых, с периодами, сроками реализации такого вероятного сценария, ибо разработка и внедрение ответных мер занимает, как правило, длительное время (так, разработка и строительство ракетного крейсера, например, занимает 10 и 12 лет соответственно);
— во-вторых, необходимо определиться с конкретным вариантом развития того или иного сценария МО, максимально точно определив его особенности (например, военно-политические).

1.3. а). Логика формирования и развития сценария международной обстановки до 2050 года

… эффективное краткосрочное прогнозирование …
это не только анализ и проекция предшествующего развития событий, но и учет,
и оптимальное использование содержательных результатов
среднесрочного и долгосрочного прогнозирования[73]
Ш. Султанов,
политолог

Провалы в прогнозировании и планировании социально-экономического развития России и неудачи в реализации многочисленных решений, планов и концепций в последние десятилетия в России во многом являются следствием неумения и нежелания делать качественные долгосрочные прогнозы и заниматься стратегическим планированием. Более того, эта деятельность вообще была долгое время табуирована властью России.

Логику такого развития того или иного сценария МО и его конкретных вариантов, их развитие в военно-политическую и стратегическую обстановку, можно проиллюстрировать следующим образом с весьма существенной оговоркой: эта логика представляет процесс развития взаимоотношений ЛЧЦ и основных субъектов и факторов МО только в самом общем виде (рис. 1.18).

Как видно из этого рисунка (стр. 62), развитие ВПО, СО и вероятных войн и конфликтов во многом детерминируется развитием человеческой цивилизации и МО, прежде всего отношениями между ЛЧЦ. Справедливо, однако, и обратное утверждение: влияние войн, конфликтов и логики военно-технического и военно-политического развития на МО не только существует, но и может быть весьма существенным, на данном рисунке оно и показано стрелками, иллюстрирующими обратное влияние. Так, военный конфликт на Украине резко обострил не только ВПО в Европе и даже в мире, но и всю международную обстановку, прежде всего отношения между ЛЧЦ. То же самое можно сказать и о войне в Сирии, которая стала не столько гражданской войной оппозиции против Х. Асада, сколько продолжением стратегии дестабилизации и управляемого хаоса со стороны западной ЛЧЦ.

Представляется, что в основе глобальных изменений в отношениях между ЛЧЦ и МО лежат, прежде всего, объективные изменения в соотношении сил между ведущими ЛЧЦ и, как следствие, степени их влияния на МО и ВПО. Так, если взять за точку отсчета 2016 год, то влияние западной ЛЧЦ в основных областях можно оценить как «решающее», которое сохранится, как минимум, до 2030 годов в качестве «очень сильного», но после 2040 года останется просто «сильным» по мере изменения соотношения сил в пользу других ЛЧЦ (рис. 1.19).

---

[73] *Султанов Ш. З.* Стратегическое сознание и мировая революция. — М.: Книжный мир, 2016. — С. 249.

Рис. 1.18. Логика развития взаимоотношений между ЛЧЦ и другими субъектами МО с точки зрения влияния на формирование МО и ВПО, а также будущего характера международных и внутренних войн и военных конфликтов

Степень влияния, измеряемая в баллах экспертами:

— «решающее» — 75 и выше;
— «очень сильное» — 50 и выше;
— «сильное» — 25 и выше;
— «заметное» — 10 и выше.

Из этой оценки роли западной ЛЧЦ во многом вытекает и ее глобальная стратегия, которую в настоящее время формулируют США не только для себя, но и для контролируемой ими коалиции из более 50 стран, считающихся союзниками и близкими партнерами. Условно эти основные направления стратегии до 2050 года (т.е. в период «решающего» влияния) можно показать следующим образом: рис. 1.20.

Применительно к России стратегия западной ЛЧЦ достаточно конкретна — замещение ее системы ценностей и интересов западной системой и интересами. Средства достижения этой цели, однако, периодически меняются, впрочем, как и этапы (рис. 1.21).

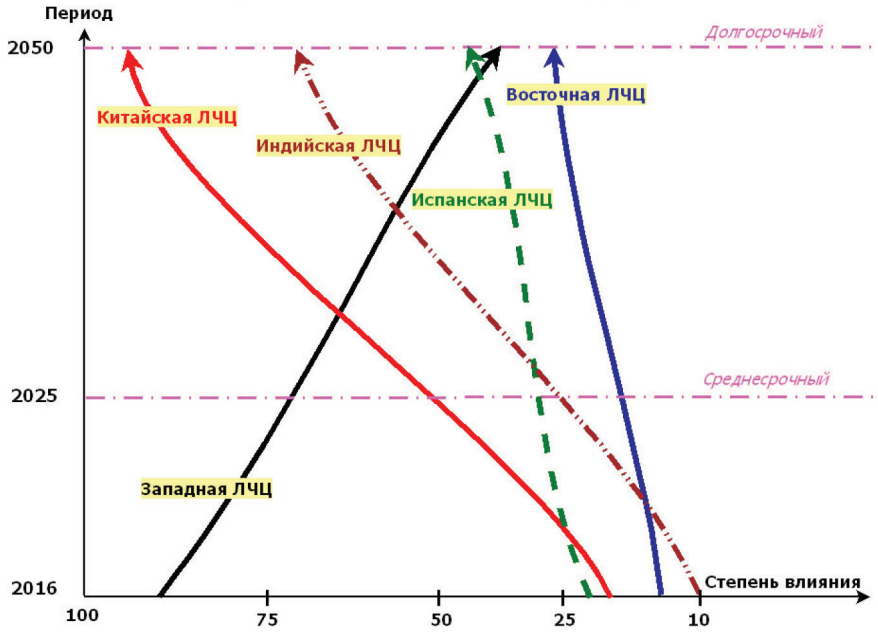

Рис. 1.19. Изменение в соотношений сил между ЛЧЦ (качественное отличие МО 2025 и 2050 гг.)

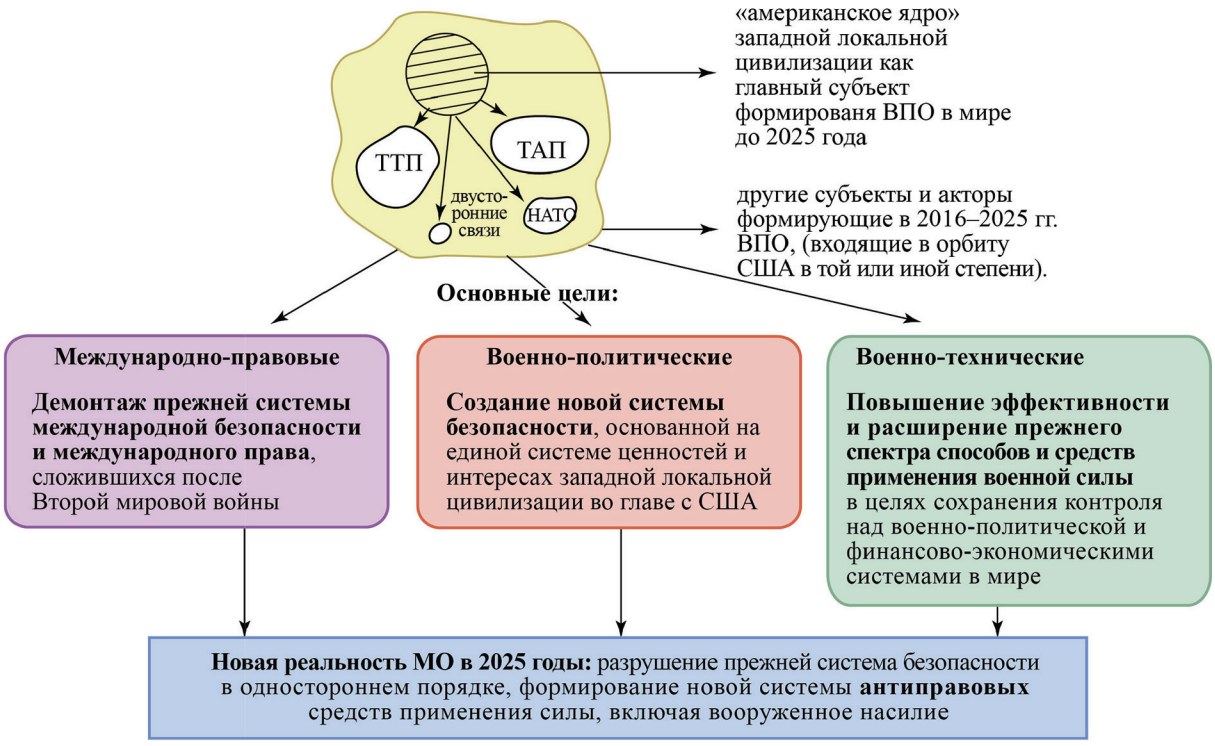

Рис. 1.20. Основные направления развития стратегии западной локальной цивилизации до 2025 года

Таким образом, видны, как минимум, три основных направления стратегии западной ЛЧЦ, входящие в единую систему политики западной ЛЧЦ до 2050 года, т.е. до завершения периода, когда у Запада сохраняется «решающая» степень влияния на формирование МО. Можно предположить, что в случае позитивного (для западной ЛЧЦ) развития сценария реализации указанной стратегии

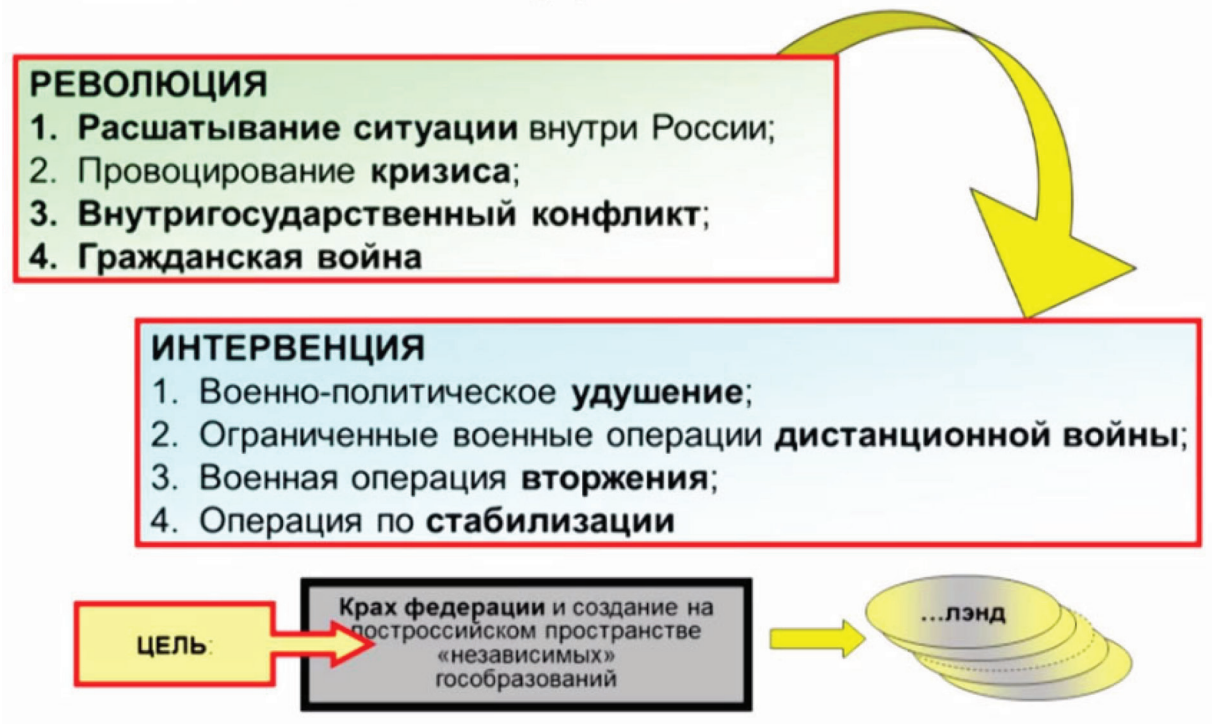

Рис. 1.21[74]. Два этапа наиболее вероятного сценария реализации стратегии Запада по геополитическому уничтожению России

эта стратегия может быть сохранена в своих основных чертах вплоть до 2050 года с той, однако, разницей, что придется делать поправку на неизбежное изменение в соотношении сил и степень влияния западной ЛЧЦ на развитие МО.

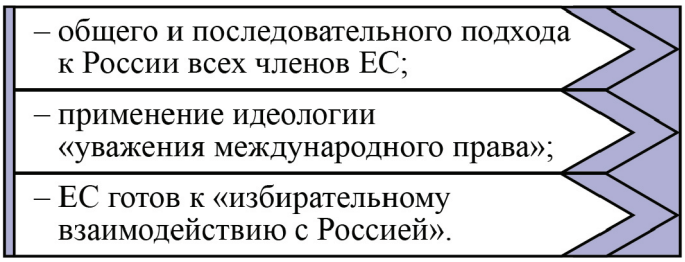
Эта системная стратегия западной ЛЧЦ была отчетливо проиллюстрирована в июне 2016 года в документе ЕС, посвященном новой глобальной стратегии ЕС на саммите в Брюсселе, которая конкретизировала прежнюю политику «комбинированного наступления ЕС и НАТО на восток. В этом документе можно выделить следующие принципиальные положения[75]:

— главной категорией и сущностной чертой «Европы» является «общая система ценностей», являющаяся ценностной характеристикой, которую нужно продвигать, т.е. проводить экспансию расширения;
— в направлении России ЕС проводит политику «европейского соседства», которая относится к пяти постсоветским государствам, включенным в программу «Восточное партнерство» (не предусматривающую расширение ЕС, но предполагающую ассоциацию), а также «способность к устойчивости», т.е. противодействия России;
— ЕС отказывает России в расширении ее влияния на постсоветском пространстве, где Брюссель прямо говорит о заинтересованности в ресурсах этих территорий, в частности «устойчивый доступ к глобальному общему достоянию» (sustainable access to global commous);
— Россия представляет «ключевой вызов» ЕС, связанный с противодействием продвижению ЕС на восток. Это требует от Запада:

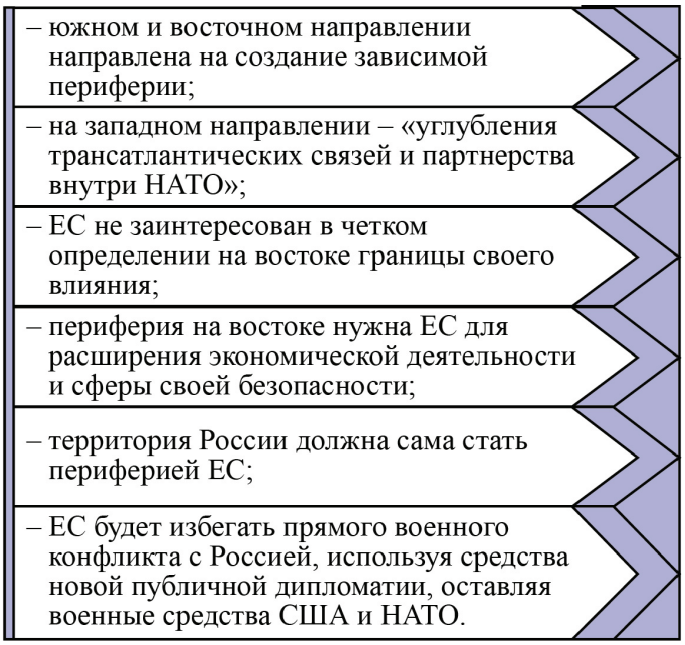
---

[74] *Попов И. М.* «Война это мир: невоенные аспекты обеспечения безопасности государства» / Конференция «Современные аспекты международной безопасности». — М.: МГИМО–Университет, 2014. Апрель.

[75] Европа до Средней Азии: новая глобальная стратегия Евросоюза / Эл. ресурс: «EurAsia Daily». 2 июля 2016 г. / https://eadaily.com/ru/news/2016/07/02/

— геополитически, политика ЕС на:

1.3. б). Стратегия национальной безопасности России как результат стратегического прогноза развития международной и военно-политической обстановки

Очередная война между великими державами за лидерство неизбежна, она будет носить межцивилизационный характер[76]
Авторы проекта концепции национальной безопасности из ЦВПИ

… финансовый блок правительства согласен заложить на новую ГПВ (на период 2018–2025 гг. — *А.П.*) 12 трлн руб., а военные рассчитывают получить около 24 трлн рублей[77]
газета Коммерсант

Влияние политики России как субъекта МО на формирование того или иного сценария могло бы быть существенно выше, если бы эта политипа строилась на основе стратегического прогноза и планирования. В отличие от большинства западных и китайской стратегий национальной

[76] Проект долгосрочной стратегии национальной безопасности с методологическими и методическими комментариями: аналит. доклад / [А.И. Подберезкин (рук. авт. кол.) и др.]. — М.: МГИМО–Университет, 2016. Июль. — С. 10.
[77] *Сафронов И., Сапожков О.* Битва при бюджете // Коммерсант, 2016. 4 июля.

безопасности, российская Стратегия практически не учитывает прогноза развития МО и ВПО в мире, ограничившись констатацией существующих вызовов, опасностей и угроз. Учитывая, что Стратегия должна быть базовым, т.е. основным документом для других стратегий и концепций, в т.ч. финансово-бюджетных и социально-экономических, получается, что отсутствующий прогноз развития МО и ВПО в Стратегии не предоставляет ориентиров для бюджетного планирования.

Это полностью подтверждается и существующей практикой, когда спор о финансировании обороны на 7–8 лет ведется в категориях «плюс» или «минус» 100% (12 или 24 трлн руб.). Такое состояние бюджетного процесса «от достигнутого», а не от того, что нужно для безопасности и развития, очень хорошо характеризует не только бюджетную и финансово-экономическую политику государства, но и его политику безопасности.

Другой аспект — финансово-экономические последствия тех или иных внешнеполитических и военно-политических решений.

Рис. 1.22[78].

В этой связи возникает вопрос о прогностическом значении функции «Стратегии», которые важны также и потому, что они неизбежно экстраполируются на все другие стратегии, доктрины и концепции более низкого уровня, вытекающие из стратегии национальной безопасности. Так, стратегический прогноз развития того или иного сценария и его варианта МО непосредственно влияет на формирование прогноза ВПО и, как следствие, на весь комплекс мер по обеспечению безопасности и развития страны, который должен быть сформулирован в Стратегии национальной безопасности. «Стратегия», в свою очередь, — непосредственно влияет на формирование Концепции внешней политики, на Военную доктрину, а также на Стратегию социально-экономического развития и все последующие стратегии и концепции развития России и регионов (экономики, промышленности, финансов, регионов и т.д.). Так, например, утвержденная 31 декабря 2015 года Стратегия национальной безопасности России потребует корректировки Концепции внешней политики России (принятой в феврале 2013 года), а также других документов.

Очевидно, в этой связи, что для одного возможного сценария развития МО будет адекватна одна «Стратегия», а для другого сценария — совершенно другая. Логика подобного неизбежного развития взаимовязи сценариев и соответствующих «Стратегий» выглядит следующим образом (рис. 1.23).

[78] http://im7.kommersant.ru/ISSUES.PHOTO/CORP/2016/05/14/04%20TXT%20SIRIA.jpg

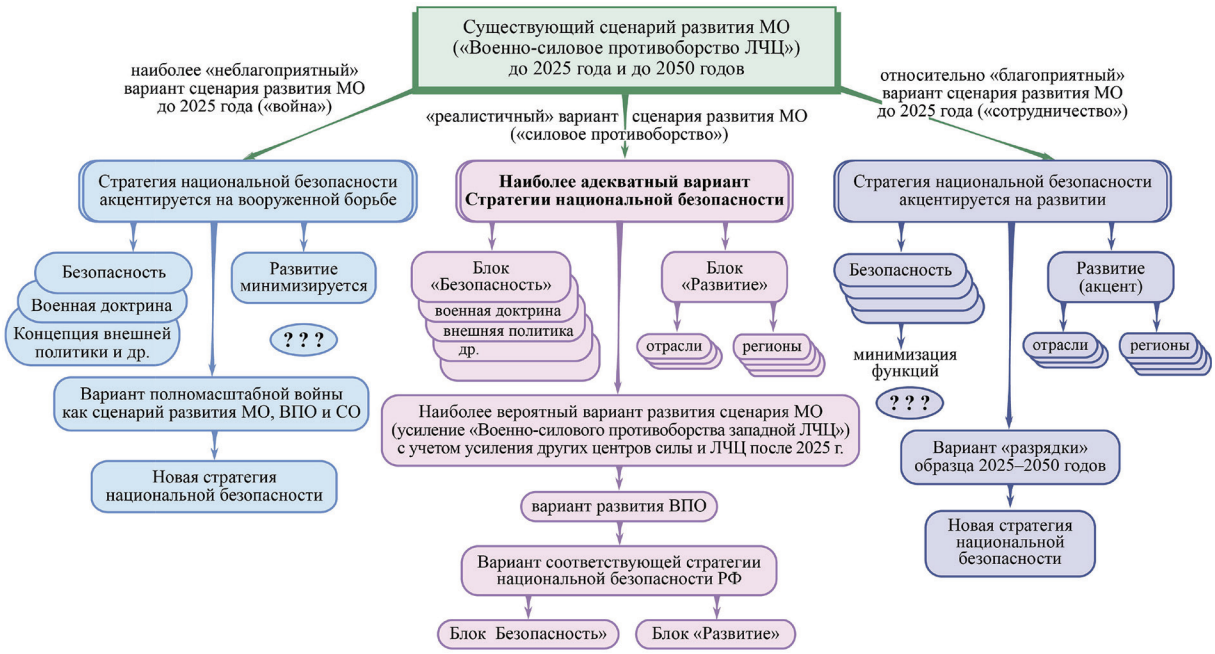

Рис. 1.23. Логика выбора стратегии национальной безопасности в зависимости от стратегического прогноза того или иного сценария и варианта развития МО до 2025 и 2050 годов

Как видно из этого рисунка, наш прогноз развития МО до 2050 года останавливается на сценарии «Военно-силового противоборства ЛЧЦ до 2050 годов», при котором основным оппонентом России и ее ЛЧЦ будет западная ЛЧЦ. Напомню, что западная ЛЧЦ состоит из «ядра» — США, близких «орбит» стран-членов НАТО, более дальних ЕС, отдельных союзников (Япония, Австрия и т.д.) и партнеров (Саудовская Аравия и Катар) и периферии. На рисунке это может быть показано следующим образом:

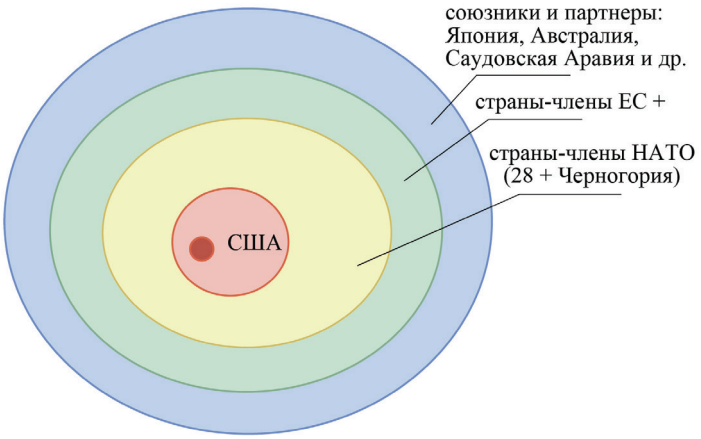

Рис. 1.24. Структура западной ЛЧЦ

Дальнейшая логика рассуждений свидетельствует о необходимости выбора наиболее конкретного варианта этого сценария, который в 2016 году представляется мне как вариант «Усиление военно-силового противоборства западной ЛЧЦ». Выбор того или иного варианта одного и того же сценария не является принципиальным решением: эти варианты могут меняться достаточно быстро, иногда даже в чисто пропагандистских целях, не меняя основного сценария. Как точно

заметил по поводу политики НАТО российский представитель при НАТО А. Грушко, «Направленность заявлений не меняется, но тональность корректируется. На сегодня нас беспокоит другое: политический курс, который был избран НАТО под предлогом украинского кризиса, теперь приобрел форму военного планирования…»[79].

Иными словами, «политический курс» (сценарий МО) по продвижению систем ценностей западной ЛЧЦ был реализован в его наиболее опасном варианте «Военно-силового противоборства», который формирует современную ВПО (продвижение НАТО и ЕС на восток, политику санкций, создание «ассоциированных» членов и контролируемых территорий и т.д.).

Де-факто и де-юре этой стратегии западной ЛЧЦ в настоящее время противостоит Стратегия национальной безопасности РФ, утвержденная 31 декабря 2015 года президентом России В. Путиным, которая должна адекватно отражать угрозы и опасности, вытекающие из этой стратегии и формировать основы для других стратегий безопасности и развития. Этого, к сожалению, не происходит. Настоящая «Стратегия» не является долгосрочным прогнозом угроз, а лишь их современной оценкой, во-первых, и не является де-факто основой для стратегий безопасности и развития, во-вторых. Поэтому и ее влияние не формирование МО существенно ниже, чем могло бы быть.

Совершенно очевидно, что точный прогноз будущего состояния МО и её производной — военно-политической обстановки, а тем более стратегической обстановки — задает не только вектор развития внешней и военной политики страны, но и формирует конкретные условия стратегического планирования деятельности государства на долгосрочную перспективу.

Более того, влияет на формирование будущей МО и ВПО. Простой пример: определение военных программ, численности ВВСТ, а также подготовки личного состава в настоящее время будет определять их будущее на несколько десятилетий. Справедливо и то, что планы по созданию этих видов и систем ВиВСТ также влияют на развитие сценариев МО и ВПО. Яркий пример — стратегическая оборонная инициатива (СОИ) Р. Рейгана, которая на десятилетия стала влиятельным фактором формирования МО и ВПО. Другой, более современный пример, стремительный рост военных расходов Украины и Польши в 2015 году, что не может не наводить на определенные выводы в отношении будущей ВПО на континенте.

Рис. 1.25[80]. Топ-10 стран с самыми быстрорастущими военными бюджетами в 2015 году

Сказанное означает, что адекватная стратегия национальной безопасности России, основанная на долгосрочном прогнозе и планировании, является не только обязательным условием эффективной внешней и внутренней политики России, но и влиятельным фактором формирования будущего сценария (и его вариантов) развития МО и ВПО.

Другая особенность — прогноз развития различных сценариев МО и их вариантов определяет во многом эффективность и адекватность уже существующих стратегий, концепций и программ в самой России, вытекающих из Стратегии национальной безопасности. Так, подготовка новой редакции концепции внешней политики России, которая ведется сейчас, должна исходить не только

[79] *Грушко А.* НАТО искусственно придумывает себе большого врага // Коммерсант. 2016. 7 июля. — С. 6.

[80] Доклад HIS Jane`s Annual Defence Budgets Report 2015 / http://im5.kommersant.ru/ISSUES.PHOTO/CORP/2016/05/14/1%20TXT%20WAR%20gr% 20Budzhet.jpg

из положений новой редакции Стратегии национальной безопасности, но и стратегического прогноза развития наиболее вероятного сценария МО, а также его наиболее вероятных конкретных вариантов. На рисунке выше были указаны (достаточно схематично) только три сценария и только три варианта потому, что этот рисунок отображает абстрактную логику процесса. На самом деле теоретически возможных сценариев (а тем более их вариантов) может быть огромное количество. Поэтому задачей стратегического прогноза является отбор из множества теоретически возможных сценариев один–два наиболее вероятных сценария, а, кроме того, выделение из этих наиболее вероятных сценариев их наиболее вероятных вариантов.

При этом важно понимать, что экстраполяция в стратегическом прогнозе развития МО крайне малоэффективна: никто в 80-е годы еще не допускал всерьез развал ОВД и СССР, объединение Германии и расширение НАТО и ЕС. Поэтому необходимо, как минимум, делать несколько стратегических прогнозов развития МО до 2025 г. (а тем более до 2050 гг.), — на основе существующей парадигмы развития и на основе возможных будущих парадигм, что существенно затрудняет задачу исследователя, но обеспечивает значительно более высокий уровень вероятности прогноза.

1.3. в). Обоснование развития военно-силового сценария международной обстановки в 2016–2025 годы

Столкновение цивилизаций станет доминирующим фактором мировой политики. Линии разлома между цивилизациями — это и есть линии будущих фронтов[81]

С. Хантингтон, политолог

Изменение соотношения сил в мире и относительное ослабление позиций США стало заметно, еще в первом десятилетии XXI века. Эта тенденция неизбежно продолжится во втором десятилетии и последующих десятилетиях, что также неизбежно поставит под сомнение доминирование США, а затем и приведет к разрушению созданной ими финансово-экономической и военно-политической системы[82]

А. Подберезкин, профессор МГИМО

Выбор в качестве наиболее вероятного сценария развития МО в 2016–2025 годы сценария глобального «Военно-силового противоборства ЛЧЦ» принципиально важен для долгосрочного прогноза развития, как МО, так и ВПО потому, что теоретически сохраняется возможность развития и других сценариев МО. Как условно называемых сценариев «сотрудничества», так и сценариев «войны». Сценарий глобального «Военно-силового противоборства ЛЧЦ» рассматривается в этот период как наиболее вероятный из всех возможных сценариев. При этом, как уже говорилось, он может быть реализован в нескольких вариантах, которые, однако, не выходят за рамки этого сценария. Целесообразно еще раз повторить эту схему (рис. 1.26).

Из предлагаемого рисунка делается следующий долгосрочный прогноз:

— возможные сценарии и их варианты прямого военного противоборства западной ЛЧЦ с Россией полностью не исключаются, но слишком рискованны и дороги, а поэтому маловероятны;

---

81 *Huntington S.P.* The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs, 1993. Summer / https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/1993-06-01/clash-civilizations

82 *Подберезкин А. И., Харкевич М. В.* Мир и война в XXI веке: опыт долгосрочного прогнозирования развития международных отношений. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — С. 555.

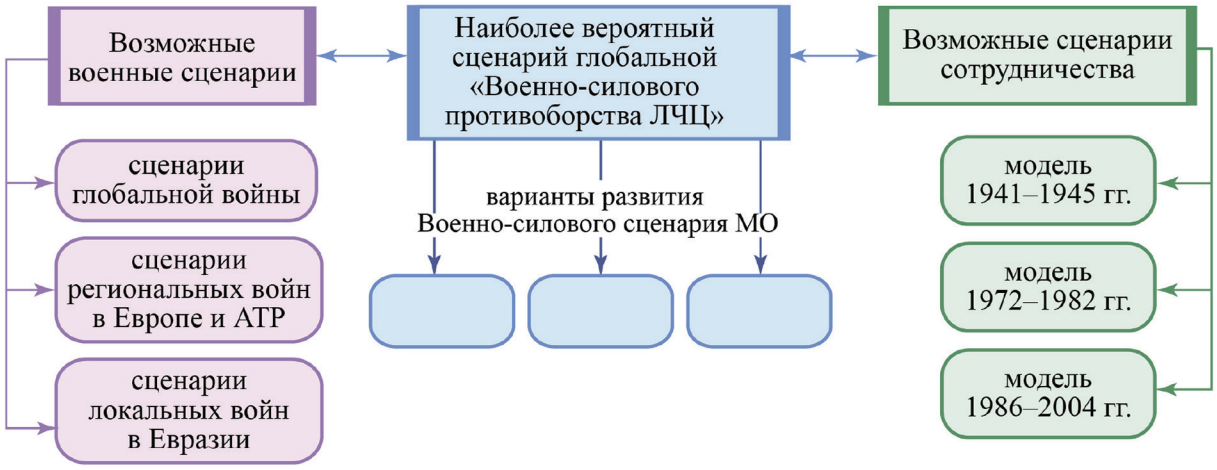

Рис. 1.26. Возможные и вероятные сценарии развития МО до 2025 года

— возможные сценарии сотрудничества с западной ЛЧЦ крайне маловероятны из-за того, что не ожидается складывание внешних условий, угрожающих западной ЛЧЦ, которые всегда являлись основой для такого сотрудничества. Другими словами эти сценарии могут перейти из категории «возможные» в категорию «вероятные» только в случае появления прямых и непосредственных угроз западной ЛЧЦ (например, войны с исламской ЛЧЦ или китайской ЛЧЦ, либо глубокими внутриполитическими — этническими и пр. — кризисами);

— наиболее вероятным, таким образом, остается на 2016–2025 годы сценарий глобального «Военно-силового противоборства западной ЛЧЦ», который остается, если использовать метод исключения других, менее вероятных сценариев. При этом такой сценарий будет характеризоваться следующими особенностями:

а) нарастанием силового давления на Россию, в котором все большее значение будут приобретать силовые средства политики, а в них — военный компонент;

б) распространением такой силовой политики на все области отношений — от спорта и торговли до военно-технического сотрудничества, — т.е. системное использование силовых инструментов;

в) стремлением ограничить влияние России на другие страны, а затем и полностью их подчинить, включить в исключительную область влияния Запада.

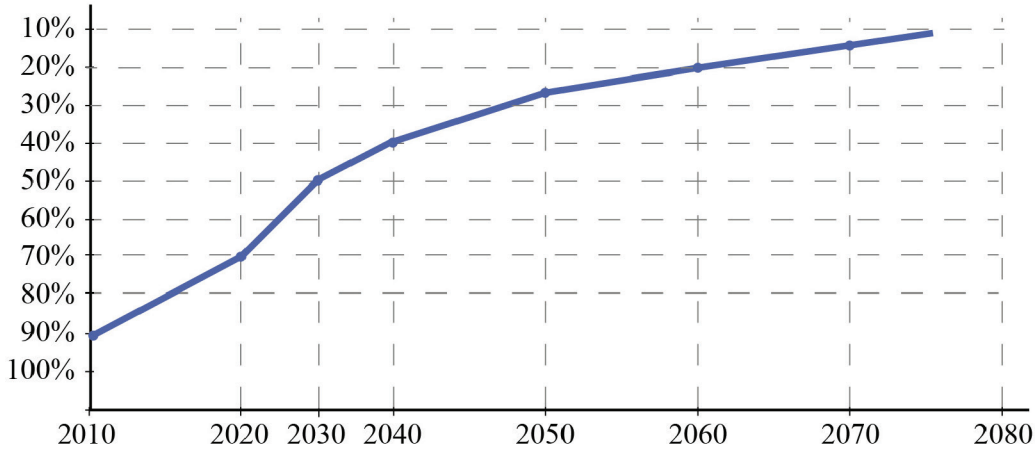

Рис. 1.27. Тенденция падения влияния США и потери ими контроля над развитием МО в мире в XXI веке

Такая стратегия западной ЛЧЦ объясняется несколькими причинами, прежде всего, объективного характера, с которыми уже сегодня считаются не только в США, но и в странах — союзниках широкой военно-политической коалиции, созданной ими на базе западной ЛЧЦ. Прежде всего, речь идет о неизбежном ослаблении относительной мощи и влияния США в долгосрочной перспективе.

Тенденция ослабления влияния этой мощи и влияния США может быть графически отображена следующим образом (рис. 1.27).

Влияние США на мировые процессы может быть принято:

— 80–90% — близкое к абсолютному;
— 60–80% — решающее;
— 50% – очень сильное, определяющее;
— 30–40% — сильное;
— 20–30% — заметное;
— 10–20% — существенное;
— до 10% — незначительное.

Как видно из графика, степень влияния достигает критического уровня уже во второй половине 2020-х годов, что ставит под угрозу, существующую финансово-экономическую и военно-политическую систему в мире, которую контролируют США. А это должно неизбежно привести к радикальным потрясениям внутри страны. Таким образом, вторая половина 2020-х годов будет сменой не только внешнеполитических, но и внутриполитических парадигм в мире, но прежде всего в США.

Подобное развитие событий будет иметь неизбежным своим следствием радикализацию политики правящих кругов США, которые будут стремиться сохранить сложившийся статус-кво в мире силовыми средствами, невзирая на объективные процессы мирового развития. «Контрольный пакет» Запада в области мирового управления должен сохраняться неизбежным, при неизбежном уменьшении его относительного мирового объема за счет постоянного инициирования процессов управляемого хаоса и дестабилизации различных стран и регионов.

Между тем, США и Запад в целом смогут реализовать цель по сохранению статус-кво только в том случае, если они:

— смогут сохранить военно-политическую коалицию Запада (и «систему ценностей») относительно других цивилизаций и государств;
— смогут закрепить существующее в настоящее время у Запада технологическое и, особенно, военно-техническое превосходство над остальными ЛЧЦ;
— не допустить создания иными ЛЧЦ своих коалиций, ведущих к стабилизации военно-политической обстановки на планете в целом и в отдельных ключевых регионах.

Эти условия уже сегодня отчетливо просматриваются в качестве основных условий во внешней и военной политике США в базовых документах, например, стратегии национальной безопасности США[83].

Таким образом, в среднесрочной перспективе будут складываться все условия для неизбежного обострения МО и усиления военно-силового противоборства между ЛЧЦ из-за стремления США нейтрализовать нарастающие в мире процессы, угрожающие монопольному праву США контролировать МО в мире. Это же с неизбежностью означает, что в начале 20-х годов нашего века начнется новый этап, который с высокой степенью вероятности можно охарактеризовать как вероятный этап глобального вооруженного, а не только силового, противоборства западной ЛЧЦ с другими локальными цивилизациями, прежде всего российской, за сохранение этой монополии, с одной стороны, и ее нарушение, с другой[84]. Другими словами, можно констатировать,

[83] The National Security Strategy. — Wash.: GPO, 2015.

[84] *Подберезкин А. И.* Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — С. 128–129.

что за 2015–2025 годы должен завершиться этап подготовки глобального военного конфликта, в ходе которого западная ЛЧЦ предполагает взять реванш и таким образом восстановить свое доминирующее положение в системе международных отношений.

Сказанное означает, что после 2021 года произойдет смена парадигм в международной области, а именно:

— окончательно закончится формально «мирный» период в отношениях между Российской и западной локальными цивилизациями (который в действительности означает просто скрытую фазу начавшейся между ними войны), а также возможно другими ЛЧЦ. Причем, ограничение этой формально мирной фазы 2013–2021 годами достаточно условно потому, что до 2013 года эта скрытая фаза была тщательно замалчиваемой. Но после 2013 года игнорировать эту реальность было уже просто невозможно, хотя ее «миролюбивые» трактовки по-прежнему продолжали существовать;

— к 2021–2022 годам завершится в основном военно-техническая подготовка западной ЛЧЦ к глобальной войне, т.е. будут полностью развернуты наиболее эффективные виды и системы оружия, а также мобилизованы все члены коалиции. Основные циклы — появление идеи — ТЗ — НИОКР — создание опытных образцов — испытание — уже завершаются, что говорит о том, что их полномасштабное производство может быть организовано в достаточно короткие сроки. Прежде всего, речь идет о высокоточном оружии (ВТО) — крылатых ракетах всех типов базирования, чья численность может превысить 20 тыс. ед., развернутых в основном по регионам, а также гиперзвуковых системах и широкомасштабной системе ПРО и т.д.

— к 2021 году завершится пересмотр основных положений военного искусства. Современные концепции использования технологического превосходства в ходе глобальной войны просматриваются уже сегодня. Это концепции глобального разоружающего удара, ведения глобальной войны с помощью воздушно-космических средств (прежде всего ВТО), создания эффективной глобальной системы ПРО и т.п. Суть их — независимо от названия и терминологии — одна: дать возможность США в глобальном масштабе и по своему выбору использовать военную силу в прямой или косвенной форме в качестве политического инструмента без высоких рисков и масштабных издержек;

— завершится окончательное формирование военной коалиции, состоящей не только из стран-участниц НАТО, но и двух «суперблоков» — ТТП и ТАП, а также оформление целой серии двусторонних соглашений. К этому времени западная ЛЧЦ сможет представлять из себя вполне единую военно-политическую коалицию, которая объединена не только общей системой ценностей, интересов и целей, и единой системой управления, но и концентрирует основные ресурсы планеты, способные обеспечить достижение этих целей. Такая глобальная коалиция, по оценкам западных стратегов, сможет под контролем США обеспечить западной ЛЧЦ сохранение существовавшего до 2020-х годов в мире статус-кво[85] на далекую перспективу;

— до 2021–2022 годов западной ЛЧЦ удается внести с помощью стратегии «управляемого хаоса» разлад и дезинтегрировать ряды возможных противников, а другие страны — шантажировать подобным возможным развитием событий. Речь идет, прежде всего, о России, Китае, Индии, Иране, Венесуэле и Бразилии. Такая стратегия должна серьезно ослабить ряды потенциальных оппонентов, которых отличала от других стран некая большая свобода в политике и более широкое восприятие государственного суверенитета.

---

[85] Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А.И. Подберезкина. — М.: МГИМО–Университет, 2015. Т. 1. Теоретические основы системы анализа, прогноза и планирования внешней и оборонной политики. М. 2015.

1.3. г). Мир — это война. Война — это мир

Кризис наступает тогда, когда старый порядок уже умирает,
а новый еще не готов родиться. В этот период появляется
много токсичных образований[86]
Кофи Аннан (цитата А. Грамши),
Генсек ООН

Таким новым «токсичным образованием» в период перехода от «односистемной» мировой модели к «многосистемной» модели, от доминирования одной цивилизации к развитию нескольких цивилизаций, от универсализма — к уникальным особенностям каждой ЛЧЦ становится в переходный период глобальная «Военно-силовая стратегия западной ЛЧЦ».

В этой связи встает со всей неизбежностью вопрос о «точке отсчета», а именно, когда начинает развиваться сценарий МО в соответствии со стратегией западной ЛЧЦ, и насколько объективно способны воспринять эту угрозу правящие элиты различных ЛЧЦ и государств.

Если говорить о способности объективного восприятия угрозы реализации подобного сценария МО, то, к сожалению, следует признать, что далеко не все правящие элиты способны и готовы это сделать сегодня. По целому ряду соображений, но, прежде всего, политическим: мало кому удобно говорить о нарастающем противостоянии в военно-силовой области потому, что неизбежно надо выступать против этого развития событий. Это означает, что на практике нужно выступать против США и целого ряда лидеров западной ЛЧЦ.

Очень похоже, что столкновение локальных цивилизаций не просто неизбежно, но уже началось: западная ЛЧЦ хочет, во что бы то, ни стало, уже не просто сохранить свое господство, но и подчинить себе другие. Более того, правящая элита Запада уже начала — системно и последовательно — этот глобальный процесс. Поставки западных ВиВТ на Украину это фактически военное участие (пусть и «опосредованное», как говорят на Западе)[87] в цивилизационном конфликте. Вместе с тем, крайне маловероятно, что изменение в соотношении мировых сил, с одной стороны, и попытки западной ЛЧЦ сохранить сложившуюся военно-политическую и финансово-экономическую систему силовыми средствами, с другой, не приведут к войне.

В современном международном контексте исключительно невоенные сценарии развития МО никак нельзя включить в число наиболее вероятных. Вопрос стоит лишь о «доле» собственно военной силы и других инструментов «жесткой силы» в общей силовой компоненте этой войны будущего. И в том, что сегодня понимается под «жесткой силой» и военной силой.

На этот счет есть существенные разногласия, которые можно в целом отнести к политической культуре XX века (и предыдущих эпох) и современности. Традиционно «жесткая сила» (военная сила) понималась как применение вооруженного насилия в противовес политико-дипломатическим и иным инструментам политики («мягкой силы»). В XXI веке, однако, произошло их слияние, синтез, в результате которого появился третий вариант — «принуждение» («the power to coerce»). Он включает все силовые и военно-силовые средства, в том числе набор средств публичной дипломатии, которая ранее «по-определению» относилась к «мягкой силе», а сегодня стала уже «принуждением» (как, например, подготовка и поддержка экстремистов и террористов).

В этой связи под категорию силовых, но не военных средств попадает очень широкий набор инструментов политики, который традиционно и формально не относится к «жесткой силе». Это означает, что в XXI веке к традиционному набору «жесткой силы» можно отнести масштабные — региональные и глобальные — войны. Вот как это видит бывший советник НГШ полковник И. Попов[88].

---

[86] Цит. по: *Макконнелл Б.* Сетевое общество и роль государства / Россия в глобальной политике. 2016. Март–апрель. — №2. — С. 137.

[87] *Верхоянцев А.* Приметы третьей мировой войны / Эл. ресурс: «ЦВПИ» / http://eurasian-defence.ru. 2015. 2 марта.

[88] *Попов И. М.* «Война это мир: невоенные аспекты обеспечения безопасности государства» / Конференция «Современные аспекты международной безопасности». — М.: МГИМО–Университет, 2014. Апрель.

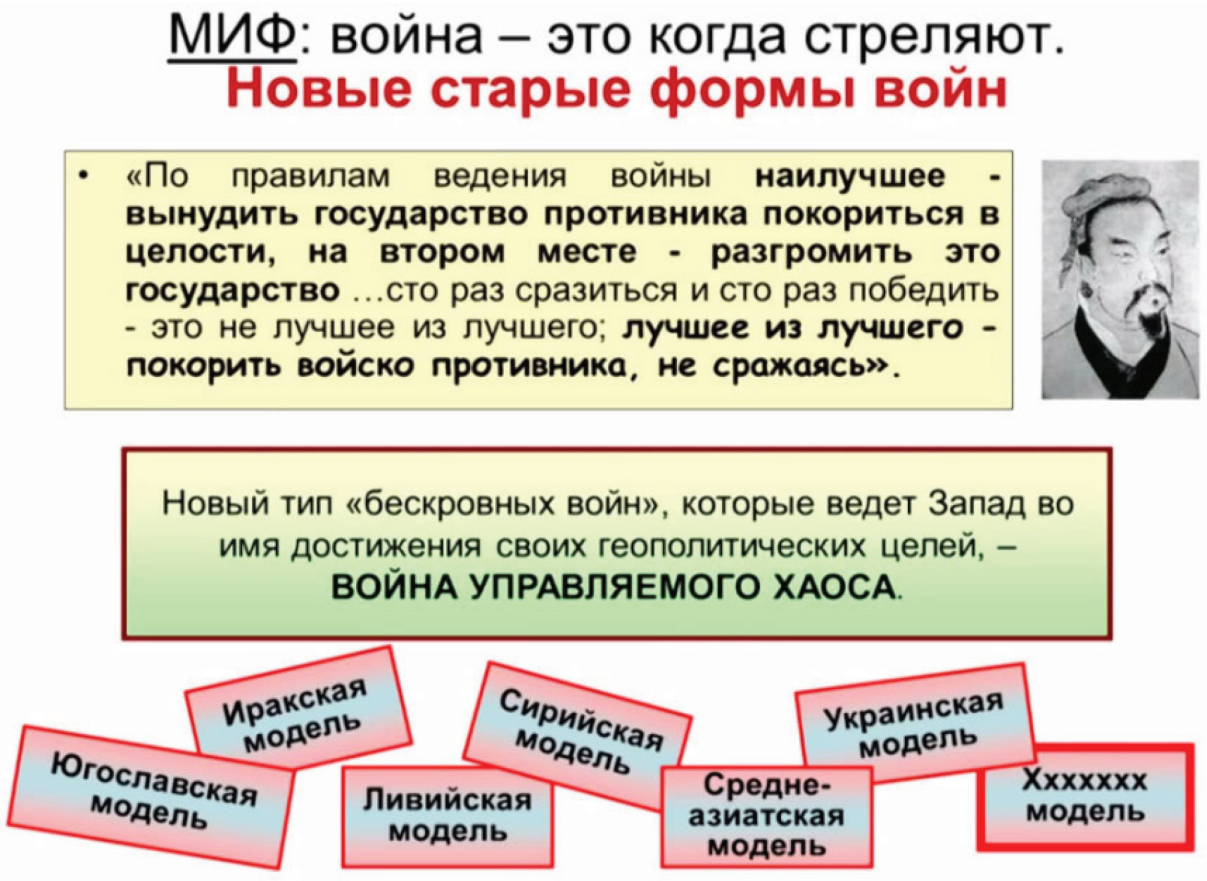

Рис. 1.28.

Таким образом, спектр и масштабы применения «жесткой силы» (масштабной войны) снижаются. И наоборот — военной силы в другой форме — увеличиваются.

Очень приблизительно эту «долю» можно показать в виде следующей таблицы.

Роль «жесткой силы» и «мягкой силы» в ходе эволюции военно-силового сценария развития МО

	«жесткой силы»	«мягкой силы»
МО в 2015 г.	60%	40%
МО в 2021 г.	70%	30%
МО в 2025 г.	80%	20%
МО в 2025–2026 гг.	85%	15%
МО в 2026–2029 гг.	90%	10%
МО в 2030 г.	95%	5%
МО после 2030–2031 гг.	?	?

Таким образом, можно констатировать, что роль «жесткой силы» в международных делах будет неуклонно возрастать в качестве обеспечения эффективности других силовых средств. Поэтому наиболее вероятным сценарием развития МО на перспективу до 2050 года является сценарий постепенной эволюции силового противоборства западной ЛЧЦ с другими ЛЧЦ, прежде всего российской, в вооруженную борьбу за сохранение существующей подконтрольной Западу финансово-экономической и военно-политической системы в мире.

Поэтому начало XXI века знаменует собой завершение периода относительно мирного господства США, который вызвал определенную «стратегическую паузу», с одной стороны, и начало периода открытого военного реванша со стороны США, — с другой. К настоящему моменту США отчетливо продемонстрировали, что не готовы отказаться от выгодной политической монополии на военную силу и власть в условиях изменения глобального соотношения сил. Это означает, что для них и для Запада в целом, по сути дела, стало неважно какими способами заставить Россию принять навязываемые ей «правила игры» и поведения в мире[89].

Когда речь идет о готовности «использовать любые средства», это означает только одно: готовность использовать, в том числе любые военные средства. Спектр этих средств в наше время не просто достаточно, но чрезвычайно широк. По сути дела границы между военными и мирными средствами уже не существует, а значит, нет и границы между войной и миром. Нет границы не только между МО и ВПО, но и СО, что, конечно же, требует своего политического признания, ибо находится далеко от традиционных политических представлений о политике, дипломатии и войне. Именно эта особенность «гибридного» характера силовой политики, когда формально невоенные средства превратились в оружие, является главной особенностью международной обстановки во второй половине XX и начале XXI века. В реальности за все эти годы погибло более 7 млн человек, без войны или военного конфликта в мире прошло несколько недель, а всего таких войн и военных конфликтов было около 200. Если такая характеристика МО и ВПО называется «миром», то, что же тогда следует называть «войной»?

Именно поэтому во втором десятилетии XXI века можно говорить (в переходный период от господства одной ЛЧЦ к усилению влияния нескольких) «об усилении такого «нового токсичного образования» как «мирная стратегия» западной ЛЧЦ, которая в своей основе предполагает наращивание всех силовых, в т.ч. военных компонентов.

Можно уже, например, говорить о том, что формирование не только ВПО, но и МО происходит с учетом и под непосредственным влиянием новейших современных реалий СО, т.е. фактически уже ведущейся против РФ сетецентрической войны со стороны западной ЛЧЦ. Иначе говоря, классическая формула «война — продолжение политики насильственными средствами» уже во многом устарела, а точнее — стала очень узкой трактовкой. Война — не только продолжение политики, но и ее составная часть даже в относительно «мирное» время. Иначе говоря, формула Оруэлла «Мир — это война» стала реальностью. Сегодняшняя МО, характеризуемая войнами и военными конфликтами, называется «Миром».

Надо наконец-то признать тот факт, что сегодня не существует четкой грани между политикой и войной, начало которой до сих пор признается в том случае, когда войска формально переходят границу, захватывают территории, масштабно используют военную силу, наконец, политики объявляют войну, а дипломаты разрывают отношения. Сегодня все эти атрибуты войны существуют во время «мирного» политического процесса, когда «партнеры» ведут переговоры, продолжают сотрудничество в некоторых областях и т.д. Так, Россия помогает сопротивлению на Донбассе, одновременно предоставляя кредиты Киеву и не прекращая поставки газа. Именно такой «оптимистичный» вариант сценария глобального противоборства западной ЛЧЦ с Россией представляется очень вероятным. По сути, он явится пролонгацией реализуемого сегодня сценария с той разницей, что элементов сотрудничества останется в будущем еще меньше, а военного противоборства — больше.

---

[89] Стратегическое прогнозирование международных отношений: кол. монография / под ред. А.И. Подберезкина, М.В. Александрова. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — С. 61–73.

1.3. д). Теоретическое обоснование развития трех вариантов наиболее вероятного сценария глобального «Военно-силового противоборства ЛЧЦ»

Обострение межцивилизационного и межгосударственного конфликта, начавшееся в первом десятилетии XXI века, уже привело к тому, что этот конфликт перерос в силовую фазу развития и достаточно динамично сползает к ее вооруженному этапу…[90]
А. Подберезкин, В. Соколенко, С. Цырендоржиев

В краткосрочной перспективе 2016–2017 годов завершится окончательное оформление коалиции западной ЛЧЦ…[91]
авторы аналит. доклада ЦВПИ

Переходный период от относительно мирного состояния МО к её военно-силовой фазе развития, характерный для сценария развития МО во втором десятилетии XXI века, может развиваться по нескольким вариантам этого сценария до 2025 года. Как представляется, как минимум, по трем очень условно обозначаемым как «Вариант №1», «Вариант №2» и «Вариант №3» (соответственно — «пессимистический», «реалистический» и «оптимистический»). Таким образом, сценарий глобального «Военно-силового противоборства ЛЧЦ», как уже говорилось, может развиваться не вообще, а по нескольким своим вариантам в зависимости от конкретных политических и иных условий, сложившихся к началу этого периода или в процессе его реализации. Так, в ноябре 2013 года конкретные условия МО и ВПО на Украине были одни, а в феврале 2014 года, после переворота в Киеве, — совершенно иные. Смена условий МО, ВПО и даже СО не повлияла принципиально на смену «Военно-силового сценария противоборства ЛЧЦ» на какой-то иной, но, безусловно, изменила вариант его реализации в Европе и в мире с «Варианта №3» на «Вариант №2».

Аналогичная ситуация повторилась осенью 2014 года, когда Россия ввела свои ВКС в Сирию: «Вариант №2» развития сценария МО–ВПО вплотную приблизился к «Варианту №1»).

Рис. 1.29. Логика наиболее вероятного сценария развития МО до 2025 года

[90] Современная международная обстановка: цивилизации, идеологии, элиты / А.И. Подберезкин, В.Г. Соколенко, С.Р. Цырендоржиев. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — С. 9.

[91] Проект долгосрочной стратегии национальной безопасности России с методологическими и методическими комментариями: аналит. доклад / [А.И. Подберезкин (рук. авт. кол.) и др.]. — М.: МГИМО–Университет, 2016. Июль. — С. 26.

Условно можно выделить три варианта этого сценария: пессимистический, реалистический и оптимистический. Наглядно это разделение показано на нижеследующей схеме (рис. 1.29)[92].

Подчеркну, что это варианты одного и того же сценария, которые отличаются, прежде всего, ролью, значением, масштабом и интенсивностью использования военной силы среди прочих силовых инструментов политики западной ЛЧЦ. Как видно из нижеследующего рисунка, до 2021 года прогнозируется усиление силового фактора во всех трех вариантах избранного вероятного сценария развития МО и отношений между ЛЧЦ, но наиболее ярким и негативным образом этот сценарий развивается в варианте отношений между западной и российской ЛЧЦ. Более того, предполагается, что его эскалация будет происходить и дальше не только в ближнесрочной (2016–2017 гг.), но и среднесрочной (до 2021–2025 гг.) и долгосрочной (до 2050 г.) перспективе.

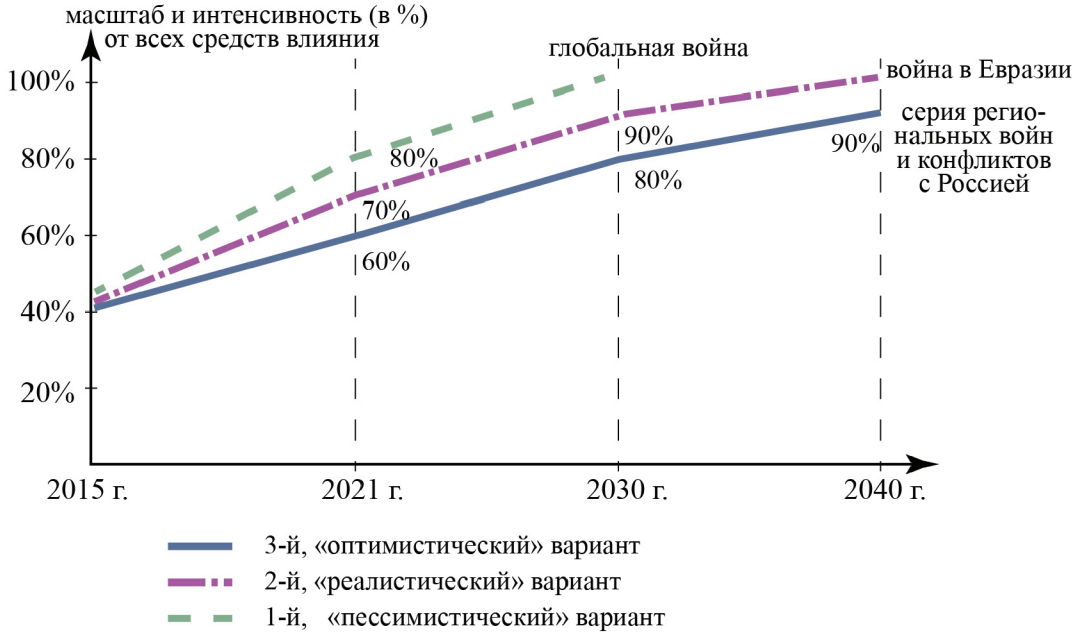

Рис. 1.30. Отличие вариантов базового сценария развития МО глобальное «Военно-силовое противоборство ЛЧЦ» до 2025 года в роли, масштабах и интенсивности использования военной силы в общем объеме средств силовой политики западной ЛЧЦ

Если сейчас попытаться оценить вероятность развития того или иного варианта базового «Военно-силового сценария противоборства ЛЧЦ» после 2021 года в зависимости от существующих современных тенденций, то ее можно предположительно поделить следующим образом:

«Оптимистический» вариант (№3) — 10%, — наименее вероятный вариант;

«Реалистический» вариант (№2) — 20%, — маловероятный вариант сценария;

«Пессимистический» вариант (№1) — 50%, — наиболее вероятный вариант;

Иной возможный или комбинированный вариант развития «Военно-силового сценария» МО — 20%.

Говоря об этих вариантах одного и того же сценария развития МО, следует иметь в виду, что, во-первых, еще до начала его полномасштабной реализации в 2021–2022 годах военная сила уже стала неотъемлемой частью внешней политики западной ЛЧЦ, т.е. ее современным атрибутом, во многом вернувшись к ситуации 1946–1979 годов в международных отношениях[93].

---

[92] Здесь и далее: Подберезкин А. И., Харкевич М. В. Мир и война в XXI веке: опыт долгосрочного прогнозирования развития международных отношений. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — 581 с.

[93] National Security Strategy. — Wash.: The White House. February. 2015.

Во-вторых, любой из вариантов (как указанных ниже, так и возможно других) развития сценария МО после 2021–2022 годов западной ЛЧЦ неизбежно будет опираться на военную силу и ставку на военно-техническое и технологическое превосходство[94]. Попробуем конкретнее рассмотреть три вероятных варианта базового сценария, начиная с наиболее безопасного для России «Варианта №3».

Вариант №3 («оптимистический») базового сценария предполагает достаточно быстрое замещение политико-дипломатических средств обеспечения международной, региональной и национальной безопасности силовыми инструментами политики: военно-политическими и военно-техническими средствами, а также средствами девальвации международных институтов безопасности и их вытеснения коалиционными институтами западной ЛЧЦ (например, Евросоюзом и НАТО), а также создания принципиально новых способов и средств силового обеспечения глобальной политики в области информатики, связи, интернета и образования.

Этот вариант, в частности, предусматривает в политической области системное сочетание как политико-силовых, экономико- и финансово-силовых методов с вооруженными методами, ограниченными по способам, средствам и масштабам использования военной силы, так и сетецентрические методы ведения вооруженной борьбы. Пример сочетания усиления силовых мер, сворачивания сотрудничества и постепенное втягивание в вооруженное противостояние в 2014–2015 годах отчетливо характеризует развитие этого варианта сценария и превращение его в «Вариант №2», доминирующий сегодня.

Как и в годы холодной войны, «оптимистический» сценарий военного противоборства не предполагает массового вооруженного воздействия со стороны западной ЛЧЦ: этот риск планируется минимизировать за счет использования вооруженных сил сателлитов, ЧВК, и инструкторов, которые смогут использовать качественную военную технику и вооружения (как, например, «Стингеры» в Афганистане). Пример с поставками военного снаряжения на Украину в 2015 году и направление американских спецподразделений в Сирию — только самое начало этого процесса.

Но этот вариант предполагает экспансию западной ЛЧЦ в Европе на территорию постсоветских государств и попытки создать зону зависимости России от ЕС. Этот же вариант предполагает расширение и продвижение НАТО на восток, втягивания в него не только новых членов, но и развитие двух форм влияния:

— «ассоциации» с НАТО (Украина, Грузия и т.д.);
— распространения влияния НАТО (республики Средней Азии, Казахстан и, в конечном счете, Россия)[95].

Поэтому «оптимистический» вариант сценария глобального «Военно-силового противоборства» предполагает в то же время эскалацию возможного военного конфликта до существенно больших масштабов, чем это имеет место сейчас. В этом смысле данный вариант неизбежно будет более насыщен военными компонентами, чем нынешний сценарий развития МО, который уже характеризуется как новое издание «холодной войны». По сути дела, это могут быть военные конфликты на нескольких ТВД с использованием клиентских государств и террористических организаций.

Вместе с тем, сохранение «оптимистического» варианта сценария глобального «Военно-силового противоборства ЛЧЦ» может прогнозироваться в случае сохранения части относительно благоприятных внешних условий, которые могут существовать в 20-е годы XXI века и которые будут ограничивать собственно вооруженные (но не силовые) способы воздействия, а именно:

— сохранения достаточно высокого уровня противоречий в рамках сложившейся военно-политической коалиции западной ЛЧЦ;
— успешного развития интеграционного проекта в Евразии вокруг «российского ядра»;

---

[94] The National Military Strategy of the United States of America. — Wash.: GPO, 2015. June.

[95] Стратегическое прогнозирование международных отношений: кол. монография / под ред. А.И. Подберезкина, М.В. Александрова. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — С. 105–117.

— нарастанием противоречий между западной ЛЧЦ и другими локальными цивилизациями, прежде всего исламской, китайской и латиноамериканской;
— но, прежде всего, успехами в технологическом, социально-экономическом и военно-политическом развитии России и ее союзников.

Очевидно, что в среднесрочной перспективе до 2021–2022 годов, когда указанные выше и другие тенденции в целом известны, можно рассчитывать на то, что западная ЛЧЦ не успеет в полной мере подготовиться к новому этапу и варианту сценария развития МО, в т.ч. в военно-технической области, что существенно скажется на ее возможностях и сделает этот «оптимистический» вариант сценария развития достаточно вероятным. Такую вероятность этого «оптимистического» варианта сценария МО можно оценить после 2021 года в 35–40%.

Вариант №2 («реалистический»). Этот вариант предполагает переход сетевой и сетецентрической войны западной ЛЧЦ против российской ЛЧЦ на качественно новый уровень, предполагающий постепенную смену существовавшей военно-силовой парадигмы на парадигму открытого военного противоборства (возможно еще до 2021–2022 гг.). По сути дела этот вариант предполагает открытую войну, ограниченную отдельными ТВД, возможно некоторыми средствами и способами ее ведения, а также масштабами и интенсивностью применения военной силы.

Реалистичность данного варианта сценария глобального «Военно-силового противоборства» после 2021–2022 годов во многом предопределяется не только развитием тенденций, указанных для «Варианта №1», но и силой существующей инерции, эффективностью сложившихся международных механизмов, прав, традиций и привычек. С некоторой долей условности можно провести сравнение с нарастанием военно-силового противоборства перед Второй мировой войной. Речь, в частности, идет о гражданской войне 1936–39 гг. в Испании; начале войны Японии с Китаем в 1937 г.; расчленении в 1938 г. Чехословакии и вооруженном конфликте Японии с Монголией и СССР на реке Халхин-Гол в 1939 году, оккупации Франции и других европейских государств.

Реализация «Варианта №2» до 2021 года требует если не признания публично новой парадигмы в международных отношениях, основанной на публичном праве силы, то молчаливого согласия с этим, что будет одновременно означать крах сложившейся правовой и политической системы в области международной безопасности. Такое достаточно циничное признание потребует не менее цинично публичной дискредитации международных институтов, норм и права, которые пока что необходимы западной ЛЧЦ в ее системной борьбе за сохранение мирового контроля.

Этот процесс, начавшийся с войны в 1991 году в Ираке, во многом фактически завершился к 2015 году, но для его публичной легитимизации потребуется еще какое-то время. Фактически этот процесс в 2015–2016 годах проходил в Сирии и на Украине. Есть основания полагать, что этот процесс будет ускоряться, но получит окончательное завершение только к 2021–2022 годам, когда новые представления о международных нормах и правилах, и институтах получат свое публичное закрепление, де-факто закрепленное признанием всего «цивилизованного сообщества» в лице стран-членов западной ЛЧЦ.

Для России этот наиболее «реалистичный» вариант сценария развития МО — самый опасный. Он позволяет США и их союзникам:

— использовать свое экономическое, информационное, коалиционное, научно-техническое и военное превосходство практически без ограничений в глобальном масштабе, требуя одновременно от России самоограничений в области международной и внутренней политики. Пример такой политики — поведение Запада в рамках минских договоренностей на Украине;
— на каждом из этапов возможной эскалации конфликта подвергаться наименьшему риску и обладать наибольшими возможностями для его эскалации. Это вытекает из способности США — как лидера западной ЛЧЦ — контролировать процесс эскалации, оставляя за собой инициативу;
— постепенно ограничивать возможности России в коалиционной деятельности, подвергая ее изоляции и мешая приобретать потенциальных союзников, что очень хорошо видно на примере политики ЕС–НАТО по отношению к России в Европе;

— внутриполитической стабильности в России, посредством системного воздействия на формирование политической альтернативы существующей власти отстаивающей суверенную политику внутри страны;
— создавать исскусственно серьезные социально-экономические трудности в развитии, консервируя внешнюю зависимость от импорта товаров, технологий и услуг.

После 2021–2022 годов этот вариант сценария развития МО, вероятность которого оценивается более чем в 50%, неизбежно перерастет в прямое глобальное военное противоборство с западной ЛЧЦ, которое будет подготовлено всем ходом развития событий в 2015–2021 гг. и эскалацией вооруженного и силового противостояния по схеме постепенного «втягивания» вооруженных сил США и НАТО в войну. Этот процесс будет, как представляется, характерен не только для конфликта на Украине, но и в других регионах, в частности в Сирии.

Вариант №1 («пессимистический»), предполагает радикальную смену парадигмы развития МО и ВПО ещё до 2021–2022 гг. и перехода к глобальной войне после 2021 года. То есть войне не ограниченной ни ТВД, ни способами, ни средствами ее ведения. Огромные военные риски развития такого варианта компенсируются новыми технологическими возможностями в области ВТО и ПРО, а также расчетами на способность сохранить контроль эскалации с целью избежать перехода к стратегической ядерной войне. Однако срыв развития международной обстановки от силового сценария к тотальной ядерной войне в рамках данного сценария, скорее всего, предотвратить не удастся. Вероятность «пессимистического» варианта «Сценария глобального Военно-силового противоборства» можно оценить в 10–15%, т.е. примерно на том же уровне, на котором он был в 1949–1969 годах.

Исходя из вышесказанного, следует изначально прогнозировать, что наиболее вероятный сценарий развития МО и его варианты — от «оптимистического» до «пессимистического» — в разной степени, но будут включать в себя не просто увеличение силовых, но и обязательное развитие вооруженные компонентов. Пока что такие компоненты вооруженной борьбы (уже существующие в реалии) не получили своих признанных в мире политических и юридических определений, хотя давно уже стали фактом. В частности, планируя развитие своего сценария МО после 2021 года, в США уже сегодня готовят не только силы и средства для поддержки на разных ТВД гражданами самых разных стран проамериканской оппозиции, но и вносят соответствующие изменения в штабную структуру своих специальных сил, подготавливая даже на самом низком звене специалистов по связям с общественностью, кураторов оппозиции и ведению информационных и кибервойн. Другими словами ВС США готовятся уже к войне на чужих территориях в режиме оккупации.

Кроме того надо понимать, что уже в ближайшем будущем война может начаться и закончиться без всякого массированного вооруженного нападения. И такая война даже может быть выиграна без крупных боестолкновений. Так же, как например, когда в Крыму и на Донбассе гражданское сопротивление власти переросло из политического противостояния в вооруженную борьбу, граница между которыми вплоть до апреля–мая 2014 года была условной. Но еще более яркий пример — «революция» в феврале 2014 года в Киеве, когда «мирные» протестующие стали убивать вооруженных солдат внутренних войск.

Позже, но «с другим знаком», ситуация повторилась в Йемене, когда изгнанный повстанцами президент Салех (как и В. Янукович на Украине) получил легитимную силовую поддержку извне от США и Саудовской Аравии, но сам не смог оказать вооруженного сопротивления повстанцам. По сути дела военные конфликты на Украине, в Йемене, а до этого в Югославии, Ираке и в Ливии, стали прообразами «пессимистического» варианта будущей войны против России о котором говорилось выше.

Характер современной внешнеполитической и военной стратегии развитых государств неизбежно предполагает, что она строится на принципах системности (т.е. использовании всех коалиционных и цивилизационных ресурсов для достижения окончательного результата), сетецентричности (т.е. военно-технического и информационного обеспечения политики) и сети (т.е.

комплексности подхода), что изначально предполагает инициативу и политико-идеологическое лидерство в подготовке и принятии решений, а также использования всего спектра «умной силы» (smart power). Это означает, что война XXI века, даже глобальная, а тем более на отдельных ТВД, не будет повторением прежних войн.

Иными словами в реализации указанного военно-силового сценария всеми странами могут быть использованы несколько (в нашем случае только три) вариантов развития одного и того же военно-силового сценария, сутью которого будет борьба за ликвидацию (сохранение) попыток со стороны любых сил нарушить монополию западной ЛЧЦ на контроль в мире. Средствами противоборства станут не только вооруженные, но и невооруженные силовые средства — широкая система мер противоборства — от «мягкой силы» до прямого вооруженного насилия, — в основе которой находятся, прежде всего, информационные и сетецентрические средства ведения войны.

Эти варианты с точки зрения значения в них военной силы можно проиллюстрировать в следующей матрице.

«Доля» военной силы в каждом из вариантов наиболее вероятного «Военно-силового» сценария развития МО до 2025 года

Условное название варианта	Значение тех или иных элементов силовой политики			
	военная сила (в прямой и косвенной форме)	политико-дипломатические	экономические	гуманитарные
«оптимистический»	35–40%	25–30%	20–30%	10%
«реалистический»	40–50%	15–20%	20–25%	5%
«пессимистический»	75–80%	5–10%	5–10%	0–5%

Как видно из предложенной матрицы, разные пропорции в соотношении различных политических средств отнюдь не означают, что преимущество будет отдано какой-то отдельной группе — «мягкой силы» или «жесткой силы», или «силе принуждения» — как интегрированному, системному применению всех средств и способов силового воздействия. В зависимости от конкретных условий и обстоятельств варианты стратегии и использование тех или иных форм военной силы будут меняться, а значит изменятся и варианты одного и того же сценария. Причем в короткое время. Так, развитие МО и ВПО на Украине в 2014–2015 годы свидетельствовало о быстрой смене «оптимистических» (соглашения в Минске) и «пессимистических», вариантов одного и того же военно-силового сценария, который применительно к России оставался на удивление последовательно силовым. При этом, как показала история, также быстро меняется и МО, и ВПО, и СО в регионе. Это означает, что динамика изменения МО и ВПО обстановок может быть очень высокой и изменяться в течение двух–трех месяцев. Прежде так динамично менялась только стратегическая обстановка.

Соответственно для России становится очень важным учесть эти приготовления в формирующейся СО. В Вооруженных Силах страны, включая специальные формирования, должны быть не только снайперы, связисты и корректировщики, специалисты по инфор- и кибер-войнам, но и социологи, политологи, учителя истории, политические лидеры и общественные фигуры и т.п. Это потребует соответствующих изменений в структуре и штатном расписании штабов и боевых подразделений, подготовке соответствующих специалистов уже сегодня, сейчас. Причем в достаточно близкой перспективе можно предположить, что их роль может стать решающей, может быть более важной, чем военных. Тем более что первые симптомы заметны уже сегодня.

Однако это далеко не все. По сути дела речь должна идти не только о новой структуре ВС и органов управления, но и серьезных изменениях во всей военной организации государства, его институтов. Эти изменения предполагают, что:

— война фактически уже идет и соответственно должно быть такое управление государством, обществом и всей нацией, которое аналогично тому, какое существует в условиях военного времени, но без введения чрезвычайного или военного положения во всей стране. Аналог такому управлению был создан в СССР в 1941 году в лице ГКО;
— необходима разработка сил и средств, соответствующих новому характеру войны. И не только в Вооруженных силах России, но и во всей военной организации страны: в МВД, Национальной гвардии, ФСБ, МЧС и общественных организациях.

Сказанное означает, что при подготовке ответных мероприятий со стороны России, включая ГПВ до 2025 года, необходимо ориентироваться на неизбежное военное и иное силовое противостояние, которое происходит и будет только усиливаться в среднесрочной перспективе. По этой причине необходимы срочные мобилизационные меры общенационального масштаба не только в военной области, но и включающие изменения в управлении государством, обществом и его экономикой.

1.4. ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ОСНОВНЫХ ПЕРИОДОВ РАЗВИТИЯ СЦЕНАРИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОБСТАНОВКИ ГЛОБАЛЬНОГО «ВОЕННО-СИЛОВОГО ПРОТИВОБОРСТВА ЛЧЦ» НА ЭТАПЕ ДО 2025 ГОДА

Универсализм — идеология, принятая Западом для противостояния незападным культурам… Деление человечества времен холодной войны позади. Более фундаментальные принципы деления человечества — этнические, религиозные, цивилизационные — остаются и становятся причиной новых конфликтов[96]

С. Хантингтон, политолог

Переходный период от состояния МО начала XXI века к ожидаемой смене парадигм во второй половине 2020 годов можно охарактеризовать точнее как «этап» в развитии человеческой цивилизации, характеризуемый в основном теми же основными парадигмами, которые существовали с конца XX века. В этом смысле ожидаемый новый этап развития сценариям МО (со второй половины 2020-х годов до 2040-х годов XXI века в начало должен достаточно радикально отличаться от нынешнего этапа. Следует изначально уточнить: понятие «этап» означает время бытия (сохранения сценария МО) определенной ситуации, понимаемой как относительно неизменное состояние объекта, а «периоды» — это ситуации, объединенные общей тенденцией развития[97]. В этом смысле сценарий глобального «Военно-силового противоборства» на этапе с 2016 по 2025 гг. можно рассматривать как некую серию периодов, которые объединены тенденцией наращивания силового (в т.ч. вооруженного) противоборства западной ЛЧЦ с другими ЛЧЦ. Условно весь этап развития сценария МО до 2025 года можно разделить на 3 периода:

— период 2016–2018 годов — завершение формирования западной военно-политической коалиции ЛЧЦ;
— 2018–2021 годы — завершение военно-технической подготовки для ведения глобальных военных действий западной ЛЧЦ, и создание внутренней оппозиции;
— 2021–2025 годы — военно-силовое использование мощи западной ЛЧЦ для утверждения норм и правил, соответствующих системе интересов и ценностей этой ЛЧЦ.

---

[96] *Тойнби А. Хантингтон С.* Вызовы и ответы. Как гибнут цивилизации. — М.: ООО «ТД Алгоритм», 2016.

[97] *Хрусталев М. А.* Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. — М.: Аспект Пресс, 2015. — С. 28.

Таким образом, конечной целью всего современного этапа развития МО, который завершается третьим периодом, является утверждение в качестве доминирующих международных норм и правил системы ценностей и интересов западной ЛЧЦ, которое на этом этапе планируется обеспечить с помощью силы, включая военную силу. Графически развитие этих периодов первого этапа можно проиллюстрировать следующим образом.

Развитие МО на первом этапе военно-силового сценария, реализуемого западной ЛЧЦ (конец 90-х годов XX века — вторая половина 2020-х годов XXI века)

Конец 90-х гг. XX в. (подготовительный период)	2016–2018 гг. (период завершения формирования коалиции)	2018–2021 гг. (военно-техническая подготовка западной ЛЧЦ)	2021 — конец 2020-х гг.	
Подготовительный период перехода к доминированию западной ЛЧЦ (однополюсной / односистемной системе МО)			Силовое и военное противоборство	утверждение силой норм, правил и процедур
Завершение формирования военно-политической коалиции	→	управление	развитие и применение	утверждение
Военно-технические приготовления	→ ускорение	→ завершение	→ применение	→ развитие
Политическое использование насилия	→ публично-демонстративное (устрашение)	→ повсеместное распространение	→ результаты	→ закрепление

Таким образом, подобная периодизация предполагает, что по завершению последнего, третьего, периода (во второй половине 2020-х г.) все ЛЧЦ будут вынуждены принять правила, нормы и законы, установленные западной ЛЧЦ.

1.4. а). Обоснование периода завершения формирования военно-политической коалиции западной локальной человеческой цивилизации

2016–2018 годы можно назвать периодом завершения политико-идеологической и организационной подготовки формирования на базе западной ЛЧЦ военно-политической коалиции, включающей в себя более 50-государств, которые (по примеру НАТО) будут делиться на три группы — члены коалиции, члены ассоциации, входящие в круг влияния.

По этой причине целесообразно рассмотреть некоторые возможные отдельные периоды развития сценария МО на этапе в 2016–2025 годах, характерной чертой которых (общей тенденцией) является инициирование вооруженного противоборства с правящими режимами в ряде ЛЧЦ и странах. К лету 2016 года таких стран было уже несколько. Наиболее известные случаи — Ливия, Сирия, Ирак, Украина, Йемен и Македония.

Следует иметь в виду, что подготовительные этапы для вооруженного выступления оппозиции против власти, в этих странах имеют исключительно важное значение. Без этих подготовительных этапов на территории противника невозможно начало успешной вооруженной борьбы, хотя в истории такие свидетельства все-таки имеются. (Например, известная высадка десанта на Кубе во главе с Ф. Кастро).

В краткосрочной перспективе 2016–2018 годов, т.е. в первом периоде, завершится окончательное оформление коалиции западной ЛЧЦ и ее внешнеполитической стратегии до 2025 года. Суть этой стратегии будет заключаться во внедрении в политику западной ЛЧЦ в 2016–2025 годы широкого спектра новых эффективных силовых инструментов, которые должны будут компенсировать ослабление влияния западной ЛЧЦ в мире.

Анализ существующего сценария развития МО в конце 2016 года подтверждает, что западная ЛЧЦ во главе с США сделала ставку на усиление силового противоборства с другими ЛЧЦ, включая в свою политику все чаще вооруженные средства. Поэтому можно говорить о том, что период 2016–2025 годов будет тем этапом, когда военная сила станет регулярно, использоваться в политических целях в двух формах: во-первых, как инструмент внутриполитической борьбы, а, во-вторых, как реальное средство внешней политики в отношениях между ЛЧЦ в ограниченных масштабах[98].

В среднесрочной перспективе с 2016 до 2025 года западная стратегия военно-силового противоборства будет придерживаться нескольких основных внешнеполитических принципов. Основным принципом будет концентрация усилий западной ЛЧЦ на инициировании внутренних конфликтов в основных странах, представляющих угрозу сохранению контроля Западом над МО в мире. Соответственно такая активная политика потребует новых средств и способов силового и вооруженного воздействия, которые будут выходить далеко за рамки традиционных представлений о межгосударственных и межцивилизационных отношениях. Так, бывший советник НГШ И. Попов изобразил это следующим образом.

Рис. 1.31. Два вида деятельности войск (сил) на поле боя

[98] Стратегическое прогнозирование международных отношений: кол. монография / под ред. А.И. Подберезкина, М.В. Александрова. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — С. 551–594.

Прежде всего, это будут средства и способы, предоставляемые внутренней оппозиции конкретных стран для формирования т.н. «облачного противника» официальной власти. Все это сопровождается мощной дипломатической, политической и даже силовой поддержкой извне, включая, в случае необходимости, прямую военную поддержку, как было, например, в Ливии. Как правило, «Облачный противник» будет получать внешнюю поддержку из неизвестных (не доказанных) источников — медийную, финансовую, организационную, моральную, во все возрастающих масштабах. А на этапе 2016–2021 годов эта внешняя поддержка может быть даже усилена и вооруженными, и специальными средствами, но в ней значительную роль будут играть инструменты экономического и социального порядка.

Рис. 1.32. Небоевая деятельность войск на поле боя: работа с местным населением

Вторым принципом развития данного сценария станет принцип системного политического противоборства. Этот принцип предусматривает интегрированное использование всех возможностей западной ЛЧЦ — коалиционных, экономических, финансовых, военных и других. Системность, в данном случае предполагает, что все частные задачи и средства их решения в 2016–2021 годы подчиняются главной политической цели — сохранению контроля Запада. Конфликты на Украине, В Ираке, Сирии, Афганистане, Йемене и других станах, наглядно, иллюстрируют этот принцип «политической системности», когда собственно военная сила Запада применяется ограниченно, а предпочтение отдается системно-силовым инструментам влияния: политико-дипломатическим, финансово-экономическим, поддержке оппозиции и дозированной военной помощи. Как справедливо полагает И. Попов, эта деятельность будет направлена, прежде всего, на создание и поддержку оппозиции.

Системное противоборство ради сохранения существующей финансово-экономической и военно-политической системы в 2016–2021 годах означает использование всех силовых ресурсов западной ЛЧЦ до завершения подготовки вооруженной стадии противоборства в глобальном масштабе. При этом акцент в ближайшие годы будет сделан на то, чтобы не допустить форми-

Рис. 1.33. Небоевая деятельность войск на поле боя: подкуп военачальника (главаря) противника

рования коалиций и даже неформальных союзов, которые будут ставить под сомнение право на такой контроль со стороны западной ЛЧЦ во главе с США, и использование в этих целях стратегии «управляемого хаоса» — искусственной дестабилизации положения в этих странах и отношений между членами возможных коалиций.

Третий принцип предусматривает, что противоборство будет носить сетецентричный характер. А это предполагает создание эффективной системы политического, информационного и военного управления, со стороны западной ЛЧЦ, направленной, прежде всего, против правящей элиты противника. Данная система будет объединять все другие информационные системы и позволять, в опережающем режиме, управлять всеми процессами «сверху–донизу». Контролируя одновременно все уровни эскалации и использование всех коалиционных и национальных ресурсов — политических, экономических, военных[99]. Этот принцип отчетливо проявился в ходе противостояния Запада с Россией в 2014–2016 годах, когда все управление антироссийскими действиями осуществлялось из Вашингтона (рис. 1.34).

Можно констатировать, что к лету 2015 года сетецентрическая война против России прошла свои первые периоды развития, в результате чего произошел целый ряд негативных социально-экономических и политических изменений в МО. Но в целом принцип сетецентричности полностью не удалось реализовать. В политике отдельные страны Запада позволяли себе действовать иногда не согласованно, а в развитии негативных процессов в России проявилась противоречивость.

Хотя резко обострилась МО, а также существенно ухудшились показатели инфляции и курс рубля, краха экономики России, как рассчитывали на Западе, не произошло. В то же время, некоторые показатели качества жизни, доходов, возможности приобретения товаров длительного пользования заметно просели. Уровень жизни населения опустился до ситуации 2008 (кризисного) года, а к апрелю 2015 года, например, продажи автомашин сократились более чем на 40%. Вместе

[99] *Подберезкин А. И.* Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015.

Рис. 1.34. Приоритеты целей в войне: пять колец полковника Уордена

с тем, хотя системное давление на РФ привело к определенным результатам, внутриполитического кризиса так и не произошло. Ухудшение внешнеполитической обстановки и социально-экономического положения в стране не оказали негативного влияния на доверие граждан к В. Путину. Напротив уровень поддержки Президента достиг своей высшей точки — 85%. Сохранилась и социально-политическая стабильность, которую планировали подорвать еще в 2015 году. Выборы в Госдуму 2016 года стали новым поводом ускорения развития событий.

Таким образом, в 2016 году осложнение МО и социально-экономический кризис в России не перерос в кризис социально-политический. Убийство Б. Немцова, например, вообще никак не отразилось на политической стабильности, а война на Украине не привела к появлению острых кризисных явлений в российском обществе. Совсем наоборот: парад 9 мая и демонстрации по всей стране, показали стабильность политической системы. Между тем в «классическом» сценарии развития сетецентрической войны предполагался именно такой переход от этапа социально-экономического кризиса к этапу политической дестабилизации.

Наконец, четвертый принцип реализации сценария глобального «Военно-силового противоборства» в первом периоде этапа 2016–2025 годов заключается в постоянном усилении давления на Россию с целью радикализации социально-политической обстановки в стране посредством создания внутренних условий и сил, способных изменить политику страны. Речь идет не о внешнем давлении с целью обострения кризисных явлений, как при реализации первого принципа, а о создании внутри правящей элиты и общественности социальных групп, способных изменить политический курс страны. С Владимиром Путиным или без него, но в представлении лидеров западной ЛЧЦ, Россия должна признать сложившийся мировой политический и финансовый порядок во главе с США.

Подобная тактика в свое время успешно применялась в СССР против М. Горбачева, когда давление «демократических слоев» общества заставляло его идти на бесконечные уступки Западу, а нередко и на заведомо глупые и предательские шаги. Позже, при Б. Ельцине, этот принцип оказался не просто ведущим, но и наиболее популярным: принимаемые Россией решения полностью находились в русле западной политики и соответствовали интересам западной ЛЧЦ.

Вместе с тем, реализация четвертого принципа возможна только при вполне определенных условиях. В том числе и при формальном смягчении градуса противоборства. Очевидно, что создавать и активизировать прозападные силы в условиях открытой конфронтации трудно. Поэтому на Западе активно применяется тактика «хорошего и плохого полицейского», когда одни представители западной элиты выступают с резкими антироссийскими заявлениями, нагнетают напряженность и требуют «остановить Путина», в то время как другие на словах демонстрируют доброе отношение к России и ее руководству, одновременно предлагая различные «компромиссы».

На поверку эти «компромиссы», в случае их принятия российской стороной, неминуемо приведут к отказу от принципиальной линии и постепенной сдаче позиций страны, как это происходило при М. Горбачеве. Однако такая тактика открывает для прозападных кругов российской элиты возможности по манипулированию общественным мнением и определенному воздействию на руководство страны. Эта тактика позволяет представлять Запад не в качестве врага, каковым он, безусловно, является, а в качестве партнера, с которым имеются лишь небольшие разногласия и который, на самом деле, желает улучшить отношения. А для их улучшения надо то, всего-ничего, пойти на некие, вполне приемлемые на первый взгляд, договоренности.

В середине 2015 года Запад рассматривал два варианта воздействия на Россию в соответствии с вышеизложенными принципами. Первый предусматривал дестабилизацию ситуации в России путем дальнейшего раскручивания ситуации на Украине. Этот вариант обострения социально-политической обстановки в России исходил из необходимости дальнейшей контролируемой эскалации военного конфликта, расширения его масштаба, интенсивности и территории.

Второй вариант делал основной упор на российские оппозиционные силы и пятую колонну в руководстве страны, которые должны были эксплуатировать народное недовольство, вызванное ухудшением социально-экономической ситуации под воздействием западных санкций. Это происходило бы при одновременном снижении военного противостояния на Донбассе.

К концу 2015 года стало очевидно, что ставка делается на второй вариант, а ситуация на Украине временно замораживается. Это, видимо, было связано с тем, что обострение ситуации на Украине, как показывал предыдущий опыт, только подстегивало патриотические и антизападные настроения в России. В этих условиях ослабление поддержки президента Путина и укрепление позиций прозападных кругов было бы малореальным.

Учитывая стабильность режима В. Путина, Запад попытался «растянуть» переход к политической дестабилизации на более длительной срок, за который можно было бы нанести основные удары именно по авторитету В. Путина и его руководства. Это можно назвать принципом перехвата информационной инициативы, когда действия в информационном пространстве фактически заменяют, на какое-то время (иногда весьма длительное), реальные шаги по развалу государства, либо существенно опережают их.

Действия на Украине в 2014–2016 годах показывают, насколько такая информационная политика в действительности становится откровенно провокационной и дезинформационной. Ее задача сформировать «виртуальную реальность», которая будет заменять действительность и служить политико-пропагандистским прикрытием усилий по дестабилизации. Сетевая и сетецентрическая стратегия становятся реальным практическим содержанием этой внешне бессодержательной политики, достигающей вполне реалистических и конкретных целей. Так, за набором внешне бессодержательных и беспочвенных деклараций, указов и решений на Украине в 2014–2016 годах проводилась реальная политика русофобии.

1.4. б). Обоснование периода завершения военно-технической подготовки для ведения глобальных военных действий западной ЛЧЦ и создания внутренней оппозиции

Чтобы добиться победы над Ираком, Соединенным Штатам пришлось послать в Персидский залив 75% действующих тактических самолетов, 42% современных танков, 46% авианосцев, 37% военнослужащих из армии и 46% морской пехоты… Военная безопасность по всему миру все больше зависит не столько от глобального распределения сил и шагов сверхдержав, сколько от распределения сил в каждом регионе и действий стержневых государств цивилизаций[100]

С. Хантингтон, политолог

Угроза национальной безопасности — совокупность условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность нанесения ущерба национальным интересам[101]

Стратегия национальной безопасности России

Основной акцент периода 2018–2021 годов будет сделан на завершении военно-технических программ, начатых в прежние годы. Для обеспечения эффективности своей силовой политики США требуются военные гарантии, прежде всего, в отдельных регионах, таких, например, как Евразия, которые выражаются в наличии превосходства, как в военной мощи, так и в качестве ВиВТ. Прежде всего, речь идет о средствах воздушно-космического нападения (ВКН), эффективность которых за последние 20 лет резко возросла. Так, если сравнивать две войны США в Ираке (1991 г. и 2003 г.), то получается, что в 2003 году значительно меньшими силами (менее 1000 самолетов в 2003 г. и более 2000 самолетов в 1991 г.), в меньшие сроки (21 день и 38 дней соответственно) было уничтожено почти в 5 раз больше целей (19 900 объектов против 4500).

В этой связи обращает на себя внимание массированное строительство в области средств ВКН, предпринятое США в последние годы и рассчитанное до 2025 годов. По оценке генерального конструктора Концерна ВКО «Алмаз-Антей» П. А. Созинова, это выглядит следующим образом. (рис. 1.35)

Как видно из данных, приведенных П. Созиновым, к 2025 году будут разработаны, испытаны и произведены принципиально новые средства поражения — гиперзвуковые и ВТО, которые будут действовать на разных высотах и радикально изменят всю СО в мире (рис. 1.36).

Естественно, что подготовка и реализация данного периода требует много ресурсов и среди них главного ресурса в условиях обострения МО и ВПО — времени. Авторы стратегии западной ЛЧЦ отдают себе в этом отчет. В этих целях, как показывает опыт Украины, могут быть задействованы не только все материальные военно-технические и экономические ресурсы военно-политической коалиции западной ЛЧЦ, но и тысячи НКО и различных «центров» одновременно. Результат их деятельности начнет сказываться уже через несколько месяцев, хотя изначально они рассчитаны на долгосрочную перспективу. Сетевой принцип организации таких структур и отдельных индивидуумов позволяет создать огромную сеть в течение короткого отрезка времени. Эта сеть становится почти мгновенно политическим ресурсом созданного в виртуальном пространстве «облачного противника», при всем понимании, что любые сетевые возможности усиливают, прежде всего, власть государства и корпораций, обладающих ими[102].

Необходимо напомнить в этой связи, еще раз, что главной целью варианта системного политического противоборства и сетецентрической войны являются не прежние традиционные

[100] *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций [пер. с анг. Т. Велимеева]. — М.: АСТ, 2016. — С. 128.

[101] Стратегия национальной безопасности РФ. Утверждена Указом Президента России от 31 декабря 2015 года №683.

[102] Стратегическое прогнозирование международных отношений: кол. монография / под ред. А.И. Подберезкина, М.В. Александрова. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — С. 597–607.

Рис. 1.35.

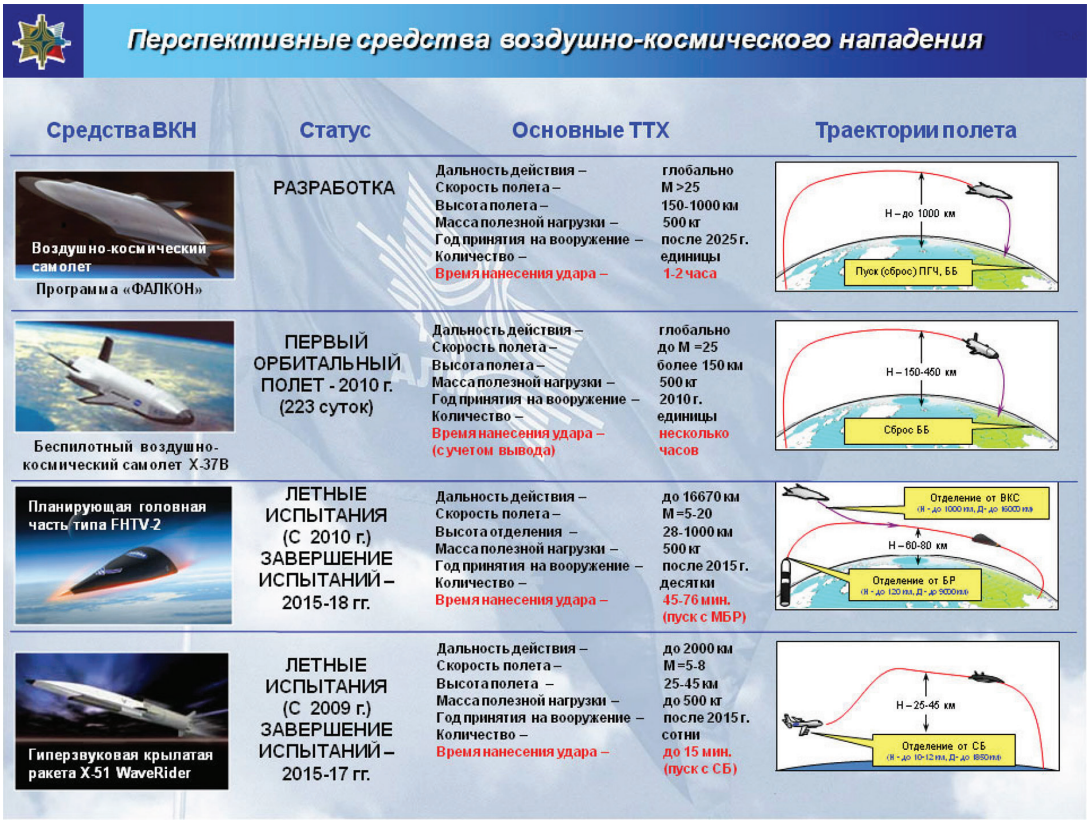

Рис. 1.36.

цели — оккупация столицы, разгром ВС, уничтожение военного потенциала противника, — а установление контроля над политическим руководством страны или его уничтожение и замена на элиту, признающую новые нормы. Поэтому контроль над В. Путиным и поддерживающими его соратниками в настоящее время — главные цели такой уже ведущейся войны[103]. Они должны либо подчиниться «правилам международного поведения» (т.е. контролю со стороны западной ЛЧЦ), либо быть лишены не только власти, но и жизни. Последнее делается, как правило, демонстративно жестоко «в назидание» действующим пока лидерам. Примеры Чаушеску, Хонеккера, Хусейна, Милошевича и Каддафи не случайно наглядно демонстрируют лидерам других стран, как это может быть сделано: беспощадно, публично, оскорбительно. Эту известную схему изменения приоритетов и целей политики в США сформулировали еще несколько десятилетий назад и настойчиво и последовательно реализуют с тех пор, не меняя по сути концепции, которая, как им кажется, себя полностью оправдала.

Рис. 1.37[104].

В настоящее время (2015–2017 гг.) такими наиболее приоритетными целями являлись Х. Асад, В. Янукович и В. Путин. Свержение В. Януковича и война против Х. Асада (при всех видимых различиях) обладают одной общей чертой: весь силовой инструментарий — от экономических санкций до политико-дипломатического и информационного давления — был обеспечен угрозой и скрытым (но фактически имевшим место), и прямым применением военной силы. В этих целях, с одной стороны, применялись меры по дезорганизации институтов государства (на Украине, например, было сменено до 95% руководства службы безопасности и правопорядка), но, с другой, проведена мобилизация вооруженных формирований оппозиции и создана сеть экстремистских и террористических организаций. Очень образно эту ВПО в арабских странах и в Сирии, и на Украине изобразил И. Попов.

---

[103] *Подберезкин А. И.* Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — 169 с.

[104] *Хамзатов М. М.* «Облачный противник»: новая угроза международной безопасности / Доклад на конференции «Современные аспекты международной безопасности». — М.: МГИМО–Университет, 2014. 9 апреля.

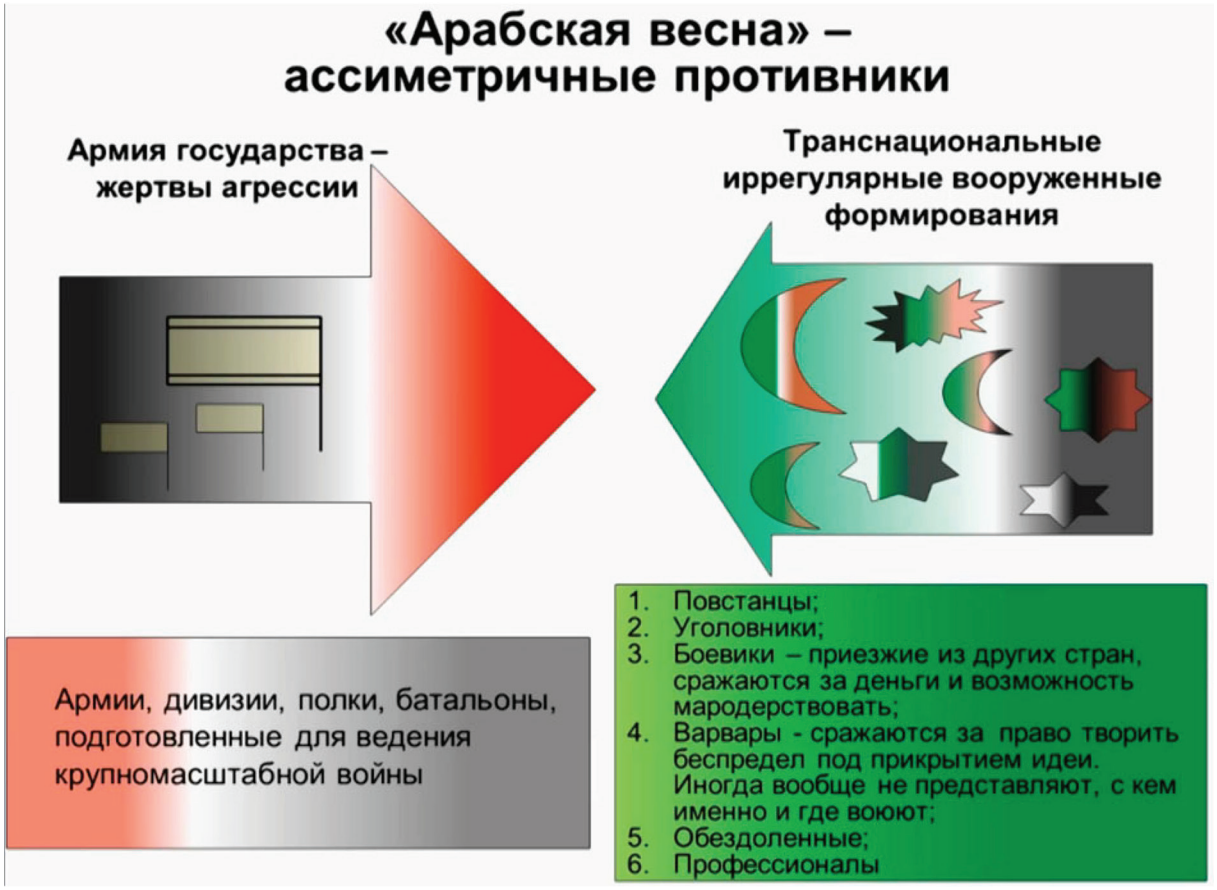

Рис. 1.38[105]. «Арабская весна» — ассиметричные противники

Таким образом, главной особенностью периода завершения военно-технической подготовки западной ЛЧЦ к масштабной войне является не только создание эффективного традиционного военного потенциала, но и:

— создание потенциала для ведения системных сетецентрических войн;
— создание потенциала для ведения войн на территории противника на базе экстремистских, террористических и оппозиционных группировок.

Переход к следующему этапу развития враждебного сценария МО предполагает, таким образом, создание не просто организованной оппозиции, а именно вооруженной оппозиции, способной пусть на частные, местные, но силовые в т.ч. вооруженные акции. До мая 2015 года такие акции проводились преимущественно на Кавказе, но опыт всех революций в России, однако, свидетельствует, что очень важно вооруженное выступление против власти именно в столицах и других крупных городах.

Таким образом, перед западной стратегией развития сценария МО в 2016–2021 годы по формуле сетецентрической войны стоит задача усиления всех элементов системы давления на Россию с тем, чтобы в стране появилась социальная группа или силы, способные к открытому силовому противостоянию с властью. Учитывая, что легальная оппозиция режиму В. Путина не смогла этого пока обеспечить, необходимо будет — следуя логике форсирования противостояния — активизировать системное воздействие на Россию по всем направлениям, включая переход к активным действиям в военно-силовой области.

---

[105] *Хамзатов М. М.* «Облачный противник»: новая угроза международной безопасности / Доклад на конференции «Современные аспекты международной безопасности». — М.: МГИМО–Университет, 2014. 9 апреля.

Прогнозировать подобное развитие событий — крайне неблагодарная задача потому, что проявления такого силового давления могут быть (и будут) в самых необычных формах, местах и растянуты по времени. Так, к ним могут быть отнесены не только откровенно диверсионные акты, но и активизация бандитского подполья на Кавказе, провокации на границе с Украиной, диверсии на транспорте и т.п. То есть активные мероприятия, суть которых одна: переход противостояния с Россией в вооруженную фазу, превращение силовой борьбы в вооруженную борьбу против политического режима. Период 2018–2021 годов может, таким образом, быть назван периодом перехода к фазе масштабной вооруженной борьбы западной ЛЧЦ не только против исламской, но и против российской ЛЧЦ[106].

Важно помнить и о том, о чем, как правило, всегда почему-то забывают, а именно: внешне благоприятная политическая стабильность может резко смениться на радикальные выступления, вооруженное противостояние и хаос. Это происходит потому, что люди не хотят верить в реальность радикальных изменений и далеко не всегда обнаруживают очаги напряженности, даже если они и заметны. Ни в 1917 году, ни в 1991, ни в 1993 году никто не предполагал переход политического конфликта в вооруженную и даже военную стадию. Не предполагалось такое развитие событий на Украине еще в ноябре 2013 года. Скрытая подготовка развития такого сценария ведется и в России. По сути, она мало отличается от украинского или сирийского сценария, но масштаб, стабильность режима в России, традиционная система ценностей вносят, естественно, серьезные поправки. Важно отметить, что стратегия западной ЛЧЦ по отношению к России от этого:

— во-первых, не меняется. Она носит долгосрочный характер. Как и на Украине, в начале 90-х годов, когда начался уже открыто реализовываться сценарий развития русофобства, мало кто верил в его реалистичность. Но в США выстраивали долгосрочную стратегию, рассчитанную на десятилетия, а не на тактические результаты при любой администрации;
— во-вторых, суть стратегии «принуждения России к послушанию и подчинению» не меняется из-за ее особенностей, которые просто учитываются в общем алгоритме действий западной ЛЧЦ, который показал бывший советник НГШ ВС РФ М. Хамзатов следующим образом (рис. 1.39).[107]

Таким образом, существующие в настоящее время основные принципы стратегии западной ЛЧЦ в отношении России на 2016–2021 годы свидетельствуют о долгосрочной тенденции эволюции сценария глобального «Военно-силового противоборства» в сторону уже не только силовой, но и реальной вооруженной борьбы. Альтернативой развития такому сценарию в эти годы может служить только гипотетическая смена политического курса и признания за США права на сохранение сложившейся после холодной войны финансово-экономической и военно-политической системы в мире. То есть фактически капитуляция.

Следовательно, можно ожидать, что к 2021 году МО будет сформирована по «пессимистическому» варианту развития сценария глобального «Военно-силового противоборства» и в дальнейшем (до 2025 года) будет одновариантной. Если до 2021 года еще можно ожидать, что МО будет колебаться в зависимости от множества субъективных факторов между «реалистическим» и «пессимистическим» вариантами этого сценария, то после 2021 года она устойчиво приобретет характер «пессимистического» варианта. То есть полномасштабная война между ЛЧЦ, как минимум, между российской и западной, становится после 2021 года фактически неизбежной. Правда, нельзя также исключать, что в эту войну будут, так или иначе вовлечены мусульманская, китайская и латиноамериканская цивилизации.

---

[106] *Подберезкин А. И.* Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — 169 с.

[107] *Хамзатов М. М.* «Облачный противник»: новая угроза международной безопасности / Доклад на конференции «Современные аспекты международной безопасности». — М.: МГИМО–Университет, 2014. 9 апреля.

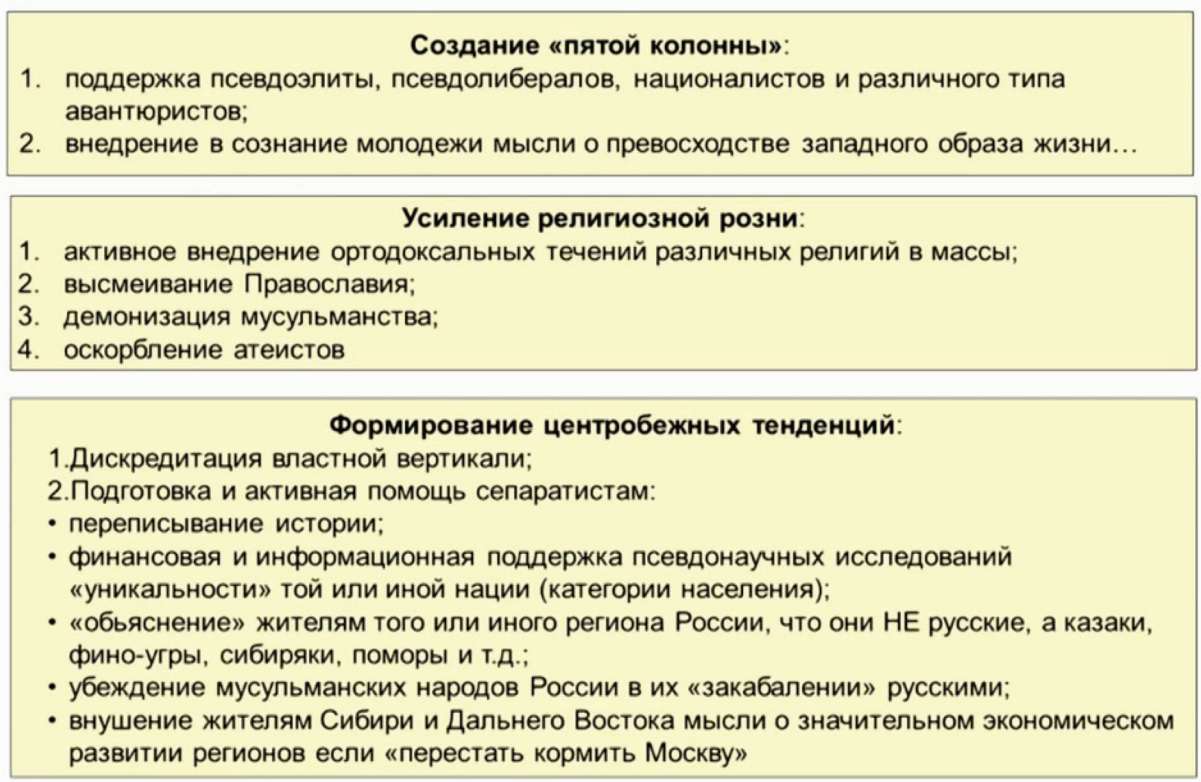

Рис. 1.39. Способы дестабилизации России

Все варианты развития сценария глобального «Военно-силового противоборства» предполагают после 2021 года усиление силового воздействия на внутреннюю политику государств и цивилизаций. Более того, можно сказать, что после 2021 г. основной акцент в силовой и собственно военной области противоборства будет сделан именно на ведении операций по уничтожению государств, их институтов и лишения их национальной самоидентификации.

Конечная цель такой политики — превращение государства и его институтов в контролируемый субъект международных отношений, строго выполняющий те законы, нормы и указания, которые формулируются западной ЛЧЦ. Такая цель в обязательном порядке предполагает, в конечном счете, разрушение государства, его институтов, как наиболее эффективных инструментов управления обществом и нацией, и замена этих институтов на контролируемые или подконтрольные структуры, которые в этом качестве начинают выполнять антигосударственные функции. Если такая главная и конечная цель достигается, то уже нет необходимости ни в уничтожении армии и правоохранительных органов, ни в оккупации территории, ни в захвате столиц и др. традиционных целях войны.

Собственно поэтому основной акцент в военно-силовом противоборстве будет делаться на борьбе с государством, его институтами и структурами. Так, например, к началу военного переворота на Украине уже было заменено до 95% руководства МВД и СБУ страны, а армия фактически самоликвидировалась. Именно поэтому диверсионные сетецентрические операции против руководства страны оказались успешны с самого начала. У В. Януковича уже фактически не оставалось подконтрольных ему силовых структур, а у оппозиции к тому времени уже были созданы таковые.

1.4. в). Обоснование периода военно-силового использования мощи западной ЛЧЦ для утверждения норм и правил, соответствующих системе интересов и ценностей этой ЛЧЦ

> В сети информация равносильна власти. Сеть усиливает голоса обладающих властью…, а в киберпространстве… власть принадлежит корпорациям и государству. Великими державами киберпространства являются заказные технологические компании. По своему влиянию они сопоставимы с правительствами КНР, Индии, России и США[108]
>
> *Б. Макконнелл, политолог (США)*

> … в обозримом будущем мы должны уделять большее внимание угрозам, исходящим от государств (а не террористов. — *А. П.*)[109]
>
> *Военная стратегия США, 2015*

Период наиболее активного военно-силового использования мощи всей западной ЛЧЦ для утверждения новых норм и правил, соответствующих современным интересам и ценностям, можно отнести к 2021–2025 годам, хотя фактически Запад начал перестраивать «под себя» МО уже с 90-х годов XX века. Югославия (1999), Ирак (2003), а до этого Афганистан, Ливия, Сирия и Украина, а также целый ряд других войн и военных конфликтов, укладываются в эту долгосрочную стратегию США. Если вновь обратиться к использованной нами модели политического процесса, то этот период в развитии МО будет означать усиление влияния внешних факторов на систему национальных ценностей и интересов с тем, чтобы деформировать их под стандарты западной ЛЧЦ.

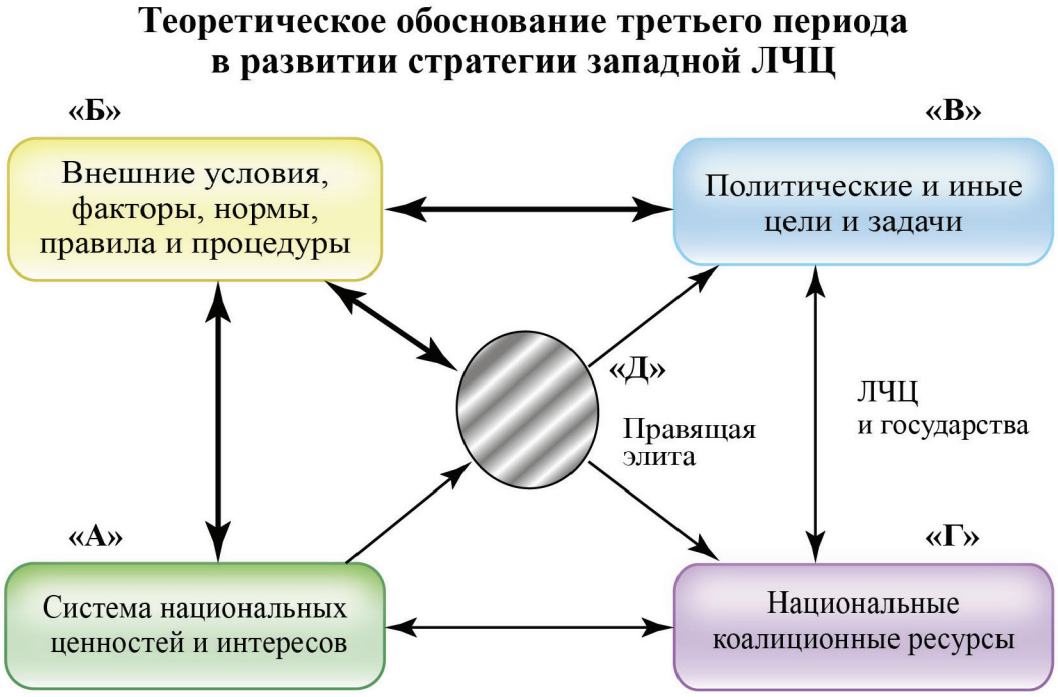

Рис. 1.40. Теоретическое обоснование третьего периода в развитии стратегии западной ЛЧЦ

---

[108] *Макконнелл Б.* Сетевое общество и роль государства // Россия в глобальной политике. 2016. Март–апрель. — №2. — С. 135–136.

[109] The National Military Strategy of the United States of America. — Wash.: GPO, 2015. June. — P. 3.

Иными словами в этот период (2021–2025 годы) резко усилится давление западной ЛЧЦ по трем векторам:

— вектор «Б» — «Д» — внешних сил на правящую элиту;
— вектор «Б» — «А» — внешних сил на систему национальных ценностей, интересов и норм;
— вектор «Б» — «В» — смену политического курса.

Конечно, это давление существовало и в предыдущие периоды. Оно является характерной чертой всего современного этапа развития сценария «Военно-силового противоборства ЛЧЦ», но именно в этом периоде, вероятно, может произойти качественная смена парадигмы: либо под военно-силовым давлением российская ЛЧЦ капитулирует и «подгонит» свои нормы под «международные», «универсальные» нормы западной ЛЧЦ, либо военно-силовая фаза перейдет в открытую, вооруженную фазу противоборства.

Другое дело, что остатки сохранившейся международно-правовой системы и определенная степень сохранившихся суверенитета не только России, но и даже союзников США (например, Франции и Германии в вопросе о войне в Ираке) мешают Вашингтону полномасштабно использовать эту стратегию. Можно предположить, что когда США удастся завершить реализацию ряда условий, то эта стратегия будет использована полностью, а именно:

— максимально сплотить вокруг лидера западной ЛЧЦ — США — остальных членов военно-политической коалиции, ограничив их суверенитет и создав дополнительные институты этой коалиции (например, ТТП и ТАП);
— максимально реализовав программы развития ВС и ВиВТ, начатые с конца 90-х годов XX века (которые вылились в 100% увеличение военного бюджета США за одно десятилетие), завершив развертывание новых видов и систем оружия, прежде всего, гиперзвукового, ВТО и систем ПРО;
— максимально ослабив своих потенциальных оппонентов, прежде всего Россию, создав для нее трудности в международной и внутриполитической областях, а также «продвинув» ЕС и НАТО на восток;
— наконец, к этому периоду завершится создание системной и сетевой системы управления государством, обществом и вооруженными силами. Эта система силовых и военных средств принуждения, объединяющая инструменты «жесткой силы», «мягкой силы» и «умной силы» в некую систему силового принуждения, т.е. будет создана система принуждения и система управления принуждением. Как пишет известный американский политолог Б. Макконнелл, «…Во-первых, благодаря превращению „каждого оружия в сенсорный датчик“ командиры тактического звена гораздо лучше осведомлены о текущей обстановке на поле боя и даже приобретают известную автономность действий, но тем не менее остаются под гибким руководством центрального командования. Равным образом способность центра узнавать в режиме реального времени обо всех изменениях обстановки на театре военных действий порой зависит от CNN не в меньшей степени, чем от донесений нижестоящих командиров. Иногда командиры среднего звена получают от главного командования запросы относительно происшествий, о которых им самим еще не докладывали с передовых позиций. При такой динамике событий центр вынужден брать оперативное управление рассредоточенными на большой территории силами на себя»[110].

Иными словами формирование сети в вооруженных силах не ведет к децентрализации — чего по-прежнему боятся военачальники в России, — а, наоборот, позволяет контролировать обстановку, в том числе минуя промежуточные звенья, по вектору «штаб-солдат».

И другой, очень важный вывод. В XXI веке эффективность экономики, общества и, конечно же, военных, будет во многом определяться степенью их творческих возможностей, «креатив-

[110] *Макконнелл Б.* Сетевое общество и роль государства // Россия в глобальной политике. 2016. Март–апрель. — №2. — С. 133.

ности», которая, в свою очередь, во многом будет зависеть от степени свободы и одновременно управляемости той или иной единицей — подразделением, бригадой, танком, самолетом.

Тот же пакет инноваций применяется и в гражданской жизни — в данном случае в области государственного управления, — считает Б. Макконнелл: «Сегодня мы наиболее отчетливо наблюдаем такие сдвиги в Китае, где проводятся полевые испытания новой сетевой системы государственного управления. У большинства китайцев есть мобильные телефоны, благодаря которым центр осведомлен об их местонахождении. Кроме того телефоны образуют невиданную прежде сеть сенсорных датчиков, способную повысить эффективность борьбы с коррупцией, которую ведет председатель Си Цзиньпин, в том числе на государственных предприятиях, где 600 млн „гражданских журналистов“ записывают на мобильные телефоны неблаговидные поступки горе-чиновников»[111].

При реализации базового сценария противоборства после 2021 года параллельно с эскалацией военных приготовлений и подготовкой к оккупации России будет происходить опережающая эскалация самых разных силовых действий и спецопераций по демонтажу государства, включая экстремистские и террористические. Пример с Украиной — очень наглядное подтверждение базовой модели такой эскалации, когда захват силовых органов страны и дезорганизация их деятельности привели к параличу власти и не потребовали прямого военного насилия, которое неизбежно было бы связано с серьезными рисками. Сочетание политического использования военной силы (угроз В. Януковичу) с дезорганизацией институтов государства привело к быстрой победе Запада[112]. У западной ЛЧЦ уже сегодня сложился устойчивый алгоритм по демонтажу государства, который может быть использован в эти годы уже против России и КНР.

Этот алгоритм совершенствуется постоянно и после 2021 года будет представлять собой более сложную и эффективную систему, полностью интегрирующую все средства силовой и вооруженной борьбы — от космической разведки до активности человека, завербованного для работы в социальной сети.

По сути дела все эти действия — специальный период системной и сетецентрической войны против России, который сознательно организован и управляем извне. К 2016 году стало уже окончательно ясно, что такие мероприятия стали контролироваться руководством ВС в ряде западных государств, и в ЕС, и НАТО. Вероятно, один из первых примеров внешнего управления ВС относится к руководству пакистанским генштабом моджахедами в Афганистане в 80-е годы XX века. Позже эта практика широко применялась в других странах. Этот период активного развертывания специальных операций может сопровождаться прямыми военными действиями, но гораздо безопаснее, — по мнению Запада — если он будет проходить без внешнего прямого вооруженного вмешательства. Во всяком случае видимого и официально признаваемого. Именно так как это произошло в 2014–2015 годах на Украине[113].

Важно подчеркнуть, что разработка средств противоборства со стороны России в период 2017–2025 годов будет проходить в условиях, когда военный бюджет должен будет оставаться на прежнем уровне, а ГПВ — 2025 в целом останется в масштабах прежних расходов. Это означает, что новые средства противоборства, создаваемые в рамках прежнего бюджета, предстоит разрабатывать за счет сокращения военных расходов по некоторым прежним статьям, либо за счет собственной финансово-хозяйственной деятельности предприятий ОПК. Так, модернизация трех комплексов в Концерне ВКО «Алмаз-Антей» в течение 5 лет потребовала 160 млрд рублей, из которых 140 составили собственные средства предприятий концерна[114].

---

[111] *Макконнелл Б.* Сетевое общество и роль государства // Россия в глобальной политике. 2016. Март–апрель. — №2. — С. 133.

[112] Стратегическое прогнозирование международных отношений: кол. монография / под ред. А.И. Подберезкина, М.В. Александрова. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — С. 577–595.

[113] *Подберезкин А.И.* Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — 169 с.

[114] *Сафронов И., Сапожков О.* Битва при бюджете // Коммерсант, 2016. 4 июля.

Кроме того надо также понимать, что совершенно новое качество приобретают в такой цивилизационной военно-силовой борьбе негосударственные субъекты международных отношений, чья сила и влияние становятся сопоставимы с государственными (что также требует затрат). Например, «Правый сектор», или «ИГИЛ», которые становятся новым международным фактором в ведении военных действий. Проблема сегодня заключается, однако, в том, что наша военная наука и искусство традиционно воспринимают в качестве субъекта вооруженного противостояния только государства, их военные организации и их вооруженные силы (хотя война в Афганистане и военные операции на Кавказе и внесли свои коррективы), не разрабатывая способов и средств ведения «ассиметричных» сетецентрических войн с «облачным противником»[115].

Сегодня, таким образом, «главным противником» может оказаться уже не государство, а некая «общественная организация». Так, сейчас «Исламское государство» как пылесос засасывает в орбиту своего влияния десятки тысяч местных суннитов, — отмечают исследователи МГИМО, — а также боевиков из других исламистских организаций и адептов джихадизма из-за рубежа. По данным американских спецслужб, более одной тысячи боевиков пополняют ряды ИГ ежемесячно, а общее число иностранцев, воюющих на стороне организации, составляет сейчас 16 тысяч человек. По информации западных СМИ, к армии новоявленного «халифата» примкнули около 3 тыс. граждан из Европы, США и республик бывшего СССР, в том числе из России, в основном из Чечни[116]. Аналогичные организации могут стать той военной силой, которая будет использована против России на завершающем этапе сетецентрической войны.

В различных вариантах сценария глобального «Военно-силового противоборства», которые будут реализовываться после 2021 года, в конечном счете, победит та ЛЧЦ и то государство, которые смогут обеспечить не только сопоставимую государственную мощь и военный потенциал, но наиболее эффективную, привлекательную и защищенную систему национальных ценностей, эффективную и патриотическую систему государственных и общественных институтов.

1.4. г). Обоснование необходимости создания новой военной организации России в ходе третьего периода противоборства (2021–2025 гг.)

Несмотря на демонстрируемый прогресс, в техническом отношении, ВКС России в сирийской кампании находятся на уровне американских ВВС периода «Буря в пустыне» 1991 года[117]

Р. Пухов, эксперт

К концу 2018 года Россия, вероятно, компенсирует глубокие провалы своей военной политики 1991–2008 годов и сможет с военно-технической точки зрения считаться вполне современной военной державой. Проблема, однако, в том, что она должна будет после 2018 года:

— сохранить это качество в условиях, когда соотношение ресурсов с западной ЛЧЦ будет 1 : 20;
— суметь ликвидировать технологическое отставание по основным направлениям развития НТР, которое неизбежно приведет не только к экономическому, но и военно-техническому отставанию в создании качественно новых видов и систем ВиВСТ;

[115] Стратегическое прогнозирование международных отношений: кол. монография / под ред. А.И. Подберезкина, М.В. Александрова. — М.: МГИМО–Университет, 2016.

[116] Феномен «Исламского государства» и борьба с ним: правовые, социально-экономические и политические аспекты. Аналит. записка / подготовлена А.В. Федорченко, А.В. Крылов. М. 2015. Март. С. 3.

[117] *Пухов Р.* Полигон будущего // Россия в глобальной политике. 2016. Март–апрель. — №2. — С. 214.

— уметь концентрировать и развивать невоенные силовые средства стратегического сдерживания в наиболее важных областях — информационных и социальных технологиях.

Крайне трудно ожидать, что России удастся решить эти задачи при современной военной организации и таком низком качестве государственного и общественного управления.

Учитывая это, в конечном счете, России неизбежно предстоит пересмотр всей концепции военной организации государства, которая пока не учитывает потребностей безопасности (в отличие от американской и не принимает в расчет две важнейшие группы факторов, определяющих в XXI веке мощь военной организации любой страны:

— уровень развития и качество общественных, национальных (негосударственных в целом) институтов общества и нации — от религиозных и профессиональных до молодежных и детских организаций. Именно эти организации в настоящее время (и еще больше в будущем) будут определять качество национального человеческого капитала и мощь, включая военную, страны, нации и ЛЧЦ в целом;

— негосударственные бизнес-структуры за рубежом и внутри самой страны, которые во многом определяют не только экономический, финансовый, оборонный, но и человеческий потенциал того или иного государства[118].

В настоящее время в России существуют лишь самые общие контуры, скромные зачатки в организации этих групп, которые неспособны организовать в полной мере эти потенциалы, а тем более противопоставить их внешнему влиянию. Если соотношение в экономике 1 : 20, то в общественных институтах 1 : 1000. Очень скромные успехи Общественной палаты, Совета по правам человека при Президенте РФ и других негосударственных институтов и органов власти, содействующих развитию негосударственных институтов, очевидно несопоставимы с новыми задачами, стоящими перед всей военной организацией государства. Тем более эта несоразмерность проявится к 2021 году[119].

Естественно возникает вопрос о том, в каком именно варианте будет реализован сценарий глобального «Военно-силового противоборства» после 2021 года. Пока этот сценарий развивается по «оптимистическому» варианту (с очевидным усилением тенденции на использование военной

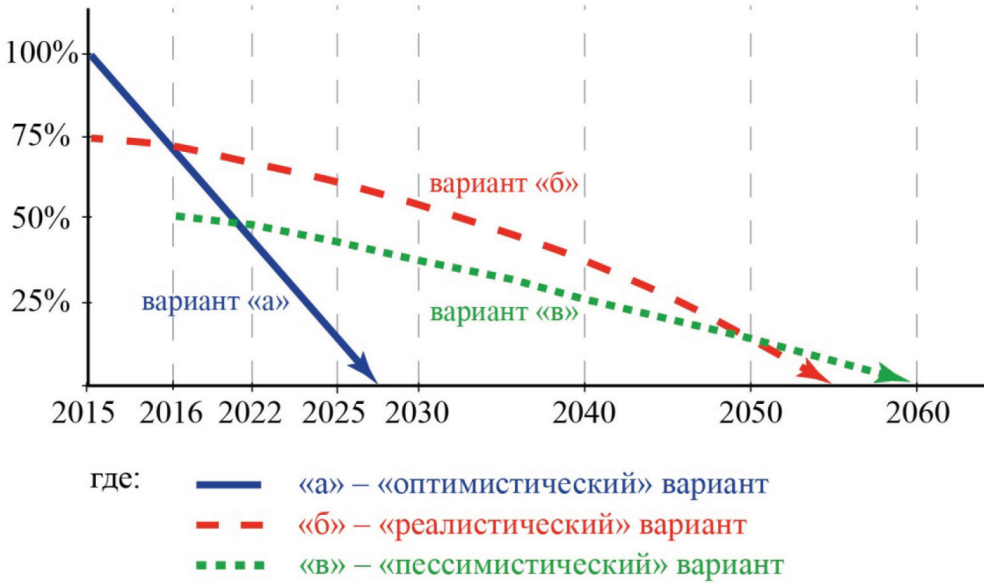

Рис. 1.41. Вероятность реализации одного из вариантов сценария гибридного «Глобального военно-силового противоборства ЛЧЦ»

[118] *Подберезкин А. И., Харкевич М. В.* Мир и война в XXI веке: опыт долгосрочного прогнозирования развития международных отношений. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — С. 430–433.

[119] *Подберезкин А. И.* Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — С. 148–161.

силы и скатыванию к «реалистическому» варианту еще до 2021 года). Но вопрос о том, какой вариант будет преобладать после 2021 года, остается открытым. Так я писал в 2013–2015 годах[120] и, к сожалению, оказался прав: «оптимистический» вариант сценария практически исчез к 2016 году, а «пессимистический» — превратился в наиболее вероятный.

Приводимая ниже графическая модель вероятностного прогноза, в которой автор пытается дать ответ на этот вопрос, была впервые использована в 2013 году, а затем несколько раз уточнялась при помощи экспертов (рис. 1.41)[121].

Как видно из рисунка, наименьшую «нулевую» вероятность имеет «оптимистический» вариант сценария, а наибольшую вероятность перспективу после 2021 года имеют «реалистичный» и «пессимистичный» варианты, что для нас имеет существенное значение: при оценке вероятности любого сценария или его варианта приходится исходить из «худшего» варианта не только потому, что в вопросах безопасности нельзя допустить известной недооценки угрозы, но и потому, что в настоящее время вероятность «худших» вариантов существенно выше, чем «оптимистических» и даже «реалистических».

В конечном счете, можно сделать вывод о том, что в долгосрочной перспективе после 2021 года наибольшую вероятность из всех возможных сценариев развития МО имеет сценарий глобального «Военно-силового противоборства ЛЧЦ», который может быть реализован в двух наиболее опасных своих вариантах:

— варианте («В») — «пессимистическом» — глобального гибридного силового (вооруженного и невооруженного) противоборства, когда военная сила используется в полном объеме на различных ТВД, вовлекая в такую войну всех участников международных отношений и повышая уровень эскалации вплоть до применения ОМУ;
— варианте («Б») — «реалистическом» — глобального гибридного силового (вооруженного и невооруженного) противоборства, когда военная сила используется в ограниченном масштабе на ограниченных ТВД с привлечением части ведущих стран мира;

И наоборот, вероятность реализации варианта («А») — «оптимистического», реализуемого в 90-е гг., будет окончательно исчерпана к 2021 году, хотя изменение ряда условий (внутриполитический конфликт США, развал военно-политической коалиции Запада и др.) может привести к тому, что он останется актуальным и после 2021 года.

Особую опасность реализации этих двух вариантов развития одного и того же сценария МО представляет то, что они будут нести на себе очень серьезные конкретные черты и особенности ВПО и СО каждого конкретного периода времени после 2021 года. Это, в свою очередь, будет связано, прежде всего, с ускорением военно-технической революции, чьи последствия скажутся радикально как в области ВиВТ, так и средств управления и в военном искусстве. Так, массовое внедрение ВТО и сетецентрических способов управления ВС, например, уже сказалось на развитии МО. Таким образом, переход от одного периода к другому в развитии СО будет решающим образом влиять на развитие различных вариантов МО и их реалистичность.

Если в прежней истории (вплоть до появления ОМУ и средств его доставки) та или иная СО в мире имела подчиненное значение МО и вытекала из нее, являлась «чистым» продуктом, следствием ее развития, то по мере развития ВиВТ, средств управления ими и появления возможностей для ведения гибридных и сетецентрических войн влияние ВПО–СО на формирование сценария МО постоянно усиливалось. В качестве иллюстрации влияния конкретной СО на МО в прежние годы можно привести расположение русских армий перед вторжением коалиции, возглавляемой Наполеоном в 1812 году. То, что три армии находились на разных стратегических направлениях, конечно же, учитывалось Наполеоном, но не более того.

---

[120] *Подберезкин А. И.* Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — С. 137–139.

[121] *Подберезкин А. И., Харкевич М. В.* Мир и война в XXI веке: опыт долгосрочного прогнозирования развития международных отношений. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — С. 431.

Совершенно другой пример с влиянием СО на МО можно привести, ссылаясь на опыт Суэцкого кризиса 1956 года, когда Н. Хрущев фактически угрожал Великобритании и Франции использованием ядерного оружия, что, безусловно, повлияло на МО в мире и в регионе.

В самом общем виде такая современная «совмещенная» картинка СО и МО может выглядеть следующим образом, что может объяснять растущую зависимость МО от СО, с одной стороны, и ВПО–СО от МО, — с другой.

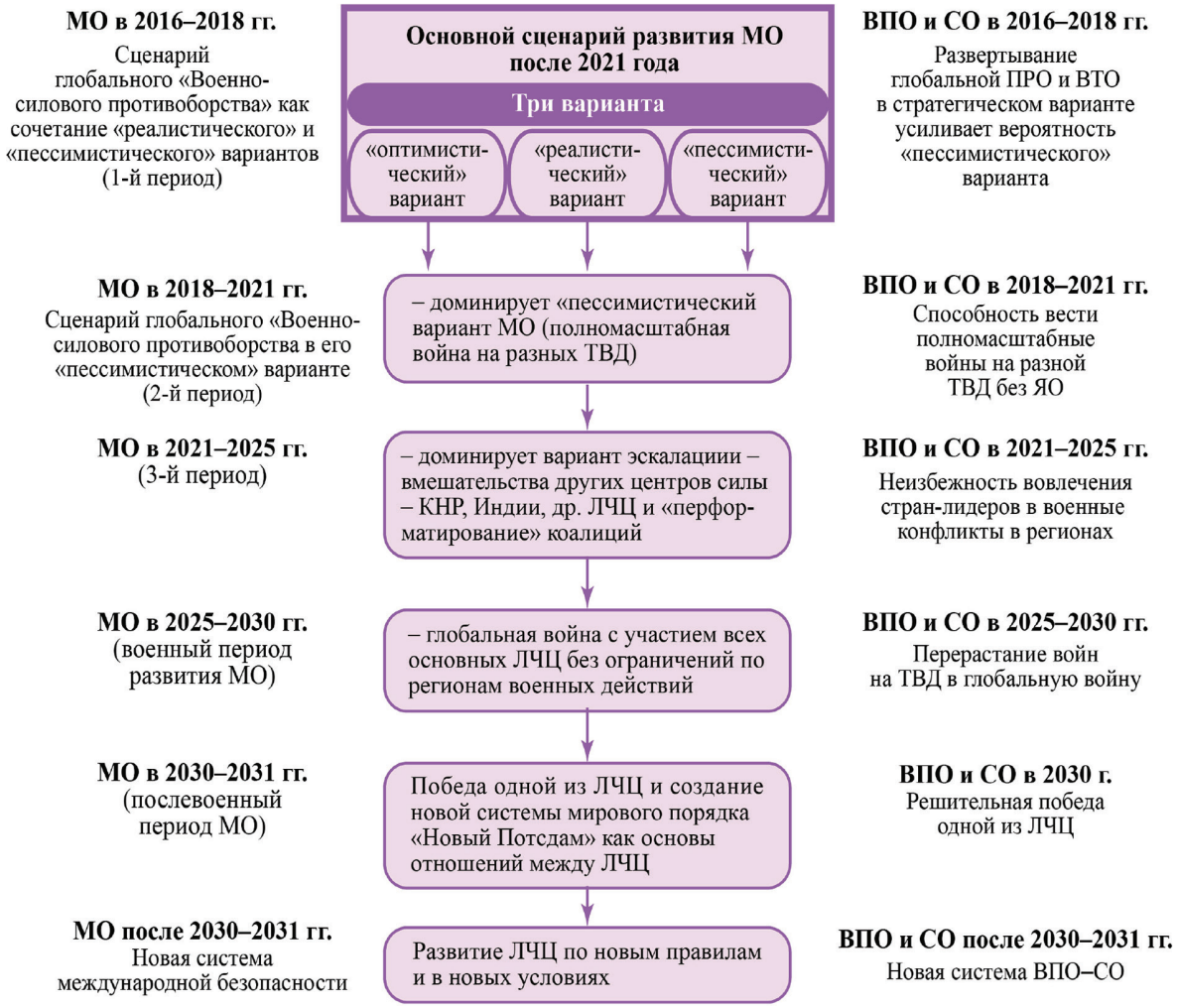

Рис. 1.42. Развитие вероятных вариантов сценария МО после 2021 года и на перспективу до 2045 года

Как видно из этого рисунка-схемы, противоборство западной ЛЧЦ с другими ЛЧЦ будет развиваться по военно-силовому («реалистическому» или «пессимистическому») варианту, продвигаясь достаточно быстро по лестнице эскалации вооруженного конфликта. Этот вариант в 2021–2025 годы переходит в полномасштабную войну на большинстве театров военных действий от Европы и Арктики до АТР без использования ОМУ. Иными словами динамика развития вооруженного противоборства чрезвычайно высока и требует соответствующего политического, государственного и общественного управления из единого центра и с помощью единых средств информации, связи и управления.

В этой связи необходимо предусмотреть комплекс мобилизационно-организационных и политических мер, позволяющих превратить современную военную организацию России (государства) в военную организацию ЛЧЦ (общества и нации).

Кроме того, эта военная организация должна учитывать специфику войны между ЛЧЦ: на втором этапе развития вероятных полномасштабных военных действий между западной и российской ЛЧЦ (2025–2026 гг.) в конфликт неизбежно втягиваются другие ЛЧЦ, прежде всего китайская, индийская и исламская, интересы которых оказываются непосредственно затронутыми в ходе войны. Дело даже не в том, это в войны вовлекаются неизбежно соседние государства. Дело в том, что ход и исход любой крупной войны неизбежно затрагивает вопросы послевоенного урегулирования, что не может оставить безучастными великие державы, чье влияние в XXI веке усилилось.

На третьем этапе (2026–2029 гг.) можно ожидать превращения глобального военного конфликта с участием всех ЛЧЦ в глобальную войну, которая должна завершиться на четвертом этапе победой одной из ЛЧЦ и возглавляемой ею коалицией, которая будет оформлена с политико-правовой точки зрения в новую систему миропорядка.

Рассматривая подобный гипотетический вариант сценария развития МО и ВПО после 2021 года, следует исходить из того, что это, на мой взгляд, — наиболее вероятный сценарий, реализуемый в нескольких вариантах, из всего множества потенциально возможных сценариев и их вариантов. Некоторые из них описывались как в этой работе, так и в предыдущих работах ЦВПИ, в частности, в специальной книге «Прогнозирование сценариев развития международной и военно-политической обстановки на период до 2050 года»[122]. Таких теоретически возможных сценариев развития МО может быть несколько. И, естественно, их переход из статуса «возможного сценария» в статус «вероятного сценария» должен внимательно отслеживаться. Более того, их анализ должен всегда сопровождать анализ вероятных сценариев как неожиданная альтернатива.

Вместе с тем, именно наиболее вероятный вариант сценария после 2021 года нас интересует более всего потому, что, в конечном счете, этот вариант, во-первых, окажется, в конце концов, единственным реальным, а, во-вторых, к нему надо готовиться уже сегодня, заранее.

Таким образом, мы наблюдаем очевидное противоречие: с одной стороны, мы не можем «гарантированно» спрогнозировать будущий сценарий развития МО (и его вариантов), а, с другой, — нам в любом случае придется к чему-то готовиться. Разрешить это противоречие можно только выделив из всего спектра возможных и вероятных вариантов-сценариев какой-то один, наиболее, «самый» вероятный. И именно этот, наиболее вероятный вариант-сценарий взять за основу внешнеполитической стратегии и военной политики, базой для стратегического планирования. Надо понимать, что даже теоретически государство и общество не могут одновременно готовиться ко всем сценариям развития МО, а тем более их вариантам: и политически, и идеологически, и организационно. Даже самый точный прогноз может позволить, в конечном счете, указать на наиболее вероятный вектор развития МО, который будет корректироваться множеством конкретных обстоятельств и условий, которые невозможно предусмотреть. И, тем не менее, государство должно выбрать один из базовых прогнозов развития МО, как минимум, для выделения приоритетов своего развития и распределения ресурсов.

Сказанное означает, что прогнозируемый сценарий развития МО и его варианты указывают на необходимость:

— переоценки внешнеполитических приоритетов с учетом приоритета, в развитии военно-силового варианта сценария МО, прежде всего с точки зрения возможных союзников и партнеров;
— пересмотра структуры военной организации России, которая до настоящего времени не включает, как минимум, три крупные группы ресурсов — идеологию, институты гражданского общества и частный бизнес;

---

[122] Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А. И. Подберезкина. Т. 2. Прогнозирование сценариев развития международной и военно-политической обстановки на период до 2050 года. — М: МГИМО, 2015. — С. 693.

— пересмотра планов оборонного строительства с учетом специфики навязываемой системной сетецентрической войны и возможностей экономики в 2016–2025 годах.

Необходимо признать, что современная «точка отсчета» развития существующего сценария МО уже говорит о начале против России сетецентрической войны и необходимо сделать соответствующие политические выводы. Такое смелое политическое решение, естественно, потребует веского обоснования (хотя никто не может гарантировать абсолютной точности такого обоснования), которое имеет огромные последствия для государства. От этого зависит ресурс времени, который является очень важным, а иногда и невосполнимым ресурсом. Ошибка, например, в оценке со стороны руководства СССР с точной датой войны с Германией на 2–3 недели (т.е. радикального изменения ВПО) привела не только к разгрому в короткие сроки Западного и Юго-Западного фронтов СССР, потере миллионов солдат, тысяч танков и самолетов, но и изменению в МО — вступлению на стороне Германии в войну целого ряда европейских государств, которые поспешили присоединиться к будущему победителю.

Подготовка к современной войне занимает уже не годы, а десятилетия. Она требует не только новых НИОКР, но и фундаментальных социальных исследований, разработки новых технологий, а также существенных корректив в существующей военной организации государства и управлении страной, обществом и вооруженными силами, нового качества национальной мобилизации.

В нашем случае, когда руководство страны ориентируется на негативные сценарии, допускается высокая вероятность экстраполяции нынешнего негативного сценария развития МО (и его «реалистического» варианта) не только до 2021 г., но и далее. При этом «точка отсчета» перехода «реалистического» варианта в «пессимистический» может быть пройдена уже в 2017–2018 годах, а с 2021 года прогнозируется доминирование «пессимистического» варианта сценария, а именно перехода системного и сетецентрического противоборства в открытую фазу вооруженной борьбы на всех ТВД.

Это означает, что системность и сетецентричность в использовании всех сил и средств западной ЛЧЦ против России будут в значительной степени трансформированы в ведение уже не только силовой, но и открытой вооруженной борьбы. Та ведущаяся гибридная война против России, о которой в апреле 2015 года говорил командующий Западным военным округом А. Сидоров, будет существенным образом трансформирована в вооруженную борьбу сразу на нескольких ТВД, а затем и глобально. В немалой степени именно «благодаря» нарастающему в 2015–2021 годы противоборству между ЛЧЦ[123].

Таким образом, признание в качестве наиболее вероятного «пессимистического» варианта развития «пессимистического» варианта сценария глобального «Военно-силового противоборства ЛЧЦ» после 2021 года диктуется не только соображениями логики развития МО, но и обстоятельствами вынужденного характера: для нейтрализации негативных последствий развития подобного негативного сценария МО необходимо уже в настоящее время принять срочные и масштабные меры, включая мобилизацию национальных ресурсов, от которых после 2021 года будет зависеть выживаемость государства и нации. Учитывая бескомпромиссность межцивилизационного противоборства, беспрецедентные риски сохранения национальной идентичности и государственного суверенитета требуют исходить именно из этого, «худшего» сценария.

---

[123] *Подберезкин А. И.* Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М: МГИМО, 2015. — С. 13.

1.5. МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ НАИБОЛЕЕ ВЕРОЯТНОГО ВАРИАНТА СЦЕНАРИЯ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОБСТАНОВКИ ДО 2050 ГОДА

Я убедился, что его подход (цивилизационный подход С. Хантингтона. — *А. П.*) важен не только для понимания современных мировых отношений, но и для рационального воздействия на них[124]
З. Бжезинский

… подобная стратегия в отношении России бескомпромиссна по своим целям, хотя и может несколько отличаться (в отдельных вариантах) по своим средствам … С точки зрения геополитической, Россия как нация и государство должны быть ликвидированы…[125]
А. Подберезкин, М. Харкевич

В данной работе методология[126] рассматривается, прежде всего, как учение об организации теоретической и практической деятельности субъектов и акторов МО. В своей совокупности она представляет собой достаточно сложную систему методов, используемых в настоящей работе. Так, на разных этапах в работе используются такие методы, как:

- наблюдение;
- индукция;
- дедукция;
- анализ;
- прогноз;
- синтез;
- сравнение и сопоставление;
- моделирование;
- социологические опросы и др.

Я полагаю, что только системное и комплексное использование самых разных методов может претендовать на адекватность и объективность, но, главное, иметь практическую ценность.

Этой задаче были посвящены несколько работ ЦВПИ МГИМО в 2013–2016 годы[127]. Вместе с тем я отдаю себе отчет в том, что социальная область вообще, а международно-политическая, в особенности, является областью, где субъективные и иррациональные факторы оказывают очень сильное влияние, оставляя своего рода обязательный «зазор» для научного исследования.

Именно практические потребности внешней и оборонной политики являлись ведущими при использовании тех или иных методов в работе. Так, методологическое обоснование того или иного наиболее вероятного варианта сценария развития МО необходимо для того, чтобы:

- спрогнозировать наиболее вероятные варианты развития такого сценария (которые могут иногда существенно отличаться друг от друга даже в рамках одного сценария) с тем, чтобы максимально эффективно с точки зрения времени и ресурсов, разработать необходимую стратегию противоборства;

---

[124] *Бжезинский З.* Предисловие. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. — М.: АСТ, 2016. — С. 4.

[125] *Подберезкин А. И., Харкевич М. В.* Мир и война в XXI веке: опыт долгосрочного прогнозирования развития международных отношений. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — 581 с.

[126] **Методология** — *зд.* тип сознания, направленного на разработку, совершенствование и изучение методов теоретической и практической деятельности в области международных отношений.

[127] См., например: Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А.И. Подберезкина. — М.:МГИМО–Университет, 2015. Т. 1. Теоретические основы системы анализа, прогноза и планирования внешней и оборонной политики. 2015. — 796 с.; Т. 2. Прогнозирование сценариев развития международной и военно-политической обстановки на период до 2050 года. 2015. — 722 с.

— максимально точно спрогнозировать развитие военно-политической обстановки, вытекающей из развития этих отдельных вариантов базового сценария МО;
— сделать соответствующие предложения для стратегии национальной безопасности, военной доктрины и военного планирования России, исходя из необходимости максимально эффективного использования ресурсов не только России, но и всей ЛЧЦ. Так, проект Стратегии национальной безопасности РФ, подготовленный исходя из предложенного в работе наиболее вероятного варианта сценария развития МО и ВПО до 2050 года (получившего название «Военно-силовое противоборство западной ЛЧЦ»), должен отражать, прежде всего, основные особенности существующей и будущей МО и соотношения сил между ЛЧЦ и центрами сил в мире.

При этом я исхожу из того факта, что развитие этого варианта необходимо разбить на два этапа — среднесрочный (до 2025 года) и долгосрочный (до 2040 года) потому, что развитие базового сценария до 2025 года, т.е. в среднесрочной перспективе, будет происходить в рамках уже известных сегодня политических, экономических и технологических парадигм, преимущественно «их простой экстраполяции» на будущее.

В то же самое время (т.е. еще до 2025 года), параллельно будут зарождаться и уже зарождаются новые будущие парадигмы, которые станут основой для будущих сценариев развития МО уже после 2025 года. Это означает, что до 2025 года необходимо ориентироваться по сути дела на два разных стратегических прогноза: один, основанный на существующих парадигмах, а другой — на основе нарождающихся, которые будут доминировать уже после 2025 года. В данном разделе предлагается рассмотреть именно методологическое обоснование вероятности реализации этих двух прогнозов.

1.5. а). Методологическое обоснование наиболее вероятного варианта развития сценария «Военно-силового противоборства ЛЧЦ» до 2025 года (на основе известных парадигм)

Мировое равновесие, и без того ставшее шатким, как никогда,
окажется обреченным на новые невиданные испытания[128]
И. Ильин,
русский философ, 1950 г.

… наше осознание особенностей различных цивилизаций требует от нас…
ориентации на межцивилизационные коалиции, на взаимное уважение
и сдержанность в стремлении управлять другими нациями[129]
З. Бжезинский

Методологически, особенно важное значение для среднесрочного прогноза развития МО до 2025 года имеют такие методы (обязательно используемые системно и комплексно), как:
— сценарное программирование МО и ВПО;
— моделирование МО и ВПО;
— анализ закономерностей развития ЛЧЦ и др. субъектов МО;
— сопоставление и сравнение потенциалов ЛЧЦ, субъектов и акторов МО, а также ряда других.

Так, еще в 1950 году русский философ И. Ильин спрогнозировал развитие международной обстановки, пожалуй, по худшему сценарию «расчленения России», включая отделение Украины

[128] *Ильин И.* О русском национализме. Сборник статей. — М.: Российский Фонд Культуры, 2007. — С. 91.
[129] *Бжезинский З.* Предисловие. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. — М.: АСТ, 2016. — С. 4.

от России. Удивительно точный прогноз подтвердился чуть более чем через 40 лет, доказывая в очередной раз, что интуиция, основанная на знаниях, и прогноз, основанный на глубоком качественном анализе цивилизационных основ, имеет огромную (по-Бжезинскому) «практическую значимость».

Применительно к задаче долгосрочного прогноза развития МО и ВПО, мы можем сегодня говорить, опираясь и исходя из знаний, фактов и тенденций, которые нам относительно известны в 2016 году в виде общепринятых парадигм, которые подвергаются сомнениям и оспариваются меньшинством научной общественности. Именно в рамках этой парадигмы сложилось представление о том, что из всех возможных сценариев развития МО в начале XXI века наиболее вероятным сценарием является сценарий «Военно-силового противоборства ЛЧЦ». Этот сценарий до 2025 года может быть реализован, как уже говорилось выше, в нескольких вариантах. Соответственно каждый из вариантов такого сценария предполагает наличие, как минимум, одного варианта развития ВПО. Так, например, в настоящее время достаточно точно и уверенно можно говорить о долгосрочной политике США в области ПРО и ВТО. В том числе и о намерениях военно-политического руководства страны, которые достаточно четко прогнозируются в отношениях России к 2025 году. По оценкам главного конструктора Концерна ВКО «Алмаз-Антей» П. Созинова, они представляют из себя очевидное стремление создать потенциал неядерного ВТО, способного выполнять стратегические функции[130].

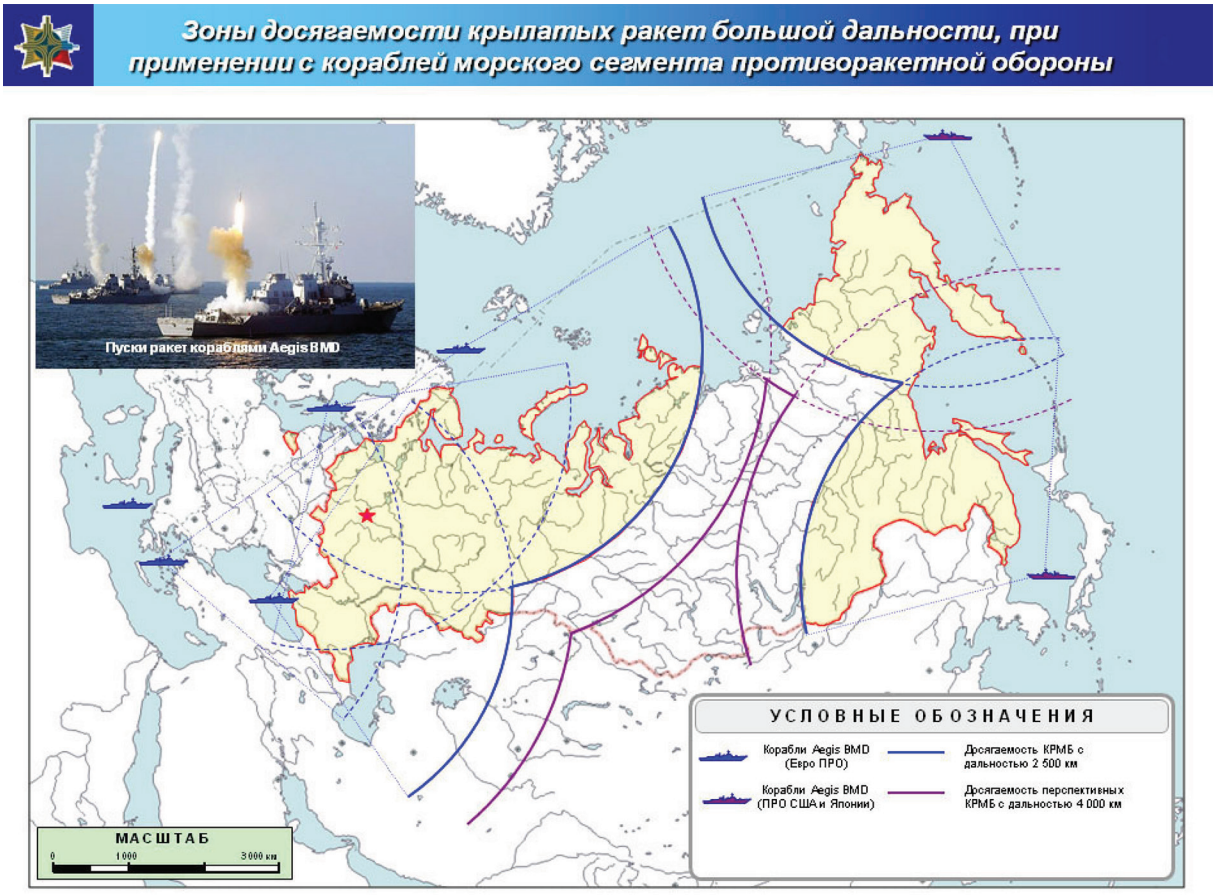

Рис. 1.43.

[130] *Созинов П. А.* Направления развития системы воздушно-космической обороны Российской Федерации / доклад. — М.: МГИМО–Университет, 2014.

Еще раз оговоримся, что для практических задач, решаемых предлагаемой методологией у выбранной нами «Парадигмы №1» соответствующей базовому сценарию развития МО, есть несколько вариантов, из которых мы выбрали «Вариант № 1» развития ВПО и соответствующих конкретных СО, войн, конфликтов и даже инцидентов, основываясь на анализе и прогнозе основных, известных парадигм развития человеческой цивилизации до 2016–2017 годов. И это естественно, ведь мы не можем экстраполировать развитие неизвестных парадигм. В этой связи предлагается заведомо упрощенная модель самого общего плана развития МО–СО.

Рис. 1.44. Модель развития МО, ВПО и СО до 2025 года, ограниченная существующими парадигмами

Как видим на этой (повторюсь, самой общей) схеме развития МО, ВПО и СО (рис. 1.44), мы изначально отсекаем не только теоретически возможные и даже вероятные сценарии развития МО, но и их варианты, оставляя в данном случае только один сценарий и единственный вариант его развития, которые представляются наиболее вероятными.

Тем более мы даже не пытаемся рассмотреть пока что сценарии развития МО и их варианты после 2025 года, которые (по моему мнению) будут основываться на принципиально новых парадигмах и по отношению, к которым экстраполяция недопустима.

Иными словами мы концентрируем все внимание на единственном варианте сценария МО и его наиболее вероятном варианте, изначально выпуская из виду все остальные сценарии и их варианты. Такой методологический подход имеет свои плюсы и минусы.

Если говорить о плюсах, то они сводятся к тому, что мы искусственно ограничиваем количество факторов, влияющих на формирование МО–ВПО–СО. Так, если на один-единственный вариант развития МО влияют 4 группы факторов (о которых мы подробно еще будем говорить):

— субъекты МО (сотни государств, союзов и их коалиций, а также ЛЧЦ);

— акторы МО (десятки тысяч организаций, партий и пр.);
— тенденции (сотни глобальных, региональных и тысячи локальных тенденций);
— человеческий капитал и его институты;

а также, субъективные и иррациональные факторы, то для того, чтобы построить модель десятков сценариев и их вариантов, количество этих факторов потребуется умножить на количество вариантов, что сделает прогноз невозможным.

Тем более, если вы хотите сохранить многовариантность развития МО–ВПО–СО для долгосрочного прогноза, основанного на еще точно не известных парадигмах и факторах. Мы оказываемся в тупике потому, что долгосрочный прогноз и стратегическое планирование должны учитывать не только возможность, но и неизбежность появления новых парадигм развития ЛЧЦ и МО–ВПО не только после 2025 года, возможно, еще до этого срока, например, в области развития военных технологий, информатики или когнитивной области[131].

В наших оценках и прогнозах мы исходим из наибольшей вероятности эволюции «реалистического» варианта сценария «военно-силового противоборства ЛЧЦ» развития МО, у которого есть тенденция перехода к 2025 году в «неблагоприятный» вариант сценария (т.е. практически полномасштабной войне).

Эта парадигма теоретически может быть заменена как парадигмой «развития сотрудничества», так и «парадигмой всеобщей войны» еще до 2025 года. И первое, и второе — качественно новое состояние МО, которое нельзя исключать. При этом у каждой из новых парадигм развития ЛЧЦ может существовать своя логика развития, в т.ч. и неизвестная или пока что непонятная.

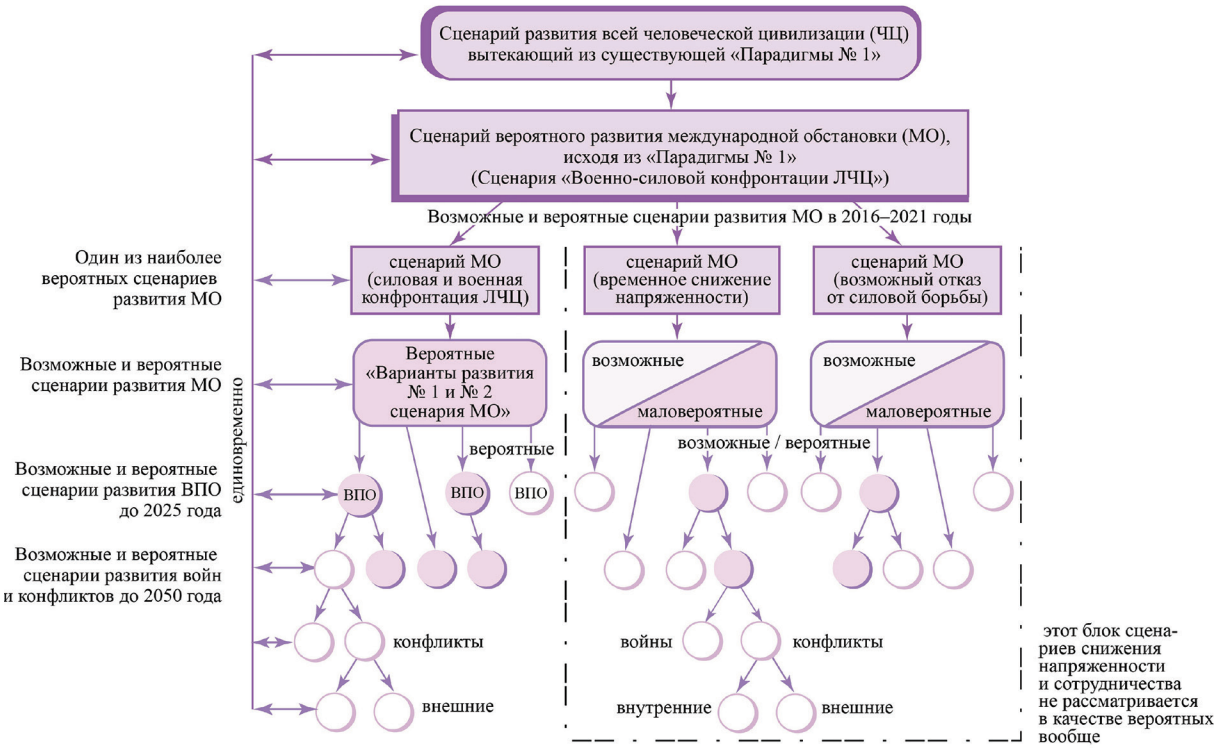

Рис. 1.45. Логическая схема развития наиболее вероятного варианта международной обстановки, исходя из существующей парадигмы сценария противоборста локальных цивилизаций до 2025 года

[131] Проект долгосрочной стратегии национальной безопасности России с методологическими и методическими комментариями: аналит. доклад / [А.И. Подберезкин (рук. авт. кол.) и др.]. — М.: МГИМО–Университет, 2016. Июль. — С. 7–31.

Вот почему мы, с одной стороны, должны ограничиться небольшим количеством наиболее вероятных вариантов развития сценариев МО и ВПО, а, с другой, понимать, что появление новых парадигм может качественно изменить ситуацию во всем мире, а не только относительно политики какой-то одной ЛЧЦ.

В этих целях мы должны постоянно исследовать и фиксировать изменения в вероятных и возможных сценариях развития МО и ВПО и их вариантах, неизбежно концентрируя внимание на ограниченном количестве наиболее вероятных вариантов. В нашем случае это будут два конкретных варианта развития одного базового сценария МО «Военно-силового противоборства ЛЧЦ» до 2025 года: «Вариант №1» (Системного и сетецентрического нарастающего противоборства западной ЛЧЦ» с российской, китайской, и исламской ЛЧЦ, а также «Вариант №2» («Глобальной военно-силовой эскалации противоборства западной ЛЧЦ» с российской, китайской и исламской ЛЧЦ. Эти варианты одного базового силового сценария отличаются друг от друга интенсивностью и масштабами использования военной силы в прямой форме среди других силовых средств[132].

Остальные возможные сценарии и их варианты развития, как наименее вероятные мы оставляем на периферии внимания, одновременно отмечая необходимость их постоянного мониторинга с точки зрения их возможного перехода из категории «возможные» в категорию «вероятные» и неожиданного появления новых парадигм до 2025 года. (На схеме, предлагаемой выше, эти два сценария и их варианты отмечены пунктирной линией, выделенной в один блок справа, а вероятный сценарий — слева.

Как видно из рисунка, иллюстрирующего развитие одного наиболее вероятного сценария МО (Сценария «Военно-силового противоборства ЛЧЦ» до 2025 года), вероятность и возможность смены парадигм развития и, соответственно, их сценариев и вариантов, постоянно сохраняется.

Таким образом, в 2016 году наш долгосрочный прогноз развития МО распадается:

- на возможные и вероятные сценарии развития отношений между ЛЧЦ;
- на возможные и вероятные сценарии развития МО;
- на вероятные варианты реализации наиболее вероятного сценария МО;
- на наиболее вероятные варианты формирования ВПО и СО, вытекающие из избранного варианта сценария развития МО.

В рамках существующей парадигмы (с высокой степенью вероятности до 2025 года) эта схема может быть реалистичной, но она потребует корректировки в рамках неизбежного появления новых парадигм (после 2025 года).

Этот наиболее вероятный сценарий глобального «Военно-силового противоборства ЛЧЦ» в обоих своих вариантах предполагает реализацию Западом соответствующей стратегии, которая имеет следующие основные характеристики:

- основная цель: сохранение контроля западной ЛЧЦ над созданными ею финансово-экономическими и военно-политическими, и международно-правовыми мировыми системами, предполагает решение следующих задач:
  - подчинение своим нормам и правилам поведения правящих элит ЛЧЦ и государств, а также отдельных акторов;
  - изменение системы ценностей других ЛЧЦ, наций и государств в направлении «универсальных» систем западной ЛЧЦ;
  - изменение представления о национальных интересах, самоидентификации и политическом суверенитете;
  - контроль над территориями, транспортными коридорами и ресурсами;
- основные средства: полный спектр политико-дипломатических, финансовых, экономических и информационных, а также военных средств, используемых в качестве принуждения, угрозы применения силы, и военного насилия;

---

[132] *Подберезкин А. И., Харкевич М. В.* Мир и война в XXI веке: опыт долгосрочного прогнозирования развития международных отношений. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — С. 297–454.

— основной способ: системное использование всех силовых, включая военные, средств, для достижения поставленной цели. При этом предполагается использование не только государственных, но и общественных и частных ресурсов для достижения поставленных целей, а также всех возможностей нации контролируемой ЛЧЦ;
— основной принцип: сетецентричность, объединение всех ресурсов ЛЧЦ, включая информационные, в режиме реального времени.

Данная стратегия в отношении России является бескомпромиссной по своим целям, хотя и может несколько отличаться по своим средствам, среди которых для США желательно было бы избежать наиболее масштабных и острых форм военного противоборства из-за военных рисков и экономических издержек. Сути стратегии (цели) это не меняет: они остаются решительными и далеко идущими, включая не только уничтожение и раздел российского государства, ликвидацию его суверенитета, но и конечную ликвидацию российской нации в Евразии. На одной из карт эти решительные цели показаны следующим образом[133].

Рис. 1.46. Одна из карт возможного раздела России

С точки зрения геополитической, Россия как нация и государство должна быть ликвидирована, прежде всего посредством подчинения элиты, потери идентичности, что обеспечит западной ЛЧЦ решение основных, конкретных задач:

— устранение геополитического конкурента в Евразии;
— ликвидация потенциального враждебного центра интеграции;
— раздел природных ресурсов и территории;
— ликвидация российского контроля над транспортными коридорами.

Очевидно, что политического или цивилизационного компромисса по этим вопросам с западной ЛЧЦ быть не может. Запад уже не готов к компромиссу относительно раздела сфер влияния и контроля. Ему нужна «окончательная» победа. При этом понимание полной и окончательной

[133] Тимесков А. Маккейн жестко критикует Меркель за визит к Путину / [Электронный ресурс]. «Эхо Москвы». 2015. 7 февраля / URL: http://www.echo.msk.ru/blog/timeskhan/1488758-echo/

победы в XXI веке иное, чем в предыдущей истории: «полная» победа — это контроль над политической элитой, системой ценностей и обществом, а не оккупация территории или разгром армии. Соответственно это обстоятельство формирует не только условия, но и средства и способы стратегии достижения поставленной цели.

В то же время, представляется маловероятным, чтобы противоборство западной ЛЧЦ с другими ЛЧЦ, кроме российской, перешло из враждебной в вооруженную стадию до 2025 года в силу нескольких причин. Наиболее важными из них являются следующие:

— наиболее мощные альтернативные западной ЛЧЦ центры силы не будут до 2025 года обладать сколько-нибудь достаточной военной мощью, а исламская ЛЧЦ, разделенная на суннитскую и шиитскую ветвь, во многом будет контролироваться США;
— ни китайская, ни индийская ЛЧЦ, которые постепенно становятся сопоставимыми с западной ЛЧЦ, не будут в среднесрочной перспективе оспаривать первенство последней. Их стратегия во многом предопределяется созданием собственного цивилизационного окружения (включая и элементы западной ЛЧЦ);
— другие нарождающиеся центры силы в среднесрочной перспективе не будут в состоянии противостоять западной ЛЧЦ;
— единственный центр силы, который уже заявил публично о своей самостоятельности и готовности защищать свою систему ценностей, — российская ЛЧЦ. Она вступила фактически в стадию конфронтации и силового противоборства с западной ЛЧЦ. Соответственно и сценарий противоборства западной и российской ЛЧЦ, в наиболее опасном варианте, уже начал реализовываться и получать своё развитие. Этот вариант является, как видно на рисунке ниже, частью более общего сценария силового противоборства между западной ЛЧЦ с другими ЛЧЦ, инициированного США. Место этого варианта среди других вариантов одного и того же сценария можно обозначить следующим образом (рис. 1.47)[134].

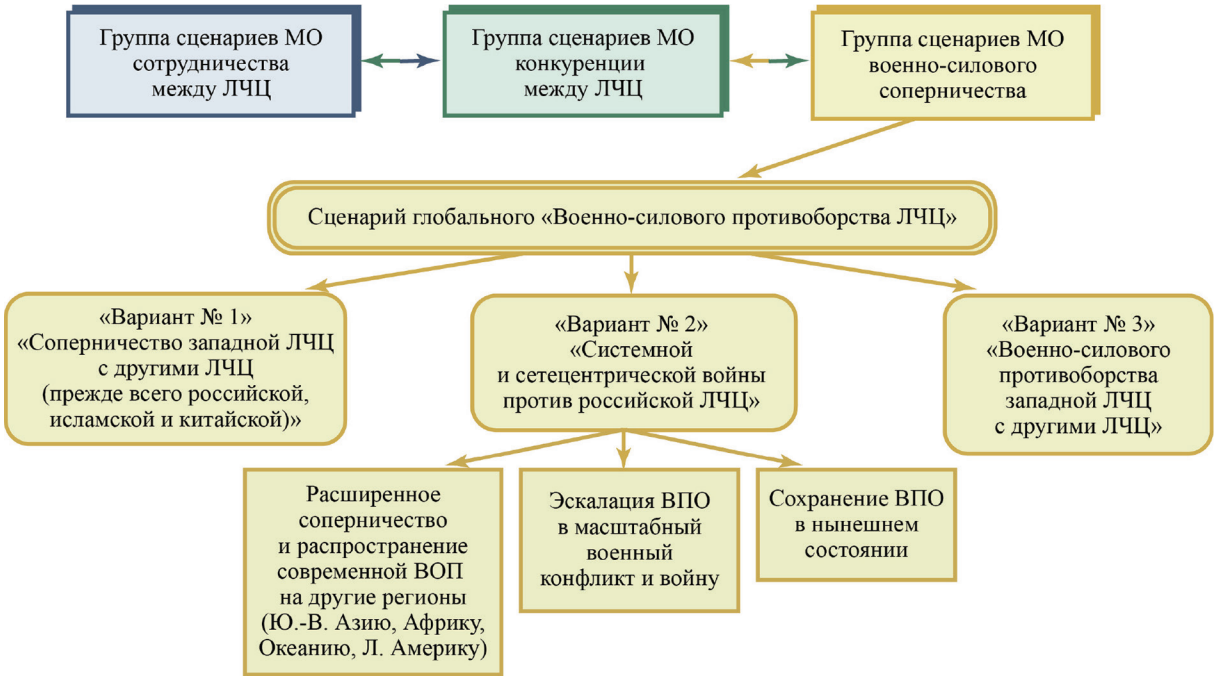

Рис. 1.47. Модель среднесрочного развития отношений западной ЛЧЦ с другими ЛЧЦ

[134] *Подберезкин А. И., Харкевич М. В.* Мир и война в XXI веке: опыт долгосрочного прогнозирования развития международных отношений. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — С. 428–433.

Таким образом, налицо очевидное противоречие между объективным ходом мирового развития, которое в перспективе ведет к неизбежному краху глобального доминирования западной ЛЧЦ, с одной стороны, и усилением силовых и военных компонентов (на фоне общего падения влияния) в политике западной ЛЧЦ, с другой. Но такой «крах», очевидно, не является реальной перспективой до 2025 года. Такие глубокие противоречия, как показывает мировая история, ведут к региональным и даже глобальным войнам между ЛЧЦ, их коалициями и нациями, стоящими во главе этих цивилизаций. Вот почему период 2016–2025 годов можно рассматривать как вероятный период перехода от «Варианта №3» («Военно-силового противоборства западной ЛЧЦ с другими ЛЧЦ») к «Варианту №2» («Системной и ссетецентрической войны против российской ЛЧЦ»). Можно предположить, что при таком переходе от силового к военно-силовому варианту противоборства западная ЛЧЦ будет в максимальной степени готова к эскалации всего спектра силовых средств политики — от использования дипломатического и гуманитарного давления и информационно-психологической войны до применения экстремистских террористических организаций и ведения proxy-wars.

При реализации такого варианта сценария глобального «Военно-силового противоборства западной ЛЧЦ» против российской ЛЧЦ Запад попытается использовать стратегию «новой публичной дипломатии», когда эффективность эскалации силовых способов влияния на Россию подкрепляется военно-силовыми решениями на всех уровнях конфликтов и во всех регионах планеты. При этом границы между локальными, региональными и глобальными военными конфликтами и войнами стираются. Массовое производство и размещение ВТО в неядерном оснащении США предполагает, что уже на начальных стадиях военных конфликтов оно может быть использовано.

1.5. б). Методологическое обоснование развития наиболее вероятного варианта сценария «Военно-силового противоборства ЛЧЦ» после 2025 года (на основе новых парадигм)

… Северная Америка заменила Европу в качестве мирового центра притяжения, и тому, кто будет господствовать в Северной Америке, фактически гарантирована роль доминирующей мировой державы. В XXI веке (как минимум) такой державой будут США[135]

Дж. Фридман, политолог

Культура как социальная конструкция
содействует максимальной стабильности данного варианта мира…

Г. Почепцов, политолог (Украина)

Методологическое обоснование долгосрочного прогноза развития сценария МО основывается на обострении цивилизационной борьбы, в т.ч. и из-за появления новых парадигм в развитии ЛЧЦ, которое уже произошло в начале XXI века, а также на стремлении США сохранить и даже упрочить свое геополитическое положение и роль в мире даже в условиях усиления новых центров силы.

Надо понимать, что стратегический прогноз мирового развития должен исходить из некоторых базовых посылок — парадигм, — существование которых в начале XXI века, как минимум, не оспаривалось. На мой взгляд, эти парадигмы следующие:

Во-первых, основное противостояние и развитие МО в мире будет определяться отношениями между ЛЧЦ и их лидерами — США, Китаем, Россией, шиитским Ираном и суннитской Саудовской Аравией.

---

[135] *Фридман Дж.* Следующие 100 лет: Прогноз событий XXI века. — С. 5.

Во-вторых, геополитически, экономически и технологически США являются сильнейшим лидером всей западной ЛЧЦ, способным сохранить на неопределенное время свой огромный отрыв в экономической, финансовой и военной мощи от других государств.

В-третьих, центр противостояния — США — будет находиться между Атлантикой и АТР, а с помощью своих «крыльев» (ТПП и ТАП) он контролирует развитие основных мировых процессов.

В-четвертых, единственным противовесом США может стать Евразия, которую способны объединить Китай и Россия для противостояния западной ЛЧЦ.

Очевидно, что перекос центра борьбы между ЛЧЦ в конце XX — начале XXI века в области борьбы за продвижение своих и уничтожение чужих систем ценностей и идентичности, наносит мощный удар по культуре и духовности, которые являются основой международной и внутриполитической стабильности[136]. Украина в 2014–2016 годах это наглядно показала. Поэтому, следует ожидать неизбежного мощного подрыва стабильности во всех ЛЧЦ, который неизбежно последует, из-за реализации западной стратегии противоборства. Прогноз развития наиболее вероятного варианта базового сценария «Военно-силового противоборства ЛЧЦ» после 2025 года, таким образом, основывается на:

— прогнозе вероятного сохранения известных тенденций, факторов и акторов, формирующих МО–ВПО а настоящее время, и их экстраполяции на долгосрочную перспективу;
— на предположении и прогнозе появления принципиально новых (неизвестных в 2016 году), политических, экономических, финансовых и военных парадигм после 2025 года;

Если говорить о сохранении современных парадигм, то, прежде всего, следует сказать, что сценарий развития МО, получивший изначально название глобального «Военно-силового противоборства западной ЛЧЦ» сохранится с высокой степенью вероятности и после 2025 года. При условии, конечно же, что в 2025–2030 годах удастся избежать глобальной войны между ведущими ЛЧЦ, к чему, к сожалению, ведет развитие событий в предыдущий период.

Если же такая глобальная война (или война на двух ТВД — в Европе и на Дальнем Востоке) произойдёт, то после её окончания уцелевшие правительства и государства будут договариваться о новом мировом порядке, либо просто-напросто его диктовать.

Пока что, к сожалению, не видится никаких предпосылок реализации сценария сотрудничества или хотя бы мирного соперничества ведущих мировых ЛЧЦ. Но если глобальной войны в 2025–2030 годах все-таки не будет, то, на мой взгляд, после 2025 года и вплоть до 2040 годов XXI века, в рамках сценария противоборства ЛЧЦ будут соперничать два его военно-силовых варианта — реализуемый сегодня «Вариант №3» («Военно-силового противоборства западной ЛЧЦ») и «Вариант №2» («Системной и сетецентрической войны против российской ЛЧЦ»). В этом случае в зависимости от множества внутренних и внешних факторов западная ЛЧЦ в 2025–2040 годы будет переходить от одного военно-силового варианта сценария к другому (и обратно). На такой переход может влиять целый ряд внешних и внутренних факторов и особенностей развития МО в этот период.

Во-первых, способность российского руководства обеспечить эффективную политику национальной безопасности, сочетающую меры по укреплению обороны, внутриполитической стабильности и результаты опережающего социально-экономического развития. Если внутренняя политика России будет относительно успешной, а ее правящая элита сплоченной, то военные риски и экономические, и иные издержки для западной ЛЧЦ будут значительно перевешивать возможные преимущества от уничтожения или ослабления российской ЛЧЦ.

В частности, многое будет зависеть, например, от способностей ВКО России обеспечить защиту территории страны и важнейших объектов от массированного применения ВТО (КР и других ЛА). В настоящее время можно пока с уверенностью говорить об успешном перехвате в нижних слоях атмосферы. После 2025 года необходимо обеспечить уверенный перехват всех видов и систем вооружений на любых высотах и при любой данности. Генеральный конструктор Концерна ВКО «Алмаз-Антей» П. Созинов видит эту проблему следующим образом (рис. 1.48).

---

[136] Стратегическое прогнозирование международных отношений: кол. монография / под ред. А.И. Подберезкина, М.В. Александрова. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — С. 215–265.

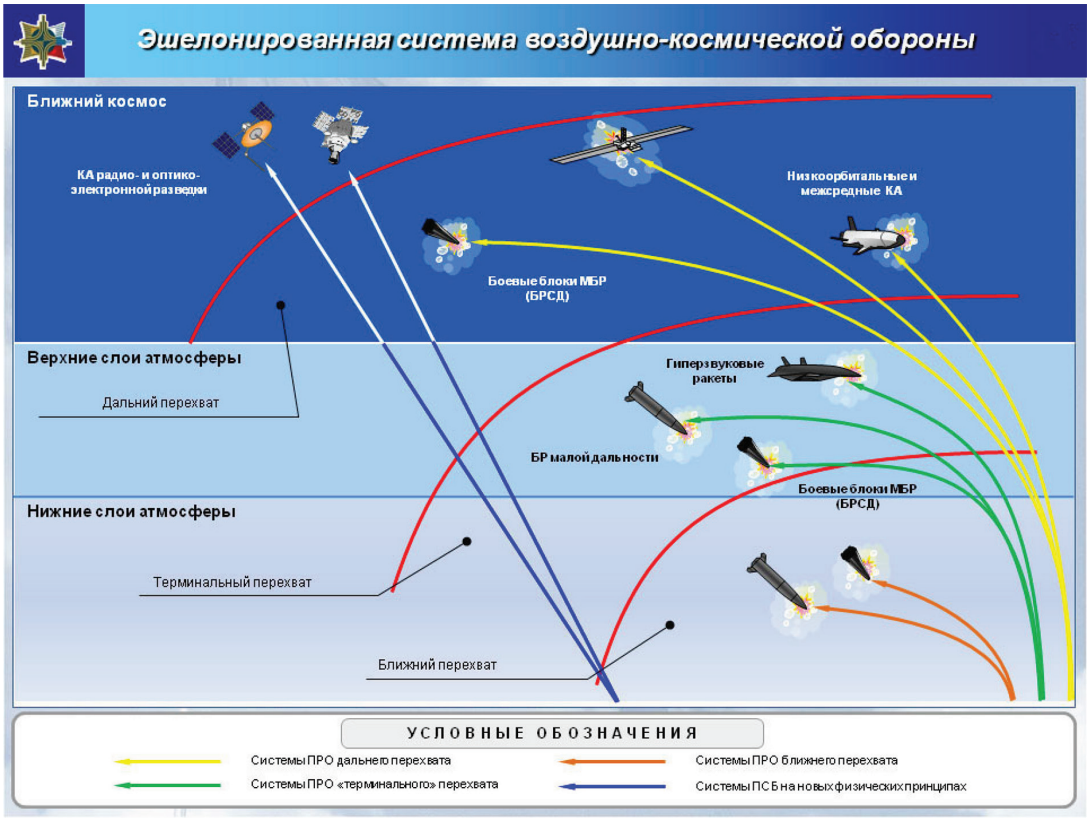

Рис. 1.48.

Рис. 1.49.

Во-вторых, политика других ЛЧЦ, прежде всего, исламской и китайской, которая может быть достаточно враждебна западной ЛЧЦ и перейти в открытое военно-политическое противостояние. Маловероятно, что западная ЛЧЦ во главе с США захочет развивать военный конфликт одновременно против двух и более ЛЧЦ. В этом смысле расширение международного сотрудничества и развитие «российского ядра» ЛЧЦ, безусловно, влияет на вероятность перехода западной ЛЧЦ к открытому военному конфликту.

В-третьих, состояние собственно западной ЛЧЦ, ее готовность к активным военным (а не только силовым) действиям против российской, исламской или китайской ЛЧЦ. Внутренние конфликты в коалиции (внутри НАТО, ЕС или в отношениях друг с другом или с США), как показывает история, не столь уж, невероятны. Как нельзя исключать и внутриполитическую нестабильность в США.

Таким образом, в зависимости от ряда условий, в первую очередь от степени и эффективности противодействия российской стороны, данный сценарий «Военно-силового противоборства» может иметь в период 2025–2040 годов, как минимум, два варианта своего развития с точки зрения использования вооруженного насилия. Причем эти варианты могут, как чередоваться друг с другом, так и совмещаться, в результате чего могут появляться «временные» или «гибридные» варианты. Можно, однако, предположить, что после 2025 года предпочтение будет, скорее всего, отдаваться наиболее масштабным (с точки зрения применения военной силы) вариантам. При этом конкретный вариант будет зависеть от роли, масштабов и способов использования военной силы, а также возможностей противодействия со стороны российской ЛЧЦ, что ставит перед ней до 2025 года вполне конкретные задачи с точки зрения эффективности ее обороны.

Модель гипотезы использования военно-силового варианта со стороны Запада в упрощенном виде представляет собой следующую картину (рис. 1.50).

Как видно из рисунка, после 2025 года рассматриваются, как минимум, четыре наиболее вероятных стратегии западной ЛЧЦ. При этом возможны, даже вероятны, их «гибридные» клоны. Так, по сути дела, ни один из вариантов не противоречит остальным и вполне совместим с ними, что может говорить в пользу появления «синтезированного» пятого варианта как комбинации всех четырех вариантов после 2025 года. Это и есть современная парадигма внешней политики США, которая будет экстраполирована на период после 2025 года.

Как представляется, именно такой пятый, «синтезированный» вариант наиболее эффективен в качестве стратегии Запада: переводя противоборство с российской ЛЧЦ в военную плоскость, Запад может сохранить достаточно мирное отношение с другими ЛЧЦ, но одновременно будет пытаться их дестабилизировать и укрепить собственную коалицию.

Элементы такой стратегии США уже просматриваются в настоящее время. В частности, в Стратегии национальной безопасности США, принятой в феврале 2015 года, говорится об укреплении коалиционных основ и о военно-техническом превосходстве как принципах политики США[137].

Что же собственно касается вероятного военно-силового противоборства между ЛЧЦ после 2025 года (в случае, если война все-таки не состоится), то оно может происходить в самых разных формах, пропорциях и областях. Однако на этом этапе оно будет исключать, как правило, прямое масштабное использование военной силы. Оно будет не только опасно, но и не нужно. Это объясняется, прежде всего, сохраняющимся в настоящее время и в ближайшей перспективе военным превосходством западной ЛЧЦ над другими ЛЧЦ, которому трудно сопротивляться, ибо результат известен заранее. Как известно, войны и конфликты между государствами начинаются тогда, когда есть сомнения относительно соотношения сил и возможностей победы. Когда же очевидно превосходство одной из сторон, то войну начинать, как минимум бессмысленно, а, как максимум, — опасно для тех, кто принимает решение о войне. Хотя и здесь бывают исключения. Достаточно вспомнить войны США в Корее и Вьетнаме.

Это общее правило, однако, стало видоизменяться в XXI веке, когда появились «ассиметричные» войны и войны с «облачным противником», а именно, когда достаточно радикально

[137] National Security Strategy. — Wash.: GPO, 2015. June.

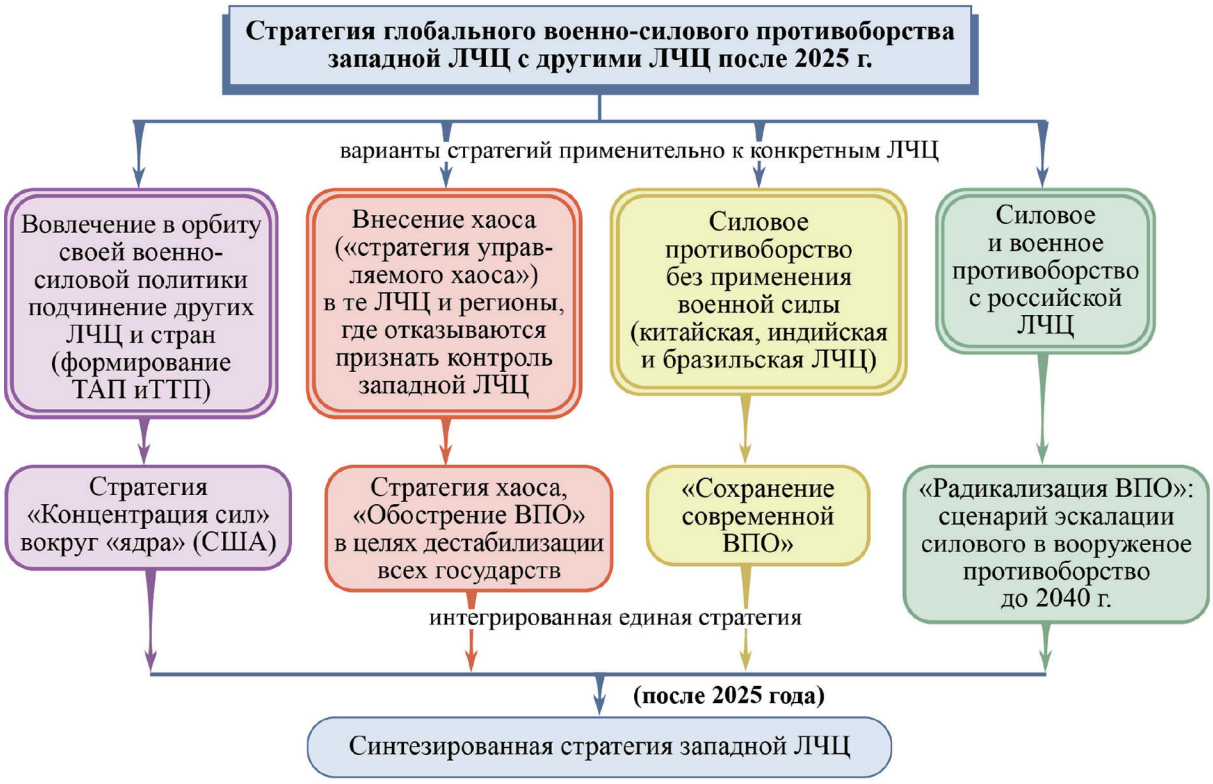

Рис. 1.50. Модель гипотезы реализации наиболее вероятного варианта сценария развития МО глобальное «Военно-силовое противоборство западной локальной цивилизации» после 2025 года

изменились традиционные условия и правила войны. В таких новых войнах, когда противником государства выступает не оформленная до конца или не идентифицированная точно политическая сила, а война ведется нетрадиционными средствами и способами, равенство военных сил уже не имеет принципиального значения. Никто не задавался, например, сравнением соотношения сил правительства Сирии и ИГИЛ, или ХАМАЗ и Израиля[138].

Это общее правило «признания военного превосходства» также не относится к военному противоборству между западной и российской ЛЧЦ, которое уже инициировал Запад во втором десятилетии XXI века и которое будет развиваться и дальше, приобретая все более отчетливые формы военного конфликта[139]. Прежде всего потому, что сохраняется военно-стратегическое равновесие, которое во многом компенсирует военное превосходство США.

На мой взгляд, начальный этап этой войны против России уже в самом разгаре, хотя по политическим и иным мотивам публично это признавать никто не хочет ни в России, ни на Западе. Те инциденты, которые регулярно происходят в море, в воздухе и на суше — демонстрируют, что обе стороны показывают готовность к применению военной силы друг против друга в открытой, публичной форме. В дальнейшем вероятна эскалация подобной политики на самых различных ТВД. Так, решение частных военных задач на Украине должно привести к возникновению очага напряженности на протяжении всей 2000 километровой границы с Россией, а также созданию максимально враждебной России внешней среды при минимальных рисках и издержках США.

---

[138] *Подберезкин А. И., Харкевич М. В.* Мир и война в XXI веке: опыт долгосрочного прогнозирования развития международных отношений. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — С. 99–128.

[139] *Подберезкин А. И.* Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — С. 139.

Но апогей наступит именно после 2021–2025 годов, когда смена старой парадигмы развития МО вызовет уже не локальное, а масштабное использование военной силы и дальнейшую эскалацию. Сегодня можно выделить несколько основных особенностей этой вероятной будущей войны после 2025 года[140]:

— будет продолжаться формирование новых союзов и военно-политических коалиций («обновление союзов», как говорит Б. Обама), под эгидой США, объединяющих основные демографические, материальные и иные ресурсы ведущих стран западной ЛЧЦ, в которые будут включаться те страны, правящие элиты которых будут готовы принять «универсальные» ценности США и отказаться от суверенитета независимо от принадлежности к той или иной ЛЧЦ;
— будет еще больше усиливаться публичный акцент в политике и экономике на сохранении лидерства в технологической и военно-технической области, а также в качестве ВиВТ Соединенных Штатов и их ближайших военно-политических союзников;
— особенное внимание будет уделяться максимальной интеграции всех усилий западной ЛЧЦ для оказания эффективного системного военно-силового воздействия на потенциального противника во всех областях получившее название политики «новой публичной дипломатии», прежде всего в области экстремистской и террористической деятельности;
— будет усилено противодействие и предотвращение создания возможных новых союзов и коалиций, направленных против западной ЛЧЦ. Болезненная реакция США на БРИКС, ШОС, ОДКБ, ТС и любые интеграционные институты, каждый раз подтверждает это, даже если в них и участвуют представители западной ЛЧЦ (как это было с инициативой КНР по созданию банка инфраструктурных инвестиций в Евразии);
— будет усиливаться внимание к сохранению и превращению в открытое доминирование идеологического лидерства западной ЛЧЦ, включая силовое навязывание западной системы ценностей, «привлекательных» концепций, прогнозов, планирования и идей социального проектирования;
— общая тенденция развития МО после 2025 года будет свидетельствовать в пользу того, что силовое противоборство между ЛЧЦ будет усиливаться, перерастая в военно-силовое, а механизмы — международно-правовые и переговорные — обеспечения международной безопасности ослабевать в силу их одностороннего использования западной ЛЧЦ. Иначе говоря, по мере усиления со стороны западной ЛЧЦ ставки на военную силу и неизбежно вытекающей из этого политики девальвации значения международных институтов, сложившаяся международная система безопасности после Второй мировой войны окончательно прекратит свое существование. Вероятность того, что произойдет замена системы международной безопасности, основанная на международном праве и роли международных институтов, прежде всего ООН и ОБСЕ, доминированием в мире западной ЛЧЦ.

Она будет заменена военно-силовой системой, создаваемой США на основе западной ЛЧЦ и существующих у нее механизмов — НАТО, союзов и двусторонних договоренностей.

Готовность США и западной ЛЧЦ к практической реализации одного из вариантов сценария «Глобального военно-силового противоборства» предполагает разработку еще более широкого набора средств, интегрированных в единую систему, под сетецентрическим управлением в глобальном масштабе. Такая система ориентирована на опережающий по времени процесс сбора и передачи информации, ее анализ и принятие решений, которые позволяют полностью контролировать развитие того или иного варианта сценария МО, включая и вероятную эскалацию военного конфликта. Информационное превосходство западной ЛЧЦ — главная особенность развития будущих сценариев МО, позволяющая сохранять инициативу и выбирать тот или иной, наиболее предпочтительный, вариант развития сценария МО и ВПО.

---

[140] *Подберезкин А. И., Соколенко В. Г., Цырендоржиев С. Р.* Современная международная обстановка: цивилизации, идеологии, элиты. — М.: МГИМО–Университет, 2014. — С. 148–156.

ГЛАВА II
НОВЫЕ ПАРАДИГМЫ ДОЛГОСРОЧНОГО ПРОГНОЗА РАЗВИТИЯ КОНКРЕТНОГО СЦЕНАРИЯ СОВРЕМЕННОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОБСТАНОВКИ ДО 2050 ГОДА

Под (мировым. — *А. П.*) порядком понимается система межгосударственных отношений, регулируемых совокупностью принципов внешнеполитического поведения…[1]

А. Богатуров,
политолог

… научная информация, позволяющая повысить реалистичность прогнозов развития мировой военно-политической обстановки, необходима как никогда[2]

С. Нарышкин,
Председатель Госдумы ФС РФ

Для анализа и долгосрочного прогноза развития МО и ВПО ключевое значение имеет смена парадигм, качественные изменения в развитии МО и ВПО[3]. Будущая стратегия национальной безопасности России после 2025–2030 годов должна основываться на предположении и прогнозе, в качественно новых реалиях будущих сценариев и их вариантов развития, основанных на принципиально новых парадигмах[4]. Очевидно, что мир через 10 лет не будет таким же, как сегодня, но — что менее очевидно — насколько принципиально он будет отличаться от нынешнего?

Как ни странно, но эти изменения в обществе и экономике измеряются не годами, а событиями, в особенности, если такие события ведут к качественным изменениям и смене парадигм. Так, изменения, произошедшие в СССР с 1970 по 1980 год, получившие название «эпохи застоя» (хотя именно в эти годы произошло немало позитивных событий в истории и экономике страны), невозможно сравнить с изменениями 1985–1995 годов, когда произошла смена практически всех парадигм.

Еще более близкий и конкретный пример в военной политике России за 15 лет (с 1990 по 2005 год), когда в войска перестала вообще поступать новая техника, а вооруженные силы стремительно деградировали, и период с 2008 года по наше время, когда завершается программа ГПВ-2020.

Таким образом, значительные изменения в жизни, экономике и политике страны, а тем более МО и ВПО, которые формируют тысячи факторов и тенденций (превращая их, поэтому де-факто в самые динамичные политические субъекты и явления), измеряются событиями, сменой парадигм,

---

1 Введение в прикладной анализ международных ситуаций / под ред. А.Т. Шаклеина. — М.: Аспект–Пресс, МГИМО, 2014. — С. 560.

2 *Нарышкин С.Е.* Вступительное слово / *Подберезкин А.И.* Долгосрочное прогнозирование сценариев развития военно-политической обстановки. — М.: МГИМО–Университет, 2014. Октябрь. — С. 3.

3 *Подберезкин А.И.* Военные угрозы России. — М.: МГИМО–Университет, 2014.

4 Проект долгосрочной стратегии национальной безопасности России с методологическими и методическими комментариями: аналит. доклад / [А.И. Подберезкин (рук. авт. кол.) и др.]. — М.: МГИМО–Университет, 2016. Июль. — 86 с.

а не временными периодами (годами). Поэтому исключительное внимание должно быть уделено этим качественным изменениям в развитии факторов, субъектов и тенденций, формирующих МО и ВПО, а именно:

— развитию субъектов МО (государств, союзов и коалиций), наций и ЛЧЦ;
— развитию акторов (религий, партий, организаций), формирующих МО;
— развитию НЧК и его институтов, которое определяет в настоящее время темпы и качество развития общества и экономики, государственной и военной мощи;
— развитию глобальных, региональных и локальных тенденций.

Стратегический прогноз развития МО это не сумма стратегических прогнозов этих групп факторов и тенденций, а прогноз развития их во взаимосвязи, противодействии и взаимовлиянии.

В самом общем виде логика развития вариантов сценариев МО после 2025 года представляется следующей.

Рис. 2.1. Логика развития вариантов сценариев МО после 2025 года

Таким образом, после 2025 года прогнозируется развитие МО по трем пессимистическим сценариям, исключающим сколько-нибудь мирные компромиссы и сотрудничество между ЛЧЦ. Единственный наиболее вероятный «Вариант №3», соответствующий в общих чертах современному сценарию развития МО (но более «жесткий» с точки зрения применения военных инструментов), может рассматриваться по аналогии с сегодняшним днем.

К сожалению, теоретически возможные сценарии «разрядки» и даже «сотрудничества» между ЛЧЦ не выглядят вероятными в этот период[5].

[5] См. подробнее: Стратегическое прогнозирование международных отношений: кол. монография / под ред. А. И. Подберезкина, М. В. Александрова. — М.: МГИМО–Университет, 2016.

Долгосрочное прогнозирование на период более 10 лет практически исключает использование возможности только метода простой экстраполяции в силу целого ряда причин, главной из которой является неизбежное объективное появление в эти сроки новых парадигм в политике, экономике, науке и технологиях и, конечно же, в военной и, особенно, социальной областях. И в этом главная трудность долгосрочного прогноза. Так, только в последние 10–15 лет в мировой политике стали фактом такие влиятельные парадигмы, которые изменят будущую МО и ВПО, как:

— социальные революции с использованием новейших информационно-коммуникационных технологий, социальных сетей и веб 2.0, веб 3.0 и т.д. технологий и т.п. За последние 15–20 лет появились и распространились не только интернет и социальные сети, но и связь, базы данных, в тысячи раз увеличилась скорость обработки информации. В ближайшие 10 лет в этой области произойдут еще более радикальные изменении, связанные с формированием новой «когнитивной среды» обитании человечества;
— превращение воздушно-космического пространства в единый ТВД, от которого зависит, прежде всего, успех военных действий;
— трансформация СМИ в средства массовой дезинформации и инструмент манипулирования в публичной политике;
— превращение правящих элит в главные цели внешнего и военного воздействия;
— появление новых международных акторов как квази-государств;
— превращение международного терроризма и экстремизма в решающие инструменты внешней политики ведущих государств;
— стремительное и часто насильственное изменение систем ценностей целого ряда ЛЧЦ и т.д.

Эти и другие качественные изменения в МО и ВПО уже не позволяют прибегать к экстраполяции как основному методу прогноза на долгосрочную перспективу более 10–15 лет, вынуждая пытаться заниматься анализом и прогнозом развития и появления новых парадигм, которые и будут являться основой для будущих сценариев и их вариантов развития МО.

2.1. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ К КОНКРЕТНОМУ ДОЛГОСРОЧНОМУ ПРОГНОЗУ

Если короткий конфликт 2008 г. с Грузией имел следствием радикальную военную реформу ВВС, то участие российской авиации в сирийской кампании в долгосрочной перспективе будет иметь еще более глубокие последствия…[6]

Р. Пухов, эксперт

Главное замечание заключается в том, что для практических целей политики (например, ГПВ-2030) нужен конкретный долгосрочный прогноз, а не взаимоисключающие рассуждения и вероятные оценки: выстраивать военное планирование без конкретного прогноза невозможно, но, этот же, вывод справедлив и для внешней политики, и экономики и др. областей, где де-факто уже происходит долгосрочное планирование (грузопотоков, внешней торговли, строительства крупных объектов и т.д.).

К сожалению, как правило, в современной России, в стратегических прогнозах избегают выделение какого-то одного наиболее вероятного сценария развития МО, а тем более его конкретного варианта. По вполне понятным причинам, но, прежде всего, потому, что если всех возможных сценариев развития МО может быть несколько десятков, даже сотен, вероятных — несколько, а конкретный вариант того или иного сценария МО будет всё-таки только один. И для практических нужд требуется именно этот конкретный сценарий.

---

6 *Пухов Р.* Полигон будущего // Россия в глобальной политике. 2016. Март–апрель. — №2. — С. 214.

В реальности, реализуется, в конечном счете, только один — единственный сценарий. Иногда в нескольких близких друг другу вариантах. И именно его-то и надо определить, угадать, спрогнозировать или… запланировать. Так, в 2016 году западная ЛЧЦ реализовывала в отношении России единственный сценарий военно-силового противоборства, который теоретически существовал в двух вариантах — «реалистическом» (практическом) и «пессимистическом» (как эскалация угрозы). Маневрирование между ними происходило в очень узких рамках этого единственного сценария, не допуская выхода за его границы. Соответственно развитие МО в 2016 году происходило именно по этому сценарию и (если вы адекватны), то и ваши действия соответствовали этому сценарию в максимальной степени, а не являлись, не излишне оптимистичны, не пессимистичны.

Интересно, что во второй половине 1980-х годов мы наблюдали другую картину, когда М. Горбачев и его окружение демонстрировали не обоснованный «романтизм» по отношению к Западу, предполагая, что там с таким же «оптимизмом» смотрят на развитие отношений.

Любое из политических действий, выходивших за рамки существующего сценария, предполагало под собой колоссальное материальное эмпирическое и теоретическое обеспечение, которое, «вдруг» оказывалось бесполезным или сомнительным, в случае самых «неожиданных» и субъективных решений. Такие субъективные (неожиданные и неоправданные решения) принимались, например, М. Горбачевым и Э. Шеварднадзе во второй половине 80-х годов XX века по поводу вывода войск СССР из Европы или ограничения вооружений. Так, трактовка Индии как стратегического союзника России многие годы означала, как минимум, что она не будет таковым ни по отношению к Китаю, ни к США. Что, как оказалось, недавно, было неверно[7]. Иначе говоря, «колея» реализуемого варианта того или иного сценария развития МО западной ЛЧЦ была не только очень узкой, но и очень жесткой.

Попытки описать теорию, методологию и логику, а, главное, — методы долгосрочного прогнозирования международной и военно-политической обстановки предпринимались не раз, но без видимого успеха, который может заключаться только в конкретном и достаточно точно подтвержденном результате такого прогноза. Но как раз практически подтвержденных результатов долгосрочных прогнозов было крайне мало, что, на мой взгляд, отнюдь не означает бесполезность этих усилий. Как справедливо замечает академик РАН А. Кокошин, «… сбывшиеся прогнозы — это большая редкость в общественно-научных исследованиях»[8]. К ним относятся, например, прогнозы характера Первой мировой войны Ф. Энгельса и крупного военного российского теоретика А. А. Свечина.

Конкретность результата в долгосрочном прогнозе может быть оценена как вероятность появления или продолжения того или иного сценария развития МО, а еще лучше — варианта развития этого сценария. Поэтому значительное внимание изучению этой проблемы уделялось, в том числе автором данной работы и его коллегами по Центру военно-политических исследований[9]. И не только в теоретическом, но и в прикладном, военно-политическом, аспекте развития современного сценария МО[10].

В конечном счете, на мой взгляд, следует исходить из следующего:

— **во-первых**, практический, максимально конкретный прогноз не просто необходим, но и обязателен, даже при понимании того, что он может быть ошибочен. Стратегическое

---

[7] *Bhonsle R.* US Defence Secretary Carter Visit: A Test of India`s Multi-Alignment Foreign Policy. 2016, April, 8 / www.security-risks.com

[8] *Кокошин А. А.* Выдающийся отечественный военный теоретик и военачальник А. А. Свечин. — М.: МГУ, 2013. — С. 9.

[9] См., например: *Подберезкин А. И.* и др. Долгосрочное прогнозирование развития международной обстановки: аналитич. доклад. — М.: МГИМО–Университет, 2014. — С. 105; Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А. И. Подберезкина. — М.: МГИМО–Университет, 2015 и др.

[10] *Подберезкин А. И.* Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года. — М.: МГИМО–Университет, 2015. 325 с.

планирование вытекает из стратегического прогноза. Если его нет, то и нет стратегического планирования. Есть набор эмпирических мероприятий (который может быть назван как угодно — «картой», «планом» и т.п.). Иными словами даже не идеальный стратегический прогноз лучше, чем его отсутствие;

— **во-вторых**, есть все основания утверждать, что при определенном внимании, выделении ресурсов и использовании нескольких методов прогноза его вероятность будет повышаться. Требуется постоянная методологическая и методическая системная работа большого коллектива специалистов, результатом которой будет неизбежно улучшение качества прогноза. Нельзя ограничиваться информацией, временем или методами при подготовке стратегического прогноза.

В любом случае говорить об экстраполяции как о методе долгосрочного прогнозирования сценариев развития МО, а тем более их вариантов, не приходится. Можно предположить, например, что перед советским Генеральным Штабом РККА в 1923 году была поставлена задача дать прогноз развития наиболее эффективных ВиВСТ и ВС на 20 лет, к 1943 году. Можно предположить, что ответом был бы: конница, тачанки, бронепоезда, а не танковые и авиационные соединения.

Самая большая трудность в анализе и долгосрочном прогнозе развития международной обстановки, на мой взгляд, — это поиск и выбор такой методологии, теории, и конкретных методов, которые могли бы практически обеспечить исследование огромного числа факторов, формирующих конкретную реальную МО и их конкретную реализацию в конкретном месте и в конкретное время, например, в военно-политической или даже в стратегической обстановке. С одной стороны, ясно, что даже в абсолютно конкретной СО реализуются те или иные объективные факторы и тенденции, заложенные изначально в развитии МО и ВПО, а, с другой, — их реализация в конкретных обстоятельствах, множество переменных и появление новых факторов ведут к созданию и развитию совершенно уникальной СО[11].

Эта уникальность означает, что ВПО и СО, военные конфликты и войны всегда будут развиваться по абсолютно оригинальным, совершенно неожиданным, но конкретным сценариям, которые невозможно полностью и с точностью спрогнозировать, где решающую роль будут играть новые парадигмы, не существующие пока что вообще или появившиеся только что «в зародыше». Задача стратегического прогноза — увидеть эти новые парадигмы или представить их появление в будущем. Это — объективный закон. Так, никто в России в декабре 2013 года не прогнозировал, например, такое стремительное изменение МО и ВПО в Европе, а тем более того, что в феврале 2014 года уже сложится абсолютно уникальная СО на Украине[12]. Настолько уникальная, что «заморозится» неожиданно в форме военного конфликта более чем на 20 месяцев.

Между тем еще в 2013 году новый начальник Генерального Штаба ВС РФ В. Герасимов уже писал в своей статье в газете «ВПК», что любая война конкретна и не похожа на другую. Эти мысли послужили основанием для того, что на Западе назвали «доктриной В. Герасимова» или «мультивекторной гибридной войной»[13].

Именно поэтому нам нужна не только объективная теоретическая, логическая и фактическая основа для стратегического прогноза МО и ВПО, которую мы в общих чертах описали в указанных работах, но и максимально конкретизированная методика, основанная на оригинальной теории. В данной работе мы коротко повторим основные теоретические, методологические и логические основы предлагаемого анализа и прогноза, с тем, чтобы далее, в соответствии с этой методологией анализа и прогноза МО, продолжить дальнейшую конкретную эмпирическую работу.

---

[11] *Подберезкин А. И.* Военные угрозы России. — М.: МГИМО–Университет, 2014. — С. 560.

[12] *Подберезкин А. И.* Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — С. 13–15.

[13] *Кофман М.* War On The Rocks / Гибридная война России и другие темные искусства. 2016. 26 марта / http://sputnikipogrom.com/translated/52682/dark-russian-arts/#.V5EHcdSLRiw

Как показывает опыт, такое конкретное исследование может делаться по разным методикам и привести к различным и даже противоречивым результатам, но эти конкретные эмпирические результаты прогноза, в конечном счете, позволяют лучше ориентироваться лицам, принимающим решения, в возможных будущих сценариях развития МО. Очевидно одно: в любой стратегии любой нации в XXI веке требуется максимально выверенный стратегический прогноз, отвечающий на самые общие вызовы, которые академики А. Акаев и В. Садовничей сформулировали следующим образом: Линия на исследование самых острых проблем, с которыми человечеству придется столкнуться уже в обозримом будущем, поиск наиболее эффективных путей их преодоления — вот основные ориентиры сегодняшних усилий в области долгосрочного прогнозирования. В этой области предстоит дать ответы на следующие ключевые вопросы:

1. Как найти оптимальное равновесие между экономическими и социальными потребностями людей и необходимостью предотвратить экологические и иные издержки научно-технического прогресса?
2. Как разрешить нарастающие проблемы в экономической и социальной сфере и устранить факторы, породившие такие самовоспроизводящиеся проблемы, как ужасающее неравенство в доходах, бедность и нищету на глобальном и национальном уровнях?
3. Как в международных отношениях научиться предвидеть переход напряженности к геополитическим рискам и конфликтам, а на национальном уровне — предотвращать угрозы внутренней стабильности?

Они справедливо полагают, что на рубеже веков четко обозначилась, в качестве важнейшей, задача обеспечения устойчивого развития в масштабах всего человечества (Медоуз и др. 2008). Достижение этой цели делает в высшей степени актуальной разработку прогнозов, позволяющих формировать долгосрочные цели и стратегию их достижения. На сегодня социально-экономическое прогнозирование ведется в различных временных диапазонах — от краткосрочных (до одного года), среднесрочных (от одного до пяти лет) до долгосрочных (от пяти до 30–50 лет). Если цель краткосрочных моделей — прогнозирование, направленное на конъюнктурную деятельность, а задача среднесрочных моделей заключается в выборе политики развития в ближайшем будущем, то долгосрочные модели предназначены для исследования условий длительного экономического роста[14].

Не умаляя значения краткосрочных и среднесрочных прогнозов, отметим, что предметом настоящей работы является долгосрочное прогнозирование. Соответствующие модели являются, прежде всего, моделями теории роста в том смысле, что они представляют собой инструмент для исследования будущего состояния общества в зависимости от стратегии его развития[15].

В настоящее время в России наработан некий капитал в методологии и методах стратегического прогнозирования, который может стать фундаментом для работ по долгосрочному прогнозированию. Их обзор можно взять у ведущего эксперта Д. Дегтерева. Он считает, например, что в последние годы был издан ряд монографий и учебных пособий по моделированию и количественному анализу международных отношений: «Введение в прикладной анализ международных ситуаций» под редакцией Т. А. Шаклеиной (2014 г.), «Методы политических исследований» К. П. Боришполец (2010 г.), «Политический анализ и прогнозирование» А. С. Ахременко (2006 г.), «Моделирование и анализ политических процессов» Э. Н. Ожиганова (2009 г.), «Комплексная междисциплинарная методика РУДН ситуационного анализа международных конфликтов» под редакцией Д. А. Дегтерева, В. Г. Джангиряна и В. А. Цвыка (2014 г.), «Введение в теорию игр для политологов и международников» Д. А. Дегтерева (2010 г.).

Количественные методы анализа в отечественной международно-политической науке и истории международных отношений связаны и с развитием отечественной клиометрии и квантитативной истории. Становление этих направлений началось еще в советский период. По мнению

---

[14] *Акаев А.* А. и *Садовничий В. А.* О новой методологии долгосрочного циклического прогнозирования развития мировой системы и России. — С. 7.

[15] Там же. С. 7–8.

Д. Дегтерева, большой вклад в их развитие внесли работы академика АН СССР И. Д. Ковальченко «Количественные методы в гуманитарных науках» (1981 г.), Т. И. Славко, В. З. Дробижева, В. Е. Полетаева[16].

Количественные методы анализа становятся все более популярными в силу развития статистики и информатики, что выражается в стремительном росте возможностей собирать, обрабатывать и систематизировать информацию о субъектах МО по множеству критериев и параметров. Так, можно, например, легко сравнить страны по наименьшим и наибольшим расходам на оборону на душу населения.

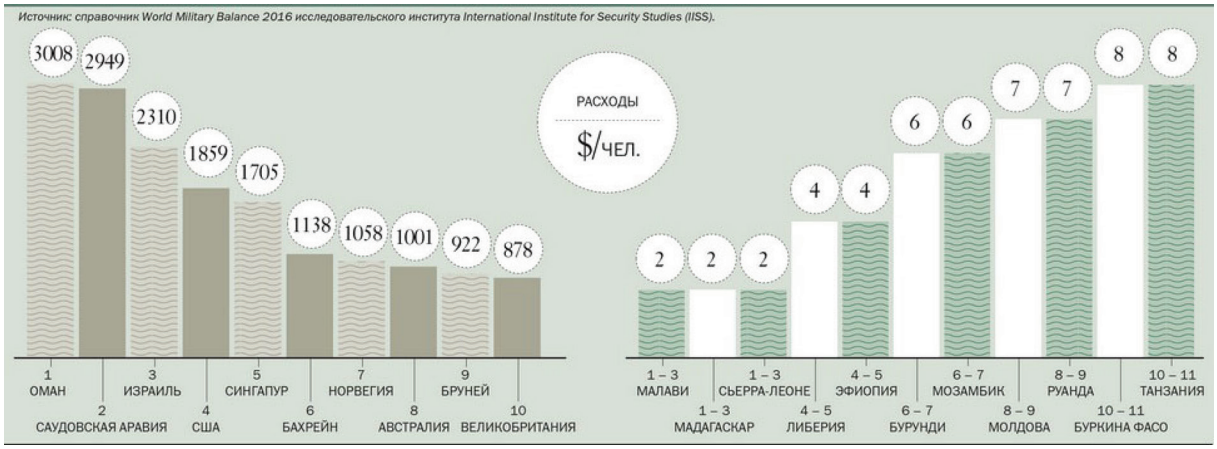

Рис. 2.2[17]. Страны с наибольшими и наименьшими военными расходами на душу населения

Или уточнить эти показатели с точки зрения расходов на оборону относительно ВВП.

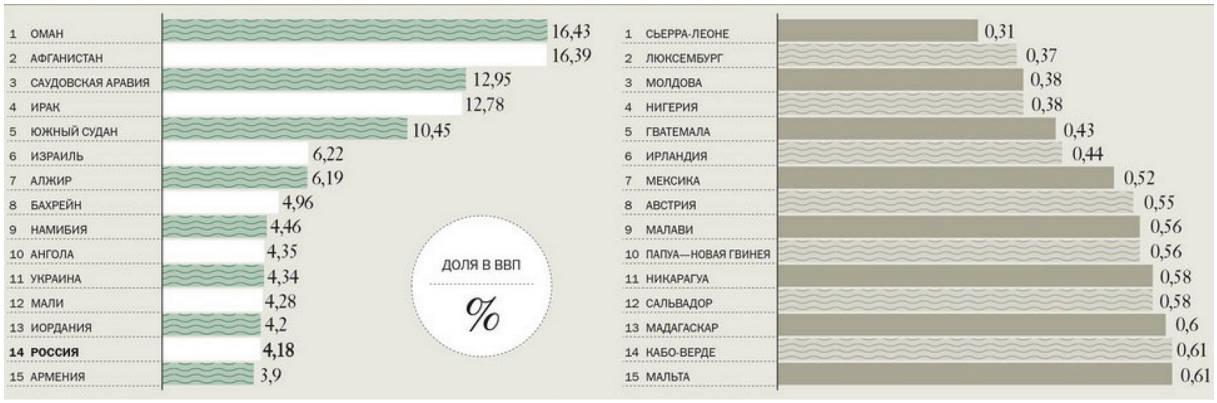

Рис. 2.3[18]. Страны с наибольшими и наименьшими расходами на оборону относительно ВВП

И в первом и во втором случае эти сопоставления могут служить некой отправной точкой для стратегического прогноза военных расходов в мире и, как следствие, военной активности тех или иных субъектов МО в будущем.

Большое значение количественные оценки имеют для стратегического прогноза социально-экономического развития государств, а также их относительной мощи в той или иной области.

---

16 *Дегтерев Д.* Количественные методы в международных исследованиях // Международные процессы, 2015. — Т. 13. — №2. — С. 37.

17 World Military Balance 2016 исследовательского института International Institute for Security Studies (IISS).

18 Там же.

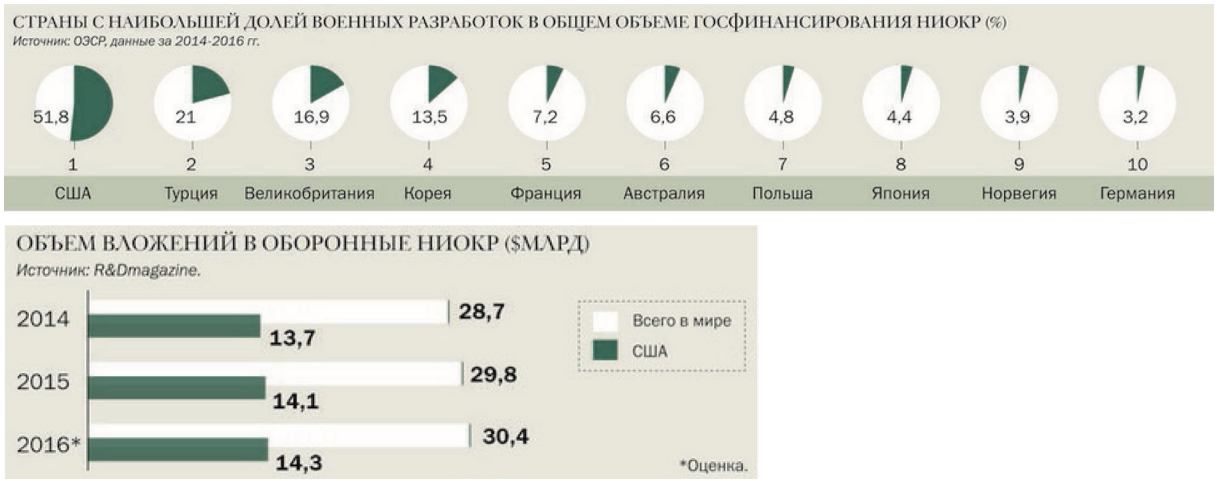

Рис. 2.4[19].

Таблица 2.1.
ТОП-10 научных журналов мира по направлению «политические науки и международные отношения» на 2013 г. по данным Scopus

№	Название журнала	Индекс Хирша	Кол-во статей за 3 года	Кол-во цитирований за 3 года	Страна[20]
1	Journal of Peace Research	48	167	555	Великобритания
2	International Organization	77	71	210	Великобритания
3	World Politics	62	59	175	Великобритания
4	International Security	59	94	220	США
5	Journal of Conflict Resolution	61	122	250	США
6	European Union Politics	26	85	207	Великобритания
7	International Studies Quarterly	50	174	302	Великобритания
8	Perspectives on Politics	25	124	323	Великобритания
9	Conflict Management and Peace Science	22	78	94	США
10	Security Dialogue	25	103	246	Великобритания

Источник: SCImago Journal & Country Ranking, Social Sciences, Political Science and International Relations, 2013. / http://www.scimagojrcom/journalrank.php?area=3300&category=3320 &country=all&year=2013&order=sjr&min=0&min_type=cd

[19] World Military Balance 2016 исследовательского института International Institute for Security Studies (IISS).

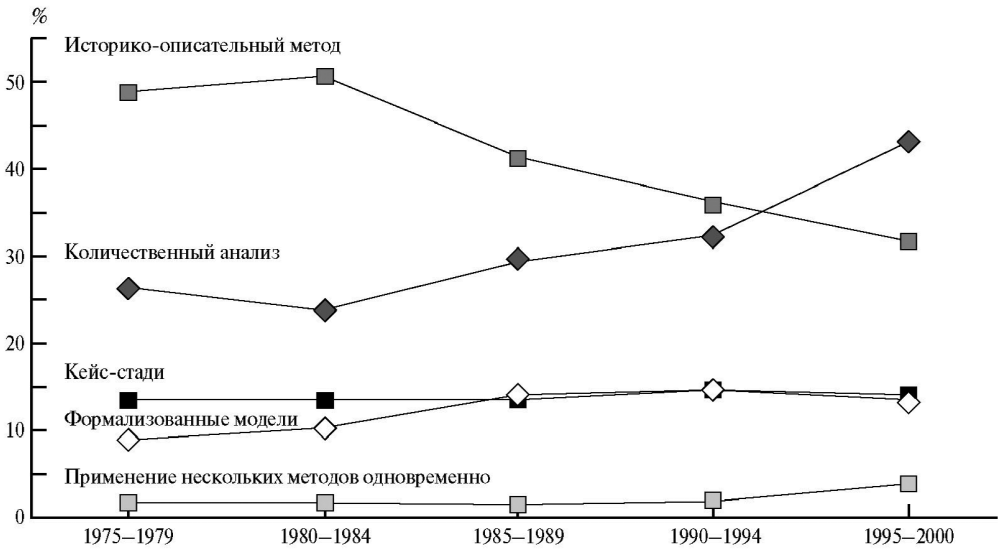
[20] Имеется в виду страна издательства, но не редакционных команд, которые аффилированы с университетами и периодически сменяются. — *Прим. ред.*

В настоящее время, — отмечает Д. Дегтерев, — крупнейшими отечественными специалистами в данной сфере являются профессор МГУ им. Ломоносова Л. И. Бородкин, а также представители уже упомянутого междисциплинарного коллектива А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, С. Ю. Малков и др., специализирующиеся на математическом моделировании исторической динамики и прогнозировании. Количественный анализ в исторических науках применяется также специалистами Российского государственного гуманитарного университета, исторического факультета Алтайского государственного университета, Нижегородского государственного университета и других вузах (Харитонов 2002 г.; Митюков 2007 г.). Более 200 отечественных специалистов по количественным методам в исторических науках объединены в профессиональную ассоциацию «История и компьютер» (существует с 1992 года) и издают научный журнал «Историческая информатика. Информационные технологии и математические методы в исторических исследованиях и образовании»[21].

Как правило, в квантитативной истории анализируются длительные временные ряды либо осуществляется контент-анализ архивных источников. В этой связи для специалистов-международников представляет интерес, например, работа А. В. Горобия, который изучал отношения между СССР и ФРГ на основе количественного контент-анализа прессы двух стран (Горобий 2012 г.).

Владение количественными методами становится важным и при подготовке научных публикаций в ведущие мировые издания, входящие в международные библиометрические базы Scopus и Web of Science (см. табл. 2.1)[22].

Таким образом, успешность стратегического прогноза, основанного на применении известных парадигм и предположениях об их изменении, зависит от системности, использовании различных методов — количественных, историко-описательных, моделировании и пр., — которые в сочетании друг с другом могут обеспечить решение этой задачи. Так, анализ публикаций в журналах International Organization, International Security, International Studies Quarterly, Journal of Conflict Resolution, World Politics и American Political Science Review за 1975–2000 годы показал, как считает Д. Дегтерев, — что доля статей с применением статистических методов в последние три десятилетия существенно возросла и превысила 40%, а доля статей, содержащих формализованные модели, составляет около 15% (см. рис. 2.5).

Источник: Models, Numbers, and Cases 2004: 5-7.

Рис. 2.5. Применяемая методология анализа международных отношений в ведущих мировых научных журналах

[21] *Дегтерев Д.* Количественные методы в международных исследованиях // Международные процессы, 2015. — Т. 13. — №2. — С. 37–38.

[22] Там же.

При этом если в конце 1970-х годов в журнале World Politics на историко-описательные методы приходилось 70% статей, то к концу 1990-х годов показатель упал до 30%. В наибольшей степени доля статей с историкоописательными методами сократилась в журналах International Studies Quarterly, International Security и World Politics. В среднем, примерно в половине статей в указанных шести ведущих мировых изданиях по международным отношениям применяются количественные методы анализа. При этом, как отмечают зарубежные исследователи, такой прирост обеспечивается как за счет создания многочисленных баз данных, так и посредством повышения навыков количественного анализа у студентов и аспирантов-международников [Models, Numbers, and Cases 2004: 5–7][23].

Отдельно следует сказать о существующих независимых оценках научной (монографической) литературы по международным отношениям, содержащихся, в частности, в работах О. Уэвера (Waever 1998 г.), А. Беннетта и др. (Bennett, et al. 2003 г.) и других методов анализа и долгосрочного прогнозирования, среди которых, на мой взгляд, наиболее перспективные следующие:

— метод сценарного прогнозирования, который продолжает (развивает) существующую логику и сложившиеся системы взаимосвязей МО;
— метод дедукции, позволяющий игнорировать все возможные и большое число вероятных сценариев и их вариантов развития МО и ВПО, концентрируя внимание на наиболее вероятных;
— метод построения концепций и моделей, включающий в себя совокупность всех основных частей систем МО и ВПО. Так, в частности метод построения концепций и моделей, используемый НГШ ВС РФ В. Герасимовым, очень наглядно демонстрирует эволюцию в подходе лидеров западной ЛЧЦ и использованию силовых инструментов политики. Этот метод, получивший известность после публикации в 2013 году статьи В. Герасимова, не является на самом деле ни новым, ни оригинальным: еще в конце 1940-х годов один из архитекторов холодной войны Дж. Кеннан в знаменитом Меморандуме писал:

«Нам мешает укоренившееся убеждение в том, что между войной и миром есть разница, что война — это что-то вроде спортивного матча, не имеющего отношения к политическому контексту».

Герасимов, по мнению некоторых экспертов, описывая невоенные методы, используемые Западом в нелинейных конфликтах, практически слово в слово повторяет определения явной и тайной политической войны, выдвинутые Кеннаном. Кеннан писал: «Политическая война есть использование всех средств, имеющихся в распоряжении нации для достижения своих целей… Средства могут быть как явными, вроде политических союзов, экономических мер и „белой“ пропаганды, так и тайными — к их числу относится поддержка „дружественных“ заграничных элементов, „черная“ психологическая война и даже поддержка отрядов сопротивления на территории враждебных государств»[24].

Тем не менее, статья В. Герасимова дала мощный толчок в осмыслении характера современной войны и ее роли в политике, а предложенная им концепция и основные этапы развития конфликтов, безусловно, заслуживают внимания при подготовке стратегического прогноза.

Так, в соответствии с предложенными В. Герасимовым этапами, Россия в 2016 году находилась где-то между 3 и 4 этапами, уверенно продвигаясь к началу 5 этапа (который я прогнозировал в предыдущих разделах на 2023–2025 годы) и возможному перерастанию сценария «Военно-силового противоборства ЛЧЦ» в конце 2020-х годов в открытый масштабный военный конфликт или даже войну.

---

[23] *Дегтерев Д.* Количественные методы в международных исследованиях // Международные процессы, 2015. — Т. 13. — №2. — С. 37–38.

[24] *Кофман М.* War On The Rocks / Гибридная война России и другие темные искусства. 2016. 26 марта / http://sputnikipogrom.com/translated/52682/dark-russian-arts/#.V5EHcdSLRiw

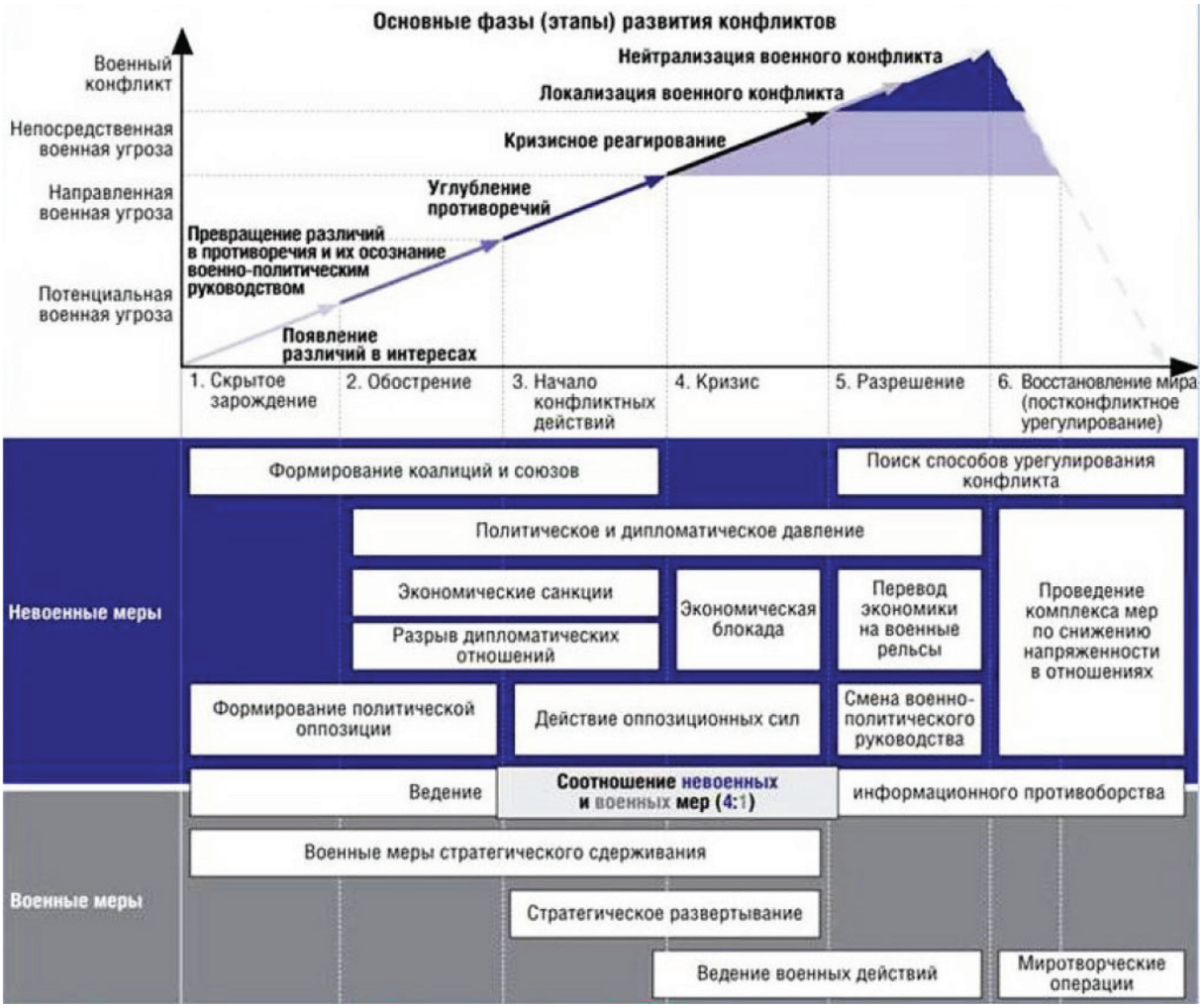

Рис. 2.6[25]. Роль невоенных методов при разрешении межгосударственных конфликтов

У В. Герасимова этот переход, как и сам военный конфликт, прописан нечетко — как «пик» в развитии «пятого» этапа.

На мой взгляд, этот переход может занять целый период (В. Герасимов не вполне удачно использует термин «этап», являющийся более общим понятием по отношению к «периодам»), но в любом случае подобная концепция является очень полезной для прогноза. Особенно если с ней выступает НГШ.

В целом же стратегический прогноз на долгосрочную перспективу должен учитывать развитие прогнозов всех четырех основных групп факторов, акторов и тенденций, формирующих МО. Он представляет собой своего рода «сложную мозаику» большинства этих факторов, акторов и тенденций, состоящую из сотен тысяч критериев и показателей. Чем больше этих критериев и факторов будет учтено в предлагаемой концепции, тем яснее и ярче будет прогноз. Если из 1 000 000 основных составляющих будет учтено 10 000, то и ясность и точность будет соответствующая, а если 100 000, то прогноз, безусловно, будет более точным.

[25] *Кофман М.* War On The Rocks / Гибридная война России и другие темные искусства. 2016. 26 марта / http://sputnikipogrom.com/translated/52682/dark-russian-arts/#.V5EHcdSLRiw

2.2. ЛОГИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ НАИБОЛЕЕ ВЕРОЯТНОГО ДОЛГОСРОЧНОГО СЦЕНАРИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОБСТАНОВКИ И ЕГО ВАРИАНТОВ[26]

В последние десятилетия в мире наблюдался целый ряд макроструктурных изменений в системе международных отношений. Они носят долговременный, трансформационный характер и определяют базовые параметры угроз и вызовов безопасности…[27]
А. Кокошин, В. Бартенев

… общепринятая парадигма — наиболее общая модель мира, а также общепринятый метод принятия решений и совокупность представлений о разных сферах жизнедеятельности ЛЧЦ[28]
А. Подберезкин, профессор МГИМО

Долгосрочный прогноз на 20–30 лет означает, прежде всего, попытку прогноза парадигм мирового развития. Переход человечества на новую стадию развития означает, как правило, качественный («фазовый») переход во всех областях жизнедеятельности. Если говорить о международной политике, то это означает не только коренную логику политических, правовых и экономических представлений, но и социальных, военных и технологических, но, особенно, гуманитарных.

В процессе анализа и прогноза разрабатываются как самая общая логико-теоретическая модель развития МО и сценариев (и вариантов) МО, так и эмпирическая, причем как первая, так и вторая, взаимно дополняют друг друга и не должны (в идеале) вступать в радикальные противоречия, исключающие полностью один из двух анализов. Эта логико-теоретическая модель МО и стратегического прогноза уже использовалась выше, но в данном случае она должна обосновать именно долгосрочный прогноз.

На рисунках ниже даны обе эти общие логические модели, которые отображают общую логику развития сценариев МО и их вариантов без анализа их содержания, вероятности реализации или степени влияния на мировую политику. Так, с учетом вышесказанного, самую общую схему построения стратегического прогноза сценария развития МО можно представить в виде следующего рисунка[29]. Речь, подчеркну, идет именно о самой общей логико-теоретической модели МО, без которой, однако, невозможно обойтись потому, что все последующие действия должны будут вписываться именно в эту логику и именно в обозначение этапы. Так, нельзя, например, сразу переходить к обозначению наиболее вероятного сценария (а тем более его вариантов) развития МО без обоснования предыдущих этапов.

План-схема (рис. 2.7) предполагает учет и последовательность шагов для построения модели долгосрочного прогноза развития сценария МО и его вариантов. В нем ключевое внимание уделяется «переходному периоду» (от III к IV этапу), когда реальность перерастает в текущий прогноз, из которого, в свою очередь, на V этапе выбирается наиболее вероятный прогноз и его варианты. Эта общая план-схема построения стратегического прогноза будет конкретизирована ниже.

---

[26] См. подробнее: *Подберезкин А. И., Соколенко В. Г., Цырендоржиев С. Р.* Современная международная обстановка: цивилизации, идеологии, элиты. — М.: МГИМО–Университет, 2014. — 464 с.

[27] *Кокошин А,А., Бартенев В. Н.* Проблемы взаимозависимости безопасности и развития в стратегическом планировании в Российской Федерации / Проблемы прогнозирования, 2015. — №6.

[28] Стратегическое прогнозирование международных отношений: кол. монография / под ред. А. И. Подберезкина, М. В. Александрова. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — С. 78.

[29] Там же.

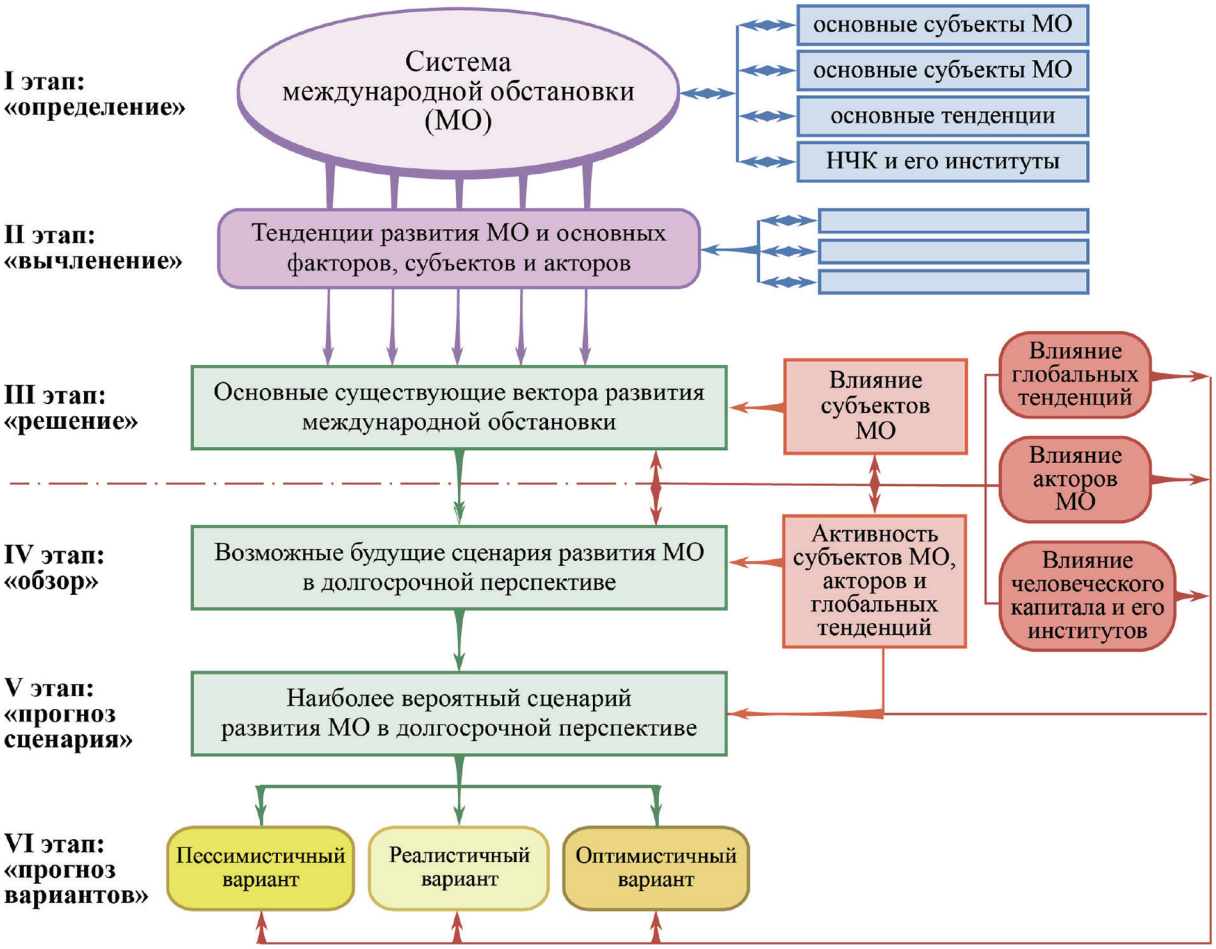

Рис. 2.7. План-схема логико-теоретического построения модели развития МО на стратегическую перспективу

Из рисунка видно, как формируется основной вектор развития международной обстановки и как он влияет на формирование будущей МО. Этот вектор также является определяющим для возникновения различных сценариев развития МО. Вместе с тем, рисунок также показывает, что этот вектор постоянно находится под прямым воздействием влияния и активности различных государств и других международных акторов, а также глобальных тенденций, что неизбежно, вносит коррективы в его состояние. Очевидно, что чем сильнее это влияние, тем радикальнее оно сказывается на тех или иных сценариях развития МО и их вариантах. Так, например эмиграция в Европу в 2015–2016 годах резко активизировала настроения против ЕС, что в свою очередь, привело не только к известным результатам референдума в Великобритании, но и к усилению антиевропейской кампании в Нидерландах, Греции, Италии, Испании, а также росту экстремизма и терроризма на континенте.

2.2. а). Значение относительно постоянных факторов и тенденций для долгосрочного прогноза международной и военно-политической обстановки

… сегодня и в обозримом будущем, мы должны уделять растущее внимание угрозам, которые нам создают некоторые акторы[30] (субъекты МО. — *А. П.*)
Национальная военная стратегия США, июнь 2015 г.

При всей важности для долгосрочного прогноза феномена неизбежной смены парадигм, нельзя не учитывать, что сама его вероятность зависит от целого ряда относительно постоянных факторов и тенденций, на влияние которых радикально смена парадигм не повлияет. Причем речь идет о том, что такими стабильными факторами становятся не количественные показатели, а идеи и концепции. Так, появление и стремительное развитие ВТО вот уже 25 лет доминирует в военной стратегии государств, начиная с первой иракской войны. Но параллельно с этим появилась и обостряется проблема защиты от ВТО на всех уровнях, что в свою очередь, требует создания и развития системы ВКО. Вот как видит эту проблему в будущем Генеральный конструктор Концерна ВКО «Алмаз-Антей» П. Созинов.

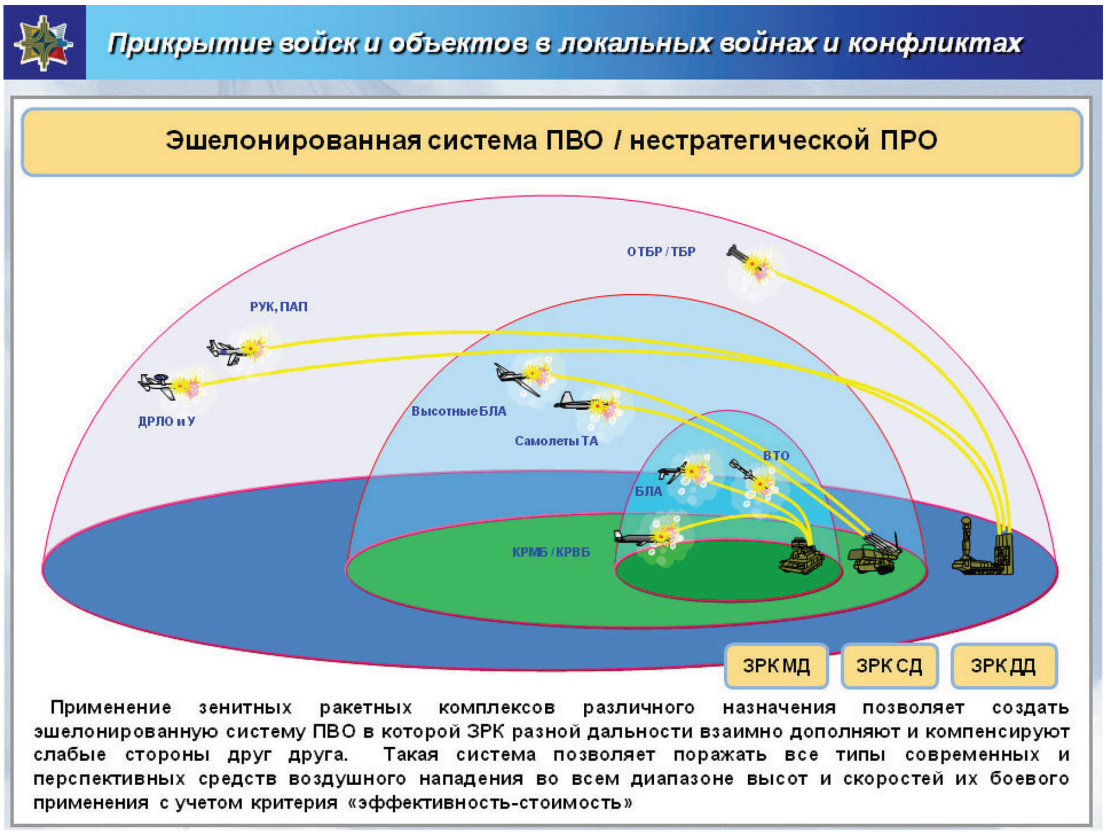

Рис. 2.8.

Этот тезис — ключ к пониманию сути долгосрочных прогнозов, в основе которых лежит оценка динамики и качества изменений в тех или иных субъектах МО, поведении акторов и направленности развития глобальных тенденций. Так, например, стратегические потенциалы ядерных держав меняются медленно и их можно прогнозировать достаточно точно на долгосрочную перспективу. Как и их соотношение в мире.

---

30 The National Military Strategy of the United States of America. — Wash.: GPO, 2015. June. — P. 3.

Страна	Средства доставки									Боеголовки
	Наземные					Морские		Воздушные		
	МБР	БРПД	БРСД	БРМД	Ракеты класса «земля—земля»	БРПЛ	Крылатые ракеты морского базирования	Бомбардировщики	Истребители-бомбардировщики	Всего
Китай	62	16	80	0	0 (54)	0 (48)	0	50	н/д	>250
Франция	0	0	0	0	0	64	0	0	43	280
Индия	0	н/д	12	42	0	0 (12)	0	0	н/д	>120
Израиль	0	24	0	0	0	0	н/д	0	50	80
КНДР	0 (6)	н/д	0	н/д	н/д	н/д	0	н/д	н/д	>20
Пакистан	0	0	30	30	н/д	0	0	0	н/д	>130
Россия	322	н/д	0	0	н/д	192	н/д	76	н/д	3648
Великобритания	0	0	0	0	0	64	0	0	0	120
США	450	0	0	0	0	336	0	90	н/д	2038

Данные по состоянию на ноябрь 2015 года, в скобках указаны носители с неопределенным оперативным статусом.
(МБР — межконтинентальная баллистическая ракета; БРПД, БРСД, БРМД, БРПЛ — баллистические ракеты промежуточной, средней, малой дальности, подводных лодок.)

Рис. 2.9[31]. Глобальные стратегические ядерные силы

При этом необходимо изначально выдвигать обязательное условие, что в итоге должен остаться «только один сценарий», точнее — наиболее вероятный вариант сценария развития МО и ВПО, который и является рабочей гипотезой для эмпирического анализа. Стратегический прогноз без такой гипотезы имеет мало смысла потому, что его главной задачей является конкретное стратегическое планирование.

При этом сознательно и достаточно искусственно сокращается как количество сценариев и их вариантов, так и их конкретизация, описание, анализ и прогноз, оставляя «за скобками» нередко очень важное содержание и комментарии. Это надо иметь в виду потому, что в реальной жизни неизбежно появится некий новый сценарий (или, как минимум его вариант), который потребует внесения соответствующих корректив. Так, логико-теоретическая модель наиболее вероятного варианта сценария развития МО в очень упрощенном виде (как и всякая модель) представляется таким образом, что в ней, например, исключаются и даже не комментируются целых два важнейших политических направления — «Сотрудничество» и «Военное противостояние», которые рассматриваются как возможные, но маловероятные (рис. 2.10).

Таким образом, из рисунка, отображающего логическую модель развития сценариев МО и взаимосвязи с ними различных вариантов базового сценария ВПО и СО, видно, что будущий сценарий развития МО в среднесрочной перспективе до 2025 года во многом уже предопределяется современным развитием и взаимоотношениями между ЛЧЦ и формируемыми ими союзами и коалициями, а долгосрочный прогноз конкретного (наиболее вероятного) варианта того или иного сценария развития МО и вытекающего из него варианта сценария ВПО является во многом следствием таких взаимоотношений[32]. Другими словами система МО является во многом инерционной. Это первое и главное исходное теоретическое положение анализа и стратегического прогноза развития МО на долгосрочную перспективу.

Вместе с тем важно вновь повторить, что группа сценариев и их вариантов, которые на рисунке рассматриваются как «возможные», но «маловероятные», могут (в случае быстрой смены парадигм) превратиться в «вероятные» и даже «наиболее вероятные». Именно поэтому информационно-аналитическая работа по анализу и прогнозу развития всех направлений человеческой деятельности, никогда не должна прекращаться.

Другое теоретическое положение этой модели относится к структуре собственно международной обстановки, а также факторам, субъектам, акторам и тенденциям, влияющим на ее развитие, а также, естественно, на прогноз. В различных работах я по-разному, иногда достаточно подробно описывал свое видение этой проблемы[33]. Это означает, что каждый сценарий развития МО и даже

---

[31] World Military Balance 2016 исследовательского института International Institute for Security Studies (IISS).

[32] *Подберезкин А. И.* Военные угрозы России. — М.: МГИМО–Университет, 2014.

[33] *Подберезкин А. И.* Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — С. 32.

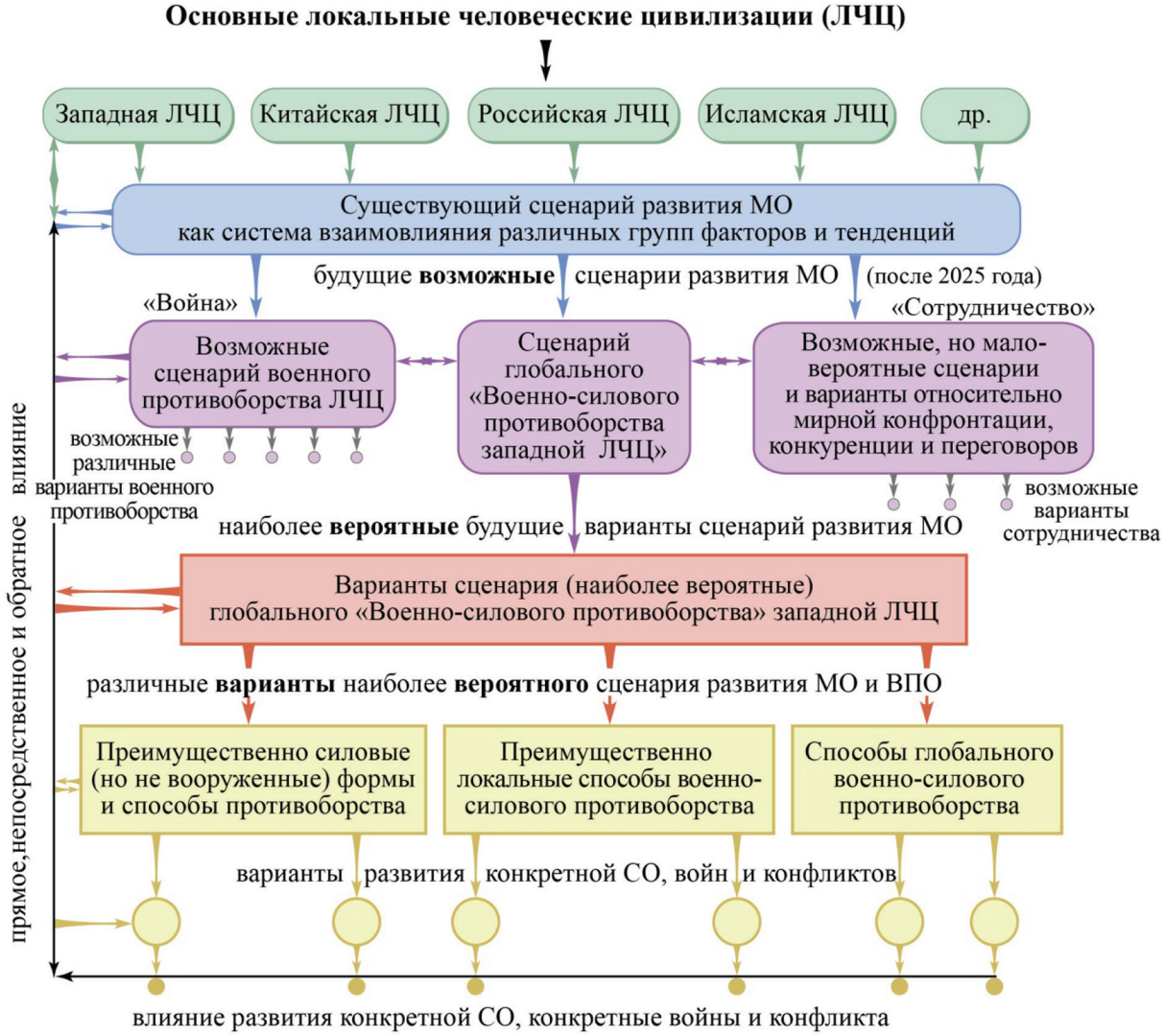

Рис. 2.10. Логико-теоретическая модель развития сценариев (и их вариантов) МО и ВПО–СО после 2025 года

его вариант является по-своему уникальным и требует специального рассмотрения. Нельзя уже проделанный анализ всех факторов и тенденций, формирующих МО, для одного сценария, механически использовать для другого сценария или даже его варианта.

Также нельзя подобный анализ и прогноз какого-то сценария использовать в качестве универсального для всех периодов времени. Так, если МО по одному сценарию может меняться за один год, то по другому сценарию — за девять месяцев. Военно-политическая обстановка, естественно, меняется быстрее чем МО, а военно-стратегическая обстановка еще быстрее, чем ВПО. Так, МО на Украине сменилась в начале 2014 года и в принципе остается прежней до настоящего времени. В отличие от МО, ВПО менялась уже несколько раз. Можно условно выделить следующие ее периоды: до марта 2014 — захват власти; март 2014 — июль 2014 — организация сопротивления в восточных регионах; август 2014 — январь 2015 — фаза активных военных действий; февраль 2015 — н/в переговорно-конфронтационная фаза. За это же время СО менялась еще чаще, иногда несколько раз в месяц.

Предлагаемая план-схема и вытекающая из неё логико-теоретическая модель долгосрочного прогноза развития сценариев (и их вариантов) МО является принципиальной концепцией, рамкой для того, чтобы фактически «насытить» ее информацией относительно развития всех четырех

групп факторов и тенденций. В данном случае необходимо еще раз отметить, что рассматриваются четыре основные группы объективных факторов, акторов и тенденций, влияющих на формирование (в т.ч. на вероятность) того или иного сценария МО или его варианта:

— группа глобальных, мировых тенденций в развитии человечества — экономических, информационных, биологических, экологических, финансовых и т.д., чье влияние сказывается на всех сторонах формирования МО и ВПО;
— группа традиционных факторов — субъектов МО — государств и наций, но, прежде всего, локальных человеческих цивилизаций;
— группа относительно новых факторов — негосударственных и межгосударственных акторов, участвующих в формировании и развитии МО:
  а) международные организации и институты, коалиции, союзы и пр.;
  б) негосударственные акторы — общественные организации, партии, сетевые сообщества и др.
— наконец, группа факторов, связанных с развитием национального человеческого капитала и его институтов.

Кроме этих групп объективных факторов огромное значение для формирования МО в XXI веке стала играть группа субъективных факторов, связанных с процессом подготовки и принятия политических решений. Эта группа факторов выделилась из группы объективных глобальных тенденций и стала играть самостоятельную, все возрастающую роль только в XXI веке, хотя и в прежней истории человечества ее было невозможно полностью игнорировать. При этом важно иметь в виду, что переход этих факторов, а тем боле подгрупп или даже целых групп этих факторов в качественно новое состояние неизбежно отразится на существующих парадигмах мирового развития и, как следствие, на сценариях развития МО и их вариантах.

2.2. б). Основы логико-теоретического, стратегического прогноза развития новых парадигм[34] международной обстановки в XXI веке[35]

… без понимания причин и движущих сил любого вооруженного конфликта, остановить его невозможно[36]
С. Глазьев,
советник Президента РФ

… всем нам нужно трезво оценивать существующие угрозы глобальной, региональной и национальной безопасности[37]
С. Нарышкин,
Председатель Госдумы ФС РФ

Развитие МО предполагает неизбежную смену парадигм, однако никто не знает наверняка каких и когда. Применительно к теории международных отношений в области прогноза развития парадигм МО можно использовать тезис, используемый в вычислительной математике, которая

[34] **Новая парадигма** — *зд.* универсальный образец, совокупность явных и неявных предпосылок, формирующих модель МО, и признанных большинством представителей мирового сообщества на данном этапе развития МО.

[35] Первый вариант см.: *Подберезкин А. И., Соколенко В. Г., Цырендоржиев С. Р.* Современная международная обстановка: цивилизации, идеологии, элиты. — М.: МГИМО–Университет, 2014. — С. 85–94.

[36] *Глазьев С. Ю.* Украинская катастрофа: от американской агрессии к Мировой войне? — М.: Книжный мир, 2015. — С. 23.

[37] *Нарышкин С. Е.* Вступительное слово / *Подберезкин А. И.* Долгосрочное прогнозирование сценариев развития военно-политической обстановки. — М.: МГИМО–Университет, 2014. — С. 3.

«решает (в XXI веке. — *А. П.*) те задачи, которые может, а не те, решения которые от нее требуются»[38]. Другими словами теория международных отношений и развития МО применительно к анализу и прогнозу парадигм выглядит не только не изученным подходом, но даже сомнительным, а иногда и антинаучным. Между тем международное сообщество — политическое, финансово-экономическое, научное и пр. — так или иначе, состоит из людей, большинство которых признает в той или иной степени — сознательно или под давлением — определенную парадигму. Различные современные сценарии развития МО являются во многом следствием, результатом развития этих парадигм, которые, в свою очередь, представляют собой совокупность предпосылок — явных, скрытых и неявных — признаваемых большинством на данном этапе развития МО.

Таким образом, развитие МО во многом предопределяется признанием большинством правящей мировой элиты той или иной парадигмы, существующей на данном этапе. Это объясняет, например, появление и развитие таких международных клубов правящих элит во второй половине XX века как Бабельсбергский клуб, Трехсторонняя комиссия, «Большой семерки», «Двадцатки» и т.п. Этот же феномен усиления значения парадигм и риска качественных изменений в МО привел к укреплению прежних и созданию новых международных институтов, которые стали финансово-экономическими и военно-политическими институтами регулирования МО в условиях порождения новых парадигм.

Особенно важное (хотя далеко не всегда признаваемое) значение имеет смена политико-идеологических и социально-экономических парадигм, которая нередко ведет к революциям, качественным изменениям в МО мирового масштаба, почти всегда — к крупным войнам. Это очень наглядно демонстрирует смена парадигм развития в начале XX века, которая привела не только к революциям в России и Германии, но и другим радикальным социально-экономическим изменениям в мире, а также мировой социально-экономический кризис 1929–1934 годов, закончившийся Второй мировой войной.

Современный кризис в мире 2007–2015 годов расценивается, прежде всего, как финансово-экономический, хотя в действительности это такой же системный мировоззренческий и политико-идеологический кризис, как и два предыдущих, закончившихся войнами и сменой парадигм. Со второй половины XX века, например, все более признанной становилась парадигма «мирного сосуществования» или парадигма «приоритета норм международного права» и т.д., которая в ходе этого кризиса фактически исчезла, будучи замененной парадигмой военно-силового противостоянии между локальными человеческими цивилизациями. Можно уже с уверенностью сказать, что эта парадигма развития МО с начала XXI века формирует наиболее вероятный сценарий мирового развития.

С теоретической точки зрения очень важно понимать именно современное значение парадигм, которые задают «рамки» развития МО: стратегический прогноз, как правило, делается в качестве экстраполяции в рамках уже существующих, известных парадигм, хотя его вероятность целиком зависит от смены этих парадигм.

Смена парадигм в мире ведет к неизбежным и быстрым изменениям в МО, причем нередко даже не только быстрым, но и качественным, революционным. Так, переход в 30-е годы XX века казалось бы, от абсолютной парадигмы пацифизма к реваншизму в общественном мнении Германии, привел к приходу к власти Гитлера и закончился через несколько лет Мировой войной. Политическое уничтожение парадигмы «социалистического лагеря» привело к развалу ОВД, СЭВ и СССР в конце 80-х годов, а затем, в свою очередь, к формированию парадигмы «однополярной миросистемы» и соответствующей МО и ВПО, где откровенно господствуют США.

Смена парадигм всегда означает кроме всего прочего и радикальное изменение МО и ВПО. Причем в относительно короткие, как правило, неожиданно быстрые сроки. Прогноз вероятности такой смены в той или иной области человеческой деятельности означает обязательную, наиболее важную и ответственную часть такого стратегического прогноза. Одновременно и наиболее

---

[38] *Нариньяни А. С.* Математика XXI — радикальная смена парадигмы. Модель, а не алгоритм // Вопросы философии. 2011. 22 февраля / http://vphil.ru

трудную как с теоретической, так и с практической точек зрения. Так, в настоящее время самые разные эксперты (предсказывают) прогнозируют следующие изменения парадигм в МО:

— резкое обострение противоборства между странами в мире;
— смена технологического уклада в ведущих странах мира;
— радикальное изменение структуры экономики, торговли, финансов;
— смена социально-экономической парадигмы доминирования капиталистической системы отношений;
— радикальные демографические изменения;
— смена однополярного мира на «многополярный»;
— смена национального состава ведущих мировых держав;
— превращение ядерного оружия в бесполезное;
— появление принципиально новых видов и систем ВиВТ и т.д.

Самое трудное в анализе и долгосрочном прогнозе развития МО предсказать насколько полно и как долго сохранятся старые и появятся новые парадигмы, еще труднее — адекватно оценить уже происшедшие качественные изменения в жизнедеятельности человечества (в т.ч. в таких специфических субъективных областях, как политика или военное дело), а тем более спрогнозировать эти изменения и их последствия на будущее.

Возникновение и темпы развития (в связи с появлением новых парадигм) новых реалий и явлений, особенно качественно новых, вряд ли будет возможно когда-нибудь с точностью прогнозировать не только в политике и экономике, но и в технологиях. То же самое, даже в еще большей степени, относится в полной мере к появлению новых социально-политических парадигм, особенно в общественной жизни, хотя традиционно почему-то принято считать, что человек мало изменился со времен «античности». На самом деле именно история цивилизации развивается по экспоненте: именно человек и общество, его государственные и общественные институты, как уже писалось выше, развиваются наиболее динамично. Так, всего лишь за годы одного поколения, выросшего уже после развала СССР на Украине, в значительной степени изменилось общественное мнение страны, которое оказалось не только антикоммунистическим и антисоветским, но и русофобским.

Вместе с тем, говоря о прогнозе смены социальных и иных парадигм, мы должны помнить, что будущее уже существует в том или ином виде сегодня, более того, будущие парадигмы формируются задолго до их проявления, что корни многих новых социальных явлений можно обнаружить уже в истории существовании человечества. Особенно важно это иметь в виду применительно к смене социально-политических парадигм, условия для которых закладываются заранее, порой задолго до самого появления такой возможности. Вот почему в XXI веке изучение истории развития человечества становится практической необходимостью. Так, то же самое «новое» явление русофобства начала XXI века, например, в Европе и на Украине существовало на самом деле еще в XIX веке в Европе, а современный украинский национализм уходит своими корнями в средневековую политику Польши, Австрии, Венгрии, а еще раньше, до этого — Ватикана. Поэтому и русофобская внешне-политическая парадигма Украины появилась не сразу и «не вдруг», а антироссийская военная доктрина, принятая в августе 2015 года, — как идеологическая официальная система взглядов, была заложена давно.

Применительно к анализу современной и прогнозу будущей МО, например, в Европе, можно сказать, что те новые парадигмы, которые «неожиданно» возникли в XXI веке, имели свою историю, более того, именно опираясь на эту историю, произошло возникновение в целом ряде случаев этих парадигм. Так, русофобство на Украине, в Прибалтике, Польше и в ряде стран Скандинавии — отнюдь не феномен второго десятилетия XXI века. Оно существовало отчетливо уже в XIX веке, когда Н. Данилевский писал известную статью о том, почему в Европе не любят Россию — немотивированно, безосновательно и грубо[39].

---

[39] *Подберезкин А. И.* Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015.

Другое дело, что в силу разного рода соображений политического характера многие предпосылки для возникновения и смены парадигм сознательно не хотят замечать и учитывать. Так, кампания против пакта «Молотов–Риббентроп», инициированная и поддержанная в СССР получила свое развитие позже в России, создав фактически предпосылки для возникновения уже не просто антисоветской, но и антироссийской внешнеполитической парадигмы, которая, в свою очередь, может стать в будущем политическим обоснованием для территориальных или имущественных претензий по отношению к России. Вот почему анализ и прогноз парадигм должен исходить из необходимости безусловного анализа существующих предпосылок. Даже если такой анализ и противоречит политической конъюнктуре и идеологическому мэйнстриму.

Анализ и прогноз возможной смены парадигм, также сталкивается не только с объективными трудностями (недостаток информации, научного осмысления, привыкания к реалиям и т.д.), но и с субъективными препятствиями — прежде всего с сознательным отрицанием этих реалий, по политическим и идеологическим мотивам, нежеланием их признавать, инерцией мышления, а иногда даже обычной человеческой ленью и привычкой. Но, тем не менее, вероятность объективного прогноза формирования и появления новых парадигм не просто существует, но и обязательно должна использоваться максимально при анализе и прогнозе развития того или иного субъекта, актора, тенденции или даже всей МО в целом. Успех в итоге зависит от полноты исторического анализа и способности прогноза. Как справедливо отметил бывший вице-премьер по промышленной политике России Б. Алешин, «… анализ процессов развития отечественного оборонно-промышленного комплекса подчеркивает его историческую преемственность. Отмеченные закономерности структурных преобразований позволяют прогнозировать динамику и направленность развития ОПК в среднесрочной и долгосрочной, перспективе»[40]. Сказанное в полной мере относится и к другим областям человеческой деятельности.

Именно поэтому говорить категорически о невозможности стратегического прогноза смены социальных и политических парадигм нельзя. Более того, внимательный исследователь обнаружит, что будущие парадигмы не только складываются, но нередко и сознательно создаются уже сегодня. Это особенно стало заметно в XXI веке. Такое «социальное конструирование» парадигм сегодня стало практикой, следствием развития стратегического прогнозирования и планирования. Оно основано на манипулировании сознанием правящей элиты и общества и внедрении ложных социально-политических парадигм в систему ценностей нации. Если вновь обратиться к модели политического процесса и рассмотреть ее с точки зрения сознательного искажения социально-политических парадигм, то можно отобразить это следующим образом (рис. 2.11).

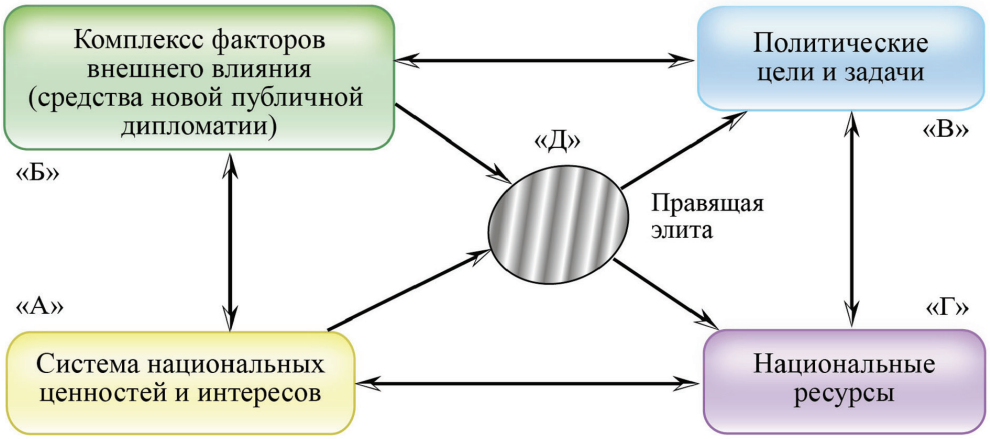

Рис. 2.11. Процесс сознательно-субъективного искажения и создания новых социальных парадигм в XXI веке

[40] *Алешин Б. С.* Вступительное слово / *Алексашин А. А., Гарбук С. В., Губинский А. М.* Российский оборонно-промышленный комплекс: история, современное состояние, перспективы. — М.: МГУ, 2011. С. 5.

Ключевым в этой модели является понимание значения и роли группы факторов «Б» на группу «Д» («Б»–«Д») с тем, чтобы сознательно оказать влияние на:

— формирование политических целей и задач;
— распределение ресурсов.

Простой пример: в 80-е годы XX века в правящую элиту СССР настойчиво внедрялась парадигма «бессмысленности создания широкомасштабной ПРО», которая нашла понимание у части элиты, что отразилось на внешней и оборонной политике СССР не самым лучшим образом. Отчасти эта парадигма отстаивается и сегодня. В ее пользу свидетельствуют намерения о создании новых систем СНВ и, наоборот, недостаточное, порой, внимание к системам ВКО.

Значительное влияние по вектору «Б»–«А» ведет к изменению фундаментальных парадигм истории, культуры и развития русской нации, искажению ее генетического кода, системы ценностей и подрыву суверенитета.

Наконец, влияние по вектору «Б»–«В» относится уже к искажению политических парадигм и внедрению новых. В современной российской истории такими парадигмами во внешней политике были, например, парадигма о «превращении НАТО из военного блока в политический», или «позитивности отношения к расширению НАТО на восток» и т.д.

Особенно важное значение приобретает продвижение ложных парадигм в массовое общественное сознание и национальную культуру, которые далеко не всегда в состоянии вовремя и адекватно на это отреагировать. Как показывает украинский опыт, такое массовое искажение общественного сознания (эффект «кружевных трусиков») во многом определяется возможностями — экономическими и технологическими — внешней стороны и способностью к защите государства и общества.

Рис. 2.12[41]. Механизм влияния парадигм

В начале 70-х гг. XX века, например, был начат процесс формирования политической парадигмы борьбы за права человека, которая стала формальной реальностью в 1975 году в Заключительном Акте, подписанном в Хельсинки, и основой для вето диссидентского движения в соцлагере.

Идея получила развитие в XXI веке: растущая роль НЧК и институтов его развития привели к тому, что в начале XXI века творческий («креативный») класс стал ведущей силой современности.

41 http://imperiyanews.ru/content/

И не только экономической, но и социально-политической[42]. Сознательное развитие этого класса и его институтов может иметь решающее значение для будущего сценария развития МО и ВПО, если, конечно же, это осознается правящим классом сегодня. Это даст не только самый мощный инструмент развития экономики, но и самое эффективное средство внешнего влияния («мягкой силы»), а также наиболее быстрое развитие военной силы (ВС и ВиВСТ). Собственно «всплески» антиправительственных выступлений в России в 2011–2015 годах имеют под собой именно эту основу.

Кроме того очень важно понимать, что:

— развитие парадигм может происходить не только последовательно, но и параллельно, одновременно могут существовать и даже развиваться сразу несколько парадигм. Так, в России в XXI веке в экономике существует одновременно несколько укладов — от феодального, социалистического и капиталистического до постиндустриального. Парадокс их существования одновременно с развитием — объективная реальность;

— появление новых парадигм далеко не всегда отменяет старые парадигмы: простой закон смены парадигм в действительности не работает «в чистом виде». Как и прежние уклады, формации и технологии старые парадигмы остаются в новых реалиях, также как и новые парадигмы, вытесняя старые, не всегда революционно и быстро их заменяют. Этот процесс подробно рассматривался марксистской наукой, в т.ч. когда речь шла о приоритетах политики над экономикой в новых развивающихся государствах, о чем писал еще в советское время академик Н. Симония[43].

Все это говорит о необходимости специального системного и цивилизационного анализа развития МО в области зарождения, существования и будущего принципиально важных парадигм — политических, идеологических, социальных, технологических и пр., — без которых стратегический прогноз, основанный на экстраполяции развития субъектов МО, становится очень приблизительным и механическим (хотя и наиболее часто практически востребованным).

В качестве хорошей иллюстрации мысли о логике смены парадигм мироустройства в XXI веке можно привести пример из области программирования, где в XX веке происходила эволюционная смена парадигм. На этой диаграмме (рис. 2.13) показано, что разные направления развития языков являются результатом разных парадигм (подходов), развивающихся независимо друг от друга. В частности, на рисунке изображены четыре направления, представляющие функциональную, объектно-ориентированную, императивную и декларативную парадигмы. Языки, относящиеся к каждой парадигме, расположены на временной шкале, показанной внизу (но из этого не следует, что один язык развивался из другого).

По аналогии с эволюцией парадигм программирования можно допустить, что существующие основные парадигмы развития ЛЧЦ, стран в системе МО будут также эволюционизировать. Более того, могут появляться одновременно качественно новые парадигмы МО, которые в стратегической перспективе радикально повлияют на сценарии развития международной и военно-политической обстановки. Предсказать их появление не только можно, но и нужно. Для этого часто нужны не способности к анализу и прогнозу, а восприимчивость правящей элиты, которая, как правило, всегда и во всех странах консервативна, плохо воспринимает что-то качественно новое. Так, в начале 80-х годов мной была написана работа, суть которой сводилась к двум простым выводам: будущая ВПО будет определяться в основном появлением в конце 90-х годов высокоточного оружия и новых систем боевого управления, связи и разведки (С31). Эта работа решением руководства ИМЭМО АН СССР была запрещена к публикации. Как пояснили — потому, что «стимулировала гонку вооружений, противоречащую политике партии». Известно, что стало в этой области к началу XXI века, но что не захотели увидеть заранее.

---

[42] *Подберезкин А. И.* Национальный человеческий капитал. В 5 т. Т. 1–3. — М.: МГИМО–Университет, 2011–2013 гг.

[43] Симония Н. А. Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного / отв. ред. Л. И. Рейснер. — М.: Восточная лит-ра, 1984 г. С. 194–402.

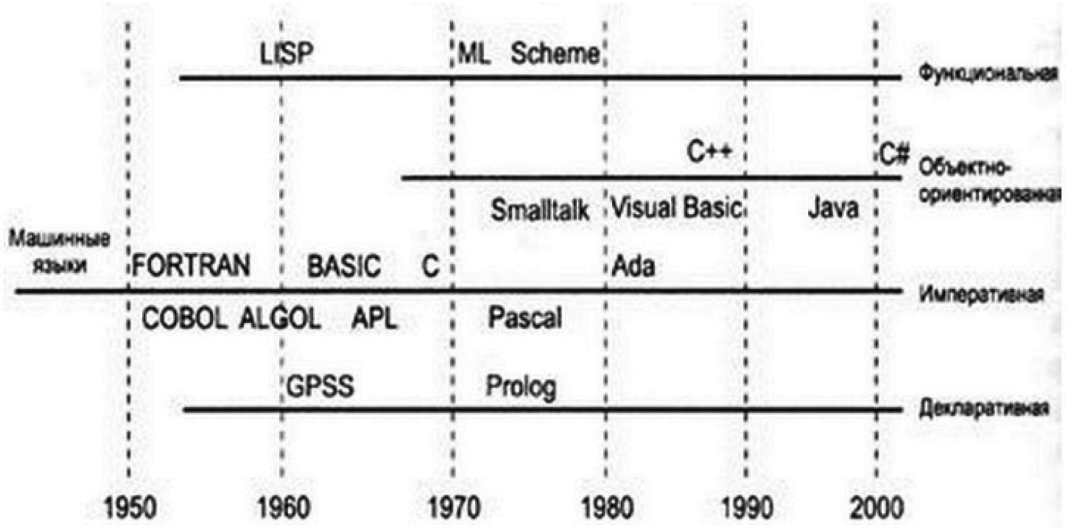

Рис. 2.13. Эволюция парадигм программирования

2.2. в). Социально-политическое конструирование новых парадигм[44]

Конечной фазой его (стратегического прогноза. — *А. П.*) должно являться программирование собственного развития на ближнесрочную, среднесрочную и долгосрочную перспективу[45]
А. Кокошин, В. Бартнев

Учитывая сильнейшее влияние субъективного фактора в общественно-политической жизни, прогнозировании и планировании, следует обратить внимание на усилия по сознательному конструированию «образа будущего» и социальных систем в интересах политики того или иного субъекта МО. Это предполагает, прежде всего, разработку и внедрение в сознание правящих элит и общества принципиально новых парадигм, соответствующих целям внешней политики этого субъекта.

Нельзя сказать, что эта политическая практика является изобретением XXI века. И прежде, даже в очень далекие времена, правящие элиты противника подкупались и совращались с помощью денег, угрозы применения насилия и внедрения чужих систем ценностей — прежде всего религиозных и культурных. Но во второй половине XX и начале XXI века (по мере возрастания возможностей влияния на элиты и общество) эта практика превратилась в норму. Так, холодная война стала политической нормой внедрения парадигмы «борьбы с экспансией коммунизма».

Яркими примерами такого внедрения в 90-е годы стали парадигмы: внедрение А. Яковлевым в СССР, — «покаяния», «нового мышления, «перестройки» и т.д., а также «кровожадных сербов» для Югославии и «русских империалистов» (во время войны на Северном Кавказе). «Социальное конструирование» парадигм развития отдельных стран и МО в целом в XXI веке стало широкой

[44] Изначально эта тема рассматривалась в отдельном разделе работы «Современная международная обстановка: цивилизации, идеологии, элиты / А. И. Подберезкин, В. Г. Соколенко, С. Р. Цырендоржиев, — М.: МГИМО–Университет, 2015. — С. 94–103.

[45] *Кокошин А. А., Бартенев В. Н.* Проблемы взаимозависимости безопасности и развития в стратегическом планировании в Российской Федерации / Проблемы прогнозирования, 2015. — №6 (153).

практикой. В частности, важнейшее значение имеет парадигма «международной безопасности», сформировавшаяся на Западе в конце XX века, которая воспринимается в XXI веке как «абсолютная безопасность» для США и допустимая опасность, даже угроза — для других государств и наций, что признается, например, в современной национальной военной стратегии США. В новом (июнь 2015 г.) варианте, например, прямо указано, что важнейшим приоритетом является «обеспечение безопасности США, граждан, союзников и партнеров»[46]. Есть все основания полагать, что эта парадигма будет развиваться и дальше в XXI веке, что должно в будущем привести к ситуации «абсолютной опасности» для всех прочих ЛЧЦ и «абсолютной безопасности» для западной ЛЧЦ. Из этой парадигмы, в частности, развивается вся логика военно-силового противоборства западной ЛЧЦ в начале XXI века, включая «абсолютную безопасность» в форме военно-технических гарантий развертывания широкомасштабной системы ПРО, или развертывания по периметру России десятков тысяч стратегических КРМБ в неядерном оснащении, создающих «абсолютную опасность» для России.

В целом можно в качестве примера рассмотреть безопасность в развитии следующих важнейших парадигм МО, а также гипотетическую возможность появления новых парадигм в XXI веке (табл. 2.2).

Можно констатировать, что области безопасности в начале XXI веке произошла революция не только в средствах ведения войны (ВиВСТ), связанная с новым этапом информационной революции, но и способами их применения, что, к сожалению, далеко не всегда нашло свое отражение в понимании большинства представителей политической и военной элиты России[47]. Фактически в конце XX века произошли две революционные смены военно-политических парадигм, которые во многом изменили характер войны. Новый характер войны неизбежно меняет и ее политическую парадигму, которая в XXI веке превращается в военно-силовое противоборство западной ЛЧЦ за сохранение контроля над сложившимися в XX веке военно-политическими и финансово-экономическими системами в мире. Это означает неизбежную замену системы международной безопасности, как систему договоренностей, на систему военно-технического и иного силового противоборства.

С точки зрения теоретической и методологической, анализ и стратегический прогноз развития МО в XXI веке предполагает обязательное и тщательное исследование современного состояния и развития, как основных парадигм безопасности, так и условий для появления новых парадигм в долгосрочной перспективе. Этот метод качественного анализа парадигм во многом альтернативен экстраполяции, широко применяемой в настоящее время. Так, если говорить о сопоставлении этих методов на примере развития ВМФ РФ, то вплоть до 2060 года выстраивается достаточно точный план и прогноз строительства и модернизации основных судов. Вместе с тем возможные (и даже неизбежные) изменения в военно-технической области, развитие средств ВКО, ВТО и пр. — могут привести к необходимости радикального пересмотра таких планов, которые не предусмотрены в ГОЗ. Полностью проваленная ГПВ-2005 и не полностью выполненные другие программы говорят о том, что перечень проблем (о которых говорил еще в 2013 году заместитель министра обороны Ю. Борисов) сохраняется:

- неправильная оценка ассигнований;
- высокая инфляция;
- низкий уровень авансирования;
- заниженные цены;
- опережающий рост стоимости ВиВТ[48].

---

[46] The National Military Strategy of the United States of America. 2015. June. — P. 5.

[47] Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А. И. Подберезкина. — М.: МГИМО–Университет, 2015. Т. 1. С. 175–264.

[48] Государственные программы вооружения Российской Федерации: проблемы исполнения и потенциал оптимизации. — ЦАСС, 2015. С. 8.

Таблица 2.2. Эволюция основных существующих парадигм и возможность появления новых парадигм МО в XXI веке

Парадигма безопасности	Формирование	Соглашение с СССР	Односторонее понимание	Сохранение одностороннего понимания	Борьба за удержание одностороннего понимания вместе с союзниками по ЛЧЦ
Парадигма доминирования США в финансово-экономической системе	Создание системы доминирования	Укрепление системы доминирования	Развитие системы доминирования	Противодействие попыткам поставить под сомнение систему доминирования	Борьба за контроль
Парадигма военно-технического превосходства	Создание в/т. превосходства	Стратегического равенства	Глобального в/т. превосходства	Сохранение превосходства	Ставка на в/т. превосходство как компенсации изменения соотношения сил
Парадигма доминирования универсальной (американской системы ценностей)	Формирование «американской мечты»	Утверждение	«Победа» американской системы ценностей	Оформление победы в нормы международного права	Сохранение за нормами обязательности к исполнению
Парадигма контроля над глобальной обстановкой западной ЛЧЦ	Создание региональных систем	Глобальная ответственность	Американское лидерство в западной ЛЧЦ	Оформление широкой коалиции западной ЛЧЦ	Борьба за расширение сферы контроля и противодействие созданию альтернативных коалиций
Парадигма международного права (системы, созданной США)	Формирование	Внедрение норм в международное право	Закрепление норм международного права	Защита силой норм международного права	Вытеснение национальных норм права
	1945	1970	1990	2015	2030
новые парадигмы в ВПО и СО					
			Парадигма замещения СЯС высокоточными системами		
			Парадигма доминирования «мягкой силы» в МО в сочетании с военной силой		

Думается, что менять надо не общие подходы к решению проблем, а всю политику в этой области, всю парадигму строительства ВМФ РФ.

Изменение в соотношении сил в начале века привело к резкому усилению роли военного фактора в качестве политического инструмента Запада, что, к сожалению, только в 2014 году стало осознаваться правящей элитой в России, в связи с событиями на Украине. Другими словами, во втором десятилетии XXI века произошла смена парадигмы роли военной силы во внешней политике: все теоретические построения в МО и практические выводы «нового мышления» оказались устаревшими, более того вредными, даже не войдя в практическую реальность, но их носители в правящей элите страны остались в основном те же.

Аналогичную трансформацию в результате смены парадигм претерпевают и государственные, и даже международные институты, которые в условиях реализации сценария сетецентрической войны превращаются из политических инструментов развития экономики и общества в средства вооруженной борьбы, которые уже, как правило, становятся малопригодны для реализации политических функций. Это, также, еще только предстоит осознать и сделать соответствующие выводы в отношении этих институтов. Признание Конституционным судом РФ летом 2015 года приоритетности национальных норм права над международными — первый шаг в эволюции парадигмы, сложившейся в 90-е гг. XX века. Конфликт на Украине в этом смысле был очень показателен: не только госсекретарь США, но и его пресс-секретари (вспомним «псакизмы») и даже ООН, ОБСЕ и другие международные институты, «вдруг» претерпели мгновенную трансформацию, превратившись в средства ведения не политики, а войны.

Другая сторона проблемы — рост влияния частных парадигм. Так, например, конкретность развития сценариев СО, войн и конфликтов, — политическая, экономическая, социальная, военная и иная, — отнюдь не означает, что их развитие принципиально отличается от закономерностей развития сценариев человеческой цивилизации, международной обстановки или военно-политической обстановки, но, вот, сила этого влияния, безусловно, нарастает. Наоборот, можно сказать, что конкретный сценарий СО, в том или ином месте (времени, с участием и т.п.), является одним из частных случаев, частностью реализации более общего сценария, о чем подробнее я писал выше[49]. И, что очень важно, не может ему принципиально противоречить. Так, формирование СО на Украине в 2014–2015 годах происходило под сильнейшим влиянием таких невоенных факторов, как информационный, социально-культурный и цивилизационный. В частности, языкового, когда «фронт» боевых действий фактически совпадал с границей преобладающего населения, говорящего на русском языке. А СО на Украине в 2015 году определялась во многом результатами конкретных боевых действий зимы 2015 года. В конечном счете, как оказалось, военные парадигмы решительно повлияли не только на переговорный процесс в Минске, но и на все международные отношения и формирование МО в 2015 году. Именно поэтому в стратегическом прогнозе необходимо уделять внимание появлению новых и смене «частных» парадигм — экономических, научных, политических и военных, — их влиянию друг на друга.

В частности, формирование «русофобской политико-идеологической парадигмы» в украинском обществе привело не только к войне на Юго-востоке страны, но и фактическому политическому расколу: выборы в Верховную Раду Украины, состоявшиеся в октябре 2014 года подтвердили эту закономерность. Даже в находящихся под контролем украинской армии регионах (Днепропетровске, Мариуполе и др.) большинство получил «Оппозиционный блок», который ассоциировался у многих с сепаратистами. Но, одновременно, мы наблюдаем, как стремительно политико-идеологическая русофобская парадигма реализуется в военной парадигме (Военная доктрина Украины, принятая в августе 2015 г.), внешнеполитической доктрине Украины (ассоциации с ЕС), социо-культурной политике, информационной и прочей деятельности украинской элиты.

Ситуация принципиально сохранилась до середины 2016 года. Даже по официальным социологическим опросам на Украине виден радикальный раскол между сторонниками и противниками

[49] *Подберезкин А. И.* Военные угрозы России. — М.: МГИМО–Университет, 2014.

власти. В качестве предложенных упомянутым центром ответов на вопрос «Как вы оцениваете ДНР и ЛНР?» были следующие:

1. Террористические организации, не имеют права представлять населения соответствующих территорий.
2. Представители населения соответствующих территорий.

Результаты опроса представлены по географическим зонам Украины (Восток, Запад, Центр, Юг и отдельно — часть Донбасса, контролируемая Киевом).

На западе Украины ДНР и ЛНР считают «террористическими организациями» 86% респондентов, в центре — 77,3%, на юге — 38,1%, на востоке — 38,3%, в Донбассе (часть, контролируемая Киевом) — 42,3%.

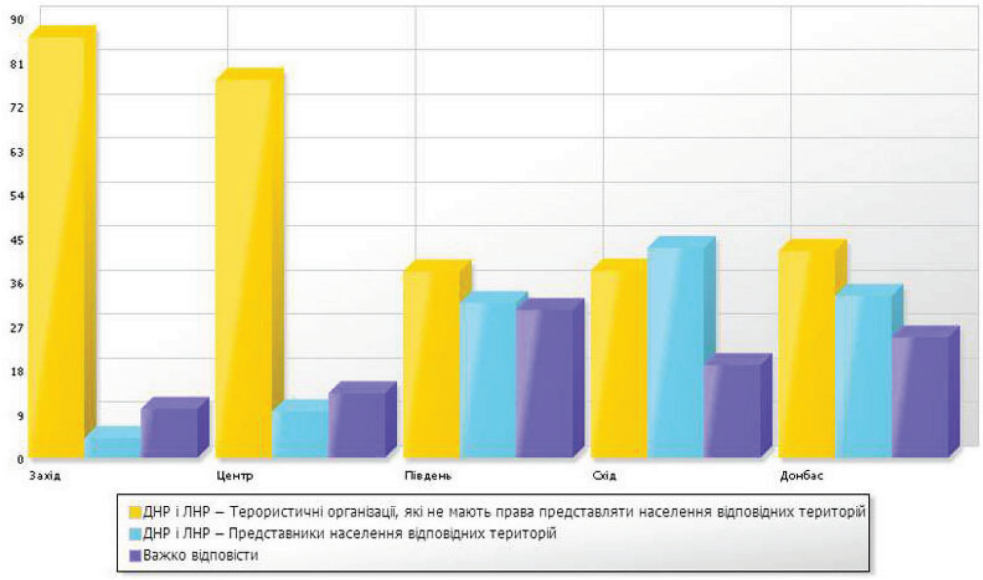

Рис. 2.14.

Обращает на себя внимание существенная популярность ответа «затрудняюсь ответить». Так, подобный ответ в Донбассе дали почти 25% опрошенных, на востоке Украины — около 19%, на юге «затруднился ответить» — и вовсе каждый третий.

Такие результаты дают понять, что любой опрос на современной Украине больше походит не на объективное социологическое исследование, а на испытание для респондентов. Народ на Украине запуган до такой степени, что и речи не идёт о том, что какому-то человеку с блокнотом в руках или микрофоном люди готовы поведать о своих реальных взглядах на обстановку в стране. Нет, безусловно, находятся и те, кто готов высказать всё, что он думает как по поводу украинских властей, так и по поводу вопросов с заранее подготовленными теми же украинскими властями результатами[50].

Сказанное также означает, что при формировании современной МО и ВПО значение невоенных факторов возрастает параллельно с усилением значения военной силы. Получается парадокс, требующий объяснения: одновременно в политике происходит усиление фактора военной силы и политических (невоенных) средств. Происходит труднообъяснимое — усиливают свое влияние обе составляющие политики, которые должны противоречить друг другу. Это можно объяснить только тем, что «невооруженные» (невоенные) средства насилия начинают выполнять функции военных средств, сами становятся оружием. В частности, если речь идет об информационных

[50] Украинцев спросили, что они думают о ДНР и ЛНР / Эл. ресурс: «Военное обозрение», 2016. 29 апреля / http://topwar.ru/94681-ukraincev-sprosili-chto-oni-dumayut-o-dnr-i-lnr.html

и кибероперациях, политических диверсиях и пр. средствах, которые многие российские военные теоретики по-прежнему относят к традиционно невоенным средствам борьбы. Но не только. Меняется и военная организация государства, в структуру которой, например, в США уже включен бизнес и общественные организации в мирное время (в СССР это было только в период деятельности ГКО во время войны).

В условиях системной сетецентрической войны это также значит, что средства вооруженного насилия, прежде всего традиционные, отнюдь не являются единственными и решающими средствами войны. Так, в рамках старой парадигмы этнополитического развития Украины, например, проблема взаимоотношений разных наций и культурных архетипов будет сохраняться еще долго, но решаться она будет силовыми и даже вооруженными средствами в рамках внутренней политики.

Рис. 2.15[51]. Разделение Украины по этнополитической парадигме развития

Очевидно, что в этом случае стратегический прогноз не только для Украины, но и для России будет во многом определяться прогнозом этнополитической парадигмы развития. Если силовые и даже военные средства будут использоваться против русскоязычной части граждан Украины, то Россия просто не сможет остаться в стороне от такой политики. Пока что, к сожалению, вектор развития парадигмы силовой политики в отношении русскоязычных граждан только набирает обороты, а в отношении России — превратился в откровенно враждебный.

Другими словами не только на Украине, но и во всей западной ЛЧЦ произошел серьезный пересмотр значения политических и военных средств, в том числе и в целях ведения войны, в пользу силовых, превратившихся в военные средства политики. Это касается не только очевидных примеров: кибернетического оружия, средств радио-электронной борьбы и др., но и, прежде всего, информационно-психологических средств, которые превратились в XXI веке из средств влияния, в средства принуждения.

---

[51] *Зеркалов Д. В.* США. НАТО. ЕС. Эскалация войн / http://www.zerkalov.org/files/sha-187.pdf. С. 703.

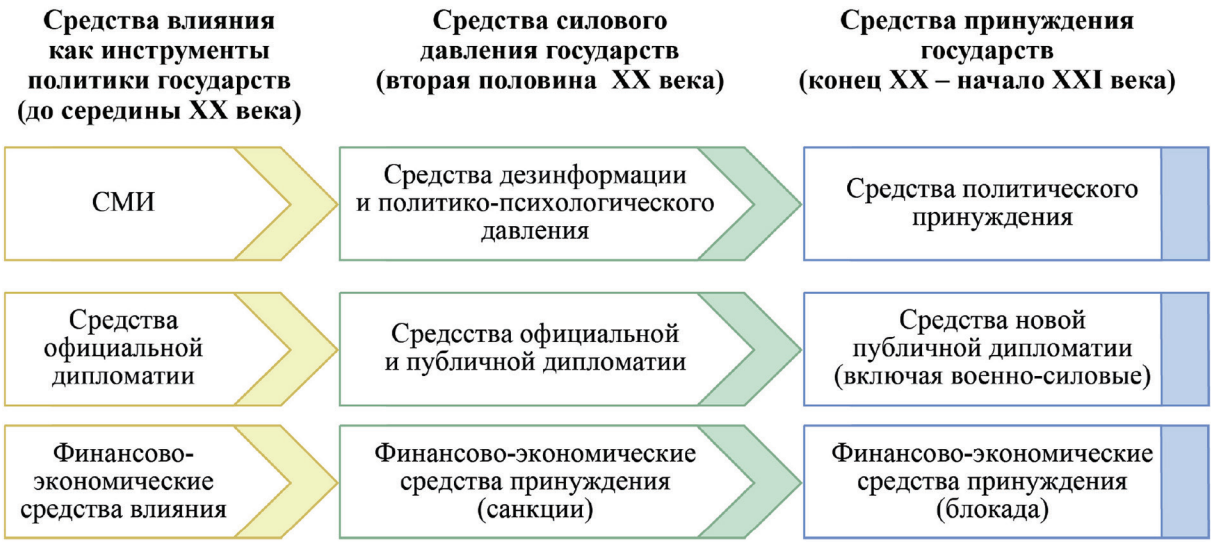

Рис. 2.16. Эволюция средств влияния в силовые средства и средства принуждения в XXI веке

Разница в способах использования этих средств политики заключается не только в их агрессивности и степени силового применения, но, в конечном счете, в цели этого применения: если в новой и новейшей истории эти средства применялись для политической победы, предполагавшей, в конечном счете, компромисс, то в XXI веке достижение компромисса не предполагается в принципе. Победа будет означать изначально полную ликвидацию суверенитета, а затем и национальной идентификации, что возможно только при смене системы ценностей. Этот процесс можно рассмотреть на примере Украины, которая стала главным объектом политической экспансии США, ЕС и НАТО.

Для этого в течение достаточно короткого исторического отрезка времени была проведена идеологическая и психологическая операция по смене (подмене) системы ценностей в полном соответствии с установками «политической войны» конца 40-х годов XX века. Позже, уже в конце XX века эта практика получила название «Окно Овертона» в честь американского политолога Дж. Овертона.

Рис. 2.17. «Окно Овертона» на Украине

Надо сказать, что конечной целью этого процесса, явно просматриваемой уже сегодня, является превращение Украины в наиболее враждебное по отношению к России государство, которое должно обеспечить главные стратегические цели США, ЕС и НАТО — превратить все постсоветские республики, включая Россию, в регион, контролируемый западной ЛЧЦ. Это предполагает, что даже Россия, как самостоятельное государство, не будет иметь право на существование в нынешних границах и контролировать собственные ресурсы.

Представляется, что в анализе и стратегических прогнозах развития МО требуется выделять самостоятельный акцент на феномене парадигм, внимательно анализируя:

— развитие существующих парадигм и прогнозируя их состояние на будущее;
— возможность появления принципиально новых парадигм;
— взаимодействие и «сосуществование» старых и новых парадигм;
— последствия развития старых и появления новых парадигм для факторов, акторов и тенденций формирования МО и ВПО.

Такой многофакторный анализ и прогноз должны стать обязательной частью анализа и прогноза развития МО в целях повышения эффективности практической деятельности исполнительных и законодательных органов власти в России. За последние 30 лет существования СССР и ОВД, России и СНГ происходила быстрая смена основных парадигм, которую не могли прогнозировать или предсказывать. Во многом, как представляется, не только потому, что не умели, но и потому, что не было «социального заказа», а правящая элита и органы власти категорически боялись таких прогнозов и предсказаний, не допуская их подготовки.

С точки зрения развития теории и методологии анализа и прогноза развития МО такая ситуация абсолютно недопустима. Правящей российской элите необходимы не только анализы и прогнозы, основанные на богатом и качественном эмпирическом материале, но и оценки и прогнозы развития парадигм политико-философского, абстрактно-логического порядка и технократического характера.

2.2. г). Новые парадигмы в развитии основных факторов и тенденций в долгосрочном прогнозе развития сценария международной обстановки

Главная ее идея (новой Стратегии национальной безопасности США. — *А. П.*) — глобальное американское лидерство[52]
В. Багдасарян

… конкретный вероятный сценарий развития МО неизбежно должны учитывать максимально полно не только «физические» реалии, но и идеологические «намерения» правящей элиты по реализации этих реалий[53]
А. Подберезкин, профессор МГИМО

Развитие международной обстановки — это динамичное изменение формирующей ее огромной системы, в которую входят многие тысячи факторов и тенденций. Причем этот динамизм может влиять на качественное изменение состояния МО в тот или иной период времени, когда одни факторы изменились радикально, а другие сохранили свои прежние качества. Так, МО, как

[52] *Багдасарян В.* Какая стратегия нужна России для победы в войнах нового типа / Эл. журнал: «Экономика и развитие». 2016 / http://devec.ru/politika/analitika/

[53] *Подберезкин А. И., Соколенко В. Г., Цырендоржиев С. Р.* Современная международная обстановка: цивилизации, идеологии, элиты. — М.: МГИМО–Университет, 2014. — С. 60.

система взаимоотношений этих факторов и тенденций в 2021 году может существенно отличаться от системы МО в 2016 году. Каждое новое состояние системы МО не повторяет во всех чертах предыдущего. На нашей памяти мы можем наблюдать системы: рис. 2.18.

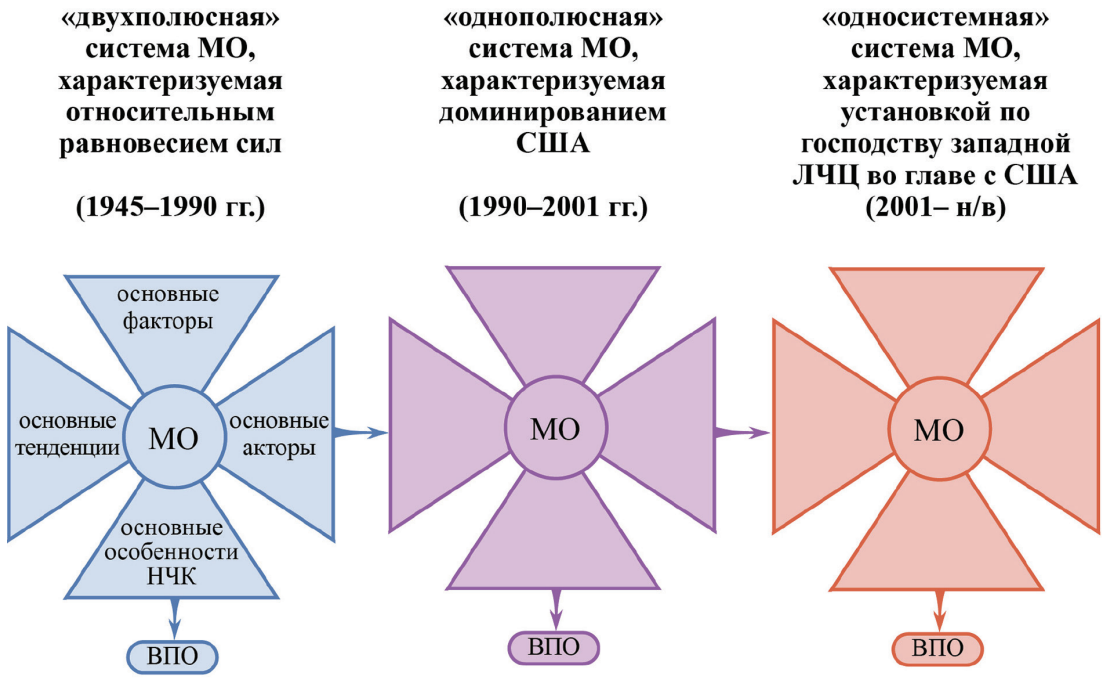

Рис. 2.18.

В целом все группы, формирующие международную обстановку, в совокупности представляют десятки тысяч факторов, субъектов, акторов и тенденций, большинство из которых имеет множество характеристик и параметров. В классификации ООН их уже насчитываются тысячи[54]. Так, только один из традиционных субъектов МО — государство, (например, Российская Федерация), — имеет сотни важнейших параметров и критериев — от численности населения и территории, до величины ВВП, внешнего долга и численности ВС, которые влияют в разной степени на формирование существующего и будущего сценария развития МО.

До настоящего времени традиционно используются в стратегических прогнозах в основном оценки только основных показателей и критериев — демографические, географические, финансовые, что совершенно недостаточно в настоящее время. Поэтому конкретный вероятный сценарий развития МО в тот или иной период времени неизбежно должен учитывать максимально полно не только эти «физические», реалии, но и многие переменные величины, и идеологические «намерения» правящей элиты по реализации этих реалий.

Для практических целей анализа и стратегического прогноза такое огромное число факторов и их показателей не является принципиальным затруднением. Современные мощности ЭВМ и программное обеспечение позволяют решить эту задачу. Существующие мощности вычислительной техники позволяют, например, одному из компьютеров Концерна ВКО «Алмаз-Антей» отслеживать в реальном времени состояние более 150 000 факторов, т.е. — если применить к оценке МО — тысяч факторов, формирующих МО в режиме реального времени. Проблема заключается в построении методики и алгоритма изменения МО и прогноза развития её сценария, которых до сих пор не существует. Так, судя по всему, прогноз будущей ВПО делается, до сих пор, на основе анализа всего лишь двух групп факторов — количества и качества ВиВСТ и численности ВС, не рассматривая

[54] *Капица Л. М.* Индикаторы мирового развития. — М.: МГИМО–Университет, 2016.

не только обстановку на более высоком уровне развития отношений между ЛЧЦ и МО, но и даже собственно другие военно-технические факторы и тенденции. Особенно учет смены их парадигм.

Между тем анализ политики всего лишь одного субъекта МО — какого-то одного (из 200) государства — предполагает исследование не только изменения его многочисленных количественных параметров (численности населения, ВВП и т.д.), но, прежде всего, его качественных характеристик: основных целей, формулируемых правящей элитой и соответствующих стратегий. Тем более такой прогноз развития этого субъекта требует обязательного учета смены парадигм (общественно-политических, экономических, военных), что очень хорошо видно на примере государств, чье развитие во втором десятилетии XXI века вплотную столкнулось со сменой парадигм: Украиной, Ираком, Сирией, Египтом. Причем не только в материальной области, но и в политико-идеологической и социо-культурной областях.

Так, даже в основу традиционного конкретного анализа политики и стратегии субъектов МО положены, как правило, два основных исследования: анализа и прогноза интересов (потребностей) этого субъекта и анализа и прогноза развития ценностей (нации, государства), а также анализа реальных возможностей этого субъекта МО. Это очень схематично можно показать на следующем логическом рисунке, который (важная оговорка!) отражает статичное состояние политики субъекта МО.

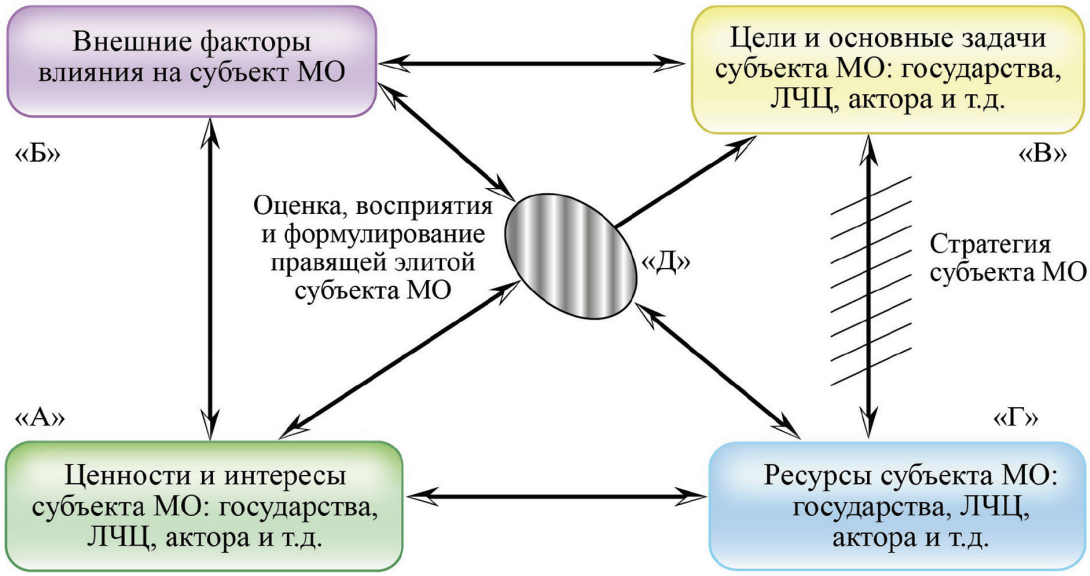

Рис. 2.19[55]. Логический рисунок модели анализа прогноза политики одного из субъектов МО

Как правило, подобный анализ и прогноз состояния субъекта МО ограничивается группой факторов «В» (политические цели и задачи) и «Г» (национальные ресурсы), которые даже в таком самом «узком наборе» насчитывают сотни и тысячи. На самом деле для точного анализа политики (одного!) субъекта МО этого мало, ведь кроме того, на формирование политики и стратегии этого субъекта МО влияют такие группы факторов, как:

— внешние условия и влияние внешних факторов, в т.ч. внешние вызовы и угрозы;
— субъективное восприятие правящей элитой этого субъекта МО всех групп факторов — объективных интересов и ценностей, внешнего влияния, наличия возможностей и ресурсов, что в итоге выражается как в субъективном формулировании политических целей, так и соотношения «цели-средства», лежащего в основе любой стратегии.

[55] Схема составлена по работам М. А. Хрусталева, в частности: *Хрусталев М. А.* Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. — М.: «Аспект Пресс», 2015.

Таким образом, для такого анализа и прогноза одного субъекта МО требуется исследование сотен и тысяч факторов, характеризующих состояние этого субъекта в конкретный период времени, например, в 1919, 1945, 1970, 1990 или в 2016 году. Для того чтобы выстроить прогноз состояния этого субъекта в среднесрочной перспективе, а тем более в долгосрочной, необходимо не просто предположить (экстраполировать) это состояние на будущее: 5–7–10 или 25 лет, но и допустить неизбежную смену парадигм в развитии этого субъекта. Как минимум, в экономической, технологической, социально-политической и военной области.

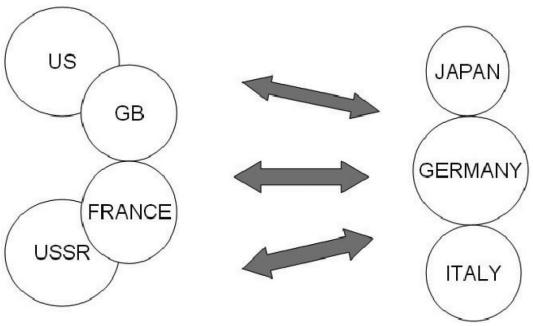
Такой прогноз одного субъекта и акторов, а также тенденций в развитии МО требуется сделать для всех основных акторов, субъектов и тенденций, т.е. это будут тысячи прогнозов, из которых и будет формироваться будущая МО. Среди них решающее значение будут занимать прогнозы и предположения о новых парадигмах развития этих субъектов и акторов МО.

Таким образом, подытоживая, признаем, что для точного анализа МО и его долгосрочного прогноза необходимо проанализировать не только «по отдельности» все группы указанных факторов, а именно:

— развитие мировых тенденций;
— субъектов МО;
— акторов МО,
— а также влияние НЧК и его институтов, но и все эти факторы и тенденции во взаимосвязи и в динамике, в той степени влияния, которая оказывается ими друг на друга. И обязательно с учетом неизбежных в будущем новых парадигм. Именно эта часть анализа и является наиболее сложной потому, что архитектура и структура МО достаточно быстро меняется.

В этих изменениях особую роль играет субъективный фактор. Для иллюстрации приведу самый простой пример развития архитектуры МО за последние 60 лет, как его видит известный японский политолог К. Исигоока[56]. Он, в частности, рассматривает три ситуации, которые характеризуют состояние МО в XXI веке. Это означает, что для современного анализа необходимо учитывать «остаточное» влияние (экономическое, историческое, правовое и пр.) прежних состояний МО.

Конфронтация
Confrontation
(в период Второй мировой войны)

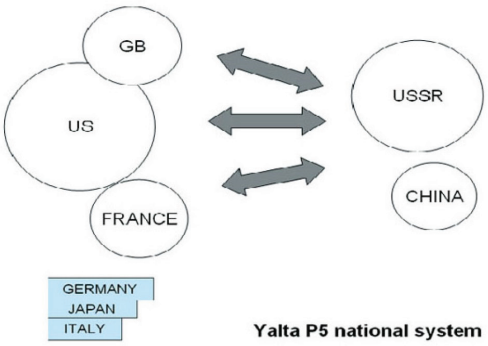

Из этого достаточно простого видения ссостояния МО вытекает в целом и представление о состоянии ВПО и СО тех лет, которое менялоь значительно быстрее и было более разнообразным, чем состояние МО. Причем в решающей степени на него оказывала влияние смена парадигм (формирование танковых армий — в военном искусстве; стратегической авиации — в подрыве военно-экономического потенциала; ЯО — в политике устрашения и т.д.).Эта смена парадигм привела к формированию новой МО, которая недолго определялась основными субъектами МО и формировала новую ВПО.

[56] Сотрудничество и соперничество в Евразии (материалы Шестой российско-японской конференции) г. Москва. 2009. 16 сентября. — М.: МГИМО–Университет, 2009. — С. 29–30.

Международный контроль
после Второй мировой войны
(International order of United Nations)

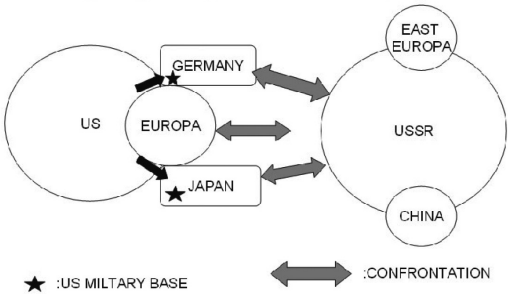
(after the war)

Эволюция системы МО, сопровождавшая ее сменой многих парадигм (например, появления к концу 50-х годов стратегических потенциалов и формирования НАТО и ОВД, ЕС и СЭВ), что привело к появлению новой МО.

Мировой порядок периода холодной войны
Confrontation=Cold war

(Two polar system after the war)

Очевидно, что МО еще более радикально изменилась после 1990 года, что требует положить в основу современного анализа уже новую архитектуру МО, а прогноза — возможную будущую архитектуру. Это позволяет избежать изначально искажения в анализе, которое неизбежно из-за субъективного восприятия ВПО и СО, что, к сожалению, случается. Решающую роль в создании новой архитектуры МО сыграла смена парадигм в основных областях жизнедеятельности:

— смена идеологической конфронтации на цивилизационную, культурно-ценностную;
— исчезновение главного политического оппонента и военно-политического центра силы в лице СССР и ОВД;
— усиление экономического, финансового и торгового влияния новых центров силы;
— появление новых влиятельных акторов мировой политики.

В самом простом виде эту новую (однополярную) архитектуру можно представить следующим образом (рис. 2.20).

Как видно из модели новой архитектуры МО, сложившейся после 1990 года, основную роль играют страны, представленные в западной ЛЧЦ во главе с США. Вплоть до середины второго десятилетия XXI века эта архитектура не оспаривалась публично. Война на Украине, создание БРИКС, ШОС и ЕАЭС привело, однако, к тому, что в 2012–2016 годах произошло резкое «переформатирование» архитектуры МО и в публично-международном пространстве. Фактически

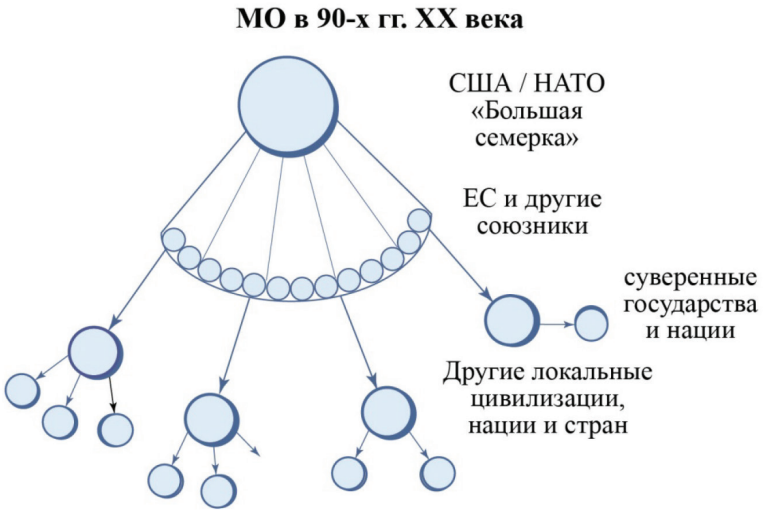

Рис. 2.20. Новая (однополярная и односистемная) архитектура МО после 1990 года, которая характеризуется увеличением основных субъектов и негосударственных акторов МО и ВПО

было заявлено о появлении политически и экономически альтернативных центров силы, способных претендовать на изменение сложившихся в предыдущие годы под эгидой и контролем США систем.

Естественно, что новая модель и структура МО, заявленная в 2015 году, еще не стала пока свершившимся фактом, но и не учитывать этой очевидной тенденции в развитии МО (а, следовательно, и ВПО, и неизбежно СО, что уже было продемонстрировано в Сирии и на Украине) невозможно. Так, «на полях» заседания Генассамблеи ООН в сентябре 2015 года уже была запланирована встреча лидеров стран-членов БРИКС, а США немедленно отреагировали на изменение МО в том же 2015 году появлением нового варианта «Стратегии национальной безопасности»[57] и «национальной военной стратегии США»[58].

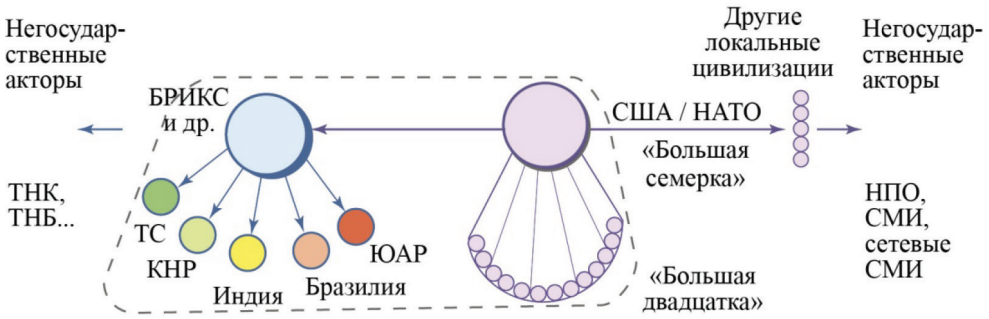

Рис. 2.21. Новая возможная архитектура МО в 2025 гг. XXI века

Еще сложнее представляется прогноз будущей структуры и модели МО на 2030–2040 годы XXI века, когда новые центры силы наберут свою мощь и смогут претендовать на военно-силовое изменение существующих международных норм и правил в свою пользу. Очень многое после 2030 года, например, будет зависеть:

— от того, насколько успешно США смогут силовыми средствами нейтрализовать изменение соотношения сил в пользу новых центров силы;

[57] National Security Strategy / Wash.: The White House. 2015. February.
[58] The National Military Strategy of the United States of America / Wash. : GPO, June. 2015.

— насколько успешно смогут развиваться новые центры силы относительно западной ЛЧЦ и друг друга;
— насколько успешно будет развиваться западная ЛЧЦ;

и многих других факторов.

Как видно из рисунка, будущая МО и ВПО (как ее составная часть) будут формироваться под влиянием, прежде всего противоборства ЛЧЦ, которое будет определяющим по отношению к двум другим основным группам — мировым тенденциям и негосударственным акторам, — потому, что ЛЧЦ во многом смогут интегрировать в свое развитие, как общемировые закономерности развития, так и роль негосударственных акторов. Во многом потому, что сами ЛЧЦ являются синтезом развития как объективных факторов — субъектов государств-лидеров ЛЧЦ, цивилизационных тенденций, так и акторов — религиозных, общественных, международных и иных организаций, а также субъективных тенденций развития НЧК локальных цивилизаций и наций.

Таким образом, стратегический прогноз развития модели будущей архитектуры МО в котором реализуется конкретный сценарий развития, лишь задает самые «общие рамки» долгосрочного прогноза, которые очень важны, но не несут в себе конкретного содержания. Такое конкретное содержание предоставляет прогноз развития субъектов МО — ЛЧЦ, государств и акторов, а также глобальных тенденций, — которые должны рассматриваться в единой системе, во всей своей взаимосвязи, а не по отдельности. Такой конкретный прогноз предполагает, что необходимо двигаться «от частного (анализа и прогноза отдельного фактора) к общему (сумме этих факторов). В частности, необходим прогноз, если не всех 200 государств, то ведущих стран мира — «Большой двадцатки» (25–30 государств), которые будут формировать будущий облик МО, а также, безусловно, всех ЛЧЦ и основных акторов.

Но этот же, конкретный прогноз развития отдельных субъектов и акторов МО должен интегрироваться, изначально, в одну из теоретически обоснованных моделей развития сценариев МО. В противном случае даже наличие огромного числа систематизированных фактов и данных не обеспечит условий для прогноза конкретного варианта развития МО.

2.3. АНАЛИЗ И ПРОГНОЗ КАЧЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ КОНКРЕТНОГО СУБЪЕКТА МЕЖДУНАРОДНОЙ ОБСТАНОВКИ ДО 2050 ГОДА

Стоит создать свою сетку координат (исследований. — *А. П.*), не бояться оказаться в сложном положении, когда речь заходит об обсуждении современной России …[59]

Т. Шаклеина,
профессор МГИМО

Взаимодействие субъектов на каждом из … уровней, а также между ними образуют структуру процесса политической борьбы[60]

М. Хрусталев,
профессор МГИМО

Продолжением логики исследования «от общего» (концепции развития МО и ее структуры) «к частному» является анализ и прогноз развития отдельного субъекта МО — ЛЧЦ, государства и нации, — который является традиционной внешнеполитической и дипломатической практикой. Более того, в прежние годы эта работа считалась единственной практикой внешнеполитическо-

[59] Введение в прикладной анализ международных ситуаций / под ред. А. Т. Шаклеиной. — М.: Аспект–Пресс, МГИМО–Университет, 2014.

[60] *Хрусталёв М. А.* Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. — М.: Аспект Пресс, 2015. — С. 67.

го анализа. И, действительно, анализ, и прогноз политики одного субъекта — наполеоновской Франции или гитлеровской Германии — во многом предопределял результаты анализа и прогноза развития всей МО в XIX и XX веках.

Ситуация резко изменилась во второй половине XX века, а тем более в XXI веке, когда другие факторы и тенденции формирования МО стали играть не только более значительную роль, но и стали в свою очередь сами влиять на политику ведущего субъекта МО. Так, анализируя перспективы развития военной мощи пяти ведущих стран мира (США, России, КНР, Китая и Франции) до 2030 года, журнал «National Interest» выделяет три основных фактора:

— доступность к технологическим ресурсам;
— наличие современных технологий;
— способность быстрого использования военных достижений технологий в интересах обороны.

Для нас, в России, важно, чтобы появилась возможность оценить влияние многих факторов на формирование МО, для чего изначально необходим анализ и прогноз каждого из них в отдельности по целому ряду показателей и критериев. При этом ни в коем случае нельзя ограничиться только количественными показателями, характеризующими этот субъект МО, — для целей исследований важнее не абсолютные, а относительные значения и политические (международные) последствия такого развития субъекта. Так, для нас не очень важно, сколько, например, стали будет произведено субъектом в будущем, но принципиально важно, во-первых, что из этой стали будет сделано (танки или тракторы), а, во-вторых, как это будет использовано и, в-третьих, как это повлияет на будущую МО.

В качестве примера сложной взаимозависимости различных фактов можно привести прогноз развития некоторых технологий до 2030 годов и их влияние на формирование МО в будущем, сделанный одним из создателей советской школы программирования профессором Валерием Медведевым. Он, в частности, пишет: «Что касается вполне очевидного противоречия между двумя моими тезисами: о том, что новый технологический строй будет сформирован и начнёт распространяться с территории США, обеспечивая им на ближайшее будущее привычную роль глобального лидера, и о том, что развитие нового технологического строя приведет к постепенному отмиранию государств и наций, — то должен заметить, что любой реальный процесс происходит в рамках столкновения двух противоположных тенденций, но колесо прогресса, в целом, катится вперёд, и, конечно, США, разбивая привычные границы национальных суверенитетов, готовят, в том числе и свою гибель как суверенного государства»[61].

Иными словами мировое технологическое лидерство США сохранит за ними роль глобального лидера, но одновременно приведет к подрыву суверенитета и государственности, что, в конечном счете, означает и угрозу идентичности.

Сказанное означает, что анализ состояния и перспектив развития отдельного субъекта МО, который всегда был классической основой анализа международной политики, сегодня уже недостаточен.

В качестве теоретической основы анализа и прогноза развития одного из субъектов МО выступает на первом этапе многофакторный анализ[62] самого этого субъекта, а на втором этапе — факторный анализ[63] этого субъекта среди всей группы этих субъектов, наконец, на третьем — многофакторный анализ всех основных четырех групп, формирующих будущую МО. Сказанное означает, что достаточно полный анализ, а тем более прогноз развития одного субъекта МО можно

---

[61] *Медведев В.* В загнивающей Америке готовится грандиозный технологический прорыв, который определит будущее человечества / Эл. ресурс: NewRezume. 2016. 7 мая.

[62] **Многофакторный анализ МО** — *зд.* метод, при котором рассматривается более двух факторов одновременно.

[63] **Факторный анализ МО** — *зд.* метод, применяемый для изучения взаимосвязей между значениями переменных. Предполагается, что известные переменные зависят от меньшего количества неизвестных переменных и случайной ошибки, а в один фактор объединяются сильно коррелирующие между собой переменные.

делать только поэтапно, как серию многофакторных анализов. Например, чтобы сделать анализ и прогноз развития такого субъекта МО, как Россия, нужно:

— на первом этапе — сделать факторный и многофакторный анализ самого субъекта — Российской Федерации — по максимально полному набору отобранных показателей — демографических, научно-технических, экономических, социальных и пр.;
— на втором этапе — анализ положения России во всей группе других субъектов, формирующих МО, т.е. среди всех (или большинства) государств: Россия–США; Россия–КНР; Россия–Македония и т.д.;
— на третьем этапе — анализ положения России во всей системе МО среди всех других факторов, которые формируют эту систему, т.е. среди международных акторов, влияния глобальных тенденций и т.д., так как все эти переменные величины будут влиять на состояние России.

Естественно, что на пути продвижения по всем этим трем этапам будет встречаться много трудностей, связанных, прежде всего, с социальным характером МО и влиянием множества других субъективных факторов на развитие этого субъекта, но, главное, с тем, что субъект МО (государство, актор) может быт только сложной системой, существующей в еще более сложной системе МО.

2.3. а). Системный анализ субъекта международной обстановки

> Я вовсе не хочу сказать о том, будто Pax Americana будет существовать бесконечно или даже ближайшую тысячу лет. Но о том, что именно в Соединенных Штатах Америки, а не где-либо еще, готовится грандиозный технологический прорыв, который определит будущее человечества, лично у меня никаких сомнений не возникает[64]
>
> *В. Медведев, профессор*

Прогноз развития МО, который «складывается» из прогнозов развития отдельных субъектов и акторов МО, как уже говорилось, носит многофакторный характер, но, одновременно, он и сам влияет на развитие этих субъектов. Таким образом, факторный анализ позволяет решить одновременно две проблемы: описать объект изменения (субъект МО) достаточно всесторонне и компактно в целях определения взаимосвязей между переменными. Обязательные условия факторного анализа:

— все признаки должны быть количественными (или приведены к ним);
— число наблюдений должно быть, как минимум, в два раза больше числа переменных;
— выборка должна быть однородна;
— исходные переменные должны быть распределены симметрично;
— факторный анализ осуществляется по коррелирующим переменным.

В нашем понимании, жестко детерминированная модель, имеющая более двух факторов, называется многофакторной. Именно такой многофакторной моделью является каждый из указанных выше трех этапов исследования — собственно субъект МО; группа отобранных (или всех) субъектов МО; вся система, образующая МО. При этом мы сохраняем системный и качественный характер исследования, опираясь на логику и метод сценарного прогнозирования развития МО.

В качестве очень упрощенной модели анализа конкретного субъекта МО предлагается модель, в которой учитываются как основные элементы политики конкретного субъекта МО, так и влияние

---

[64] *Медведев В.* В загнивающей Америке готовится грандиозный технологический прорыв, который определит будущее человечества / Эл. ресурс: NewRezume. 2016.

Рис. 2.22.

формирования МО. Ее основа — модель, предложенная еще в 80-е годы XX века профессором МГИМО М. Хрусталевым, которая, на мой взгляд, не потеряла своей актуальности и сегодня.

Как видно из этой модели, каждый из ее элементов является лишь условным обозначением целой группы факторов, подлежащих не только систематизации, анализу и конкретизации, но и изучению взаимосвязей с другой группой факторов. Это означает, что даже один субъект МО может и должен анализироваться под самыми разными углами зрения и под влиянием сотен и тысяч факторов.

На предлагаемом рисунке рассматривается три варианта развития модели субъекта МО в будущем в зависимости от степени влияния внешних факторов (группы «Б») и позиции правящей элиты (группы «Д»):

— «глобалистский»;
— «адекватный»;
— «изоляционистский».

Но на выборе вариантов развития могут сказаться и другие группы факторов, например, изменения в системе национальных ценностей, переоценка интересов (группа «А»), либо доступ к ресурсам и другим возможностям (группа «Г»). Причем, если подходить к анализу этих факторов добросовестно, то речь идет о серьезных исследованиях и анализе тысяч переменных. Достаточно сказать, например, что количество факторов внешнего влияния на политические цели одного субъекта МО измеряется сотнями и тысячами, а на всю группу субъектов МО, — соответственно — десятками тысяч акторов и тысячами различных международных тенденций, а также прочих переменных. Естественно, что эти факторы можно и нужно как-то систематизировать, укрупнить и группировать по степени их влияния.

Рассмотрим в качестве примера один конкретный субъект МО — «государство Х» — по состоянию на 2016 и 2030 годы[65]. Как видно из этого примера, для многофакторного анализа современного состояния одного субъекта МО («государства Х») на первом этапе требуется, как минимум[66]:

1. Количественный и качественный анализ всей совокупности его национальных интересов и ценностей (группа «А»), которые в самой простой форме, как минимум, делятся на:
   - личные;
   - групповые;
   - социально-классовые;
   - государственные;
   - национальные;
   - цивилизационные,

   а также разбиваются на:
   - краткосрочные;
   - среднесрочные;
   - долгосрочные.

   Кроме того эти интересы могут быть:
   - социальными;
   - экономическими;
   - финансовыми;
   - культурными и т.д.;

   Этот анализ должен быть системным, качественным и количественным, предполагающим исследование состояния этой группы факторов (системы ценностей и интересов) в 2016 году и прогноз их развития на 2030 год. Если попытаться представить его в форме матрицы, то такая (самая простая) матрица может иметь следующий вид: табл. 2.3.
2. Другой минимум анализа субъекта требуется для исследования национальных ресурсов и возможностей (группа «Г»), в том числе:
   - природных;
   - материальных активов (ВВП, зарубежные активы и пр.);
   - национального человеческого капитала;
   - общественных;
   - культурных и др.;
3. Третья группа факторов, подлежащих анализу, представляет собой влияние внешних сил (группа «Б») — прежде всего государств, международных институтов, коалиций и т.д., а также таких факторов, как:
   - природные ресурсы;
   - транспортные коридоры;
   - климатические и др.
4. Наконец, четвертая и пятая группы факторов (группы «В» и «Д»), подлежащих анализу, представляют собой правящие элиты и общество и понимаемые ими цели и задачи, стоящие перед данным субъектом МО.

Таким образом, только после изучения всех этих групп факторов, в их взаимосвязи, характеризующих состояние субъекта МО, можно попытаться прогнозировать их развитие, а также развитие этого конкретного субъекта на перспективу:

- краткосрочную (до 1–2 лет);
- среднесрочную (5–7 лет);
- долгосрочную (10 и более лет).

---

[65] *Подберезкин А. И.* Военные угрозы России. — М.: МГИМО–Университет, 2014.

[66] Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А. И. Подберезкина. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — С. 553–582.

Таблица 2.3. Матрица системы ценностей и интересов субъекта «X» в 2016 году

Тип ценности и интереса (потребности)	Область потребности / интерес	Время	Другое
Цивилизационный	экономический	долгосрочный	
		среднесрочный	
	экологический		
	социальный		
	биологический		
	др.		
Национальный	**экономический**		
	безопасности		
	социальный		
	экологический		
	др.		
Социально-классовый			
Групповой			
Личный			

Как показано на рисунке, в зависимости от субъективного фактора — адекватности правящей элиты, ее профессионализма, амбициозности и пр. — возможно развитие этого субъекта МО по нескольким сценариям, учитывающим, кроме того, особенности международной обстановки и национального развития (варианты «А», «Б и «В» в нашем примере). Применительно к СССР в 1930-е годы споры между «сталинистами», или «троцкистами» и «правыми», в конечном счете, привели к выбору варианта «В». С долей условности можно сказать, что в 2014–2016 годах в России также был сделан выбор в пользу этого, «импортозамещающего» варианта, хотя споры ведутся и будут вестись еще долго.

Таким образом можно сделать вывод о том, что стратегический прогноз развития того или иного субъекта МО на первом этапе исследования должен основываться прежде всего на многофакторном анализе его базовых факторов, а именно:

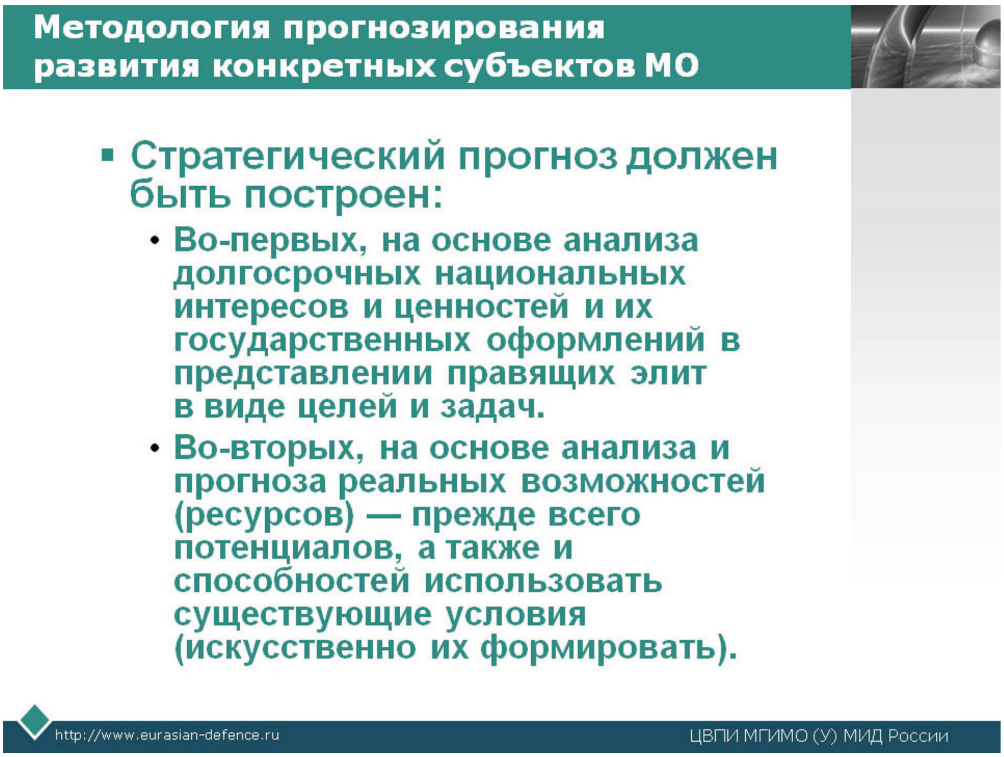

Рис. 2.23.

Эти действия, подчеркну, относятся только к самому первому этапу исследования субъекта МО, конечной целью которого является определение его состояния и прогноз его развития именно как одного из субъектов МО. Это означает, что, как минимум, на втором этапе многофакторного анализа требуется рассмотреть состояние этого субъекта МО среди всех остальных субъектов МО (ЛЧЦ, наций и государства), а также сделать стратегический прогноз их развития относительно друг друга. Это можно продемонстрировать на простой матрице.

Состояние и прогноз развития всей группы субъектов МО до 2030 года

Субъекты МО	Область сопоставления	Состояние в 2016 г.	Прогноз до 2030 г.
«Государство «х»	численность населения	300 млн	350 млн
	ВВП	15 трлн долл.	25 трлн долл.
	ВС и ВиВСТ	1,5 млн чел. — 100 самолетов	0,7 млн — 1000 самолетов
	качество НЧК (индекс)	0,75	0,82
«Государство «у»	?	?	?
	?	?	?

Этот анализ состояния всей группы субъектов МО (порядка 200 государств) и перспективы их развития в абсолютных величинах важно дополнить оценками относительно одних государств к другим, что имеет важнейшее значение для оценки соотношения сил. В конечном счете, мы должны получить оценку состояния и прогноз развития нашего конкретного субъекта МО относительно всех других субъектов МО (не только государств, но и ЛЧЦ и их коалиций).

2.3. б). Влияние международной обстановки на развитие субъекта международных отношений

Чтобы эффективно лидировать в мире… Соединенные Штаты должны сохранять верность нашим ценностям дома и продвигать всеобщие ценности за рубежом[67]
Стратегия национальной безопасности США

Анализ и стратегический прогноз развития субъекта МО предполагает также изучение влияния внешних факторов — глобальных тенденций, других субъектов и акторов МО — на данный субъект МО, которые могут обеспечить либо благоприятные, либо неблагоприятные условия его развития. Смысл внешней политики любого государства, в конечном счете, заключается в обеспечении максимально благоприятных условий для развития этого государства, нации или ЛЧЦ, что не раз фиксировалось в основополагающих документах КПСС, Советского государства и современной России. Естественно, что правящие элиты государств очень по-разному представляют себе эти «благоприятные условия». Так, если для России — это традиционные благоприятные условия социально-экономического развития, то для США — это «новый мировой порядок, который и впредь будет отражать наши интересы и ценности»[68].

На третьем этапе анализа субъекта МО для нас важно выяснить влияние других групп внешних факторов (группа «Б») на состояние и перспективу развития этого субъекта. Прежде всего, международных акторов, глобальных тенденций и человеческого капитала. Именно взятые все вместе все эти группы факторов и создают в основных чертах МО и определяют перспективу ее развития.

Главное в методологии анализа развития отдельного субъекта МО и ВПО заключается не только в том, что такому анализу подвергается огромное число факторов, влияющих на этого субъекта, но и других факторов, формирующих МО в мире и в регионе, а также десятки наиболее важных отдельных тенденций, существующих в мире[69].

Следует повторить, что анализ интересов, целей, задач и ресурсов каждого конкретного субъекта и актора МО требует, естественно, огромных затрат — только больших субъектов МО насчитывается несколько сотен, а акторов — несколько тысяч. Если каждый из таких субъектов МО рассматривается только по основным параметрам, то даже это может составить в итоге десятки тысяч показателей, причем большинство из них будет переменными, а еще большее количество — неточных, динамично меняющихся, приблизительных, а иногда и сознательно искаженных. При этом просто анализ и прогноз субъектов МО недостаточен. Требуется анализ всех этих факторов и тенденций в их взаимосвязи, взаимовлиянии и взаимодействии. Так, уж говорилось, что технологическое лидерство США, в т.ч. их лидерство в расходах на НИОКР в мире, ведет к сохранению до 2030 года их глобального лидерства, с одной стороны, но разрушению их суверенитета, — с другой[70].

Таким образом, в отличие от прежних методов анализа того или иного субъекта МО, когда изучались в лучшем случае десятки факторов (ВВП, численность населения, территория, качество и количество ВС, ВиВТ), современный анализ предполагает, исследование большинства субъектов МО по тысячам параметров и критериев. В частности, один из тысяч субъектов и акторов МО — государство или организация, — должен быть проанализирован по тысячам параметров, включая переменные величины. Кроме того (что не менее важно) должны быть:

- рассмотрены взаимосвязи этого субъекта с другими субъектами ВПО и акторами, включая международные организации, коалиции, союзы;
- проанализировано влияние основных мировых тенденций, например, в области замещения углеводородов другими источниками топлива;

---

67 National Security Strategy. National Security Strategy. — Wash.: GPO, 2015. February. — P. 1.
68 Там же. P. 2.
69 *Подберезкин А. И.* Военные угрозы России. — М.: МГИМО–Университет, 2014.
70 World Military Balance 2016 исследовательского института International Institute for Security Studies (IISS).

Рис. 2.24.

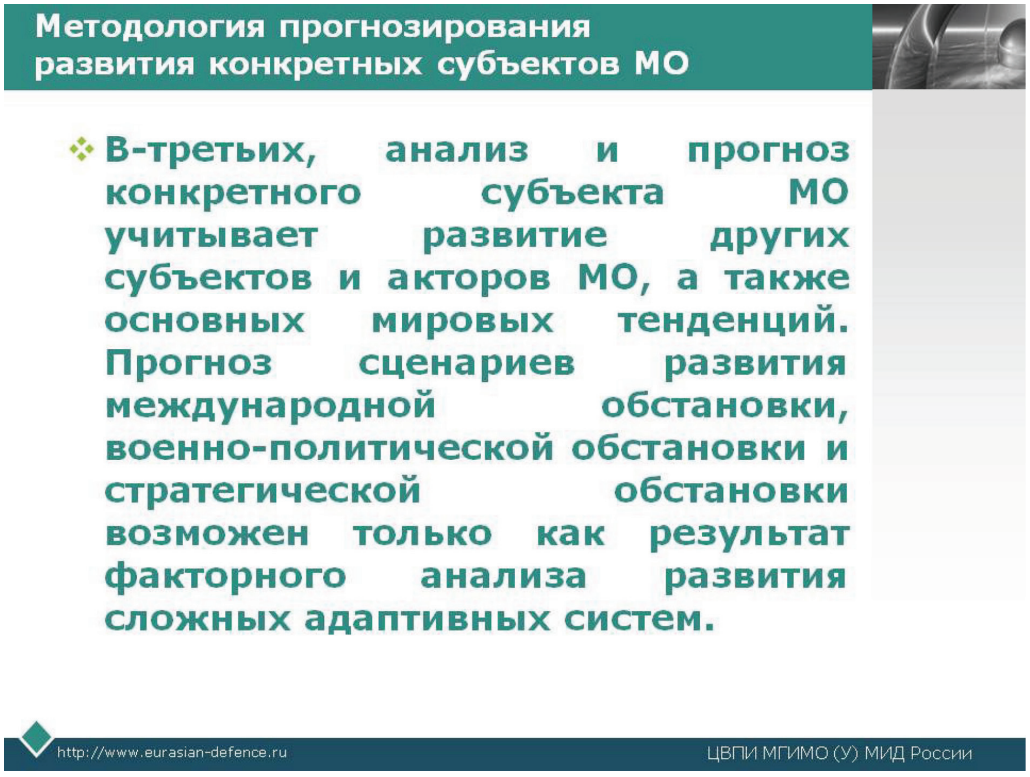

Рис. 2.25.

— рассмотрены возможности будущих качественных изменений и новых парадигм в развитии МО и ВПО.

Но задача анализа субъекта или МО значительно осложняется, при необходимости анализа конкретной МО в отдельном регионе планеты (даже если в их формировании участвуют не тысячи и сотни субъектов и акторов, а десятки). Прежде всего, потому, что «региональный срез» (или театр) — очень субъективен и подвержен влиянию множества внешне незаметных переменных, которые не всегда учитываются в большой политике. В качестве примера можно привести сложившуюся летом 2016 года МО вокруг Арктики, в которой непосредственно участвуют не только арктические государства и претендующие на освоение Арктики страны, но фактически в той или иной степени все члены ООН.

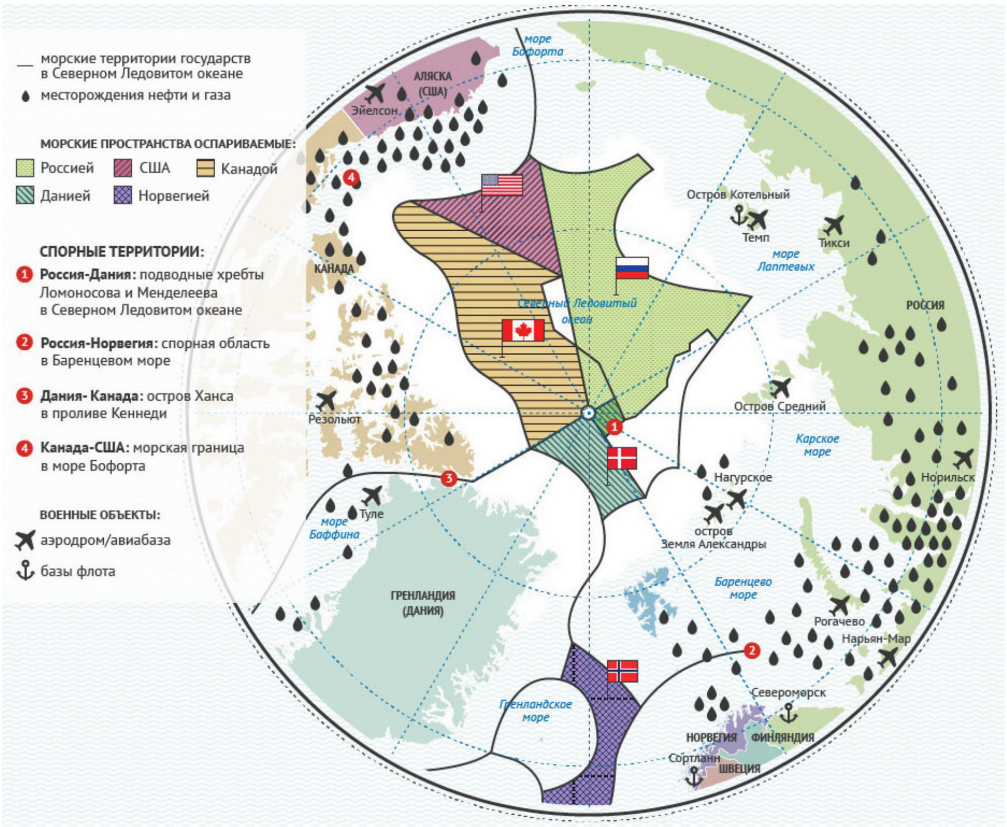

Рис. 2.26.

Методология прогнозирования развития конкретных субъектов МО

Простые системы	Сложные системы	Пример ВПО
Незначительное число агентов	Множество агентов (для ВПО и СО – десятки тысяч субъектов)	Все государства, международные правительственные и неправительственные организации и институты, частные военные компании, социальные сети и т.д.
Незначительное число взаимодействий	Множество взаимодействий (десятки тысяч)	Постоянно увеличивающееся количество взаимодействий
Централизованное принятие решений	Децентрализованное принятие решений	При отсутствии глобального государства ВПО децентрализовано
Возможна декомпозиция	Несводимость к отдельным компонентам	Состояние ВПО не сводится к политике отдельных агентов ВПО
Замкнутые системы	Открытые системы	ВПО – открытая система, т.к. обменивается информацией и ресурсами со своей средой (ЧЦ, МО и т.д.)
Статические системы	Динамические системы	ВПО – динамическая система
Стремление к устойчивости	Неустойчивые	Силовое равновесие в ВПО часто меняется

http://www.eurasian-defence.ru ЦВПИ МГИМО (У) МИД России

Рис. 2.27.

Очевидно, что подход к анализу МО и ВПО в этом регионе будет определяться во многом имеющимися у субъектов МО возможностями — временем, информацией, вычислительными мощностями, ПО и т.д. В несколько упрощенном виде это показано в следующей матрице, иллюстрирующей сравнение прогноза простых и сложных систем (рис. 2.7).

В настоящее время считается, что практически возможно создание таких моделей, где учитывались бы все эти десятки тысяч факторов и тенденции их развития в динамике, а также делались предположения относительно характера будущих парадигм. Это позволяет во многом преодолеть трудности анализа МО и ВПО, связанные с их развитием, прежде всего непредсказуемостью и уникальностью.

Огромное влияние субъективных факторов, прежде всего качества принимаемых решений, на развитие конкретных ситуаций, в первую очередь конкретной ВПО и СО, предопределяет вывод о том, что в таких конкретных примерах невозможно предусмотреть развитие всех конкретных сценариев. Другими словами качество непредсказуемости развития конкретных ситуаций должно быть обязательно учтено.

2.4. ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ И ПРОГНОЗ ВЛИЯНИЯ СУБЪЕКТОВ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОБСТАНОВКИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ВЕРОЯТНЫХ СЦЕНАРИЕВ РАЗВИТИЯ

Человеческая история — это история цивилизаций[71]
С. Хантингтон,
политолог

Главным противником англосаксов на пути к мировому господству является русский народ… Хуже борьбы с англосаксами может быть только дружба с ними[72]
А. Едрихин (Вандам)

В основе любого политического анализа и прогноза находится фундаментальный анализ интересов (потребностей) и системы ценностей того или иного субъекта МО. Этот тезис в полной мере относится и к анализу и прогнозу международной и военно-политической обстановки. Прибегая в очередной раз к логической модели политического процесса, мы можем говорить о том, что существует четкая последовательность (этапность) такого анализа и прогноза политики любого субъекта МО, которая выражена в следующем алгоритме, вытекающем из соответствующей модели.

2.4. а). Модель и алгоритм фундаментального анализа и прогноза международной обстановки

Современный мир характеризуется существенным усилением хаотизации мировой политики. Непредсказуемость в этой сфере становится сегодня выше, чем в экономике[73]
Я. Новиков,
Генеральный директор АО «Концерн ВКО „Алмаз-Антей“»

Модель МО и последовательность действий по анализу имеют принципиальное значение потому, что как это ни покажется странным, но в политической науке нет устоявшейся парадигмы

[71] *Хантингтон С.* Борьба между цивилизациями / Вызовы и ответы. Как гибнут цивилизации / А. Тойнби, С. Хантингтон. — М.: ООО ТД «Алгоритм», 2016. — С. 177.

[72] *Вандам (Едрихин) А. Е.* Геополитика и геостратегия. — М.: Кучково поле, 2002. — С. 5.

[73] *Новиков Я. В.* Вступительное слово // Стратегическое прогнозирование международных отношений: кол. монография / под ред. А. И. Подберезкина, М. В. Александрова. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — С. 9.

ни модели и сценария развития МО и ВПО, ни модели политического процесса, ни последовательности действий при анализе и стратегическом прогнозе политики того или иного субъекта или актора МО.

Нередко мы встречаем не только в СМИ, но и в научной и политической литературе самые разные подходы к анализу МО, в том числе и лишенные мало-мальски научного обоснования.

В нашей работе мы исходим из необходимости формализации и построения логических моделей политического процесса, развития системы и МО–ВПО в самых разных обстоятельствах.

Для наглядности напомню еще раз ее составляющие элементы и взаимосвязи (рис. 2.28).

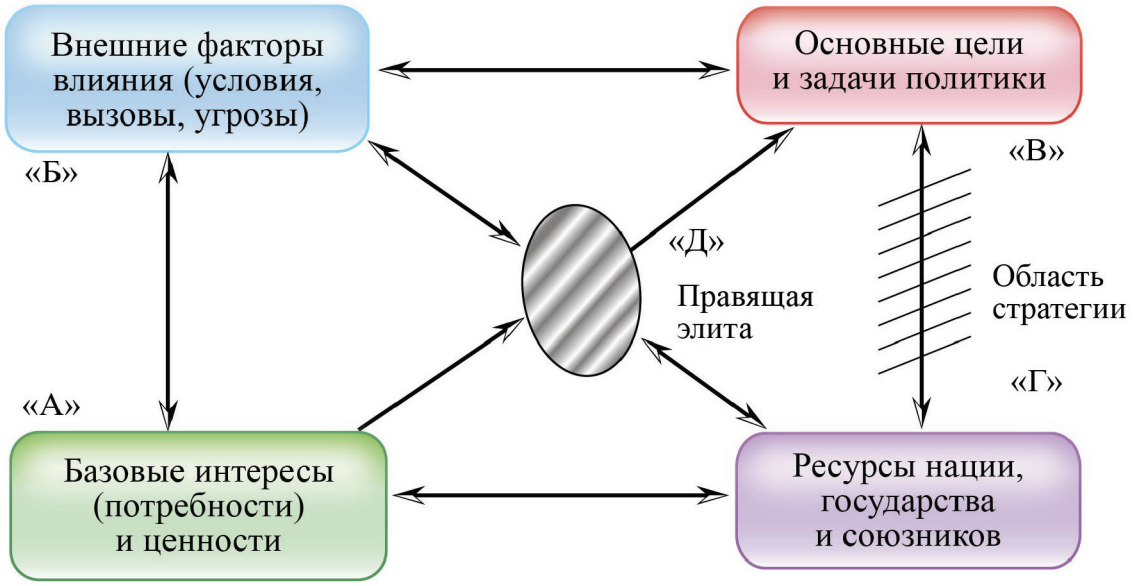

Рис. 2.28. Модель политического процесса субъекта МО как основа для фундаментального анализа его политики

Из предлагаемой модели вытекает жесткая последовательность анализа и прогноза политики субъекта МО, которая состоит из следующих основных этапов и выглядит следующим образом:

I этап Анализ состояния и прогноз развития национальной системы ценностей и интересов (потребности) (группа факторов «А»);

II этап Анализ состояния и прогноз развития представлений правящей элиты о политических целях и задачах (группа факторов «В»);

III этап Корректировка политических целей правящей элиты с учетом возможностей и ресурсов (группа факторов «Г»);

IV этап Корректировка политических целей правящей элиты с учетом внешнего влияния (МО, ВПО и политики других субъектов и акторов).

При этом важно подчеркнуть последовательность анализа и прогноза, невозможность «перескакивания через этапы», которая ведет к нарушению алгоритма фундаментального анализа. Так, нередко встречается анализ и прогноз, основанный либо только на рассмотрении:

— собственно качеств правящей элиты (группы факторов «Д»), ее пристрастий, настроений и пр.;
— либо на анализе сформулированных политических целей и задач, которые, как правило, формализуются во внешних документах;
— либо на анализе и прогнозе существующих и будущих ресурсов;
— либо на абсолютизации влияния внешней среды и всей МО и ВПО[74].

[74] См. подробнее: Стратегическое прогнозирование международных отношений: кол. монография / под ред. А. И. Подберезкина, М. В. Александрова. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — 743 с.

Все эти методы исследования вполне допустимы, но только после проведенного фундаментального, качественного и количественного анализа объективных факторов:

— системы ценностей;
— интересов (потребностей);
— истории, развития и состояния.

Именно в результате проделанного анализа на всех четырех этапах политики того или иного субъекта или актора МО может сложиться модель, которая будет уточняться и конкретизироваться с помощью самых различных методов. Более того, несколько адекватных моделей политики основных субъектов и акторов, формирующих в принципе современную МО, могут послужить основой для создания того или иного сценария развития МО и ВПО. Таким образом, правильная (адекватная) модель политики того или иного субъекта МО и добросовестный анализ главных факторов, участвующих в ее формировании, позволяют, на мой взгляд, создать некий набор предполагаемых вариантов развития того или иного сценария МО и ВПО, который может стать логической моделью развития МО и ВПО на перспективу. Эта модель, однако, требует проверки, уточнения и конкретизации с помощью различных методов, которые помогут конкретизировать и проверить соответствие модели реальным условиям развития МО–ВПО.

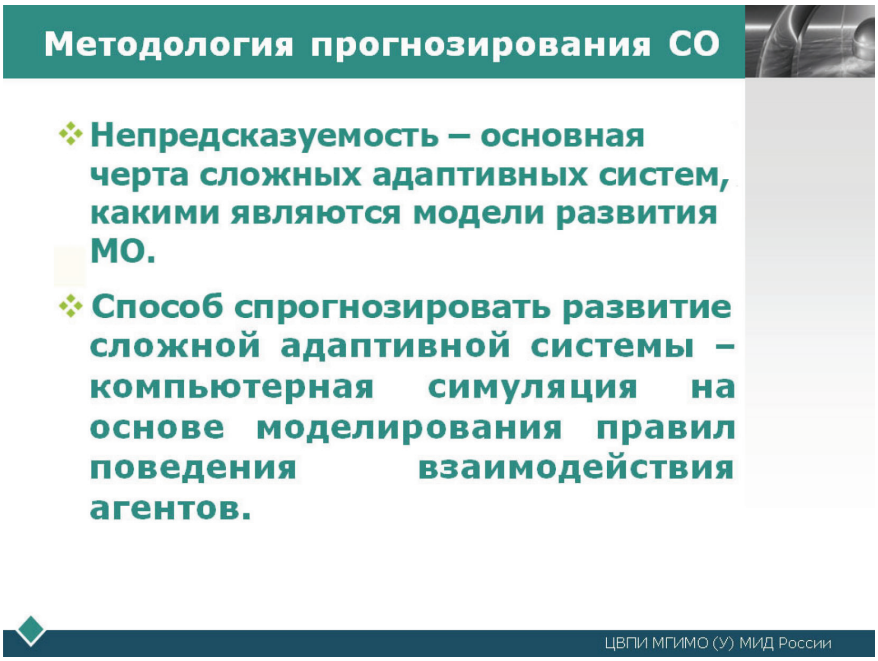

Рис. 2.29.

Особенно важна эта методика анализа политики субъекта МО, основанная на анализе ценностей и интересов, в связи с тем, что в XXI веке уже не существует фактически одного единого центра силы, предопределяющего ход развития МО и будущую ВПО в своих основных чертах: требуется фундаментальный анализ интересов и ценностей всех основных (а лучше всего — всех) субъектов МО: ЛЧЦ, коалиций, государств и акторов. Ликвидация этой заданности, когда исследуется интерес «гегемона», неизбежно ведет к умножению возможных вариантов развития МО и ВПО и их по сути бесконечной мультипликации в развитии многочисленных и непредсказуемых вариантов СО, войн, конфликтов[75]. На практике это означает, что с высокой степенью вероятности можно как-то прогнозировать развитие того или иного возможного будущего сценария МО

[75] Долгосрочные сценарии развития стратегической обстановки, войн и военных конфликтов в XXI веке: аналитич. доклад / А. И. Подберезкин, М. А. Мунтян, М. В. Харкевич. — М.: МГИМО, 2014. — С. 37–39.

и его вариантов (если будет выбрана адекватная методика и сделаны расчеты по десяткам тысяч параметров), но значительно труднее, практически невозможно, предположить развитие того или иного варианта ВПО, а тем более СО или войны. Поэтому влияние сценариев ВПО и СО на развитие того или иного субъекта — ЛЧЦ, нации, государства или актора МО — можно только предполагать в самых общих чертах в качестве некой тенденции.

Иными словами фундаментальный анализ интересов (потребностей) и систем ценностей субъектов и акторов МО позволяет:

— относительно вероятно выстроить модель политики этих субъектов, учитывающую как объективные факторы (внешнее влияние, наличие ресурсов), так и субъективные факторы (качество элиты, ее представления и формализованные политические цели);
— вытроить существующую и спрогнозировать будущую модель сценария развития МО и его наиболее вероятные варианты;
— предположить наиболее вероятные варианты развития ВПО, вытекающие из вариантов МО;
— в самом общем виде дать представление о частных аспектах развития ВПО–СО, войн и вероятных конфликтов.

Для уточнения и конкретизации этих аспектов политики субъектов и акторов МО потребуются дополнительные методы исследования. Прежде всего, метод системного анализа, при котором используются одновременно несколько конкретных методик (иногда — даже десятки методик), разработанных для анализа и прогноза конкретных ситуаций. Так, формирование новых центров силы в мире — БРИКС, ШОС, ЕАЭС, ТАП или ТТП и др. — можно прогнозировать в качестве долгосрочной тенденции, но оценить их влияние на конкретные субъекты МО — уже становится гипотетической задачей, которая требует множества допущений. Например, влияние БРИКС и отдельных стран этого клуба можно оценивать не только по будущей совокупной мощи стран-участниц этого клуба, но и по потенциальной мощи созданного ими и другими странами Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, где доли учредителей существенно отличаются друг от друга.

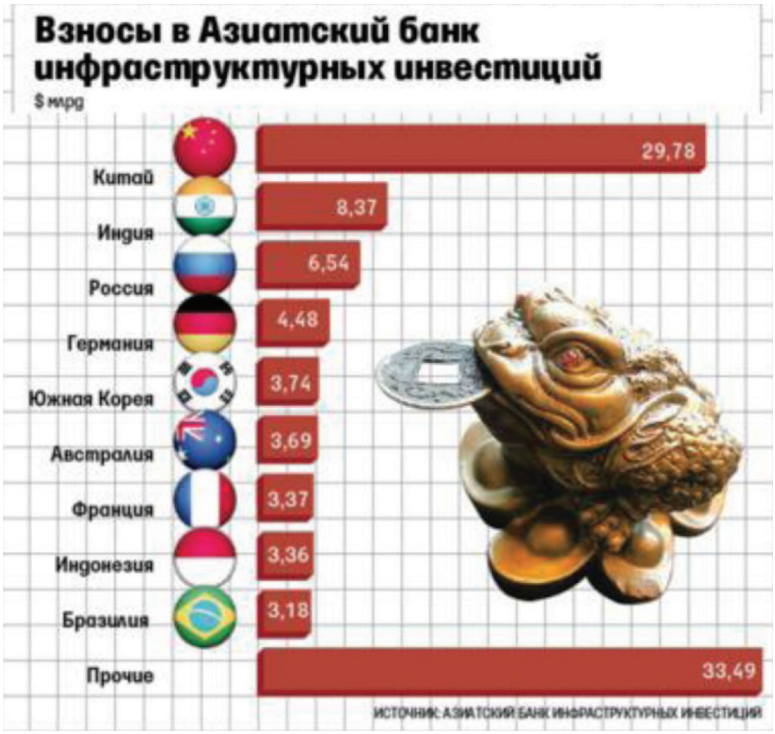

Рис. 2.30.

Особенно важное значение имеет фундаментальный анализ для стратегического прогноза будущего развития того или иного субъекта МО, когда важна не только оценка его будущего потенциала (о чем все, как правило, помнят), но и анализ его долгосрочных интересов и систем ценностей, и их интерпретация в политических целях и задачах, которая может быть формализована, например, в подробной матрице. При этом следует изначально отметить, что «заполнение» каждого из этих элементов матрицы может быть очень разным по своей глубине. Так, интересы (и их анализ) можно ограничить, например, только интересами ЛЧЦ, нации, государства, правящей элиты, отдельной социальной группы и др., выделив отдельно:

- цивилизационные;
- национальные;
- государственные и т.д., но можно также их расширить, добавив:
  - интересы локальной цивилизации;
  - коалиционные;
  - классовые;
  - групповые, личные и т.д., что, естественно сделает анализ интересов, влияющих на формирование ВПО и СО более полным и точным.

Анализ интересов (потребностей) и ценностей можно еще больше уточнить, если конкретизировать их по времени («до настоящего времени», «современные», «краткосрочные», «среднесрочные», «долгосрочные» и т.д.), или по какой-то области: политические, экономические, военно-стратегические и т.д.[76]

Фундаментальный анализ интересов субъекта (актора) МО и ВПО

Наименование интереса / в порядке приоритетности (потребность субъекта МО)	Конкретизация по специфике	Определение интереса (потребности) по времени		
		н/вр.	Среднесрочная перспектива	Долгосрочная перспектива
— глобальный интерес;	— экономический;			
	— ресурсный;			
	— общечеловеческий;			
	и т.п.			
—интерес ЛЧЦ;	— …			
	— …			
	— …			
— национальный интерес;	— …			
	— …			
— государственный интерес;				
— классовый (социальный) интерес;				
— интерес специальной группы;				
— интерес корпорации (группы)				
— личный				

[76] Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А. И. Подберезкина. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — С. 66–76.

Очевидно, что чем подробнее происходит разделение и анализ в матрице различных интересов, тем более точным видится доминирующий интерес. К сожалению, в России часто такой анализ упрощается до двух-трех «интересов» («республиканцев-демократов» — в США, например), что фактически дискредитирует весь анализ и прогноз, а иногда и просто игнорируется.

В конечном счете, конкретизация и детализация этого метода будет зависеть не столько от теоретических трудностей, сколько от признания его значения и имеющихся ресурсов — прежде всего, времени, информации, качества и количества людей и др. факторов.

2.4. б). Этапы стратегического прогнозирования парадигм развития субъектов международной обстановки

… теория международных отношений и развития МО применительно к анализу и прогнозу парадигм выглядит не только неизученным подходом, но даже сомнительным, а иногда и антинаучным[77]

А. Подберезкин,
профессор МГИМО

…когда я читаю… о скором «закате Америки» … мне становится даже не смешно, а грустно — насколько неглупые и вроде бы даже информированные люди готовы принимать желаемое за действительное[78]

В. Медведев,
один из основателей советской школы программирования

Самое трудное в стратегическом прогнозировании определить даже не перспективы развития существующих, а появление принципиально новых парадигм. Так, развитие парадигмы «роботизации» неизбежно приведет к 2030 годам к массовому явлению полностью автоматизированных производств в экономике и к возможному исчезновению «промышленного пролетариата» (которому еще 100 лет назад предсказывали будущее «гегемона» — в социальной области.

В периоды «фазового перехода» (смены парадигм) стратегический прогноз имеет исключительно важное значение. Так, при самом поверхностном прогнозе (распространенном сегодня) будущее МО определяется новыми центрами силы — КНР, Индией, Бразилией и др. странами, хотя существует и другой взгляд, а именно: будущее определяется развитием и контролем новейших технологий и их носителей (США, кстати, к 2016 году скупили 5 млн талантливых ученых).

Важно также понимать, что прогнозирование развития субъекта МО может быть, разделено по времени, по этапам, но не разорвано в своем едином процессе. Банальная истина проста: прогноз должен быть следствием развития предыдущего, но не его механическим продолжением (рис. 2.31).

Эти общие правила, однако, в политической жизни не действуют в силу влияния субъективных обстоятельств. Во всяком случае, в России, где политический курс меняется недопустимо быстро[79].

В действительности можно предположить, что не только долгосрочное прогнозирование, но и среднесрочное и даже краткосрочное, должны строиться на основе нелинейного системного анализа и постоянного мониторинга всех факторов и тенденций, влияющих на формирование МО

---

[77] Современная международная обстановка: цивилизации, идеологии, элиты / А. И. Подберезкин, В. Г. Соколенко, С. Р. Цырендоржиев. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — С. 85.

[78] *Медведев В.* В загнивающей Америке готовится грандиозный технологический прорыв, который определит будущее человечества / Эл. ресурс: NewRezume. 2016. 5 июля / http://newrezume.org/news

[79] Это отчетливо выражено в документах стратегии национальной безопасности России. См. например: Проект долгосрочной стратегии национальной безопасности России с методологическими и методическими комментариями: аналит. доклад / [А. И. Подберезкин (рук. авт. кол.) и др.]. — М.: МГИМО–Университет, 2016. Июль. — 86 с.

Рис. 2.31.

и ВПО (а также при необходимости конкретную реализацию СО). Так, невозможно экстраполировать будущее качество и количество ВиВТ, исходя только из имеющихся сегодняшних данных, которые свидетельствуют о быстрой смене поколений ВиВТ, с одной стороны, и удлинением их срока службы, — с другой. Экстраполяция в развитии военных потенциалов может привести к серьезным, даже радикальным ошибкам. Поэтому ее использование в стратегическом прогнозе развития ВиВСТ — должно быть очень ограничено. Это хорошо видно на примере развития основных военных систем в США, срок службы которых (несмотря на будущее мнение) возрастает, а не сокращается (рис. 2.32)[80].

Как видно из графика, средний срок службы ВиВСТ в США (за исключением САУ) увеличился с 5 лет в 1990 г. до 15 лет в 2005 г., а некоторые виды и системы ВиВТ, находящиеся на вооружении сегодня, в 2016 году, будут на службе еще и в 2050-е и даже 2060-е годы. Более того, некоторые системы, создаваемые сегодня, — вплоть до конца XXI века. В то же время некоторые виды и системы оружия могут вообще неожиданно «исчезнуть» в короткие периоды, а некоторые, — наоборот, «вдруг» появиться. Причем речь может идти о принципиально новых системах ВТО, ударных беспилотниках и пр., которые могут повлиять на всю ВПО в мире. Поэтому применительно к экстраполяции в развитии ВиВСТ следует относиться очень осторожно.

Это говорит в пользу того, что необходимость выбора логической и теоретической основы для анализа, а тем более стратегического прогноза развития субъекта МО, не вызывает сомнений. Даже сам этот выбор покажется не обоснованным. Одним эмпирическим анализом не обойдешься. Тем более что отсутствие фундаментальной основы для прогноза развязывает руки для субъективных представлений, которые не только не обоснованы, но и могут носить заведомо безответственный характер. Более того, известные долгосрочные прогнозы развития МО, в которых отсутствует логическая, избранная для анализа концепция и модель, оказываются, в конечном счете, не просто бесполезными, а преступными. Их авторов спасает только забывчивость читателей и власти.

[80] Congressional Budget Office based on data from the Department of the Army // «The Congress of the United States, Congressional Budget Office. The Army's Future Combat Systems Program and Alternatives». — С. 10.

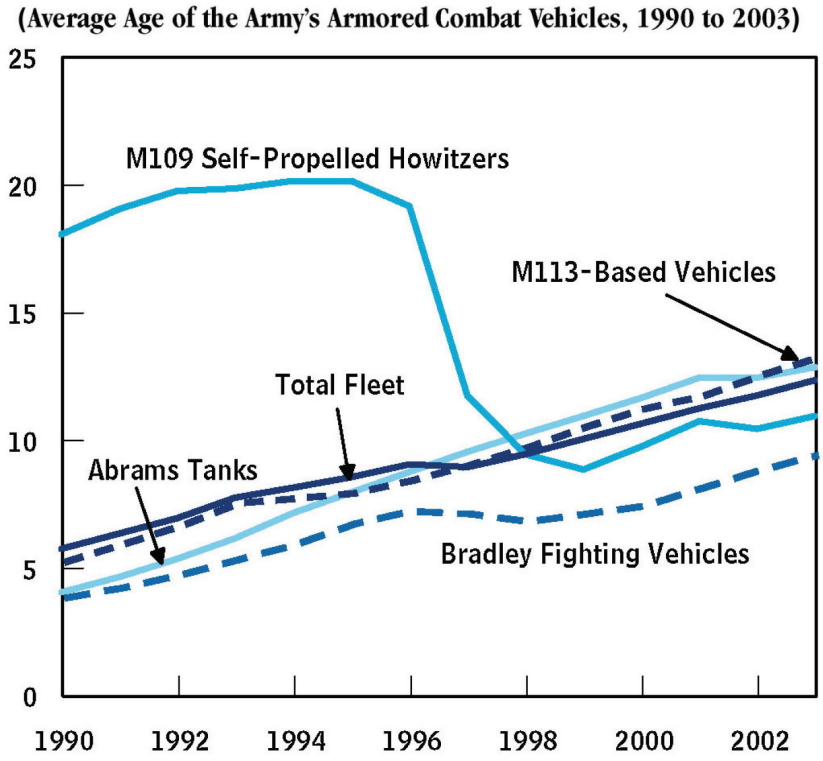

Рис. 2.32. Средний возраст (в годах) боевых средств Армии США

Выбор той или иной концепции и модели анализа и прогноза развития субъекта МО означает для политики и исследователя полный (или, как минимум, частичный) отказ от других концепций и моделей, а кроме того вызывает немедленную критику со стороны «теоретиков» и «методологов». Иногда тех, кто испытывает потребности в реализации амбиций или просто получения выгоды. Иными словами, отсутствие концепции позволяет развиваться безответственности. Это — главная причина, почему в долгосрочных моделях и концепциях, как правило, отсутствуют логические и теоретические определенные основы, либо они представлены настолько абстрактно, что становятся, очевидно, бесполезными для практических нужд.

Вместе с тем для практических политических целей нужна именно прикладная модель и прогноз сценария или варианта развития МО или ВПО. В конечном счете, такой сценарий (и его вариант) может быть и даже наверняка будет единственным. И этот единственный вариант должен быть максимально близок к реальному, потому, что именно на него ориентируются при стратегическом планировании. Этот вывод важно подчеркнуть особо: реальность развивается параллельно только в фантастических романах, либо в еще неосознанной нами действительности. Для практики, «жизни» существует один, реальный, реализуемый сценарий, который (в крайнем случае) может предполагать развитие по двум вариантам в действительности. Поэтому ценность прогноза заключается в определении не только возможных сценариев, но и их наиболее вероятного конкретного варианта[81].

Отдельно следует сказать об информационно-когнитивном влиянии на развитие субъекта МО и прогноз его роли в будущем. Практическое значение в этом случае «правильной теории» и выбор конкретного, прагматически определенного сценария развития МО, крайне велико из-за усиления политики искусственного создания «виртуальной реальности» в политической

[81] *Подберезкин А. И.* Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015.

области, в частности в формировании МО, с помощью мощных средств западной ЛЧЦ, которая ведет к сознательной дезинформации и попыткам дезориентировать лиц, принимающих политические решения. Представляется, что дело тут не в простой субъективности оценок, свойственных, когда речь шла о международных отношениях, войнах и конфликтах (а также рыбалке, охоте, любви и т.д.), а о сознательном искажении действительности, политике дезинформации, создания искаженной реальности, которая генералами сетецентрической войны и выдавалась за саму реальность. Иначе говоря, нужный сценарий МО и роль того или иного субъекта МО–ВПО сначала придумывается, «прописывается», создается искусственно в информационном пространстве, а потом под него «подгоняется» действительность[82]. Так, например, в прогнозе американской компании «Стратфот» до 2050 года, сделанном в 2016 году, Польше отводится роль мировой сверхдержавы «От Балтики до Черного моря», Украина — перестает существовать, а Россия делится на отдельные регионы.

Роль СМИ и институтов НЧК в таком придуманном искусственно сценарии МО совершенно изменилась. Из средств информации они сознательно превращаются в инструмент дезинформации и создания ложной виртуальной реальности, т.е. средства войны. Более того, СМИ превращались в случае реализации такого сценария СО, по «созданию ложной реальности», в «прикладное» средство вооруженной борьбы. Такое же, даже более важное и эффективное, чем артиллерия, танки и авиация[83].

Эта тенденция в основном осталась незамеченной для многих в России, где к СМИ по-прежнему относились как к «средствам объективного информирования общественности». Более того, такая недооценка привела к искажению восприятия реалий в российской правящей элите. Так, вплоть до второго десятилетия XXI века не только в высказываниях официальных лиц, но и в основополагающих нормативных документах — Концепции внешней политики, Стратегии национальной безопасности, Военной доктрине России и др. — говорилось о «благоприятной» и даже «уникально благоприятной» внешнеполитической обстановке. То, что эта МО и ВПО радикально изменились не в пользу России еще в 90-е годы, — не признавалось потому, что интересы не позволяли признавать реальность, а трансформация безопасности России в абсолютную уязвимость — сознательно не замечалась. Вплоть до конца 2014 года оценки и прогнозы ученых РАН, например, отличались благозвучием. Соответственно и оценка, и анализ России, как субъекта МО, была неверной. Более того, трагично ошибочной. Иными словами, будущие ложные парадигмы (при отсутствии внятно обоснованной концепции и модели развития МО) вводили заведомо в заблуждение.

Противодействовать такому информационно-политическому искажающему влиянию обязательно и необходимо в информационном поле, немедленно, но отнюдь не старыми информационными методами: опыт бесконечных дискуссий по поводу России и Украины как субъектов МО показал, что «чистая» информация и журналистика уже не могут достичь поставленных целей, если нет теоретической, логической и концептуальной моделей, объясняющих суть происходящих событий. Нагромождение фактов, даже самых убедительных, отнюдь не означает получение убедительного результата. Нужна теоретически обоснованная, аргументированная концепция, объясняющая всю цель событий, последствий и возможных негативных событий в будущем для того или иного субъекта МО.

---

[82] *Подберезкин А. И.* Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — С. 27–54.

[83] *Подберезкин А. И.* Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015.

2.5. НОВЫЕ МОДЕЛИ[84] И АЛГОРИТМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ[85] ЛОКАЛЬНЫХ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ И ГОСУДАРСТВ В XXI ВЕКЕ

Совершенное состояние глобальной безопасности — наиболее непредсказуемое за все время моей 40-летней службы. С момента последней публикации Военной стратегии (США. — *А. П.*) в 2011 году, мировой хаос существенно усилился…[86]

Э. Картер,
министр обороны США

… по истечении переходного периода, длившегося около двух–трех лет, после распада СССР, в мире утвердился новый международный порядок. Мир приобрел вид структуры, полюсом которой являлась «Группа восьми», внутри которой США играли довольно авторитарную роль[87]

Т. Шаклеина,
профессор МГИМО

Необходимость создания и совершенствования более эффективных стратегий и программ обеспечения национальной безопасности стала очевидной уже в начальный период информационной революции. Именно в начале 1950-х годов в мире был дан мощный толчок исследованиям в области социальной политики и политики безопасности, появилось великое множество официальных «полуофициальных» и неофициальных концепций, доктрин и стратегий, которые иногда пытались объединить даже в школы и направления. Этот период «концепцестроительства» (которому и я уделил внимание, защитив в 1982 году кандидатскую диссертацию, посвященную «значению концепции…»)[88] был естественен и неслучаен: после относительно традиционного развития политики и социальных наук начался бурный рост и развитие новых направлений и даже целых отраслей знаний.

Этот период отнюдь не закончился сегодня. Более того, на мой взгляд, есть основания говорить о том, что в социальной области происходят такие же революционные изменения как и в области технологий, связанные с развитием национального человеческого капитала и его институтов[89]. В XXI веке существуют уже все возможности для того, чтобы модели и алгоритмы в полной мере использовались не только при технических решениях (например, выполнении команды по использованию СНВ, которая уже фактически строится только на алгоритмах), но и при подготовке и принятии политических решений[90].

Известно, что традиционные модели и алгоритмы политической стратегии определяют ее эффективность, как наиболее оптимальное соотношение между сформулированной политической

---

[84] **Модель политической стратегии ЛЧЦ и государства** — *зд.* заведомо упрощенное представление о политической стратегии субъекта МО в отношении определенного множества политических субъектов и объектов разной природы, сосуществующих в совокупности с системой отношений между ними в МО.

[85] **Алгоритм политической стратегии** — *зд.* точная последовательность действий власти ЛЧЦ, коалиции или государства, необходимых для получения необходимого политического результата.

[86] The National Military Strategy of the United States of America. Wash. : GPO, 2015. June. P. 1.

[87] Введение в прикладной анализ международных ситуаций / под ред. А. Т. Шаклеина. — М.: Аспект–Пресс, МГИМО–Университет, 2014. — С. 34.

[88] *Подберезкин А. И.* Критический анализ значения концепций гонки вооружений в военно-политической стратегии США (1945–1980 гг.). — М.: МГИМО / Диссертация на соискание ученой степени кандидата наук.

[89] *Подберезкин А. И.* Национальный человеческий капитал. В 5 т. Т. 1–3. — М.: МГИМО–Университет, 2011–2013.

[90] *Шмелев П. М., Подберезкин А. И., Еремченко Е. Н.* [и др.] / Информационно-аналитическая система стратегического противодействия угрозам национальной безопасности: аналитич. доклад. — М.: МГИМО–Университет, 2014.

целью и конкретными задачами, с одной стороны, и затраченными национальными ресурсами, с другой. Иначе говоря, в традиционной политике заявленные цели и задачи должны максимально точно соответствовать имеющимся возможностям государства и быть минимально рискованными. То есть взаимосвязь между этими группами факторов можно отобразить на простом рисунке, в котором содержится (очень коротко) и суть традиционной стратегии.

Рис. 2.33. Взаимосвязь между целями и ресурсами субъекта МО

Естественно, что на формулирование таких целей и распределение ресурсов влияют конкретные внешние и внутренние условия, которые сформировали МО в конкретный период времени. Они могут быть как благоприятными (в этом случае достижение целей возможно при наименьших затратах ресурсов), либо неблагоприятными (когда нужно принимать рискованное и затратное решение), либо отказываться от поставленных целей, либо идти на большие ресурсные затраты, либо (когда лицо, принимающее решение гениально) менять стратегию достижения целей[91]. Так, гениальный русский полководец А. В. Суворов не раз менял стратегию и добивался поставленных военных и политических целей в самых неблагоприятных внешних условиях при минимальных затратах ресурсов. Не случайно и то, что его Итальянский поход до сих пор считается эталоном военной стратегии, а один из наполеоновских маршалов был готов «отдать за него все свои военные победы»[92].

Оценка и адекватный прогноз развития МО имеют в этой связи огромное значение для формирования не только точных политических целей, но и стратегии, и распределения национальных ресурсов. Так, излишне благодушная оценка М. Горбачевым МО во второй половине 80-х годов XX века привела к недооценке угроз безопасности ОВД и СССР и их развалу, а принятая накануне роспуска ОВД Военная доктрина — осталась пустой и ненужной декларацией, что свидетельствует только об одном: у М. Горбачева и его окружения, как минимум, не было реальной стратегии, а, как максимум, была стратегия развала ОВД и СССР[93].

Изменения мирового порядка и международной обстановки, как следствие эволюции развития основных парадигм МО, требуют, таким образом, изменения от ЛЧЦ и государств политических стратегий, их моделей и соответствующих алгоритмов[94]. Эти изменения, в свою очередь, оказывают определенное обратное влияние на формирование МО. Круг замыкается: внешние изменения требуют все более радикальных изменений в стратегиях, а те — влияют на внешний мир. И первое, и второе необходимо учитывать при анализе и стратегическом прогнозе развития

[91] Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А. И. Подберезкина. — М.: МГИМО–Университет, 2015.

[92] *Лопатин А.* Александр Суворов. — М.: Молодая гвардия, 2015. — 445 с.

[93] *Подберезкин А. И.* Русский Путь. — М.: РАУ-корпорация. 1999.

[94] *Подберезкин А. И.* Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года. — М.: МГИМО–Университет, 2015.

МО в XXI веке, ибо без них модель МО превращается в абстракцию, которая мало полезна для практической политики[95].

Для того чтобы нагляднее представить себе эту взаимозависимость предлагается рассмотреть еще раз абстрактную модель политического процесса с точки зрения формирования стратегии государства и ЛЧЦ, изменений в МО и обратного воздействия в стратегиях государств на формирование МО[96]. Естественно, что такая модель стратегии будет более сложная, чем предыдущая.

Как видно из рисунка, описывающего классическую модель, на стратегию государства оказывают влияние самые разные группы факторов (кроме основных групп, указанных выше, — целей и ресурсов), включая и субъективные факторы — политика правящей элиты, которая формируется, прежде всего, под влиянием самых различных интересов (потребностей) и ценностей. Соответственно изменения в этих интересах и системах ценностей в XXI веке, прежде всего, через элиту транслируются на формулируемые ей политические цели и распределение ресурсов.

Таким образом, ключевые изменения в модели политической стратегии субъектов МО в XXI веке связаны с двумя важнейшими обстоятельствами[97]:

— **во-первых**, с изменением базовых систем национальных ценностей и интересов, лежащих в основе любой политики, которые стали проявляться в противоборстве систем ЛЧЦ и государств (универсалистской и цивилизационной). Эти противоречия значительно опаснее межгосударственных потому, что (как и в религиях) между ними труднее найти компромиссы и разработать относительно мирные стратегии противоборства. Это обстоятельство, например, стало первопричиной сформированной в начале XXI века западной ЛЧЦ стратегии «Военно-силового противоборства»;

— **во-вторых**, в новой модели стратегии ключевую роль стала играть правящая элита, ее позиция и готовность защищать и продвигать цивилизационную систему ценностей и интересов. Эта роль, в том числе, стала выражаться и в том, что элита превратилась в главный объект воздействия чужой стратегии.

Иными словами две группы факторов (группа «А» и группа «Д») в новой модели политической стратегии стали решающими, а их влияние — более значительным, чем прежде. От них, прежде всего, (а не от ресурсов, целей и внешних условий) в XXI веке стала зависеть эффективность стратегии. Этот вывод означает, например, что существующее представление о том, что победа зависит от соотношения сил (США и Россия, НАТО и ОДКБ и т.д.) не вполне верно. С точки зрения новой модели политической стратегии вероятность победы в борьбе между ЛЧЦ и странами будет выше у той коалиции, чья система ценностей будет более устойчива, а элита — нацелена на сохранение цивилизационной идентичности.

Сказанное также означает, что при распределении национальных ресурсов особое, приоритетное, внимание должно уделяться развитию и сохранению ресурсов, определяющих группы факторов «А» и «Д», а не собственно материальные ресурсы (группа «Г»). С этой точки зрения, также эффективность расходов на национальную безопасность определяется не столько расходами на ВиВСТ, сколько расходами на образование, науку, культуру и институты НЧК. Более того, с этой точки зрения милитаризация выступает в качестве самой неэффективной политики обеспечения национальной безопасности. Представление от эффективности такой модели стратегии дает статистика, иллюстрирующая, например, степень милитаризации (рис. 2.34).

---

[95] Проект долгосрочной стратегии национальной безопасности России с методологическими и методическими комментариями: аналит. доклад / [А. И. Подберезкин (рук. авт. кол.) и др.]. — М.: МГИМО–Университет, 2016. Июль. — 86 с.

[96] *Подберезкин А. И.* Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015.

[97] Стратегическое прогнозирование международных отношений: кол. монография / под ред. А. И. Подберезкина, М. В. Александрова. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — С. 19–40.

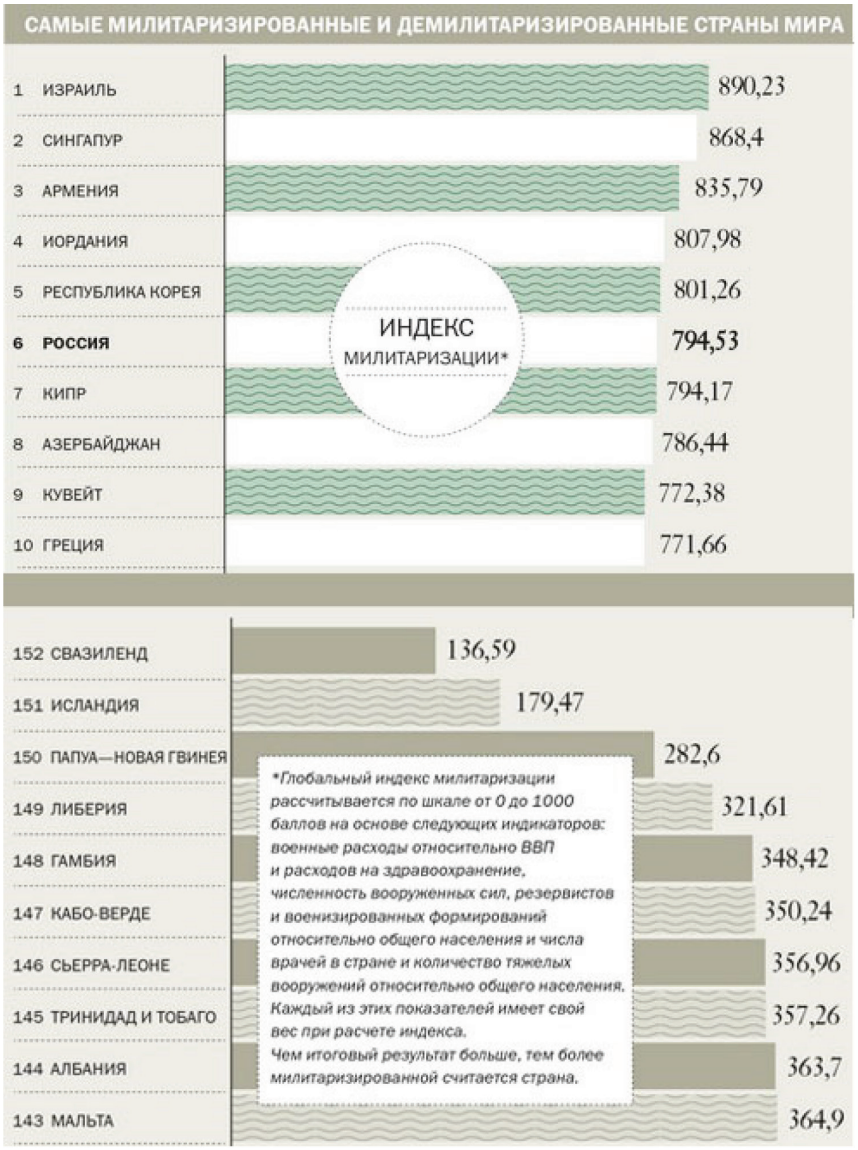

Рис. 2.34.

Проблема заключается не столько в том, чтобы выделить сами эти факторы влияния на стратегию в XXI веке (они были так или иначе известны), сколько выяснить степень их силы и формы их влияния в конкретной МО–ВПО–СО. Так, например, принципиально важно насколько интересы ЕС сильнее национальных интересов отдельных стран в 2015–2016 годах при массовом наплыве эмигрантов, насколько это угрожает самому существованию ЕС?

Думается, что можно сказать о том, что во втором десятилетии XXI века произошли существенные корректировки принципиальных, самых общих моделей политических стратегий, субъектов МО, которые могут быть определены следующим образом:

— модель политической стратегии государства вытесняется постепенно моделью стратегии ЛЧЦ и их коалиций;

— в новой модели система национальных интересов постепенно замещается системой интересов ЛЧЦ, а система национальных ценностей вытесняется (иногда насильственно) чужой системой ценностей. Политическая борьба превратилась в борьбу за продвижение системы ценностей той или иной ЛЧЦ;

— ресурсы и возможности, увеличиваясь абсолютно, становятся все больше предметом силового спора между победителями в споре за ценности той или иной ЛЧЦ. Они в значительно меньшей степени, чем прежде, определяют эффективность и успех той или иной политической стратегии;
— решения правящих элит во все возрастающей степени подвержено влиянию доминирующей ЛЧЦ, а сами элиты превратились в главные объекты и цели воздействия политических стратегий;
— алгоритмы реализации политических стратегий, также претерпели изменения: если прежде основной «точкой отсчета» формирования политики становились субъективные представления элиты, выраженные в политических целях и задачах, то сегодня в основе любой политики и стратегии лежат системы ценностей ЛЧЦ и государств.

2.6. ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ: МОДЕЛЬ ИЛИ АЛГОРИТМ?

… западная цивилизация ценна не потому, что универсальна, а потому, что действительно уникальна[98]
С. Хантингтон, политолог

Развитие МО и основных субъектов — ЛЧЦ и государств — в XXI веке, предполагает неизбежную смену парадигм, которые в первую очередь отразятся на политической стратегии этих субъектов. Главный вопрос, который в международной политике стоит в XXI веке не менее остро, чем в вычислительной математике, — модель или алгоритм? До сего дня в международной жизни — дипломатии, политике, экономике и пр. областях — абсолютно доминировал алгоритм, т.е. «организация процесса», когда политико-дипломатическая процедура доминировала над его функциональной реализацией. Ситуация в XXI веке фактически (но не формально) изменилось: процедура уступила место функции, а право — политической целесообразности, которую формулирует доминирующая ЛЧЦ. Война в Югославии, Ираке, Ливии, на Украине показала, что политическая и дипломатическая процедура, а также «святые» нормы международного права уступили место военно-силовой борьбе западной ЛЧЦ. Модель — т.е. традиционно сложившаяся форма политических, экономических и военных отношений — уступила уже де-факто место алгоритму политических действий, в основе которых находится военно-силовая борьба.

2.6. а). Деформация традиционной модели международной обстановки и политической стратегии в XXI веке

Если мысленно убрать в сторону остатки европейской империи и Советского Союза, перед нами останется только одна держава, резко выделяющаяся своей мощью.Эта держава — США …, конкурировать с которой никто не в состоянии[99]
Дж. Фридман

Традиционная модель МО в начале XXI века существенно изменилась. В ней резко усилилось влияние таких групп факторов, как ЛЧЦ, негосударственные акторы и глобальные тенденции, но прежде всего, усилилась роль США и возглавляемой ими западной ЛЧЦ.

---

98 *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций [пер. с анг. Т. Велимеева]. — М.: АСТ, 2016. — С. 509.
99 *Фридман Дж.* Следующие 100 лет: Прогноз событий XXI века. — С. 4–5.

Формально, как и прежде, модель МО в XXI веке осталась прежней, и структурно состоит из четырех основных групп факторов:

— субъектов МО (ЛЧЦ, государств, союзов и коалиций);
— международных акторов (МНПО, НПО, религиозные и пр. организации);
— глобальных и региональных тенденций (технологических, социальных и пр.);
— НЧК и его институтов.

Проблема, однако, заключается в том, что усиление влияния отдельных групп факторов и даже отдельных факторов привело к качественному перераспределению этого влияния, которое исказило всю структуру модели МО до неузнаваемости. Так, резкое усиление западной ЛЧЦ и возглавляемых ею союзов привело к гипертрофическому изменению соотношения сил в мире в пользу западной ЛЧЦ, которая в максимальной степени использует в своих интересах процессы изменения в остальных группах (например, глобализацию и информатизацию в целях дезинформации, а роль институтов НЧК — в качестве средств силового политического давления и т.д.).

Произошло также резкое усиление влияния внешних факторов на формирование стратегий субъектов МО до степени доминирования со стороны западной ЛЧЦ. Вместе с этим резко усилились и технические возможности внешнего влияния, прежде всего, за счет создания США глобальной системы контроля за передачей информации во всех областях человеческой деятельности, включая, естественно, политическую, экономическую и военную область.

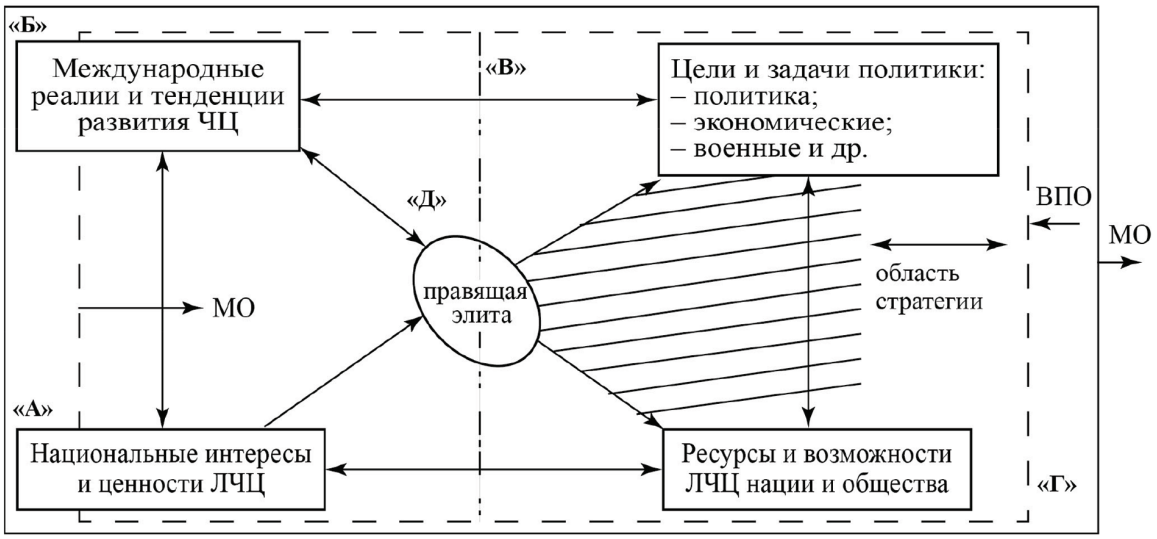

Рис. 2.35[100]. Абстрактная логическая модель политического процесса формирования стратегии государства в МО

Как видно из рисунка, представленного выше, группа факторов «Б» (международные реалии, внешние вызовы и угрозы) оказывает непосредственное влияние на все три базовые группы факторов — интересы и ценности ЛЧЦ и государств (группа факторов «А»), правящие элиты (группа «Д») и формулируемые или политические цели и задачи (группа «В»), а косвенно — через искажение целей, стратегии и национальных интересов — и на перераспределение ресурсов.

В 1990–2010 годы, например, МО претерпела радикальные изменения, когда «Группа восьми» во главе с США фактически стала контролировать всю ситуацию в мире, включая внешнюю и внутреннюю политику большинства государств, суверенитет и системы национальных ценностей

[100] Эта модель составлена по лекциям М. А. Хрусталева в МГИМО еще в 70-е и 80-е гг. XX века и его работах. См., например: *Хрусталев М.* А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. — М.: Аспект Пресс, 2015.

которых были фактически ликвидированы. Произошло постепенное замещение и вытеснение национальных систем ценностей и норм «универсальными» ценностями и международными нормами. А итогом такой эволюции МО стало публичное заявление США о готовности силой «защищать эти ценности и нормы», сделанное Б. Обамой в 2015 году, которое не раз позже подтверждалось по любому случаю.

Иными словами в начале XXI века фактически произошло формирование новой модели МО, которая стала не просто однополярной, но «односистемной» и доминирующей, навязывающей свои «универсальные» ценности и нормы — от норм валютного регулирования и торговли до нравственных, образовательных и культурно-духовных норм. Это привело к тому, что в абстрактной модели политического процесса и структуре МО группа внешних факторов «Б» стала недопустимо доминировать над группой факторов «В» (национальные политические цели) и даже группой факторов «А» (национальные интересы и ценности). Более того — над группой факторов «Д» (поведением правящих элит), а также опосредовано и на политические стратегии (область взаимоотношений групп факторов «В» и «Г»)[101]. Новая политическая модель МО стала откровенно игнорировать и военно-силовым способом утверждать новые правила международного поведения, соответствующие нормам, правилам и ценностям западной ЛЧЦ. Через систему и структуру МО произошла трансляция и превращение уникальных ценностей западной ЛЧЦ в универсальные, сначала де-факто, а затем и попытка их закрепления в международном праве де-юре. Новая модель МО стала выглядеть сознательно искаженно, следующим образом (рис. 2.36).

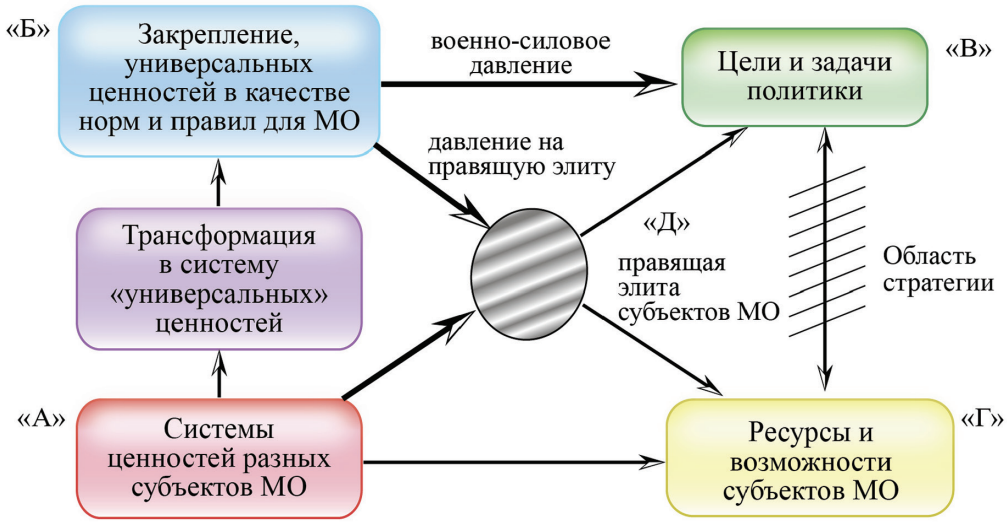

Рис. 2.36. Новая модель и структура МО

Как видно из рисунка, сильнейшему воздействию подверглись:

— национальная элита;
— политические цели;
— национальные ресурсы (через элиту и смену системы ценностей);
— стратегии субъектов ЛЧЦ.

Для абсолютного большинства стран в мире такая трансформация означала фактическую потерю к началу XXI века национального и государственного суверенитета и отчетливую угрозу национальной идентичности. Это стало отчетливо видно в ЕС, в связи с референдумом в Великобритании и протестами в Италии, Испании, Греции и др. странах. Если в прежние годы внешнее

[101] Военно-политические аспекты прогнозирования мирового развития: аналитич. доклад / Подберезкин А. И. [и др.]. — М.: МГИМО–Университет, 2014.

влияние ограничивалось влиянием, как правило, только на внешнюю политику государств, то в XXI веке новая модель МО предполагает недвусмысленное влияние на все области деятельности другого государства — от семейного права, нравственных и религиозных основ до внутриполитических решений. Стало происходить то, о чем предупреждал еще в 1950 году И. Ильин: потеря суверенитета вела к потере идентичности.

В практическом плане это означает, что формирование политического курса (и не только внешней политики) государств, стало предопределяться внешним влиянием через группы «Д», «В» и отчасти даже деформированную группу факторов «А». Для России, например, это выразилось в «деидеологизацию» политики, дискредитацию идеи национальных интересов, стратегических прогнозов и планирования, что, в конечном счете, привело к появлению не просто очень слабых, но и ошибочных решений и документов в области национальной безопасности в 1990-е годы: Концепции национальной безопасности, Концепции внешней политики и др. Но не только. Остатки этого влияния сохранились до настоящего времени и угрожают быстро увеличиться при смене политического курса правящей элиты.

Достаточно радикальным изменениям в XXI веке подверглись и алгоритмы реализации политических стратегий государств, права которых в возрастающей степени делегировались на уровень стран-лидеров ЛЧЦ. Это очень хорошо видно на примере западной ЛЧЦ, внешняя и военная политика которой, по сути, превратилась в коалиционную поддержку политики США в Югославии, Афганистане, Ираке, Ливии, Сирии, на Украине и в других странах. «Оговорка» заместителя государственного секретаря В. Нуланд на киевском майдане в 2014 году относительно роли ЕС в украинском кризисе — очень иллюстративна. Она демонстрирует, что процесс принятия решений постепенно перешел от национальных правительств к США и уполномоченных ими институтов.

Эти изменения в модели и алгоритме принятия решений западной ЛЧЦ пока что слабо в начале XXI века учитываются в практике принятия политических решений в РФ и ее внешнеполитической стратегии, где продолжает действовать внешнеполитическая традиция. К сожалению, эта концептуальная и нормативная слабость отчасти сохранилась вплоть до наших дней, что заставило, например, В. Путина в июне 2015 года даже говорить о будущей корректировке Стратегии национальной безопасности и Военной доктрины, варианты которых были относительно недавно им же только приняты. Это связано, прежде всего, с продолжающейся «деидеологизацией» политики, т.е. стремления избежать выстраивания долгосрочной системы взглядов и последовательной принципиальной стратегии. «Разновекторность», «прагматичность» внешней политики России в XXI веке не могут быть политическими принципами и нормами. Это — идеологемы, направленные вовне, но не несущие серьезной смысловой нагрузки. Ниже я попытаюсь рассмотреть существующую систему взглядов в стратегии национальной безопасности России, в том виде, как она была изложена в соответствующем Указе Президента РФ от 31 декабря 2015 года.

Таким образом, ко второму десятилетию XXI века фактически сложилась такая модель МО, при которой произошло резкое усиление влияния внешних факторов на все основные элементы модели формирования политической стратегии государства, но прежде всего:

— на формулирование политических целей и задач правящими элитами практически всех ЛЧЦ и государств, что привело их в итоге к фактической утрате суверенитета, подчинению внешней воли лидера западной ЛЧЦ;
— превращению внешнего влияния на правящие элиты в доминирование и контроль над этими элитами через систему навязываемых «демократических норм и процедур», международных институтов, а также посредством технических средств;
— деформацию систем национальных ценностей и интересов в «универсальные», «общепринятые» нормы и правила;
— на прямое распределение национальных ресурсов и возможностей того или иного государства.

Важно в этой связи попытаться проанализировать структуру и степень влияния тех факторов и тенденций, которые входят в «группу Б» (международные реалии и тенденции развития ЧЦ) и могут ассоциироваться с факторами формирования МО, о которых говорилось выше, а именно:

— субъекты МО (ЛЧЦ, нации и государства);
— акторы МО (политические и иные организации);
— глобальные тенденции развития ЧЦ;
— человеческий капитал и его институты.

Ниже я попытаюсь проиллюстрировать количественно изменение влияния этих групп факторов. По сути, эти изменения означали полную деформацию всей существовавшей модели МО, сложившейся к XXI веку в которой решающая роль принадлежала суверенным государствам, как основным факторам формирования МО. Их роль была насильственно перераспределена в пользу одного лидера — западной ЛЧЦ, — который во многом формирует глобальные мировые тенденции, нередко создает и контролирует международные акторы (в т.ч. террористические) и институты НЧК. Если попытаться количественно оценить это «перераспределение внешнего влияния» в этих двух разных моделях МО среди всех четырех групп факторов, то можно проиллюстрировать этот процесс следующим образом.

Перераспределение внешнего влияния между основными группами факторов формирования МО в XXI веке

Группы факторов	до 1990 г.	2015 г.
Нации и государства (без западной ЛЧЦ)	20%	5%
Международные акторы	5%	5%
Глобальные тенденции	5%	5%
НЧК и институты влияния	5%	5%
ЛЧЦ (без западной ЛЧЦ)	10%	15%
Западная ЛЧЦ	55%	65%

Как видно из таблицы, произошло достаточно радикальное изменение влияния между различными факторами, формирующими МО, которое выразилось, прежде всего, в том, что основная роль в формировании МО (а также ВПО и СО соответственно) перешла от наций-государств к ЛЧЦ. Но не только. Резко усилилось влияние и других факторов, в частности, общественных акторов (яркими примерами чего является деятельность «ХАМАЗ», «Правого сектора» и ИГИЛ).

2.6. б). Новый алгоритм политической стратегии субъектов международной обстановки в XXI веке

В 2015 году две ведущие военные державы мира — США и Россия принимают новые стратегии национальной безопасности. Сам по себе этот факт свидетельствует о происходящих в мире системных сдвигах[102]

В. Багдасарян, военный эксперт

Изменение модели и структуры МО в начале XXI века произошло достаточно заметно, сопровождаясь многочисленными заявлениями о «конце истории», «победе в холодной войне» и формальным закреплением этих идеологем целым рядом побед в войнах западной ЛЧЦ против

[102] Багдасарян В. Какая стратегия нужна России для победы в войнах нового типа / Эл. журнал: «Экономика и развитие». 2016.05.07 / http://devec.ru/politika/analitika/

Югославии, Ирака, Афганистана, Сирии и т.д. Наконец, переворот на Украине и экспансия ЕС и НАТО на постсоветское пространство лучше всего свидетельствуют о реальных амбициях западной ЛЧЦ установить новую модель МО в качестве универсальной, закрепив ее в международном праве.

В этой связи представляется, что требуется принципиальная переоценка также и алгоритмов формирования и реализации политической стратегии России, которая в XXI веке, пока что, все еще отражает реалии XX века и не может называться эффективной. Такая переоценка, например, требуется для изменения пропорций среди вооруженных и невооруженных средств политического насилия у субъектов МО, которая может быть показана следующим образом. Это вытекает из объективного снижения влияния государств-субъектов МО в XXI веке с уровня «абсолютного» до уровня «относительно сильного» и усиления соответственно влияния других групп факторов), формирующих МО, прежде всего западной ЛЧЦ и ЛЧЦ вообще.

По мнению целого ряда исследователей-практиков, роль «чистой» военной силы в качестве политического инструмента постоянно снижалась в XX веке и стала меньше чем у невоенных инструментов насилия ко второму десятилетию XXI века. Это означает, что силовые, но невоенные инструменты политики стали решающими, в зависимости от которых и будет развиваться современная МО.

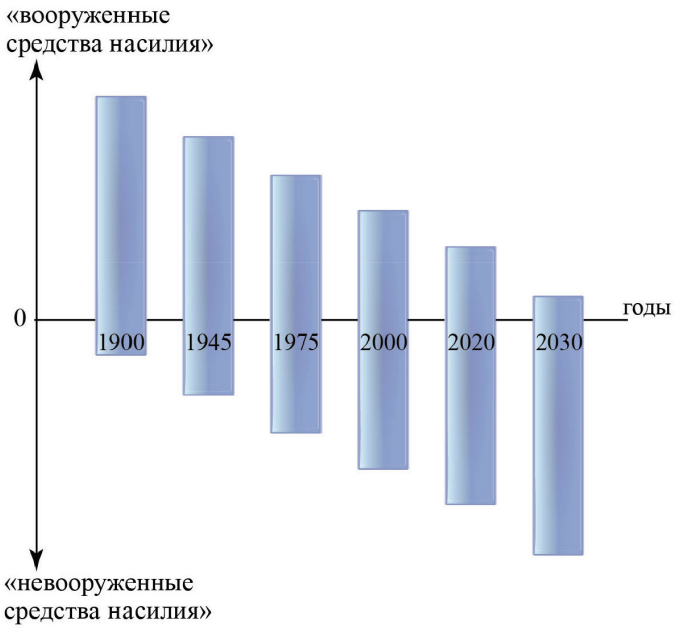

Рис. 2.37[103]. Изменение пропорций среди вооруженных и невооруженных средств насилия в XX и XXI веке

Как видно из рисунка 2.37, роль собственно военных средств, являющихся атрибутом силовой политики государств, в XXI веке постоянно снижается и может стать незначительной к 2030–2040 годам. Это означает, что она будет вытеснена невоенными инструментами насилия, т.е. победит та ЛЧЦ у которой их будет больше и они будут эффективнее. Это видно достаточно хорошо на примере доли военных расходов стран западной ЛЧЦ в ВВП страны, которая (за исключением США) достаточно низка и традиционно не превышает 2% (рис. 2.38)[104]

Яркой иллюстрацией такой упрощенной модели соотношения военного и просто насилия в прошлом была танковая мощь СССР, которая, в конечном счете, закончилась развалом ОВД

[103] *Подберезкин А. И.* Военные угрозы России. — М.: МГИМО–Университет, 2014.

[104] World Military Balance 2016 исследовательского института International Institute for Security Studies (IISS).

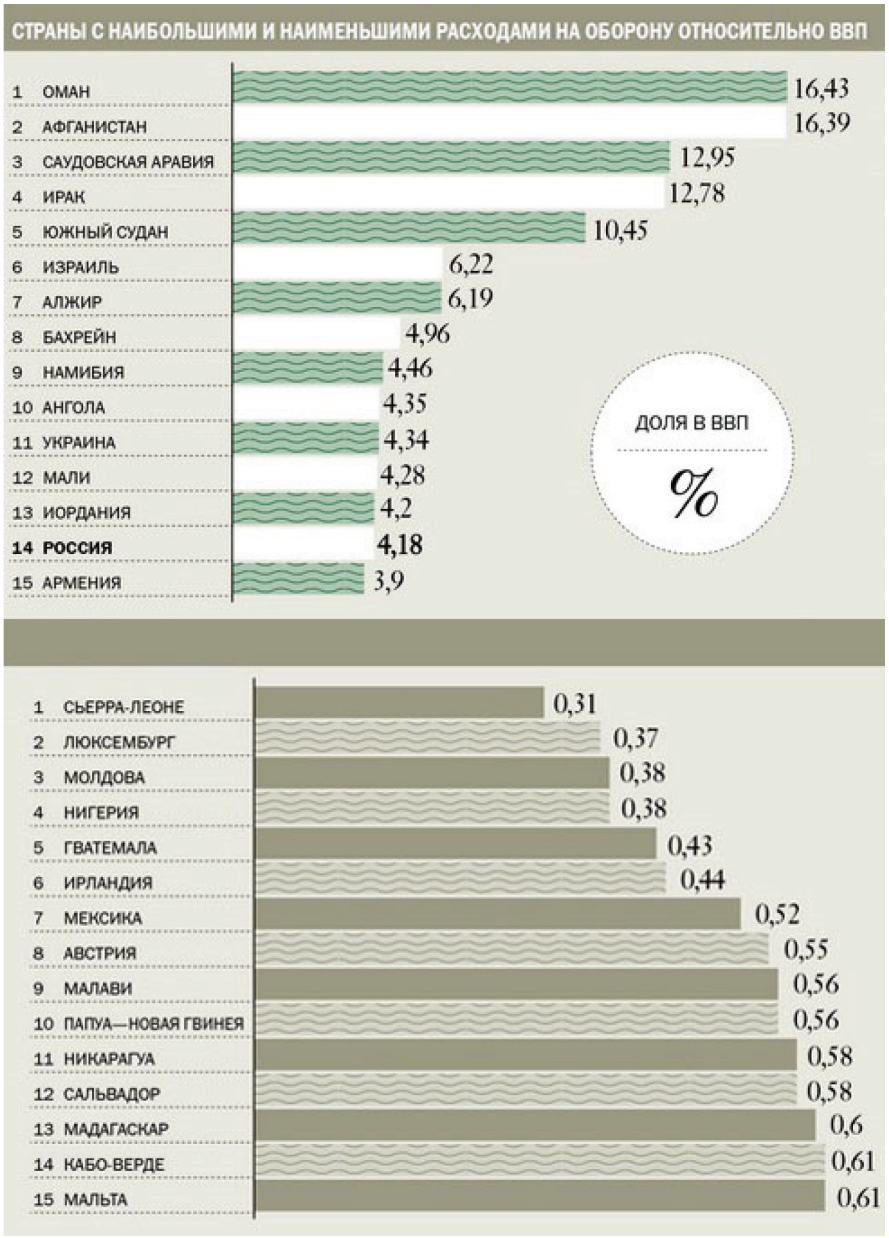

Рис. 2.37[103]. Изменение пропорций среди вооруженных и невооруженных средств насилия в XX и XXI веке

и СССР и ликвидацией танковых армий. Опыт современных войн показывает, что решающую роль стали играть средства воздушно-космического нападения и другое ВТО.

Действительно, в XXI веке странно, как минимум, использовать устаревшие и традиционные силовые инструменты, в то время как их значение в эффективной стратегии объективно снизилось. Так, например, в июле 2015 года было принято решение о формировании Первой танковой армии, т.е. фактическому возврату к модели обеспечения безопасности СССР второй половины XX века, основанной на крупных танковых соединениях.

В то же самое время все эксперты констатируют, что традиционные силовые (вооруженные) средства уступают свою роль нетрадиционным силовым инструментам политики. В качестве альтернативы предлагаются другие средства, более соответствующие новой модели МО, но требующие и нового алгоритма их применения. В этой связи целесообразно изложить позицию

С. Хантингтона, который был не только талантливым ученым, но и практиком — специалистом в СНБ США. Накануне XXI века он писал относительно целей западной ЛЧЦ, которые формировались «в интересах США и европейских стран»:

- добиться большей интеграции западных стран, чтобы «… помешать странам, принадлежащим к другим цивилизациям, воспользоваться… разногласиями»;
- принять в ЕС и НАТО страны Центральной Европы…;
- поддерживать «вестернизацию» Латинской Америки и блокирование Западом;
- сдерживать рост военной мощи исламских стран;
- замедлять «дрейф» Японии к Китаю;
- признать Россию как стержневую страну православной цивилизации…, имеющую законные интересы … своих южных рубежей;
- сохранить западное военное превосходство;
- осознать опасность вмешательства Запада в дела других цивилизаций…[105]

Из этого, однако, отнюдь не следует, что «невооруженные средства насилия» менее опасны для жизни человека. Просто в отличие от «вооруженных» средств насилия в сетецентрических войнах важнее содержание, а не форма — важнее подчинить волю и сознание человека, а не его жизнь. Победа достигается не за счет максимальной численности уничтоженных врагов, а за счет максимального числа обманутых (введенных в заблуждение, дезинформированных и т.п.) противников. Так, миллионы граждан Украины, которых превратили в русофобов и противников России, это — безусловная победа в сетецентрической войне против нашей страны. Не случайно стало известно о закрытой информации, в соответствии с которой министерство обороны Украины в 2014–2015 годах неоднократно просило министерство обороны США (и потом благодарило) оказать помощь, прежде всего, именно средствами информационно-психологического воздействия (радиостанциями, мобильными типографиями, серверами и т.д.).

Война, как известно, силовой политический инструмент. Она нужна не сама по себе, а в качестве средства для достижений вполне конкретных политических целей, которые являются, в конечном счете, осознанными интересами правящих элит. Поэтому очень важно максимально точно знать конкретные, в т.ч. субъективные политические цели сетецентрической войны против России, которые основываются на неких объективных интересах. Подобная субъективная конкретизация объективных интересов происходит в умах и институтах управления правящей элиты и может иногда существенно отличаться в зависимости от многих обстоятельств. Так, если объективный интерес западной ЛЧЦ и США в отношении России заключается в ослаблении ее влияния, утрате контроля над территорией и ресурсами, то субъективно в разные периоды времени, этот интерес реализовывался в разных внешнеполитических стратегиях — от стратегии партнерства и союза во Второй мировой войне 1941–1945 годов, — до стратегии массированного ядерного уничтожения в 1950-х годах, угрозы эскалации ядерного конфликта в 1960-х годах и создания потенциала «разоружающего» удара в 1980-х годах.

Новая модель политической стратегии западной ЛЧЦ и США, которая стала реальностью во втором десятилетии XXI века, предполагает необходимость осуществления по отношению к России силовой политики, включая возможность использования для этого военной силы на разных ступенях эскалации военного конфликта и в разных районах мира. Эта новая модель стратегий западной ЛЧЦ предполагает:

- компенсацию изменений в соотношении мировых сил (экономических, демографических и др.) силовыми инструментами политики, включая военную силу;
- отказ от равноправных переговоров и модели обеспечения равной безопасности, «для всех» в пользу модели безопасности «для себя»;
- сохранения военно-политической и финансово-экономической системы выгодной и подконтрольной со стороны западной ЛЧЦ;

[105] Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. — М.: АСТ, 2016. — С. 510.

— создание и реализацию соответствующей политической и военной стратегии, основанной на принципах системного и сетецентрического использования силы, включая вооруженное насилие.

Применительно к войне на Украине, например, эти конкретные конечные цели — дезинтеграция и дестабилизация России, снижение ее влияния, — где собственно военные инструменты играют незначительную роль. Очевидно, что военной победы Украине над Россией не одержать, а прямая война США и НАТО чревата излишними рисками. Поэтому остаются многочисленные средства системной сетецентрической войны, в т.ч. радикальные, вооруженные, а также экономические санкции, дипломатическая изоляция, даже торгово-экономический карантин и т.п. средства, которые смогут либо заставить Россию принять политические условия Запада (т.е. капитулировать), либо разрушить ее.

Формально эти положения зафиксированы в целом ряде документов, принятых в США, НАТО, Японии и других странах, входящих в военно-политическую коалицию западной ЛЧЦ. Так, в частности, в «Национальной военной стратегии США», принятой в июне 2015 года, говорится прямо: «Успех во все возрастающей степени будет зависеть от того, насколько наши военные средства (политики. — *А. П.*) смогут поддержать другие инструменты мощи и укрепить нашу сеть союзников и партнеров»[106].

Проблема анализа новой модели стратегии Запада сохраняется также в том, что конкретные политические задачи в отношении России могут достаточно быстро меняться (а в XXI веке можно констатировать радикальное изменение в политических целях основных держав) в зависимости от международной и военно-политической обстановки. Это означает, что могут меняться и конкретные цели и средства сетецентрической войны против России, т.е. планировать изменения характера современной и будущей СО, войны и конфликта. Так, например, в отношении СССР в конце 30-х годов СО менялась несколько раз в зависимости от намерений и результатов политики Японии, Англии, Финляндии и Германии. Менялось и представление об угрозе со стороны СССР — от «коммунистической угрозы» до «русского союзника». Поэтому очень важно отслеживать динамику изменения конкретной СО. Это легче делать при помощи модели, где могут быть исследованы тысячи факторов, влияющих на сценарий формирования МО, ВПО и СО.

Если вернуться к известному рисунку логической схемы модели политического процесса, то область анализа модели стратегии — характера международных и внутренних войн и военных конфликтов — можно обозначить как заштрихованную часть, включающую часть факторов группы «Д», «В» и «Г». При этом важнейшее значение для анализа стратегии имеют цели в отношении того или иного субъекта МО и ВПО, т.е. группа факторов «В». Эти политические цели являются ключом к пониманию целей и стратегии современной системной сетецентрической войны, где создание «ложного образа» для оппонента является важнейшей частной задачей[107].

---

[106] The National Military Strategy of the United States of America. Wash. : GPO, 2015. June. P. 1.

[107] *Подберезкин А. И.* Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — С. 64–72.

ГЛАВА III
АНАЛИЗ И ПРОГНОЗ РАЗВИТИЯ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ЛОКАЛЬНЫМИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ В XXI ВЕКЕ КАК ВАЖНЕЙШАЯ ЧАСТЬ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПРОГНОЗА РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ И ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ В МИРЕ

Глобальная сеть американских союзников и партнеров составляет уникальную мощь и обеспечивает международную безопасность и стабильность[1]
Военная стратегия США. 2015

Кризис наступает тогда, когда старый порядок уже умирает, а новый еще не готов родиться. В этот период появляется много токсичных образований[2]
А. Грамши, итальянский политик

Анализ и стратегический прогноз развития международной обстановки, результаты которого крайне необходимы для текущей политики и стратегического планирования, может быть адекватным только в том случае, если он является результатом анализа взаимоотношений многочисленных (как минимум, нескольких тысяч) факторов и тенденций, влияющих на эволюцию и формирование международных отношений. Эти многочисленные факторы и тенденции можно систематизировать, объединив в четыре основные группы, под решающим влиянием которых и происходит формирование МО. Выше предлагался рисунок, описывающий модель МО, которая находится под влиянием этих групп. В начале этого раздела целесообразно повторить его еще раз с тем, чтобы определить место ЛЧЦ среди других факторов и тенденций МО (рис. 3.1).

Локальные человеческие цивилизации, как видно на рисунке, относятся к группе факторов — субъектов МО, в которую входят нации, государства, союзы и коалиции. Однако со второй половины XX века в этой группе факторов, западная ЛЧЦ, возглавляемая страной-лидером, стала играть решающую роль. Это привело к тому, что в конце XX века стали говорить о том, что именно характер отношений между ЛЧЦ определяет характер МО, а влияние других групп факторов носит второстепенный характер.

Такой вывод, безусловно, преувеличение. Однако, вместе с тем, нельзя отрицать, что именно развитие ЛЧЦ в начале XXI века стало решающим фактором формирования МО.

---

[1] The National Military Strategy of the United States of America. — Wash.: GPO, 2015. June. — P. 9.

[2] Цит. По: *Макконнелл Б.* Сетевое общество и роль государства // Россия в глобальной политике. 2016. Март–апрель. — №2. — С. 137.

Рис. 3.1. Модель МО, формирующаяся под влиянием четырех основных групп факторов и тенденций

Изначально в таком анализе и прогнозе важнейшая роль принадлежит как методологии, так и конкретным методикам, благодаря которым можно учесть и не абсолютизировать влияние субъективных, иррациональных и когнитивных факторов, которые не только традиционно играли огромную роль в политике, но и которые усилили свое значение в последние годы благодаря новому этапу технологической революции.

В интересах практической политики можно говорить, что анализ и прогноз политики ЛЧЦ и их стран-лидеров, как и возглавляемых ими политических, экономических и военных союзов и коалиций, во многом обеспечивает возможность построения концептуальной модели развития того или иного сценария МО, а также конкретный анализ их отдельных аспектов (например, военно-политических, финансовых и экономических).

3.1. ОСНОВЫ МЕТОДИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ФОРМИРОВАНИЮ МЕЖДУНАРОДНОЙ И ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ, ОСНОВАННОГО НА УЧЕТЕ НОВОЙ РОЛИ ЛЧЦ

> Его подход (цивилизационный С. Хантингтонг — *А. П.*) важен не только для понимания современных международных отношений, но и для рационального воздействия на них[3]
>
> *З. Бжезинский*

Практические результаты анализа состояния и прогноза развития международной обстановки и прогноза развития военно-политической обстановки зависят во многом от методологии и методики подхода исследователя или политика[4]. В настоящей работе автором предлагается следующая методика, которая исходит:

---

[3] *Бжезинский З.* Предисловие. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. — М.: АСТ, 2016. — С. 4.

[4] Стратегическое прогнозирование международных отношений: кол. монография / под ред. А.И. Подберезкина, М.В. Александрова. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — С. 17–73.

— Во-первых, из того, что формирование современной международной обстановки происходит под влиянием многих тысяч факторов и тенденций, которые условно делятся на четыре группы: основные субъекты МО, глобальные и региональные тенденции мирового развития, негосударственные акторы и человеческий капитал и его институты, где традиционно главную роль играет группа «основные субъекты» МО.
— Во-вторых, в эту группу входят ведущие нации и государства, коалиции, союзы, но, прежде всего, в ней решающее влияние оказывают основные локальные человеческие цивилизации, к которым относятся[5]:
  — западноевропейская ЛЧЦ;
  — американская ЛЧЦ;
  — китайская ЛЧЦ;
  — индийская ЛЧЦ;
  — исламская ЛЧЦ;
  — российская ЛЧЦ;
  — индонезийская;
  — латиноамериканская и пр.

Необходимо сразу же оговориться, что предметом анализа не являются культурно-исторические, политические, философские и иные аспекты развития локальных человеческих цивилизаций, о которых написано достаточно много великими мыслителями от Чаадаева и Данилевского до Тойнби и Хантингтона. В настоящей работе существование ЛЧЦ и их решающее влияние на МО, в настоящем и будущем, принимается за аксиому и рассматриваются исключительно геополитические и военно-политические последствия взаимодействия и борьбы современных ЛЧЦ, которые, на взгляд автора, стали решающими факторами, влияющими на развитие тех или иных сценариев и их вариантов МО.

Именно эти субъекты МО и взаимоотношения между ними в XXI веке начали играть особенно важную роль, которая стремительно усиливается год от года, переводя комплекс отношений между государствами и нациями в межцивилизационные отношения. Особенно обосновано и подробно об этом писали С. Хантингтон и А. Тойнби в конце XX века. В частности, С. Хантингтон так определил роль государств и ЛЧЦ в XXI веке: «Основными игроками на поле мировой политики остаются национальные государства… Наиболее важными группировками государств являются уже не три блока времен холодной войны, но, скорее, семь или восемь основных мировых цивилизаций»[6]. Иными словами, основные субъекты МО — государства трансформируются в ЛЧЦ и их коалиции, превращаясь по сути в новые субъекты МО, которые играют все более важную роль. Это означает, что новая, культурно-цивилизационная основа становится базой для появления новых субъектов.

Эта тенденция отнюдь не бесспорна, хотя у нее есть множество подтверждений и доказательств. Прежде всего, потому, что ей противодействуют как старые тенденции (доминирование интересов государств), так и новые (глобализация и универсализация). Тем не менее, становится все очевиднее, что без ее признания, анализа и долгосрочного прогноза крайне трудно понять, например, такие реалии современной политической жизни, как:

— формирование военно-политических коалиций и торгово-экономических союзов;
— доминирование в публичной политике культурно-цивилизационных установок;
— формирование на основе цивилизационных ценностей и норм международно-правовых правил и т.д.

Уникальность современного преимущества США в мире заключается в созданной ими в своих интересах и полностью контролируемой международной системе, где две важнейшие

---

[5] *Подберезкин А. И., Соколенко В. Г., Цырендоржиев С. Р.* Современная международная обстановка: цивилизации, идеологии, элиты. — М.: МГИМО–Университет, 2014. — С. 129–142.

[6] *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций [пер. с анг. Т. Велимеева]. — М.: АСТ, 2016. — С. 15.

составляющие — подсистема военно-политической безопасности и финансово-экономическая система — находятся полностью под их контролем во многом благодаря технологическому и экономическому могуществу США, с одной стороны, и созданной ими системе союзов и двусторонних соглашений более чем с 50 государствами, — с другой[7]. Эти две основы американского могущества, вместе с тем, составляют современную суть цивилизации Запада, или локальной западной цивилизации, объединяющей не только традиционные западные страны.

По сути дела именно эти основы западной цивилизации во главе с США составляют «империю западной ЛЧЦ», во многом аналогичную и унаследовавшую черты Римской империи начала новой эры. Цивилизационно, идеологически, политически и с военной точки зрения это означает политическую и военную коалицию стран, входящих в западную ЛЧЦ и ряд зависимых государств, которая выступает механизмом продвижения системы ценностей и интересов всей ЛЧЦ, возглавляемой США.

— В-третьих, военно-политическая обстановка является одним из важнейших следствий развития МО (как и финансовая, торгово-экономическая, социо-культурные обстановки в мире). Поэтому логика исследования ВПО вытекает из того, что первичными являются отношения меду ЛЧЦ, которые лежат в основе современной и будущей МО, конкретно-исторической специфики МО и уже только тогда — конкретной ВПО. Так, конфликт в Сирии следуя этой логике является:
  - всего, конфликтом между частью исламской ЛЧЦ и западной ЛЧЦ, которая стремится взять под контроль все страны, относящиеся к исламской ЛЧЦ посредством в том числе их длительной политической дестабилизации (Афганистан, Ирак, Судан, Тунис, Египет, Ливия, Сирия и т.д.);
  - конкретной МО, где это столкновение ЛЧЦ дополняется остальными известными факторами и тенденциями глобального и регионального порядка, включая, например, феномен ИГИЛ как пример влияния на МО негосударственных акторов;
  - спецификой ВПО в мире, регионе и Сирии, которая заключается в составе участников противоборства, активности союзников, наличия ВиВСТ.

Современная международная обстановка, формируемая, как уже говорилось, под влиянием четырех групп факторов и тенденций, становится все более зависимой от цивилизационных и межцивилизационных отношений, без которых невозможно понять не только отношения между государствами (например, России и США, и стран ЕС), но и негосударственными акторами (инциденты в спортивном сообществе, отношения с экстремистскими, националистическими организациями). Выступая на съезде Демократической партии США в июле 2016 года Б. Обама по этому поводу заметил: «Россия и США никогда не перестанут быть геополитическими противниками».

Конфликт на Украине и вокруг Украины, очевидно, имеет в своей основе цивилизационную составляющую, которая доминирует и в политике западной ЛЧЦ. Поэтому можно сказать, что в XXI веке влияние ЛЧЦ не только в группе основных факторов, формирующих МО, но и во всей системе МО, стабильно усиливается[8].Прежде всего, за счет усиления влияния ЛЧЦ и их коалиций на другие группы факторов, которое можно показать на известном рисунке следующим образом (рис. 3.2).

Иными словами в XXI веке появилось качественно новое влияние ЛЧЦ уже не только на формирование МО, но и на развитие глобальных тенденций (через продвижение и силовое навязывание системы ценностей ЛЧЦ), негосударственные акторы (которые стали инструментом продвижения интересов и ценностей ЛЧЦ в мире) и НЧК и его институтов (которые стали выражаться ценностями ЛЧЦ). В полной мере это справедливо и для других аспектов МО. В качестве примера такого влияния можно привести самоидентификацию граждан России.

---

[7] National Security Strategy. — Wash.: GPO, 2015. February. — P. 3.

[8] Стратегическое прогнозирование международных отношений: кол. монография / под ред. А.И. Подберезкина, М.В. Александрова. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — С. 19–73.

Рис. 3.2. Структура МО и место в ней ЛЧЦ

Таблица 3.1 демонстрирует результаты факторного анализа для всех восьми критериев. Автор изначально исходил из двух основных параметров идентичности (этнического и гражданского), поэтому анализ был ограничен выделением только двух факторов. Однако накопленный процент дисперсии является приемлемым, что говорит о состоятельности данного факторного решения. А величина КМО (0,879) демонстрирует высокую адекватность выборки для факторного анализа.

Таблица 3.1. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы думаете, что важно для того, чтобы считаться истинным россиянином…»

	1. Этнокультурная компонента	2. Гражданская компонента
Быть православным	**0,733**	
Иметь российское гражданство	0,698	
Родиться в России	0,678	*
Говорить по-русски	0,617	
Прожить в России большую часть своей жизни	0,595	
Чувствовать себя россиянином		**0,892**
Иметь российское происхождение	*	0,715
Уважать российский политический строй и законы		0,636
Процент дисперсии	50,037	9,484

Примечание. Результаты факторного анализа методом «Главных компонент» с вращением методом «Варимакс».

*Значения ниже 0,5 не выводились.

Критерий «быть православным» получил наибольшую положительную нагрузку в первой компоненте. Обладание российским гражданством, факт рождения в России и владение русским языком, а также длительное проживание в стране являются составляющими этнокультурного измерения идентичности. Самоощущение себя в качестве россиянина («чувствовать себя россиянином») возглавляет список гражданских параметров идентичности. За ним следует такой критерий, как «иметь российское происхождение». «Уважению к российскому политическому строю и законам» присвоена наименьшая нагрузка[9].

Таким образом, методология анализа того или иного конкретного проявления или аспекта МО (в нашем случае ВПО или СО) предполагает, прежде всего, последовательный анализ отношений между ЛЧЦ и их коалициями, которые формируют конкретную современную и будущей МО, а также ее проявление в мировой, региональной или страновой ВПО, что может быть схематично отображено на следующем логическом рисунке.

Конечно влияние других групп факторов на формирование МО в XXI веке никто «не отменял», но — важно подчеркнуть — что и на них сказывается влияние ЛЧЦ. Так, самая эффективная и многообещающая группа факторов в будущем — НЧК и их институты также будут находиться во все возрастающей степени под влиянием развития ЛЧЦ. Прежде всего, их культурно-ценностных систем, которые будут в возрастающей степени влиять на две области:

— культурно-историческую и духовную сферы формирования НЧК, которые до недавнего времени вообще не учитывались ПРООН из-за «универсалистского» подхода;
— социальных технологий, способных (как показал опыт Украины, Сирии, а до этого — Туниса, Египта и Ливии) быстро менять внутриполитическую ситуацию в стране.

«Люди чрезвычайно эффективны», — сказал основатель русской школы программирования В. Медведев, а «технологии управления обществом строятся на технологиях управления человеческом, его интересами и потребностями»[10]. Другими словами — управление системной ценностей и интересов становится самой эффективной технологией управления в будущем

Разумеется, подобная «многоступенчатая» логика развития анализа и стратегического прогноза предполагает, что на каждом из ее этапов будет проведено самостоятельное комплексное и системное исследование, по итогам которого можно перейти к анализу и прогнозу следующего этапа. Эта логика противоречит существующей практике. В настоящее время, как правило:

— избегают анализа первого, самого главного этапа, — развития отношений между ЛЧЦ, приоритетность которого еще в начале 90-х годов XX века отмечали многие исследователи, но по политическим причинам, оставшегося на периферии общественного внимания вплоть до настоящего времени.

  Между тем, если посмотреть внимательнее на целый ряд важнейших документов не только США, но и Канады (например, последний «Обзор», подготовленный в июне 2016 года канадской разведкой), то будущее МО видится, прежде всего, как конфликт коалиций, за которым стоят локальные цивилизации;
— исследователи ВПО, как правило, «перескакивают через этапы» анализа, избегая, например, анализа сценариев МО по принципу «возможность — наибольшая вероятность», а также выделения частных вариантов наиболее вероятных сценариев МО и ВПО[11]. Так, например, результаты голосования в Великобритании по поводу членства в ЕС в июне 2016 года, безусловно, повлияли на вероятность развития сценария интеграции «Большой Европы» в противовес атлантизму США;

---

[9] *Пипия К.Д.* Идентификационные портреты россиян (на данных The ISSP и Левада-Центра) / Мониторинг общественного мнения: Май–июнь 2016. — №3 (133). / http://wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2016/133/2016_133_03_Pipia.pdf

[10] *Медведев В.* В загнивающей Америке готовится грандиозный технологический прорыв, который определит будущее человечества / Эл. ресурс: NewRezume. 2016. 5 июля / http://newrezume.org/news

[11] См. подробнее: Подберезкин А.И. Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — С. 251–287.

Рис. 3.3. Логика последовательности анализа и стратегического прогноза возможных угроз и конфликтов

— анализ конкретных военных опасностей и угроз, который присутствует в Стратегии национальной безопасности и Военной доктрине России, предполагает изначально анализ одного из очень конкретных сценариев развития СО. Такой анализ крайне маловероятен, с одной стороны, но абсолютно необходим, — с другой. Это означает, что исключительно много внимания и ресурсов требует анализ и прогноз многочисленных возможных вариантов развития СО, которые можно спрогнозировать только исходя из логики анализа отношений между ЛЧЦ, развития МО и ВПО. Иными словами, в таких фундаментальных документах как Стратегия национальной безопасности или Военная доктрина России, в которых дается анализ угроз и опасностей, начинать надо с анализа отношений между ЛЧЦ, сценариев развития МО и ВПО и только потом переходить к угрозам и опасностям.

3.1. а). Конфликт ЛЧЦ как основа для будущих военных конфликтов

… в нарождающемся мире основным источником конфликтов будет уже не идеология и не экономика. Важнейшие границы, разделяющие человечество, и преобладающие источники конфликтов будут определяться культурой[12]

С. Хантингтон, политолог

… значение противоборства локальных человеческих цивилизаций в международной политике XXI века будет стремительно возрастать[13]

А. Подберезкин, профессор МГИМО

Практический политический прогноз в настоящее время должен строиться, прежде всего, на анализе и прогнозе отношений между ЛЧЦ. Мысль, о будущих границах конфликтов, высказанная С. Хантингтоном в 1993 году, — ключевая для понимания характера и роли ЛЧЦ в современной МО и будущего всей человеческой цивилизации. Об этом в разной степени детализации и с разной степенью практической значимости говорят и пишут многие политики и ученые в последние 25 лет. Особенно активно после публикации известных работ С. Хантингтона и А. Тойнби[14]. Во многом эта позиция близка и автору этой работы[15]. Но несмотря на это, такой подход к анализу и прогнозу будущей МО не стал пока ведущей парадигмой. Примечательно, что этот подход часто используют политики, военные и дипломаты, но значительно реже его признают.

Именно вокруг практического усиления роли локальных человеческих цивилизаций происходит сегодня концентрация политики, экономики, военной и гуманитарной мощи отдельных государств и наций, хотя, как правило, говорят об «универсальных» ценностях и международном праве. Ни к первому, ни ко второму явлению этот процесс не имеет отношения: концентрация мощи вокруг стран-лидеров ЛЧЦ имеет в своей основе военно-политический характер. В наиболее явном виде это происходит в форме укрепления старых и создания новых коалиций, объединяющих например, более 50 стран западной ЛЧЦ не только в военно-политические и экономические союзы, и блоки, но и на базе двусторонних отношений, получивших в США нейтральное название «партнерства».

В действительности, как показывает коалиционная военная политика западной ЛЧЦ в Югославии, Афганистане, Ирак, Сирии и т.д., эта политика является (наравне с политикой военно-технологического превосходства США) одним из двух важнейших приоритетов и принципов внешней и военной политики США, выступающих в качестве лидера западной ЛЧЦ.

Причем, если еще в военных конфликтах XVII–XX веков основными участниками–субъектами МО выступали нации — государства, то в XXI веке наиболее значимые военные конфликты, по-Хантингтону, будут разворачиваться между нациями и группами, принадлежащими (а, в действительности, представляющими) к разным цивилизациям[16]. Другими словами, характер будущих военных конфликтов, войн и угроз во многом будет, изначально, предопределяться (и даже уже определяется) характером взаимоотношений между ЛЧЦ. Это наглядно видно уже на примере современных конфликтов, когда в действительности за любыми воюющими сторонами стоит та

---

[12] *Huntington S.P.* The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs, 1993. Summer / https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/1993-06-01/clash-civilizations

[13] *Подберезкин А. И.* Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — С. 91.

[14] *Тойнби А. Хантингтон С.* Вызовы и ответы. Как гибнут цивилизации. — М.: ООО «ТД Алгоритм», 2016.

[15] Стратегическое прогнозирование международных отношений: кол. монография / под ред. А.И. Подберезкина, М.В. Александрова. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — С. 343–395.

[16] *Huntington S.P.* The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs, 1993. Summer / https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/1993-06-01/clash-civilizations

или иная ЛЧЦ. Так, на Украине, например, реализуется план США–ЕС–НАТО по продвижению на восток и фактическому взятию под контроль всего постсоветского пространства, включая, в конечном счете, Россию.

Но даже в тех случаях, когда формально конфликт происходит в границах одной ЛЧЦ (например, в Ираке или Сирии), за враждующими сторонами стоит ЛЧЦ. В Сирии и Ираке — это создание разведками США и их коалиции организации исламских фундаменталистов, — которым не нужны стабильные режимы ни в Алжире, ни в Тунисе, ни в Ливии, ни, тем более, в Иране, Ираке или Сирии.

Остается только удивляться прозорливости С. Хантингтона: конец XX века и начало XXI века — от войны в Югославии до войны в Ираке, Афганистане, Ливии, Сирии и на Украине — примеры, прежде всего, межцивилизационной борьбы, противостояния и конфликтов, которые имели форму политического противоборства.

Этот же цивилизационный подход, в конечном счете, убедительно объясняет обострение отношений Российской Федерации с рядом ведущих государств, — представителей западной ЛЧЦ, которое можно понять, если рассматривать это как конфликт между русско-православной цивилизацией и лидерами всей западной локальной человеческой цивилизацией. Эта ЛЧЦ уже не ограничивается только собственно странами Запада, но и втянула в свою орбиту — политику и во многом систему ценностей — Японию, Австралию и даже ряд арабских государств. То, о чем предупреждал С. Хантингтон, — невозможность сосуществования русского традиционализма (православия, национализма, собственной системы ценностей) и западной системы ценностей стало очевидным во втором десятилетии XXI века, когда фактически оформились противостоящие центры силы, представляющие разные ЛЧЦ.

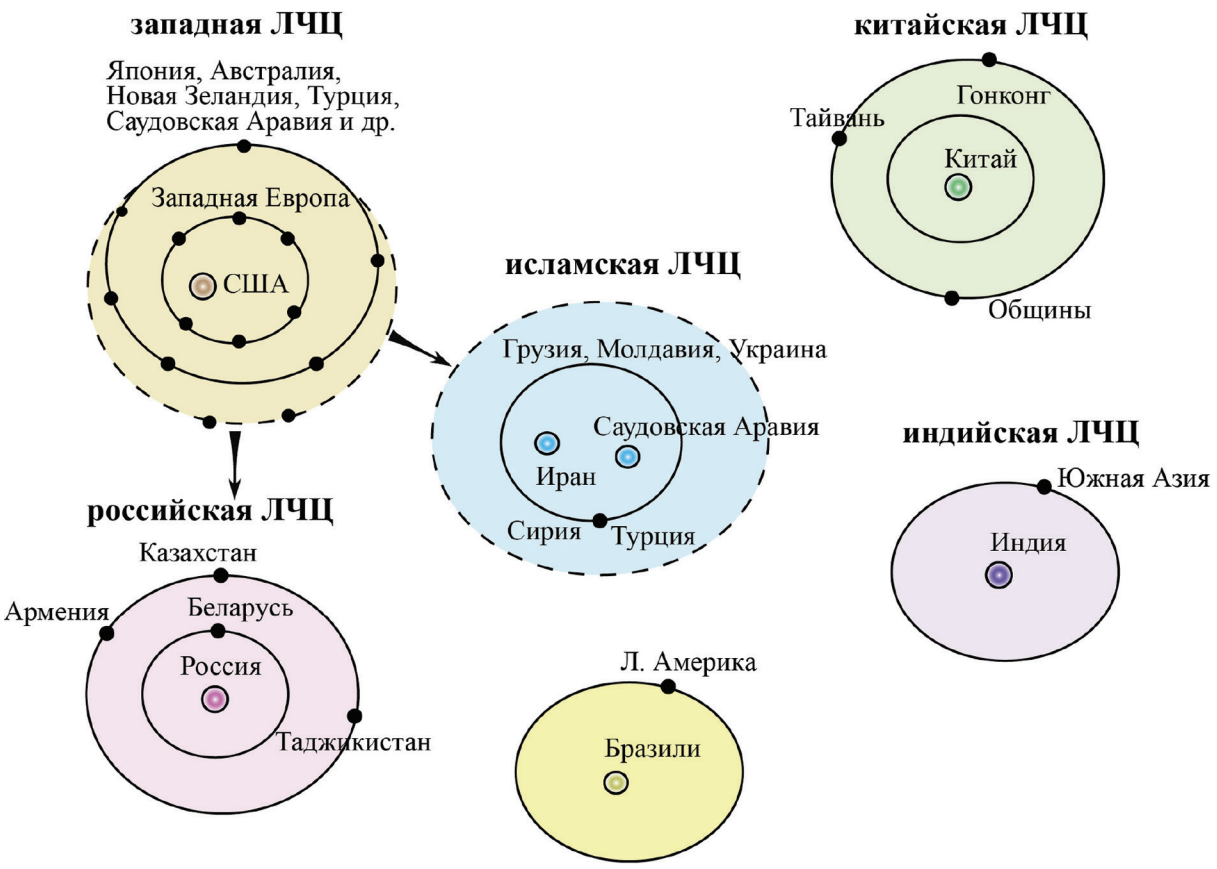

Рис. 3.4. Условные центры силы — ЛЧЦ как возможные будущие центры политико-экономических и военных систем

В настоящее время существует немало попыток изобразить МО в качестве различных центров силы и даже ЛЧЦ, которые могут быть названы успешными только при двух обстоятельствах:

Во-первых, при понимании того, что большинство ЛЧЦ еще не стали мировыми центрами силы. По настоящему мировой центр силы пока что один — США («ядро») и концентрирующиеся вокруг них порядка 50 стран;

Во-вторых, эти центры силы не могут пока что претендовать на то, чтобы называться центрами цивилизаций и политико-экономических систем. Существующая, условно, «многополярность» не означает «многосистемности» так как господствует одна система — западной ЛЧЦ (рис. 3.4).

Процесс объединения вокруг центров силы происходит сегодня уже не столько по экономическим или даже политическим причинам, сколько по близости категорий «систем ценностей», которые начинают вытеснять близкие им по сути понятия «интересы», т.е. по культурно-цивилизационному, более фундаментальному признаку. Естественно, что противоречия между системами «ценностей» и «интересов» не исчезают, а иногда даже обостряются. Как показывает сегодняшняя ситуация в ЕС (особенно в связи с референдумом о выходе Великобритании), вытеснение «интересов» «общими ценностями» происходит, в конфликтной манере. И будет еще более обостряться.

Вместе с тем уже можно признать, что если прежние союзы и коалиции выстраивались преимущественно из соображений совпадения политических целей и задач (как субъективного восприятия интересов), то современные коалиции тяготеют к категориям «ценности», что особенно хорошо видно на примере стран-членов ЕС, где в последние годы интересы вытесняются общими ценностями особенно активно. Причем даже в военно-политической и экономической областях. Более того, нередко, общие ценности не совпадают с интересами, даже противоречат им и, как правило, такой конфликт, в конечном счете, решается в пользу «общих ценностей». Как это происходит, например, в Европе или Японии.

Таким образом, центр конфликтов, включая военные, во все большей степени переносится в область конфликтов между системами ценностей отдельных ЛЧЦ. При этом западная ЛЧЦ стремится военно-силовыми средствами «продвинуть» свою систему ценностей, что встречает закономерное сопротивление в других ЛЧЦ. Это — основа для будущих военных конфликтов в мире.

3.1. б). Западная и восточная ЛЧЦ в XXI веке: синдром «братских стран»

Группы или страны, принадлежащие к одной цивилизации, оказавшись вовлеченными в войну с другими цивилизациями, естественно пытаются заручиться поддержкой представителей своей цивилизации[17]

С. Хантингтон

Семь из восьми отличительных характеристик западной цивилизации — католическая религия, латинские корни языков, социальный плюрализм, традиции представительных органов власти, индивидуализм — практически полностью отсутствуют в историческом опыте России[18]

А. Тойнби, С. Хантингтон

Суть конфликтов в XXI веке заключается в противоборстве западной ЛЧЦ с другими цивилизациями за сохранение своего доминирования в мире. Западная ЛЧЦ во втором десятилетии

---

[17] *Huntington S.P.* The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs, 1993. Summer. — P. 76 / https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/1993-06-01/clash-civilizations

[18] *Тойнби А. Хантингтон С.* Вызовы и ответы. Как гибнут цивилизации. — М.: ООО «ТД Алгоритм», 2016. — С. 257.

XXI века является не только самой мощной, но и самым влиятельным центром силы в мире, который создал еще в XX веке собственные системы — военно-политическую, финансовую, торгово-экономическую. Контроль над ними помог сформировать международно-правовую и ценностную систему норм и правил. Развитие других ЛЧЦ и превращение их во влиятельные новые центры силы ставит под угрозу созданные западной ЛЧЦ системы, нормы, правила и ценности. Именно этим объясняется, в частности, крайне болезненная реакция всей западной ЛЧЦ на политику России, которая:

— во-первых, публично критикует эти системы, нормы и принципы, ставит их под сомнение;
— во-вторых, практически действует вопреки этим нормам и принципам западной ЛЧЦ, когда представляется такая возможность.

Учитывая, что цивилизации и отношения между ними, в решающей степени, формируют сценарий развития МО в XXI веке, необходимо остановиться, прежде всего, на западной ЛЧЦ, политика которой особо акцентирует к себе внимание в начале XXI века. При этом важно попытаться понять современную суть западной ЛЧЦ, которая неизбежно находит отражение в ее характере и особенностях, включая влияние на формирование того или иного сценария МО. Как справедливо отмечали два авторитетных исследователя этой проблемы — А. Тойнби и С. Хантингтон, — суть западной ЛЧЦ отражают одновременно две картины: абсолютного превосходства практически во всех областях, с одной стороны, и постепенному относительному падению его могущества и «передачи полномочий» и «росту культурной уверенности в себе незападных обществ», с другой[19].

Так или иначе, но некоторые исследователи и политики в РФ обратили внимание на эту особенность. Сначала не очень уверенно, но с конца 90-х годов эта уверенность стала проявляться все явственнее, а в XXI веке уже превратилась в общее место оценок. В 1993 году внимание научных

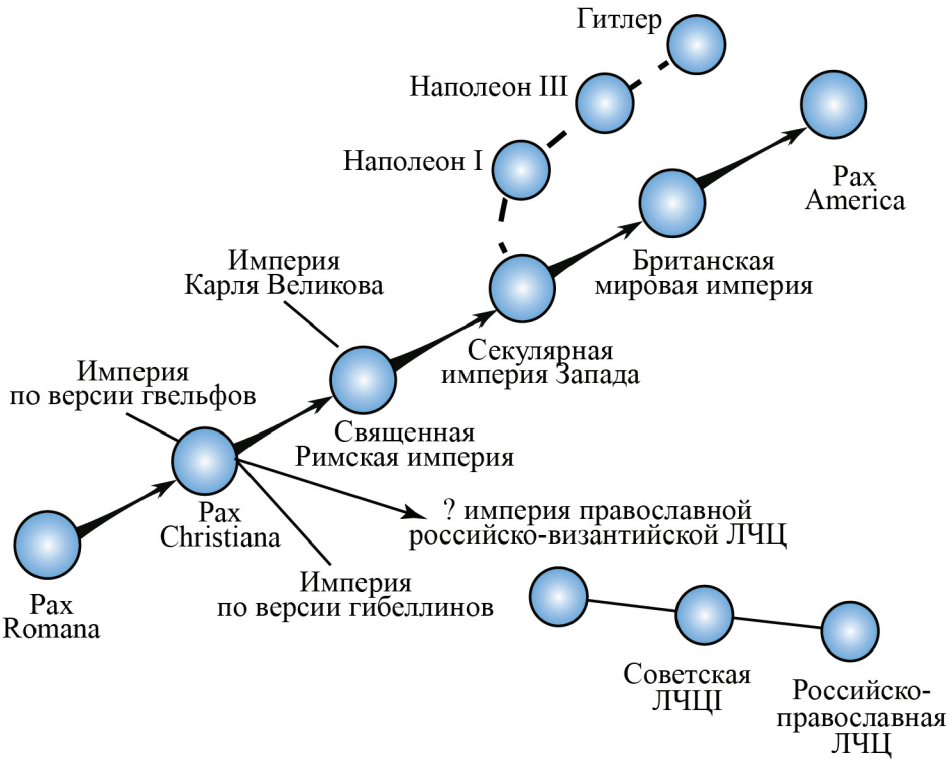

Рис. 3.5. Эволюция концепта мировой империи Запада

[19] *Тойнби А. Хантингтон С.* Вызовы и ответы. Как гибнут цивилизации. — М.: ООО «ТД Алгоритм», 2016. — С. 230.

и политических кругов привлекла книга американского политолога С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций?», опубликованная также в России, то эта работа стала со временем не только лучшей политической работой XX века (по признанию многих), но и наиболее точно отразила особенности мирового развития в конце XX — начале XXI века[20].

В России, к сожалению, в значительно меньшей степени уделили внимание этой работе. Для большинства политиков и политологов она и сегодня остается не практической концепцией, объясняющей основную парадигму развития современной МО — столкновение ЛЧЦ, — а одну из многочисленных политологических теорий.

Между тем именно в понимании сути взаимоотношений двух ЛЧЦ — западной и православной — кроется смысл происходящего сегодня. В этих целях можно воспользоваться примером, приведенным в работах С. Сулакшина. В частности, С. Сулакшин писал, например, что как мировая империя идеологически позиционировалась именно римская государственность. Одним из раннехристианских проектов политической глобализации стало сочинение «О Граде Божьем» — Августина. В нем выдвигался концепт глобальной новоримской христианской империи (рис. 3.5).

Эволюция концепта мировой империи Запада, вместе с тем, очевидно, не учитывает отделение в конце первого тысячелетия особой восточноевропейской православной ветви ЛЧЦ, которая по мнению ряда ведущих политологов являлась таким же порождением Римской империи, как и в последствии всей Западной Европы. Не случайно, что вплоть до XII века родственные связи Киевской Руси с Францией, Польшей, Швецией, Данией, Англией, Венгрией и другими странами были нормой, а высшей «наградой» для жениха или невесты был партнер не из Рима, а из Византии и из Руси.

Ведущим мотивом средневековой историософии являлись, как известно, пророчества Даниила о последовательной смене пяти мировых империй. Сообразно с ней, теория о перемещенном Риме апробировалась не только на Руси. Римская империя, согласно христианской историософии, будет мировым царством — последним в истории, непосредственно предшествующим установлению Царствия Божия. Запад ревновал к «империи Ромеев», сам примеряя на себя облачение мировой державы[21].

В дальнейшем, по мнению С. Сулакшина, в постреформационные времена идея мировой империи Запада реализовывалась уже через секулярную парадигму. Произошло своеобразное цикличное возвращение к идеологии древнеримского нерелигиозного экспансионизма. Исторически было предложено две версии мирового имперостроительства. В одном случае субъектом экспансионного глобализма выступала континентальная Европа, в другом — атлантистский (англосаксонский) мир. Европейско-континенталистская версия оказалась исторически прерывной. В практике экспансии она была представлена вспышками военной агрессии периодов Наполеона и Гитлера. Провозглашая себя императором, Наполеон выдвигал новый модернизированный просветительской идеологией проект европоцентристской мировой империи»[22].

Вплоть до настоящего времени споры о национально-культурной и исторической идентичности народов Европы и их принадлежности к одной, либо двум ЛЧЦ остаются в центре внимания и являются все чаще предметом уже политических и геополитических разногласий и конфликтов. Так, решение о «выходе украинской православной церкви» из РПЦ, принятое Верховной Радой Украины в июне 2016 года (как и многие другие решения украинских политиков), несет в себе не только религиозно-духовный и политический, но и культурно-цивилизациионный аспект.

---

[20] *Huntington S.P.* The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs, 1993. Summer / https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/1993-06-01/clash-civilizations

[21] *Сулакшин С. С.*: цит.: там же.

[22] Августин. О Граде Божьем. Соч. Минск: Харвест, 2000.

В любом случае можно сделать вывод о том, что во втором десятилетии XXI века резко усилился процесс концентрации сил вокруг лидеров тех или иных ЛЧЦ уже не только как собственно государств и отдельных наций, а как именно лидеров-носителей той или иной системы цивилизационных и культурно-исторических ценностей. Эта концентрация привела пока что к тому, что основная мощь оказалась сосредоточенной у западной ЛЧЦ, в орбиту которой вошло более 50 государств, контролирующих от 75% до 95% мировой экономики, информационных ресурсов и технологической мощи. И в этом заключается главная проблема международной безопасности: одна из ЛЧЦ контролирует подавляющую мощь, полагая, что этого вполне достаточно, чтобы навязать другим ЛЧЦ свои нормы и правила.

Кроме того подобное абсолютное превосходство западной ЛЧЦ над другими ЛЧЦ не может продолжаться бесконечно долго. По мере усиления других ЛЧЦ этот контроль неизбежно будет «размываться» другими центрами силы, против которых западная ЛЧЦ будет использовать коалиционную силовую политику, включая применение военной силы. В настоящее время наиболее вероятными объектами такой политики являются Россия и Китай. Причем объективных противоречий и угроз, исходящих, по мнению правящих кругов США, от Китая, значительно меньше, чем преимуществ экономического сотрудничества.

Проблема противоборства западной и восточной ветвей европейской ЛЧЦ будет главной в ближайшие годы и не сможет разрешаться мирно. Не случайно Б. Обама в июле 2016 года на съезде Демократической партии США сказал, что «Россия и США были и всегда будут геополитическими противниками».

Сегодня эта борьба двух ЛЧЦ перешла в очередную фазу, которая неизбежно закончится военно-силовым столкновением. Пока что война идет с помощью силовых, но невоенных средств, однако постепенно сценарий развития МО превращается в вооруженный сценарий развития ВПО.

Прочные отношения стратегического партнерства между китайской и российской ЛЧЦ, на мой взгляд, не следует преувеличивать и пытаться трактовать как военно-политический союз. Поэтому в противостоянии российской ЛЧЦ с западной ЛЧЦ, России предстоит рассчитывать преимущественно на свои силы и возможности «русского мира» в ближнем зарубежье, а это означает абсолютную несопоставимость потенциалов, которая предполагает, что противодействие западной ЛЧЦ должно сопровождаться:

— **асимметричным**, ориентированным на собственную политику стратегического сдерживания, включающую весь набор теоретически возможных средств и способов ведения противоборства — от глобального применения ядерного удара, до создания сетевых веб 2.0 сообществ и пр.;
— **мобилизацией** всех национальных ресурсов. Не только государственных и даже национальных, но и других, включая духовные и зарубежные, поиск союзников и новых партнеров;
— резким **повышением эффективности** национального и государственного управления, включая управление НЧК и его институтами.

Так, очень полезны некоторые представления о динамике изменения одного из важнейших ресурсов — демографического, — который сегодня определяет во многом НЧК и его институты, т.е. важнейший ресурс нации.

В подавляющем большинстве жители Российской империи стали фиксироваться с 1719 г., когда на смену подворным переписям пришли ревизии. В таблице 3.2 представлены результаты исследований С. И. Брука и В. М. Кабузана по численности населения Российской империи (в границах XIX в.).

Как видно из этой таблицы, известное расширение пространственного охвата России с XVII века по XX век сопровождалось ростом численности «русского ядра» российской ЛЧЦ в 8,5 раз, а в советский период за 70 лет — в 2 раза (с 77 до 145 млн).

В таблице ниже (табл. 3.3) представлены основные результаты переписей населения после 1917 г.

Таблица 3.2. Численность населения Российской империи[23]

Вид и год учета	Всего населения, млн чел.	Численность русских, млн чел.	Доля русских, %	Средний коэффициент прироста населения, %	Средний коэффициент прироста русских, %
Подворный учет 1678 г.	20,0	8,12	40,6		
I ревизия 1719 г.	27,18	11,128	40,9	0,75	0,77
IV ревизия 1782 г.	40,261	18,082	44,9	0,63	0,77
V ревизия 1795 г.	46,587	20,118	43,2	1,13	0,82
VIII ревизия 1833 г.	66,731	28,644	42,9	0,95	0,93
X ревизия 1858 г.	80,499	34,821	43,3	0,75	0,78
Перепись 1897 г.	128,203	55,765	43,5	1,20	1,21
Перепись 1916–1917 гг.	171,75	76,676	44,6	1,47	1,60
1678–1917 гг.				0,90	0,94

Таблица 3.3. Численность населения СССР[24] (Российской Федерации)

Год переписи	Всего населения, млн чел.	Численность русских, млн чел.	Доля русских, %	Средний коэффициент прироста населения, %	Средний коэффициент прироста русских, %
1926 г.	146,638	77,791	53	–1,6	0,1
1939 г.	170,557	99,592	58,4	1,2	3,9
1959 г.	208,827	114,114	54,6	1,0	0,7
1970 г.	241,720	129,015	53,4	1,3	1,1
1979 г.	262,087	137,397	52,4	0,9	0,7
1989 г.	**285,740**	**145,155**	50,8	0,9	0,6
2002 г.	145,167	115,9	79,8	–5,1	–1,7
2010 г.	**142,857**	**111,017**	77,7	**–0,2**	**–0,5**

Это означает, что развитие главного инструмента противоборства ЛЧЦ — численности демографического «ядра» — является важнейшим приоритетом в политике, который может дать ощутимые результаты в относительно короткие сроки. Увеличение численности граждан РФ за период в ближайшие 20–30 лет, позволило бы резко изменить соотношение сил. Особенно, если этот количественный рост будет обеспечен качественными параметрами — образованием, уровнем дохода, а, главное, — условиями для реализации человеческого капитала. «Сбережение нации», по-Солженицыну, это не политический лозунг, а конкретный политический инструмент и эконо-

[23] *Шумов В.В.* Модель безопасности государства / Управление большими системами. Выпуск 58. 2015. Ноябрь. — С. 232.

[24] Там же. С. 233.

мическая стратегия в силовой борьбе между ЛЧЦ. Причем бесспорный, абсолютно выигрышный при любом, даже неблагоприятном развитии событий. И достаточно динамичный. Если говорить даже о примере с СССР, когда социально-экономическая обстановка отнюдь не способствовала улучшению демографии, то за 10 лет, в 30-е и 60-е годы, население «прирастало, на 15 млн человек. Аналогичный, как минимум, прирост необходимо планировать и в современной России. Если бы был обеспечен такой количественный и качественный прирост НЧК, то Россия стала бы наравне с Китаем и Индией в XXI веке лидером в Евразии.

Особенно эффективные способы увеличения мощи российской ЛЧЦ лежат в области качества национального человеческого капитала и эффективности его институтов. Известно, что основной прирост ВВП в развитых странах, а также производительности труда, промышленного производства и т.д. обеспечивается ростом качества НЧК (до 95%). Это означает, что увеличение абсолютной мощи российской ЛЧЦ должно и может быть достигнуто за счет опережающего развития НЧК и его институтов. Сказанное означает, что в политике стратегического сдерживания западной ЛЧЦ российской ЛЧЦ до 2040 года должны доминировать три важнейших приоритета:

— демографический рост «российского ядра» за счет увеличения рождаемости, уменьшения смертности и стимулирования иммиграции в страну, прежде всего, интеллигенции;
— качественного роста НЧК, посредством образования, науки, здравоохранения и т.д.;
— стимулирования институтов развития НЧК и всего общества, и повышения эффективности государственного и цивилизационного управления.

3.2. КЛЮЧЕВОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ РАЗВИТИЯ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ЛЧЦ В ЕВРАЗИИ[25]

Единственным уделом незнающего и не понимающего причин конфликта субъекта оказывается нескончаемая борьба со следствиями, потеря темпа и, в конечном счете, поражение[26]
В. Овчиский, Е. Ларина, эксперты

… де-факто мир в своем развитии вступил в межвоенный период[27]
К. Боришполец, профессор МГИМО

Любой прогноз развития МО в мире, в конечном счете, исходит из прогноза соотношения сил и возможностей в Евразии. Прежде всего, США–КНР–России, которые окажут решающее влияние на ситуацию в мире. Вот и прогноз «Общая оперативная обстановка в мире — 2035», подготовленный Центром технической информации Министерства обороны США, в июле 2016 года, свидетельствует о том, что главными политическими игроками к этому времени станут США–Россия–Китай. Причем именно последние (а также некоторые акторы) будут угрожать мировому порядку, прежде всего, через изменение баланса сил в регионах[28]. Таким образом от уровня, характера и качества отношений между ЛЧЦ в отдельных регионах, но, прежде всего, в Евразии, в решающей степени зависит развитие всей международной обстановки и реализация того или иного сценария и даже варианта ее развития.

---

[25] *Подберезкин А. И.* Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — С. 32–35.

[26] *Овчинский В., Ларина Е.* Холодная война 2.0 / Эл. ресурс: «Изборский клуб». 2014.04.12 / http://www.dyna con.ru/content/articles/4224/

[27] Некоторые аспекты анализа военно-политической обстановки: монография / под ред. А. И. Подберезкина, К. П. Боришполец. МГИМО. — М.: МГИМО–Университет, 2014. — С. 13.

[28] Joint Operating Environment (JOE) 2035. The Joint Force in a Contested and Disordered World. 14 July. 2016.

Еще в первом десятилетии XXI века именно негативное развитие отношений между западной, исламской и российской ЛЧЦ в Евразии привело к обострению не только межгосударственных отношений, но и всей ситуации в мире. В основе этого поворота во внешней политике западной ЛЧЦ находилось стремление силовым способом сохранить сложившуюся систему военно-политических и финансово-экономических отношений, а также норм, процедур и правил, в условиях усиления других ЛЧЦ и центров силы.

Именно в то время западная ЛЧЦ попыталась «зафиксировать» состояние мировой обстановки на уровне 2001 года, заявив, что будет любыми способами препятствовать попыткам ее изменения. Именно ею тогда был выбран сценарий военно-силового противоборства между ЛЧЦ, который реализуется через развитие соответствующих сценариев МО и ВПО, предполагающих обострение международной обстановки, внутриполитическую дестабилизацию во всех других ЛЧЦ и странах. Как откровенно признает Дж. Фридман, «… по-настоящему XXI век начался… 11 сентября 2001 года, когда самолеты протаранили башни Всемирного торгового центра и Пентагон… США…, безусловно, выполнили свои стратегические задачи. Представляется очевидным, что эта война, как и любая другая, приближается к своему финалу, каким бы он ни был»[29]. Иными словами, США, как лидер западной ЛЧЦ, выбрали войну с другими ЛЧЦ, которая вскоре, по их мнению, должна была закончиться победой западной ЛЧЦ.

Этот вывод обязывает к очень многому, даже если оговориться, что понятие «победа» западной ЛЧЦ требует пояснений: во всяком случае это не традиционная победа, понимание которой сегодня лишь мешает трезвой оценке реальности. Победа одной ЛЧЦ над другой это не оккупация территории и даже не разгром ВС врага и его коалиции, это навязывание его правящей элите норм поведения, системы ценностей и правил, которые необходимы победителю. Это не ликвидация военного потенциала, но фактически лишение страны суверенитета и национальной идентичности. Вот почему необходимо подробнее остановиться именно на сути и содержании противоборства современных ЛЧЦ и отношений между ними, которые предопределяют развитие МО в будущем.

Напомню, что среди известных четырех основных групп факторов, влияющих на формирование МО, традиционно ведущую роль играла группа, в которой представлены главные субъекты международных отношений — суверенные государства (как признанные, так и не признанные), нации и локальные человеческие цивилизации. Собственно говоря, вся история человечества, войн и международных отношений это история отношений наций, государств и ЛЧЦ.

ЛЧЦ представляют собой более чем один субъект МО и, как правило, в той или иной степени являются политически и юридически оформленной коалицией или союзом, объединяющими более чем одно государство. У этого правила есть некоторые исключения — конфуцианский Китай, который называется нацией, являясь на самом деле локальной цивилизацией, а также Индия. Однако надо признать, что обе эти ЛЧЦ выходят далеко за пределы государственных границ КНР и Республики Индия, распространяясь по всему региону АТР и Евразии.

Локальная человеческая цивилизация — как социокультурная общность[30] — не имеет абсолютно четких границ потому, что культурная самоидентификация не только отдельных стран, но и социальных групп (и даже людей) может быстро меняться. Яркими примерами являются Австралия, Новая Зеландия и даже Япония, а также ряд других государств, ставших частью западной ЛЧЦ. В каждый исторический отрезок времени отдельные нации, социальные группы и даже конкретные личности могут меняться под воздействием внешних и внутренних причин. Так, самоидентификация значительной части граждан Украины по принадлежности к современ-

---

[29] *Friedman G.* The Next 100 Years: A Forecast for the 21st Century / Doubleday, 2009. — P. 21 / eKnigi.org

[30] **Локальная человеческая цивилизация (ЛЧЦ)** — *зд.*: определенная часть общества, проживающая на конкретной территории, объединенная общей системой ценностей, историческим наследием и видением общего будущего.

ной западной ЛЧЦ[31]произошла в последние 25–30 лет под влиянием внешних сил и внутренних процессов, имевших в значительной степени инспирированный и организованный западной ЛЧЦ характер.

Стратегический прогноз развития отношений между ЛЧЦ — первое и обязательное условие стратегического прогноза развития того или иного сценария МО и даже его варианта. Так, выбор на рубеже XXI века западной ЛЧЦ политики силы предопределяет вектор развития отношений с ними. С практической военно-политической точки зрения это означает, что в 2000–2001 годах США, как лидер западной ЛЧЦ, сделали ставку на развитие силовых сценариев МО и их вариантов, которые в той или иной степени должны будут реализоваться в конкретных военно-силовых сценариях развития военно-политической обстановки.

Для России это означает, что уже почти 20 лет США и их союзники по ЛЧЦ фактически реализуют такой силовой сценарий развития МО, когда Россия и другие ЛЧЦ должны — постоянно и во всех областях жизнедеятельности — стоять перед жестким выбором: либо безусловное подчинение правилам и нормам западной ЛЧЦ, либо силовое (в т.ч. военное, если необходимо) противостояние, включающее санкции, внутриполитическую дестабилизацию, давление на правящую элиту, беспрецедентную информационную войну и т.п. Очень образно эту ситуацию изобразил еще в 2014 году советник НГШ ВС РФ И. Попов[32] (рис. 3.6).

Подобное видение отношений между ЛЧЦ с начала XXI века не стало нормой. Постепенно, в особенности, после военного конфликта в Грузии в 2008 году, и затем на Украине, это понимание стало охватывать все большую часть российской правящей элиты. Ключом, сутью такого понимания является описанный еще в начале 90-х годов XX века С. Хантингтоном неизбежный

Рис. 3.6. Геополитическая ситуация в мире: ключевые положения оценки МО в начале XXI века

[31] **Современная локальная человеческая цивилизация** — *зд.*: конкретная часть общества, проживающая на определенной территории в современный период, объединенная общей культурой, системой ценностей, историей и видением общего будущего.

[32] *Попов И. М.* Доклад «Война — это мир: невоенные аспекты обеспечения безопасности государства. 2014. Апрель. — М.: МГИМО–Университет / http://eurasian-defence.ru/

конфликт цивилизаций, оценки которого старались долгое время не замечать даже тогда когда они подтверждались на самом высоком политическом уровне. Так, в июле 2016 года на съезде Демократической партии США Б. Обама сказал о неизбежном конфликте геополитических интересов двух центров силы — России и США. Аналогичные, многочисленные признания звучат и от союзников США в Европе и в АТР.

3.2. а). Евразийский ТВД: современное представление о роли экспансии западной ЛЧЦ[33]

С окончанием холодной войны подходит к концу и западная фаза развития международной политики. В центр выдвигается взаимодействие между Западом и незападными цивилизациями[34]
С. Хантингтон, политолог

Современное западное понятие расы … сформировалось в ходе экспансии западного общества, начавшееся в конце XV в., и продолжающейся до наших дней[35]
А. Тойнби, английский философ

Целый ряд политиков и ученых в XXI веке предсказывали, что решающую роль в МО будущего будет играть способность контролировать ситуацию в Евразии. В разной степени, но эти оценки сохранились и до сегодняшнего дня, более того, легли в основу стратегии западной ЛЧЦ, которая сместила центр своего влияния из Европы в Северную Америку. «Центр силы» стал размещаться в XXI веке в Северной Америке, из которого США успешно контролируют всю «периферию» от Европы до АТР, — контролируя два океана: Атлантический и Тихий.

Как известно, США довольно успешно развивают созданную ими коалицию (насчитывающую порядка 50 государств), которую они регулярно апробируют как военный инструмент в Евразии в Ираке, Афганистане, Ливии и в Сирии, а в качестве политико-экономического инструмента в виде Транстихоокеанского и Трансатлантического партнерств. Эти «партнерства» фактически охватывают крупнейшие евразийские государства–цивилизации — Россию и Китай, — изолируя их от остального мира с политической, геополитической и торгово-экономической точек зрения. Как пишет в своем долгосрочном прогнозе Дж. Фридман, «… страна, чьи берега омываются двумя океанами, стала ведущим игроком современности… Северная Америка заменила Европу в качестве мирового центра, притяжения, и тому, кто будет господствовать в Северной Америке, фактически гарантирована роль доминирующей мировой державы. В XXI веке (как минимум) такой державой будут США»[36].

Забегая вперед, можно только удивляться политической наивности (предательству) М. Горбачева и части советско-российской элиты, которые отказывались понимать, что за политикой Запада в Евразии стоит самая примитивная экспансия ЕС и НАТО.

США очень серьезно, принципиально, выиграли от своего позднего участия в европейских войнах XX века, став во многом именно благодаря этому ведущей державой в мире. Опыт подска-

---

[33] См. подробнее: Локальные цивилизации — основные субъекты международных отношений / В кн. *Подберезкин А. И., Соколенко В. Г., Цырендоржиев С. Р.* Современная международная обстановка: цивилизации, идеологии, элиты. — М.: МГИМО–Университет, 2014. — С. 129–142

[34] *Huntington S.P.* The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs, 1993. Summer / https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/1993-06-01/clash-civilizations

[35] *Тойнби А. Хантингтон С.* Вызовы и ответы. Как гибнут цивилизации. — М.: ООО «ТД Алгоритм», 2016. — С. 16.

[36] *Friedman G.* The Next 100 Years: A Forecast for the 21st Century / Doubleday, 2009. P. 5 / http://eknigi.org/

Рис. 3.7. Евразийский ТВД

зывает правящей элите США, что новая война между ЛЧЦ должна развиваться именно, поэтому, прежде всего на евразийском ТВД, когда против своих основных потенциальных, глобальных противников — ЛЧЦ Китая и России — можно будет использовать весь потенциал западной ЛЧЦ от европейских держав и союзников США в исламском мире (на западе, юго-западе и юге) до Японии, Австралии, Новой Зеландии и других государств на Дальнем Востоке и Юго-Востоке Евразии. Мобилизация партнеров и союзников и использование их ресурсов и территории является главной целью военной стратегии США в XXI веке. Это возможно только противопоставив западной ЛЧЦ другим ведущим ЛЧЦ, прежде всего, российской и китайской.

Превращение ЛЧЦ в главные факторы мировой политики, — субъекты, формирующие современную МО, до настоящего времени уступает в российской элите традиционным представлениям о роли наций-государств, существовавшим прежде. После некоторого (впрочем, незначительного) всплеска интереса начала 1990-х годов наступило затишье. Соответственно и главное современное противоречие — противоречие между изменением в соотношении сил между ЛЧЦ и новыми центрами силы, с одной стороны, и категорическим нежеланием западной ЛЧЦ признать и воспринять эту реальность, с другой стороны, — остается вне должного внимания. Это не позволяет в полной мере ни эффективно анализировать современную обстановку в мире и в Евразии, ни, тем более, прогнозировать ее развитие на перспективу[37]. Все основные концепции, планы и расчеты строятся по-прежнему на анализе военных потенциалов государств и их коалиций.

---

[37] См. подробнее: *Подберезкин А. И.* Национальный человеческий капитал. В 5 т. Т. 3. — М.: МГИМО–Университет, 2011.

Между тем, если исходить из этой логики, то главные события будут развиваться в Евразии, которая станет полем неизбежного столкновения традиционных ЛЧЦ, набирающих силу (китайской, индийской, российской, западной), а также возможно будет связано с появлением новых центров силы, которые станут реализацией мощи других ЛЧЦ, — исламской, индонезийской, турецкой. В этой связи необходимо еще раз вернуться к пониманию современной сути ЛЧЦ применительно к Евразии.

В современной литературе существует много достаточно расплывчатых определений ЛЧЦ. В частности, один из авторов описывает их следующим образом: «В современной науке существуют два основных подхода к локальной цивилизации. Один из них восходит к немецким романтикам, славянофилам, О. Шпенглеру, К. Леонтьеву и др., которые рассматривали локальную цивилизацию, прежде всего, с точки зрения порождаемых ею духовных ценностей и придавали особое значение религии.

Другой разрабатывался Данилевским, Милюковым, евразийцами, школой «Анналов». Сторонники этого подхода усматривают в локальной цивилизации систему, состоящую из множества различных компонентов (в их число входят и религиозно-этические ценности), которые в той или иной степени взаимодействуют, влияют друг на друга, создавая в итоге единое целое. Так, Данилевский писал о совмещении в культурно-историческом типе разнообразных «планов развития»: религиозного, социального, бытового, промышленного, политического, научного, художественного, одним словом, исторического… Сходных позиций придерживаются и представители школы «Анналов» — не только старшего поколения, но и наши современники. Преимущество второго подхода состоит в комплексном, объемном видении цивилизации, кроме того, он имеет богатые традиции в отечественной цивилиографии»[38].

Локальная цивилизация, таким образом, обычно определяется как большая социокультурная общность (во многих случаях надгосударственная, наднациональная и надконфессиональная), которая существует длительное время, имеет относительно устойчивые пространственные границы, вырабатывает специфические формы экономической, социально-политической и духовной жизни и осуществляет свой, индивидуальный путь исторического развития.

Прежде всего, необходимо выделить эти ЛЧЦ в качестве субъектов МО, формирующих глобальную (мировую) и региональную (евразийскую) обстановки. И здесь традиционно-политологический подход может помочь только для понимания содержания понятия «цивилизации». Так, Данилевский — на основании языковых групп — выявил 15 культурно-исторических типов, среди которых три (кельтский, мексиканский и перуанский) погибли насильственной смертью, не завершив цикла своего развития, и еще два — Россия и США (новоамериканский), по его мнению — только начинали формироваться. К остальным относятся: египетский культурно-исторический тип, ассиро-вавилоно-финикийско-халдейский, китайский, индийский, иранский, иудейский, греческий, римский, аравийский и западноевропейский (романо-германский).

Шпенглер насчитал восемь «высоких культур». Это египетская, вавилонская, индийская, китайская, греко-римская (аполлоновская), арабская (магическая), западноевропейская (фаустовская) и мексиканская. Кроме того, немецкий философ указывал на возможность приобщения к этому списку великой русской культуры. Тойнби предложил свою классификацию. Его перечень сначала включал 23 локальные цивилизации, а к концу работы над «Исследованием истории» их колличество возросло до 37[39]:

Перенос акцентов в конкурентной борьбе в мире на уровень ЛЧЦ в XXI веке привел к резкому усилению значения культурно-цивилизационных факторов влияния на формирование МО и постепенное оформление мировых центров силы в качестве центров современных ЛЧЦ, имеющих, как правило, форму военно-политических, экономических и иных союзов и объединений. Это потребовало более прагматического, политического подхода.

---

[38] Миртисен / http://s30556663155.mirtesen.ru/blog/43638702710/Lokalnyie-tsivilizatsii

[39] Там же.

Понятно, что традиционные определения достаточно широко описывают современн явление ЛЧЦ, предоставляя определенное право для различных современных толкований и включения в ту или иную ЛЧЦ различных субъектов МО. Так, по-моему мнению, западная ЛЧЦ в 2016 году включала как страны ЕС и США, с одной стороны, так и Японию, Австралию и Н. Зеландию, — с другой. В это же объединение постепенно начинают входить и такие страны, которые по этническим, религиозным, историческим и пр. основаниям традиционно не ассоциируются с западной ЛЧЦ — Болгария, Израиль, Сербия, т.е. граница, разделяющая членов одной ЛЧЦ от другой, — условна и может двигаться. И пример с Украиной это наглядно показывает.

То же самое в полной мере можно сказать о китайской, исламской, латиноамериканской, российской и др. ЛЧЦ, состав которых может также меняться в зависимости от многих, в т.ч. политических, причин. Тем не менее можно говорить о том, что поляризация отдельных ЛЧЦ и связанных с ними стран в XXI веке становится уже не просто фактом, а доминирующим процессом, определяющим влияние всей группы факторов, в которую входят субъекты формирования МО. В фундаменте этого процесса находятся не только традиционная система ценностей и доминирующие национальные интересы, но и политический расчет на выживание и существование того или иного субъекта МО в XXI веке.

Таким образом, в мире и в Евразии, в частности, мы встречаемся с таким усиливающим свое влияние феноменом как локальная человеческая цивилизация, который:

— **во-первых**, становится базовым субъектом для формирования МО и региональной международной обстановки. Это означает, что именно ЛЧЦ будет оказывать самое сильное влияние в XXI веке на МО на евразийском континенте, а именно:
  — западная ЛЧЦ;
  — восточно-православная ЛЧЦ;
  — исламская ЛЧЦ;
  — китайская ЛЧЦ;
  — индийская ЛЧЦ;

Эти ЛЧЦ будут формировать центры силы, в которые будут входить самые разные страны, принадлежащие к самым разным цивилизациям Евразии.

— **во-вторых**, наиболее сильные ЛЧЦ будут стремиться захватить контроль над всей Евразией. Это, прежде всего, западная ЛЧЦ, которая будет расширять политическую, экономическую и военную экспансию, прежде всего, за счет государств, принадлежавших прежде к СЭВ и ОВД, а теперь уже и за счет вытеснения и раздела России. Этот процесс будет проходить в порядке приоритетности: сначала бывшие страны ОВД и СЭВ, которые включаются в систему ЕС–НАТО, затем — прибалтийские государства, потом — Украина и Беларусь, затем Россия и Казахстан, а также бывшие республики Средней Азии.
— **в-третьих**, очевидно, что экспансия стран-членов ЕС–НАТО в Евразии будет иметь преимущественно политический и экономический, а только затем — военный и цивилизационный характер.

Огромное значение для понимания политического характера современной МО в Евразии имеет представление о роли отдельных локальных цивилизаций и существующими между этими ЛЧЦ противоречиями. Естественно, что если отрицается само существование ЛЧЦ и их влияние, то говорить о роли и значении противоречий между ЛЧЦ бессмысленно. Особенно важно, например, понимать приоритетное значение этих противоречий для формирования МО и современного характера международных отношений с точки зрения выбора лидерами этих ЛЧЦ наиболее эффективных средств борьбы и противодействия враждебным стратегиям других ЛЧЦ. Суть противоборства из-за Украины в 2014–2016 годах можно понять только исходя из понимания противоборства двух ЛЧЦ в Евразии.

В той же мере это важно для понимания сути глобального противоборства между ЛЧЦ в мире. Так, очевидно, например, что усиление роли локальных человеческих цивилизаций Китая, Индии, стран АТР в мировой политике, неизбежно вытекает из роста численности населения этих ЛЧЦ

и входящих в них стран и соответствующего увеличения их НЧК, а тем более, когда его огромное преобладание над другими ЛЧЦ[40] достигает критических величин. Понимание этой особенности развития человеческой цивилизации и формирования МО объясняет, например, почему в 2000–2016 годы именно эти ЛЧЦ и их страны-лидеры — Индия, Китай, государства Юго-Восточной Азии обеспечили наиболее высокие темпы роста ВВП (5–6 и даже 7%) на фоне стагнации государств западной ЛЧЦ.

Признание значения этой особенности развития НЧК для формирования МО ведет к объяснению, например, причин усиления внешнего давления на Россию в последние годы — санкции, снижение цен на сырье, эмбарго и пр. действия политического, финансово-экономического и даже гуманитарного характера, — которые привели к кризису в России 2013–2016 годов и в отношениях с Западом. Кризису в экономике (но не внутриполитического), который сопровождался невиданной со времен «холодной войны» кампанией русофобии. Причем развитие этого кризиса свидетельствовало о консолидации тех или иных формально независимых, суверенных субъектов МО вокруг стран-лидеров ЛЧЦ — США и России — по самым разным, порой незначительным, поводам (вроде закрытия воздушного пространства Болгарией для России, при оказании гуманитарной помощи Сирии — в сентябре 2015 года). Очевидно, что для западной ЛЧЦ Россия является не просто одним из субъектов МО или нацией — носителем определенных цивилизационных признаков, а целой конкурирующей ЛЧЦ, обладающей огромным НЧК, который в случае его полного использования, может привести к появлению в МО полноценной и суверенной ЛЧЦ (опирающейся на «российское ядро»), неконтролируемой западной ЛЧЦ. Более того, препятствующей ее планам по взятию контроля над Евразией.

Примеры последних лет свидетельствуют о том, что даже в условиях растущей изоляции и кризиса, Россию продолжают боятся. Прежде всего, из-за ее огромного природного и духовного ресурсного потенциала[41]. Этот огромный политический, ресурсный и экономический потенциал кроется в развитии российской ЛЧЦ, концентрирующей вокруг «российского ядра» евразийскую цивилизацию. Н. Трубецкой еще в 20-е годы прошлого века писал по этому поводу (что, кстати, легло в основу современного беспокойства Запада): «Наша задача — создать полностью новую культуру…, которая не будет походить на европейскую цивилизацию…, когда Россия перестанет быть искаженным отражением европейской цивилизации… когда она снова станет собой: Россией–Евразией…»[42].

Таким образом, с политической точки зрения в Евразии в начале XXI века столкнулись интересы нескольких ЛЧЦ, ставших ведущими факторами мировой политики, — западной ЛЧЦ, российской, китайской, исламской и индийской. Объективно это столкновение привело к ускорению развития военно-силового сценария МО в Евразии потому, что западная ЛЧЦ поставила своей целью взять под контроль не только восточно-европейскую часть Евразии, но и Россию и страны Средней Азии.

Одновременно в интересах своей внешней экспансии ЕС и НАТО сделали максимум возможного для дестабилизации режимов в тех странах, которые могли противодействовать установлению полного контроля в Евразии западной ЛЧЦ, что, в свою очередь, привело к серии переворотов. По сути дела начавшиеся в конце 80-х годов в Европе «бархатные революции» продолжились затем в Афганистане, Ираке, Ливии, Тунисе, Йемене, Сирии, Грузии и пр. странах Евразии. Общим знаменателем для них является только одно — экспансия ЕС–НАТО.

---

[40] *Подберезкин А.И.* Национальный человеческий капитал. В 5 т. Т. 1–3. — М.: МГИМО–Университет, 2011–2013 гг.

[41] *Подберезкин А.И. Боришполец К.П., Подберезкина О.А.* Евразия и Россия. — М.: МГИМО–Университет, 2014. — С. 97–105.

[42] *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. — М.: Международные отношения, 2010. — С. 134.

3.2. б). Новые центры силы и консолидации ЛЧЦ в Евразии как реакция на экспансию ЕС–НАТО

Россия впервые вошла в список 30 самых влиятельных стран по критерию «мягкой силы» — способности влиять на другие государства не деньгами и оружием, а культурой и ценностями, гражданского общества[43]
Британское PR-агентство Portland, июнь 2016 г.

На этом новом этапе народы и правительства незападных цивилизаций уже не выступают как объекты истории — мишень западной колониальной политики, а наряду с Западом начинают сами двигать и творить историю[44]
С. Хантингтон, политолог

Стремительное формирование новых военно-политических центров силы в мире и в Евразии объясняется многими и самыми разными причинами, среди которых доминирует одна, военно-политическая причина, а именно: запланированная и осуществляемая в 90-е годы экспансия западной ЛЧЦ в форме ЕС и НАТО в Евразии неизбежно ведет как к включению в свою орбиту (в т.ч. военно-силовыми средствами) субъектов МО, с одной стороны, так и препятствие созданию аналогичных центров силы и других ЛЧЦ, — с другой стороны. Так или иначе, но перед всеми государствами, нациями и акторами в Евразии ставится вопрос: ты разделяешь ценности западной ЛЧЦ (ее интересы, нормы, правила, законы и т.п.).

Если ответ был положителен (как в большинстве стран Центральной и Восточной Европы, а также у части правящих элит России и др. стран), то для таких государств предлагалась та или иная модель «интеграции» в ЕС и НАТО, либо ассоциации, либо согласия на контроль со стороны ЕС–НАТО.

Если ответ был отрицательный, то против таких стран использовался весь спектр силовых инструментов, включая военные, как правило, с публичным «наказанием виновных» (Чаушеску, Милошевич, Хусейн, Каддафи и др.). Выбор этих средств оставался за западной ЛЧЦ.

В XXI веке достаточно быстро менялись критерии оценки эффективности политического влияния государств и наций в мире, все более сдвигаясь в направлении использования невоенных силовых инструментов политики. Военно-силовые средства всегда подразумеваются, но используются в последнюю очередь. Спектр этих инструментов очень большой и насчитывает, прежде всего, инструменты и способы объединяемые в понятие «мягкой силы». То же английское PR-агентство Portland включает объективные показатели — государственное управление, культуру, информационные технологии, образование — и субъективные, определяемые результатами социологических опросов, на которые приходится соответственно 70 и 30% итогового индекса[45].

Но не только политическое влияние определяется средствами «мягкой силы». В реальной политике приходится опираться на весь спектр силовых инструментов, который в настоящее время относится к понятию «новая публичная дипломатия» — от образования и культуры до создания и поддержки радикальных и даже террористических организаций. Это тот «набор» инструментов, с помощью которого уже не только государства и нации, но и ЛЧЦ в XXI веке отстаивают свои интересы и занимаются продвижением своих систем ценностей. От них, в конечном счете, сегодня зависит не только успех, но и выживание ЛЧЦ. Этот «набор» представляет собой синтез силовых средств, а его структура существенно отличается от структуры средств политики в XIX и XX веках.

---

[43] Россия вошла в топ–30 самых влиятельных стран по критерию «мягкой силы» // Коммерсант, 2016. 14 июня. — С. 1.

[44] *Huntington S.P.* The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs, 1993. Summer / https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/1993-06-01/clash-civilizations

[45] Стратегическое прогнозирование международных отношений: кол. монография / под ред. А.И. Подберезкина, М.В. Александрова. — М.: МГИМО–Университет, 2016.

Таким образом, консолидация сил вокруг ЛЧЦ в Евразии в конце XX и начале XXI века происходила в целях максимально полного использования всего набора «силовых инструментов политики теми или иными» центрами силы. Те из них, кто не обладал (и не рассчитывал на увеличение) своих потенциалов, — просто были интегрированы с помощью таких же силовых средств (Германия, Чехия, Сербия, прибалтийские республики СССР).

Те же из субъектов МО, кто рассчитывал на свои возможности противодействия, начинали концентрироваться вокруг других центров силы — исламского, российского, китайского или индийского.

При этом оценка соотношения сил между ЛЧЦ происходила по всему спектру потенциалов, среди которых возрастающую роль играли потенциалы, являющиеся следствием развития национального человеческого капитала и его институтов. Так, демографический потенциал исламской ЛЧЦ оценивается в 1,4 млрд, китайской и индийской — 1,5 млрд человек.

Сравнение структур средств политического влияния государств и ЛЧЦ в XIX и XX веках

Структура средств политики государств в XIX веке	Структура средств политики наций в XX веке	Структура средств политики ЛЧЦ в XXI веке
— официальная публичная дипломатия;	— официальная публичная дипломатия:	— официальная публичная дипломатия:
	— международные организации;	— международные организации;
	— коалиции и союзы и т.д.	— НПМО;
		— коалиции, союзы, блоки;
		— глобальные союзы (ТПП, ТПА и т.д.);
— средства вооруженной борьбы:	— средства вооруженной борьбы:	— средства вооруженной борьбы:
Армия, Флот;	Армия, Флот, стратегическая авиация, ЯО, космические средства и т.п.	— Армия, Флот ВВС, ВКС, ЯО;
		— частные военные компании;
		— экстремизм;
		— терроризм
— СМИ	— СМИ:	— СМИ:
(в зачаточном варианте в XIX в.)	— электронные;	— электронные;
	— печатные;	— печатные;
	— интернет	— интернет;
		— сетевые;
		— веб 2.0 технологии и пр.

Из этого сравнения видно, что противоборство ЛЧЦ в XXI веке будет опираться, прежде всего, на те силовые инструменты политики, которые связаны с количеством и качеством национального человеческого капитала и его институтов. И не случайно, объективные критерии английского рейтинга «мягкой силы» в основном состоят из показателей, характеризующих именно количество и качество НЧК и его институты.

Стремление западной ЛЧЦ не просто сохранить, но и навязать свои нормы, правила и ценности силой в качестве универсальных норм и правил неизбежно приведет к столкновению с традиционными ЛЧЦ и новыми ЛЧЦ, которые стремительно превращаются в самостоятельные центры силы. И не только

политической и военной, но и культурной, и духовной[46]. Эта тенденция развития отношений между ЛЧЦ во втором десятилетии XXI века приобрела конкретное военно-политическое значение. В частности, даже разведка Канады (которая всерьез никогда не принималась во внимание) в июне 2016 года, например, подготовила доклад о безопасности и прогноз развития ВПО в мире до 2018 года, в котором:

— безопасность Канады рассматривалась как безопасность Запада и всей западной цивилизации не только в военном, но и в других аспектах;
— конкретными противниками были обозначены китайская, российская и исламская цивилизации, которые в «Обзоре» канадской разведки стали «объектом борьбы Запада»[47].

Формирование других центров силы, противодействующих западной ЛЧЦ, будет происходить на базе основных лидирующих ЛЧЦ в Евразии, что заметно уже сегодня. Это, прежде всего, российская ЛЧЦ, вокруг которой происходят нарастающие интеграционные процессы в рамках Евразийского союза, ОДКБ, ШОС и других интеграционных объединений.

Это исламская ЛЧЦ, которая пока что представлена двумя центрами силы — суннитским и шиитским, — которые, тем не менее, объективно противодействуют экспансии западной ЛЧЦ.

Это — китайская ЛЧЦ, которая неизбежно превращается в противостоящий западной ЛЧЦ центр силы в Евразии. Пока что это относится к Юго-Восточной и Северо-Восточной Азии, но уже заметны и противоречия на Большом Ближнем Востоке и в Северной Африке.

Наконец, несмотря на явную осторожность, формируется и политический центр силы в индийской ЛЧЦ, которая пока что не афиширует своих амбиций, но объективно столкнется с такими амбициями со стороны западной ЛЧЦ.

3.2. в). Решающая роль человеческого капитала в противоборстве ЛЧЦ в Евразии

… сетевые структуры можно использовать не только для освобождения общества, но и для укрепления централизованного контроля[48]
Б. Макконнелл, профессор

Трудно придумать меру, более выгодную для Германии, как именно провозглашение русской «псевдофедерации»: это означало бы «списать со счета» Первую мировую войну, весь … период (1918–1939) и всю Вторую мировую войну и открыть Германии путь к мировой гегемонии. «Самостийная Украина» только и может быть трамплином, ведущим немцев к мировому водительству[49]
И. Ильин, июль 1950 г.

Победа или поражение в противоборстве ЛЧЦ в Евразии, в решающей степени, будут зависеть от количества и качества человеческого капитала той или иной ЛЧЦ и их институтов. Не случайно, например, что основные противоборствующие ЛЧЦ в Евразии имеют примерно одинаковые количественные и качественные параметры человеческого капитала. Это можно проиллюстрировать данными в следующей таблице (табл. 3.4).

[46] Стратегическое прогнозирование международных отношений: кол. монография / под ред. А.И. Подберезкина, М.В. Александрова. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — С. 61–73.
[47] Кто генерирует «пессимизм» в России в период мобилизации на войну: доклад разведки Канады / Эл. ресурс: EurAsia Daily. 2016. 17 июня / http://eadaily.com/ru/
[48] *Макконнелл Б.* Сетевое общество и роль государства / Россия в глобальной политике. 2016. Март–апрель. — №2. — С. 131.
[49] *Ильин И.* О русском национализме. Сборник статей. — М.: Российский Фонд Культуры, 2007. — С. 91.

Таблица 3.4. Сравнение количественных и качественных параметров основных ЛЧЦ в Евразии

Название ЛЧЦ	Количество чел.	Качество Чел. Кап.
Российская (православная) ЛЧЦ	300 млн	высокое
исламская ЛЧЦ	1300 млн	относительное
западная ЛЧЦ	1000 млн (включая Японию, Австралию, США и др.)	высокое
китайская ЛЧЦ	1400 млн	относительное (быстро увеличивающееся)
индийская ЛЧЦ	1300 млн	относительное (быстро увеличивающееся)

Окончательное оформление соотношения сил в области человеческого капитала ЛЧЦ произойдет уже через 10–15 лет, когда новое поколение китайцев, мусульман и индийцев закончат университеты.

Слова, написанные И. Ильиным в 1950 году, т.е. почти 70 лет назад, оказались пророческими: «псевдофедерация» (РФ «образца 1991 г.») действительно «списала со счета» всю историю международных отношений до 1991 года и превратила Германию в европейского гегемона, вокруг которого концентрируется западная ЛЧЦ под контролем США. И экспансия этой ЛЧЦ в Евразии будет проводиться ЕС и НАТО. Как показали последние 20 лет, этот механизм может работать очень эффективно. После распада СЭВ и ОВД практически все страны, противостоявшие ЕС и НАТО, превратились из противников либо в союзников, либо попали под контроль и полное влияние.

Можно сказать, что в очередной раз в российской истории, ей (как и в 1812, и в 1939 году) противостоят практически вся Европа во главе с одной из стран-лидеров. В данном случае Германией, за которой стоят Соединенные Штаты.

Произошли решительные геополитические изменения, о которых хорошо известно, но отнюдь не тогда когда речь идет о концентрации НЧК отдельных ЛЧЦ. Прежде всего, западной ЛЧЦ в Европе и в АТР в интересах США.

Именно человеческий и, в частности, демографический потенциал, прежде всего проявляющийся в росте НЧК локальных цивилизаций Китая, ислама и России, а также отдельных стран, станет основной причиной изменения соотношения сил в мире и последующих перемен. В нем же видят и наиболее опасную угрозу на Западе, который сам концентрирует НЧК с помощью новых союзов — ТАП и ТТП. И дело даже не в том, что рост населения Земли прогнозируется западными экспертами к 2045 году до 10,4 млрд человек, а в том, что этот рост на 97% будет обеспечен развивающимися странами даже при снижении уровня рождаемости в этих странах[50]. Примечательно, что любой анализ развития ЛЧЦ на Западе базируется, прежде всего, на оценках и прогнозе развития человеческого капитала отдельных ЛЧЦ — китайской, исламской и российской. Причем все чаще обращают внимание уже не только на количественные показатели НЧК, но и их качественные критерии. В мире фактически уже несколько десятилетий идет борьба не столько за природные, сколько за качественные человеческие ресурсы, обеспечивающие качество экономического развития и населения. И не случайно то, что три потенциально опасные для Запада, по мнению тех же канадских спецслужб, ЛЧЦ (китайская, российская и исламская) отличаются не только значительным демографическим потенциалом, но и качеством НЧК[51].

---

[50] Strategic Trends Programme Global Strategic Trends — Out to 2045. Fifth Edition. London, Ministry of Defence. 2015. P. 3.

[51] *Подберезкин А. И.* Национальный человеческий капитал. В 5 т. Т. 1–3. — М.: МГИМО–Университет, 2011–2013.

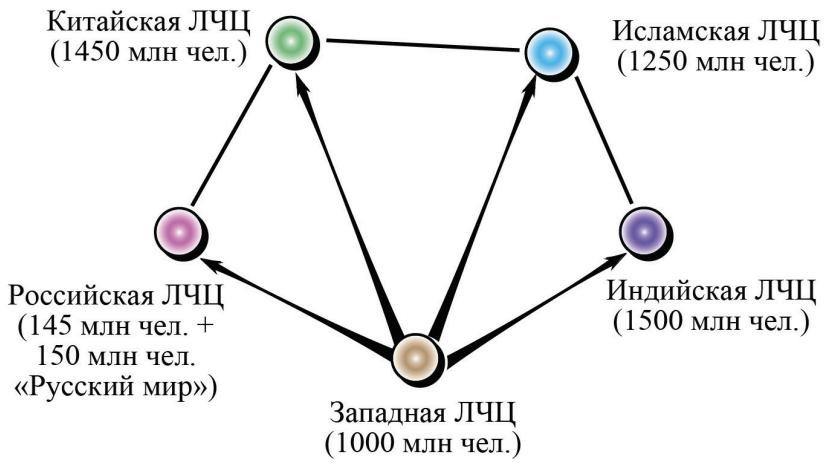
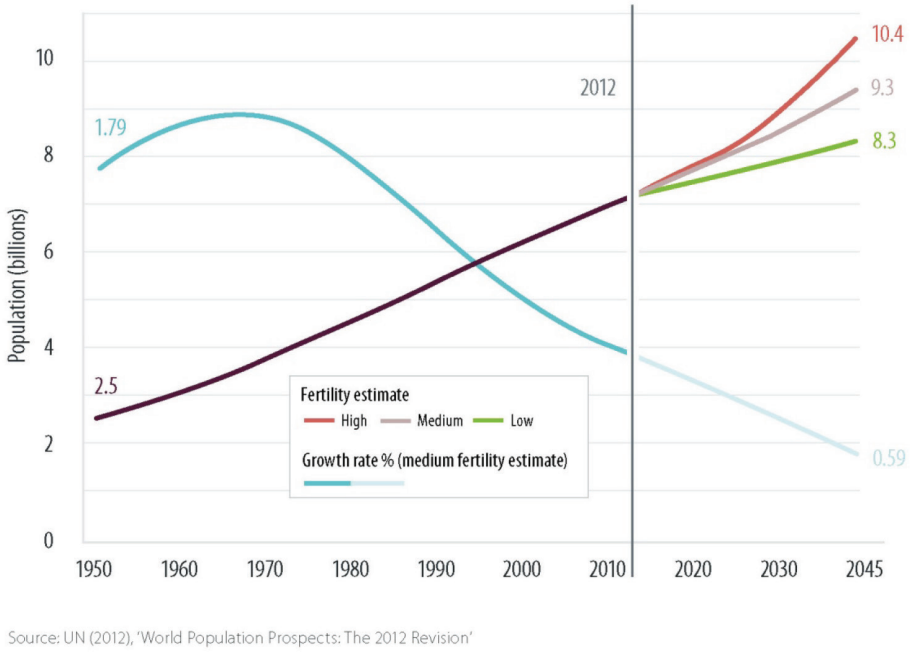

Рис. 3.8. Новые центры силы, развивающиеся на базе национального человеческого капитала ЛЧЦ

Как видно на рисунке 3.8, за исключением российской ЛЧЦ (в ее нынешнем, урезанном виде) остальные ЛЧЦ вполне сопоставимы по количественным показателям уже в настоящее время и будут еще в более сопоставимом положении к 2040 году. Сокращение численности некоторых ЛЧЦ относительно других ЛЧЦ не имеет принципиального значения потому, что гораздо важнее становится качество НЧК ЛЧЦ, прежде всего, способность к творчеству и самоорганизации.

Source: UN (2012), 'World Population Prospects: The 2012 Revision'

Рис. 3.9. A growing population and a declining growth rate

Другими словами в новых центрах силы у ЛЧЦ будет обеспечен практически весь демографический прирост населения, что (одновременно со скачком в качестве НЧК: уровне душевого дохода, образовании, здоровья) обеспечит этим центрам силы опережающие темпы роста по сравнению со старым центром силы, прежде всего, западной ЛЧЦ. Так, только за последние 25 лет в КНР было подготовлено более 300 млн человек с высшим образованием, что уже радикально повлияло не только на экономику, социальную структуру, но и военную мощь Китая. Новое качество НЧК, например, немедленно отражается на качестве личного состава вооруженных сил, военном искусстве

и управлении, а также на качестве ВиВСТ. Это же обстоятельство — качество НЧК — стало главной причиной быстрых и устойчивых темпов роста ВВП не только КНР. По этому пути идут ЛЧЦ Индии, Бразилии, Индонезии.

И, наоборот, НЧК старых, прежде всего западной ЛЧЦ, фактически не развивается или, как минимум, отстает в своем развитии относительно новых центров силы. Более того, даже деградирует. Это пытаются компенсировать за счет «скупки мозгов», что, надо признать, хорошо удается США, которые сумели в последние годы скупить более 5 млн специалистов, создав фантастический запас «мозгов» для будущего технологического рывка.

Вместе с тем такая политика США не уничтожает для них негативных демографических последствий. Представление о будущих перспективах ЛЧЦ, вытекающих из неравномерности развитии НЧК отдельных ЛЧЦ, дают следующие данные: рис.3.10[52].

Как видно из этой карты, к 2040–2043 годам, по мнению российских и английских экспертов, про-

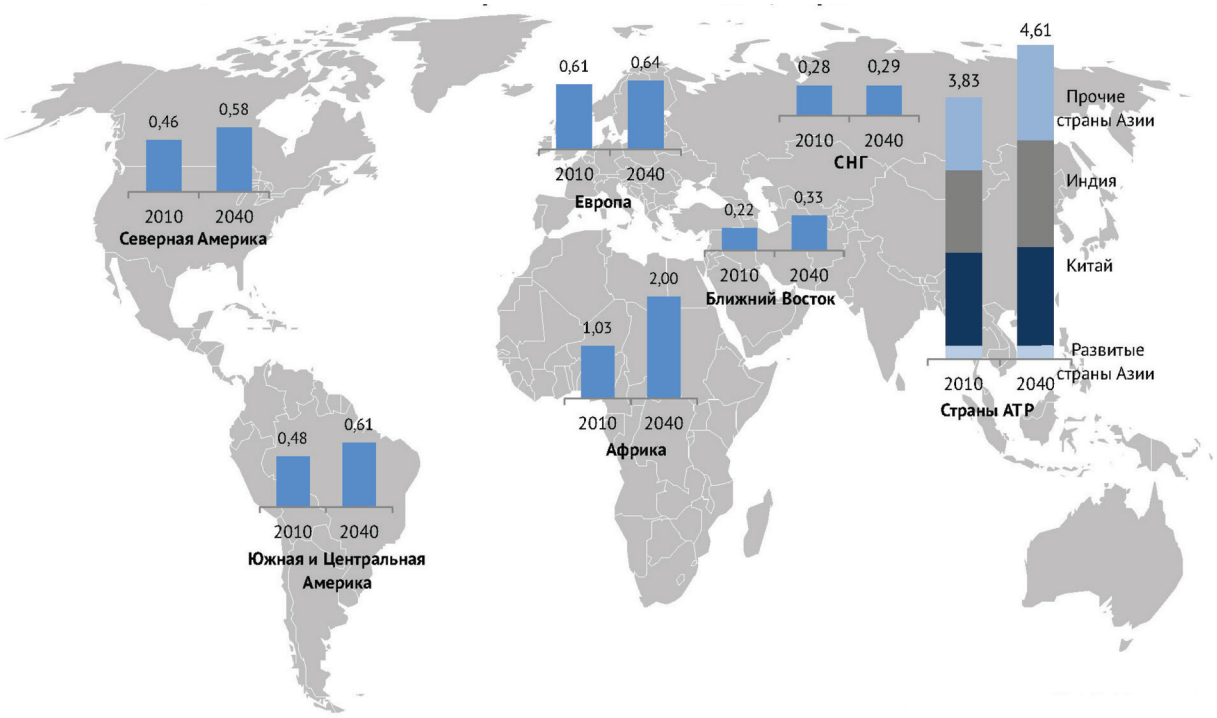

Рис. 3.10. Численность населения мира в 2010 и 2040 годах, млрд чел.

изойдет радикальное изменение сил в области НЧК отдельных ЛЧЦ. Причем не только количественно, демографически, но и, прежде всего, качественно. Индия и Китай будут не только крупнейшими по численности странами мира, но и странами, обладающими самым большим НЧК, его эффективными институтами, средним и креативным классом и другими качественными характеристиками, которые неизбежно приведут к изменению их роли в мире. Не случайно, говоря о трех фундаментальных факторах изменения МО министр обороны США летом 2015 года называл[53]:

— глобализацию;
— распространение технологий;
— демографические изменения.

---

[52] Институт энергетических исследований российской академии наук. Аналитический центр при правительстве Российской Федерации. Прогноз развития энергетики мира и России до 2040 года. — М.: 2014 / http://ac.gov.ru/files/publication/a/2194.pdf. — С. 8.

[53] The National Military Strategy of the United States of America. — Wash.: GPO, 2015. June. P. 3.

Эти факторы совершенно по-разному влияют на развитие МО и роль ЛЧЦ. Если глобализацию и распространение технологий можно отнести к мировым процессам, которые не могут быть взяты под контроль какой-то одной ЛЧЦ (даже борьба США и всей западной ЛЧЦ с КНДР и Ираном не привели к существенным результатам), то лидерство в развитии НЧК, безусловно, станет решающим фактором будущей МО.

В этой связи остается открытым вопрос о соотношении сил между ведущими центрами силы, представляющими основные ЛЧЦ в Евразии — западной, восточно-христианской, индийской, китайской и исламской. Думается, что это соотношение сил в любом случае будет не в пользу Запада: развитие четырех «полюсов» в Евразии неизбежно. Даже с учетом сохранения западного превосходства в Евразии эти «полюса», взятые по отдельности, создают угрозу западному контролю, но эта угроза многократно усиливается, если произойдет объединение двух, трех, а тем более, четырех потенциалов НЧК основных ЛЧЦ на антизападной основе. Этот вариант не так, уж, и невозможен, когда речь идет не о полноценных союзах, а о временных объединениях, направленных против какой-то одной, например, западной ЛЧЦ.

3.2. г). НЧК и его институты как главное средство противоборства ЛЧЦ в Евразии

Несмотря на различные политические системы…
мобилизация гигантского потенциала Евразии в области человеческого капитала, природных ресурсов, развития инфраструктуры, образования и технологий могла бы способствовать устойчивому экономическому росту и повышению уровня жизни миллиардов людей[54]
Доклад НИИ ЕАБР

… достижение целей информационного противоборства может исключить вооруженную борьбу, а, следовательно, и военный конфликт в целом[55]
П. Дульнев, В. Орлянский, военные эксперты

Резкое повышение значения роли НЧК и его институтов в развитии ЛЧЦ и наций и обеспечении их безопасности в XXI веке относится к совершенно объективным тенденциям, вытекающим из научно-технического, технологического и социального развития всего человечества[56]. Более того эти тенденции в еще большей степени усилились в результате «когнитивной революции», начало которой было положено переходным периодом в развитии человеческой цивилизации. Поэтому изменения в политическом и военном искусстве в способах и средствах ведения силовой политики, оказались осознанными с некоторым опозданием, которое совершенно характерно для последних десятилетий, когда социальные технологии (включая политическое и военное искусство) запаздывает от осознания технологических изменений.

Во-первых, основное противчоборство между ЛЧЦ в МО переносится из традиционных областей (контроль над государствами) в нетрадиционные, прежде всего, контроль над элитами и обществами, их системами ценностей, которые являются цивилизационными, а не государственными атрибутами, что немедленно отражается на политике и военном искусстве. Так быв-

[54] Количественный анализ экономической интеграции Европейского союза и Евразийского экономического союза: методологические подходы. — НИИ ЕАБР, 2014. — С. 5.

[55] *Дульнев П. А., Орлянский В. И.* Основные изменения в характере вооруженной борьбы первой трети XXI века / Вестник академии военных наук, 2015. — №1 (50). — С. 45.

[56] См. подробнее: *Подберезкин А. И.* Национальный человеческий капитал. В 5 т. Т. 2. — М.: МГИМО–Университет, 2012.

Рис. 3.11. Варианты уничтожения России как единого государства

ший советник начальника Генерального Штаба ВС РФ И. Попов очень наглядно (хотя и заведомо упрощенно) изобразил эти изменения на следующем рисунке: рис. 3.11[57].

Последние кризисы и войны конца XX — начала XXI века отчетливо это показали. Именно политика западной ЛЧЦ навязать другим странам и ЛЧЦ свою систему ценностей (прежде всего в области прав человека и способах организации власти в стране) стало не только поводом, но и содержательной основой использования военной силы.

Анализируя войны второй половины XX — начала XXI вв., известный «советский диссидент», ученый-логик и социальный философ А. Зиновьев отмечает, что на смену «холодной» войне приходит «теплая» война: «когда к средствам „холодной" войны стали присоединяться средства „горячей" войны, новые средства, в особенности такие, как диверсионные операции глобального масштаба»[58]. По оценкам аналитиков, ярким примером «теплой» войны второго десятилетия XXI в. является противостояние США и Китая в Восточной и Юго-Восточной Азии. Наряду с этим отмечается изменение направленности атлантического вектора центра тяжести современной международной политики в пределы Индийского и Тихого океанов. Уже в ноябре 2009 г. во время своего первого визита в Восточную Азию, президент США Б. Обама, рожденный на Гавайях, возвел себя в токийской речи в ранг «первого тихоокеанского президента США». Американо-китайское противостояние с позиции «теплой» войны выражается в стремлении окружения Поднебесной кольцом военных баз, с одной стороны, и выстраивании ответной линии обороны в виде «нити жемчужин», с другой. Китайская стратегия «нити жемчужин» основана на построении сети портов и военных баз на территории таких стран, как Бангладеш, Иран, Мальдивы, Мьянма, Пакистан и Шри-Ланка. «Таким образом, Пекин делает все возможное, чтобы отстоять свои преимущественные права в Восточной и Юго-Восточной Азии. Однако это явно не стыкуется с западной

---

[57] *Попов И. М.* Война это мир: невоенные аспекты обеспечения безопасности государства / Доклад: МГИМО–Университет, 2014. Апрель.

[58] *Чимаров С. Ю.* К вопросу о сетецентрическом формате гибридной войны XXI века // Управленческое консультирование. 2016. — №2. — С. 98.

концепцией сдерживания. И то, что китайцы считают вынужденной оборонительной мерой, на Западе могут трактовать, как акт агрессии. И наоборот, попытки Соединенных Штатов „сдержать" Китай в Пекине многие воспринимают как желание „варваров" зажать Поднебесную в тиски»[59].

Во-вторых, происходит перераспределение влияния между разными группами факторов, формирующих МО, в пользу международных акторов, глобальных тенденций и НЧК, о чем говорилось уже выше, что автоматически усиливает значение НЧК в группе международных факторов. Общее падение значения субъектов МО — государств, — как факторов формирования МО в пользу других факторов сопровождается перераспределением влияния внутри этой группы. Это означает, что традиционное восприятие международных отношений, прежде всего, как отношений между субъектами МО — государствами — в XXI веке уступило свое место отношениям между ЛЧЦ, представляющими их коалициями, мировыми трендами и отношениями между акторами формирования МО.

В-третьих, цивилизационное «ядро» в эпоху глобализации продолжает оставаться существенно шире национально-государственных границ, заметно влияя на государственную политику. Примеров такого влияния в конце XX — начале XXI века — великое множество. Применительно к России это, в частности, до сих пор по достоинству неоцененное цивилизационное влияние русских в искусственно развалленном государстве (когда русские, по словам Зб. Бжезинского, испытали «исторический шок»)[60], ежечасно проявляющееся в бывших республиках Прибалтики, Молдавии, на Украине и на Кавказе, и в Закавказье, а также Средней Азии. Но в еще большей степени это влияние можно рассматривать как фундамент, основу будущих новых отношений в рамках единой ЛЧЦ. Естественно, что в том случае, если этот потенциал используется. Очевидно, что эта тенденция «поиска совпадения интересов» усиливается глобализацией и обострением борьбы ЛЧЦ и стран за контроль над природными ресурсами, транспортными коридорами, космическим, медийным, кибер и пр. пространствами. В реальной политике она выливается в создание «политических кнутов» — ТПП и ТАП, с одной стороны, и БРИКС, ШОС, — с другой.

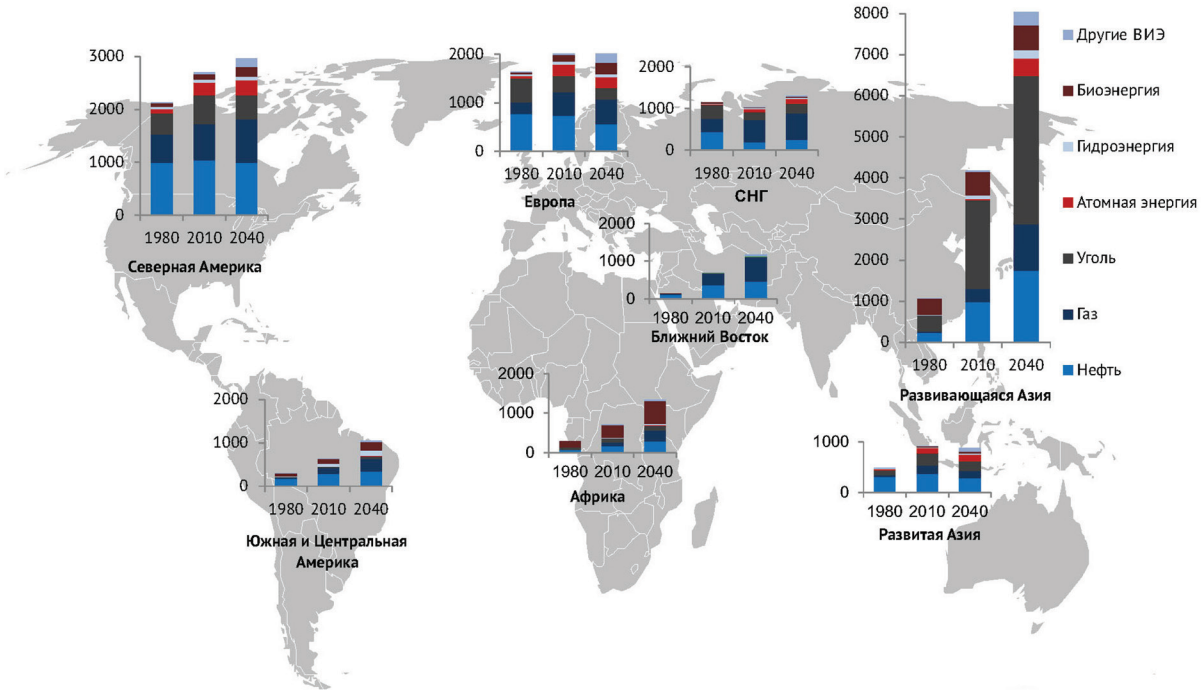

Рис. 3.12. Потребление первичной энергии по регионам и видам топлива, Базовый сценарий, млн т н.э.

[59] *Терентьев А. (мл.).* «Теплая война» США и КНР // Однако. 15 июня 2015. [Электронный ресурс]. URL: http://www.odnako.org/magazine/material/teplaya-voyna-ssha-i-knr/ (дата обращения: 15.07.2015).

[60] *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 2010. — С. 111.

Развитие ЛЧЦ, в демографической и экономической области НЧК неизбежно ведет к росту потребления. Прежде всего, в тех странах, где потребление — промышленное и личное — не соответствовало нормальным потребностям населения и экономики. Переход сотен миллионов граждан из категории «голодающих» в категорию «сытых» и даже «среднего класса» означает рост потребления в разы, на сотни процентов. Это, в свою очередь, ведет к обострению борьбы соответствующих стран за природные ресурсы, потребление которых (в отличие от финансовых ресурсов) будет более точно характеризовать будущее соотношение сил в мире. Прежде всего, между ЛЧЦ. Представление об усилении роли этих ЛЧЦ, например, дают данные о потреблении энергоресурсов в мире по регионам и видам топлива (рис. 3.12[61]).

Как видно из этих данных, американская ЛЧЦ, потреблявшая почти половину мировых энергоресурсов весь XX век, становится по объемам потребления вполне сопоставима с европейской и перестает доминировать на мировом рынке.

Однако еще более полное ощущение от повышения роли некоторых ЛЧЦ можно получить, если представить себе, что наравне с этим количественным демографическим ростом (хотя бы пропорционально) будет расти и главный фактор развития — национальный человеческий капитал Китая, Индии, Японии, Индонезии, Вьетнама и др. стран, а, значит, соответственно и их технологическая, промышленная и военная мощь, которые даже в начале XXI веке уже на 90–95% определяются количеством и качеством НЧК. Так, если в самом конце XX века национальный человеческий капитал Индии привел к тому, что она стала крупнейшим экспортером ПО в мире, а в социальном плане — «самой большой демократией в мире», то уже к 2035–2040 годам Индия будет обладать:

— современной экономической структурой и социальными институтами, вполне сопоставимыми с развитыми странами;
— современными институтами НЧК;
— наиболее мощной экономикой, ВиВТ, а также вооруженными силами в мире.

В этом случае традиционное сравнение ВВП ЛЧЦ и центров силы уже не имеет значения потому, что рост человеческого капитала будет многократно увеличивать рост ВВП, военную и политическую мощь конкретной ЛЧЦ.

Из этих рассуждений следует неизбежный вывод: качество и количество ВиВТ, личного состава ВС некоторых локальных цивилизаций уже в недалеком будущем будет намного превосходить существующие характеристики наиболее развитых стран. Пока что эта тенденция подтверждается в деталях.

В частности, если рассматривать войну на Украине как столкновение двух локальных цивилизаций и их представителей, то становится ясно, что:

— эта борьба имеет стратегическое, цивилизационное значение для народа Украины;
— она отражает остроту назревших противоречий между двумя локальными цивилизациями: западной и российской в силу нежелания России терять свой суверенитет;
— выбор средств такой борьбы определяется их значением, прежде всего, для идеологического, цивилизационного и мировоззренческого противоборства;
— приоритетность использования таких средств борьбы зависит от того, насколько они соответствуют характеру (цивилизационному) противостояния.

Сказанное выше, требует особенного внимания при анализе и прогнозе развития МО, на анализе собственно ЛЧЦ и их специфических особенностей в современном мире[62]. Более того, только анализ традиционных факторов формирования МО представляется уже очевидно недостаточным. Даже если этот анализ и учитывает влияние на МО других, в т.ч. новых факторов формирования в XXI веке.

---

[61] Институт энергетических исследований российской академии наук. Аналитический центр при правительстве Российской Федерации. Прогноз развития энергетики мира и России до 2040 года. — М.: 2014 / http://ac.gov.ru/files/publication/a/2194.pdf. — С. 21.

[62] *Подберезкин А.И.* Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — С. 205–249.

3.3. ЗНАЧЕНИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ЛЧЦ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ И ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ В XXI ВЕКЕ

В XXI веке успешными будут государства, способные воспользоваться историческим опытом для интеграции современных показателей силы и жизнеспособности[63]
А. Цыганков,
профессор Калифорнийского университета

Война — это вооруженное столкновение между двумя независимыми политическими единицами с использованием организованной военной силы в целях проведения государственной политики[64]
К. Клаузевиц

Усиление значения и роли отдельных ЛЧЦ для формирования международной обстановки ведет к неизбежному усилению влияния цивилизационного фактора на формирование производной от МО военно-политической и стратегической обстановки.

Эти отношения между ЛЧЦ — отношения «высшего уровня», определяющие во многом как будущее всей человеческой цивилизации, так и во многом определяющие развитие тех или иных сценариев международной обстановки и, как следствие, — военно-политической обстановки, стратегической обстановки, а также характер международных войн и конфликтов.

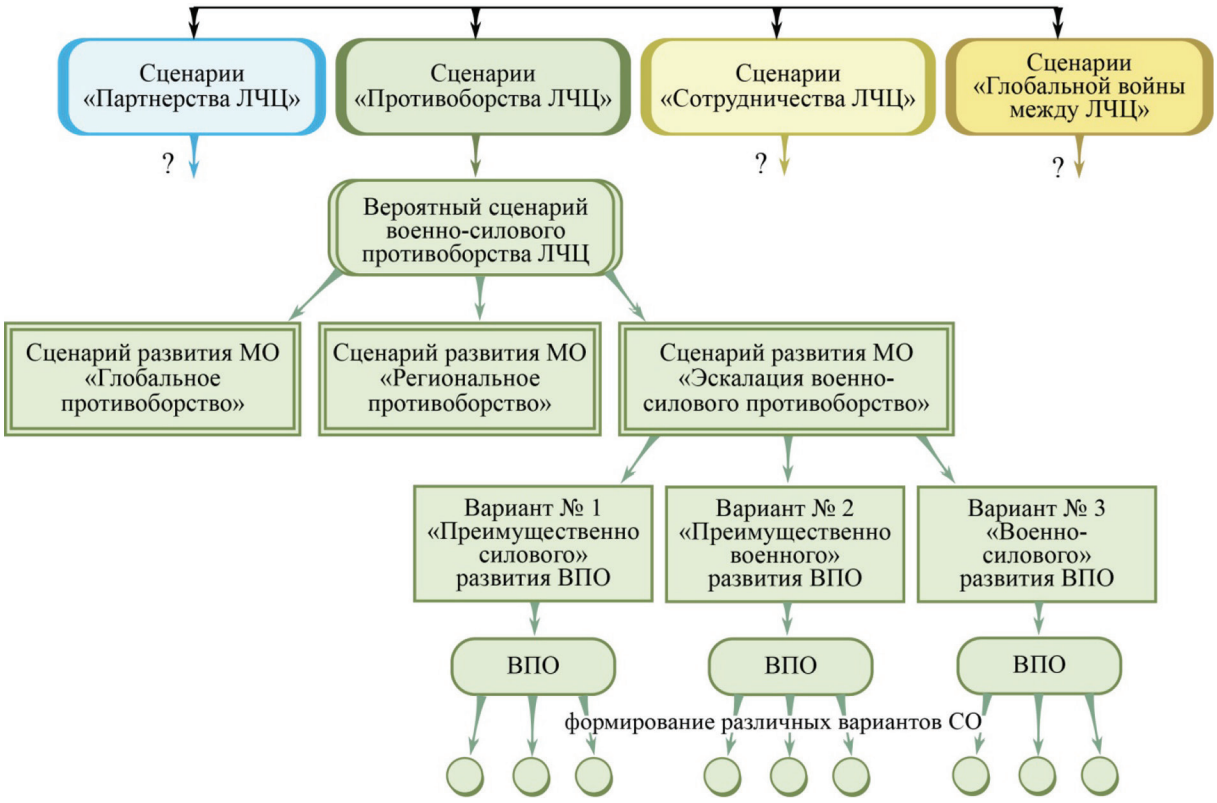

Рис. 3.13. Возможные и вероятные сценарии развития отношений между ЛЧЦ в XXI веке

---

[63] *Цыганков А.* Сильное государство: теория и практика в XXI веке / Россия в глобальной политике. 2015. Март–апрель. — С. 16.

[64] *Шнирельман В. А.* У истоков войны и мира. Война как предмет исследования. — М. 1994. — С. 56.

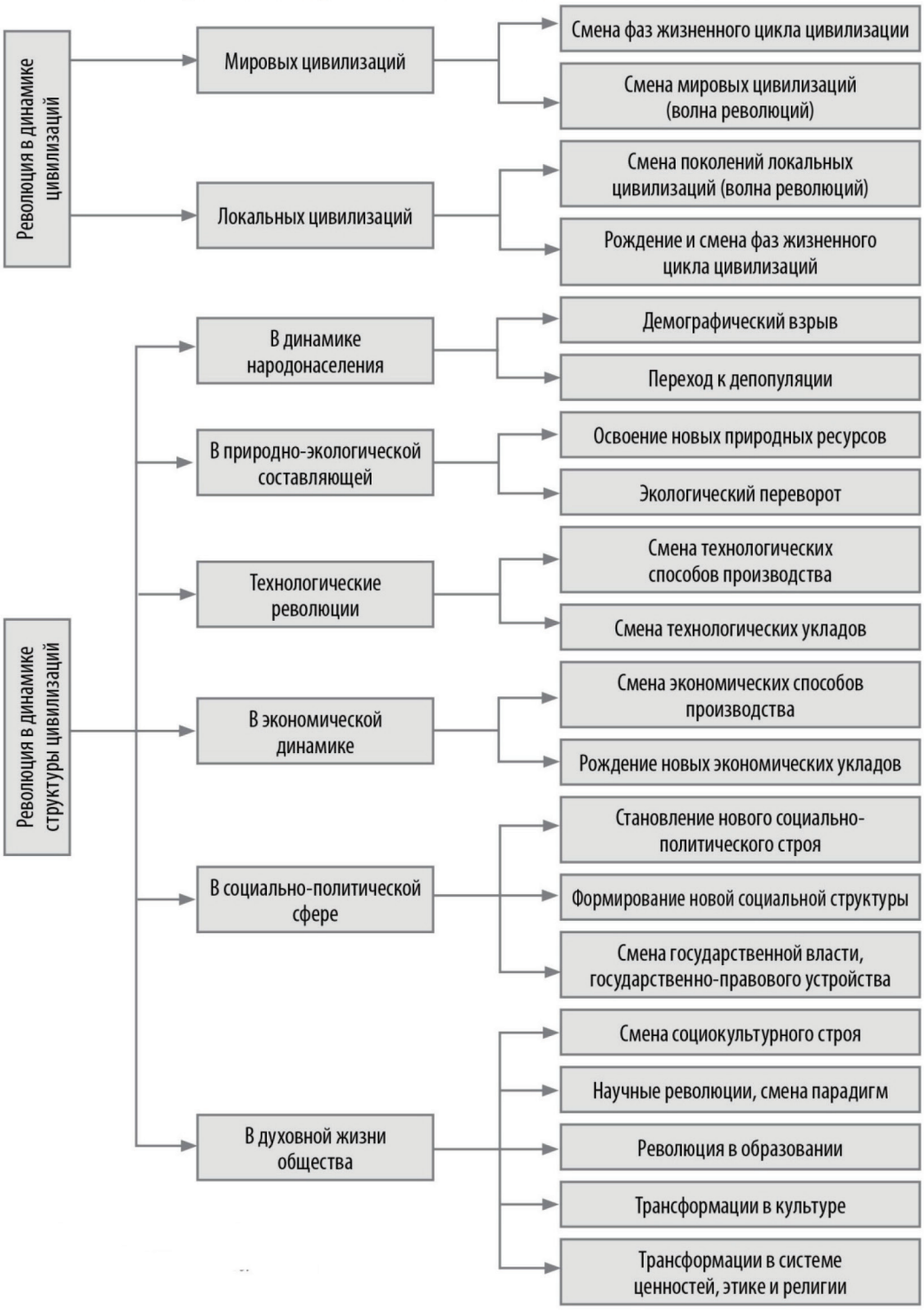

Рис. 3.14. Классификация революций в динамике цивилизаций

Эта общая логика и последствия развития отношений между ЛЧЦ неизбежно отводят особую роль определению сценариев развития отношений как между ЛЧЦ, так и внутри ЛЧЦ. Этот «высший уровень» определяет и направленность развития тех или иных сценариев МО. Так, теоретически, можно выделить следующие сценарии развития отношений между ЛЧЦ в XXI веке в качестве возможных и вероятных (рис. 3.13).

Как видно из предлагаемой схемы, решающее значение для определения будущего сценария развития МО–ВПО–СО имеет точный выбор того или иного сценария развития отношений между ЛЧЦ. Так, если, например, выбор будет в пользу будущего сценария «Партнерства ЛЧЦ», т.е. близкого сотрудничества между ЛЧЦ, то и все мировое развитие пойдет по этому пути. Из сценария «Партнерства ЛЧЦ» вытекает, непублично, очень высокий уровень сотрудничества и отсутствие противоборства, а тем более конфронтации. Не говоря уже о сценариях военно-силового противоборства.

На рисунке рассмотрен, в качестве наиболее вероятного, сценарий «Противоборства ЛЧЦ», который может быть реализован (условно) в одном из трех сценариев развития МО, а тот, в свою очередь в различных сценариях ВПО. Не вдаваясь в подробную аргументацию и обоснование того, почему я рассматриваю этот сценарий в качестве наиболее вероятного (основной аргумент остается прежним: стремление западной ЛЧЦ не допустить силовыми и военными средствами изменения ситуации в мире), я попытался очень схематично показать вероятное развитие этого сценария и превращение его в сценарии МО, ВПО, СО, а также войн и конфликтов.

В то же самое время следует иметь в виду два принципиальных соображения. Во-первых, теоретически возможным остается и развитие других сценариев взаимоотношений ЛЧЦ, а, во-вторых, внутри самого процесса развития ЛЧЦ происходят революционные изменения и смена парадигм, которые неизбежно приведут к радикальным сдвигам в отношениях между ЛЧЦ в перспективе 15–20 лет. Ряд исследователей иллюстрируют эту мысль следующим образом (рис. 3.14).

С конца XX в. пришло время постиндустриальной цивилизационной революции. По сравнению с предшественницей она носит более глубокий и радикальный характер, охватывает более длительный временной отрезок, поскольку в ее основе лежит переход к очередному историческому суперциклу в развитии глобальной цивилизации, формирование пятого поколения локальных цивилизаций, становление интегрального социокультурного строя[65].

Переход от одного поколения цивилизаций к другому всегда — смена исторического качества, иными словами — революция. Как раз такая цивилизационная революция — смена поколений

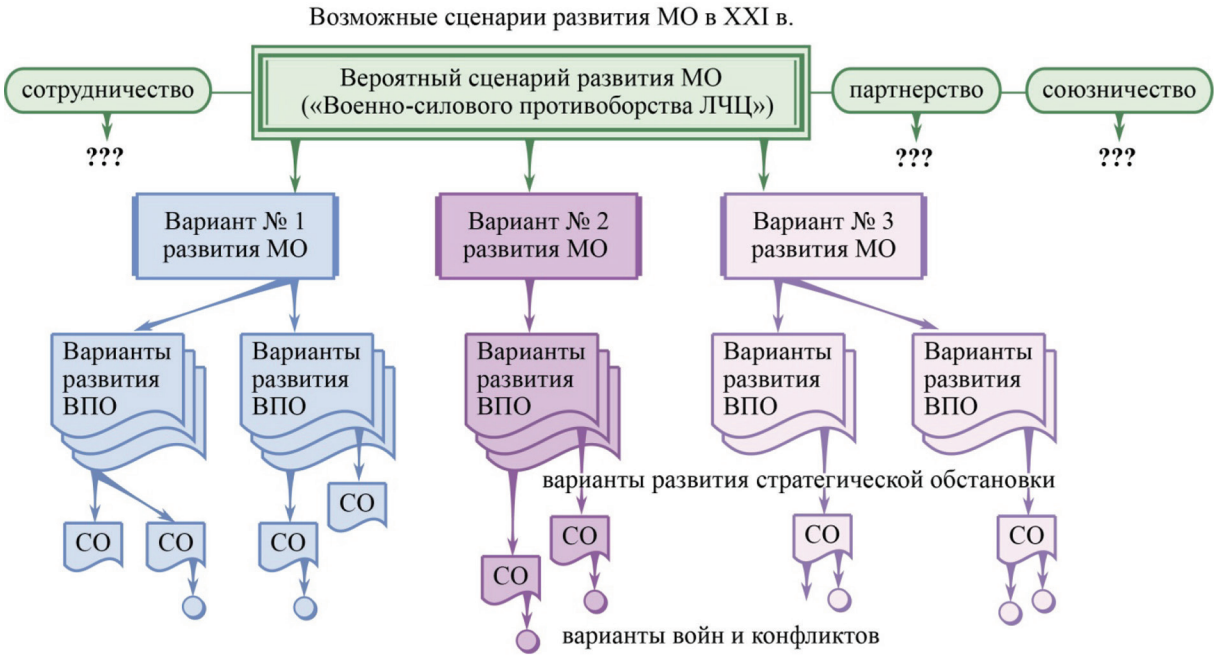

Рис. 3.15. Логика развития сценариев МО и ВПО

[65] *Кузык Б. Н., Яковец Ю. В.* Цивилизации: теория, история, диалог, будущее. Т. I. Теория и история цивилизаций. — М.: Институт экономических стратегий, 2006. — С. 406–407.

цивилизаций — происходит в наше время: «Мы находимся внутри процесса смены исторических эпох… Логика всемирно исторического процесса позволяет предположить, что по завершении переходной эпохи сформируется новое поколение локальных цивилизаций». Можно согласиться с этой позицией[66].

Это выражается, в частности, в том, что развитие вероятных конфронтационных сценариев отношений между отдельными ЛЧЦ в XXI веке неизбежно имеет следствием усиление не только силовых, но и военных инструментов политики. Так, наиболее вероятный сценарий развития МО в XXI веке это сценарий «Военно-силового противоборства ЛЧЦ», который (в соответствии с долгосрочным прогнозом до 2040 года) будет реализован в одном из своих военно-силовых вариантов в зависимости от конкретных внешних и внутренних условий. В самом общем виде этот сценарий представляет собой следующую логическую последовательность (рис. 3.15)[67].

Главное, что следует из подобной логики, это то, что наиболее вероятным сценарием развития МО в XXI веке является сценарий глобального «Военно-силового противоборства ЛЧЦ», который реализуют уже в настоящее время США и возглавляемая ими западная ЛЧЦ. Именно из этого сценария (в одном из его конкретных вариантов) формируется будущее человечества, где роль военной силы и ее составляющих в формировании конкретной стратегической обстановки и более общей военно-политической обстановки будет решающей. Поэтому полезно посмотреть на эту логику развития МО — ВПО — СО с более «высокой» точки зрения отношений между основными ЛЧЦ в XXI веке[68].

3.3. а). Наиболее вероятный сценарий развития международной обстановки — сценарий глобального «военно-силового противоборства ЛЧЦ»

… Северная Америка заменила Европу в качестве мирового центра притяжения, и тому, кто господствовать в Северной Америке, фактически гарантирована роль доминирующей мировой державы. В XXI в. (как минимум) такой державой будут США[69]

Дж. Фридман, политолог

Грядущий конфликт между цивилизациями — завершающая фаза эволюции глобальных конфликтов в современном мире[70]

С. Хантингтон, политолог

После такого вывода С. Хантингтона, сделанного еще в самом начале 90-х годов XX века, прошло более 20 лет, которые полностью подтвердили его правоту. Даже в условиях эйфории, которая последовала после окончания холодной войны и отнюдь не способствовала тому, чтобы политики обратили внимание на его пророчества. Но именно этот вывод объяснил резкое обострение МО с конца XX века, которое развивалось «по нарастающей» от войны в Ираке и Афганистане до конфликта на Украине и войны в Сирии.

---

66 *Кузык Б. Н., Яковец Ю. В.* Цивилизации: теория, история, диалог, будущее. Т. I. Теория и история цивилизаций. — М.: Институт экономических стратегий, 2006. — С. 408.

67 *Подберезкин А. И., Соколенко В. Г., Цырендоржиев С. Р.* Современная международная обстановка: цивилизации, идеологии, элиты. — М.: МГИМО–Университет, 2014. — С. 50.

68 Там же. С. 58–66.

69 *Friedman G.* The Next 100 Years: A Forecast for the 21st Century / Doubleday, 2009. P. 5 / http://eknigi.org/

70 *Huntington S.P.* The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs, 1993. Summer / https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/1993-06-01/clash-civilizations

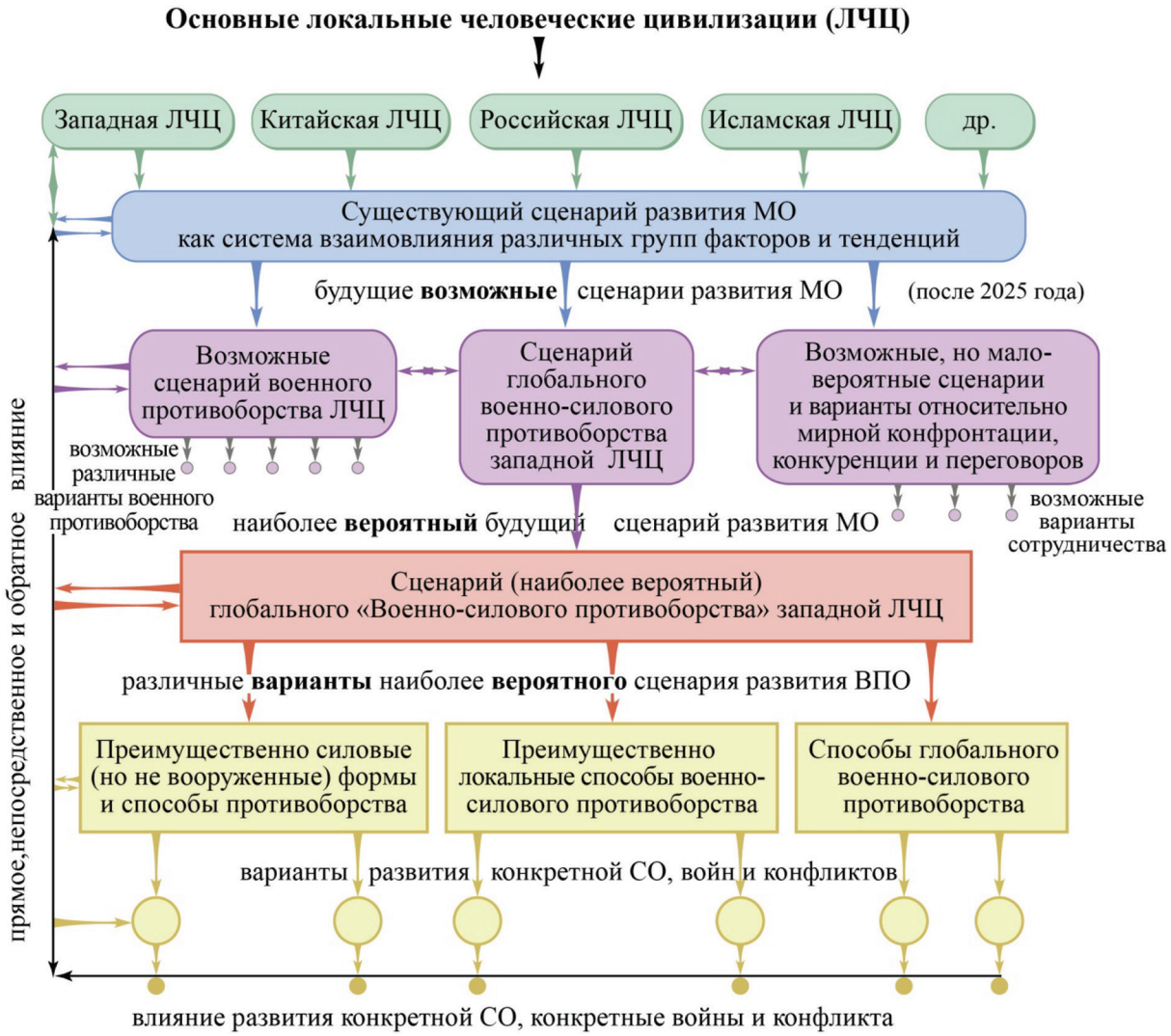

Рис. 3.16. Логико-теоретическая модель развития сценариев (и их вариантов) МО и ВПО–СО после 2025 года

Понять и объяснить каждый из этих конфликтов или войну можно самыми разными, в т.ч. прямо противоположными причинами, но общий знаменатель для них и всего процесса обострения ВПО можно понять только исходя из логики конфликта западной ЛЧЦ с другими ЛЧЦ за сохранение своего контроля в мире.

Таким образом, в процессе анализа и прогноза разрабатывается как логико-теоретическая схема (модель), так и эмпирическая, причем как первая, так и вторая, взаимно дополняют друг друга и не должны (в идеале) вступать в радикальные противоречия, исключающие полностью один из двух анализов. При этом изначально выдвигается условие, что в итоге должен остаться «только один», наиболее вероятный вариант сценария развития МО, который и является рабочей гипотезой для эмпирического анализа. Так, логико-теоретическая модель развития МО в упрощенном виде (как и всякая модель) представляется следующим образом: рис. 3.16[71]

Таким образом, из рисунка, отображающего логическую модель МО и взаимосвязи с ней ВПО и СО, видно, что будущий сценарий развития МО предопределяется развитием

[71] *Подберезкин А. И.* Военные угрозы России. — М.: МГИМО–Университет, 2014.

и взаимоотношениями между ЛЧЦ и формируемыми ими союзами и коалициями, а конкретный (наиболее вероятный) вариант того или иного сценария развития МО и вытекающего из него вариант сценария ВПО является следствием таких взаимоотношений. Это первое и главное исходное теоретическое положение анализа и стратегического прогноза развития МО.

Другое теоретическое положение относится к структуре собственно международной обстановки, а также факторам и тенденциям, влияющим на ее развитие. В различных работах мы по-разному, иногда достаточно подробно описывали свое видение этой проблемы[72]. В данном случае необходимо отметить, что рассматриваются три основные группы объективных факторов и тенденций, влияющих на формирование (в т.ч. вероятность) того или иного сценария МО:

— глобальных, мировых тенденций в развитии человечества — экономических, информационных, биологических, экологических, финансовых и т. д., чье влияние сказывается на всех сторонах формирования МО и ВПО;
— группа традиционных факторов — субъектов МО — государств и наций, но, прежде всего, локальных человеческих цивилизаций;
— группа относительно новых факторов — негосударственных и межгосударственных акторов, участвующих в формировании и развитии МО:
  а) международные организации и институты, коалиции, союзы и пр.;
  б) негосударственные акторы — общественные организации, партии, сетевые сообщества и др.

Кроме этих трех групп объективных факторов огромное значение для формирования МО в XXI веке стала играть группа субъективных факторов, связанных с национальным (цивилизационным) человеческим капиталом и его институтами, а также процессом подготовки и принятия политических решений. Эта группа факторов выделилась из группы объективных глобальных тенденций и стала играть самостоятельную, все возрастающую роль только в XXI веке, хотя и в прежней истории человечества ее было невозможно полностью игнорировать.

В целом все группы в совокупности представляют десятки тысяч факторов, субъектов, акторов и тенденций, большинство из которых может иметь много характеристик и параметров. Так, только один из традиционных субъектов МО — государство, — например, Российская Федерация, имеет сотни важнейших параметров и критериев — от численности населения и территории, до величины ВВП, внешнего долга и численности ВС, — которые влияют на формирование существующего и будущего сценария развития МО. Как уже говорилось, до настоящего времени традиционно используются в прогнозах в основном оценки только традиционных показателей и критериев — демографические, географические, финансовые. Поэтому конкретный вероятный сценарий развития МО неизбежно должен учитывать максимально полно не только эти «физические», реалии, но и идеологические «намерения» правящей элиты по реализации этих реалий.

Для целей анализа и прогноза такое огромное число факторов и их показателей не является принципиальным затруднением. Существующие мощности вычислительной техники позволяют, например, одному из компьютеров Концерна ВКО «Алмаз-Антей» отслеживать в реальном времени состояние более 50 000 факторов, т. е. — если применить к оценке МО — тысяч факторов, формирующих МО. Проблема заключается в построении методики и алгоритма, которых до сих пор не существует. Так, судя по всему, прогноз будущей ВПО делается до сих пор на основе анализа всего лишь двух групп факторов — количества и качества ВиВТ и численности ВС.

Между тем анализ политики всего лишь одного субъекта МО — какого-то одного (из 200) государства — предполагает исследование не только изменения его количественных параметров (численности населения, ВВП и т.д.), но, прежде всего, его качественных характеристик: основных целей, формулируемых правящей элитой и соответствующих стратегий. Так, даже в основу традиционного конкретного анализа политики и стратегии субъектов МО положены, как правило, два основных исследования: анализа интересов (потребностей) этого субъекта и ценностей (нации,

---

[72] *Подберезкин А.И.* Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — С. 32.

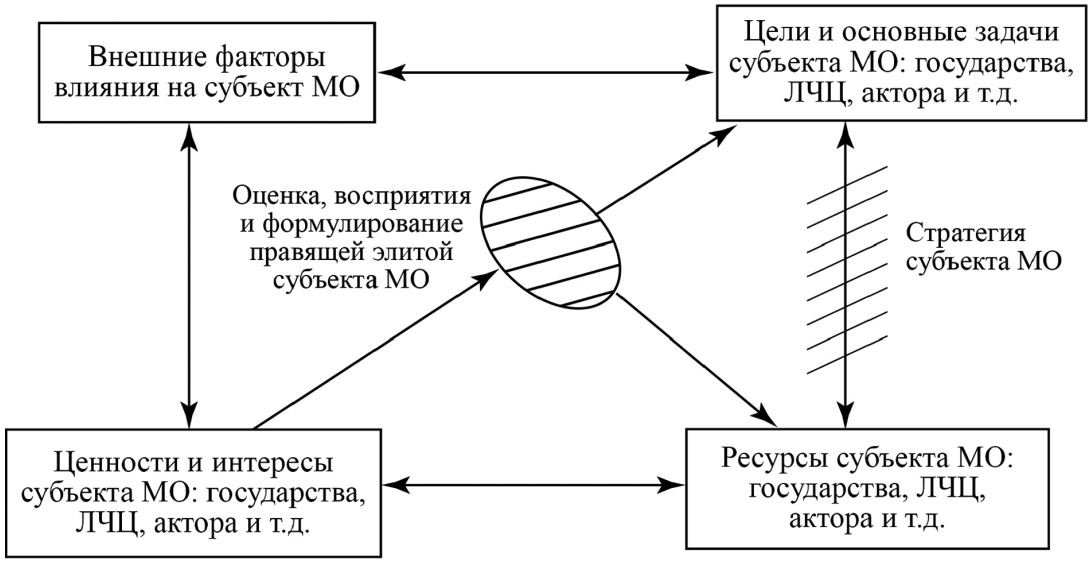

Рис. 3.17. Логический рисунок модели анализа политики субъекта МО

государства) и реальных возможностей этого субъекта МО, что очень схематично можно показать на следующем логическом рисунке (рис. 3.17)[73].

На самом деле для точного анализа политики (одного!) субъекта МО этого мало, ведь кроме того, на формирование политики и стратегии этого субъекта МО влияют такие группы факторов, как:

— внешние условия и влияние внешних факторов, в т.ч. внешние вызовы и угрозы;
— субъективное восприятие правящей элитой этого субъекта МО всех групп факторов — объективных интересов и ценностей, внешнего влияния, наличия возможностей и ресурсов, что в итоге выражается как в субъективном формулировании политических целей, так и соотношения «цели–средства», лежащего в основе любой стратегии.

Изменение и перераспределение влияния между странами и ЛЧЦ в начале XXI века привело правящие элиты этих государств к необходимости переоценки существующих внешнеполитических стратегий ЛЧЦ, прежде всего западной, претендующей на сохранение мирового лидерства в будущем, когда произойдет неизбежное изменение в соотношении сил. Так как в этой стратегии особенно сильное влияние приобрел силовой, даже военный, компонент, то соответственно и возрастает влияние военно-политической и военно-стратегической обстановки на формирование МО, происходит своего рода «силовая милитаризация» политики. Это, в свою очередь, требует, как справедливо заметил цитируемый выше А. Цыганков, «интеграции современных показателей силы», а также неизбежна переоценка классической формулы войны, данной К. Клаузевицем.

Исходя из предложенного выше определения стратегической обстановки, как конкретной военно-политической и международной обстановки, в которой реализуются принципы военно-силовой системной и сетевой стратегии западной ЛЧЦ[74]. Можно также предположить, что анализ и прогноз возможных сценариев развития СО в XXI веке (в силу своей сугубой конкретности и субъективизма), требует особенно скрупулезного внимания и подходов, которые исключают простую экстраполяцию существующих тенденций в развитии МО и ВПО, а тем более привычный, традиционный анализ и прогноз, опирающийся исключительно на исследование перспектив развития ВиВТ. Это означает переоценку традиционных моделей ВПО и СО.

---

[73] Схема составлена по работам М. А. Хрусталева, в частности: Хрусталев М. А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. — М.: «Аспект Пресс», 2015.

[74] *Подберезкин А. И.* Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — С. 12.

3.3. б). Сценарий «Военно-силового противоборства ЛЧЦ» и влияние развития стратегической обстановки

Самые значительные конфликты будущего развернутся вдоль линий разлома между цивилизациями[75]
С. Хантингтон, политолог

Классическая логическая модель развития МО, о которой говорилось выше, — отношения между ЛЧЦ, ведущие к разным сценариям МО, а затем ВПО и СО, в XXI веке неизбежно претерпит изменения потому, что значение промежуточных звеньев (наций, государств, коалиций) будет ослабевать, а конфликты между ЛЧЦ могут сразу приобретать стратегический характер.

Как видно из рисунка 3.18, в новой модели резко усиливается роль СО, которая только с появлением ЯО стала относительно самостоятельной, влияющей на политику.

Такой анализ СО и ее влияния на глобальную и региональную обстановку предполагает максимальный учет субъективных факторов, в т.ч. личных представлений наиболее влиятельных лидеров правящей элиты западной ЛЧЦ. В этом случае, например, неизбежен вывод о том, что характер СО и современных войн уже изменился настолько, что позволяет говорить об отсутствии ясной границы между войной и миром, а тем более о фиксированном международно-правовом определении и признании такого состояния. Другими словами об изменении сущности и характера войны, когда «мир» может быть «войной» (и наоборот), а международно-правовые оценки войны и конфликтов — результатом обычной политики дезинформации, в которой участвуют лидеры государств.

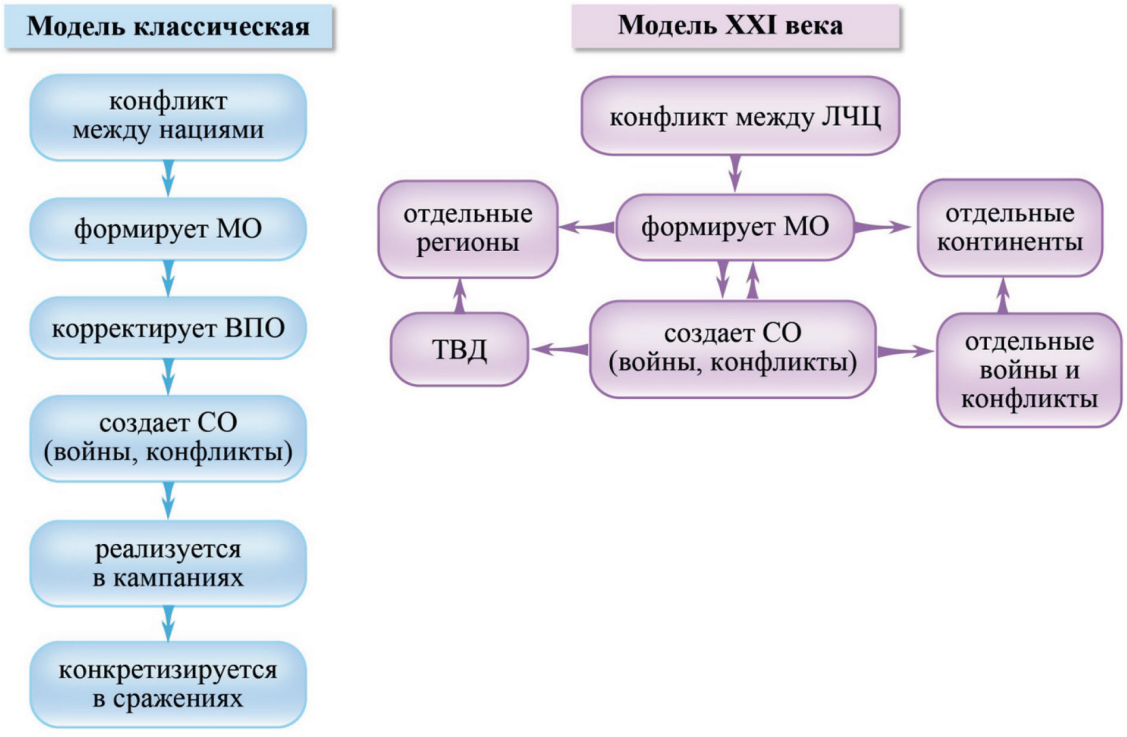

Рис. 3.18. Две модели развития конфликтов до XX века и в XXI веке

[75] *Huntington S.P.* The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs, 1993. Summer / https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/1993-06-01/clash-civilizations

Важно, что противостоящая западной ЛЧЦ правящая элита, против которой направлена такая политика, должна понимать и признавать эти реалии. Что отнюдь не является очевидной реальностью. Так, значительная часть российской правящей элиты, представленной либеральным лагерем, не признает этих реалий просто по политико-идеологическим соображениями, боясь оборвать свои групповые и личные связи с Западом. Но, не признавая этих реалий, эта часть правящей элиты отнюдь не перестает влиять на политический курс страны, что превращает такую политику в откровенно кричащее противоречие.

Как видно из рисунка ниже (рис. 3.19), любая политическая стратегия включает в себя участие в формировании МО, ВПО и СО, но совершенно в разной степени, в зависимости от конкретных акцентов и задач поставленных политической элитой. В одних случаях, когда роль военной силы незначительна, влияние ВПО–СО на формирование МО оказывается небольшим, либо вообще незаметным. Так было, например, во внешней политике США в период изоляционизма, а СССР — в период индустриализации и коллективизации.

В других случаях, когда военная сила превращается в основной политический инструмент, влияние СО и ВПО на формирование МО становится доминирующим. Так, накануне войны СССР с Финляндией неблагоприятная СО (угроза Ленинграду и всему северо-западному промышленному району) резко и неблагоприятно повлияла не только на европейскую ВПО, но и на всю МО. Маленький военный конфликт, в котором участвовало несколько дивизий, чуть не привел к военной интервенции в СССР Великобритании и резкому изменению логики развития отношений между двумя военно-политическими коалициями.

Из этого рисунка абстрактной модели стратегии западной ЛЧЦ видно также, например, что более общая часть относительно СО — военно-политическая обстановка, охватывает и значительно более широкую область всего политического процесса взаимоотношений субъектов и акторов МО в мире (обозначена на рисунке пунктиром), а еще более общая — международная обстановка включает дополнительно международные реалии и ведущие тренды (группа факторов «Б») и часть системы национальных ценностей и интересов. Наконец, самая общая — отношения ЛЧЦ, точнее совокупность всех ЛЧЦ, — представляет собой общую основу, фундамент для понимания характера и будущих сценариев развития не только МО и ВПО, но и СО. Иными словами всю МО можно представить в виде одной из фигур своего рода «матрешки», где более крупной является «матрешка» межцивилизационных отношений, а более мелкие — военно-политическая и военно-стратегическая. Этот образ можно проиллюстрировать на примере Ливии и войны против нее

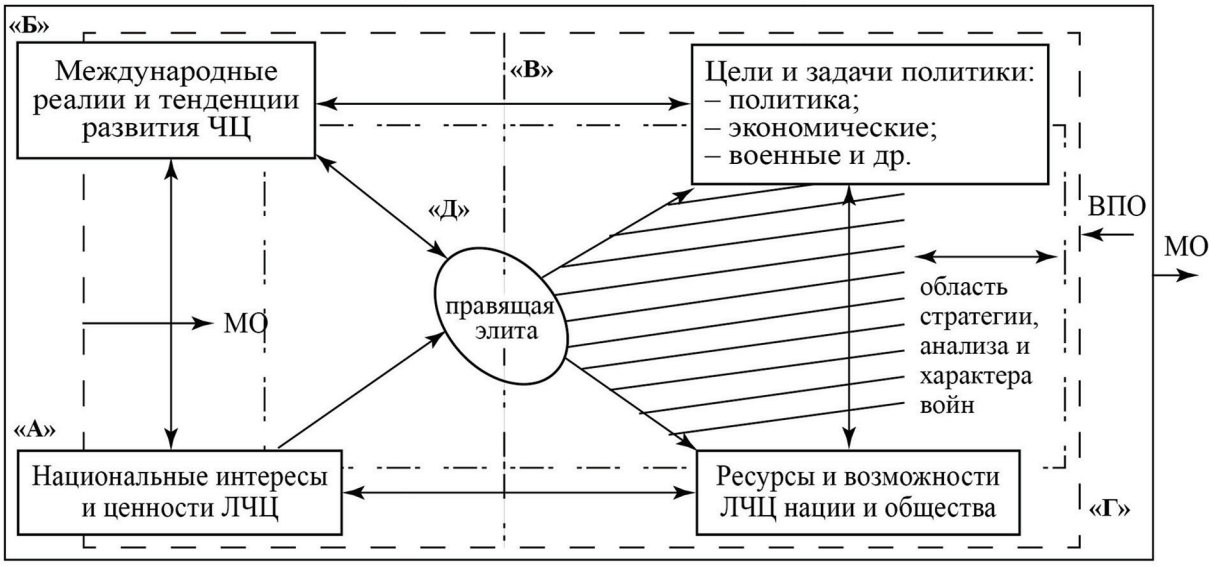

Рис. 3.19. Абстрактная модель политической стратегии и формирования МО, ВПО и СО в XXI веке

западной ЛЧЦ и ее сателлитов 2011 года, когда МО–ВПО и СО характеризовались следующими обстоятельствами:

— стабильная Ливия и МО в Северной Африке, находящихся вне полного контроля западной ЛЧЦ, не устраивали Запад. Ливия выступала в той или иной форме в качестве суверенного субъекта МО, претендуя одновременно на роль одного из лидеров исламской ЛЧЦ, что и явилось главной причиной конфликта, имевшего, прежде всего, межцивилизационную форму;
— стабильные МО–ВПО и СО не позволяли западной ЛЧЦ изменить ситуацию политико-дипломатическими или финансово-экономическими средствами, поэтому было принято решение силовым образом дестабилизировать СО с мощью исламских радикалов и управляемой оппозиции. Дестабилизация СО в короткие сроки привела к дестабилизации ВПО и МО, которые сохраняются с 2011 года;
— дестабилизация СО привела к достижению главной цели — смене политического режима и публичному наказанию лидера, что явилось уже своего рода традицией после падения Наджибуллы — в Афганистане; Чаушеску — в Румынии; Хусейна — в Ираке; Милошевича — в Югославии и т.д.

Таким образом, новая модель политической стратегии западной ЛЧЦ предполагает:

— во-первых, дестабилизацию СО вокруг субъекта МО;
— во-вторых, создание враждебной ВПО в регионе;
— в-третьих, ликвидацию правящего режима;
— в-четвертых, публичное уничтожение лидера.

Именно этот алгоритм попытались использовать на Украине в 2013–2014 годах, когда спасение В. Януковича оказалось случайностью, не имеющей политических последствий.

Изменения в стратегиях ЛЧЦ и государств, а также в сценариях развития МО–ВПО являются «конечным продуктом», более того, — частным конкретным случаем — развития более общего сценария развития человеческой цивилизаций и взаимоотношений между локальными цивилизациями. Это подтверждает, в частности, война на Украине 2014–2015 годов, которая может быть понята, прежде всего, как вооруженный конфликт между двумя локальными цивилизациями и их представителями в элите страны проживающими на Украине. Первая из них — «западноевропейская» — хотела ассоциировать себя максимально быстро с Западом, в том числе через противопоставление с «восточноевропейской» (российской) локальной цивилизацией. Вопрос только в том, насколько этот процесс полностью совпадал с интересами Запада, а также насколько он был им инспирирован и искусственно обострен. Без ответа на этот вопрос невозможно дать точную оценку МО, сложившейся в 2014–2015 годах на Украине[76].

Думается, есть все основания считать, что, как и в случае с Ираком и Ливией, сценарий развития и обострения СО на Украине был не просто использован, но и заранее точно разработан и выполнялся с помощью Запада в рамках начатой им еще в 90-е годы XX века системной и сетецентрической войны и ведущейся последние 20–25 лет. Налицо ясный план, чётко сформулированные цели, последовательность в их достижении (несмотря на то, какая администрация находилась в Вашингтоне), выделение необходимых ресурсов и многое другое, что свидетельствует о тщательно разработанной и последовательно реализуемой стратегии. При этом алгоритм принятия решений в отношении такой стратегии остается достаточно простым. Он представляет к началу второго десятилетия следующий набор принципов и действий, объединенных в систему:

— создание и утверждение в общественном сознании неких «универсальных» общих принципов и международных норм, автором и защитником которых выступает западная ЛЧЦ;
— обеспечение информационной поддержкой таких принципов и норм как «единой» системы ценностей и интересов западной ЛЧЦ;
— формирование военно-политической глобальной коалиции западной ЛЧЦ;

---

[76] *Подберезкин А.И.* Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — С. 43–47.

— создание системы международной безопасности, опирающейся на эту коалицию западной ЛЧЦ;
— консолидацию правящих элит западной ЛЧЦ на основе общей системы ценностей и при помощи военно-политической коалиции;
— единые силовые (и вооруженные) действия западной ЛЧЦ по продвижению своей системы ценностей и интересов в мире, провоцирующие резкое обострение СО и дестабилизацию всей ВПО и МО не только в стране, но и в регионе, когда последствия приобретают глобальный характер.

В этой связи возникает множество вопросов, среди которых наиболее важный можно сформулировать следующим образом: как, зная о планах дестабилизации СО и ВПО, помешать искусственному развитию конфликта? И, связанного с этим другого вопроса, прямо касающегося сегодняшней внешнеполитической стратегии России: если не удалось предотвратить обострения СО и военного конфликта, каким образом его закончить (выйти)?

По сути дела ответ на эти вопросы касается не только позиции России на переговорах в Минске, которая может быть расценена как единственная реальная возможность предотвратить развитие конфликта и глобализации негативного развития СО на Украине, но и в принципе более широкого подхода по нейтрализации усиления военно-силового сценария развития МО. Проблема — создания эффективного алгоритма противодействия такой стратегии западной ЛЧЦ[77].

Если рассмотреть эту новую системную сетецентрическую стратегию западной ЛЧЦ и существующий алгоритм принимаемых ею решений в отношении частных внешнеполитических примеров, то оказывается, что ее практическая «применимость» подтверждается полностью не только в отношении Ирака, Афганистана, Ливии, Сирии, Йемена и Украины, но и в глобальном масштабе в XXI веке. Другой вопрос заключается в том, насколько перспективны эти сценарии развития ВПО в мире в будущем? Как представляется, с точки зрения интересов западной локальной цивилизации, эти сценарии стратегически, в долгосрочной перспективе, полностью адекватны существующим на Западе стратегиям мирового лидерства, а значит при прогнозе будущих сценариев развития ВПО и СО в мире вообще и на Украине, в частности, следует исходить именно из этой предпосылки. Другими словами алгоритм действий вероятно будет следующим:

— обострение СО с помощью «третьих сил» (ЧВК, «оппозиции», радикалов, провокаций и т.п.) до уровня странового и регионально конфликта;
— превращение этого конфликта в локальную или региональную войну и формирование на этой основе соответствующей ВПО;
— развитие МО в нужном направлении, угрожая эскалацией конфликта, сменой режима и уничтожением лидера.

Именно такие сценарии, как уже говорилось, разыгрывались повсеместно и реализуются в 2015 году на Украине, в Сирии, Йемене и ряде других стран. Противодействие развитию этого сценария смогли оказать в Египте и частично в Сирии, где удалось консолидировать значительную часть правящих элит.

Очень важно понимать в этой связи последовательность и приоритетность различных систем ценностей в представлении различных частей правящих элит для того, чтобы правильно оценить будущий характер СО и характер войн и конфликтов в XXI веке. И не только за рубежом, но и в России. В данном случае в системе ценностей одной части российской элиты заложено старое представление о неизбежном глобальном характере войны, которое автоматически означает ее «недопустимость», «немыслимость», что одновременно означает готовность к смене национальных систем. В частности и сегодня у значительной части российской правящей элиты и общества сохраняется миф о том, что война это такой вооруженный конфликт, который сопровождается неизбежно массированным использованием ядерного оружия. Другими словами, если нет ядерной войны или по крайней мере

---

[77] *Подберезкин А. И., Мунтян М. А., Харкевич М. В.* Долгосрочное прогнозирование сценариев развития военно-политической обстановки: аналитич. доклад. — М.: МГИМО–Университет, 2014. — С. 17–44.

крупномасштабной войны, то и нет войны вообще. Граница между «войной» и «невойной» — массированное использование ВС, ВиВТ, в т.ч. ядерное. До тех пор пока этого нет, нет и войны.

Это — опасное заблуждение, которое вызвано старым, инерционным и очень субъективно-ошибочным мышлением, при котором только массированные боевые действия с крупными потерями означают войну. На самом деле война, (причем крупномасштабная и даже с еще большими потерями), которая сознательно игнорируется, с Россией и другими странами уже идет не первый год. В Ираке в результате этой войны погибло почти 1 000 000 граждан, в Афганистане — сотни тысяч, но и в России (если сложить все потери в локальных конфликтах за 1989–2015 годы) такие потери могут быть не меньше. Фактически конфликт на Украине унес жизни тысяч бывших советских граждан, проживавших на этой территории в едином государстве до 1991 года.

Это — полномасштабная война, преследующая и достигающая определенных политических результатов. И дело даже не в том, что есть немалые жертвы и огромные экономические потери, а в том, что некоторые политические цели такой войны уже вполне реализованы и будут реализовываться. В частности:

— развален ОВД и СЭВ, а лидеры стран-союзниц СССР уничтожены или репрессированы;
— развален СССР и разделен на государства, часть которых вошла во враждебную военно-политическую коалицию;
— развалена экономика России, а ее влияние в мире и возможность противодействовать контролю США сведено к минимуму;
— по периметру России создается союз враждебных государств и очагов напряженности;
— в Евразии создана серия постоянно существующих конфликтов и очагов нестабильности[78].

Если справедливо подсчитать эти экономические и демографические потери (русских, оставшихся за рубежом, погибших от эпидемий, в т.ч. эпидемии самоубийств и т.д.), то окажется, что они составляют десятки миллионов жизней граждан бывшего единого государства, которое на протяжении столетий называлось Российская империя, СССР, Россия[79].

В этой связи возникает вопрос о политической адекватности некоторых представителей современной российской правящей элиты, с которой ими по-разному описывается глобальная МО и ВПО. Важно, чтобы такие оценки были максимально реальными, хотя именно этой адекватности и реалистичности у российской элиты сегодня и не хватает. Так, например, де-факто значительная часть правящей российской элиты готова согласиться на контроль со стороны западной локальной цивилизации. Другая — не хочет признавать, что этот контроль уже существует. Третья — реалисты — называют вещи своими именами. Так, например, можно согласиться с бывшим советником НГШ ВС РФ И. Поповым, который описывает современную СО следующим образом (Причем его субъективность имеет вполне серьезные основания), акцентируя внимание на субъективном восприятии новой модели стратегии западной ЛЧЦ: рис. 3.20[80].

Думается, что эти категоричные выводы И. Попова совершенно оправданы, хотя и требуют уточнений. Порой, весьма серьезных. От таких же субъективных, к сожалению, но неизбежных.

Прежде всего относительно того, идет ли уже новая война или у России все-таки есть «небольшой срок условно мирных лет». На мой взгляд, есть все основания утверждать, что «холодная война» с СССР–Россией не прекращалась. Просто в 90-е годы, когда СССР и Россия шли на запредельные уступки, сравнимые с капитуляцией, они приобрели другую, более «мягкую форму», когда очевидные средства и приемы психологической и сетецентрической войны использовались редко. Просто потому, что и без их применения можно было добиться заявленных политических

[78] *Подберезкин А. И.* Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — С. 11–25.

[79] *Подберезкин А. И.* Военные угрозы России. — М.: МГИМО–Университет, 2014.

[80] Доклад к.и.н. руководителя независимого экспертно-аналитического центра «ЭПОХА» И. М. Попова «Война это мир: невоенные аспекты обеспечении безопасности государства» на открытии Дней науки 2014 «Современные аспекты международной безопасности». МГИМО. 2014. 9 апреля / http://eurasian-defence.ru/node/30886

Рис. 3.20. Геополитическая ситуация в мире: ключевые положения оценки МО в начале XXI века

целей. Они (эти силовые средства) не отменялись и не запрещались, просто их использование как крупнокалиберной артиллерии по отступающему россыпью и не оказывающему сопротивление врагу, не афишировалось и даже — когда это происходило — не признавалось.

Но по мере того как «отступающие» замедляли свой бег, начинали организовываться и пытаться оказывать сопротивление, все инструменты сетецентрической войны, включая самые грубые, — шантаж, провокации, санкции и др. — вновь становились используемыми. Более того, происходила их модернизация, накапливание, разрабатывались новые, более эффективные способы применения. В 2013–2015 годах, таким образом, мы стали свидетелями того, как прежняя «холодная война» не просто вернулась, но и приобрела новое силовое качество: в отличие от периода 1970-х — 1980-х годов уже не было военно-стратегического, политического и экономического равновесия. Соотношение сил однозначно стало в пользу США.

Другой тезис И. Попова о том, что «мы не знаем своих врагов», «своих союзников» вполне может быть оспорен, хотя действительно наша внешнеполитическая пассивность 90-х годов привела к тому, что мы потеряли даже тех немногих союзников, которые оставались с нами после кризиса начала 90-х. Другое дело, что мы нечетко представляем себе ответы на вполне конкретные вопросы, формулируемые в нашей собственной военной доктрине. И в этом И. Попов совершенно прав: что такое война? — Мы имеем очень смутное представление, которое сформировалось еще во времена СССР, но которое требует радикального пересмотра[81].

Справедливо и утверждение И. Попова о том, что «незнание» в СССР ничего о современной войне привело к его поражению. Но здесь требуется сделать существенную оговорку. Говоря «мы», надо точно понимать, кого мы имеем в виду. «Мы» при М. Горбачеве и Б. Ельцине — это та часть правящей элиты, которая не хотела, не только признавать существование войны, но и понимала и принимала западные правила, т.е. готова была изначально к поражению.

---

[81] Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А.И. Подберезкина. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — С. 175–304.

Только понимая роль правящей элиты в осознании объективных интересов, можно адекватно оценить политическую часть СО и, можно говорить о научном долгосрочном прогнозе развития различных сценариев военно-политической и стратегической обстановки. Только правильный политический анализ, т.е. анализ объективных интересов и ценностей (в т.ч. правящей элиты), может объяснить глубинные основы формирования современной СО западной ЛЧЦ. В данном случае, если речь идет о объективной оценке СО у М. Попова, необходимо исходить не из наших субъективных представлений (или еще хуже намерений и пристрастий), а из интересов и конкретных целей и задач локальных цивилизаций, наций и государств. Международная, военная и стратегическая обстановки в конечном счете — лишь производные от тех обстоятельств, которые формируют тенденции в развитии человеческой цивилизации. Эти же обстоятельства в развитии МО в XXI веке приобретают решающее влияние на формирование стратегий ЛЧЦ, наций и государств, моделей поведения и алгоритмов принятия решений. В настолько значительной степени, что уже можно говорить, что в XXI веке только некоторые из ЛЧЦ, нации и государства сохранили свой суверенитет — полностью или частично — в том числе в области формирования своей внешней и военной политики. Но — следует также четко отдавать отчет и в том, что они будут всеми силами пытаться вернуть себе не только остатки суверенитета, но и пересмотреть структуру сложившейся МО в будущем. С. Лавров неоднократно и не случайно подчеркивал в 2015 году мысль о том, что США и западная ЛЧЦ невполне адекватно реагируют на сложившиеся реалии изменения в соотношении сил и готовность других ЛЧЦ и стран пересмотреть те нормы и правила, которые регулировали финансово-экономические и военно-политические отношения в мире. Этот процесс, очевидно, направлен против новой стратегии западной ЛЧЦ. Ни Россию, ни другие страны не может в принципе удовлетворять положение, когда новые модели и алгоритмы поведения при реализации политических стратегий становятся не только «общим шаблоном», сделанным по заказу западной ЛЧЦ и стран-лидеров, но и превращаются с помощью силы в международную норму, которая приобретает неизбежно глобальное международно-правовое значение.

3.4. РАЗВИТИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА КАК ПЕРСПЕКТИВА СОХРАНЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ЛЧЦ

Новая воспроизводственная структура мира выстраивается с учетом доступности к сырьевым богатствам России и стран СНГ, и западная военная машина готовится к защите такой схемы[82]

А. Владимиров, военный эксперт

Рост цивилизации достигается в том случае, когда меньшинство или все общество в целом отвечает на вызов и при этом … порождает другой вызов, требующий в свою очередь нового ответа[83]

А. Тойнби, политолог

Будущее российской ЛЧЦ среди других ЛЧЦ, особенно в Евразии, где им противостоит западная ЛЧЦ, как уже говорилось выше, зависит во многом от темпов развития НЧК, где по количественному показателю наша цивилизация существенно уступает западной, исламской, китайской

[82] *Владимиров А. И.* Основы общей теории войны: монография: в 2 частях. Часть I. Основы теории войны. — М.: Синергия, 2013. — С. 348.

[83] *Тойнби А.* Теория локальных цивилизаций. Сборник. — М. 1996. — С. 213.

и индийской. Поэтому вопрос о развитии (количественно и качественно) НЧК российской ЛЧЦ это вопрос уже не соревнования, а ее сохранения и выживания. Кстати, именно такое значение НЧК придают на Западе, где в известном выступлении итальянского Премьер-министра на Санкт-Петербургском экономическом форуме в июне 2016 года, когда он заявил о своем главном достижении — втором месте по продолжительности жизни граждан Италии.

Качество и количество НЧК во многом обеспечивают сохранение национальной идентичности, которая станет главным объектом борьбы между ЛЧЦ в XXI веке. Как справедливо писал Хантингтон, «Идентичность на уровне цивилизаций будет становиться все более важной, а облик мира в значительной мере будет формироваться в ходе взаимодействия семи–восьми крупных цивилизаций», к которым он относил западную, конфуцианскую, японскую, исламскую, индуистскую, православно-славянскую, латиноамериканскую и, возможно, африканскую[84].

Смещение акцентов влияния в формировании МО в XXI веке от наций-государств к ЛЧЦ неизбежно ставит вопрос о том, какое место и какую роль мы сами отводим уже не только России, «русскому миру», но и всей российской ЛЧЦ и близким нам нациям в этом процессе. Тем более что не только основоположники цивилизационного подхода — Н. Данилевский, А. Тойнби, — но и наши современные авторы относят Россию и русскую ЛЧЦ к основным типам ЛЧЦ, отделяя ее как от западной ЛЧЦ, так и других ЛЧЦ[85].

Развитие этой глобальной тенденции в XXI веке, таким образом, неизбежно ставит вопрос перед Россией о ее месте в новом мироустройстве более того, о месте всего русского мира и российской локальной цивилизации. В этой связи необходимо выделить несколько самых общих

Рис. 3.21.

Рис. 3.22. Динамика численности населения России и числа занятых

---

[84] Huntington S.P. The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs, 1993. Summer / https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/1993-06-01/clash-civilizations

[85] В основу этого раздела положен материал: *Подберезкин А. И., Соколенко В. Г., Цырендоржиев С. Р.* Современная международная обстановка: цивилизации, идеологии, элиты. — М.: МГИМО–Университет, 2014. — С. 142–148.

положений, которые могут помочь нам лучше понять возможное место и роль России в формировании нового мироустройства, исходя из перспектив развития российской ЛЧЦ. Эта логика представляет собой следующую последовательность (рис. 3.21).

Таким образом, развитие НЧК прямо предопределяет будущее не только России как государства и даже как нации, но и как российской ЛЧЦ.

Очень важно отметить в этой связи хроническую недооценку возможностей демографического развития России, которая периодически происходит не только за рубежом, в международных организациях, так и у нас в стране. Так, после демографической катастрофы 90-х годов XX века любой долгосрочный прогноз относительно России был либо пессимистичным, либо крайне пессимистичным. Это вело к явной недооценке роли субъективного фактора, прежде всего, усилий руководства страны. Так, в начале XXI века классический «реалистический» прогноз демографической ситуации в стране представлял собой следующую картину: рис. 3.22[86].

Из двух противоположных сценариев развития России — инерционного (пессимистичного) и инновационно-прорывного (оптимистичного), баланс складывается, в конечном счете, в пользу последнего. Но чтобы оптимистичный сценарий прогноза воплотился в реальность, как раз и необходимо преодолеть процесс депопуляции, углубляющийся демографический кризис, выровнять этническую структуру государства, уменьшить отток населения из восточных регионов страны и др.

Как видно из графика, самый пессимистический прогноз начала века не оправдался уже к 2010, а тем более к 2016 году.

3.4. а). Российская ЛЧЦ и евразийская интеграция

С окончанием холодной войны
общность культуры быстро вытесняет идеологические различия[87]
С. Хантингтон,
политолог

Общность культуры и истории, отмечал С. Хантингтон, способствует экономической интеграции и стремительному росту экономических связей. В качестве примера он приводит Китай, Тайвань, Гонконг, Сингапур и ряд других стран, которые уже после публикации работы С. Хантингтона вошли в китайскую «жемчужную сеть», включающую множество опорных пунктов в Пакистане, Шри-Ланке, государствах Персидского залива, Африки и стран Средиземноморья.

Похожий, но значительно более слабый процесс, наблюдается и вокруг России, ставшей «российским ядром» евразийской интеграции. Можно попытаться сегодня суммировать некоторые неэкономические предпосылки, основанные, прежде всего, на культурно-исторической общности и общих интересах безопасности России в Евразии.

Во-первых, представляется, что проблема единой системы ценностей как основы российской и любой ЛЧЦ и цивилизационной евразийской интеграции сегодня очевидно недооценивается. Прежде всего, в военно-политической области. Забывается, что в основе успешного примера европейской интеграции лежит фундамент общеевропейской системы ценностей, сложившийся в античную эпоху и христианский период развития, а также общие представления о европейской безопасности. Торгово-экономические аспекты и финансовая выгода — вторичны в этом

[86] *Кузык Б. Н., Яковец Ю. В.* Интегральный макропрогноз инновационно-технологической и структурной динамики экономики России на период до 2030 года / Б. Н. Кузык, Ю. В. Яковец; авт. вступ. ст. А. Д. Некипелов. — М.: Институт экономических стратегий, 2006. — С. 108.

[87] *Huntington S.P.* The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs, 1993. Summer / https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/1993-06-01/clash-civilizations

процессе, что отнюдь не является сегодня общепринятой точкой зрения. Может быть, этим и объяснятся некоторые проблемы евразийской интеграции, которые являются следствием именно недооценки общих систем ценностей для тех наций и ЛЧЦ, которые развиваются в Евразии сегодня.

Прежде всего, нельзя игнорировать то, что в течение многих столетий на огромном евразийском пространстве — от Центральной Европы до Сибири и Казахстана — такая общая система ценностей и безопасности формировалась, прежде всего, потому, что большинство населявших эту территорию народов были некогда частью таких государственных формирований как Золотая Орда, Российская Империя и Советский Союз, а до этого и в других союзов. Исследованиями в этой области не занимались целенаправленно, хотя археологические, исторические, генетические и многие другие факты свидетельствуют о некой евразийской общности населявших Евразию народов.

Славяне и кипчакская ветвь тюрских народов — татары, башкиры, казахи, киргизы и другие — тесно интегрировались с русскими в единую культурно-историческую среду. К началу нынешнего века славяне заселили большую часть северо-восточной Евразии. Современные ученые насчитывают 16 славянских народов общей численностью более 300 миллионов человек (русских — более 133 миллионов), составляющих основу 14 государств, а общая численность тюрков — примерно 170 миллионов (из них тюрков-кипчаков — примерно 20%). Недавние исследования генетиков также подтверждают близость генотипов народов, проживающих от Сибири до Центральной Европы. Неслучайно в книге Афанасия Никитина «Хождение за три моря» написанной на русском языке, многочисленные абзацы написаны на тюркском (татарском) языке.

Во-вторых, культурно-историческая общность также совпадает с геополитическим единым пространством Евразии, интересами безопасности проживавших сегодня на этой территории народов. К сожалению, этот фактор сегодня также в полной мере недооценивается, когда говорят о евразийской интеграции. Если в основе современной европейской интеграции находится идея формирования общей системы ценностей, которая отодвигает на второй план даже национальные интересы стран Евросоюза, то общность ценностной системы и геополитического пространства Евразии, а тем более пространства безопасности, пока что не стали приоритетом интеграционного процесса в Евразии.

Между тем объективно общий «центр безопасности» в Евразии уже формируется. Его развитие подталкивают две набирающие силу тенденции: стремление США создать максимально большое количество очагов нестабильности в Евразии — от Ю-В Азии до Ближнего Востока — как гарантию сохранения своих военно-политических позиций и развитие региональных связей не только в области экономики, но и в области безопасности, подталкивающее к формированию региональных институтов обеспечения безопасности на основе сотрудничества незападных ЛЧЦ.

В-третьих, необходимо признать, что два интеграционных процесса, идущих в Евразии, — в Евросоюзе и на постсоветском пространстве — принципиально не отличаются друг от друга и вполне совместимы. Они не должны противопоставляться друг другу и могут быть при желании объединены в единый процесс, в котором участвуют все евразийские государства от Лиссабона до Владивостока. Проблема в разнице политических подходов, а не системах ценностей, которые пока что искусственно противопоставляются друг–другу, разнице в способах обеспечения безопасности в отдельных регионах Евразии.

Вместе с тем реализация общей для всей Евразии концепции безопасности становится все менее реальной из-за стратегического курса, избранного западной ЛЧЦ на конфронтацию с другими ЛЧЦ Евразии. Это обстоятельство, вероятно, будет доминировать при формировании МО в XXI веке.

Но, это, же обстоятельство позволяет предположить, что систему безопасности Евразии можно будет формировать и без участия западной ЛЧЦ силами российской, исламской, китайской, индийской и буддийской ЛЧЦ, т.е. коалицией ЛЧЦ, имеющей объективно антизападный оборонительный характер.

В-четвертых, для развития евразийской военно-политической интеграции на постсоветском пространстве ключевое значение имеют опережающие темпы развития восточных регионов России и транспортной инфраструктуры. Регион АТР превратился в новый мировой центр силы, в котором всё больше концентрируется мощь мировой экономики и торговли. Доступ к странам этого региона для стран Евросоюза, Белоруссии, Казахстана и представителей исламской ЛЧЦ будет во многом определяться степенью развития транспортной инфраструктуры России. И здесь, так же, огромное значение имеет общность исторических и культурных корней постсоветских государств. Не только отсутствие языковых барьеров, общие традиции образования и воспитания, опыт освоения восточных регионов и строительство железных дорог, портов, аэродромов, но и создание в течение столетий интеграционных и кооперационных связей в промышленности, — всё это говорит о фундаментальной культурно-исторической общей интеграционной основе. Достаточно напомнить о сверхтяжелых карьерных самосвалах, производящихся в Белоруссии, которые могут обеспечить потребности всех ЛЧЦ.

В-пятых, сегодня, очевидно, что в мире форсированными темпами идут два интеграционных процесса по созданию Трансатлантического и Транс-тихоокеанского партнерства, из которых сознательно исключены не только постсоветские государства, но и другие страны и ЛЧЦ. По сути дела речь идет не столько об экономической интеграции части стран Евразии и АТР, сколько о борьбе за политический контроль над Евразией. В этих условиях просто сожалеть о распаде ОВД и СССР — бессмысленно. Нужно формировать геополитику будущего, понимая, что этот процесс будет встречать яростное противодействие, ибо речь идет о контроле над Евразией и, в конечном счете, о контроле над миром.

Такой контроль подразумевает, прежде всего, продвижение ценностной системы своей ЛЧЦ и союзных ЛЧЦ, в том числе и с помощью военной силы, навязывания другим странам норм и стандартов поведения, которые относятся к ценностям иной цивилизации. Политическая борьба за Евразию всё больше приобретает формы культурно-ценностного, цивилизационного противоборства. Победа в такой борьбе будет означать потерю не только суверенитета и контроля над территорией и природными ресурсами (что сегодня вполне осознается), но и, главное, потерю национальной идентичности, разрушение системы национальных ценностей, т.е. уничтожение нации.

В этих условиях «альтернативная» евразийская интеграция ЛЧЦ означает не больше и не меньше как политику сохранения суверенитета и национальной идентичности этих ЛЧЦ перед угрозой внешней агрессии. Неверный политический выбор неизбежно приведет к размыванию национальной системы ценностей и самоидентификации.

В-шестых, в этой связи, принципиально важно определиться со стратегией евразийской интеграции российской ЛЧЦ, в основе которой должна лежать не только торгово-экономическая выгода, но, прежде всего, сохранение общей системы ценностей и культурно-исторического наследия народов Евразии, включая тех, которые входят в другие ЛЧЦ, обеспечение безопасности и суверенитета этих государств. Собственно гуманитарная, информационная и образовательная составляющие интеграционного процесса в странах Евразии (на которые обращают большое внимание в странах Евросоюза) должны стать государственным и общественным приоритетом.

Общие интересы безопасности исторические и культурные корни, общие ценности должны сознательно культивироваться на постсоветском пространстве, а не уничтожаться. Не секрет, что нередко мы наблюдаем сознательно направляемые процессы по «переписыванию истории», искажению современной политики союзных государств. Мы должны иметь не только общую историю, но и общее будущее, общие цели и общие ценности, которые базируются на общих корнях и наследии. Мы должны предложить общую цивилизационную, экономическую и социальную модель развития, которая была бы привлекательна и конкурентоспособна по сравнению с американской и западноевропейской. Другими словами, мы должны предложить, прежде всего, привлекательную систему взглядов, т.е. евразийскую идеологию, которая стала бы основой интеграционной политики — внешней, военной, экономической, социальной.

3.4. б). «Российское ядро» ЛЧЦ и евразийская интеграция в области развития НЧК

И сейчас «бархатный занавес» культуры сменил «железный занавес» идеологии в качестве главной демаркационной линии в Европе. События в Югославии показали, что это линия не только культурных различий, но временами и кровавых конфликтов[88]

С. Хантингтон, политолог

В относительно отдаленной перспективе 20–25 лет соотношение мировых сил и ЛЧЦ может существенно меняться. Это имеет прямое отношение к российской ЛЧЦ и конкретно России.

Таблица 3.5. Тенденции динамики мировой экономики[89]

Показатели	1950	1960	1970	1980	1990	2000	2000 к 1950
Численность населения, млн чел.	2507	3050	3700	4400	5235	6000	239
Среднегодовые темпы прироста, % к предыдущему периоду		1,8	2,1	1,4	0,6	0,6	50
Число занятых, млн чел.	1088	1328	1594	1883	2148	2490	229
% к численности населения		44	43	43	41	41	95
Производительность труда, ВВП в ценах и по ППС 2000 г. на одного занятого, тыс. долл.	6,9	9,3	12,1	14,4	16,8	18,7	271
% к предыдущему периоду		134	130	119	117	111	—
Мировой ВВП в ценах и по ППС 2000 г., млрд долл.	7555	12 305	19 270	27 105	36 055	46 580	643
Среднегодовые темпы прироста, %		9,0	4,6	3,5	2,9	2,6	113
Товарный экспорт в ценах и по ППС 2000 г., млрд долл.	775	1280	2435	3935	5985	9040	1166
% к ВВП	10,0	10,5	12.0	14.5	16.5	19.5	190

Источник: Мировая экономика. Глобальные тенденции за 100 лет. — М.: Экономистъ. 2003. — С. 497, 503, 529, 539, 596.

Как видно из приведенных данных, за 50 лет основные показатели человеческой цивилизации изменились на 200–1000 %, т.е. на порядки, что радикально меняет всю картину мира. По мере ускорения развития экономики и общества в XXI веке, можно ожидать, что к 2050 году эти показатели также изменятся на 100–300 %. При этом для разных ЛЧЦ и стран они будут существенно отличаться друг от друга.

Сохранение и развитие национальной идентичности, суверенитета и независимости обеспечивается сегодня, прежде всего, быстрыми темпами развития НЧК и его институтов в рамках отдельных цивилизаций, которые формируют не только общее историческое, культурное и духовное наследие, но и общее представление о будущем. Раздел на «мы» и «они» происходит не только в прошлом и настоящем, но и в будущем. Та цивилизация или нация, которая сможет представить

[88] *Huntington S.P.* The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs, 1993. Summer / https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/1993-06-01/clash-civilizations

[89] *Кузык Б.Н., Яковец Ю.В.* Интегральный макропрогноз инновационно-технологической и структурной динамики экономики России на период до 2030 года / Б.Н. Кузык, Ю.В. Яковец; авт. вступ. ст. А.Д. Некипелов. — М.: Институт экономических стратегий, 2006. — С. 64.

наиболее привлекательное общее будущее, та и становится ядром, концентрирующим вокруг себя нации, государства и народности. Таким образом, успех экономической интеграции (значение которой сегодня абсолютизируется среди участников евразийского процесса) предопределяются темпами развития НЧК и общей системы ценностей в этих странах, основанных на культуре, истории и представлениях об общем будущем.

Развивающийся конфликт между цивилизациями, неизбежно вынуждает отдельные страны делать выбор в пользу той или иной идентичности и ЛЧЦ, ограничивая в той или иной степени национальный суверенитет. Это очень наглядно видно на примере современной Европы, где не только «новые европейские государства», но и традиционные страны Европы — от Италии и Великобритании до Германии — вынуждены часто выбирать между национальной и общеевропейской системой ценностей, суверенитетом и универсализмом.

Следует откровенно признать, что идеология развития «российского ядра» ЛЧЦ должна стать основой процесса формирования евразийской цивилизации и интеграции, более того, не только политико-идеологическим фундаментом внешнеполитической стратегии России, но и даже ее нормативной Стратегией национальной безопасности, внешнеполитической доктриной! Прежде всего, потому, что сформированная в России система ценностей, история Евразии, демонстрировали на протяжении столетий не только свою устойчивость и универсальность, но и способность учитывать и бережно относиться к национальным системам ценностей, а так же, противостоять чужим ценностным системам. Это принципиально важно в эпоху, когда цивилизационно-ценностные противоречия становятся основными в отношениях между государствами, вытесняя нередко даже экономические и военные.

В основе этой идеологии и политики развития «российского ядра» ЛЧЦ должна находиться установка на опережающее развитие национального человеческого капитала — как количественно, так и качественно. К настоящему времени наблюдается обратная тенденция, когда темпы развития российского НЧК по всем основным показателям стагнируют. В частности, динамика демографического развития российского центра силы существенно отстает от общемировых тенденций, в особенности, если речь идет о наиболее важных, дееспособных, возрастных категориях, например, мужчинах в возрасте 20–60 лет.

«В советский период наблюдается рост этого показателя с 1964 по 1980-й годы. После 1980 года идет снижение, убыстрившееся после 1985 года. Но если отбросить эти детали, мы имеем средний уровень с 1959 по 1991 гг. равный 306. Именно столько мужчин из 1000 не доживало до пенсии в РСФСР.

После 1991 года этот показатель растет резко вверх до показателя 480 человек из 1000 (почти половина!) в 1994 году с падением к 1998 году и новым резким ростом в весь первый срок В. Путина до 2005 года. Всего средний показатель с 1991 по 2010 гг. равен 421 человеку из 1000. Нужно понимать, что эта цифра растекается на все возрасты от 20 до 60 лет.

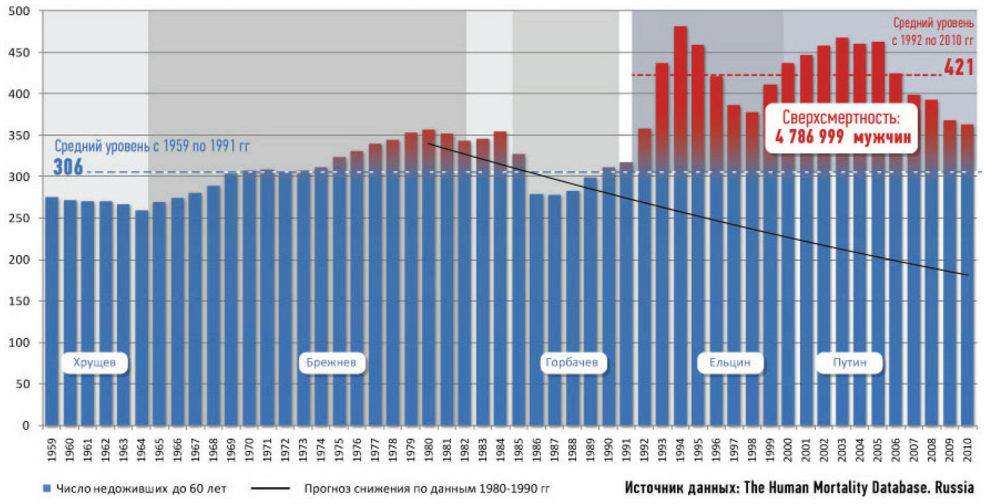

Рис. 3.23. Вероятность умереть мужчине в России в возрасте от 20 до 60 лет. 1959–2010 гг.

Исходя из получившихся цифр „306“ и „421“ я произвел подсчет сверхсмертности мужчин за период 1992–2010. Если принять за данность неизменность среднего советского показателя в 306 из 1000, то выйдет, что сверхсмертность мужчин от 20 до 60 лет за период с 1992 года в России составила 4 млн 787 тыс. То есть почти 5 млн здоровых, крепких мужчин не дожило до пенсии в условиях правления либералов в России. Очевидно, что эта цифра занижена, если учесть общемировой фактор снижения данного показателя и фактор снижения этого показателя именно для России на основании прогноза 1980–1990 гг. Прогноз показан на графике черной линией. Если считать от него, то цифру в 4,8 млн можно смело умножать в 1,6–1,8 раза.

Если кому-то эти цифры кажутся нереальными, те могут ознакомиться с аналогичными данными, которые дает прогноз ООН для периода 2010–2015 годов для возрастов 15–60 лет для разных регионов мира. Так, согласно этим прогнозам европейский подросток 15 лет имеет шанс не дожить до 60 лет равным 183. Африканский — 323. Российский, 20-летний молодой человек — 363»[90].

Возвращаясь к эпиграфу раздела, который говорит о значении творческих личностей в развитии цивилизаций, необходимо подчеркнуть, что количество и качество этого социального слоя креативного класса должно стать главной заботой власти и общества, а стимулирование развития институтов НЧК — наиболее приоритетной задачей. Как справедливо заметил А. Тойнби «Рост цивилизаций — дело рук творческих личностей или творческих меньшинств. … Творческие личности при любых условиях составляют в обществе меньшинство, но именно это меньшинство и вдыхает в социальную систему новую жизнь»[91]. Именно выполнение этих двух условий может обеспечить опережающее развитие российской ЛЧЦ.

Российская локальная цивилизация, кроме того, обладает уникальной способностью ненасильственного распространения и проникновения по всем азимутам, что очень важно в условиях резко возросшей роли стран АТР и Центральной Азии. Напомню в этой связи, что «евразийская центрифуга» тысячелетиями «выталкивала» народы с востока на запад евразийского континента. И только русский народ двигался с запада на восток и юго-восток. Всей своей историей он доказал способность к развитию и бережному отношению чужого национального наследия и системы ценностей.

3.5. ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОТИВОБОРСТВА ЛЧЦ В XXI ВЕКЕ[92]

… президент Обама пришел к власти с намерением
восстановить новое глобальное лидерство США[93]
Т. Динолон,
советник Президента США

Мировое развитие на современном этапе характеризуется …
соперничеством ценностных ориентиров и моделей развития[94]
Военная доктрина РФ

Анализу основных цивилизационных особенностей противоречий в мире посвящено уже немало работ, авторы которых признают смещение основных противоречий с уровня наций-государств на уровень локальных человеческих цивилизаций. При этом степень влияния всех основных

[90] *Донская М.* Какова вероятность дожить до пенсии в России? 2016. 21 февраля / http://ivan-ushenin.com/?p=416

[91] *Тойнби А.* Теория локальных цивилизаций. Сборник. — М. 1996. — С. 184.

[92] См. подробнее: *Подберезкин А. И.* Основные цивилизационно-политические тенденции, черты и особенности развития МО до 2021–2024 и 40-х годов XXI века / *Подберезкин А. И.* Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — С. 31–35.

[93] *Donilon T.* The United States and the Asia-Pacific in 2013. The Asia Society. New York, March 13, 2013.

[94] Военная доктрина Российской Федерации. Утверждена Президентом РФ В. Путиным 26 декабря 2014 г. / http://www.kremlin.ru/

ЛЧЦ (за исключением западной ЛЧЦ, обладающей наивысшим влиянием сегодня) к 2050 году будет достаточно динамично нарастать[95], объективно вытесняя монополизм Запада. Так как таких субъектов МО становится больше, а их совокупная мощь — сильнее, то этот процесс может привести в итоге не только к потере монопольного права западной ЛЧЦ устанавливать нормы поведения в мире, но и к тому, что Запад сам, в свою очередь, со временем может превратиться из ведущего в ведомого.

3.5. а). Особенности развития ЛЧЦ в первой половине XXI века

Само выражение «мировое сообщество» превратилось в эвфемизм, заменивший выражение «свободный мир». Оно призвано придать общемировую легитимность действиям, отражающим интересы США…[96]
С. Хантингтон, политолог

Но для того, чтобы эта возможность была реализована, нужно некоторое время и, главное, чтобы правящая элита западной ЛЧЦ согласилась на это. Чего она, естественно, не хочет. С точки зрения этого главного фактора — фактора обеспечения безопасности, — определяющего характер современного противоборства локальных цивилизаций в мире, основные особенности развития западной ЛЧЦ и современной международной обстановки, а также вытекающие из них особенности противоборства и военно-политической и стратегической обстановки, являются следующими (рис. 3.24).

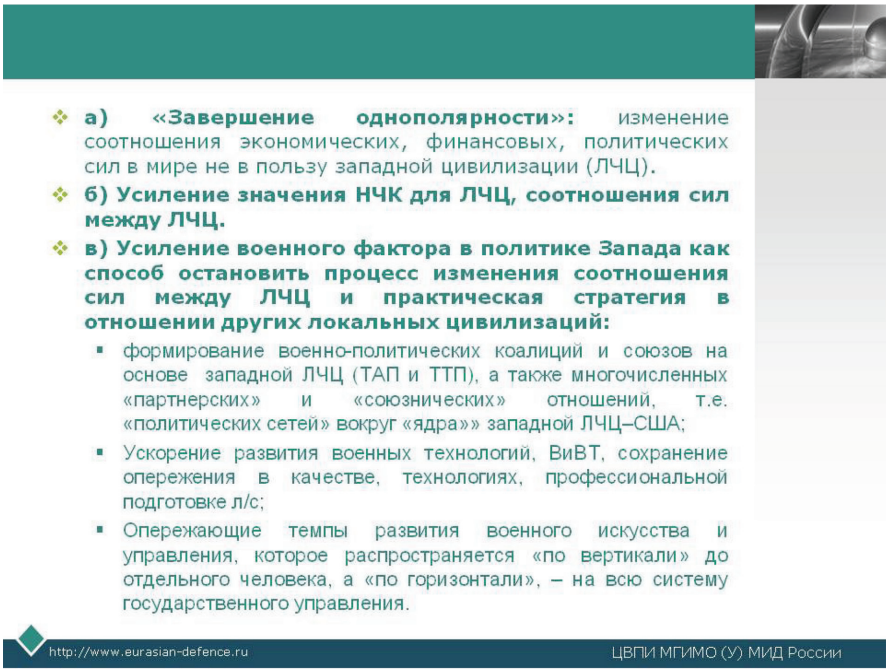

Рис. 3.24.

---

[95] *Подберезкин А. И.* Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — С. 29–31.

[96] *Huntington S.P.* The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs, 1993. Summer / https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/1993-06-01/clash-civilizations

Эти особенности развития западной ЛЧЦ ведут к радикальным изменениям парадигмы ее внешнеполитической и военной стратегии, которые в целом могут быть охарактеризованы следующим образом:

Рис. 3.25.

Эти перемены в МО и стратегии западной ЛЧЦ происходят на общем фоне смены основных парадигм мирового развития, что дестабилизирует МО по объективным и субъективным причинам. Происходит классическое «забегание вперед» в развитии техники (технологий), экономики и социальной области, которое по самой своей сути является революционным, а, значит, и дестабилизирующим. Об этом очень хорошо написал еще в советское время академик Н. Симония, обращая внимание на очень существенные детали такого «забегания вперед», а именно[97]:

— революционном, качественном характере;
— неизбежности впоследствии определенного «отката»;
— фиксировании будущих отношений и положения на качественно новом уровне и др.

Другими словами, будущая МО будет характеризоваться главной особенностью — она будет качественно иная, принципиально отличная от МО «образца 2015». Задачи заключаются в том, чтобы:

— попытаться определить временные границы этого будущего;
— попытаться выделить новые парадигмы, которые будут характеризовать новую МО.

Так, в частности, для переходного периода XXI века характерно изменение качества всей МО, т.е. «фазовый переход», а также невозможность «полного отката», реставрации старой ситуации, т.е. возврату к ситуации конца XX — начала XXI века.. Это означает, что отношения между ЛЧЦ в XXI веке, достигшие определенной, даже острой фазы и кризисной МО во втором десятилетии нашего века, уже не могут вернуться к тому уровню сотрудничества, взаимопонимания и качеству той системы международной безопасности, которые были до этого. В частности, до 90-х годов XX века, когда США и их союзники напали на Ирак и Югославию. Поэтому, мечтать сегодня о периоде «разрядки» или даже «холодной войны», а тем более романтике начала 90-х годов, — бессмысленно. Мы, в 2015 году, находимся в начале «фазового перехода», т.е. мы уже отошли от всей традиционной системы, характерной для прошлого столетия, но еще не достигли нового

[97] *Симония Н. А.* Избранное. — М.: МГИМО–Университет, 2012. — С. 116–132.

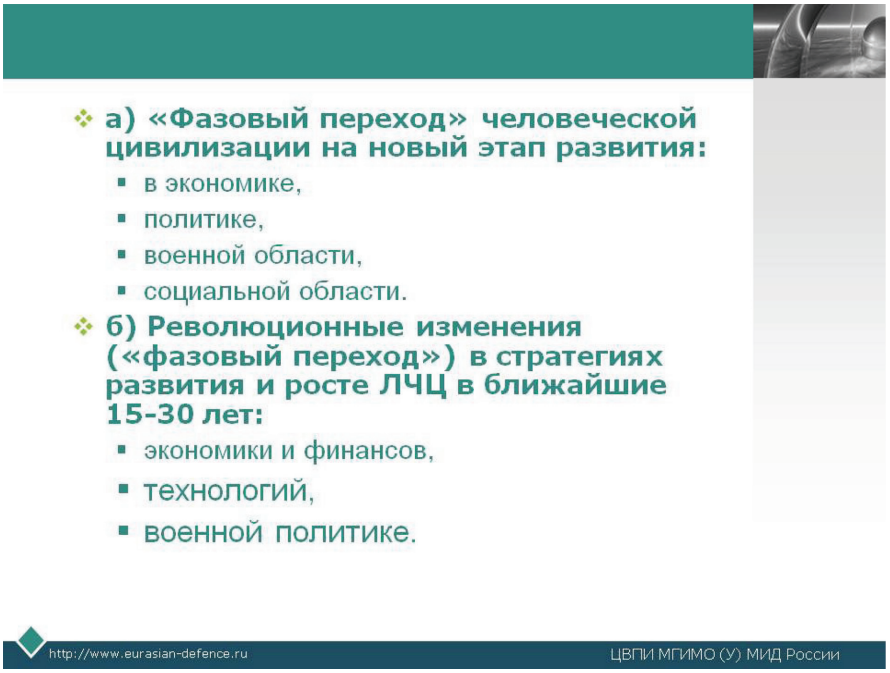

Рис. 3.26.

уровня. Это предполагает, что в XXI веке мы будем испытывать влияние двух групп факторов, характерных для «фазового перехода»: рис. 3.26.

Сказанное, в том числе, означает, что неизбежное появление новых центров силы в мире в форме коалиций вокруг ЛЧЦ неизбежно приведет к обострению МО и переходу силового конфликта между ними в его вооруженную фазу. Более того, в отношении российской ЛЧЦ можно констатировать, что такой переход, начавшийся в 2008 году, уже окончательно произошел в конце 2014 года и уверенно развивался в 2015 году (что только символически совпадает с событиями на Украине и в Крыму). Пространственно — силовое развитие ЛЧЦ в XXI веке будет характеризоваться, прежде всего:

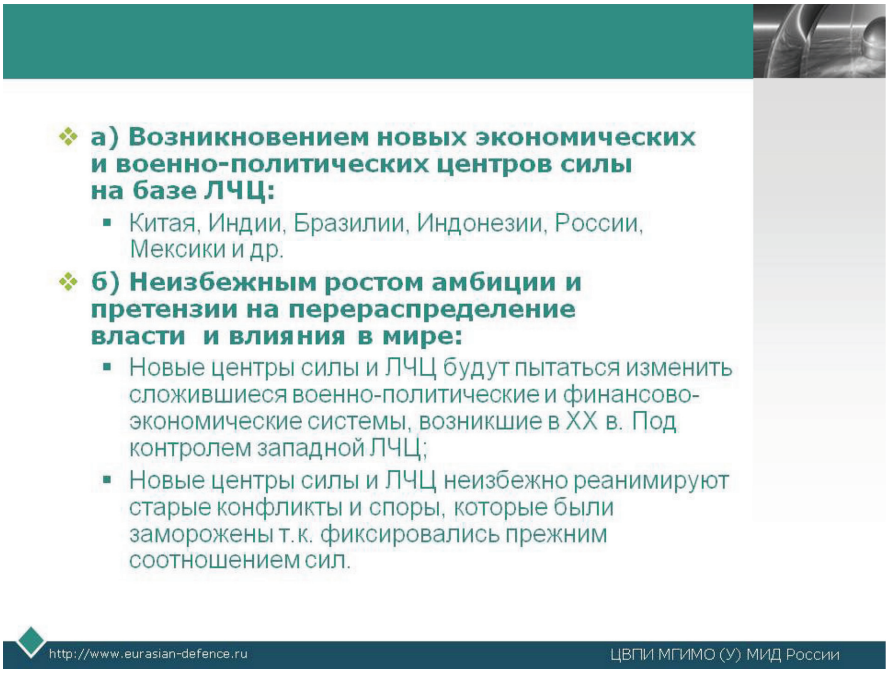

Рис. 3.27.

3.5. б). Основные особенности противоборства ЛЧЦ в XXI веке

Группы или страны, принадлежащие к одной цивилизации, оказавшись вовлеченными в войну с людьми другой цивилизации, естественно пытаются заручиться поддержкой своей цивилизации … По мере развития конфликтов этот фактор, похоже, приобретает все большее значение[98]

С. Хантингтон, политолог

Период отступления российской ЛЧЦ закончился. И не потому, что появился В. Путин и новые представители элит, а, потому, что дальнейшее отступление означало уже даже не только потерю остатков суверенитета, но и всей национальной и цивилизационной идентичности. Коротко, генезис развития отношений между российской и западной ЛЧЦ представляется следующим: началом нового этапа в отношениях между Западом и Востоком, но не двумя локальными цивилизациями, стало завершение «холодной войны», которое стало следствием решений правящей в то время части элиты в России, когда значительная часть правящих элит в СССР и других социалистических странах оказалась неспособной и неготовой продолжать «холодную войну» с Западом, посчитав, что политическая капитуляция окажется безболезненнее и выгоднее. И это политическое решение в корне изменило, не только для российской, но и всей восточной локальной цивилизации МО и ВПО в крайне невыгодном для них ракурсе. Она была принуждена, в конечном счете, к постоянным уступкам, которые вели за собой лишь новые национальные, государственные, социальные уступки западной локальной цивилизации, вплоть до угрозы цивилизационной — потере суверенитета и национальной идентичности. Целью западной ЛЧЦ в 90-е гг. XX в. и в начале XXI века было ассимилировать, на своих условиях, нормах и правилах поведения, большую часть восточной локальной цивилизации, а другую — дезинтегрировать и взять под контроль, когда территория, ресурсы, само поведение уцелевших государств будут определяться западной локальной цивилизацией.

Надо сказать, что подобные цели требовали и смены инструментов воздействия. Прекращение «холодной войны» в этой связи отнюдь не означало наступление всеобщего мира и благоденствия (как рассчитывали некоторые наивные политики), но и прекращения войны. Просто форма войны была заменена — с «холодной войны» на «сетецентрическую», «контрценностную», в основе, которой лежит не борьба против государства, а борьба против нации — ее системы ценностей и национальных интересов и против ее носителей — элиты и общества. При такой смене основополагающей цели война становится:

— во-первых, бескомпромиссной, без перемирий и промежуточных результатов (замена или подмена систем ценностей не может быть добровольной);
— во-вторых, глобальной и более жесткой, направленной на уничтожение нации с точки зрения ее национальной самоидентификации. Логика исследования влияния процессов в локальных цивилизациях на формирование СО неизбежно ведет к появлению многочисленных сценариев развития МО, ВПО и, как следствие, СО, войн и конфликтов, которые можно отнести к категории «возможных» сценариев.

Применительно к прогнозу развития основных особенностей в отношениях между ЛЧЦ и наиболее вероятному сценарию развития МО, можно сделать следующие выводы:

Первый вывод заключается в том, что в основе развития всех возможных (и, впоследствии, вероятных) сценариев МО и ВПО, а также СО, войн и конфликтов в XXI веке, находятся основные, фундаментальные отношения между ЛЧЦ, которые, в свою очередь, характеризуются, следующими особенностями:

— соотношением и антагонистичностью систем ценностей и интересов отдельных ЛЧЦ, которые могут быть сильнее, либо слабее общечеловеческих, биологических интересов;

---

[98] *Huntington S.P.* The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs, 1993. Summer / https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/1993-06-01/clash-civilizations

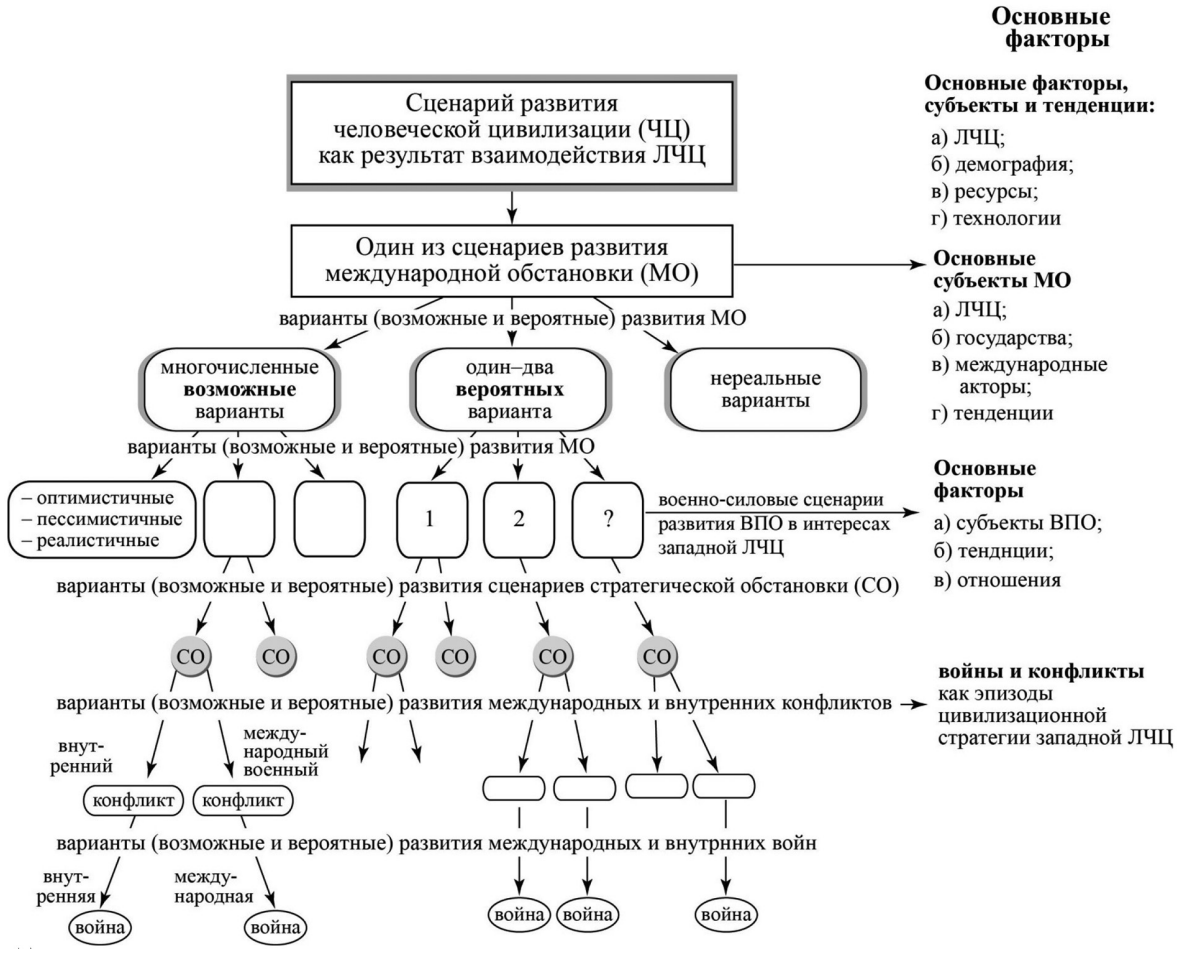

Рис. 3.28[99]. Логика анализа и долгосрочного прогноза международных и внутренних войн и военных конфликтов, вытекающих из противоборства ЛЧЦ

— противоречиями между основными интересами (потребностями) отдельных ЛЧЦ в понимании их правящих элит;
— противоречиями между конкретными целями и задачами ЛЧЦ, как их формулируют правящие элиты ЛЧЦ;
— антагонизмом (сочетаемостью) отношений между общественными и элитными отношениями;
— совпадением (сочетаемостью) отношения к имеющимся у ЛЧЦ ресурсам и возможностям.

Второй вывод можно сформулировать следующим образом:

— в XXI веке будет доминировать неизбежность нарастания конфликтности в отношениях между всеми ЛЧЦ;
— по мере развития опасных тенденций, вытекающих из «фазового перехода» человечества, эта конфликтность неизбежно приведет к силовому и вооруженному противостоянию между ЛЧЦ, причем это противостояние будет инспирировано западной ЛЧЦ, не только, в отношении исламской ЛЧЦ, но и российской и других ЛЧЦ. Фактически процесс начат уже с конца XX века военной интервенцией западной ЛЧЦ в Югославии.
— характерной особенностью военно-силового противостояния в XXI веке станет максимальное использование западной ЛЧЦ всего спектра инструментов и средств государственной мощи для достижения военно-политических целей в гибридных и асимметричных войнах и конфликтах.

[99] *Подберезкин А. И.* Военные угрозы России. — М.: МГИМО–Университет, 2014.

В концентрированном виде идея гибридной войны проработана в 2009 г. в статье министра обороны США (2006–2011 гг.) Р. Гейтса «Сбалансированная стратегия». Ссылаясь на мнение политолога К. Грея, Р. Гейтс признает «размытость» между современными способами ведения боевых действий и ожидает появление нового инструментария «тактики борьбы» с противником, в том числе применение в ходе военных конфликтов смешанных и более сложных форм ведения боевых действий. Отмечая «достаточно топорную, но убийственно действующую наступательную операцию российских войск в Грузии (август 2008 г.) и хорошо скоординированную пропагандистскую кампанию», Р. Гейтс безусловно соглашается с оценкой специалиста по обороне Ф. Хоффмана роли современных сценариев гибридности военных действий, сочетающих «смертоносность вооруженных конфликтов между государствами с фанатичным и неослабевающим рвением экстремистов, ведущих нетрадиционные боевые действия».

Чрезвычайно значимым для понимания характера гибридной войны является апеллирование Р. Гейтса к метафоричному суждению американского военного специалиста М. Эванса, характеризующего современные войны в качестве войн, «в которых „Майкрософт“ соседствует с камикадзе» [там же].

Размышляя над вопросом обеспечения свободы, процветания и безопасности США на перспективу, Р. Гейтс в формате гибридной войны усматривает обязательность учета психологических, культурных, политических и гуманистических аспектов вооруженного противостояния, а также предоставление американским военным «колоссальных преимуществ и возможностей достижений в создании высокоточного оружия в информационных и спутниковых технологиях».

Этому процессу можно противопоставить единственную альтернативу в форме создания системы международной безопасности и договоренностей, не основанных на экономических интересах и военной силе, которая в условиях нарастания противоречий между ЛЧЦ выглядит наивной и нереальной.

Третий вывод заключается в том, что в военно-силовом противостоянии ЛЧЦ резко снижается роль средств, которые традиционно относятся к вооруженному насилию (ВиВСТ), а также способам их использования. Для борьбы между ЛЧЦ характерны как использование принципиально новых средств насилия (прежде всего невооруженного насилия), так и поиск новых способов силового воздействия. Прежде всего, речь идет об использовании стратегии «облачного противника», когда применяются средства и способы нехарактерные для традиционных средств и способов ведения войны.

3.6. ПРОГНОЗ РАЗВИТИЯ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ И ВОЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ «РОССИЙСКОГО ЯДРА» ЛЧЦ[100]

Помимо нового имени — титула «Цезарь Август», Гай Октавий заявил о себе не как о монархе, а как о спасителе и восстановителе республики[101]
О. Барабанов, профессор МГИМО

… достоверное знание о будущем может присутствовать в настоящем[102]
эксперты ЦВПИ

Эффективное противоборство российской ЛЧЦ с западной ЛЧЦ возможно при реализации двух основных условий:

— опережающем социально-экономическом, демографическом и культурном развитии «российского ядра» НЧК и его институтов;

[100] *Подберезкин А. И. Боришполец К. П., Подберезкина О. А.* Евразия и Россия. — М.: МГИМО–Университет, 2014.
[101] *Барабанов О. Н.* История мировой политики: эпоха Древнего мира. — М.: МГИМО, 2007. — С. 149.
[102] Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А. И. Подберезкина. — М.: МГИМО–Университет, Т. 2. Прогнозирование сценариев развития международной и военно-политической обстановки на период до 2050 года. М. 2015. — С. 506.

— трансформации системы управления государством в систему управления всей российской ЛЧЦ, прежде всего, общества, нации и их институтов.

Любое планирование мероприятий в области национальной безопасности строится на развитии ресурсов и способов управлении ими. В нашем случае наиболее важный, влиятельный и быстро развивающийся ресурс это НЧК и его институты.

В свое время наиболее авторитетный исследователь феномена НЧК Р. Флорида оценивал потенциал творческого класса («креативного класса») России — главного носителя НЧК — до 30%, хотя в «обычных» странах эта доля составляет 5%–10%. Это означает, что главный ресурс развития у нас уже есть: его надо, во-первых, научиться использовать, а, во-вторых, наращивать.

Противодействие негативным последствиям развития международной и военно-политической обстановки в будущем предполагает изначально наличие у России, во-первых, эффективной политики, которая формируется и реализовывается, во-вторых, соответствующими некими институтами государства. Важно подчеркнуть, что неблагоприятные внешние условия и очевидное несоответствие в соотношении сил со стороны России и Запада в XXI веке требуют от ее правящей элиты проведения не просто эффективной, а очень эффективной политики и обладание эффективными механизмами ее проведения, способными компенсировать это объективное существующее неблагоприятное развитие МО и ВПО. Что возможно при сочетании таких факторов, как научный подход, политическое и военное искусство, патриотизм и нравственность, а также создания принципиально новой системы государственного управления, когда военная организация государства будет включать в себя не только вооруженные силы (а также вооруженные формирования МВД, Нацгвардии и МЧС), но и все компоненты общества и нации, включая институты Гражданского общества, бизнес, союзников за рубежом и возможных партнеров.

В настоящее время приходится констатировать — ни эффективной политики, ни таких эффективных органов по ее управлению в России не существует. Это является не только следствием уничтожения и дезорганизации государственных, политических и общественных институтов в предыдущие десятилетия, но и их медленным восстановлением, постоянными реорганизациями, другими ошибками в области государственного и военного управления, а, главное, отсутствием долгосрочной стратегии национального развития и соответствующих национальных институтов ее реализации. Как совершенно справедливо заметил советник Президента РФ С. Глазьев, … наша страна должна исходить из жестких реалий международной конкуренции и соответствующих вызовов безопасности. Россия сможет их преодолеть, если обретет собственную стратегию, ориентированную на традиционный для себя евразийский регион…»[103]

Другой принципиальной причиной недостаточно эффективной политики и механизмов ее реализации является то, что и политика, и институты должны в современный период выйти за рамки только государства, охватив все общество и нацию. Более того, вовлечь в свою орбиту все «русское ядро» российской цивилизации, как в ближнем, так и в дальнем зарубежье, а не только существующие государственные институты. Прежде, когда основными субъектами формирования ВПО являлись государства, военная организация такого государства отражала потребность эффективного управления собственно военными структурами, а иногда и ополчением, партизанскими формированиями.

В настоящее время, когда основными субъектами формирования ВПО стали ЛЧЦ, возникла потребность в создании такой военной организации, которая могла бы выполнять эти функции, включая не только инструменты управления другими государствами, но и негосударственными структурами (акторами), а также влиять на развитие глобальных процессов и тенденций, и человеческого капитала. На самой примитивной схеме эти изменения можно показать следующим образом (рис. 3.29).

---

[103] *Подберезкин А. И. Боришполец К. П., Подберезкина О. А.* Евразия и Россия. — М.: МГИМО–Университет, 2014.

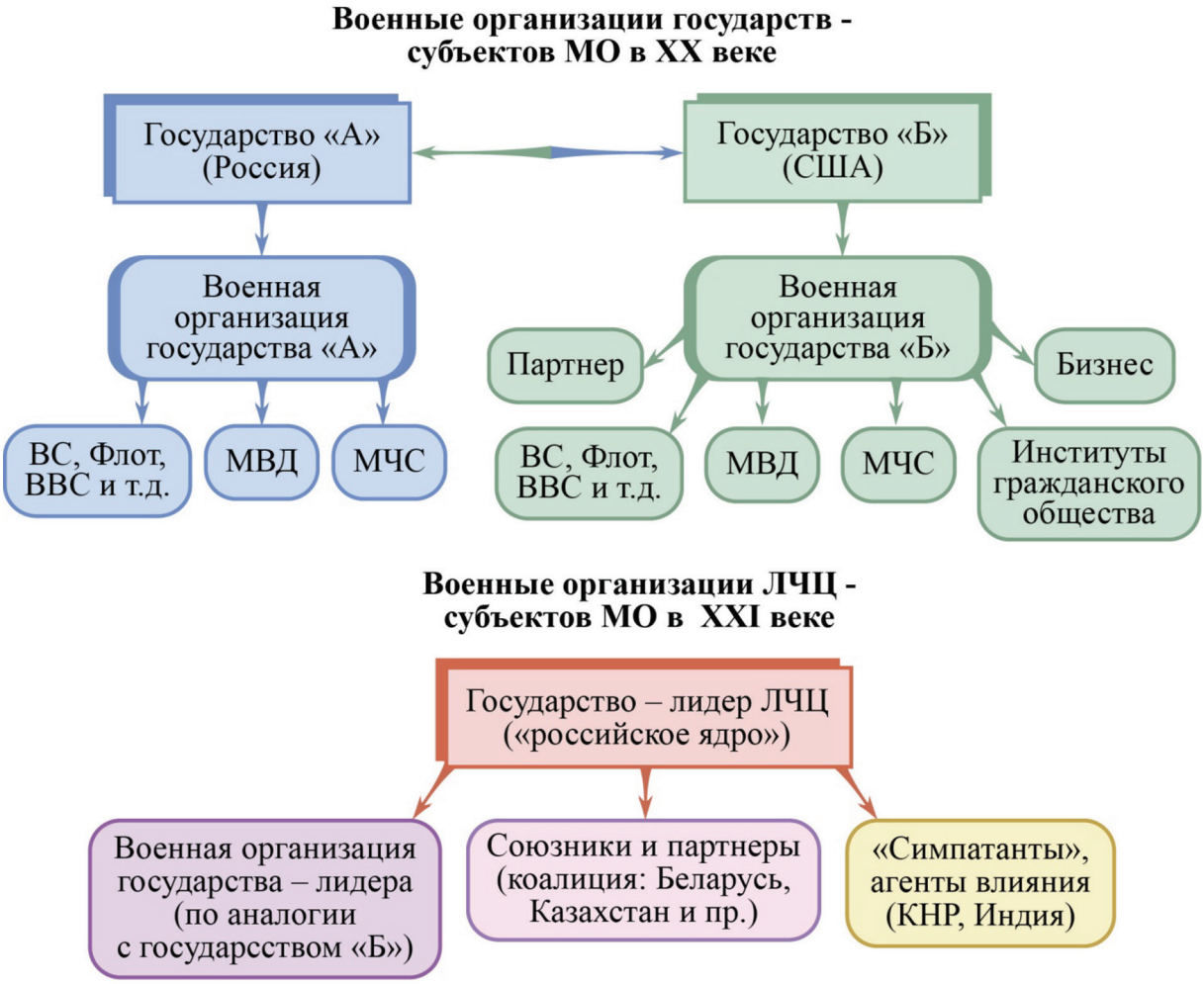

Рис. 3.29. Сравнение военных организаций субъектов МО — государств в XX веке и субъектов МО — локальных человеческих цивилизаций в XXI веке

Как видно военная организация ЛЧЦ шире по составу участников и «глубине» проникновения в отношения с другими ЛЧЦ и субъектами МО. Это объективно резко усиливает значение политических, силовых и иных невоенных факторов, а также «глубину» проникновения в невоенные аспекты противоборства (например, религиозно-нравственные и пр. идеологические области). Собственно военные средства и способы их использования в XXI веке остаются в арсенале инструментов политики, но только одной из частей. Причем, далеко не всегда, самой эффективной. Это означает, в конечном счете, что современная военная организация России должна модернизироваться самым радикальным образом, при котором количество ее невоенных силовых функций качественно вырастет.

Предлагаемые изменения в методике анализа и стратегического прогноза развития ВПО и развитии военной организации коренным образом меняют не только саму методику анализа и прогноза ВПО — СО, войн и конфликтов, но и управление государством и всей военной организацией России, что требует, естественно, соответствующей дискуссии.

3.6. а). Методика оценки и долгосрочного прогноза развития сценариев военно-политической обстановки, вытекающих из отношений между ЛЧЦ

Глобальная война, в которую будут втянуты стержневые страны основных цивилизаций мира, хотя и крайне маловероятна, но не исключена[104]
С. Хантингтон, политолог

Польша и Швеция процветали, пока на них лежало исполнение функций антирусских форпостов западного общества; но они пришли в упадок…, как только Россия… лишила их этих функций[105]
А. Тойнби, английский философ

Многочисленные последствия развития того или иного сценария военно-политической обстановки в мире и отдельных регионах можно условно разделить на следующие группы:

- потенциальные вызовы, опасности и угрозы национальной и военной безопасности России;
- изменения в характере военных угроз;
- изменения в потенциально возможных военных конфликтах;
- изменения в средствах ведения военных действий и силовых способах внешней политики;
- изменения в способах силовых действий во внешней и военной политике;
- изменения в составе, структуре и дислокации вооруженных сил вероятного противника и т.д.

Но сам по себе тот или иной сценарий (и его варианты) развития ВПО вытекают из того или иного сценария развития международной обстановки, а та, в свою очередь, из сценария развития отношений между ЛЧЦ. (Об этом коротко говорилось выше в разделе, посвященном значению отношений между ЛЧЦ). Более того, на самом высоком уровне можно говорить собственно о сценарии развития всей человеческой цивилизации, который может развиваться порой самым неожиданным образом и зависеть от самых разных обстоятельств.

Мы со всей очевидностью наблюдаем, что собственно сценарий развития (и его варианты) ВПО зависит от множества переменных более высокого уровня, которые условно можно выделить в следующие группы, требующие обязательного анализа и прогноза:

- переменные величины, связанные с развитием всей человеческой цивилизации:
  - социальные;
  - демографические;
  - экономические;
  - технологические и пр.;
- переменные величины, связанные с развитием локальных человеческих цивилизаций и их особенностей:
  - исторических;
  - культурных;
  - политических;
  - социально-экономических и пр.;
- переменные величины, связанные с развитием и формированием МО, которые я объединяю в 4 подгруппы:
  - факторы, формирующие МО:

---

[104] *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций [пер. с анг. Т. Велимеева]. — М.: АСТ, 2016. — С. 510.

[105] *Тойнби А. Хантингтон С.* Вызовы и ответы. Как гибнут цивилизации. — М.: ООО «ТД Алгоритм», 2016. — С. 53.

- государства;
- нации;
- ЛЧЦ;
- коалиции, союзы, блоки и др.

— тенденции, формирующие МО:
- политические;
- экономические;
- торговые;
- технологические и пр.;

— акторы, влияющие на формирование МО:
- НПО;
- МНПО;
- партии;
- религиозные и пр. организации;

— национальный человеческий капитал:
- НЧК ЛЧЦ, нации, государства;
- институты НЧК;
- эффективность управления государством и обществом и пр.

Наконец, переменные величины, формирующие собственно военно-политическую обстановку и ее конкретную форму — стратегическую обстановку, войну, конфликт и т.д. Интересно в этой связи замечание, сделанное российскими исследователями, относительно борьбы за контроль между западной и восточной ЛЧЦ над Евразией: «Серия жестоких войн между Россией и Германией, сопровождавшихся не менее кровопролитными социальными революциями (1914–1945 гг.), представляла собой, в сущности, борьбу за „арийское наследство". Старый западный центр, находившийся на протяжении последнего тысячелетии в Германии и более всего на это наследство претендовавший, был, однако, в этой борьбе обречен…»[106]

С точки зрения методики оценки и анализа ВПО в XX веке, сказанное означает, что западной ЛЧЦ не удалось продолжить вытеснение славянско-российской ЛЧЦ из Европы, которое происходило с конца первого тысячелетия, когда граница расселения славян в Европе проходила по центральной Германии и северной Италии. Последствия для ВПО в мире и Европе после столкновения 1941–1945 годов известны: две ЛЧЦ оформили по сути два центра силы в виде военно-политических коалиций — НАТО и ОВД, — просуществовавших в своем противостоянии до 1990 года. Но и после роспуска ОВД и развала СССР противостояние двух ЛЧЦ отнюдь не исчезло, просто-напросто политикам в 1990-е годы не выгодно было об этом говорить по очевидным, часто личным причинам. В любом случае отношения между западной и восточной ЛЧЦ имели решающее значение для будущей ВПО.

Таким образом, можно сделать важный методологический и методический вывод, что для изучения многочисленных последствий развития того или иного сценария ВПО необходимо, прежде всего, определиться с наиболее вероятными сценариями развития более высокого уровня — международной обстановки и отношений между ЛЧЦ, а также перспективами развития всей человеческой цивилизации[107].

Всю сложность осознания и решения этой задачи можно представить себе рассмотрев самую упрощенную модель сценариев развития локальных человеческих цивилизаций и международной обстановки и их отдельных, военно-политических аспектов, в частности, на следующем рисунке (рис. 3.30).

---

[106] *Петухов Ю.Д.* Евразийская империя скифов. — М.: Вече, 2008. — С. 245.

[107] Стратегическое прогнозирование международных отношений: кол. монография / под ред. А.И. Подберезкина, М.В. Александрова. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — С. 73–116.

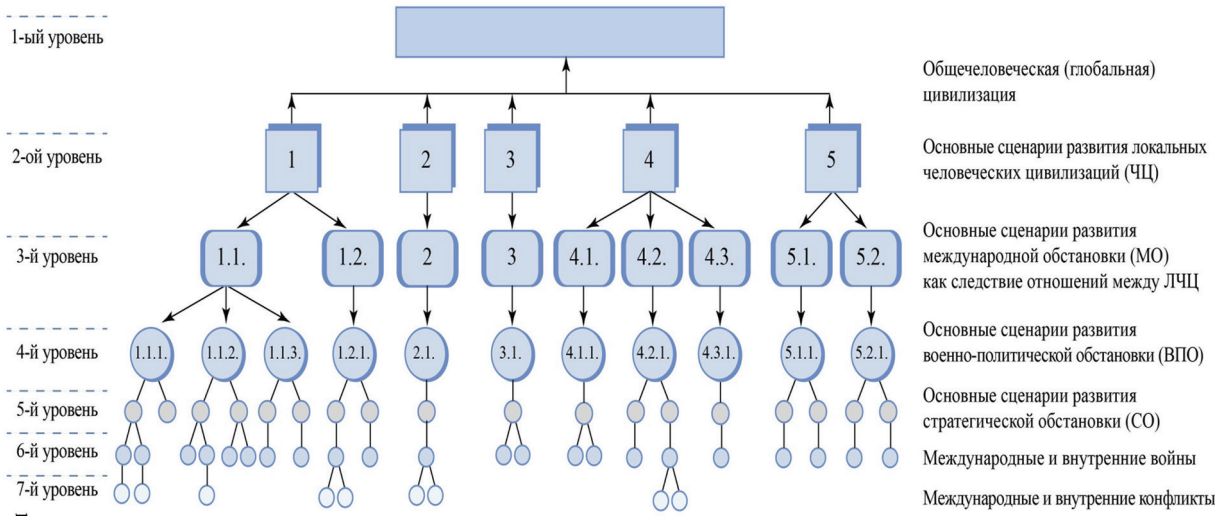

Рис. 3.30[108]. Порядок формирования сценариев развития глобальной человеческой цивилизации (ЧЦ), ее локальных сценариев и МО, ВПО и СО

Так, конфликт между Арменией и Азербайджаном в Нагорном Карабахе трудно объяснить с позиций только развития того или иного сценария МО: в конце 80-х годов XX века она скорее благоприятствовала развитию мирного сценария. Однако, с точки зрения противоборства ЛЧЦ это объяснение вполне разумно, а именно: Армения и Азербайджан входили де-факто в единую ЛЧЦ, возглавляемую СССР, хотя исторически и культурно принадлежали к разным ЛЧЦ. По мере развала российско-советской ЛЧЦ и усиления влияния не только исламской, но и западной ЛЧЦ, этот конфликт перешел из латентной в военную, открытую форму.

К сожалению, в современной России не трудно увидеть, что никто из экспертов всерьез не готовит рекомендаций для власти и не занимается анализом военно-политических проблем 1-го и 2-го уровня; очень немногие пытаются (как правило, неудачно) анализировать проблемы на 3-м уровне; и еще меньше — проблемы 4-го и 5-го уровня во взаимосвязи с проблемами более высокого уровня. Причины, как правило, самые разные, но можно вычленить и общие для всех:

— отрицание правящей элитой необходимости национальной идеологии, как системы общественно-политических взглядов, философско-политического осмысления, вытекающих из особенностей развития российской ЛЧЦ, а также понятийного мышления, как такового. После отказа от методологических и методических основ анализа и прогноза, разработанных в СССР, нового предложено не было. Более того, сама необходимость анализа и прогноза, как и существование отдельной российской ЛЧЦ, ставилось и ставится до сих пор под сомнение. Образовался многолетний «системный провал», который с трудом пытаются преодолеть сегодня. Этот провал был вызван как деформацией научного знания, так и развалом научных школ, для восстановления которых требуются люди и время;
— низкая научная, профессиональная подготовка и нравственные качества правящей элиты, которые не компенсируются влиянием, часто, случайных людей из экспертного сообщества, деградация научного потенциала России и качества российской правящей элиты достигло масштабов, когда фактически исчезла социальная потребность в долгосрочном прогнозе и планировании, масштабном анализе тех или иных проблем;
— отсутствие достаточного количества научных школ и экспертов, включая теоретиков и методологов, чье место замещают научные «менеджеры»-управленцы;

[108] *Подберезкин А.И.* Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года. — М.: МГИМО–Университет, 2015.

— недостаток сколько-нибудь заметного общественного внимания и финансирования, что привело к очень незначительным ресурсам, выделяемым на цели исследования, прогноза и планирования.

Эти недостатки особенно заметны на фоне быстрого и достаточно успешного роста фундаментальных прикладных исследований за рубежом, которые в своей массе создали огромный разрыв в научных потенциалах, российской и западной ЛЧЦ, исчисляемый уже не сотнями процентов, а несколькими порядками.

В конечном счете, даже прикладной анализ развития МО (который предшествует анализу ВПО) предполагает анализ цивилизационных интересов и их трансформацию в цели и задачи конкретной политики, не говоря уже о том, что он оставляет «за скобками» анализ средств и способов их достижения. Другими словами, собственно военно-политическая обстановка исследуется только после системного анализа отношений между ЛЧЦ и выбора конкретного сценария развития МО и, как следствие, — ВПО.

Эта область относится уже к области конкретной военной стратегии отдельной страны, которую обязательно необходимо исследовать предметно, но во вторую очередь. Другими словами, реальный анализ и стратегический прогноз развития ВПО может делаться либо крупными политиками при помощи экспертов (в т.ч. военных), либо учеными, имеющими солидный опыт практической работы, на основе анализа отношений между ЛЧЦ и сценария МО.

Таким системным анализом не должны заниматься «по должности» разного рода начальники, в силу их очевидной профессиональной непригодности, — включая высших руководителей министерств, ведомств и государства. Их политический талант, интуиция и способность увидеть всю ситуацию в комплексе оказываются уже недостаточными в силу наличия огромного количества факторов, формирующих ВПО.

Таким анализом и оценками не должны также заниматься (как это странным ни покажется) и только военные руководители потому, что они не могут в должной мере учесть решающее значение невоенных силовых факторов, формирующих МО и ВПО. Современная военно-политическая обстановка требует анализа проводимого коллективом ученых на основе системного подхода, включая специалистов в философии, культурологи, социологи, различных областях развития науки, техники и образования. Собственно военные эксперты, а тем более военные руководители, не могут обладать всеми необходимыми знаниями, а их опыт, интуиция и таланты могут привести к крупным ошибкам.

3.6. б). Стратегический прогноз, превращение военной организации России в военную организацию нации и ЛЧЦ

… в двадцатом веке взаимоотношения между цивилизациями перешли от фазы, характеризующейся однонаправленным влиянием одной цивилизации на все остальные, к этапу интенсивных, непрерывных и разнонаправленных взаимоотношений между всеми цивилизациями[109]

А. Тойнби,
английский философ

Актуальность стратегического прогноза развития отношений между ЛЧЦ и, как следствие формирование соответствующих вероятных сценариев МО, сделанного А. Тойнби в самый расцвет существования и борьбы двух политико-идеологических (напомню, что А. Тойнби умер

[109] *Тойнби А. Хантингтон С.* Вызовы и ответы. Как гибнут цивилизации. — М.: ООО «ТД Алгоритм», 2016. — С. 196.

в 1975 году), а не цивилизационных, систем, не исчезла. По разным причинам политического признания перехода от политико-идеологической конфронтации к цивилизационной в 1990-е годы не произошло — большинству политиков нужно было, как минимум, делать вид, что наступила эра благоденствия и абсолютного миропорядка. Это продлилось недолго, и уже с началом войны западной ЛЧЦ против Югославии стало ясно, что А. Тойнби, С. Хантингтон и другие были правы. Второе десятилетие XXI века сделало теорию конфликта цивилизаций практической политикой: мир стал стремительно делиться на ЛЧЦ и «полюса силы», вокруг которых происходила концентрация сил, с одной стороны, и которые перешли в открытое силовое противоборство, — с другой[110].

По оценкам экспертов Минобороны Великобритании, чья группа уже давно занимается долгосрочными прогнозами, например, вероятность такого прогноза становится незначительной по мере увеличения его срока из-за допусков в экстраполяции и воображении[111].

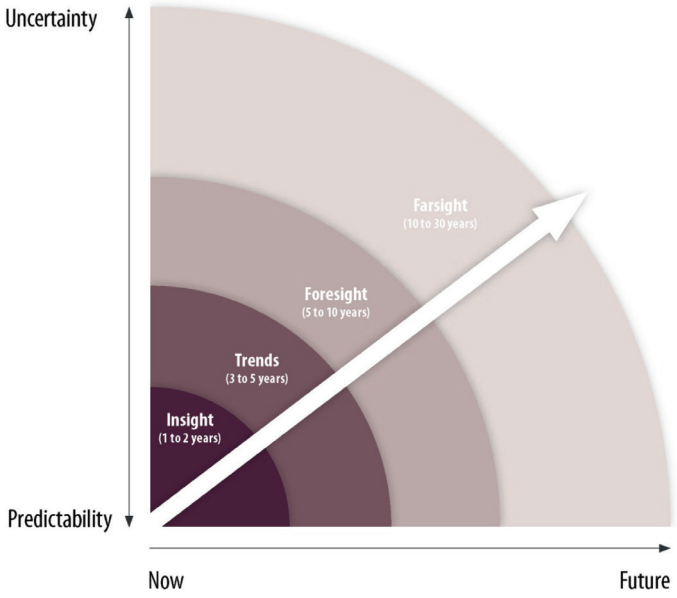

Рис. 3.31.

Тем не менее, применительно к развитию военной организации, ВиВСТ такие стратегические прогнозы не только требуются, но и необходимы обязательно. Без них стратегическое планирование на сколько-нибудь долгосрочную перспективу в принципе невозможно.

Таким образом, эффективная долгосрочная стратегия и соответствующие институты нации и общества (а не только государства) являются двумя важнейшими условиями того, что Россия сможет эффективно противодействовать негативным сценариям развития МО и ВПО. Причем эта политика и институты ее реализации должны быть ориентированы не только на решение краткосрочных, текущих задач, но и стратегические, долгосрочные цели развития всей нации и локальной человеческой цивилизации. Только в этом случае, может быть обеспечено эффективное противодействие Западу, который сегодня представляет коалицию всей западной ЛЧЦ и обеспечивает соответствующее управление на всех уровнях, — коалиционном (НАТО–ЕС–ТТП–ТАП), государственном (двусторонние договоры), национальном (общество–бизнес–институты государства), на долгосрочную перспективу.

---

[110] *Подберезкин А. И.* Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — 169 с.

[111] Strategic Trends Programme Global Strategic Trends — Out to 2045. Fifth Edition. London, Ministry of Defence. 2015. P. XXIV.

Важнейшая роль в таком противоборстве заключается в формировании будущего образа, будущей реальности, в которой Россия находится в системе взаимоотношений с другими ЛЧЦ. Этот «виртуальный образ», модель должны быть привлекательными и достаточно реальными для других ЛЧЦ и наций.

Абстрактно-идеальную модель такого эффективного противодействия, переходящего в участие в создании будущей реальности, можно представить следующим образом (рис. 3.32).

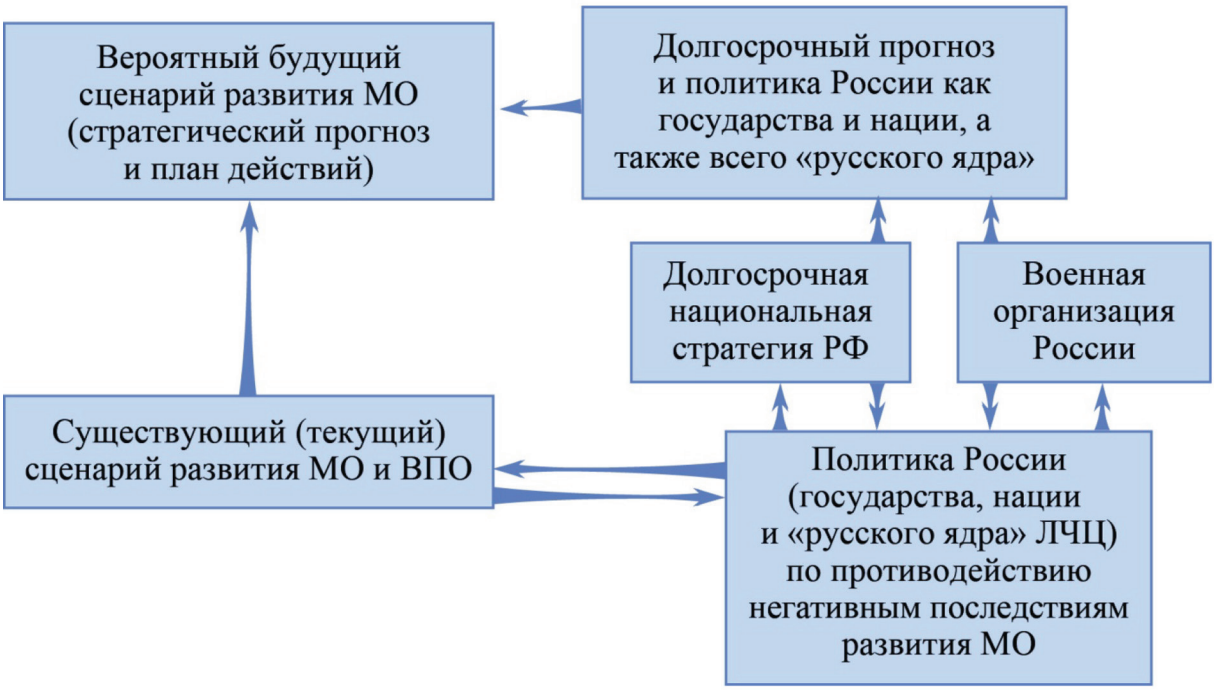

Рис. 3.32. Модель будущего сценария развития отношений между ЛЧЦ и МО

Таким образом, если говорить о долгосрочной стратегии развития России, то в ней не решены до настоящего времени следующие принципиальные вопросы, непосредственно влияющие на эффективность внешней политики и безопасности страны:

— не сформулирован привлекательный образ России — реальный и будущий — и её ЛЧЦ на внешнеполитической арене;
— отсутствует понятная модель развития нации, общества и государства и его институтов, понятная и поддерживаемая большинством граждан страны и за рубежом;
— не определены внешнеполитические приоритеты и принципы;
— не сформулированы ясно и последовательно основные правовые и нормативные положения Стратегии национального развития, Военной доктрины и Стратегии национальной безопасности.

Иными словами, идеологический ресурс российской ЛЧЦ (интеллект, нравственность, эмоции и энергия) не мобилизован, как не используется такой идеологический ресурс и с точки зрения повышения эффективности управления.

Кроме того, как уже коротко говорилось, современная военная организация России не соответствует новым реалиям МО и ВПО и будет еще более не соответствовать будущим реалиям по двум основным причинам[112], т.е. не мобилизованы и другие ресурсы:

[112] См. подробнее: Информационно-аналитическая система стратегического планирования противодействия угрозам национальной безопасности: аналитич. доклад / А. М. Шмелев, А. И. Подберезкин. М.: МГИМО, ЦВПИ, 2014.

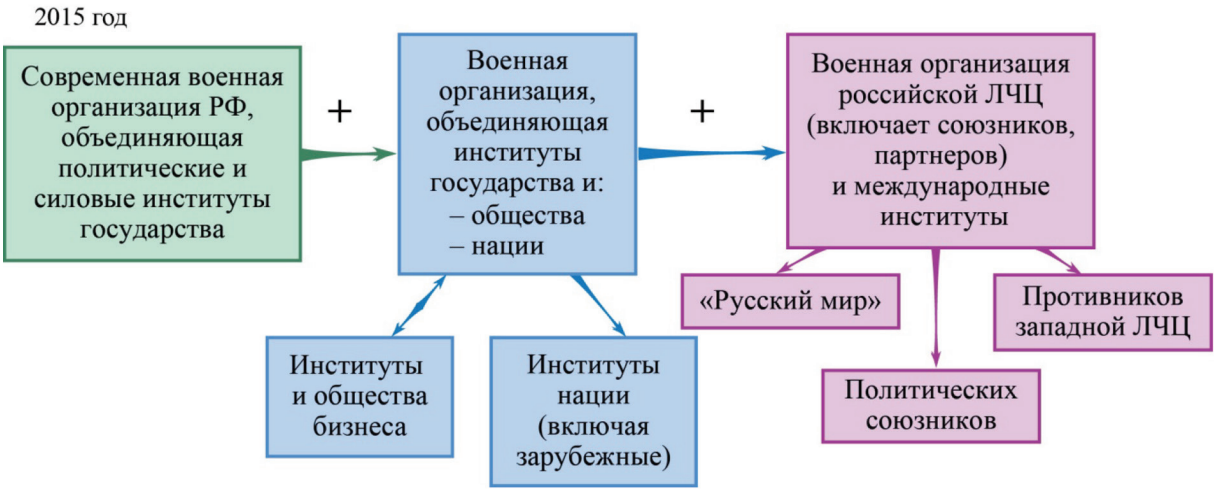

Рис. 3.33. Эволюция превращения военной организации России в военную организацию, представляющую интересы российской ЛЧЦ и других ЛЧЦ

Во-первых, современная военная организация развитого государства (например, США) фактически является военной организацией всей нации, а не только политических и силовых институтов государства, как в России. Кроме институтов государства, в нее входят и сознательно развиваются (имеющие самодостаточный силовой потенциал) институты общества и бизнеса, т.е. два «негосударственных блока», чье влияние как самостоятельных акторов в формировании МО в XXI веке резко усиливается.

Во-вторых, современная военная организация должна включать все цивилизационные, союзнические партнерские ресурсы, а не только те, которые находятся в пределах национальных границ или объединены союзными договорами. Так, военная организация России в XXI веке должна представлять собой своего рода аналог Коминтерна — «Русский мир», — с одной стороны, и «российское ядро» евразийской интеграции — с другой.

Если военная организация России будет (как сегодня) включать только институты государства и только союзные государства ОДКБ, то это будет означать заведомое поражение уже на самой начальной стадии формирования будущего сценария развития МО. Ресурсы противостоящих ЛЧЦ, прежде всего западной, будут в десятки раз превышать материальные и духовные ресурсы России, что неизбежно ведет к проигрышу уже на начальной стадии конфликта.

Другими словами необходимо срочно формулировать долгосрочную и привлекательную стратегию развития российской ЛЧЦ, ориентированную на объединение всех видов ресурсов, а также фактически заново создать собственно военную организацию России, преобразовать ее из военной организации одного государства в военную организацию всей нации и широкой коалиции, представляющей интересы и систему ценностей российской ЛЧЦ. Условно это можно показать на следующем рисунке (рис. 3.33).

Логика трансформации военной организации (кроме естественной консолидации ресурсов против оппонентов) предполагает, что будут задействованы максимально широко все группы факторов, формирующих МО в XXI веке, включая и новые — международные акторы, глобальные тенденции, НЧК и его институты. Иными словами военная организация страны развивается в направлении общей эволюции структуры МО, о которой говорилось выше, включая и соответствующую эволюцию ВПО и СО.

Очень важно, чтобы трансформация военной организации РФ в военную организацию российской ЛЧЦ шла не только параллельно с развитием научных и организационных решений, но и во взаимосвязи с прогнозом развития основных возможных сценариев развития ЛЧЦ, МО, ВПО и СО.

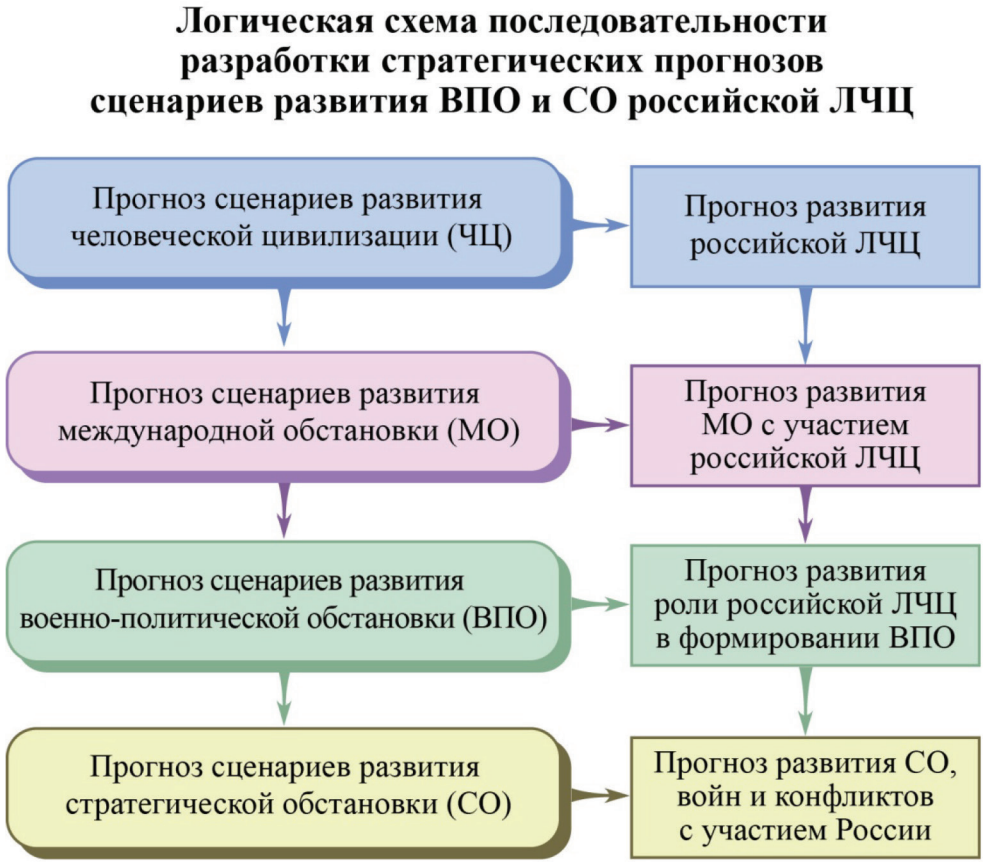

Рис. 3.34. Логическая схема последовательности разработки стратегических прогнозов сценариев развития ВПО и СО российской ЛЧЦ

Как видно из рисунка 3.34, сценарий развития СО находится в самом «низу» всей схемы, т.е. является следствием и производным от множества факторов, включая переменные величины и субъективные факторы влияния. Наиболее важные — цивилизационные факторы — остаются наиболее приоритетными на «самом верху» (рисунка), определяя общее количество возможных сценариев и вариантов их развития. Причем наиболее важные факторы — политические, экономические, цивилизационные и ряд других, формируются не только «на самом верху», но и прямо транслируются на сценарий развития МО, ВПО и СО. Поэтому сам анализ будущей СО, особенно если его делают военные эксперты, должен исходить из предварительного анализа более высокого уровня:

— мировоззренческого, цивилизационного, характеризующего общий уровень развития цивилизации на данном этапе. Совершенно очевидно, например, что характеристика экономических, социальных, научно-технических и военных особенностей развития цивилизации накануне 1914 года будет одна, а накануне 1939 года — другая;
— отношений между локальными цивилизациями и государствами, как главными субъектами формирования МО, что неизбежно будет включать (как уже говорилось выше) влияние других групп факторов, в том числе международных акторов, НЧК и глобальных тенденций;
— влияние глобальных — политических, экономических, технологических, военных и иных — тенденций и особенностей.

Только после учета этих факторов можно говорить об анализе особенностей развития МО в XXI веке, в т.ч. в ВПО и СО.

Таким образом, стратегия национального развития и механизм управления ею — военная организация — становятся во многом следствием, производными от тех объективных закономерностей и особенностей, которые проявляются в развитии и отношениях между ЛЧЦ в XXI веке.

Этот вывод, очевидно, противоречит существующей сегодня в России практике, когда вместо национальной стратегии развития существует несколько автономных частных стратегий, концепций и доктрин, а вместо инструмента управления ими — бюрократический и малоэффективный инструмент управления институтами государства. Один из важнейших элементов понятийного мышления — формирование представления о реалиях современной и будущей системы МО — фактически отсутствует.

Проблема также заключается в том, что анализом именно этих, наиболее приоритетных сценариев развития ЛЧЦ и МО, в России постоянно и профессионально практически никто не занимается, а те немногие эксперты, которые готовят свои оценки и прогнозы, очевидно, не могут похвастаться тем, что эти оценки учитываются в правящей российской элите. Неразвитость в правящей элите понятийного мышления пытаются компенсировать «менеджеризмом».

3.6. в). Российская ЛЧЦ и последствия отсутствия в будущем единой военной организаций в Евразии

… в современном … мире наше осознание особенностей различных цивилизаций требует от нас … ориентации на межцивилизационные коалиции…[113]

З. Бжезинский, политолог

Выживание Запада зависит от того … примут ли жители Запада свою цивилизацию как уникальную, а не универсальную, а также их объединения для сохранения цивилизации против незападных обществ[114]

С. Хантингтон, политолог

Неизбежное военно-силовое противоборство российской и западной ЛЧЦ, которое фактически уже началось, потребует эффективного управления ресурсами всей российской ЛЧЦ, а не только (как сегодня) государственными ресурсами России. Это объединение ресурсов и управления российской ЛЧЦ — такое же обязательное условие выживания, как и у западной ЛЧЦ, о чем справедливо говорил С. Хантингтон еще более 10 лет назад.

К сожалению, ни для российской правящей элиты, ни для элит близких нам государств этот совет не оказался нужным. Более того, борьба значительной части российской правящей элиты, по сути, против своей ЛЧЦ привела к тому, что внутри страны и за ее государственными границами позиции «российского ядра» только слабели.

Охватить мысленно всю картину взаимозависимости развития локальных цивилизаций и наций, взаимовлияния различных факторов и их значение для СО — задача огромной сложности даже для гениальных руководителей, которая в современную эпоху может быть облегчена развитием информатики и ростом качества отдельных экспертов. Один из вариантов предлагался ЦВПИ[115]. Но и в этом случае требуется особая подготовка, профессиональные (политические, экономические, военные правовые и иные) знания. Так, в частности, для развития институтов

[113] *Бжезинский З.* Предисловие. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон — М.: АСТ, 2016. — С. 5.

[114] *Бжезинский З.* Предисловие. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон — М.: АСТ, 2016. — С. 14.

[115] См. подробнее: *Шмелев П. М., Подберезкин А. И., Еремченко Е. Н.* [и др.] / Информационно-аналитическая система стратегического противодействия угрозам национальной безопасности: аналитич. доклад. — М.: МГИМО–Университет, 2014.

всей военной организации государства, контроля за их функционированием и необходимыми политико-организационными шагами требуется ориентироваться, как минимум, не только в компетенциях всех этих институтов государства, но и в их задачах, решаемых в интересах нации и локальной цивилизации.

Эти компетенции определяются в настоящее время только структурой военной организации страны, сложившейся к определенному времени, а также отчасти новыми задачами, стоящими перед ними. Так, в результате «революционных» изменений в России все организации и институты, входящие в военную организацию России, претерпели радикальные изменения, которые далеко не всегда контролировались политическим руководством, а тем более не были изначально сформулированы с точки зрения интересов локальной цивилизации и нации. Некоторые институты (можно сказать, даже их большинство) — постоянно находятся в режиме реорганизации, который затрагивает бюрократический, в лучшем случае, — государственно-институциональный уровень. И это относится не только к МО или ГШ ВС РФ, но и Совету Федерации, Государственной Думе РФ, Совету Безопасности и т.д. Достаточно сказать, что за 20 лет правила формирования Федерального Собрания РФ менялись почти 10 раз.

К сожалению, многие ключевые участники военной организации страны и процесса оценки ВПО не обладают даже минимумом знаний в этой области. Причем речь идет не только о «политических назначенцах», но и их заместителях, высших руководителей министерств и ведомств. Традицию «заложил» еще М. Горбачев. Профессиональный уровень и компетенция политиков и чиновников за последние 25 лет резко снизилась, понятийное мышление исчезло, а образование, в т.ч. базовое, стало намного хуже. Нравственные качества — существенно ниже. Это — очевидная угроза для качества принимаемых правящей элитой решений, изначально предполагающая многочисленные ошибки, даже преступления. Субъективизм и непрофессионализм принимаемых решений в настоящее время угрожает самой функциональной способности этих государственных институтов.

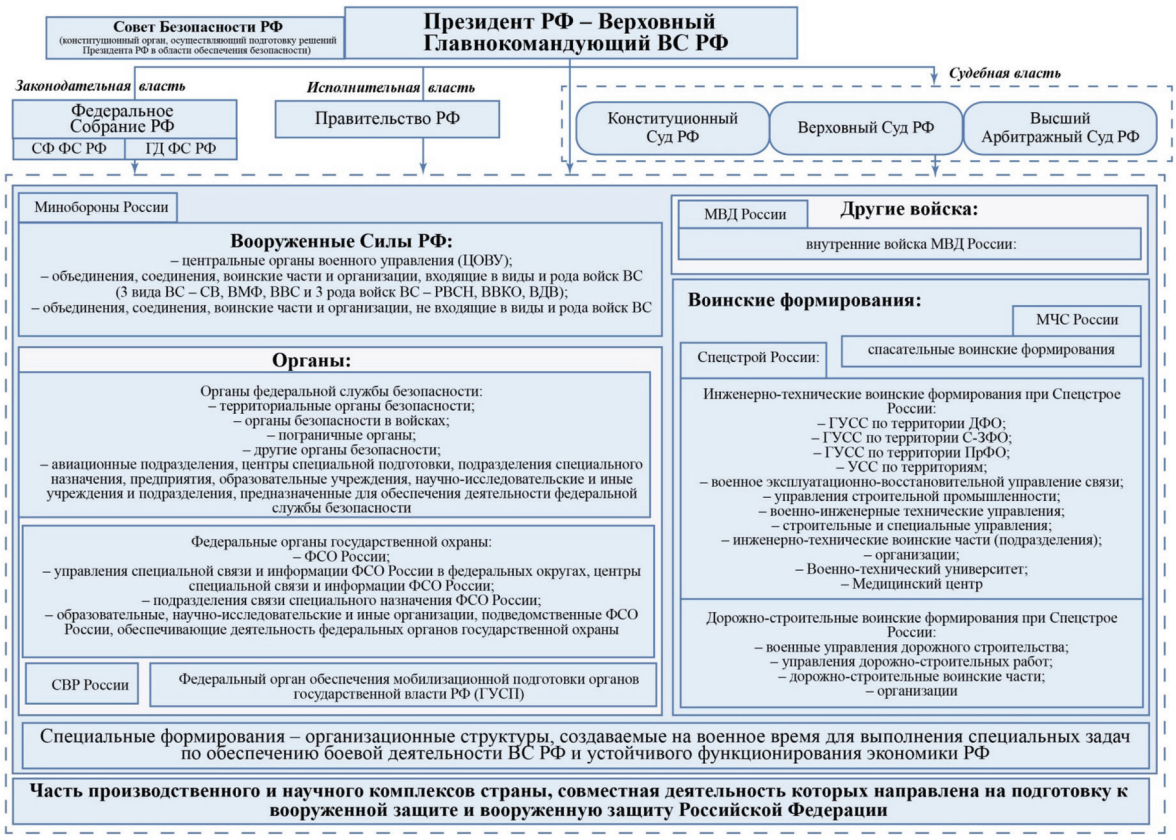

Рис. 3.35. Структура военной организации Российской Федерации

В самом общем виде набор государственных институтов, входящих сегодня в военную организацию страны и представляющих её структуру, выглядит следующим образом (повторим, что она не включает новые элементы, уже существующие и быстро развивающиеся, например, в военной организации США): рис. 3.35[116].

Как видно из простого анализа предложенной схемы, на которой показана военная организации России, (где теоретически должны быть сконцентрированы все ресурсы для анализа и прогноза ВПО), все перечисленные институты достаточно длительное время находились и по-прежнему находятся в кризисном состоянии. Достаточно примера существующего кризисного положения в Министерстве обороны после А. Сердюкова. Впрочем, как и всего общества, которое с трудом выходит из кризиса 90-х, переползая из одного мини-кризиса XXI века в другой.

Сегодня можно говорить о том, что лишь в небольшой части сохранился достаточный уровень профессиональной подготовки и способности адекватно оценивать реальную ситуацию в мире. Что является отражением общей ситуации в стране. Так, по признанию исследователя понятийного мышления Т. Чеснаковой, уровень лиц, обладающих таким мышлением, к настоящему времени снизился до 20%. Между тем хорошо известно, что чем выше стоит человек в социальной иерархии, тем дороже цена его неспособности к понятийному мышлению (а именно: способности определить суть явления, увидеть причину, спрогнозировать развитие, а также создать целостную картину), т.е. цена его интерпретаций и решений. Именно такая ситуация складывается в органах, отвечающих за обеспечение эффективности работы военной организации России. Если же речь идет об оценке МО, то ее самая важная — политическая — часть, похоже, остается уделом адекватных компетенций единиц, в лучшем случае — десятков лиц из всей военной организации страны.

Эта субъективная проблема качества оценки, анализа и прогноза МО, безусловно, требует своего решения уже в самом ближайшем будущем. Невозможно заниматься военным планированием, тратить миллиарды долларов на безопасность и оборону, не понимая против кого, зачем и сколько нужно ВиВТ.

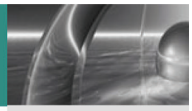
Совершенно естественно, что руководство России должно выбрать один из наиболее вероятных сценариев развития ВПО, который может, в тот или иной период времени, трансформироваться в конкретный сценарий СО. Это необходимо, как минимум, для основ социально-экономического прогноза и планирования, которые должны оценивать необходимость затрачиваемых национальных ресурсов. Очевидно, например, что бюджетное планирование достаточно жестко ограничено (госрасходы — порядка 20% от ВВП, а военные расходы — 4,5% ВВП). Для того, чтобы оно отвечало требованиям национальной безопасности, это планирование должно адекватно учитывать прогноз возможных реальных угроз, которые, в свою очередь, вытекают из того или иного конкретного сценария развития ВПО. В частности, анализ, проделанный в Центре военно-политических исследований МГИМО в 2013–2014 годы, показал, что наиболее вероятным сценарием ВПО является следующий: (рис. 3.36).

Таким образом, конечные характеристики стратегической обстановки зависят во многом не только от состояния ВПО, а также состояния МО и трендов в развитии ЧЦ (т.е. носят вполне объективный и закономерный характер, позволяющий делать адекватный анализ, но и долгосрочный прогноз), но и субъективных факторов — прежде всего способности правящей элиты адекватно оценить МО, спрогнозировать ее развитие и спланировать меры по нейтрализации возможных угроз. Успешный анализ МО и стратегический прогноз зависят от умения исследовать объективные тенденции и факторы самого широкого спектра, т.е. системного анализа, — а не только традиционного анализа военной обстановки, а также субъективных факторов, влияющих на формирование одного из сценариев развития ВПО. Так, адекватный анализ ВПО на Украине осенью 2014 года, прежде всего, как минимум, предполагал:

---

[116] *Белоконь С. П.* Обоснование основных направлений строительства и развития военной организации Российской Федерации на долгосрочный период. Презентация. М. 2013. — С. 2.

Наиболее вероятный сценарий развития отношений евразийской и западной локальных цивилизаций в XXI в.

Субъекты сценариев МО и ВПО (США и РФ)	Соединенные Штаты Америки		настоящее время	прогноз до 2035 г.	прогноз до 2050 г.
	Группы и подгруппы сценариев МО	Группы и подгруппы сценариев развития ВПО			
Российская Федерация	Группа позитивных сценариев развития МО (ГПСР МО) — подгруппа: союзнические отношения	**Сценарии** формирования военно-политического союзов **Сценарии** создания политических коалиций			
	Группа позитивных сценариев развития МО (ГПСР МО) — подгруппа: партнерские отношения	**Сценарии** военно-политического сотрудничества в мире в отдельных регионах	+1	+1	+1
Следствие конфронтационного сценария развития отношений локальных цивилизаций Запада и Востока	Группа негативных сценариев развития МО (ГНСР МО) — подгруппа: враждебные сценарии	**Сценарий** формирования враждебной коалиции	+3	+5	+5
		Сценарий геополитической, экономической и военной изоляции и инфраструктур	+4	+5	+5
	Группа негативных сценариев развития МО (ГНСР МО) — подгруппа: открыто конфронтационные сценарии	**Сценарий** создания «облачного противника в СНГ»		+3	+4
		Сценарий военной провокации в СНГ		+4	область вероятных сценариев
	Группа нейтральных сценариев развития МО (ГНСР МО) — подгруппа: сценарии игнорирования	**Сценарий** фактической военно-политической изоляции			
	Группа нейтральных сценариев развития МО (ГНСР МО) — подгруппа: сценарии изолирования	**Сценарий** противодействия любой активности РФ в ВТС и военно-политической области			

Рис. 3.36.

— анализ взаимоотношений различных локальных цивилизаций, прежде всего российской и западной, состояния и особенностей международной обстановки, в особенности, позиций России, США, ЕС и даже других стран-членов ООН и ОБСЕ;
— анализ мировой и региональной ВПО, в особенности в Европе, взаимоотношений внутри ЕС и НАТО, а также позиции РФ и ОДКБ;
— анализ внутриполитической обстановки на Украине после выборов в Верховную Раду, социально-экономическую и финансовую ситуацию в стране;
— анализ ситуации в юго-восточных регионах Украины в ее самом широком социально-политическом и экономическом контексте.
— наконец, анализ ВПО на Украине предполагал исследование собственно военных потенциалов — количество и качество ВС, ВиВТ, их моральный дух, эффективность управления и т.д.

Как видно из перечисленных задач, собственно анализ военных аспектов СО на Украине занимает относительно небольшое, даже второстепенное место. Ясно, что и дальнейший прогноз развития СО на Украине в наименьшей степени будет зависеть собственно от военных факторов, а в большой — от стратегии западной ЛЧЦ. Ясно и другое. Перспективы эволюции развития ВПО на Украине будут во многом предопределены будущим российско-американских отношений, а в более широком плане, — будущим уровнем взаимоотношений и характером противоборства двух локальных цивилизаций: западной и восточной.

Наконец, ясно и то, что стратегией такого противоборства является уже не продолжающаяся «холодная война», а реальное системное силовое противоборство, которое в последние десятилетия приобрело форму сетецентрической войны. Характер этой войны, к сожалению, не только до

конца не изучен в России, но и сам факт ее наличия не признается большинством правящей элиты. Еще меньше изучены средства и способы ее ведения, которые, собственно говоря, и формируют современную ВПО и СО. Поэтому необходимо, во-первых, признать сам факт ведущейся сетецентрической войны против России, что поведет к осознанной разработке средств и способов участия в ней, мобилизации общества, элиты и экономики. Во-вторых, признание этого факта будет означать необходимость завершения начатых и новых организационно-политических и экономических мероприятий — от завершения реформы военной организации страны до принятия соответствующих стратегий и планов в области социально-экономического развития и стратегического планирования.

3.7. ВЫВОДЫ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ, ВЫТЕКАЮЩИЕ ИЗ АНАЛИЗА И ДОЛГОСРОЧНОГО ПРОГНОЗА ВЛИЯНИЯ РАЗВИТИЯ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ЛЧЦ НА МЕЖДУНАРОДНУЮ И ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКУЮ ОБСТАНОВКУ В МИРЕ

… главная ответственность западных лидеров состоит вовсе не в том, чтобы попытаться изменять другие цивилизации по образу и подобию Запада — что выше его клонящегося к упадку могущества, — но чтобы сохранить, защитить и обновить уникальные качества западной цивилизации[117]

С. Хантингтон, политолог

Главной особенностью развития МО и ВПО в первой половине XXI века будет усиление противоборства локальных человеческих цивилизаций, на базе которых будут созданы и окрепнут военно-политические и финансово-экономические коалиции. Инициатором и главным действующим лицом такого противоборства будет западная ЛЧЦ, которая в начале XXI века уже сосредоточила основные ресурсы влияния и контроля, сформировала лидирующую систему ценностей и нормы международного права. Стремление сохранить этот контроль в условиях усиления других ЛЧЦ и соответствующих центров силы военно-силовыми средствами, будет лежать в основе стратегии западной ЛЧЦ в первой половине XXI века, которую с определенной степенью условности можно назвать стратегией «Военно-силового противоборства» западной ЛЧЦ» против других ЛЧЦ.

3.7. а). Основные выводы

Россия никому не навязывает свою волю и ценности[118]

В. Путин, Президент РФ

Этот общий вывод относительно состояния и перспектив развития МО и ВПО в мире требует, однако, конкретизации применительно к специфике влияния ЛЧЦ, а именно:

1. Точность современного анализа и долгосрочного прогноза развития МО и ВПО в мире и в Евразии будет находиться, прежде всего, под влиянием следующих основных факторов, так или иначе связанных и вытекающих из закономерностей развития ЛЧЦ:

---

[117] *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций [пер. с анг. Т. Велимеева]. — М.: АСТ, 2016. — С. 509.

[118] *Путин В. В.* Выступление перед послами и постоянными представителями России на совещании в МИДе. 2016. 30 июня.

— развития иерархической взаимосвязи и разноскоростной динамики сценариев самого разного уровня — от сценария развития всей человеческой цивилизации и взаимоотношений отдельных ЛЧЦ до влияния всех четырех основных групп и факторов, формирующих современную МО и ВПО:
  а) основных субъектов формирования МО, прежде всего, ЛЧЦ;
  б) главных негосударственных акторов, формирующих МО;
  в) основных тенденций в развитии человеческой цивилизации;
  г) особенностей развития национального человеческого капитала и его институтов отдельных ЛЧЦ;
— при долгосрочном прогнозировании необходимо учитывать системную взаимозависимость между различными сценариями и их вариантами развития по вертикали, и сценарии ЛЧЦ — МО — ВПО — СО;
— планирование государственной политики должно включать в себя планирование целей на всех уровнях системы, в том числе и прежде всего — на цивилизационном, которые должны быть наиболее приоритетными и исходить из зависимости государственного суверенитета от качества национальной идентичности;
— долгосрочное национальное и государственное планирование без идеологической базы, как общепризнанной системы ценностей и интересов ЛЧЦ невозможно.

2. С 90-х годов XX века основные противоречия между традиционными субъектами МО, государствами — были перенесены с идеологического и экономического уровня на цивилизационный, точнее на системы ценностей ЛЧЦ и их закрепление в системе интересов и норм. Это было замечено целым рядом ведущих политологов и некоторыми политиками, но не стало в центре общественного и научного внимания по конъюнктурным политическим мотивам: Западу, какое-то время, не требовалось акцентировать внимание на его победе в холодной войне, а России не выгодно было признавать свое поражение. Другие ЛЧЦ и нации были настолько слабы, что не стали еще полноценными субъектами мировой политики, что со временем изменилось: на мировую политическую арену стали выходить вполне влиятельные экономически и демографически новые центры силы, которые формировались на базе ценностей ЛЧЦ — китайской, исламской, индийской.

События в мире в последние 25–30 лет развивались именно по нарастающему конфликтному сценарию в связи с тем, что абсолютное господство западной ЛЧЦ во главе с США надо было не только закрепить политически и юридически, но и подготовить западную ЛЧЦ к будущей борьбе с новыми центрами силы, которые (как хорошо понимали, уже в то время, на Западе) неизбежно возникнут в качестве следствия быстрого развития, как минимум, некоторых ЛЧЦ.

3. Стремление сохранить контроль над созданными в XX веке военно-политическими и финансово-экономическими системами в мире западной ЛЧЦ, с одной стороны, и неизбежное усиление отдельных ЛЧЦ и превращение их в конкурирующие центры силы, с другой, с начала XXI века является ведущим сценарием развития взаимоотношений между западной и другими ЛЧЦ. При этом такая цель должна быть обеспечена следующими условиями:
— коалицией западной ЛЧЦ под эгидой и контролем США, в которую должно войти более 50 государств и наций, в т.ч. традиционно не относящихся к Западу;
— военно-техническим превосходством и использованием силы.

Именно этот базовый сценарий является фундаментом для формирования наиболее вероятных сценариев развития МО в XXI веке и их возможных вариантов.

4. Наиболее вероятным сценарием развития МО в XXI веке, таким образом, является сценарий глобального «Военно-силового противоборства западной ЛЧЦ» с другими ЛЧЦ, прежде всего российской и китайской на евразийском ТВД, от северной Европы до Ю-В Азии.

Этот базовый сценарий практически будет означать, что:
— ослабление господства западной локальной цивилизации будет достаточно быстро сопровождаться ростом военного и иного насилия в мировой политике с ее стороны, которое практически уже началось с самого начала нового века;

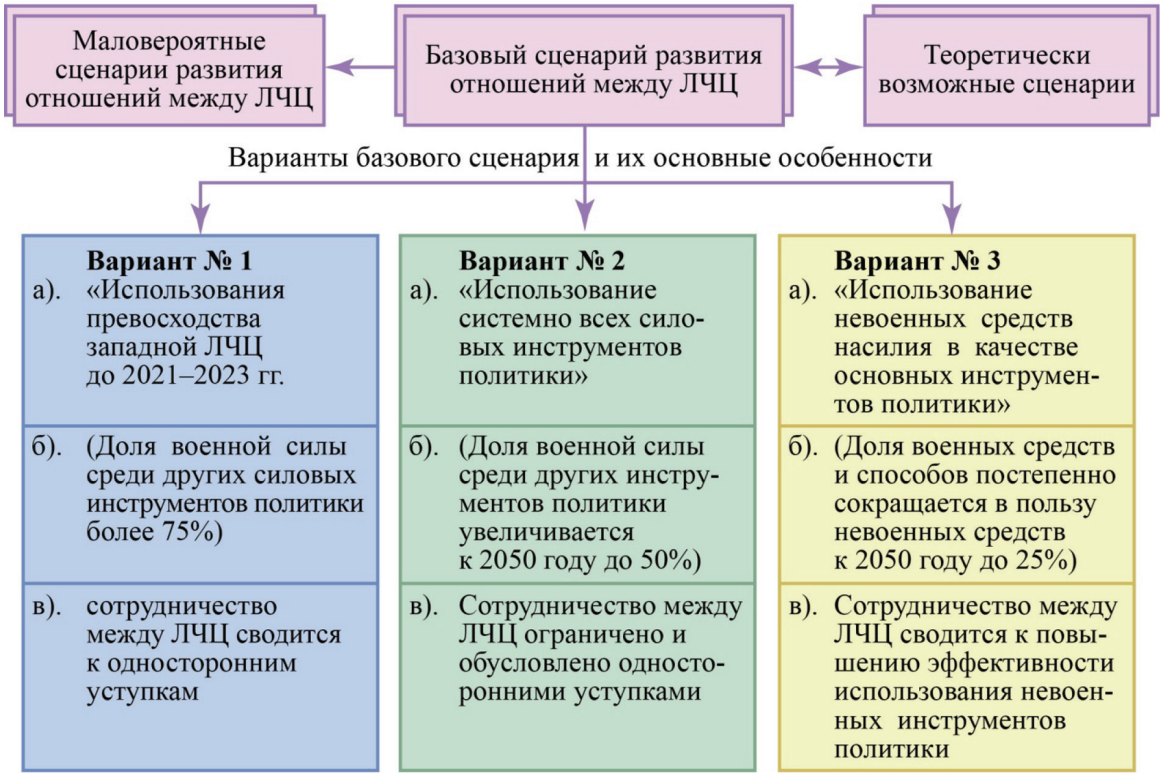

Рис. 3.37. Базовый сценарий «Военно-силового противоборства между ЛЧЦ» до 2050 года и его наиболее вероятные варианты реализации

— военная сила вернется в качестве определяющего фактора лидерства западной ЛЧЦ и ликвидации остатков самостоятельности других ЛЧЦ в мировой политике. Она станет тем катализатором силовой политики западной ЛЧЦ, который должен привести к ее усилению во всех областях;
— евразийскую военно-политическую интеграцию в области ВПО и, в частности, объединенную ВКО, следует рассматривать как необходимое условие сохранения российской евразийской ЛЧЦ и развития Евразийского экономического и военно-политического союза;
— многополярность в будущем позволит сократить количество конфликтов идентичности и противостояния внутри отдельных локальных цивилизаций. При этом масштаб и интенсивность столкновений между отдельными локальными цивилизациями увеличится.

5. Отношения между ЛЧЦ и формируемыми на их основе коалициями и центрами силы будут решительным образом влиять на то, по какому из вариантов сценария «Военно-силового противоборства между ЛЧЦ» будет развиваться МО и ВПО. Исходя из оценок, существующих в настоящее время, таких вариантов одного и того же сценария может быть несколько, как минимум, три, которые отличаются друг от друга, прежде всего пропорциями использования военной силы, среди других силовых инструментов политики. Условно, деление базового сценария на его варианты по этому принципу можно представить следующим образом (рис. 3.37).

Во-первых, это вариант, при котором западная ЛЧЦ захочет воспользоваться в самые короткие сроки своим коалиционным, и военно-техническим и экономическим превосходством, чтобы преимущественно военными средствами обеспечить существующее статус-кво в мире и остановить процесс изменения соотношения сил и существующих норм не в пользу Запада. («Вариант №1») Такой вариант сценария «Военно-силового противоборства между ЛЧЦ» означал бы начало полномасштабных военных действий не только с ведущими представителями исламской ЛЧЦ, но и российской, а в перспективе и китайской ЛЧЦ.

С самых разных точек зрения, но, прежде всего, с точки зрения военных рисков и экономических затрат, этот вариант наименее вероятный, наиболее опасен и экономически дорог. Велики также и другие издержки. Поэтому такой вариант сценария развития не исключается, более того, продолжает разрабатываться в качестве средства политико-психологического давления.

Во-вторых, это вариант, реализуемый в настоящее время («Вариант № 2»), при котором военная составляющая играет роль «усилителя» других средств силовой политики, обеспечивая им дополнительную эффективность. Этот вариант требует не просто сохранения военно-технического превосходства, но и увеличения его в отдельных областях (например, ВТО и ПРО) и на отдельных ТВД, прежде всего, в Европе и Ю-В Азии.

Наконец, **в-третьих**, это вариант базового сценария, который, как представляется, имеет наибольшую перспективу в представлении западной ЛЧЦ («Вариант №3»). Этот вариант предполагает усиление силового потенциала западной ЛЧЦ за счет наращивания невоенных силовых средств и способов достижения политических целей, получивший название «новой публичной дипломатии». Речь идет, прежде всего, об опережающем развитии информационных, социальных и иных технологий, ориентированных на продвижение ценностей и норм западной ЛЧЦ и оказывающих решительное давление на правящие элиты противостоящих ЛЧЦ.

3.7. б). Основные предложения

… наиболее важно осознать, что вмешательство Запада в дела других цивилизаций является… единственным наиболее опасным источником нестабильности и потенциального глобального конфликта…[119]

С. Хантингтон, политолог

Стратегическое сдерживание, являющееся основой стратегии национальной безопасности России в настоящее время, должно быть скорректировано в направлении большей приоритетности защиты системы ценностей ЛЧЦ, безопасности ее национальной элиты и общества, и суверенитета «российского ядра» ЛЧЦ. В этой связи можно сделать некоторые конкретные предложения в методику анализа и долгосрочного прогноза развития МО и ВПО в мире и в Евразии, вытекающие из новой роли и значения ЛЧЦ в XXI веке:

1. Необходимо оперативно **внести изменения в методику оценки и стратегического прогноза** угроз национальной безопасности России, исходя из переноса акцентов политического и военного противоборства от традиционных субъектов МО — наций и государств — в направлении учета факторов опережающего развития противостояния между ЛЧЦ. В частности:

- соотношение сил между различными субъектами МО и ВПО должно оцениваться и прогнозироваться, прежде всего, с учетом соотношения сил между противоборствующими и другими ЛЧЦ. В частности, приоритетное значение имеет сравнение и сопоставление военных сил между лидерами ЛЧЦ или их «ядрами», например, США и Китая, чему было посвящено, например, недавнее исследование РЭНД-корпорации[120];
- необходимо внести коррективы в некоторые основные положения военного искусства, исходя из новой роли и значения ЛЧЦ, как основ для коалиций и фундамента новых центров силы;
- важно пересмотреть основные цели и задачи военного и силового противоборства ЛЧЦ и вытекающие из них угрозы безопасности России;

---

[119] *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций [пер. с анг. Т. Велимеева]. — М.: АСТ, 2016. — С. 510.

[120] The U.S.-China Military Scorecard: Forces, Geography, and the Evolving Balance of Power, 1996–2017. — RAND, Califorma, 2015.

— исключительно важное значение имеет анализ и прогноз средств противоборства между ЛЧЦ с учетом нарастающего значения силовых (но невоенных) инструментов политики.

2. Необходимо уточнить методику **оценки военно-политического характера внешних военных угроз** с точки зрения преобладания цивилизационных угроз, нейтрализация которых не может быть обеспечена использованием только военной силы. Так, в бывшей Югославии, в Сербии и прежде всего в Косово и других районах страны, уничтожены церкви, приходы, школы, и др. институты православно-славянской цивилизации. Аналогичная ситуация наблюдается в Сирии, Ираке и даже на Украине, где с помощью военных средств уничтожаются цивилизационные основы общества: религия, образование, культура, традиции.

3. Необходимо пересмотреть методику оценки **потенциальных угроз** национальной безопасности России, выделив в качестве наиболее приоритетных угрозы опережающему развитию национального человеческого капитала как в демографической, так и в социально-экономической и интеллектуальной области, а также его институтам (университетам, НКО и пр.).

В настоящее время НЧК и его институты рассматриваются в стратегии национальной безопасности России преимущественно с социально-экономической точки зрения, а институты — как средство укрепления или ослабления политической стабильности. Между тем именно НЧК и его институты в случае реализации «Варианта №3» будут играть роль своего рода «абсолютного оружия».

Примечательно, что и в случае развития базового сценария по «Варианту №1» или «Варианту №2» роль НЧК и его институтов будет стремительно расти и станет в короткие сроки определяющей, например, для определения эффективности ВиВСТ или ВС той или иной ЛЧЦ.

4. Необходимо **расширить спектр внешних военных угроз стратегического характера**, включив в них:

— угрозы отставания в темпах технологического, демографического и социально-экономического развития России;
— угрозы дальнейшей утраты позиций российского НЧК среди мировых показателей;
— отставание в темпах, количестве и качестве развития институтов развития НЧК.

5. Динамичное развитие ЛЧЦ в XXI веке отразилось на **методике определения внешних военных конфликтов с учетом РФ и ее союзников до 2040 года**. На мой взгляд, основным и, может быть, единственным, но главным ТВД станет Евразия по всему периметру границ России — от Арктики до границ с Монголией и регионом Дальнего Востока.

На каждом из отдельных участков этого евразийского ТВД будут лидировать отдельные представители западной ЛЧЦ «делегированные США», которым во втором эшелоне будут оказывать полную поддержку США и другие союзники по западной ЛЧЦ. На западном направлении это будут Германия и Польша, на юго-западном — Румыния, на южном — Турция и коалиция проамериканских арабских режимов, наконец, на восточном — Япония, Австралия, Новая Зеландия и США.

6. С точки **зрения прогнозирования влияния противоборства ЛЧЦ на военно-политический характер возможных внешних военных конфликтов** с участием РФ до 2040 года, следует иметь в виду, что такой характер будет определяться:

— будущим характером политики западной ЛЧЦ, доминирующим вариантом базового сценария развития МО, ее целями относительно России и ее союзников. Представляется маловероятным, что характер западной ЛЧЦ и базовый сценарий противоборства будут радикально изменены до 2040 года. Речь может идти о важных, но частных изменениях между отдельными вариантами реализации базового сценария. В нашем случае — «Вариантом №1», «Вариантом №2» и «Вариантом №3», но вполне возможно и появление «гибридного» варианта этого сценария. Так, резкое обострение МО и отношений между ЛЧЦ (как, например, это произошло в 2001 году между западной и частью исламской ЛЧЦ) может привести к доминированию наиболее радикального «Варианта №1»;
— особенностью возможных войн, военных конфликтов, а также формируемой уже в настоящее время ВПО и СО. Этот вывод имеет важное значение в связи с неизбежными «технологическими прорывами», которые могут привести к резким изменениям в боевой

эффективности не только отдельных систем, но и видов ВиВСТ. Так, возможное появление гиперзвукового ВТО или новых типов РЭБ может существенно повлиять на стратегическое искусство, а резкое повышение прицельной дальности (до 3 км), точности и мощности стрелкового оружия уже в ближайшие годы — к новой тактике на поле боя.

На мой взгляд, военные конфликты западной ЛЧЦ с российской ЛЧЦ будут с высокой степенью вероятности иметь:

— **глобальный** пространственный характер, ограниченный «по суше» Евразией, но не ограниченный воздушно-космическим и информационным пространством;
— стремлением использовать против РФ **всю мощь** и полный состав коалиции западной ЛЧЦ, т.е. порядка 50-и государств, контролируемых США;
— стратегией **эскалации силовых средств**, когда собственно военная сила служит обеспечением эффективности использования других средств новой публичной дипломатии — от образования и официальной дипломатии, до создания и поддержки экстремистских и террористических групп.
— массовым применением новых социальных и информационных технологий, дезинформации и специальных средств против представителей правящих элит и институтов развития НЧК.

7. С точки зрения противоборства ЛЧЦ, представляется необходимым внести **коррективы в методику прогнозирования стратегического характера** возможных внешних военных угроз РФ и ее союзникам до 2040 года в следующих областях;

— необходимости развития тактики и оперативного искусства, т.е. возвращения к классической формуле военного искусства — от тактических побед к стратегическому выигрышу, от которой во многом отошли с появлением стратегического ЯО и наработки которых не развивались с конца 80-х годов XX в. Военные действия между ЛЧЦ крайне маловероятно будут вестись сразу же на уровне СНВ из-за крайней степени риска. Военный конфликт будет развиваться по эскалации от применения невоенных силовых средств, через использование экстремистских групп и «пятой колонны», массового применения ВТО и создания «облачного противника» с применением ЧВК;
— стратегический характер внешних военных конфликтов с развитием ЛЧЦ будет определяться, прежде всего, интересами и ценностями этих ЛЧЦ, которые защищают и продвигают правящие элиты и институты развития НЧК. Прежде всего западной ЛЧЦ. Соответственно главными стратегическими целями в военных конфликтах до 2040 года станут правящие элиты противостоящих ЛЧЦ, их институты гражданского общества и управления. Это — главные объекты для силового воздействия (военного и невоенного) западной ЛЧЦ в России и странах-союзниках;
— необходимо учитывать, что в XXI веке будет возрастать «обратное» (реверсное) влияние конкретной СО на ВПО и МО.

8. Развитие противоборства между ЛЧЦ в XXI веке требует переоценки **методики прогнозирования вариантов ведения войн и отдельных военных конфликтов в целом**, которые в будущем будут иметь:

— **системный характер**, т.е. использовать весь арсенал не только военных, но и гражданских средств и способов насилия, а также информационных и социальных технологий. Собственно война и военные конфликты перестанут быть «чисто» военным явлением. Как уже показывает реальность сегодняшнего дня, отдельная война или конфликт становятся, прежде всего, цивилизационным конфликтом.

Примечательно, что эта тенденция быстро развивается и применительно к внутренним войнам и конфликтам, которые могут возникнуть или быть инициированы извне на цивилизационной (национальной, религиозной и пр.) основе;

— **сетецентрический характер**, когда системное использование насилия предполагается против многих объектов, включая персонально лиц, отвечающих за управление государством и ВС.

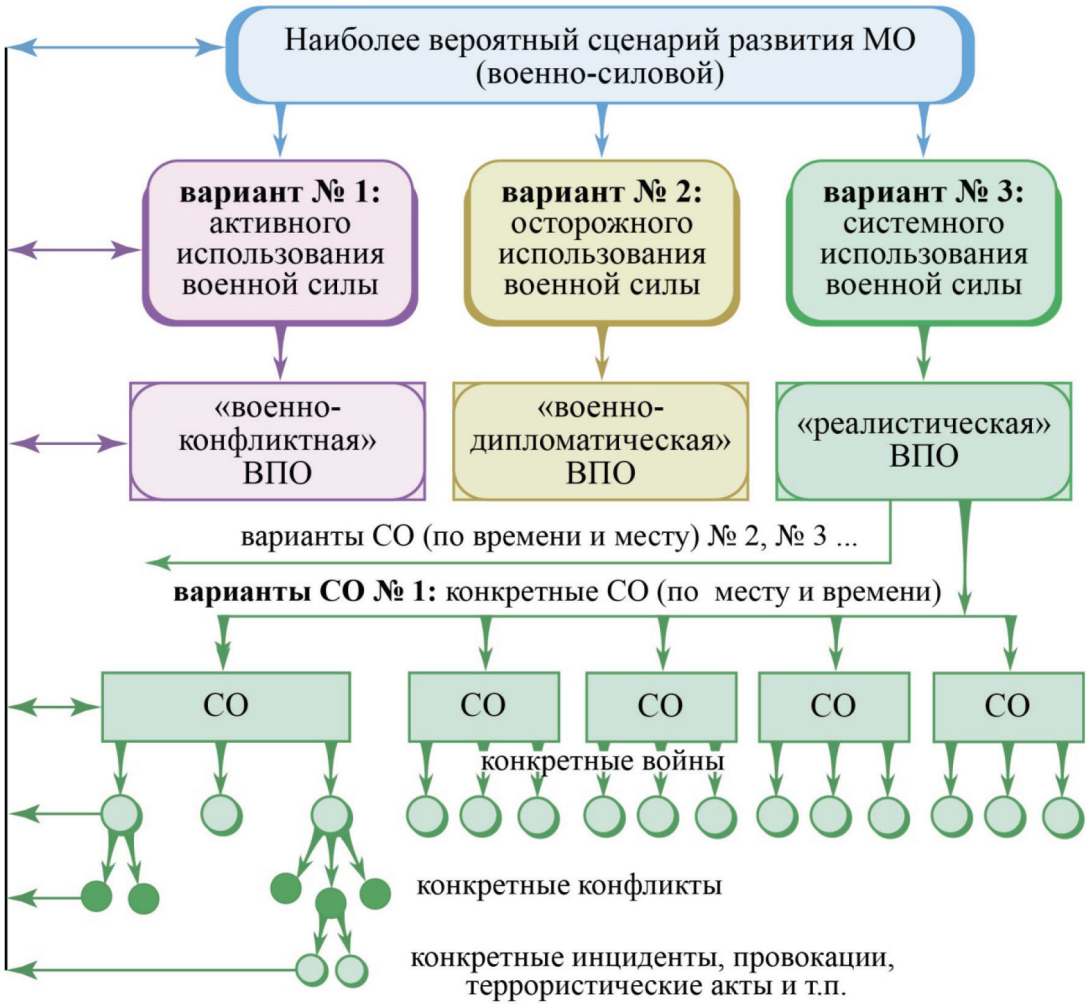

Рис. 3.38. Иерархия развития СО, войн и конфликтов в XXI веке

9. Противоборство ЛЧЦ в XXI веке вносит существенные изменения в формирование конкретных вариантов СО, характер особенности войн и военных конфликтов. В этой связи предлагается рассматривать их, прежде всего, в иерархии развития отношений между ЛЧЦ, которые выражаются в тех или иных сценариях и их вариантов МО и ВПО, позволяющей выделить их конкретные особенности.

Из предлагаемого рисунка (рис. 3.38) видно, что основные характерные черты и особенности будущих войн, конфликтов и инцидентов формируются, прежде всего, под влиянием отношений между ЛЧЦ, которые, в свою очередь, формируют тот или иной сценарий (и его варианты) развития МО и ВПО.

Нельзя, однако, игнорировать и обратное влияние — когда СО и даже отдельные конфликты и инциденты влияют на формирование ВПО и даже МО. Можно привести два примера, иллюстрирующих эту мысль.

Так, военный конфликт на востоке Украины в 2014–2016 годах резко ухудшил МО и ВПО в Европе и во всем мире, хотя нельзя говорить, что он стал единственным и даже главным фактором, повлиявшим на развитие МО и ВПО.

Другой пример, более частный: сбитый в Сирии бомбардировщик ВС РФ — вряд ли можно отнести к категории военного конфликта. Это — военный инцидент, быстро переросший в политико-дипломатический конфликт России и Турции.

Таким образом, **методика анализа и прогноза возможных и вероятных вариантов будущих войн и конфликтов** должна исходить, прежде всего, из анализа и прогноза развития сценариев (и их вариантов) развития МО, ВПО, а также вероятных конкретных СО, войн, конфликтов и инцидентов, которые сами могут также влиять на формирование МО и ВПО.

Сказанное, также, означает, что при анализе и прогнозе будущего характера войн и конфликтов необходимо учитывать перспективы развития ЛЧЦ, вероятные сценарии развития МО (и их варианты), а также другие невоенные факторы.

10. Развитие различных сценариев (и их вариантов) взаимоотношений ЛЧЦ в XXI веке, реализуемых в тех или иных сценариях (и их вариантах) МО и, как следствие, ВПО, создает не только основу для анализа и прогноза будущих войн и конфликтов, но и фундамент для анализа и прогноза **способов их ведения** по направлениям развития кризисных ситуаций.

Динамичное развитие ЛЧЦ в XXI веке ведет к революционным изменениям в средствах ведения войн и осуществления всей силовой политики, а также, способах их ведения, что уже на самой ранней стадии анализа позволяет сделать важные методологические выводы:

а) способы ведения вооруженной борьбы в XXI веке меняются радикально, революционно, требуя **пересмотра традиционных положений военного искусства.** Учитывая революционные изменения в информатике, средствах связи и управления, можно сказать, что в XXI веке произошла революция в области военного искусства, которая пока что не нашла, до конца, своего осмысления. Так, если прежде система управления войсками допускала управление из главного штаба соединениями и отдельными частями, то уже в ближайшем будущем это будет возможно применительно к отделению и даже отдельному военнослужащему.

На место центрального управления в массовом порядке приходит сетецентрическое управление из разных центров в режиме on-line, а также высокая степень сочетаемости военных, политических, экономических и иных решений;

б) следует признать, что разработка новых способов ведения войн и конфликтов (как и все социальные теории) в настоящее время отстает от разработки средств и технологий, т.е. новые материальные и информационные военные и иные возможности значительно опережают знание о том, как их применяют. Это означает, что особенное внимание требуется уделить развитию военного искусства на качественно новой теоретической и методологической основе;

в) среди новых способов ведения войн особенное значение приобретают силовые, но невоенные способы борьбы, прежде всего, информационной, социальной и кибернетической.

11. Прогноз развития военно-силового противоборства ЛЧЦ предполагает, что особое значение приобретает прогноз **исхода этого военного конфликта и его последствий**. Любая война преследует конечные политические цели, которые прежде, как правило, носили ограниченный характер и предполагали возможности достижения компромисса, удовлетворяющего обе стороны. Даже капитуляция без всяких условий Германии и Японии в 1945 году не предполагала уничтожения этих государств, а тем более наций.

Противоборство ЛЧЦ существенно изменило эту ситуацию. Теперь победа в противоборстве между ЛЧЦ предполагает:

— признание норм и правил, созданных той или иной ЛЧЦ на базе их системы ценностей и интересов, в качестве единственных и универсальных;
— потерю национальной идентичности и государственного суверенитета;
— смену правящих элит на такие элиты, которые смогут эффективно выполнять установки, сформулированные победившей ЛЧЦ.

Таким образом, военный конфликт между ЛЧЦ, а тем более война не предполагают компромисса изначально, а переговорный процесс предполагает только политическую победу. В такой войне преследуются самые решительные цели, а значит, используются самые эффективные средства и способы ведения военных и иных действий. Бескомпромиссность таких войн дополняется усилением их антигуманной направленности по отношению к мирным жителям, которые чаще и в больших масштабах становятся жертвами таких войн и конфликтов.

12. Предложения в **методику прогнозирования состава сил,** их расстановки и положения, формулируются исходя из анализа и прогноза возможного развития конкретной ВПО и ССО в мире и в регионах, но уже ясно, что такая методика должна исходить из ряда положений, характеризующих особенности развития ЛЧЦ в XXI веке, а именно:

— **состав сил** включает потенциально весь набор сил и средств государств, наций и акторов коалиции, в основе которой находится та или иная ЛЧЦ. В том или ином конфликте может участвовать только часть (иногда небольшая) сил ЛЧЦ. Как это было, например, с операциями «международной коалиции» в Югославии, Афганистане, Ираке или Сирии. Но именно столько, сколько это необходимо для данной войны или операции.

Глобальный конфликт, а тем более война между ЛЧЦ, предполагает глобальный охват и использование всех ресурсов ЛЧЦ. Причем не только военных, но и гражданских;

— **расстановка сил** ЛЧЦ происходит еще до начала военного конфликта или войны, так как требует не только создание соответствующих ВиВСТ, но и инфраструктуры, заранее, что существенно повышает их боевую эффективность. Учитывая, что конфликт между западной ЛЧЦ и другими ЛЧЦ в Евразии может происходить на начальной стадии вдоль периметра границ РФ — ОДКБ и КНР, то следует неизбежный вывод о стремлении западной ЛЧЦ создать соответствующую инфраструктуру, а также разместить тяжелые ВиВСТ вдоль этих границ. Размещение систем ПРО в Польше и Румынии, частей тяжелой техники вдоль границ с РФ в 2016 году, — примеры таких действий.

Исходное положение вооруженных сил ЛЧЦ оценивается исходя из сценария развития ВПО «Военно-силового противоборства ЛЧЦ».

ГЛАВА IV
ПРОЕКТ НОВОЙ СТРАТЕГИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА ДОЛГОСРОЧНЫЙ ПЕРИОД ДО 2050 ГОДА*

Документы стратегического планирования, разрабатываемые в рамках целеполагания, прогнозирования, планирования и программирования на федеральном уровне, на уровне субъектов Российской Федерации и на уровне муниципальных образований[1]
Федеральный закон
«О стратегическом планировании в Российской Федерации»

Деятельность по обеспечению безопасности включает в себя:
1) прогнозирование, выявление, анализ и оценку угроз безопасности;
2) определение основных направлений государственной политики и стратегическое планирование в области обеспечения безопасности;
3) правовое регулирование в области обеспечения безопасности;
4) разработку и применение комплекса оперативных и долговременных мер по выявлению, предупреждению и устранению угроз безопасности, локализации и нейтрализации последствий их проявления…[2]
Федеральный закон «О безопасности»

В 2015 году, сначала в США, а затем в России были приняты принципиальные документы о стратегии национальной безопасности[3], которые попытались отразить те принципиальные изменения в МО, произошедшие с конца XX века. Поэтому обоснование предлагаемой новой редакции стратегии национальной безопасности строится с учетом этих документов и базируется на анализе двух последних вариантов Стратегии национальной безопасности РФ (в редакции указов Президента Д. Медведева от 2009 года и Президента В. Путина 2015 года), а также основных федеральных законов и ряда концептуальных документов, лежащих в основе строительства военной организации Российской Федерации. Кроме того, значительная работа по обобщению и систематизации военно-политических документов, концепций и идей была проведена в предыдущие годы и опубликована в нескольких моих работах[4] и ра-

* Работа подготовлена в соответствии с грантом РНФ №16-18-10411 «Институциональное доверие к научному знанию в условиях новых рисков и уязвимостей в системе безопасности современной России»

1 Федеральный закон от 28.06.2014 №172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» / http://www.kremlin.ru/acts/bank/38630

2 Федеральный закон Российской Федерации от 28 декабря 2010 г. №390-ФЗ «О безопасности» / http://base.consultant.ru

3 National Security Strategy. — Wash.: GPO, 2015. February.

4 См., например: *Подберезкин А.И.* Военные угрозы России. — М.: МГИМО–Университет, 2014; Некоторые аспекты анализа военно-политической обстановки: монография / под ред. А.И. Подберезкина, К.П. Боришполец. М.: МГИМО, 2014. — 874 с.; Стратегическое прогнозирование международных отношений: кол.

Рис. 4.1. Абстрактно-логическая схема взаимосвязи Стратегии национальной безопасности и других правовых доктринальных документов

ботах Центра военно-политических исследований МГИМО — Концерна ВКО «Алмаз-Антей». Традиционно (и, наверное, даже справедливо) считается, например, что принципиальные правовые и нормативные основы для Стратегии национальной безопасности, анализа, стратегического прогноза и планирования, уже заложены в существующих документах, имеющих политико-правовой публичный характер, а именно:

— Конституции Российской Федерации;
— ФЗ «О безопасности»;
— ФЗ «О стратегическом планировании»;
— а также в указах Президента РФ «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» и «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации» (от 31 декабря 2015 года). Эти же основы положены в качестве фундамента в «Стратегию национальной безопасности», новая редакция которой была утверждена

монография / под ред. А.И. Подберезкина, М.В. Александрова. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — 743 с.; Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А.И. Подберезкина. — М.: МГИМО–Университет, 2015. Т. 1. Теоретические основы системы анализа, прогноза и планирования внешней и оборонной политики. 2015. — 796 с.; Т. 2. Прогнозирование сценариев развития международной и военно-политической обстановки на период до 2050 года. 2015. — 722 с.; *Подберезкин А.И.* Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — 325 с.; *Подберезкин А.И.* Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — 169 с. и др.

Указом Президента РФ В. Путиным 31 декабря 2015 года[5], отменившим соответственно прежнюю редакцию «Стратегии»[6], которая была утверждена Указом Президента Д. Медведева 12 мая 2009 года.

Таким образом, между двумя Указами и «Стратегиями» прошло не только более 6 лет, но и за это время были приняты два ФЗ, уточняющие «Стратегию», — ФЗ «О безопасности» (от 28.12.2010 г.) и ФЗ «О стратегическом планировании (от 28.05.2014 г.). Более того, в «Стратегии» от 2015 года делается прямая отсылка к этим двум законам, в соответствии с которыми В. Путин и подписал соответствующий Указ Президента РФ. Это говорит о том, что, как минимум, внешне весь процесс разработки Стратегии выглядит законно и логично (рис. 4.1).

Однако, на мой взгляд, говорить о том, что в России сложилась строгая политико-правовая основа для реализации Стратегии национальной безопасности, к настоящему времени, еще преждевременно: нет ни четкой взаимосвязи между правовыми и политическими положениями федеральных законов и «Стратегий», ни, тем более, эффективного механизма ее реализации. Механизма, соответствующего новым реалиям МО и ВПО.

Сохраняются и достаточно многочисленные противоречия между представлениями об основных положениях, изложенных в Стратегиях и других документах, например, Военной доктрине, по вопросу об основных военных угрозах. Так, в Стратегии (в редакции 2015 года) рассматривается «угроза национальной безопасности как совокупность условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность нанесения ущерба национальным интересам»[7], а в Военной доктрине России под угрозой понимается определенное «состояние межгосударственных или внутригосударственных отношений, характеризуемое реальной возможностью возникновения военного конфликта…»[8]

Подобное разночтение, на которое обращают внимание российские эксперты[9], имеет большое значение, особенно в связи с тем, что в США, например, понятие «военная угроза» вообще отсутствует, а военную силу предполагается использовать в ответ на любые угрозы национальной безопасности и для решения широкого спектра других национальных задач (на что также обращает внимание известный эксперт С. Цырендоржиев)[10].

Таким образом, не только Стратегия национальной безопасности России, но и вытекающие из этого документа подчиненные нормативные акты, имеющие принципиальное значение (прежде всего Военная доктрина России и Концепция внешней политики, а также Стратегия социально-экономического развития и другие), должны быть четко согласованы между собой, являться логическим продолжением и развитием положений друг друга, а также конкретизироваться в единых документах стратегического планирования.

---

5 *Путин В.* В. Указ Президента Российской Федерации №683 от 31 декабря 2015 г. «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» / http://base.consultant.ru

6 *Медведев Д. А.* Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. №537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // Российская газета. 2009. 18 мая. — №20.

7 *Путин В. В.* Указ Президента Российской Федерации №683 от 31 декабря 2015 г. «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» / http://base.consultant.ru

8 Военная доктрина Российской Федерации. Утверждена Президентом РФ 26 декабря 2014 года // Российская газета, 2014. 30 декабря.

9 См., например: *Цырендоржиев С. Р.* Военные опасности и угрозы, тенденции их обострения до 2020–2040 годов и далее / Стратегическое прогнозирование международных отношений: кол. монография / под ред. А. И. Подберезкина, М. В. Александрова. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — 743 с.

10 *Цырендоржиев С. Р.* Военные опасности и угрозы, тенденции их обострения до 2020–2040 годов и далее. — С. 598.

4.1. СТРАТЕГИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ И СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ПРОГНОЗ РАЗВИТИЯ СЦЕНАРИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОБСТАНОВКИ ГЛОБАЛЬНОГО «ВОЕННО-СИЛОВОГО ПРОТИВОБОРСТВА ЛЧЦ»

Нестабильность мировой политической арены
вынуждает практиков опираться на теоретические знания[11]
А. Торкунов,
академик РАН

Цивилизационный фактор становится все более нарастающей силой…,
он также определяет основные правила игры сегодняшний мировой политики…[12]
А. Владимиров

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, являясь «базовым документом стратегического планирования, определяющим национальные интересы и стратегические национальные приоритеты…, цели, задачи и меры в области внутренней и внешней политики, направленные на обеспечение укрепления национальной безопасности… и обеспечение устойчивого развития страны на долгосрочную перспективу», опирается изначально на анализ и, отчасти, прогноз, сделанный во II-ом разделе Указа о Стратегии: «Россия и современный мир». Приходится отметить, однако, что в этом разделе нет, как минимум, двух основных разделов, посвященных:

Во-первых, стратегическому прогнозу развития международной обстановки, описанию наиболее вероятного сценария ее развития на долгосрочную перспективу, хотя этого требует логика, суть и положения (например, Ст. 1, требующая определения «целей, задач и мер на долгосрочную перспективу»). В разделе II дается только общая **оценка** положения России и **анализ** современной МО и ВПО, но не дается прогноз развития МО даже на среднесрочную перспективу.

Между тем такой прогноз обязателен: сама суть стратегии предполагает формулирование долгосрочных целей и разработку механизмов их реализации как основных положений стратегического планирования. Применительно к стратегии национальной безопасности это требует ясного выбора не только собственно национальной стратегии (это очевидно), но и объяснения и прогноза развития того или иного наиболее вероятного варианта сценария МО.

В нашем случае, например, это означает, что мы предполагаем в качестве долгосрочного варианта сценария развития МО глобальный «Военно-силовой сценарий» взаимоотношений между ЛЧЦ, в его наиболее опасном и достаточно рискованном варианте постоянной эскалации со стороны Запада не только в долгосрочной перспективе, но и в настоящее время[13].

С точки зрения выбора стратегии ответных действий России, очевидно, что такая стратегия будет стратегией противодействия развитию именно этого сценария. Более того, именно в этом варианте. Со всеми вытекающими политическими и экономическими последствиями. Такой стратегический прогноз предполагает не только описание и прогноз сценария развития МО и его наиболее вероятного варианта, но и характеристику, и прогноз развития всех основных групп факторов, формирующих МО и, как следствие, ВПО, а именно:

---

[11] *Торкунов А. В.* Вступительное слово / Проект долгосрочной стратегии национальной безопасности России с методологическими и методическими комментариями: аналит. доклад / [А. И. Подберезкин (рук. авт. кол.) и др.]. — М.: МГИМО–Университет, 2016. Июль. — С. 9.

[12] *Владимиров А. И.* Основы общей теории войны: монография: в 2 частях. Часть I. Основы теории войны. — М.: Синергия, 2013. — С. 49.

[13] Проект долгосрочной стратегии национальной безопасности России с методологическими и методическими комментариями: аналит. доклад / [А. И. Подберезкин (рук. авт. кол.) и др.]. — М.: МГИМО–Университет, 2016. Июль. — 86 с.

Рис. 4.2. Модель анализа и прогноза конкретного состояния международной обстановки

— прогноз развития субъектов МО и их отношений, что является достаточно привычной и даже традиционной практикой (которая, правда, прежде сводилась к прогнозу отношений между великими державами);
— прогноз развития основных акторов и их взаимоотношений между собой и субъектами МО;
— прогноз развития основных глобальных и региональных мировых тенденций;
— прогноз развития НЧК и его институтов.

Без описания, анализа и прогноза этих групп факторов и основных сценариев развития МО Стратегия национальной безопасности теряет перспективу, приоритеты и не способна обеспечить стратегическое планирование, т.е. решить свою главную задачу.

Во-вторых, перечисляя и описывая действия США, угрозы — внешние и военные — международной безопасности, в разделе II не дается системного анализа и прогноза развития стратегии США и всей западной ЛЧЦ на долгосрочную перспективу, т.е. в Стратегии нет прогноза развития существующих и будущих угроз и опасностей.

Таким образом, «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации» не является реакцией ни на развитие конкретного сценария МО–ВПО сегодня и в долгосрочной перспективе, ни стратегией противодействия такой политике США и их союзников. Это является ее очевидным и недопустимым недостатком. Представляется, что эти важные детали необходимо точно и конкретно обозначить в российской Стратегии национальной безопасности, которая должна быть вполне и очень **конкретным ответом** как на развитие того или иного сценария МО, так и на реализацию оппонентами и «партнерами» своих стратегий в отношении России. Не обязательно в таком же простом варианте, как это делается в ряде документов на Западе («Россия — враг № 1, ИГИЛ — № 2» и т.д.), но достаточно коротком и — что немаловажно — общедоступном, для всей нации.

Выше уже говорилось не раз, что наиболее вероятным вариантом развития МО до 2025 года и до 2050 года является вариант усиления негативных и опасных элементов глобального сценария военно-силового противоборства западной ЛЧЦ во главе с США до 2025 года, когда он может достигнуть точки качественного, «фазового» перехода в глобальную войну. Это

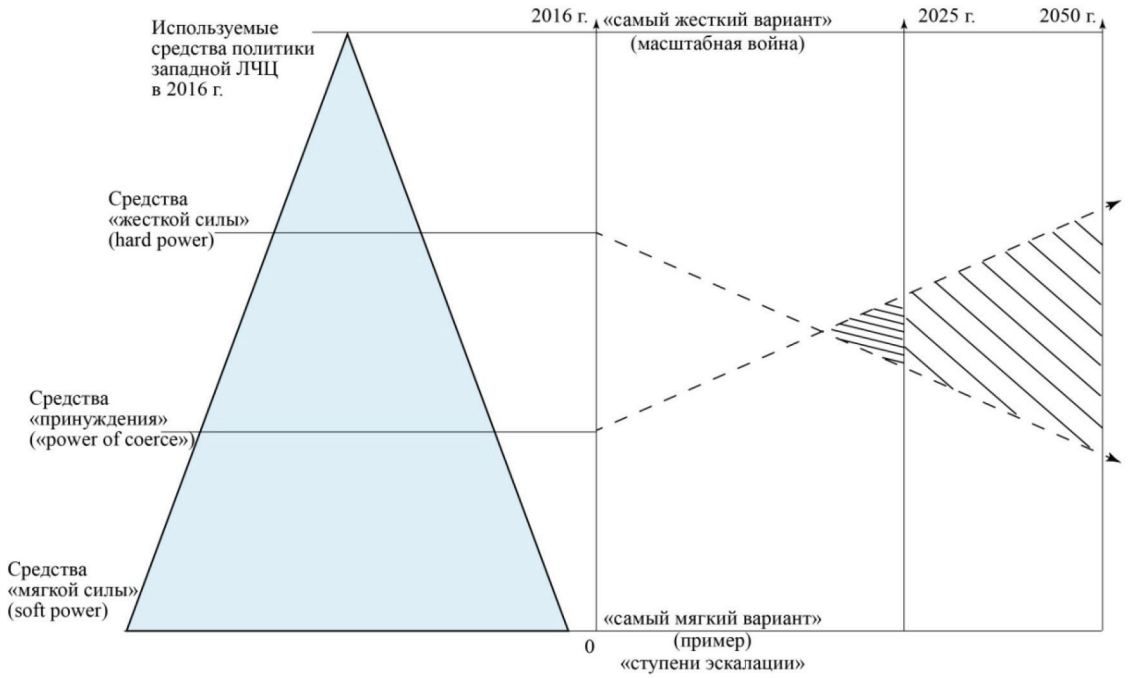

Рис. 4.3. Развитие варианта сценария глобального «военно-силового противоборства» до 2025 и до 2050 годов

означает, что вплоть до 2025 года силовые аспекты сценария будут во все большей степени трансформироваться в военные, а собственно военные приобретать все более крайние формы. Рубеж 2023–2025 годов, на мой взгляд, станет «фазовым» переходом от «просто» состояния военно-силовой конфронтации к состоянию военного конфликта, который будет развиваться впоследствии, до все более крупных масштабов, приобретая форму глобальной войны вплоть до 2050 года. Это развитие данного варианта стратегии западной ЛЧЦ можно представить следующим образом (рис. 4.3).

Из этого рисунка видно, что сценарий и стратегия глобального «Военно-силового противоборства» западной ЛЧЦ предполагают сближение и «наложение» военных и других средств принуждения к 2025 году и фактически их полное совмещение — до 2050 года.

Это же означает, что Стратегия национальной безопасности Российской Федерации должна учитывать вероятность развития событий в этом направлении, а именно значительное возрастание роли военно-силовых средств политики Запада уже к 2025 году и фактическое вытеснение ими средств официальной и публичной дипломатии к 2050 году.

С другой стороны, мы наблюдаем пока что и другую тенденцию, когда невоенные силовые средства вытесняют постепенно средства вооруженного насилия в политике, среди которых особое значение приобретают такие средства, как:

— цивилизационно-культурные, духовные, нравственные;
— социально-политические;
— научно-технические и образовательные.

Как видно из рисунка 4.4, происходит объективный процесс вытеснения военных средств насилия невоенными средствами влияния и насилия, что, однако, отнюдь не противоречит тезису об усилении военного противостояния и положению «Стратегии» в редакции 2015 года, где говорится о том, что «В международных отношениях не снижается роль фактора силы»[14], прежде

[14] *Путин В. В.* Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» №683 от 31 декабря 2015 г.

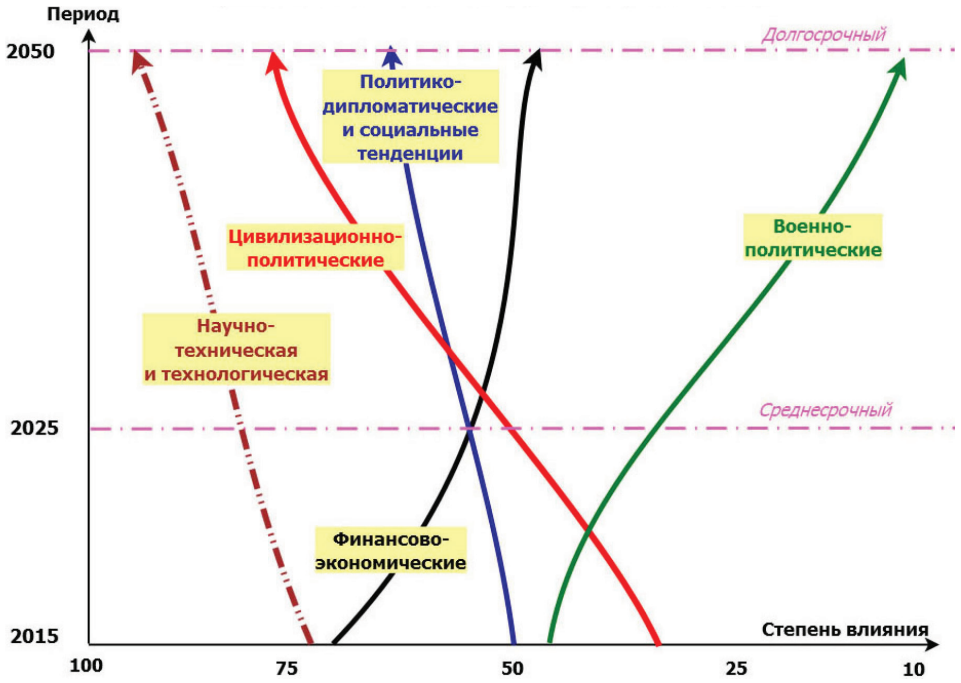

Рис. 4.4[15]. Изменение в значении средств силового противоборства до 2025 и до 2050 годов (как глобальные тенденции развития)

всего военной потому, что эта субъективная политика западной ЛЧЦ во втором десятилетии противоречит объективным тенденциям мирового развития. Иными словами происходит расширение всего спектра силовых (но не военных) средств политики и их трансформация фактически в военные средства (например, кибероружие и ВС).

Кроме того, западная ЛЧЦ выбирает в конкретный период времени в соответствии с конкретными условиями ВПО и СО ту или иную форму использования силовой политики по отношению к той или иной ЛЧЦ, стране или негосударственному актору. В этом проявляется гибкость политики западной ЛЧЦ и ее эффективность, прежде всего, системность и сетецентричность. Прямолинейная военно-политическая стратегия ушла в прошлое.

Сегодня выбор между дипломатической угрозой и применением военной силы расширился в сотни раз, когда не только у официальной и публичной дипломатии, но и у силовой политики, включая военную политику, появилось множество «промежуточных», «смежных» и «заместительных» вариантов. Поэтому при подготовке стратегического прогноза развития МО и Стратегии национальной безопасности мы вынуждены просчитывать множество вариантов такой силовой политики западной ЛЧЦ по отношению к другим ЛЧЦ, их смешение, замещение и появление принципиально новых вариантов.

Так, очевидно, что во втором десятилетии XXI века западная ЛЧЦ использует разные стратегии по отношению к своим главным оппонентам — ЛЧЦ, которые являются по своей сути разными формами военно-силового противоборства. «Доля» угроз, откровенно силовой политики в каждой из стратегий варьируется в зависимости от обстоятельств и условий, но никогда не бывает постоянной, а тем более не исчезает совсем.

Это, на мой взгляд, многое объясняет, но, прежде всего, стремление США и ряда их союзников компенсировать в своей стратегии падение своего влияния (социо-культурного, цивилизационного, экономического) более активным применением средств вооруженного насилия, а также поиском

[15] *Подберезкин А.И.* Презентация А.И. Подберезкин, ноябрь 2015 г. / Эл. ресурс: http://prognoz.eurasian-defence.ru

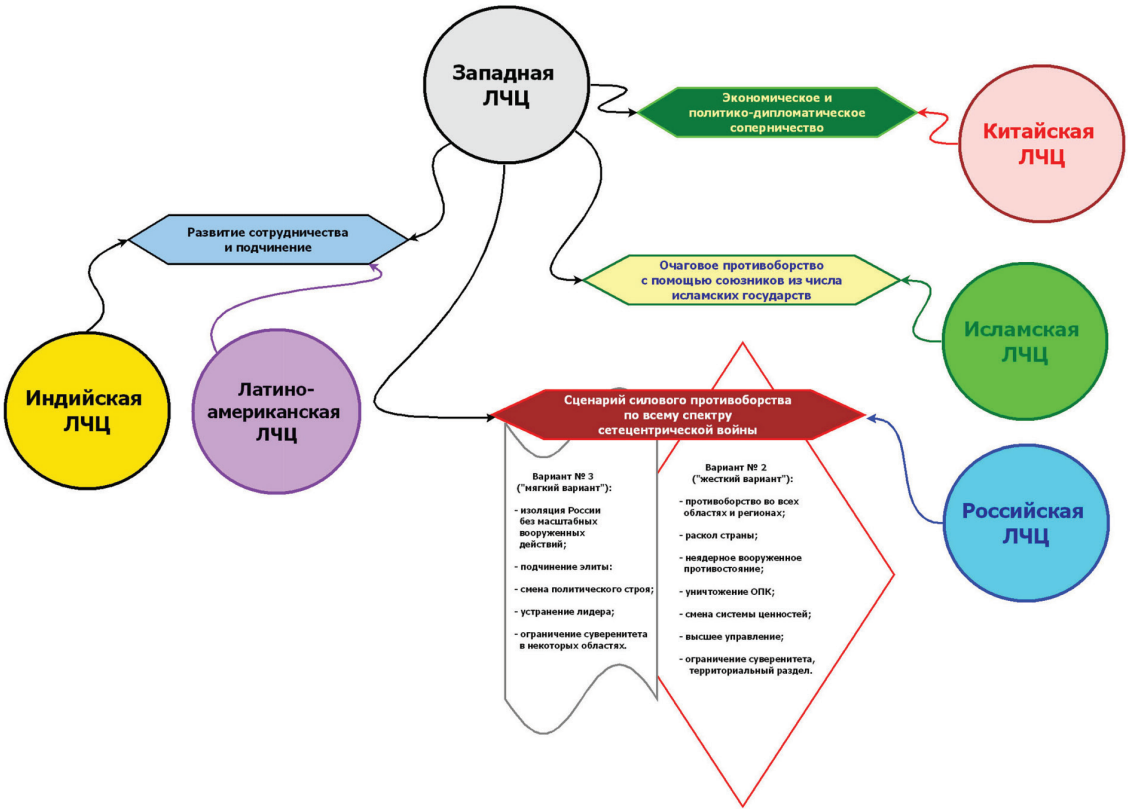

Рис. 4.5. Доминирующие формы силового противоборства западной ЛЧЦ и других ЛЧЦ до 2025 годов

все более эффективных и новых форм военного противоборства основанных на преимуществах, которые сохраняются у западной ЛЧЦ[16].

Очевидно, что подобные изменения во внешней среде формирования российской стратегии национальной безопасности обязательно должны учитываться. Прежде всего, с точки зрения нарастания опасностей собственно военных угроз уже до 2025 года. Но не только. Совершенно очевидно, что стратегия западной ЛЧЦ предполагает[17]:

— системное использование всех средств насилия и принуждения («при необходимости в одностороннем порядке»), не разделяя их на «чисто» военные и невоенные, когда по отношению к заявленной политической цели используется весь арсенал сил и средств «мягкой», «жесткой» и «силы принуждения» одновременно, усиливая акценты на некоторых из них в зависимости от внешних и внутренних условий;

— использование всех сил и средств предполагается на сетецентрической основе одновременно против всех (или большинства) объектов. Давлению и нападению должны подвергнуться максимально большое число объектов и функций противника — от кибер-операций и действий СМИ до массированных налетов с применением ВТО.

Иными словами можно сделать следующий вывод, который ясно формализовал российский исследователь В. Багдасарян.

Стратегия национальной безопасности США звучит предельно жестко: «Мы будем сдерживать и уничтожать любого противника, угрожающего национальной безопасности нашей страны и наших союзников». Никаких следов пацифистской риторики!

---

16 National Security Strategy. — Wash.: GPO, 2015. February.

17 The National Military Strategy of the United States of America. — Wash.: GPO, 2015. June. — P. 2.

Рис. 4.6[18]. Новая Стратегия Национальной безопасности США (13.02.2015) — стратегия мировой гегемонии

Таким образом, российская «Стратегия» должна исходить в обязательном порядке из двух взаимосвязанных долгосрочных прогнозов:

Прогноза развития человеческой цивилизации, международной и военно-политической обстановки на долгосрочную перспективу, который включал бы не только прогнозы развития основных групп факторов, формирующих МО (государств, международных акторов, мировых тенденций, человеческого капитала и его институтов), но и вычленение наиболее вероятного варианта развития МО на ближайшие 15–20 лет; т.е. стратегический прогноз развития собственно России.

Соответственно разработка стратегии противодействия предполагает оценку и прогноз возможных ресурсов России и ее потенциальных и реальных союзников. Поэтому для Стратегии необходим долгосрочный национальный прогноз развития, включающий прогноз развития экономики, социальной сферы, культуры, национальных ресурсов и пр. факторов, при учете доминирующих взглядов на развитие и безопасность у правящей элиты, ее долгосрочных планов и программ развития страны. Последнее субъективное обстоятельство может иметь для страны исключительно важное значение, однако оно пока что не поддается анализу и стратегическому прогнозированию.

В этой связи изначально важно с самого начала уточнить правовые основы, сформированные в этих ФЗ, их влияние на «Стратегию» и механизмы ее реализации.

[18] *Багдасарян В.* Какая стратегия нужна России для победы в войнах нового типа / http://devec.ru/politika/analitika/1993-vardan-bagdasarjan-kakaja-strategija-nuzhna-rossii-dlja-pobedy-v-vojnah-novogo-tipa.html

4.2. ОСНОВНЫЕ ПРАВОВЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НОРМЫ СОВРЕМЕННОЙ СТРАТЕГИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Деятельность по обеспечению безопасности включает в себя:
1) прогнозирование, выявление,
анализ и оценку угроз безопасности
2) определение основных направлений
государственной политики и стратегического
планирования в области обеспечения безопасности[19]
ФЗ «О безопасности»

Настоящий федеральный закон устанавливает правовые основы
стратегического планирования в Российской Федерации, координации
государственного и муниципального стратегического управления
и бюджетной политики…[20]
ФЗ «О стратегическом планировании
в Российской Федерации»

Радикальные сдвиги в международной и военно-политической обстановке, с одной стороны, и стремление Запада создать фактически новую международно-правовую систему, с другой, требуют создания эффективной системы управления военной организацией России, опирающейся на понятные и законные правовые нормы. В настоящее время Стратегия национальной безопасности, как уже говорилось, является таким базовым политическим и правовым документом стратегического планирования, определяющим национальные интересы… цели, задачи и меры в области внутренней и внешней политики»[21]. Другими словами именно на основании сформулированных в этом документе положений осуществляется все национальное стратегическое планирование (включая прогнозирование, анализ, целеполагание, программирование и собственно планирование). Или, как минимум, должно осуществляться.

Эта политическая и правовая норма очень обязывает, но в действительности она не выполняется в том виде как это должно быть: она не является обязательной, — ни политически, ни юридически — для всех других документов стратегического планирования, а тем более практической политики. В настоящее время Стратегия выполняет эту роль достаточно формально, а ее важнейшие положении не являются основой ни для социально-экономической, ни финансовой, ни даже внешней и военной политики. Документы, которыми руководствуются соответствующие министерства и ведомства далеко не всегда вытекают из положений Стратегии, а нередко и просто противоречат им. Так, социально-экономические приоритеты, сформулированные в Стратегии, фактически противоречат политике правительства и Центрального банка России.

---

[19] Федеральный закон Российской Федерации от 28 декабря 2010 г. №390-ФЗ «О безопасности» / http://base.consultant.ru

[20] Федеральный закон от 28 июня 2014 г. №172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» / http://www.kremlin.ru/acts/bank/38630

[21] *Путин В. В.* Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» №683 от 31 декабря 2015 г.

4.2. а). Положительный советский опыт

Политическая идентичность в России на современном этапе образуется в результате синтеза идентичности досоветской…, советской… и западной[22]

Ф. Фролов, культуролог

В современном мире обеспечение национальной безопасности подразумевает реагирование не только на явные и неотвратимые угрозы, но и на возможные и отдаленные риски…[23]

А. Торкунов, академик РАН

Внешние риски и трудности, системно создаваемые Западом для России, особенно настойчиво в 2014–2016 годы, требуют особенно высокой эффективности национального и государственного управления. Этот результат может быть получен только вследствие целого ряда шагов, которые необходимо предпринять российскому руководству в самых разных областях с тем, чтобы выстроить не только адекватную и долгосрочную стратегию национального развития, но и эффективный механизм ее реализации.

Обязательным, важнейшим и самым первым условием решения этой задачи должно быть политико-идеологическое и правовое закрепление Стратегии национальной безопасности и механизмов ее реализации в соответствующем документе.

В качестве позитивного примера можно привести практиковавшиеся при СССР политико-идеологические пятилетние планы, которые сначала принимались на съездах правящей партии в качестве директив, а затем — в качестве политико-идеологических и обязательных для элиты законов Верховным Советом СССР, обязательных с правовой точки зрения для всех граждан. Эти директивы и законы являлись главными политико-правовыми формами и механизмами развития экономики и общества в СССР, абсолютно обязательными к исполнению. В качестве примеров можно привести следующие:

Госплан СССР начал составлять пятилетние планы и контролировать их соблюдение с 1928 года.

Как видно из перечисленных примеров (табл. 4.1), в СССР существовала система мер, основанная на долгосрочном прогнозе и планировании, которая в принципе доказала свою эффективность. Даже в критикуемые самые «застойные годы» прирост ВВП страны составлял 2–3%, что по нынешним представлениям является мечтой для правительства.

В настоящее время эта система заменена, по сути, на один базовый Указ Президента РФ «О стратегии национальной безопасности», на который возложены все функции, выполнявшиеся прежде механизмами принятия решений в ЦК КПСС, Верховном Совете СССР и Совете Министров СССР. И прежде всего функции стратегического планирования, реализации и контроля над принятыми решениями.

Представляется, что подобная практика серьезно сдерживает развитие стратегического планирования и механизмов национального управления. Ни какой Указ Президента России не может, не в силах и не может стать общенациональным базовым документом. Тем более, Указ Президента РФ «О стратегии национальной безопасности» не может «определять национальные интересы, цели и задачи, а также меры в области внутренней и внешней политики». Во-первых, определение общенациональных интересов (потребностей), политических целей и средств их достижения не может быть в компетенции какой-то одной ветви власти, а тем более одного человека или органа (Совета Безопасности, Администрации и т.п.). Национальные интересы и приоритеты — компетенция,

[22] *Фролов Ф. С.* Культурно-лингвистическая экспансия — угроза национальной безопасности России. — РАНХГС, 2014. — С. 39.

[23] *Торкунов А. В.* Вступительное слово / Проект долгосрочной стратегии национальной безопасности России с методологическими и методическими комментариями: аналит. доклад / [А. И. Подберезкин (рук. авт. кол.) и др.]. — М.: МГИМО–Университет, 2016. Июль. — С. 9.

Таблица 4.1. Список пятилеток в СССР

Период реализации	Порядковый номер	Наименование документа	Утвержден
1928–1932	I пятилетний план	Директивы по составлению пятилетнего плана развития народного хозяйства	XV съезд ВКП(б) в 1927; Принят V Всесоюзным съездом Советов в 1929
1933–1937	II пятилетний план	Резолюция «О втором пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР»	XVII съезд ВКП(б) в 1934
1938–1942	III пятилетний план — сорван началом Великой Отечественной войны	Резолюция XVIII съезда ВКП(б) по докладу тов. Молотова	XVIII съезд ВКП(б) в 1939
1946–1950	IV пятилетний план	Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства (на 1946–1950 годы)	первой сессией Верховного Совета СССР 18 марта 1946
1951–1955	V пятилетний план	Директивы по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР	XIX съезд КПСС в 1952
1956–1960	VI пятилетний план — не был завершён, был принят Семилетний план на период с 1959 по 1965 годы	Директивы по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР	XX съезд КПСС в 1956
1959–1965	Семилетний план	Директивы по семилетнему плану развития народного хозяйства СССР	XXI съезд КПСС в 1959
1966–1970	VIII пятилетний план	Директивы по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР	XXIII съезд КПСС в 1966
1971–1975	IX пятилетний план	Директивы по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР	XXIV съезд КПСС в 1971
1976–1980	X пятилетний план	Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976–1980 гг.	XXV съезд КПСС в 1976
1981–1985	XI пятилетний план	Основные направления экономического и социального развития СССР на 1981–1985 гг. и на период до 1990 г.	XXVI съезд КПСС в 1981
1986–1990	XII пятилетний план	Основные направления экономического и социального развития СССР на 1986–1990 годы и на перспективу до 2000 года	XXVII съезд КПСС в 1986
1991–1995	XIII пятилетний план	Принят на Первом съезде народных депутатов СССР в июне 1989 года. Не был реализован в связи с распадом СССР	

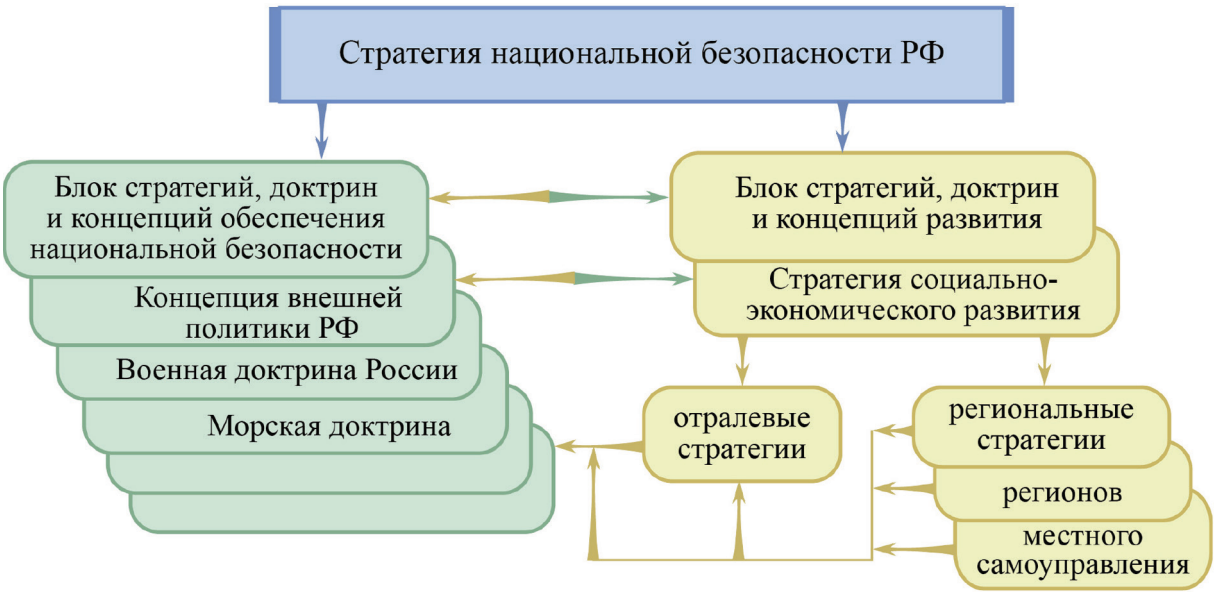

Рис. 4.7. Абстрактная структура Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, в основе которой находится Стратегия, утверждаемая Указом Президента РФ

принадлежащая всей нации. Президент же может говорить лишь о некоторых, пусть важнейших, государственных интересах в понимании его администрации. Их субъективная трактовка в России не отменяет их объективного общенационального и долгосрочного характера.

Наконец, во-вторых, существующая Стратегия предназначена для «укрепления национальной безопасности Российской Федерации» и «обеспечения устойчивого развития страны на долгосрочную перспективу», т.е. она претендует на то, чтобы быть фундаментом для целого комплекса стратегий, концепций и процедур в области стратегического планирования и социально-экономического развития. Условно, но достаточно точно, делясь на два блока — «безопасность» и «развитие», — между которыми устанавливается самая тесная взаимосвязь и взаимозависимость и которые сами, в свою очередь, выступают основой для многочисленных «отраслевых» доктрин, стратегий и концепций. Это можно формально-логически показать следующим образом (рис. 4.7).

Формально, как известно, все стратегии и концепции безопасности и развития вытекают из Стратегии, утверждаемой Президентом РФ. Или, как минимум, открыто ей не противоречат. Но на самом деле важнейшие положения многих документов открыто не соответствуют Стратегии, более того, входят в прямое противоречие с ней.

Как правило, также все эти концепции, доктрины и стратегии должны быть следствием Стратегии и вытекать непосредственно из нее, что, однако, на практике далеко не всегда происходит. Так, трудно связать стратегию социально-экономического развития, как со стратегией национальной безопасности, так и концепцией внешней политики, а региональные и местные стратегии с Военной доктриной России.

Другой аспект связан с прогнозом и планированием. В настоящее время в России действует комплекс нормативных правовых документов, направленных на регулирование отношений в области военной политики и военного планирования, основу которых составляют ФЗ «Об обороне», «О стратегическом планировании в Российской Федерации, «О безопасности», «О чрезвычайном положении», «О военном положении» и др., а также указы Президента РФ «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации», «Военная доктрина Российской Федерации» и целый ряд других. Они в принципе охватывают деятельность всех государственных органов, входящих в военную организацию России, и в общем виде представляют собой следующую картину.

Правовые основы современного военного планирования Российской Федерации

	МВД	ФСБ	ФСО	МЧС	СВР	Спецстрой	Минобороны РФ	Росатом	Роскосмос	ГУСП	МИД	Минфин	МЭР	РЖД
Конституция Российской Федерации`														
ФЗ РФ	ФЗ «Об обороне													
	ФЗ «О стратегическом планировании»													
	ФЗ «О безопасности», «О чрезвычайном положении», «О военном положении»													
	ФЗ «О государственном оборонном заказе													
	ФЗ «О федеральном бюджете»													
	ФЗ «О борьбе с терроризмом»													
	ФЗ «О границе»													
	и др.													
	МВД	ФСБ	ФСО	МЧС	СВР	Спецстрой	Минобороны РФ	Росатом	Роскосмос	ГУСП	МИД	Минфин	МЭР	РЖД
Указы Президента РФ	«О стратегии национальной безопасности Российской Федерации»													
	«О военной доктрине Российской Федерации»													
	и др.													
	МВД	ФСБ	ФСО	МЧС	СВР	Спецстрой	Минобороны РФ	Росатом	Роскосмос	ГУСП	МИД	Минфин	МЭР	РЖД

С точки зрения эффективности управления военной организацией нации и государства эта система, однако, представляется достаточно сложной, противоречивой и малоэффективной. Прежде всего, потому, что в ней отсутствует базовый федеральный закон о Стратегии национальной безопасности, являющийся, во-первых, общенациональным, а, во-вторых, обязательным для всех граждан и органов власти фундаментальным законом, являющимся самым приоритетным по отношению к другим законодательным и особенно многочисленным нормативным актам Правительства, Федерального Собрания, региональных органов власти.

Наконец, этим документом должен быть предусмотрен общенациональный орган управления всей военной организации не только государства, но и общества и всех граждан, т.е. создана по сути новая структура управления (аналогичная Государственному Комитету Обороны — ГКО — времен Второй мировой войны).

4.2. б). Современные правовые основы Указа Президента РФ «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» от 31 декабря 2015 года

Правовую основу настоящей Стратегии составляют Конституция Российской Федерации, федеральные законы … «О безопасности» и «О стратегическом планировании» … другие федеральные законы, нормативные акты Президента…[24]
Стратегия национальной безопасности России (в редакции 31.12.2015 г.)

Убедительный долгосрочный прогноз становится… ресурсом влияния в мировой политике[25]
А. Торкунов, академик РАН

Стремительное развитие современной МО и ВПО в 2014–2016 годы потребовало внесения срочных корректив в основополагающие документы, посвященные обеспечению национальной безопасности. (Точно такой же процесс наблюдался и в США, где в 2015 году (в феврале и июне соответственно) были опубликованы два базовых документа в этой области — Стратегия национальной безопасности[26] и Национальная военная стратегия США)[27].

Поэтому Стратегия (в редакции 31 декабря 2015 г.) стала естественным и вполне обоснованным шагом в развитии политико-правовой базы обеспечения безопасности страны. К сожалению, как стало видно в середине 2016 года, уже во многом запоздалым: реакция политической и правовой мысли в России отстает от темпов развития МО и ВПО. Так, уже к лету 2016 года стало ясно, что развитие противоборства между Россией, с одной стороны, и США, а также их союзников стран ЕС и НАТО), с другой, не прекращается, а тем более не повернуто вспять, а ускоряется, фактически перейдя в стадию войны. Признавать этот факт по разным причинам никто из политиков, как правило, не хочет[28], но остается фактом, что силовое противостояние во все большей степени включает и вооруженные формы борьбы. И не только на территории Сирии и Украины, но и в акваториях и воздушных пространствах, примыкающих к России. Создаются полноценные плацдармы для реализации стратегии «облачного противника», направленной против России по периметру ее границ.

Отставание в решении оргвопросов — очевидно. Исторически и политически, можно сказать, что период формирования основ современной «Стратегии» в редакции от 31 декабря 2015 года занял время от предыдущего варианта (принятого 12 мая 2009 года), когда были приняты и два основополагающих ФЗ, которые также уже потребовали новых изменений. Как признает эксперт О. Смирнова, в соответствии с поручениями Министерству экономического развития Российской Федерации необходимо было разработать до 1 января 2015 года:

— План подготовки предусмотренных Законом документов стратегического планирования;
— до 1 января 2016 года — предусмотрена разработка нормативно правовых актов, определяющих порядок разработки, корректировки, мониторинга и контроля реализации документов стратегического планирования;

---

[24] *Путин В. В.* Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» №683 от 31 декабря 2015 г.

[25] *Торкунов А. В.* Вступительное слово / Проект долгосрочной стратегии национальной безопасности России с методологическими и методическими комментариями: аналит. доклад / [А. И. Подберезкин (рук. авт. кол.) и др.]. — М.: МГИМО–Университет, 2016. Июль. — С. 9.

[26] National Security Strategy. — Wash.: GPO, 2015. February.

[27] The National Military Strategy of the United States of America. — Wash.: GPO, 2015. June. — P. 3.

[28] *Подберезкин А. И.* Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — 169 с.

Рис. 4.8[29].

— до 1 января 2017 года — предстоит непосредственно разработать предусмотренные законом документы стратегического планирования.

Документы, документы, документы… При этом, как отмечает эксперт, — про методологию и реализацию принципов стратегического планирования в России — ни слова[30].

А вместе с тем, смена парадигм в области МО и ВПО неизбежно ведет к смене методологии. Простое переписывание документов не приведет к должному результату, а согласование документов на основе регламента взаимодействия федеральных органов исполнительной власти не даст реализации документам. Нужна огромная работа по формированию методологии и конкретных методик повышения эффективности стратегического планирования и конкретного управления.

Смена парадигмы планирования означает подготовку мощной методологической основы. Сегодня необходимо выстраивать новую концепцию и методологию стратегического планирования в стране. Новую, даже в отличие от той, которая была год назад[31].

Все это означало фактическую смену парадигм к государственному планированию, история которого в современной России (вплоть до принятия в июне 2014 года ФЗ №172) насчитывала более 15 лет. Стало окончательно ясно даже для самых упертых либералов, что ежедневно, ежечасно требуется балансировать между:

— приоритетами системы долгосрочных целей развития и национальной безопасности;
— балансом ресурсов, имеющихся для разрешения стратегических и тактических задач.

За этот же период, пока шло переписывание документов в России, в мире произошли существенные, даже революционные изменения, вызванные, в частности:

---

[29] *Хамзатов М. М.* «Облачный противник»: новая угроза международной безопасности / Доклад на конференции «Современные аспекты международной безопасности». — М.: МГИМО–Университет, 2014. 9 апреля.

[30] *Смирнова О. О.* Парадигмы и параллели / Научно-практический журнал МИР, 2014. №3 (19).– С. 109.

[31] Там же.

— обострением международной обстановки как следствия политики западной ЛЧЦ, направленной на развитие военно-силового сценария, который мог бы обеспечить сохранение финансово-экономической и военно-политической системы, созданной США в XX веке;
— усилением глобальных противоречий и соперничества, вызванных опережающими темпами развития новых центров силы, отдельных стран и формированием коалиций на базе отдельных ЛЧЦ;
— социально-экономическими трудностями в России вызванными сохранением отсталой структуры экономики, стагнацией в экономике и темпах роста ВВП, низкой эффективностью управления и социальными и нравственными качествами правящей элиты. Последнее обстоятельство имеет особенно важное значение для обеспечения безопасности и обороноспособности страны. Как показала политика «импортозамещенияя» в 2015–2016 годы, ОПК и обрабатывающая промышленность России в целом, в наибольшей степени пострадали от так называемых реформ в области экономики, что поставило под сомнение способность России научно-технологически обеспечить свой суверенитет. Так, еще в начале 2014 года Генеральный конструктор Концерна ВКО «Алмаз-Антей» П. Созинов следующим образом обрисовал задачу создания единого информационного пространства, которую требовалось решить национальными средствами, т.е. путем «импортозамещения».

Рис. 4.9[32].

Очевидно, что решение этой и других «суперзадач» в рамках парадигмы «рыночных реформ», которые привели к кризису в обрабатывающей промышленности и уничтожению приборостроения, — невозможно. Требуется совершенно новый экономический и финансовый подход, который следовало внедрить немедленно. Удалось сделать это частично, «точечно», например, при строительстве и реконструкции заводов Концерна ВКО «Алмаз-Антей» в Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде и в ряде других областей.

[32] *Созинов П. А.* Направления развития системы воздушно-космической обороны Российской Федерации / доклад. — М.: МГИМО–Университет, 2014.

Эти три группы факторов, фактически новых парадигм, потребовали пересмотра существовавшей Стратегии национальной безопасности и «переходу к новой государственной политике в области национальной безопасности» еще в 2009 году[33]. Однако этого не произошло: неоправданная политическая эйфория продолжалась вплоть до начала 2014 года, хотя достаточно быстро для многих стало ясно, что указанные выше три группы факторов продолжают динамично и быстро развиваться и влиять на формирование современной МО и на положение России, не в лучшую сторону. Это потребовало внесения срочных и дополнительных корректив в уже принятую Стратегию уже через 6 лет, а именно в декабре 2015 года[34]. И эти решения оказались запоздалыми, но и еще более настораживает, их реализация еще больше оказалась сдвинутой. Так, еще летом 2016 года (т.е. через 9 месяцев после принятия Стратегии) так и не была принята, конкретизирующая ее, Стратегия внешней политики.

Представляется, однако, что даже и этих, внесенных в 2015 году корректив, уже недостаточно в 2016 году. В силу целого ряда причин требуется пересмотр ряда положений Стратегии, а также частных деталей, прежде всего, с точки зрения превращения ее в действующий документ, повышающий эффективность не только государственного, но и национального и коалиционно-цивилизационного управления в условиях стремительно нарастающих внешних угроз и фактического перехода отношений между ЛЧЦ из международного конфликта в состояние войны.

Следует отметить, что совершенствование такого документа как «Стратегия национальной безопасности России» может и должно идти постоянно, учитывая появляющиеся нюансы и новые реалии, с одной стороны, но, с другой стороны, требуется существование действующего документа, который является основой для других нормативных документов федерального, регионального и даже местного характера. Эти документы (в особенности отраслевые и региональные) должны быть четко привязаны и исходить из требований Стратегии, а та, в свою очередь, базируясь на ФЗ «О безопасности» и «О стратегическом планировании», быть достаточно стабильна. Из этого следует, что:

— во-первых, необходим постоянный мониторинг Стратегии на предмет ее соответствия существующим мировым военно-политическим и внутриполитическим реалиям, который предполагает ее корректировку не реже 1 раза в год;
— во-вторых, необходим мониторинг и (в случае необходимости) корректировка двух базовых ФЗ, лежащих в основе Стратегии. Так, в частности, Стратегия национальной безопасности России предполагает изначально существование двух крупных блоков — собственно блока обеспечения национальной безопасности и блока социально-экономического развития. Однако в ФЗ «О безопасности» №390, где говорится об основных задачах и функциях Совета Безопасности (Статья 14 п. 2.) лишь вскользь говорится о действиях Совета Безопасности в области «анализа информации…, о социально-политической и экономической ситуации в стране…»[35]. Таким образом, этот орган фактически отстранен от разработки социально-экономической политики и стратегии России, которая является составной частью всей Стратегии национальной безопасности. Более того, Совет Безопасности, являясь участником стратегического планирования, в соответствии с ФЗ «О стратегическом планировании в РФ» обязан заниматься «… целеполаганием, прогнозированием, планированием и программированием социально-экономического развития России, субъектов … муниципальных образований (Ст. 3, п. 1. ФЗ «О стратегическом планировании в РФ»)[36].

---

33 *Медведев Д. А.* Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» №537 от 12 мая 2009 г. Раздел I. Ст. 1.

34 Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» №683 от 31 декабря 2015 г.

35 Федеральный закон Российской Федерации «О безопасности» №390-ФЗ от 28 декабря 2010 г. / http://base.consultant.ru

36 Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» №683 от 31 декабря 2015 г. / http://base.consultant.ru

— в-третьих, Стратегия, утверждаемая указом Президента России, изначально является подчиненным (с точки зрения правовых приоритетов) нормативным актом существующим ФЗ. Вместе с тем одновременно — политически и организационно — эта же стратегия является «базовым документом стратегического планирования, определяющим (!) национальные интересы и стратегические национальные приоритеты Российской Федерации…»[37]. Однако, как легко заметить, правовые основы стратегического планирования в Российской Федерации устанавливает Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (Ст. 1, п. 1, 2; Ст. 2)[38].

Таким образом, структура, эффективность и правовая чистота правовых документов, обеспечивающих разработку и реализацию мер в области безопасности, требует принципиальных изменений. По большому счету можно сказать, что существующая политико-правовая система в России не обеспечивает необходимый уровень безопасности нации и страны.

4.3. ПОРЯДОК ФОРМИРОВАНИЯ СТРАТЕГИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Стратегическое планирование — деятельность участников стратегического планирования по целеполаганию, прогнозированию, планированию и программированию социально-экономического развития…, обеспечения национальной безопасности[39]
ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»

Организационная поддержка реализации настоящей Стратегии заключается в совершенствовании государственного управления Российской Федерации … на основе совершенствования механизмов стратегического планирования устойчивого развития…[40]
Д. Медведев
Указ Президента РФ
«О стратегии национальной безопасности Российской Федерации»

Процедура, порядок, этапность в подготовке и последующей реализации документа общенационального значения являются самыми главными признаками власти. Не случайно большой любитель и знаток власти Б. Ельцин, в конечном счете, прибегал к «последнему аргументу», когда говорил: «Я подписал указ». В силу этого важнейшей задачей «Стратегии» является совершенствование всего механизма государственного, общественного и муниципального управления Российской Федерации, в интересах безопасности и устойчивого развития России. По сути дела «Стратегия» должна являться главной политической и правовой основой механизма национального управления, а не рядовым документом, фиксирующим стратегию (отраслевую, региональную и т.д.) или концепцию, находящуюся в одном ряду с другими законами, указами и нормативными документами, о которых помнят только их разработчики.

Если сравнить Стратегию с другими документами и стратегиями имперского, советского или современного периода, то, как уже говорилось, мы можем найти единственную аналогию — основные направления экономического и социального развития СССР на пять лет, т.е. пятилетки,

[37] Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28 июня 2014 г. №172-ФЗ / http://www.kremlin.ru/acts/bank/38630

[38] Там же.

[39] Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» №172-ФЗ от 28 июня 2014 г.

[40] Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» №537 от 12 мая 2009 г. Ст. 100.

которые изначально оформлялись в виде партийных директив (и нередко приводили к широкой политической дискуссии), а затем в форме закона, принимавшегося Верховным Советом СССР и РСФСР.

Но главное даже не это, а то, что в настоящее время Указ Президента России «О стратегии национальной безопасности» является самым важным и по сути единственным документом, определяющим стратегическую перспективу и современное состояние МО, российского общества и государства.

Конечно же, есть базовые законы и Конституция России, создающие форму власти и управления в стране, но ее содержание — состояние и перспективы — формулируются в единственном документе, которому подчинены остальные документы, имеющие содержательный характер, — Стратегия национальной безопасности России.

4.3. а). Этапность формирования Стратегии и эффективность управления

> … в Америке за последнее двадцатилетие был собран такой инновационный «кулак» из примерно пяти миллионов интеллектуалов со всех стран мира, подобного которому, пожалуй, не найти во всей истории человечества. И результаты его работы уже сложились в единый «паззл», который задаст новые стандарты жизни для всей человеческой цивилизации[41]
>
> *В. Медведев, создатель школы советского программирования*

Эффективность национального и государственного управления, являющаяся целью Стратегии, непосредственно связана с этапностью ее формирования, реализации, мониторинга и контроля. Прежде всего, потому, что такая этапность — от «общего к частному», от закономерностей развития всей человеческой цивилизации и их более частных проявлениях в сценариях развития МО и ВПО — полагает избежать односторонних представлений о тенденциях мирового развития.

Изначально бросается в глаза главная особенность Стратегии: она является не публичным политико-идеологическим документом, а произведением аппаратного искусства.

В настоящее время эти этапы отсутствуют, однако для сравнения было бы полезно сопоставить процессы прохождения этих документов при СССР, а до этого — в императорской России.

Стратегия национальной безопасности России	Основные направления экономического и социального развития СССР
отсутствует	подготовка и оформление партийных (политико-идеологических) директив
отсутствует	обсуждение в партийных организациях и на съезде правящей партии
утверждение Указом Президента РФ	принятие в виде закона на съезде Верховного Совета СССР
отсутствует	обсуждение и доведение до всех руководителей и актива, широкое ознакомление

[41] *Медведев В.* В загнивающей Америке готовится грандиозный технологический прорыв, который определит будущее человечества / Эл. ресурс: NewRezume. 2016. 5 июля / http://newrezume.org/news

Не удивительно, что последующие документы, которые должны конкретизировать и развивать Стратегию в лучшем случае лишь ссылаются на нее.

То, что «Стратегия» является базовым документом, зафиксировано не только в тексте Указа Президента РФ, но и других документах. Кроме этих документов следует учитывать и целый ряд других — федеральных законов, законов, указов Президента России, а также постановлений и распоряжений Правительства РФ. Вместе с тем, значение собственно Стратегии национальной безопасности имеет огромное, даже первостепенное целевое значение. В последней редакции Стратегии (31 декабря 2015 года, Указ Президента РФ №683) прямо говорится, что «Настоящая Стратегия является базовым документом стратегического планирования, определяющим национальные интересы и стратегические национальные приоритеты Российской Федерации, цели, задачи и меры в области внутренней и внешней политики, направленные на укрепление национальной безопасности Российской Федерации и обеспечение устойчивого развития страны на долгосрочную перспективу»[42].

Последнее определение относительно «развития страны» имеет особенно важное значение, ибо подчеркивает связь между безопасностью и социально-экономическим развитием страны (что повторяет отдельно статья 5 Стратегии). Это означает, что основы национальной стратегии развития, включая ее отдельные экономические и социальные аспекты, должны вытекать из Стратегии, быть ее следствием. Это же означает, что другие стратегические документы (включая бюджеты, основные программы и концепции, оформленные в т.ч. в виде законов, указов и постановлений, должны быть следствием положений, сформулированных в Стратегии, а сама Стратегия должна (в соответствии с ФЗ «О стратегическом планировании в РФ») «… разрабатываться в рамках целеполагания, прогнозирования, планирования и программирования…» Таким образом, последовательность решения задачи, определенной в ФЗ №172, такова:

— целеполагание (т.е. точное определение цели и задач национального развития и обеспечения безопасности);
— стратегический прогноз;
— планирование;
— программирование.

На мой взгляд, следует предложить изначально две существенные поправки. Во-первых, Стратегия национальной безопасности должна иметь силу ФЗ, а не Указа Президента России, ибо именно она закладывает основы для всех других доктрин, концепций и стратегий, а кроме того (с политической точки зрения) должна иметь общенациональный и установочный, более того, обязательный характер, который может быть сделан только в законе[43]. Кстати, именно такой порядок существовал в СССР, когда правящая партия принимала директивы пятилетнего плана на своем съезде (т.е. придавала им высший политико-идеологический статус), а затем придавала этим директивам статус закона на сессии Верховного Совета СССР.

Такой порядок обеспечивал высокую эффективность управления: уже на стадии обсуждения и дискуссии вокруг директив, а затем и после съезда партии, эти директивы становились не только известны большинству, коммунистам-руководителям, но и приобретали статус партийной политики. Когда же эти директивы становились законом, то предполагалась административная (и даже уголовная) ответственность за их выполнение. Таким образом, для правящей элиты СССР (с точки зрения как политико-идеологической, так и правовой) основные направления развития экономики и социальной области страны становились важнейшими партийно-государственными документами, как минимум, на ближайшие 5 лет.

Во-вторых, приоритеты и порядок действий по принятию Стратегии следовало бы несколь-

---

[42] Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» №683 от 31 декабря 2015 г. / http://base.consultant.ru

[43] *Подберезкин А. И., Соколенко В. Г., Цырендоржиев С. Р.* Современная международная обстановка: цивилизации, идеологии, элиты. — М.: МГИМО–Университет, 2014. — С. 355–371.

ко изменить, поставив на первое место по порядку и значению специфический, стратегический прогноз развития человечества и международной обстановки, а также целеполагание и стратегический прогноз состояния и развития нации — как процессы и действия, во многом вытекающие из этого прогноза[44]. Иными словами необходим не только анализ и оценка существующей МО, но и стратегический прогноз ее развития, который будет описывать внешние условия развития нации и государства. При этом принципиально важно помнить, что оба эти стратегических прогноза — нации и МО — должны взаимодействовать друг с другом и учитывать взаимное влияние. Прогноз внешних условий, вызовов и угроз — создает общую канву, условия для реализации национального стратегического прогноза. Это внешние условия существования человечества и отдельных локальных человеческих цивилизаций, внешние вызовы и угрозы, которые ожидаются в будущем. В настоящее время существует достаточно много таких стратегических прогнозов развития человечества и МО, сделанных, в том числе крупными коллективами чиновников и ученых. В качестве одного из таких примеров можно привести прогноз, сделанный Атлантическим Советом по прогнозированию и ИМЭМО РАН, в котором прогнозируются к 2035 году следующие четыре последствия в развитии МО[45]:

— рост риска конфликта между крупными державами, а также державами «второго эшелона» и негосударственным (религиозными) акторами;
— переход развивающихся стран в категорию драйверов мировой экономики, что приведет в 2035 году к концентрации финансовых ресурсов в новых региональных кластерах;
— мировой энергетический сектор столкнется с инвестиционной и ценовой нестабильностью, достигнув к 2035–2040 года своего пика добычи;
— новые технологии приведут к росту безработицы и обострению социально-политических проблем.

При этом неизбежно рассмотрение в Стратегии будущего множества возможных вариантов сценариев развития МО, из которых требуется выделить наиболее вероятный вариант сценария (в его возможных ипостасях — «реалистическом», «пессимистическом» и «оптимистическом»)[46], или каком-то другом.

В самом общем виде эти идеи можно изложить на следующем логическом рисунке (рис. 4.10).

Совершенно очевидно, что чем точнее будет стратегический прогноз, развития, не только нации и государства, но и МО, и ресурсов, тем адекватнее будут и действия по прогнозированию и планированию в Стратегии национальной безопасности России. Так, например, если стратегический прогноз ориентирует будущее развитие МО и ВПО преимущественно в развитии военно-силового варианта того или иного сценария, то и целеполагание для России будет вытекать из этого прогноза: выстоять и уничтожить противника. Пока что мы неизбежно подходим к такому выводу, хотя позиции представителей различных частей правящей элиты России расходятся.

Если же прогноз предполагает развитие МО в направлении сотрудничества и формирования благоприятных внешних условий (как было долгое время, когда, вплоть до 2013 года, нам без конца говорили об «исключительно благоприятных внешних условиях» для России), то и национальное целеполагание должно быть акцентировано на развитии нации в благоприятной внешней обстановке. Именно это и происходило в горбачевско-ельциский период второй половины 80-х и 90-х годов, когда искусственно прогнозировалось и создавалось «безоблачное» мнение о конвергенции двух систем, а затем и совпадении их интересов и систем ценностей. Эти искусственно-субъективные

---

[44] **Стратегический прогноз Российской Федерации** — *зд.* документ стратегического планирования, содержащий систему научно-обоснованных представлений о стратегических рисках социально-экономического развития и об угрозах национальной безопасности Российской Федерации / ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации».

[45] Global System on the Brink: Pathways toward a New Normal. A Report. — Wash.: Atlantic Council, January 2016. — 97 p.

[46] См. подробнее: *Подберезкин А. И.* Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — 169 с.

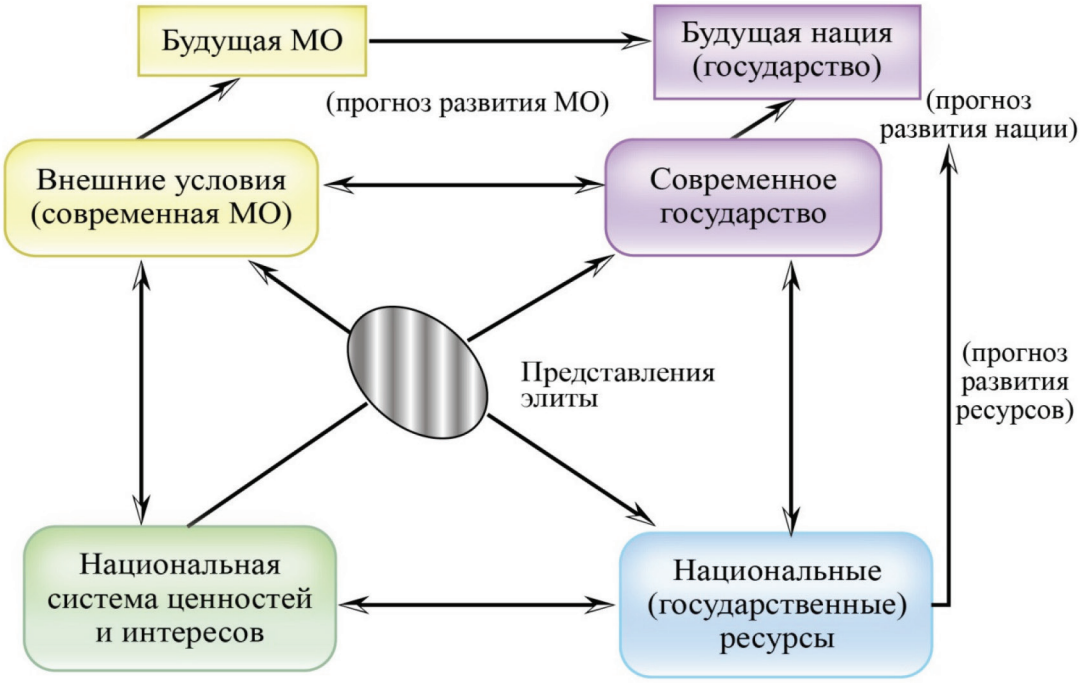

Рис. 4.10. Логика развития стратегического прогноза сценария МО и нации (государства)

оценки могли существовать только до тех пор, пока СССР и Россия шли на односторонние уступки, сознательно делая вид, что не замечают нарушения их интересов.

Советский и российский опыт политического строительства свидетельствуют, на мой взгляд, о следующем:

— оценка, анализ и прогноз МО и ситуации внутри страны носит, как правило, крайне субъективный характер;
— принимаемые решения, как правило, ориентированы на личностное восприятие реалий;
— многих негативных последствий таких решений можно было бы избежать, вернув научный и объективный подход, логику и экспертизу.

Эту логику, экспертизу и последовательность можно отобразить следующим образом на формальной и самой общей логической схеме, предполагающей анализ, оценку, прогноз и планирование решений с «самого верхнего, цивилизационного, уровня» вплоть до частных вопросов обеспечения национальной безопасности и развития (рис. 4.11)[47, 48].

Самым слабым местом современной Стратегии национальной безопасности вообще и, в частности, документа, оформленного указом Президента РФ, являются блоки, конкретизирующие Стратегию, — «безопасность» и «развитие» в отдельных стратегиях, доктринах и концепциях. Эти два блока не только тесно связаны между собой и устанавливают баланс между обеспечением национальной безопасности и развитием, но и выступают конкретным правовым и политическим механизмом реализации приоритетов Стратегии. Так, во времена Петра I бюджетные расходы между безопасностью и развитием составляли 9,5 к 0,5, т.е. практически все расходы направлялись на оборону. В периоды «тотальной мобилизации» в XX веке это соотношение было 3 : 1, а в относительно мирный период в Германии и целом ряде других стран — 1 : 30 в пользу развития.

[47] Федеральный закон Российской Федерации от 28 декабря 2010 г. №390-ФЗ «О безопасности» / http://base.consultant.ru

[48] Федеральный закон от 28 июня 2014 г. №172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» / http://www.kremlin.ru/acts/bank/38630

Рис. 4.11. Логическая схема разработки и принятия основных стратегических общенациональных документов

Очевидно, что в зависимости от оценки и прогноза развития МО и ВПО устанавливается соотношение национальных расходов — либо как 1 : 25 (как сегодня в России и США), либо как 1 : 3 (как в Израиле и Саудовской Аравии). Разброс, как видим, колоссальный, но для каждого случая вполне объяснимый. Если вы ожидаете непосредственной военной угрозы в ближайшее время, то вы должны максимально мобилизовать свои ресурсы для отражения. Если непосредственной опасности нет, то и нет острой необходимости тратить на оборону много ресурсов, отрывая их от потребностей национального развития. В конечном счете, все зависит от степени опасности, ее оценки (недооценки или переоценки) политическим руководством. В СССР, например, начиная с 1938 года произошла фактическая милитаризация экономической жизни из-за оценки МО и ВПО, как накануне войны. Поэтому (по некоторым оценкам) степень военных расходов достигала 30% и даже более 40%, что характерно для военного периода.

Другой аспект — конкретизация стратегий и концепций обеспечения безопасности и развития, которые должны быть производными от стратегии национальной безопасности, но далеко не всегда и не во всем ими бывают. Так, Стратегия социально-экономического развития РФ, принятая с начала в виде концепции в марте 2008 года, имела мало общего со Стратегией 2009 года, а ее последующие варианты со стратегиями и концепциями обеспечения безопасности.

Как видно из логической схемы, подготовке Стратегии национальной безопасности должны предшествовать, как минимум два этапа анализа, оценки и прогноза развития человечества и локальных человеческих цивилизаций, а, во-вторых, конкретного политико-экономического анализа состояния и перспектив развития МО. В современной Стратегии национальной безопасности есть лишь несколько частных оценок современного этапа развития МО, например, констатация того, что «в настоящее время создана устойчивая основа для дальнейшего наращивания экономического,

политического, военного и духовного потенциалов Российской Федерации, повышения ее роли в формирующемся полицентрическом мире»[49].

«Формирующийся полицентрический мир» — очень общая оценка, а тем более слишком абстрактный прогноз, особенно в сочетании с констатацией об «устойчивой основе» развития России.

Собственно этими оценками и ограничивается Стратегия в описании самого верхнего, цивилизационного уровня, по сути, переходя сразу же к прикладному политическому анализу МО, где ключевой оценкой является фраза о том, что «… формирование новой полицентричной модели мироустройства, сопровождается ростом глобальной и региональной нестабильности»[50]. Эта оценка, на мой взгляд, слишком мягко характеризует реалии современной МО (сознательно или нет — другой вопрос), а, во-вторых, очевидно, недостаточно. Дальнейшие сентенции относительно роли военной силы, НАТО и пр. опасностей носят, безусловно, более трезвый характер, чем предыдущие оценки, но и они не являются вполне мобилизующими и нацеливающими нацию на действия по немедленному реагированию.

4.3. б). Алгоритм подготовки и принятия Стратегии

… говорить о том, что в России сложилась четкая концептуально-правовая основа для реализации Стратегии национальной безопасности … еще преждевременно[51]
Исследователи ЦВПИ

Для сохранения нашего устойчивого лидерства, нам необходимо сформировать контуры нового мирового экономического порядка, который и впредь будет отражать наши интересы и ценности[52]
Стратегия национальной безопасности США. 2015 г.

Для эффективной национальной стратегии важна процедура подготовки, принятия и реализация формального документа, в котором в нормативно-правовой форме закреплены её основные положения. В настоящее время эта процедура сводится к простой формуле, когда в недрах аппарата Совета Безопасности рождается некий проект документа (в разработке которого в той или иной степени принимают участие все заинтересованные органы власти), который принимается Президентом РФ и объявляется «руководством к действию» для остальных органов власти.

Представляется, что в такой процедуре существует много недостатков, но, прежде всего, главный недостаток заключается в том, что стратегия национальной безопасности должна на всех этапах готовиться публично, на национальном уровне, а не только на уровне отдельных институтов государства. Это — политико-идеологический документ (даже в том случае, если это и отрицается), который в принципе не может быть плодом только аппаратной работы.

Во-вторых, это (как и вся идеология) — эффективный инструмент управления, но только в том случае, если к нему причастны не только органы власти, но и институты гражданского общества и отдельные граждане. И в новой редакции Стратегии об этом говорится. В частности, это видится, например, как задача защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей некоторыми исследователями, в общих условиях развития всей человеческой цивилизации

[49] *Путин В.В.* Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» №683 от 31 декабря 2015 г.

[50] Там же.

[51] Проект долгосрочной стратегии национальной безопасности России с методологическими и методическими комментариями: аналит. доклад / [А.И. Подберезкин (рук. авт. кол.) и др.]. — М.: МГИМО–Университет, 2016. Июль. — С. 43.

[52] National Security Strategy. — Wash.: GPO, 2015. February.

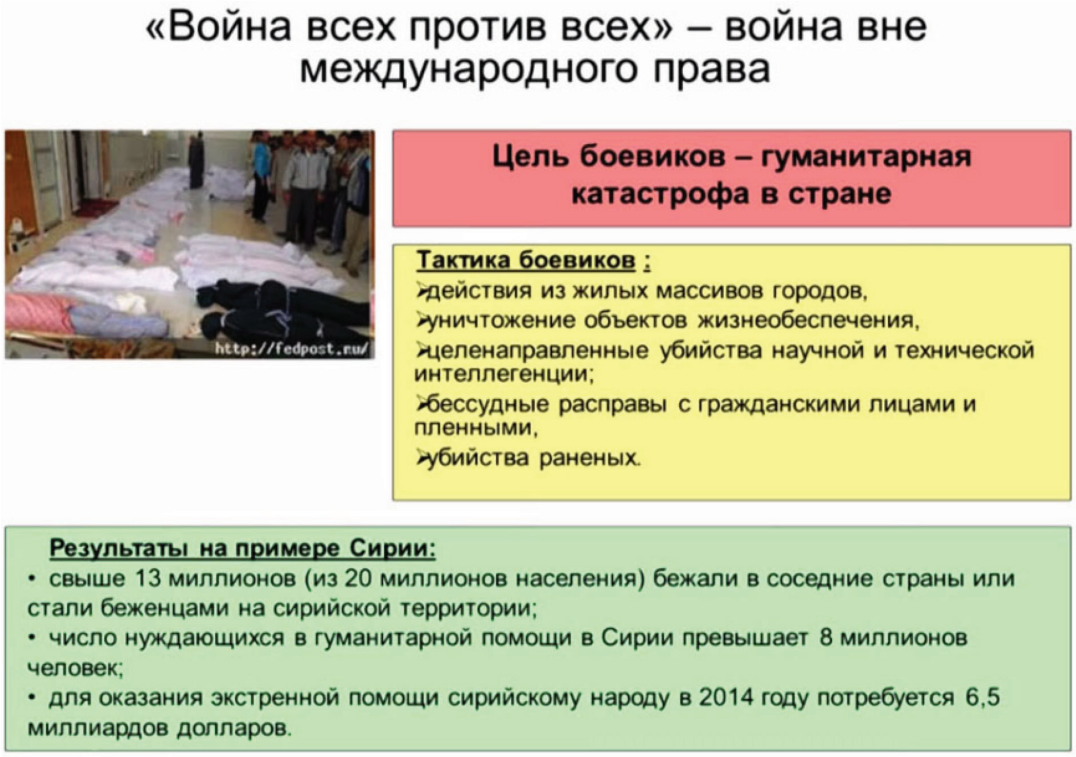

Рис. 4.12[53].

и формирующейся в связи с этим международной обстановкой. Другими словами, необходимо сначала увидеть всю «будущую картину мира» и попытаться определить в ней частное — положение российской нации, — как часть этой общей системы МО и вытекающей из нее финансово-экономической, демографической, военно-политической обстановки. Так, например, если будущую МО и ВПО на Западе представляют как «Войну всех против всех», то и Стратегия национальной безопасности должна исходить из этой вероятности, прежде всего, а не традиционных представлений о крупномасштабных сухопутных операциях (рис. 4.12).

Новые приоритеты, цели и средства Стратегии России должны быть органично вписаны в эту ситуацию в настоящем и в будущем изначально. Пока же Стратегия России исходит из оценки обстановки «только сегодня», а не в будущем (хотя бы через 3–10 лет), что неизбежно делает ее устаревшей еще до утверждения. Так, к середине 2016 года ситуация (МО и ВПО) в мире уже отличалась от декабря 2015 года, когда утверждалась Стратегия, а некоторые ее основные положения уже требовали уточнения.

Во многом изменилась и внутриполитическая ситуация в России (рис. 4.13).

Так, В. Багдасарян в то же время отмечает, что «… безопасность государства обеспечивается не на уровне отдельных решений, а на уровне системы. Отдельные правильные положения Стратегии оказываются невозможны в реализации в рамках существующей модели государственного устройства».

Из предложенной выше логической схемы, также ясно, что:

— Во-первых, изначально в основе Стратегии должно находиться стратегическое планирование, т.е. анализ современного состояния и стратегический прогноз будущего состояния объекта (человеческой цивилизации, ЛЧЦ, МО, ВПО, СО и т.п.), последовательно сделанные и вытекающие один из другого, где особенно важное значение имеет сценарный прогноз развития российской нации;

---

[53] *Хамзатов М. М.* «Облачный противник»: новая угроза международной безопасности / Доклад на конференции «Современные аспекты международной безопасности». — М.: МГИМО–Университет, 2014. 9 апреля.

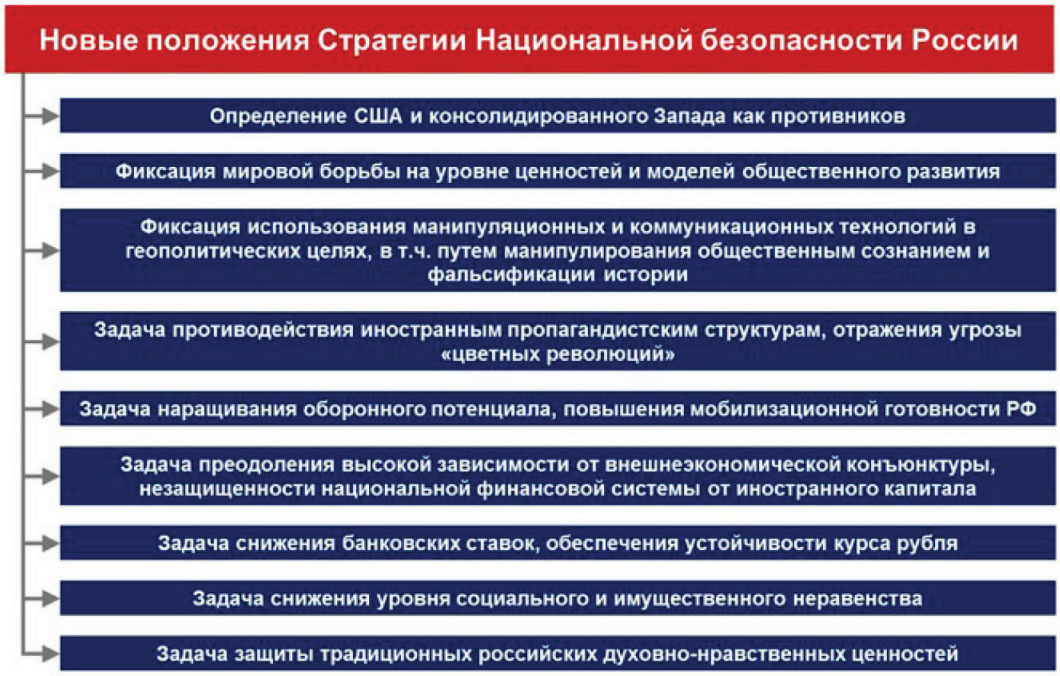

Рис. 4.13[54].

— Во-вторых, базовым для всех последующих анализов и прогнозов является анализ и прогноз развития человеческой цивилизации (и отдельных ЛЧЦ), который предопределяет во многом сценарии и их варианты развития МО, ВПО и СО;
— В-третьих, логическим следствием такого анализа и прогноза является анализ и прогноз развития различных, возможных и наиболее вероятных сценариев международной обстановки, а также ее отдельных аспектов — военно-политической обстановки, стратегической обстановки, финансовой, экономической, научно-технической и пр.

Если говорить только о военно-политических и военно-технических аспектах МО, то видна очевидная их зависимость от развития отношений более высокого порядка — цивилизационных, политических, социо-культурных. Эта логика выглядит следующим образом: рис. 4.14.

Важно в этой связи понимать, что сценарии развития ВПО и СО (4-й и 6-й этапы) являются логическим и последовательным продолжением развития сценариев и отдельных вариантов развития МО, о чем я не раз писал в предыдущих работах, в частности, в «Военных угрозах России»[55]. В самом общем виде, повторю, логика развития военных сценариев выглядит строго последовательно[56], однако она не исключает, но, наоборот, предполагает влияние нижестоящих сценариев на те, которые по иерархической лестнице стоят выше.

— В-четвертых, Стратегия национального развития (Стратегия национальной безопасности) является выбором правящей элитой наиболее эффективной и оптимальной стратегии в условиях развития того или иного сценария МО и его конкретного варианта. Именно перед таким выбором оказалась, например, Россия летом 2016 года в связи с выбором проекта бюджета на три года, где вопрос о расходах должен был решаться строго в соответствии с возможностями.

---

[54] *Багдасарян В.* Какая стратегия нужна России для победы в войнах нового типа / Эл. журнал: «Экономика и развитие». 2016 / http://devec.ru/politika/analitika/

[55] *Подберезкин А. И.* Военные угрозы России. — М.: МГИМО–Университет, 2014.

[56] *Подберезкин А. И.* Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015.

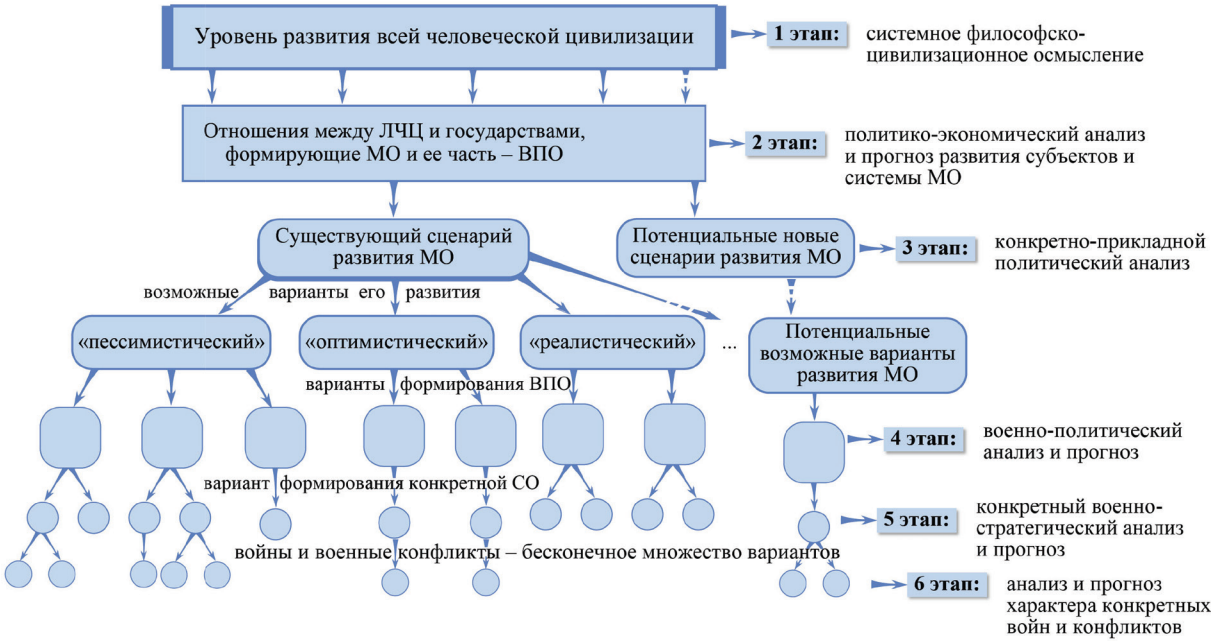

Рис. 4.14. Формальная логика развития военно-политических и стратегических сценариев и этапов подготовки Стратегии национальной безопасности

Трудность, однако, заключается в том, чтобы максимально точно определить этот сценарий, а тем более — этот частный вариант. Этот выбор элиты, как правило, основывается не на научном анализе, а на идеологических предпочтениях, а иногда и на других интересах. Но от этого выбора во многом зависит важнейший следующий этап стратегического планирования — программирование, который, в свою очередь, базируется на прогнозных разработках и имеет своей целью составление проблем страны. Яркими примерами такого стратегического выбора были выборы курсов «на коллективизацию», «индустриализацию», «ускоренного восстановления народного хозяйства», «преодоления ядерной монополии США» и т.д.

Динамизм изменения МО и ВПО, экономических и социальных процессов, быстрое изменение конъюнктуры на внутреннем и внешнем рынках, необходимость стабильного развития общества значительно усиливают современное значение и роль стратегического планирования в масштабах государства (отрасли). И это обязательно должно найти отражение на этапе формулирования и обсуждения Стратегии. Так, Стратегический характер планирования в масштабах нации и государства проявляется в следующих чертах:

— ориентация на решение ключевых, определяющих целей системы, т.е. тех, от достижения которых зависит ее выживание и социально-экономический прогресс;
— устремленность в перспективу (как правило, на период более одного года);
— увязка намеченных целей с объемом и структурой ресурсов, причем как наличных, так и тех, которые будут созданы в планируемой перспективе;
— учет воздействия на управляемый объект внешней среды и разработка мероприятий, ослабляющих либо использующих ее влияние при решении стоящих перед системой задач;
— адаптивный характер, то есть способность предвидеть изменения во внешней и внутренней среде и приспособить к ним процесс функционирования управляемого объекта.

Основными процедурами стратегического планирования являются: стратегическое прогнозирование (стратегические прогнозы); программирование (проекты стратегических программ); проектирование (проекты стратегических планов различных уровней). Прогнозирование — предвидение состояния объекта прогнозирования в определенный момент в будущем.

Эта процедура традиционно может быть основана либо на анализе тенденций развития объекта за соответствующий период в прошлом (обычно трехкратный по отношению к периоду прогноза) и экстраполяции этих тенденций в будущее (генетический подход), либо на использовании нормативных расчетов (нормативный или телеологический подход). Содержанием же стратегического прогнозирования является разработка долгосрочных и среднесрочных прогнозов, касающихся национальной экономики в целом, ее составных подсистем и элементов[57].

Так, очевидно просматриваемый сегодня (на мой взгляд) сценарий военно-силового доминирования США в XXI веке отнюдь не является таковым даже для американских экспертов, которых могут «одолевать, по словам Дж. Фридмана, «дурные предчувствия», существовавшие и в предыдущие десятилетия. Между тем, по его мнению, для этого нет никаких оснований, приведу его оценку ситуации в мире и МО целиком: «Взглянем на статистику, которая сделает ситуацию яснее, — пишет он. И аргументирует: Американцы — это около 4% мирового населения, но производят около 26% всех товаров и услуг. В 2007 г. валовой внутренний продукт США равнялся приблизительно 14 трлн долл., в то время как ВВП всех стран мира составлял 54 трлн долл. Около 26% мировой экономической активности приходится на США. Вторая страна по мощи экономики — Япония, чей ВВП приблизительно равен 4.4 трлн долл., т. е. примерно треть американской экономики. Экономика США столь сильна, что превосходит экономическую мощь четырех ближайших стран, вместе взятых, — Японии, Германии, Китая и Соединенного Королевства»[58].

Иными словами, даже имея все основания и аргументы, далеко не всегда можно адекватно прогнозировать то или иное развитие событий. Во всяком случае, далеко не всегда эти оценки и прогнозы будут совпадать не только в обществе, но и в правящей элите.

— В-пятых, важно понимать, что Стратегия социально-экономического развития и Внешнеполитическая стратегия являются конкретизацией Стратегии национальной безопасности, а все другие стратегии и концепции — детализацией и их частными случаями. Так, например, 8 апреля 2016 года С. Лавров заявил о том, что через несколько месяцев (возможно в июне) будет принята новая редакция Концепции внешней политики России вслед за утвержденной 31 декабря 2015 года Президентом России новой Стратегии национальной безопасности[59]. Другими словами, уже после принятия Стратегии наступает очень важный этап ее конкретизации, который может пройти формально (как сегодня), либо принести реальную пользу.

В целях более конкретной иллюстрации этой логики можно привести дальнейшее сопоставление двух вариантов Стратегии национальной безопасности России (2009 г. и 2015 г.), а также предложить третий, на взгляд автора, альтернативный вариант Стратегии национальной безопасности и вытекающей из нее Внешнеполитической стратегии, России до 2040 года.

Результаты такого прогноза должны быть частью Стратегии национальной безопасности (и определять будущую Стратегию социально-экономического развития страны на долгосрочный период, Концепцию внешней политики и Военную доктрину государства.

Этот прогноз может быть отдельным документом в форме долгосрочного прогноза внешних и внутренних угроз, военной безопасности РФ, например до 2050 года. Дополненный прикладными сценариями возможного развития СО, войн и вооруженных конфликтов, такой прогноз может стать аналитической базой для разработки конкретных концепций и планов строительства и применения вооруженных сил (например, ВКО), а также для государственных программ социально-экономического развития и других компонентов стратегии нации и элементов военной организации государства.

---

[57] Мардас — 2-я лекция / http://www.studfiles.ru/preview/1644508/

[58] *Friedman G.* The Next 100 Years: A Forecast for the 21-st Century. — P. 12.

[59] МИД РФ по поручению президента разрабатывает новую редакцию внешней политики. — ТАСС. 9 апреля 2016 г. / http://tass.ru/politika

С точки зрения анализа и прогноза МО, ВПО и СО существует очевидная дилемма формирования институтов и структур, которые отвечали бы за этот вид деятельности в государстве. «Данная дилемма может быть в принципе решена в ходе совершенствования (фактически создания заново) технической и технологической базы системы обеспечения национальной безопасности, в том числе ее информационно-аналитической подсистемы»[60].

На самом «верхнем» уровне этой системы должны быть объединены все национальные интеллектуальные и информационные ресурсы — не только государственные (которые указаны в Стратегии 2009 г.), но и общественные, частные и индивидуальные. В результате такого «мозгового штурма» может быть не только разработан наиболее точный стратегический прогноз развития МО, включающий важные, но выпадающие из внимания сегодняшних экспертов «детали»: отдельные технологии, открытия, модели, приемы и т.д., но и разработана общенациональная стратегия и программа развития[61].

Грубо говоря, сегодня нужно заменить две–три команды разработчиков (70–120 человек), работающих в СБ, аппарате Правительства РФ и Администрации президента, которые являются преимущественно бюрократами, на консолидированный интеллект всей нации[62], на единую команду, ориентированную на достижение стратегических целей, способную не только подготовить Стратегию и ее конкретные имплементации, но и добиться в будущем их реализации. Иными словами, необходимо ликвидировать разрыв между теми, кто пишет Стратегию, и теми, кто ее реализует.

Как правило, причины неудач в реализации конкретных стратегий и концепций хорошо известны, но они не устраняются в силу того, что существующая система управления в этом просто-напросто не заинтересована. Это видно, например, на следующей иллюстрации (рис. 4.15), хорошо показывающей причины отсталой структуры и низких темпов роста нашей экономики, не меняющиеся с 2000 года (и даже ранее).

Из рисунка видно, что среди основных факторов, сдерживающих инновационную деятельность, руководители обследованных промышленных предприятий называли, прежде всего, недостаток собственных ресурсов, кредитных средств и инвестиций. Однако главная причина инновационной пассивности видится не в отсутствии финансовых ресурсов, а скорее в качестве инновационного менеджмента на самих предприятиях. Общеизвестно, что деньги — это не настолько редкий ресурс. В корне отсутствие собственных средств, скорее связано с нехваткой перспективных проектов, а также лидера-новатора, способного организовать их разработку и реализацию. Что касается стратегической деятельности вообще и инновационной в частности, то здесь в качестве альтернативы «официальным» сдерживающим факторам можно предположить две такие причины, как «нежелание» и «неумение» осваивать новые технологии.

Настораживающим подтверждением сказанному служит тот факт, что среди предприятий, не осуществляющих инновации (335 из 770 обследованных), сохраняется неизменно высоким удельный вес тех, руководители которых не видят необходимости в инновационной деятельности, т.е. попросту не желают ею заниматься. Таких 37–38% предприятий. Одним из объяснений такому поведению может служить заинтересованность менеджеров в краткосрочной прибыли по сравнению с долгосрочной. Эта причина является во всем мире одной из самых острых проблем управления организацией. Частой является такая практика, когда руководители, преследуя свои собственные интересы, избирают стратегию «снятия сливок» вместо стратегии «роста», обеспечи-

---

[60] *Сизов В. Ю.* О создании системы долгосрочного прогнозирования угроз национальной безопасности России в интересах принятия решений органами государственного управления в сфере национальной безопасности. — С. 32.

[61] Стратегическое прогнозирование международных отношений: кол. монография / под ред. А. И. Подберезкина, М. В. Александрова. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — 743 с.

[62] *Подберезкин А. И.* Национальный человеческий капитал. В 3 т. Т. 1–3. — М.: МГИМО–Университет, 2011–2013.

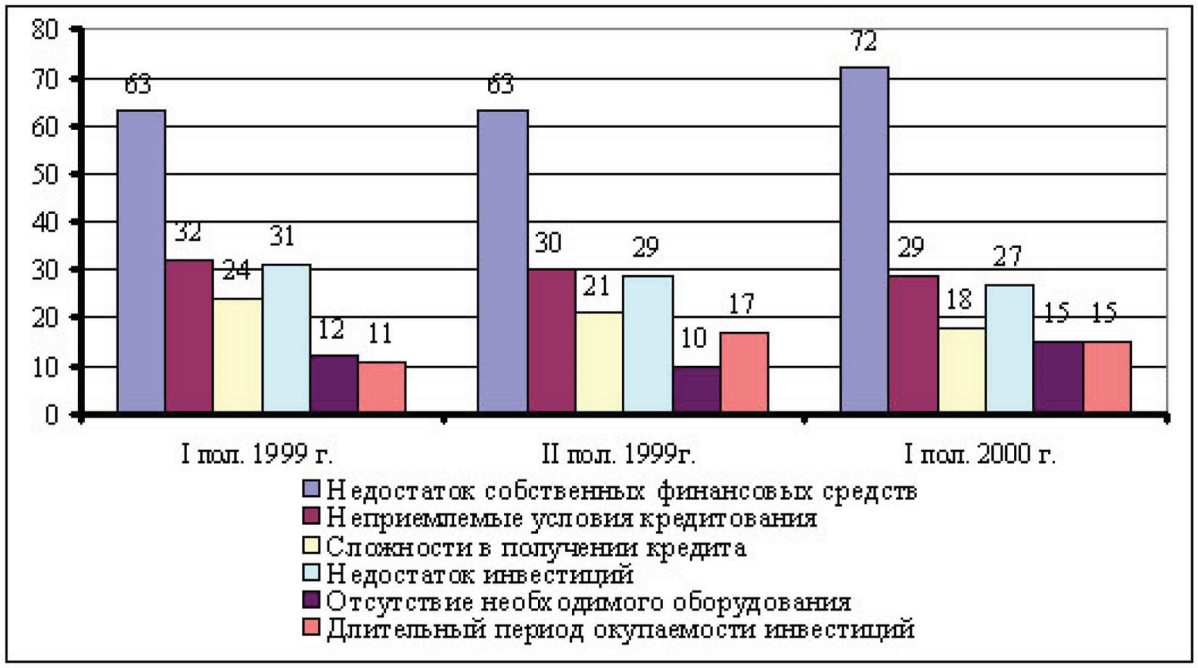

Рис. 4.15. Факторы, сдерживающие инновационную деятельность на промышленных предприятиях (в % от общего числа обследованных предприятий)

вая тем самым высокие показатели деятельности предприятия в краткосрочном периоде и ставя под сомнение его долгосрочные конкурентные преимущества[63].

Кроме того, в этих целях может быть применен сетецентрический метод управления сбором, анализом и распределением информации, который успешно применялся в последние годы в США в ходе конфликтов в различных регионах мира. И, который может быть применен для создания сети прогнозирования долгосрочных угроз национальной безопасности, сбора и анализа данных о текущих угрозах и выдачи информации заинтересованным органам государственного управления. Для этого необходимо развернуть полномасштабную сеть органов и средств коммуникации («решетку»), повысив в первую очередь эффективность обмена информацией между существующими ситуационными центрами»[64], — делает справедливый вывод В. Сизов, оставляя «за скобками» вопрос, однако, а «кто это все будет делать?».

В перспективе к этой сети в обязательном порядке должны быть подсоединены аналитические структуры крупных промышленных, транспортных, сырьевых, телекоммуникационных и других корпораций, а затем и негосударственных аналитических центров, — продолжает он[65]. Но этого, на самом деле, мало: необходимо привлечение всего национального человеческого капитала и его ресурсов.

---

[63] Мардас — 2-я лекция / http://www.studfiles.ru/preview/1644508/

[64] *Сизов В. Ю.* О создании системы долгосрочного прогнозирования угроз национальной безопасности России в интересах принятия решений органами государственного управления в сфере национальной безопасности. — С. 32.

[65] Там же.

4.4. СОПОСТАВЛЕНИЕ СТРАТЕГИЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ В РЕДАКЦИЯХ 2009 И 2015 ГОДОВ: КОММЕНТАРИИ, АНАЛИЗ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В целях консолидации усилий федеральных органов исполнительной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, организаций и граждан Российской Федерации в сфере национальной безопасности: 1. Утвердить прилагаемую Стратегию национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года[66]

Указ Президента РФ Д. Медведева №537 от 12.05.2009 г.

В соответствии с федеральными законами от 28 декабря 2010 года «О безопасности» и 28 июня 2014 года «О стратегическом планировании в Российской Федерации постановляю: 1. Утвердить прилагаемую Стратегию национальной безопасности Российской Федерации[67]

Указ Президента РФ В. Путина №683 от 31.12.2015 г.

Представляет интерес сопоставление двух редакций Стратегии, которые на первый взгляд (и по мнению многих экспертов) не отличаются друг от друга. Как видно из такого сопоставления этих двух указов Президентов России, посвященных Стратегии национальной безопасности России, которых по времени разделяют всего 6 лет, в стране и в мире за это время произошли изменения, которые Президенты сочли необходимыми отразить в новых вариантах редакций Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. Другими словами за 2009–2015 годы в мире, в МО и ВПО произошло нечто такое, что потребовало внесения корректив в базовый документ, определяющий характер и масштабы ответной реакции России.

Очевидно, что такими качественными изменениями стало обострение МО и ВПО, которое выразились в смене характера взаимоотношений России и стран западной ЛЧЦ по всему их спектру — от свертывания военно-политического сотрудничества до уровня его фактического отсутствия (Совет России–НАТО в июле 2016 года явился лишь примером, иллюстрирующим такое отсутствие), экономических и прочих санкций и открытого системного давления на Россию и представителей ее правящей элиты.

Естественно эти изменения внесли коррективы в приоритеты российской политики. Причем не только внешней и военной, но и внутренней, что, в свою очередь, привело к переоценке стратегических прогнозов и стратегического планирования большинства положений в России. Неизбежно такая переоценка отразилась на основных документах. Выше мы уже провели некоторые сопоставления и давали предложения, однако необходимо и уместно привести подробные дополнительные комментарии в целях более детального анализа.

Комментарий №1. Указ Д. Медведева, обосновывающий новую редакцию «Стратегии» в котором он аргументирует ее принятие необходимостью консолидировать усилия всех частей общества и нации, а именно, конкретно:

— органов исполнительной власти;
— органов власти субъектов федерации;
— организаций;
— граждан «в сфере национальной безопасности».

---

[66] Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. №537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» //Российская газета. 2009. 18 мая. — №20.

[67] Указ Президента Российской Федерации №683 от 31 декабря 2015 г. «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» / http://base.consultant.ru

Эта часть преамбулы, Указа о Стратегии, безусловно, политически более предпочтительна, чем Указ В. Путина, обоснованием принятия которого являются формальные правовые нормы двух федеральных законов — «О безопасности» и «О стратегическом планировании». Тем более что в указе Д. Медведева дается расширенное толкование тех субъектов, от которых требуется «координация». Речь идет не только об органах исполнительной власти и органов власти субъектов федерации, но и об «организациях и гражданах», чье участие в обеспечении национальной безопасности становится важным[68].

На мой взгляд, эта формула совершенно справедливо позволяет не только расширить представление о военной организации России от органов власти к организациям, гражданам (и в будущем) их институтам, что имеет принципиальное значение, но и вплотную подвести к пониманию необходимости реформы военной организации страны, структура которой давно устарела и не соответствует требованиям обеспечения ее безопасности. Пока что, традиционно структура военной организации России распространяется, по-прежнему, только на органы власти и (преимущественно) силовые институты в то время, как быстрое расширение спектра средств новой публичной дипломатии и их значение требует широкого вовлечения в деятельность военной организации негосударственных институтов — прежде всего институтов гражданского общества и бизнеса, а также потенциала каждого члена общества. Эта мысль может быть проиллюстрирована на следующем рисунке (рис. 4.16), где отчетливо виден существующий, «традиционный», блок и те институты и структуры, которые пока что не вошли в него.

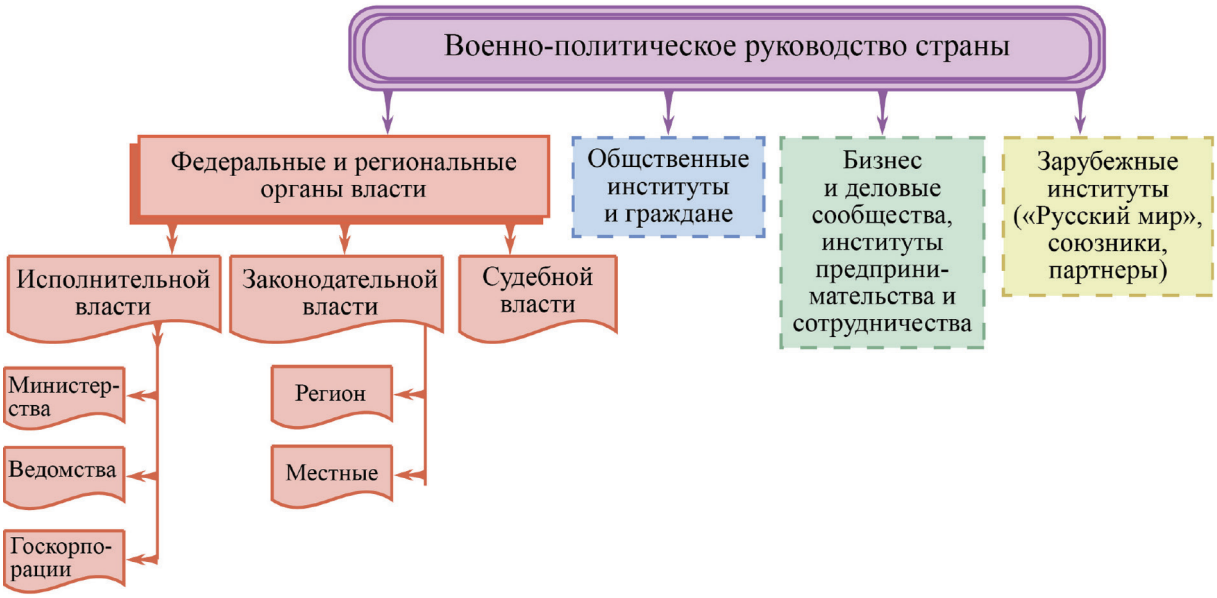

Рис. 4.16. Военная организация Российской Федерации (до 2016 г.)

Как видно из рисунка, в военную организацию России пока что не вошли целые области, институты и структуры нации, которые именно в XXI веке приобретают особенно важное значение, для обеспечения национальной безопасности страны, а именно — связанные с человеческим капиталом и институтами его развития.

К слову сказать, в США и бизнес (включая его институты) и общество включены в военную организацию. Создание Национальной гвардии в России в 2016 году стало одним из шагов, который

[68] Проект долгосрочной стратегии национальной безопасности России с методологическими и методическими комментариями: аналит. доклад / [А.И. Подберезкин (рук. авт. кол.) и др.]. — М.: МГИМО–Университет, 2016. Июль. — С. 33–35, 48.

Рис. 4.8[69].

вместе с воссозданием российских обществ (исторических, географических и пр.) и патриотическим воспитанием являются обязательными и неизбежными для проведения эффективной политики безопасности страны. Именно и прежде всего в связи с изменением характера военно-силового противоборства и современной войны, где главными инструментами становятся не военные вооруженные формирования, а институты гражданского общества.

Другой аспект Стратегии — ее сочетаемость развития и безопасности, — которая не всегда еще осознается при стратегическом планировании. Так, известно уже со второй половины XX века, что опережающее развитие образования и других качеств национального человеческого капитала сказывается на темпах экономического и социального развития самым сильным образом. Но далеко не всегда из этого делаются практические выводы. В том числе и в области оборонной политики, где именно качество НЧК определяет качество ВС и ВиВСТ.

Но не только. Качество НЧК и его институтов становится решающим политическим инструментом во всем наборе средств новой публичной дипломатии, что, в свою очередь, требует смены приоритетов в стратегическом планировании уже на стадии разработки Стратегии. Это необходимо сделать потому, что в XXI веке решающее влияние на темпы развития национального потенциала будет оказывать человеческий капитал и его институты, а также творческий потенциал нации.

---

[69] *Хамзатов М. М.* «Облачный противник»: новая угроза международной безопасности / Доклад на конференции «Современные аспекты международной безопасности». — М.: МГИМО–Университет, 2014. 9 апреля.

4.4. а). Правовая форма современной Стратегии

… оно, это будущее, не «должно стать», а уже стало[70]
Ш. Султанов,
политолог

… все еще не существует недостатка в угрозах,
требующих американского лидерства[71]
Стратегия национальной
безопасности США

Любой документ, оформленный в любой правовой форме, всегда хуже отражает реальность (менее точно и более искаженно) чем она существует, и гораздо позднее, чем произошедшие в этой реальности изменения. Вот почему всегда законы, указы, постановления и пр. документы будут запоздалыми и несовершенными. Поэтому, правящая элита, если она хочет повышать эффективность управления, должна чаще прибегать к политико-идеологическим средствам. А кроме того, пытаться быстрее, точнее и лучше делать собственно правовые документы с тем, чтобы их неизбежные ошибки как можно меньше отражались на действительности.

На мой взгляд, наше время требует, как минимум, осознание необходимости признания трех констатаций:

— **во-первых**, что лозунги «правового государства» и прочей идеализации права изначально ведут к преувеличению его значения для эффективности государственного управлении, своего родя «правовому дебилизму»:
— **во-вторых**, необходимости широких политико-идеологических документов и повышения их значения во власти и обществе;
— **в-третьих**, придания стратегическим документам (стратегиям, доктринам, концепциям) обязательного характера, что неизбежно потребует перевода наиболее важных из них из категории постановлений правительства и указов Президента в категорию законов и даже федеральных конституционных законов.

Прежде всего, все сказанное относится к Стратегии национальной безопасности России, которая даже сегодня является фундаментом для других стратегий и доктрин.

Предложение №1. Необходимо объединить существующую «политическую необходимость» и реальную правовую потребность утверждения новой редакции «Стратегии», значительно расширив круг адресатов, к которым обращен Указ и собственно «Стратегия», а также актуализировать эту политическую необходимость, придав Указу статус конституционного федерального закона и характер общенационального акта, а не только государственно-правового документа[72]. У нации и общества, а не только у органов государственного управления должна быть единая стратегия обеспечения безопасности и развития, оформленная и утвержденная после широкого обсуждения в виде обязательного закона.

Новая редакция «Стратегии»: «В целях повышения эффективности национальной политики безопасности и социально-экономического развития, требующей консолидации усилий всех федеральных и региональных органов власти и местного самоуправления, а также общественных организаций, институтов гражданского общества, бизнес-структур и граждан России на ее территории и за рубежом:

1. Утвердить прилагаемую Стратегию национальной безопасности Российской Федерации (на ближайшие 5 лет)».

---

[70] *Султанов Ш. З.* Стратегическое сознание и мировая революция. — М.: Книжный мир, 2016. — С. 3.
[71] National Security Strategy. — Wash.: GPO, 2015. February. — P. 1.
[72] Проект долгосрочной стратегии национальной безопасности России с методологическими и методическими комментариями: аналит. доклад / [А. И. Подберезкин (рук. авт. кол.) и др.]. — М.: МГИМО–Университет, 2016. Июль. — С. 88.

Аналогично требуется рассмотреть и другие положения Указов Президентов РФ Д. Медведева и В. Путина 2009 и 2015 годов «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации», прежде всего правовой статус «Стратегии».

Как представляется статус указа Президента РФ для «Стратегии» недостаточен. Требуется, как минимум, повысить этот статус до уровня федерального закона, а еще лучше — федерального конституционного закона.

Комментарий №2: В основе правовой деятельности военной организации Российской Федерации, как известно, находится Конституция и ряд федеральных законов, а также указы президента России, среди которых указ «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» декларируется как «основа», но фактически является следствием федеральных законов, посвященных отдельным вопросам государственного управления (ФЗ «О безопасности», «О стратегическом планировании в РФ», «Об обороне» и др.).

Повышение правового статуса «Стратегии» до уровня федерального конституционного закона делает этот документ не только формальной основой для всех других документов, посвященных безопасности и социально-экономическому развитию России, но и политико-идеологической базой для национального развития и безопасности, обязательной к исполнению. По аналогии с директивами к 5-ти летнему плану и законам о пятилетних планах социально-экономического развития времен СССР этот федеральный конституционный закон становится обязательным к исполнению не только всеми органами власти, но и институтами гражданского общества, бизнес-структурами, организациями и гражданами России.

Таким образом, мы одновременно избавляемся в основном от трех указанных выше недостатков:

— преувеличения значения правовых норм («правового дебилизма») и неэффективности управления, являющегося во многом прямым следствием этого;
— повышаем значение широких стратегических документов для управления и консолидируем нацию и субъектов управления;
— придаем стратегическим документам обязательный характер и добиваемся более быстрого и качественного их выполнения.

4.4. б). Основные положения Стратегий 2009 и 2015 годов

… мне становится даже не смешно, а грустно — насколько неглупые и вроде бы даже информированные люди готовы принимать желаемое за действительное[73]

В. Медведев,
один из создателей школы советского программирования

Случайные, непродолжительные и разноплановые контакты между цивилизациями уступили место непрерывному, всепоглощающему однонаправленному воздействию Запада на все остальные цивилизации[74]

С. Хантингтон,
политолог

Удивительно, но в вариантах Стратегий 2009 и 2015 годов практически нет разницы между основными политико-правовыми положениями. Исключение (как правило, никем не замеченное) составляет ответственность за разработку Стратегии, которая на время (председательствования В. Путина) перешло к правительству РФ.

---

[73] *Медведев В.* В загнивающей Америке готовится грандиозный технологический прорыв, который определит будущее человечества / Эл. ресурс: NewRezume. 2016. 5 июля / http://newrezume.org/news

[74] *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций [пер. с анг. Т. Велимеева]. — М.: АСТ, 2016. — С. 63.

Таблица 4.2. Сопоставление основных политико-правовых положений Стратегий национальной безопасности 2009 и 2015 годов и альтернативного варианта Стратегии

Стратегия национальной безопасности России (2009 г.)	Стратегия национальной безопасности России (2015 г.)	Стратегия национальной безопасности России (до 2040 г.)
Юридическая форма:	**Юридическая форма:**	**Юридическая форма:**
Указ ПР №537 от 12.05.2009 г.	Указ ПР №683 от 31.12.2015 г.	Федеральный закон, принимаемый на 5 лет требующий обязательности исполнения и предусматривающий наказание
срок: — **Ответственный орган:**	**срок**: 6 лет **Ответственный орган:**	**срок**: 5 лет **Ответственный орган:**
«Правительство РФ формирует…» (ст. 101)	«… под руководством Президента РФ и при координации Совета Безопасности» (ст. 108)	Президент Российской Федерации, а также обе палаты Федерального Собрания РФ
Обязательность (рекомендательность):	**Обязательность (рекомендательность):**	**Обязательность:**
… обеспечивается согласованными действиями всех элементов обеспечения национальной безопасности… (ст. 97) … за счет консолидации усилий и ресурсов… (ст. 98)	«… обязательны для выполнения всеми органами гос. власти и местного самоуправления…» (ст. 109)	Обязательны для исполнения всеми органами гос. власти, местного самоуправления, а также институтами гражданского общества, бизнес-структурами и отдельными гражданами
Предварительное обсуждение:	**Предварительное обсуждение:**	**Предварительное обсуждение:**
не предусмотрено	не предусмотрено	Проект федерального конституционного закона проходит обсуждение: – среди общества в общественных институтов; – органов государственной власти; – отдельных граждан
Информационно-аналитическая поддержка:	**Информационно-аналитическая поддержка:**	**Информационно-аналитическая поддержка:**
осуществляется «при координирующей роли СБ» за счет привлечения информационных ресурсов заинтересованных органов и государственных научных учреждений с использованием системы распределенных ситуационных центров, работающих по единому регламенту (ст. 107) … при координирующей роли Правительства РФ органами исполнительной власти при взаимодействии с субъектами РФ	«федеральная система стратегического планирования, включающая ресурсы органов власти, системы ситуационных центров и государственных научных организаций (ст. 112, 113, 114)	При координирующей роли СБ всеми органами государственной власти, а также: гражданами, общественными организациями и негосударственными институтами

Это свидетельствует, как минимум, о двух вещах:

— либо документ идеальный настолько, что за 6 лет не потребовал принципиальных изменений с точки зрения его адаптации к новым политическим реалиям;
— либо система настолько закостенела и не хочет реагировать на внешние изменения. Есть, правда, и еще один вариант (как разновидность второй) — никто не обращает всерьез никакого внимания на Стратегию и не считает, что она имеет сколько-нибудь серьезное значение для подготовки и принятия решений.

В этой связи требуется принятие нового варианта Стратегии, который бы постарался избежать этих недостатков, превратив этот документ в реальность — политическую и правовую, — а не в некоторую, пусть — не старую, но традицию, абстрактных документов.

Сопоставление двух редакций (табл. 4.2) показывает, что различия между ними фактически отсутствуют, хотя обязательность выполнения указа в редакции 2015 года декларируется для «всех органов власти». При этом совершенно очевидно, что положения этого указа не распространяются на Федеральное Собрание РФ, судебную систему, а тем более негосударственные организации и отдельных граждан. Но даже и для «всех органов государственной власти» эти положения обязательны, декларативно, и, как показывает практика, с ними просто-напросто не считаются, например, при подготовке социально-экономических, финансовых или бюджетных документов.

В этой связи представляется, что положения Стратегии должны носить обязательный характер для всех законодательных решений и действии исполнительной власти на время реализации этой Стратегии. Более того, негосударственные — экономические, общественные и иные — субъекты, а также отдельные граждане должны руководствоваться этими положениями как нормами закона.

Комментарий №3: Принципиальное отличие нового варианта «Стратегии» от предыдущих заключается в том, что уже на ранних стадиях предполагается его широкое обсуждение с привлечением общественных организаций, СМИ и отдельных граждан, в результате которого проект, вносимый Президентом в Федеральное Собрание РФ, уже получит массовую поддержку и широкую экспертизу, а также станет хорошо известен общественности.

Более того, этот проект уже на стадии обсуждения превращается в инструмент национальной мобилизации и управления, отличающий его от «просто» законов. Именно на стадии его обсуждения уже начинается «работа над ошибками». Наконец, на стадии проекта происходит широкое знакомство органов власти всех уровней, государственных и общественных институтов, отдельных граждан с содержанием, целями и средствами будущей общенациональной стратегии. Другими словами нация готовится информационно и психологически к появлению нового курса.

Предложение №2. Предлагается в этой связи устроить широкую общенациональную дискуссию, как на стадии подготовки проекта, так и его прохождения в палатах ФС РФ, а также по итогам его публикации. Естественно, что этот процесс займет несколько месяцев, но такой период просто обязателен, чтобы общество и институты государства были подготовлены к появлению этого документа.

Следующий важный аспект сопоставления Стратегий 2009 и 2015 годов — выбор и сравнение основных показателей состояния национальной безопасности, которые существенно отличаются друг от друга в различных вариантах Стратегий.

4.4. в). Основные целевые показатели Стратегии

… необходимо обеспечить понимание происходящих результативных изменений среди специалистов, занятых в различных областях народного хозяйства по линии, как частного, так и государственного секторов…[75]
Л. Капица,
профессор МГИМО

… вопрос оценки и прогноза возможностей и ресурсов является одним из ключевых в политической стратегии[76]
Авторы работы
«Стратегическое прогнозирование международных отношений»

Существуют совершенно объективные трудности при попытке дать точную оценку состоянию национальной безопасности и ее перспективам развития, прежде всего, потому, что в обществе существует изначально разное понимание того, что характеризует национальную безопасность. Более того, порой это разное понимание становится диаметрально противоположным и даже откровенно конфликтным. Так, не только в отношении политики России в Сирии, но и даже Украины и Крыма существовали (и сохранились) два разных подхода, в которых отчетливо рассматриваются два отношения к национальной безопасности — как социально-экономическому благополучию индивида (группы, слоя) или широкому пониманию безопасности нации.

Сопоставление показателей безопасностей в различных вариантах Стратегий национальной безопасности РФ (в порядке перечисленных приоритетов)

Стратегия национальной безопасности РФ до 2020 года (Указ №537 от 12 мая 2009 г., Раздел VI, ст. 112)	Стратегия национальной безопасности РФ (Указ №683 от 31 декабря 2015 г., Раздел VI, ст. 115)
— уровень безработицы… (доля от экономически активного населения);	— удовлетворенность граждан степенью защищен-ности своих конституционных прав и свобод…;
— децильный коэффициент;	
— уровень роста потребительских цен;	— доля современных ВиВСТ…;
— уровень государственного внешнего и внутреннего долга в % от ВВП;	— ожидаемая продолжительность жизни;
	— ВВП на душу населения;
— уровень обеспеченности ресурсами здравоохранения, культуры, образования и науки в % от ВВП;	— децильный коэффициент…;
	— уровень инфляции…;
	— уровень безработицы;
— уровень ежегодного обновления ВиВСТ;	— доля расходов в ВВП на науку, технологии и образование;
— уровень обеспеченности военными и инженерно-техническими кадрами.	— доля расходов в ВВП на культуру;
	— доля территории РФ, не соответствующая экологическим нормативам.

[75] *Капица Л. М.* Индикаторы мирового развития. — 2-е изд. — М.: МГИМО–Университет, 2016.
[76] Стратегическое прогнозирование международных отношений: кол. монография / под ред. А. И. Подберезкина, М. В. Александрова. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — С. 217.

Комментарий №4: Основные характеристики (показатели) состояния национальной безопасности, выносятся в обеих вариантах Стратегий в последний раздел (Раздел VI) документов, что, на мой взгляд, не является оправданным. Изначально важно то, что анализ состояния национальной безопасности должен предшествовать не только стратегическому прогнозу этого состояния на будущее, но и оценки места России в мире. Получается странная ситуация, когда в нескольких статьях Раздела II показаны успехи России (Ст. 8. «Россия продемонстрировала способность к обеспечению суверенитета» и т.д., ст. 9. «Экономика России проявила способность к сохранению и укреплению своего потенциала…», ст. 10. «Позитивные тенденции наметились…» и т.д. Указ В. В. Путина №683), а в самом конце Стратегии описаны основные показатели состояния страны (которые, кстати, в основной массе в 2015 году были хуже, чем в 2014 году).

Эти показатели не отражают на самом деле реальное положение, которое может быть дано в качественных характеристиках, отражающих состояние дел и настроение граждан. Так, личное восприятие социально-экономического положения и личной безопасности дают не абстрактные характеристики (ВВП, уровень государственного долга и т.п.), а их воплощение в конкретных условиях для граждан. Причем, не только экономических и социальных, на которых, как правило, акцентируется внимание, а нравственных, духовных.

В какой мере Вы удовлетворены …?
(закрытый вопрос, один ответ, %)

	Полностью удовлетворен	Скорее удовлетворен	Скорее не удовлетворен	Полностью не удовлетворен	Не могу сказать определенно
Как Вы одеваетесь?	29	40	18	7	6
Как Вы питаетесь?	34	45	15	5	1
Своими жилищными условиями?	32	36	19	12	1
Своими доходами?	13	26	31	29	1
Насколько Вы довольны или недовольны положением, которое занимаете в обществе?	35	44	10	4	7
	Да	Скорее да	Скорее нет	Нет	Затрудняюсь ответить
Чувствуете ли Вы себя в нашем обществе свободным человеком или нет?	45	26	14	12	3
Чувствуете ли Вы себя в безопасности на улицах, в доме и т.д. или нет?	40	29	17	12	2

Еще более ясную картинку дают соцопросы, когда речь идет об интересах отдельных социальных групп и личностей. Как показывают данные опросов, приведенные ниже (рис. 4.9), собственно представление о благополучии делится прежде всего на две группы. Причем группа,

Рис. 4.9[77].

которая относится к нематериальным факторам, откровенно доминирует. Но именно критериев, определяющих состояние этих факторов, вообще нет среди критериев Стратегий.

Как видно из сопоставления основных показателей национальной безопасности, за 6 лет, разделявших два варианта Стратегии, произошли определенные (но не принципиальные) изменения в подходах и критериях оценки состояния национальной безопасности:

— в приоритетности показателей (прежде всего, вместо социальных показателей на первое место вышли показатели безопасности);
— количество показателей расширилось за счет показателей человеческого потенциала (душевого ВВП, ожидаемой продолжительности жизни и экологии, а также конкретизации расходов на культуру, науку и образование).

В целом в «Стратегии» 2015 года гораздо больше внимания уделяется вопросам безопасности и наметилась тенденция перехода от «чисто социальных» показателей к показателям, характеризующим развитие НЧК, что гораздо больше соответствует современным реалиям. Вместе с тем ни в одной из этих Стратегий не видно агрегированного показателя, который становился бы основной характеристикой развития нации с точки зрения безопасности и социально-экономического развития. Такой показатель может быть только качество НЧК или индекс развития ЧК в России (как минимум, ИРЧП, используемый ООН).

Предложение №3. В этой связи предлагается утвердить новый перечень показателей безопасности, в основу которого положен принцип обеспечения максимальной реализации всех физических, интеллектуальных и творческих возможностей человека и гражданина, принадлежащего к российской нации и государству, а именно:

— ожидаемая продолжительность жизни;

[77] Мониторинг общественного мнения / Социальные и экономические проблемы. — №3 (133). Май–июнь 2016 г.

— продолжительность образования;
— количество и степень развития институтов реализации ЧК;
— удовлетворенность граждан состоянием безопасности и темпами развития;
— доход граждан на душу населения;
— обеспеченность ресурсами здравоохранения, науки и культуры в % от ВВП;
— темпы роста населения;
— наукоемкость экономики;
— конкурентоспособность экономики;
— и др.

Предложение №4. Перенести раздел VI Стратегии в II Раздел («Россия в современном мире»), дав анализ изменения этих показателей за последние 5 лет в качестве обоснования реального положения страны в мире, имея ввиду разницу между понятиями «характеристика» (отличительные черты чего-либо) от понятия «показатель» (обобщенная характеристика процесса/результата), т.е. отличительные особенности и характерные особенности состояния национальной безопасности. Из текста и смысла современной Стратегии видно, что понятие «показатели» ближе, чем «характеристики», но, главное, более точно. При оценке результативности Стратегии нам нужны не частные характеристики, которые могут не отражать реального состояния национальной безопасности, а авторитетные и признанные показатели, характеризующие как состояние безопасности, так и темпы развития нации, экономики и государства.

4.4. г). Важность стратегического прогноза

… в основу анализа и прогноза наиболее вероятных сценариев развития МО… положен анализ и прогноз основных тенденций мирового развития[78]
А. Подберезкин, профессор МГИМО

Требуется сразу же оговориться, что прогноз, определяющий основные тенденции мирового развития, относится в полной мере как к глобальным и региональным тенденциям, так и факторам и конкретным акторам, формирующим МО и ВПО. На этот счет за 2010–2016 годы мною было опубликовано немало работ[79].

Такой стратегический прогноз лежит в основе стратегического планирования и соответствующей Стратегии национальной безопасности той или иной ЛЧЦ или страны. В настоящее время реальность такова, что Стратегия США (и западной ЛЧЦ) исходит из прогноза развития МО и отдельных ее факторов (например, России), а Стратегия России — из оценки современного состояния МО. Поэтому первая Стратегия носит перспективный характер, а вторая, изначально, запаздывает и несет характер констатации (рис. 4.10).

В этой связи важно отметить, что:

Комментарий №5: В «Стратегии» в Разделе II должен содержаться не только максимально точный анализ и оценка современной действительности — международной обстановки и состояния дел в России, — но, прежде всего, стратегический прогноз на будущее развитие МО; а также прогноз развития основных мировых тенденций, перспективы развития отдельных факторов (государств, коалиций, ЛЧЦ) и некоторых, наиболее важных, акторов.

---

[78] *Подберезкин А. И.* Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — С. 15.

[79] См., например: Стратегическое прогнозирование международных отношений: кол. монография / под ред. А. И. Подберезкина, М. В. Александрова. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — 743 с.

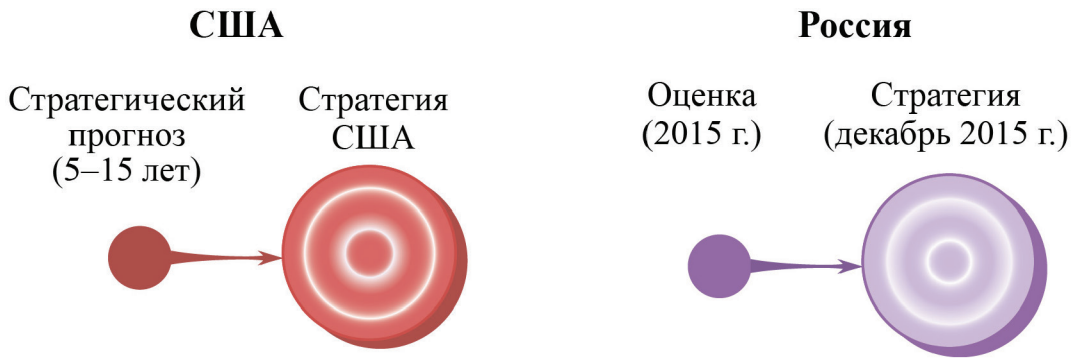

Рис. 4.10.

Эти оценки, закрепленные в законодательно утвержденной «Стратегии», могут компенсировать чрезвычайно высокие требования, предъявляемые сегодня к правящей элите, с одной стороны, и уберечь ее от ошибок, просчетов, которые были особенно свойственны в недавнем прошлом, с другой, свести к минимуму субъективизм в оценке действительности. К сожалению, субъективизм в оценке М. Горбачева, Б. Ельцина, а до них других представителей правящей элиты, крайне негативно отразился на стратегии национальной безопасности СССР и России. Прежде всего, из-за качества элиты. Как справедливо заметил один из многолетних помощников ряда руководителей СССР и КПСС В. Александров, «Такой перечень качеств (предъявляемых элите. — *А.П.*) включает в себя умение анализировать прошлое и предвидеть будущее, изрекать мудрые

Рис. 4.11.

суждения обо всем…, помнить, что было сказано предшественниками, и думать о преемниках, не подменять подчиненных…».

Комментарий №6: Долгосрочные прогнозы должны быть частью долгосрочного планирования не только «Стратегии», но и всех вытекающих из этой стратегии документов в области безопасности и социально-экономического развития. Если вернуться к структуре «Стратегии» и логике разрабатываемых в ней документов, то на всех уровнях планирования (региональном, местном, отраслевом) должны разрабатываться стратегические прогнозы, которые достаточно жестко сопрягаются со стратегическим прогнозом, представленным в «Стратегии».

Эти долгосрочные и обоснованные прогнозы в сфере безопасности и развития должны иметь не только теоретическую, но и практическую цель. Это станет возможным, если мониторинг внешней и внутренней среды национальной безопасности РФ будет осуществляться с использованием единых критериев и показателей, в т.ч. безопасности, выход за пределы которых означает возникновение непосредственной угрозы безопасности государства. Так, развитие ВКО России требует не только политических, военных и экономических долгосрочных прогнозов, но и сопряжения деятельности с целыми отраслями и подотраслями экономики России, что хорошо видно на примере только части системы ВКО, описанной Генеральным конструктором Концерна ВКО «Алмаз-Антей» П. Созиновым (рис. 4.11)[80].

Сегодня, как уже говорилось выше, стратегические прогнозы не имеют практической ценности. Более того, даже краткосрочное финансовое, экономическое или социально-экономическое прогнозирование пока что не подтверждается практикой. Так, долгосрочная «Стратегия социально-экономического развития России 2020» вообще никак не учитывается за исключением ритуальных ссылок в нормативных документах. Она изначально, еще с марта 2008 года, оказалось мертворожденной, как и ее последующие реинкарнации. Причин несколько. Главная — эта стратегия должна была быть следствием Стратегии национальной безопасности, вытекать из нее логически, а не оформляться в качестве самостоятельного документа претендующего на стратегию национального развития.

Во-вторых, эта стратегия социально-экономического развития разрабатывалась в недрах одного министерства, коллективом и школой одной направленности. Она так и не стала продуктом общенациональной дискуссии, а расширение состава ее исполнителей до 1000 сторонников либеральной идеологии и политики плохо отразилось на ее эффективности. Во многом потому, что к ее разработке не привлекались те, кто должен будет ее выполнять.

Приходится признать, что до сих пор не сложилось ни общего понимания, ни даже согласия относительно необходимости и важности стратегического прогнозирования в России, которые долгое время табуировались ассоциацией с «практикой Госплана». Остатки этого отношения, неизбежная теоретическая и методологическая отсталость, привели к тому, что современные стратегические прогнозы в России носят компиляторный и достаточно примитивный характер, нередко основываются на нескольких факторах и упрощенных моделях. Так, военная безопасность до сих пор оценивается по двум традиционным критериям — ВС и ВиВСТ, — что устарело еще, как минимум, 30–40 лет назад. Это позволяет экспертам сделать справедливый вывод о том, что «Действующие на сегодня основные характеристики состояния национальной безопасности, предназначенные для ее оценки (ст. 112 „Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 года“), не позволяют решать эту задачу. Оценка степени военной безопасности государства по двум показателям (по уровню ежегодного обновления вооружения, военной и специальной техники и уровню обеспеченности военными и инженерно-техническими кадрами) не может быть полной и достоверной»[81].

---

[80] *Созинов П. А.* Направления развития системы воздушно-космической обороны Российской Федерации / доклад. — М.: МГИМО–Университет, 2014.

[81] *Сизов В. Ю.* О создании системы долгосрочного прогнозирования угроз национальной безопасности России в интересах принятия решений органами государственного управления в сфере национальной безопасности. — С. 32.

Стратегический прогноз нужен в одном из первых разделов документа «Стратегии», обязательно. И максимально точно. Исторически доказано, что угрозы не возникают неожиданно. В большинстве случаев им предшествуют некоторые события и процессы, которые являются их предвестниками. Будущее рождается даже не сегодня, а было рождено уже вчера. Выявление таких предвестников, их анализ и определение степени вероятности самой угрозы, времени ее возникновения и возможного ущерба является сутью долгосрочного прогнозирования[82]. Надо сказать, что это обстоятельство еще только–только стало учитываться в основополагающих нормативных документах России — Стратегии национальной безопасности, Концепции внешней политики и Военной доктрине. Но пока это только первые попытки. В будущем варианте «Стратегии» необходимо попытаться коротко, но максимально точно описать перспективы развития различных сценариев развития человечества, ЛЧЦ и МО, а также России, как минимум, на ближайшие 5 лет, что в принципе возможно[83].

В целом система долгосрочного прогнозирования развития МО в интересах «Стратегии» это обязательный комплекс анализа всех факторов, тенденций и взаимосвязей МО, взаимоувязанных по времени и стратегической глубине сценариев и стратегий. Сегодня существует много попыток формально — «косметического» решения этой проблемы, которые недопустимы для нового варианта «Стратегии». В качестве одного из примеров можно привести мнение В. Сизова, который предлагает, «минимальный набор» средств для улучшения ситуации, который, на наш взгляд, абсолютно не соответствует современным потребностям. В частности, он считает, что «Невзирая на всю сложность проблемы, создание системы долгосрочного прогнозирования угроз национальной безопасности РФ, можно начать с решения задач, не требующих серьезных финансовых и других расходов, то есть:

— создать реестры государственных и негосударственных аналитических организаций и формирований в сфере национальной безопасности;
— уточнить понятийно-категориальный аппарат теории национальной безопасности, в том числе касающийся аналитической работы;
— издать ежегодно уточняемый словарь (сборник) терминов по национальной безопасности, который был бы обязательным к использованию органами власти и управления в законотворческой и управленческой деятельности;
— сформулировать требования к информационным и аналитическим материалам, разработать формализованные документы и определить порядок их использования;
— создать информационно-аналитический портал с собственной базой данных при одном из открытых аналитических некоммерческих общественных объединений»[84].

Мы абсолютно уверены, что в современных условиях эти меры могут быть названы только «общественной работой», которая абсолютно не соответствует масштабу современных задач, которые должны быть сформулированы в «Стратегии», а также повышения качества управления государством. Эти задачи требуют качественно, совершенно иного информационно-аналитического уровня обеспечения[85]. Соответствующие предложения делались неоднократно[86].

Сегодня, в частности, требуется анализ и стратегический прогноз, учитывающий все основные факторы и тенденции, формирующие МО и ВПО, — от тех, которые охватывают глобальные масштабы, до самых частных, на первый взгляд, незначительных. Выявление и отслеживание

---

82 См. подробнее: *Подберезкин А. И.* Военные угрозы России. — М.: МГИМО–Университет, 2014.

83 См., например: Стратегическое прогнозирование международных отношений: кол. монография / под ред. А. И. Подберезкина, М. В. Александрова. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — 743 с.

84 *Сизов В. Ю.* О создании системы долгосрочного прогнозирования угроз национальной безопасности России в интересах принятия решений органами государственного управления в сфере национальной безопасности.

85 *Подберезкин А. И., Харкевич М. В.* Мир и война в XXI веке: опыт долгосрочного прогнозирования развития международных отношений. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — С. 455–561.

86 *Подберезкин А. И.* Военные угрозы России. — М.: МГИМО–Университет, 2014.

в динамике изменений этих самых незначительных факторов акторов и тенденций становится обязательным условием достоверности прогноза развития МО. Как повлияет, то или иное, частное открытие в науке на завтрашние технологии — должно контролироваться сегодня. Не случайно, например, в опубликованном 10 декабря 2012 г. Советом по национальной разведке США докладе «Глобальные тенденции — 2030» говорится, что «в обозримом будущем в мире не будет державы-гегемона, власть перейдет к сетевым структурам и коалициям многополярного мира»[87]. Во главе этих коалиций будут стоять ЛЧЦ, а во главе ЛЧЦ — нации-лидеры. Этот революционный вывод, пока что, не укладывается в традиционные парадигмы анализа и прогноза развития МО и ВПО. Что означает только одно — необходимость анализа и прогноза новых, пока еще неизвестных, парадигм развития субъектов и акторов МО и глобальных тенденций в интересах точной оценки и прогноза, необходимых для Стратегии национальной безопасности России.

Комментарий №6: В целях иллюстрации оценок и прогнозов, присутствующих в разных вариантах «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» (2009 г. и 2015 г.), предлагается подробнее рассмотреть соответствующие разделы этих документов, а также возможный альтернативный вариант. Определенная часть (содержание соответствующих Указов, а также разделы V — «Организационно-информационные основы» — и VI — «Основные показатели безопасности») уже были коротко рассмотрены выше. Поэтому обратимся подробнее к разделам II–IV Стратегии национальной безопасности в редакции 2009 и 2015 годов.

4.4. д). Сопоставление разделов II «Современный мир и Россия»

Мы будем лидировать, используя все инструменты американской мощи[88]
Стратегия национальной безопасности США. 2015

Принятая Стратегия национальной безопасности
без осуществления системной трансформации российской государственности
под реалии «холодной войны» обречена… на неисполнение[89]
В. Багдасарян, эксперт

Нигде, пожалуй, в обоих вариантах Стратегии нет такого разночтения и несостыковок, как в разделах, посвященных оценке состояния дел в мире и в России, а также (отсутствующему в обоих разделах) стратегическому прогнозу развития МО и ВПО. Между тем принципиально важно:

- дать точную характеристику состояния МО и фактически развивающегося сценария развития современной обстановки в важнейших областях;
- дать основные варианты стратегического прогноза развития МО и ВПО;
- дать оценку основных тенденций мирового развития, ключевых факторов и акторов;
- наконец, дать точную оценку современного состояния и перспектив развития России, включая ее в качестве лидера ЛЧЦ.

К сожалению, эти оценки либо отсутствуют, либо даются в крайне противоречивом, недосказанном изложении, что дает основание критикам последней редакции Стратегии (например В. Багдасаряну), утверждать следующее:

---

87 *Сизов В. Ю.* О создании системы долгосрочного прогнозирования угроз национальной безопасности России в интересах принятия решений органами государственного управления в сфере национальной безопасности. — С. 33.

88 National Security Strategy. — Wash.: GPO, 2015. February. — P. 3.

89 *Багдасарян В.* Какая стратегия нужна России для победы в войнах нового типа / Эл. журнал: «Экономика и развитие». 2016 / http://devec.ru/politika/analitika/

«Новая Стратегия национальной безопасности России не только противоречит модели государственности, выстроенной с начала 1990-х годов под ориентир вхождения в западноцентричный мир, но и содержит внутренние противоречия. Стереотипы прежней западнической политики парадоксальным образом сочетаются в едином документе с новыми положениями, отражающими реалии противоборства России с Западом.

С одной стороны, приоритетность национального суверенитета, с другой, апелляция к Конституции 1993 года, принятой по итогам поражения в «холодной войне», защита существующей конституционной модели.

С одной, фиксация угрозы, исходящей от США и консолидированного Запада в стремлении к глобальному доминированию, с другой, провозглашение ориентира на полноценное партнерство с Соединенными Штатами Америки на основе совпадающих интересов.

С одной, указание на угрозы продвижения НАТО на Восток, с другой, выступление за гармонизацию интеграционных процессов в Европе, формирование в Евро-Атлантическом регионе открытой системы коллективной безопасности.

С одной, разоблачение двойных стандартов в международных правовых отношениях, действие фактора силы с другой, признание безусловности верховенства международного права.

С одной, формулировка задачи противодействия иностранной пропаганде и спецслужбам, с другой, приверженность установке на расширение международного сотрудничества в области государственной и общественной безопасности.

С одной, провозглашение курса на преодоление зависимости от внешнеэкономической конъюнктуры, с другой, приверженность прежней стратагеме развития международных деловых контактов, привлечения иностранных инвестиций и технологий, реализации совместных проектов, расширения рынков сбыта российской продукции.

С одной, указание на значимость фактора ядерного сдерживания потенциального противника, с другой, выдвижение ориентира продвижения к миру, свободному от ядерного оружия, что означало бы фактическое разоружение России»[90].

Уверен, что подобных противоречий удалось бы избежать, если бы удалось изначально:

— **во-первых**, создать общую политико-идеологическую концепцию развития нации хотя бы в самых общих чертах, показать ее главную цель, идею;
— **во-вторых**, если бы была достаточно широкая дискуссия.

В. Багдасарян выделяет существующие противоречия в Стратегии, однако — и это важная оговорка — он не учитывает, что:

— во-первых, само по себе появление подобной Стратегии (а до этого Концепции) было результатом изменений в политической идеологии правящей элиты, которая категорически отрицала при М. Горбачеве саму необходимость стратегической концепции («игры в дефиниции» по А. М. Яковлеву) и при Б. Ельцине («что такое концепция?», «почему национальная» и пр.). Более того, вплоть до самого последнего времени ощущается сильнейшее давление против любых стратегических прогнозов и планирования, что нашло свое отражение в противодействии групп людей в аппаратах В. Путина и Д. Медведева;
— во-вторых, вычленение противоречий, критика вообще, является важнейшим этапом в развитии Стратегии, которая благодаря этой критике прошла огромный путь от пустого первого документа (Концепции национальной безопасности 1996 года времен И. Рыбкина) до Стратегии (декабрь 2015 года), которую уже можно содержательно обсуждать и критиковать.

Критика В. Багдасаряна далеко не всегда бесспорна и точна, однако она привлекает еще раз внимание к современной Стратегии.

---

[90] *Багдасарян В.* Какая стратегия нужна России для победы в войнах нового типа / Эл. журнал: «Экономика и развитие». 2016 / http://devec.ru/politika/analitika/

В заключении В. Багдасарян делает радикальный вывод: «Стратегия национальной безопасности России-2015 не только содержательно противоречива, но и технологически нефункциональна. О степени ее функциональности можно судить, поставив естественные для любого управленческого документа вопросы: кому он адресован? кто контролирует его исполнение? как и за счет чего практически реализуются заложенные в нем решения? Адресуется Стратегия всем органам государственной власти и органам местного самоуправления. Слово «всем» означает, что непосредственные исполнители отсутствуют. Контролирующие функции возлагаются на Совет Безопасности, проводящего мониторинг и представляющего его результаты в ежегодном докладе Секретаря Совбеза Президенту. Доклад, представляемый раз в год, естественно, не может быть признан достаточным средством для предотвращения угроз, требующих оперативного реагирования»[91].

Эти и другие замечания, безусловно, требуют обсуждения и анализа. Вот почему этап дискуссии вокруг содержания Стратегии — обязателен и очень важен — еще до ее утверждения Президентом России. Некоторые сопоставления и сравнения я предлагаю именно в этих целях.

Комментарий №7: Сразу же бросается в глаза разница в приоритетах в вариантах Стратегии: в Стратегии 2015 года акцент изначально делается на укреплении России в неблагоприятных условиях внешнего окружения (Ст. 7–12), а в Стратегии 2009 года — на препятствие развитию неблагоприятных внешних условий (Ст. 8–12).

На этом фоне отдельные разделы Стратегий посвящены анализу и перечислению угроз (Стратегия 2009 г. Ст. 10–12 и Стратегия 2015 г. Ст. 12–25), что очень симптоматично: внешние и военные угрозы России в 2015 году видятся более обширно и конкретно.

Наконец, главное внимание в Стратегиях 2009 и 2015 годов уделяется собственно внешнеполитическим стратегиям России по нейтрализации внешних угроз и опасностей. Этим аспектам в Стратегии 2009 года уделены Ст. 13–20, а в Стратегии 2015 года — Ст. 26–29, причем если в варианте 2009 года основной акцент делается на внешнеполитических средствах нейтрализации, то в Стратегии 2015 года — на «укреплении внутреннего единства российского общества», что свидетельствует о переоценке значения внешней политики для обеспечения интересов национальной безопасности.

Таким образом, условный раздел, в котором оценивается положение России в мире, в «Стратегиях» делится на три части:

Части II Раздела	«Стратегия» 2009 г.	«Стратегия» 2015 г.
I Часть	Неблагоприятные внешние условия	Укрепление России в неблагоприятных внешних условиях
II Часть	Анализ и перечень угроз	Подробный анализ и перечень внешних угроз
III Часть	Внешнеполитическая стратегия нейтрализации внешних угроз	Внутриполитические средства нейтрализации внешних угроз

Более детально, постатейно, перечень основных положений Раздела II Стратегий 2009 и 2015 годов дается ниже.

---

[91] *Багдасарян В.* Какая стратегия нужна России для победы в войнах нового типа / Эл. журнал: «Экономика и развитие». 2016 / http://devec.ru/politika/analitika/

Сопоставление разделов №II «Современный мир и Россия» в двух вариантах «Стратегий» и предложение по альтернативному варианту

Стратегия национальной безопасности России (вариант 12 мая 2009 г.) Раздел II, стр. 8–20	Стратегия национальной безопасности России (вариант 31 декабря 2015 г.) Раздел II, стр. 7–29	Новый вариант Стратегии национальной безопасности России
8. — развитие мира идет по пути глобализации всех сфер и высокой динамикой;	7. — государственная политика способствует реализации стратегических приоритетов; — создана устойчивая основа для дальнейшего наращивания потенциала России; — повышение роли России в формирующемся полицентрическом мире;	8. **надо**: — глобальные процессы встречают сопротивление и кризисные явления;
— ценности и модели стали предметом глобальной конкуренции;	8. — рост авторитета и позиции России;	— ценности и модели стали главным предметом военно-силового соперничества;
— формируются тенденции решения кризисных ситуаций на региональной основе;	9. — устойчивость экономики;	— сохраняется подход внешнего вмешательства в региональные проблемы (Ливия, Египет, Йемен, Сирия, Ирак, Афганистан и т.д.);
— глобальная архитектура, ориентированная на НАТО, создает угрозу международной безопасности	10. — позитивные тенденции в демографии;	— глобальная архитектура ЛЧЦ и военных коалиций.
9. — многовекторная дипломатия расширила возможности России	11. — возрождение ценностей т.е. ст. 7–11 — укрепление России	9. — многовекторная дипломатия России испытывает недостаток в ресурсах
10. — неблагоприятное влияние «рецидивы» односторонних силовых подходов	12. — происходит на фоне новых угроз, имеющих комплексный характер: политика «сдерживания России» посредством политического, экономического, военного и информационного давления	10. **надо**: устойчивая тенденция перехода от силовых к военно-силовым средствам политики
11. — борьба за источники энергоресурсов	13. — в борьбе задействован «весь спектр инструментов», включая спецслужбы	11. — все виды ресурсов, включая пресную воду, транспортные коридоры
12. — может быть нарушен баланс сил вблизи границ Российской Федерации	14. — не снижается роль фактора силы	12. — очевидны попытки превращения приграничных стран во враждебные государства

Стратегия национальной безопасности России (вариант 12 мая 2009 г.) Раздел II, стр. 8–20	Стратегия национальной безопасности России (вариант 31 декабря 2015 г.) Раздел II, стр. 7–29	Новый вариант Стратегии национальной безопасности России
13. — стремление строить МО на принципах международного права	15. — наращивание силового потенциала НАТО и глобализация деятельности; (16), (17), (18), (19), (20), (21), (22)	13. — противодействие Западу в нарушении норм международного права и создания собственной системы международного права
14. — укрепление Евразийской экономической интеграции	23. — ресурсы (вода и др.)	14. — развитие евразийской интеграции не только в экономике, но и в политике и в военной области
15. — укрепление ШОС	24. — возрастание влияния политических факторов на экономические процессы	15. — укрепление и расширение ШОС
16. — Укрепление отношений с Евросоюзом и формирование открытой системы коллективной безопасности	25. — регионализация	16. — развитие отношений со всеми странами Европы и ЕС по двусторонней и многосторонней основе
17. — равноправное сотрудничество с НАТО;	26. — укрепление внутреннего единства, стабильности	17. — поддержание военного равновесия и диалога с НАТО
18. — Равноправные отношения с США, где приоритетом останутся мера в области разоружения	27. — исключая затратную конфронтацию	18. — сохранение стабильных отношений с США при главном внимании к вопросам безопасности
19. — приоритет в использовании политических, правовых, внешнеэкономических и пр. мер защиты интересов для устойчивого развития России	28. — приверженность международному праву	19. — приоритет в использовании невоенных средств защиты интересов России в целях создания благоприятных условий для ее развития
20. — обеспечение внутриполитической стабильности, повышение мобилизационного потенциала, роста национальной экономики и эффективности госуправления	29. — приверженность политико-дипломатическим средствам (т.е. ст. 26–29 — декларация принципов)	20. — обеспечение высоких темпов развития нации, ее НЧК и институтов, гарантирующих внутриполитическую стабильность и эффективность государственного управления

Этими положениями далеко не исчерпываются замечания и анализ вариантов Стратегии 2009 и 2015 годов. Они представляют собой пример того, насколько разноплановo могут быть рассмотрены варианты Стратегии. Естественно, что они несут на себе не только отпечаток объективных реалий, но и субъективных факторов. Прежде всего, отношения и позиций представителей правящей элиты. И, конечно же, личности автора Стратегии — Президента России.

4.4. е). Сопоставление систем национальных ценностей и интересов

Каждая цивилизация видит себя центром мира и пишет свою историю как центральный сюжет истории человечества[92]
С. Хантингтон,
американский политолог

Наше лидерство будет основываться на примере. Мощь наших институтов и наше уважение к закону является примером демократического правления[93]
Стратегия национальной безопасности США. 2015

В XXI веке основу стратегии национальной безопасности стали составлять уже не только национальные интересы, но и сохранение и продвижение системы национальных ценностей, которые трансформируются в нормы и правила для других субъектов и акторов МО. «Пример» системы американских ценностей должен быть, по мнению правящей элиты США, не только уникальным (как и любая иная система ценностей), но и универсальным. Это именно то, против чего в свое время предостерегал С. Хантингтон.

Сказанное означает, что, в конечном счете, та стратегия национальной безопасности оказывается эффективной, которая:

— наилучшим образом защищает национальную систему ценностей и самоидентификацию, способствуя развитию национального человеческого капитала;
— самым лучшим образом содействует ее продвижению вовне, делает ее более привлекательной для остального мира.

В конечном счете, определение и трактовка системы национальных ценностей и интересов, а также их защита являются наиболее приоритетной и важной частью Стратегии национальной безопасности любого государства в XXI веке. Включая в полной мере и Россию. Более того, учитывая особую роль, которую играет Россия для сохранения и развития российской ЛЧЦ, сохранение системы ценностей и их продвижение в будущем становится важнейшей стратегической целью. Именно система ценностей и интересов является фундаментом и всей Стратегии России, на основе которого формулируются конкретные цели и задачи, их приоритеты, распределяются национальные ресурсы, учитываются и используются внешние обстоятельства.

Комментарий №8: Третий раздел в «Стратегии» 2009 и 2015 годов называется одинаково в обеих редакциях: «Национальные интересы Российской Федерации и стратегические национальные приоритеты»[94], однако, по своей сути эти разделы существенно отличаются друг от друга.

Прежде всего, обращает на себя внимание, что по порядку и приоритетности в Стратегии, утвержденной Д. Медведевым в 2009 году идет традиционный набор «демократических ценностей» (Ст. 21), которые бессмысленно декларируются во множестве документов, но совершенно не к месту в Стратегии, где речь идет не о политических, а о национальных ценностях и интересах:

— развитие демократии и гражданского общества…;
— обеспечение незыблемости конституционного строя…;
— «поддержание стратегической стабильности» и «взаимовыгодных партнерских отношений».

В этом сказываются, безусловно, «демократические традиции» 90-х годов.

Сразу подчеркнем, что последнее (третье положение приоритетов) в Стратегии 2015 года перенесено на 6-е место, т.е. ценности демократии уступили место, а первые 5 наиболее приоритетных мест выделены для ценностей безопасности государства:

— укрепления обороны, суверенитета и т.п.;

---

92 *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций [пер. с анг. Т. Велимеева]. — М.: АСТ, 2016. — С. 71.

93 National Security Strategy. — Wash.: GPO, 2015. February. — P. 3.

94 *Медведев Д. А.* Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. №537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года», а также: Путин В. В. Указ Президента Российской Федерации №683 от 31 декабря 2015 г. «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

— укрепления внутриполитической стабильности;
— повышения качества жизни;
— конкурентоспособности экономики.

Для более полной наглядности это сопоставление дается в следующей таблице, иллюстрирующей смещение приоритетов в стратегии национальной безопасности России, которое произошло за 2008–2015 годы, что, как представляется, означает серьезные коррективы в более точном понимании характера современной МО и современных реалий:

Сопоставление национальных интересов и стратегических национальных приоритетов России

Национальные интересы Российской Федерации и стратегические национальные приоритеты в «Стратегии» 2009 года (ст. 21, 22, 23, 24)	Национальные интересы Российской Федерации и стратегические национальные приоритеты в «Стратегии» 2015 года (ст. 30, 31)
21. Национальные интересы заключаются:	ст. 30. Национальные интересы являются:
— развитие демократии и гражданского общества, повышение конкурентоспособности экономики;	— укрепление обороны, суверенитета, территориальной целостности, конституционного строя…;
— незыблемость конституционного строя, территориальной целостности и суверенитета;	— национальное согласие, стабильность, демократические институты…;
— превращение России в мировую державу…	— повышение качества жизни, здоровья, демографии…;
22. Внутренние и внешние суверенные потребности реализуются через стратегические национальные приоритеты	— культура и духовно-нравственные ценности;
	— конкурентоспособность экономики;
	— статус мировой державы
23. Основными приоритетами России являются: национальная оборона, государственная и общественная безопасность	ст. 31. Обеспечение национальных интересов обеспечивается реализацией стратегических национальных приоритетов:
24. Приоритеты устойчивого развития:	— обороны;
— повышение качества жизни;	— государственной и общественной безопасности;
— экономический рост;	— повышения качества жизни;
— наука, технологии, образование, здравоохранение и культура;	— экономический рост;
	— наука, технологии, образование;
— экология…	— здравоохранение;
— стратегическая стабильность и равноправное партнерство…	— культура;
	— экология;
	— стратегическая стабильность

Предложение №5: Представляется, что в «Стратегии» 2015 года национальные интересы и приоритеты представлены более логично и обосновано и их закрепление федеральным конституционным законом поможет подготовить более логичные и последовательные документы отраслевого и регионального характера, в которых эта последовательность должна четко соблюдаться.

Вместе с тем видно, что тема «национальные ценности», которая, как уже не раз говорилось, является главной в XXI веке и должна быть таковой в Стратегии, — опять почему-то выпадает. Как и выпадает положение о борьбе между ЛЧЦ, странами и акторами за сохранение и продвижение своей системы ценностей. Это, безусловно, лишает Стратегию своей базы и основы для развития: политические цели и задачи (в т.ч. и называемые в Стратегии «приоритетами») вытекают из системы базовых ценностей, а не появляются из ниоткуда. Правящая элита лишь субъективно формулирует эти объективные ценности и интересы, либо сознательно их искажает, либо подменяет чужими или искусственными.

Этот процесс — не философско-умозрительный, а конкретно-практический, когда смена систем ценностей руководит сменой интересов и политических приоритетов. Так, в ЕС общие интересы в последние 10–15 лет сменялись общими ценностями, которые далеко не всегда совпадали, а иногда и прямо противоречили этим интересам. Очень интересный пример в этой связи привел С. Хантингтон, сравнивая замещение понятия «Свободный мир» на «Запад» в отдельных СМИ[95].

Использование терминов «Свободный мир» и «Запад»

	Количество упоминаний		Изменения в %
New York Times			
Свободный мир	71	44	–38
Запад	46	144	+213
Washington Post			
Свободный мир	112	67	–40
Запад	36	87	+142
Congressional Record			
Свободный мир	356	114	–68
Запад	7	10	+43

Комментарий №9: Как видно из таблицы, в «Стратегии» 2009 года выделены «основные приоритеты», которые в другом варианте просто поставлены на первом месте. Таким образом, чисто внешне разницы не существует, хотя выделение «стратегических основных» и «просто» стратегических приоритетов свидетельствует о том, что приоритеты безопасности выделяются перед приоритетами развития в разных вариантах.

Таким образом, вряд ли можно согласиться с редакцией «Стратегии» 2009 года (ст. 21), где национальные интересы сведены к интересам демократии и сохранению конституционного строя. Такой подход собственно и объясняет, почему многие неудачи и трагедии XX века стали платой за «демократические ценности». В редакции 2015 года эти ценности изложены более четко, а, главное, не присутствуют в числе национальных приоритетов.

Предложение №6: Я бы поставил в качестве первого (по порядку и значению) национального интереса — интерес развития НЧК, который в существующей редакции занимает 3 и 4 место в перечне приоритетов: в конечном счете, именно качество отдельной личности и в целом нации, т.е. НЧК, обеспечивает безопасность, процветание и лидерство в мире. Можно даже пойти по пути выделения (как и в редакции 2009 года) группы «Основных приоритетов», к которым относятся:

— повышение качества и количества НЧК: образования, уровня жизни, здоровья и т.д.;
— степени реализации НЧК и качества институтов нации;

[95] *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций [пер. с анг. Т. Велимеева]. — М.: АСТ, 2016. — С. 70.

— уровня культуры и защиты национальной идентичности.

При этом было бы вполне логичным назвать НЧК главной ценностью, а развитие НЧК — главным приоритетом в Стратегии. В этом случае все встает на свои места: есть главная ценность — НЧК, нация, ее система ценностей и идентификация, — есть политические цели и задачи, которые являются субъективным представлением правящей элиты об этой ценности, — есть национальные ресурсы, предназначенные для сохранения, развития и продвижения системы национальных ценностей, прежде всего, НЧК.

4.4. ж). Средства обеспечения национальной безопасности и развития

США — сильнейшая мировая держава, обладающая неоспоримым превосходством в технологиях, энергии, союзах и партнерах и демографических ресурсах[96]
Национальная военная стратегия США. 2015

Приоритетность и перечень средств обеспечения национальной безопасности, также как и оценка их возможностей, имеют важнейшее значение для эффективной Стратегии национальной безопасности. Эти средства могут иметь как объективное значение (объем ВВП, качество технологий, численность ВиВСТ и т.п.), определяемое по множеству (сотням) критериев[97], так и субъективное значение, — которое уделяется им правящей элитой страны в той или иной Стратегии. Так, из цитаты в «Военной стратегии США. 2015» видно, например, что правящая элита США полагает, что:

— США не только самая мощная держава, но и страна, обладающая «исключительными» возможностями;
— эти возможности, прежде всего, находятся в следующих областях:
  — в области технологий;
  — энергии;
  — политических союзах;
  — партнерах;
  — демографических ресурсах.

Очевидно, что политические цели во многом предопределяются существующими национальными ресурсами и возможностями, а также эффективностью их использования. Поэтому основными задачами Стратегии являются:

— **во-первых**, максимальное развитие этих ресурсов и возможностей, используемых для достижения тех или иных целей;
— **во-вторых**, их максимально эффективное использование в политических целях.

Если первое относится, прежде всего, к области стратегического прогноза и планирования национального развития (ВВП, демографии, технологий и т.п.), то второе — к области политического и военного искусства использования этих средств. Очевидно, что эффективность такого использования, в свою очередь, зависит от:

— качества национальной элиты (профессионализма, знаний, опыта и т.п.);
— качества политики, Стратегии, военногои политического искусства, уровня развития соответствующих областей общественных наук.

Если вернуться к традиционному рисунку на котором изображена модель политического процесса, то описываемая ситуация будет выглядеть следующим образом (рис. 4.12).

---

[96] The National Military Strategy of the United States of America. — Wash.: GPO, 2015. June. — P. 3.
[97] См., например: *Капица Л. М.* Индикаторы мирового развития. 3-е изд. — М.: МГИМО–Университет, 2016.

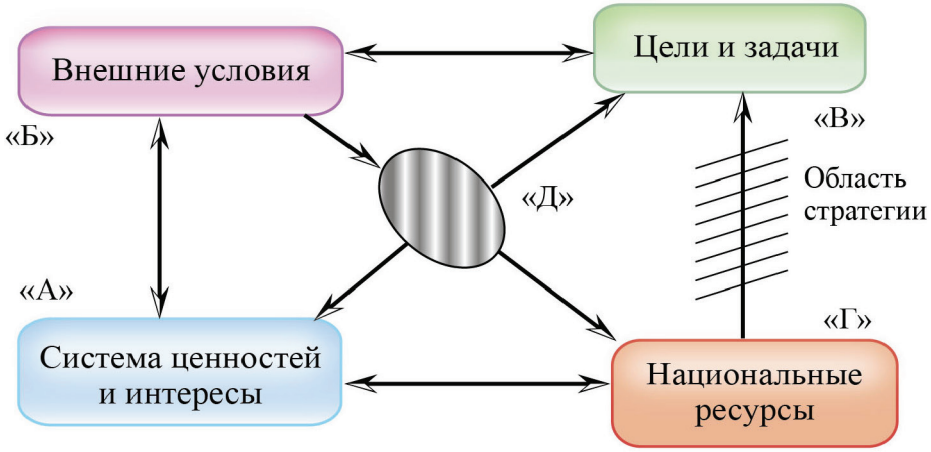

Рис. 4.12. Роль средств обеспечения Стратегии национальной безопасности

Как видно из рисунка, средства обеспечения Стратегии (группа факторов «Г») во многом находятся под влиянием объективных (группа факторов «А») и субъективных (группа факторов «Д») факторов, т.е. влияния решений правящей элиты, которая выбирает:

— какие ресурсы;
— в каких масштабах;
— в какой приоритетности и пр. необходимо развивать. Эта область относится к стратегическому планированию развития национальных ресурсов, среди которых собственно военно-политические ресурсы играют очень важную, но уменьшающуюся, роль.

Рис. 4.13.

Проблемма эффективности использования имеющихся и будущих ресурсов является важнейшей частью Стратегии, от решения которой нередко зависит реализация той или иной цели или задачи. Так, в настоящее время ВПО в отдельных случаях характеризуется тем, что одной из сторон недоступен тыл (или основная территория) противника. Так было и до конца 50-х годов в противоборстве СССР и США (НАТО), когда основные цели на территории нашей страны были уязвимы, а американской — нет. Такая же ситуация сегодня сложилась и для Сирии (рис. 4.13)[98].

В этой связи особое значение приобретают не только собственно военно-технические средства, но и инструменты новой публичной дипломатии, включая ЧВК.

Таким образом, средства обеспечения интересов национальной безопасности являются важнейшей частью собственно Стратегии, которая, в конечном счете, и создается именно для поиска наиболее эффективных средств обеспечения национальной безопасности и развития.

Комментарий №10: Самые большие по объему и значению разделы обеих вариантов Стратегии посвящены IV разделу — «Обеспечению национальной безопасности», которые занимают одинаковое место в структуре обоих вариантов и даже одинаковое название, а также по количеству статей (ст. 32–107 варианта Стратегии 2015 г. и ст. 25–96 варианта Стратегии 2009 г.). При этом состояние национальной безопасности в Стратегии от 2015 года ставится в зависимость от «степени реализации стратегических национальных приоритетов»[99], а в Стратегии от 2009 года — «напрямую зависит от экономического потенциала страны и эффективности функционирования системы обеспечения национальной безопасности»[100]. Очевидно, что существует противоречие, требующее разрешения.

Сопоставление разделов IV «Стратегии» 2009 года и 2015 года и комментарии для альтернативного варианта

«Стратегия» в редакции 2009 г. (раздел IV, ст. 25–96)	«Стратегия» в редакции 2015 г. (раздел IV, ст. 32–107)	Альтернативный вариант «Стратегии»
Суть ст. 25: Основное содержание обеспечения нац. безопасности состоит в поддержании правовых и институциональных механизмов, а также ресурсных возможностей… Состояние **зависит от экономического потенциала и эффективности системы обеспечения нац. безопасности**	ст. 32. Состояние национальной безопасности зависит **от степени реализации стратегических национальных приоритетов и эффективность системы обеспечения национальной безопасности**	Состояние национальной безопасности зависит от степени обеспечения и эффективности защиты национальных интересов
1. Национальная оборона	Оборона страны	Оборона страны и безопасность
ст. 26. Стратегические цели состоят в предотвращении глобальных и региональных войн и конфликтов и осуществлении стратегического сдерживания ст. 27–34. Меры по обеспечению обороны	ст. 33. Стратегическими целями является создание условий для мирного и динамичного социально-экономического развития, обеспечения ее военной безопасности ст. 34–41. Меры, в т.ч. «невоенного реагирования» на принципах рациональной достаточности	Стратегической целью военной политики страны является создание **максимально** благоприятных условий для обеспечения интересов национальной безопасности и социально-экономического развития страны

[98] *Хамзатов М. М.* «Облачный противник»: новая угроза международной безопасности / Доклад на конференции «Современные аспекты международной безопасности». — М.: МГИМО–Университет, 2014. 9 апреля.

[99] *Путин В. В.* Указ Президента Российской Федерации №683 от 31 декабря 2015 г. «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

[100] *Медведев Д. А.* Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. №537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года».

2. Государственная и общественная безопасность	Государственная и общественная безопасность	
ст. 35. Защиты конституционного строя основных прав и свобод, суверенитета, территориальной целостности	ст. 42. Защита конституционного строя, суверенитета, территориальной целостности, прав и свобод гражданина	Безопасность, гарантирующая благоприятные условия для развития НЧК и его институтов
ст. 36–44. РФ укрепляет оборону, обеспечивает государственную и общественную безопасность в целях формирования благоприятных внешних и внутренних условий для социально-экономиче-ского развития	ст. 43–49. Отдельные меры	
3. Повышение качества жизни российских граждан	Повышение качества жизни российских граждан	Повышение качества жизни российских граждан
Ст. 45. Стратегическими целями обеспечения национальной безопасности в области повышения качества жизни являются снижение уровня социального и имущественного неравенства (?!)…, стабилизация его численности в среднесрочной перспективе (?!), а в долгосрочной — коренное улучшение демографической ситуации	**ст. 50. Стратегическими целями обеспечения национальной безопасности в области качества жизни российских граждан являются развитие человеческого потенциала, удовлетворения материальных, социальных и духовных потребностей… прежде всего за счет роста его доходов** (?!)	Предполагает динамичный рост возможностей (материальных, интеллектуальных, культурных, духовных) и условий для развития личности, а в целом национального человеческого капитала и его институтов.
ст. 46–52: набор мер по обеспечению качества жизни	ст. 51–54. Обеспечение конкретных мер	
4. Экономический рост	Экономический рост	
ст. 53. Стратегическая цель — вхождение России в число пяти стран-лидеров по объему ВВП, а также необходимого уровня нац. безопасности в экономической и технологической сферах	ст. 55. Создание условно для развития личности и вхождению в число стран-лидеров по объему ВВП	Опережающие темпы развития НЧК и его институтов
ст. 54–65. Экономические условия безопасности	ст. 56–66. Экономические условия развития	
5. Наука, технологии и образование	Наука, технологии и образование	
		Являются условием и результатом развития НЧК и его институтов

Таким образом, представляется, что если главными средствами обеспечения эффективной политики национальной безопасности являются НЧК и его институты, то и:

— во-первых, приоритеты в их развитии должны быть пересмотрены;
— а, во-вторых, также должны быть пересмотрены способы (т.е. искусство) их применения в политике.

4.5. ОБОСНОВАНИЕ ПРОЕКТА НОВОГО ВАРИАНТА СТРАТЕГИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ДО 2050 ГОДА

В соответствии с федеральными законами … «О безопасности»
и … «О стратегическом планировании в Российской Федерации» постановляю:
1. Утвердить прилагаемую Стратегию национальной безопасности Российской Федерации[101]
В. Путин.
Указ №683 от 31 декабря 2015 г.

Федеральные конституционные законы принимаются
по вопросам, предусмотренным Конституцией РФ[102]
Конституция Российской Федерации

Резкое осложнение международной и военно-политической обстановки в мире во втором десятилетии XXI века представляется долгосрочной тенденцией, имеющей все признаки достаточно быстрой эволюции МО в направлении перерастания развивающегося конфликта в глобальную войну. Есть также все основания полагать, что развитие такого сценария МО будет происходить достаточно быстро, но в долгосрочной перспективе до 2050 года в соответствии с наиболее вероятным вариантом стратегии западной локальной человеческой цивилизации, возглавляемой США, в котором силовые компоненты все чаще и во все более многообразных формах будут дополняться военными[103]. Иными словами, «острая», «военная» фаза развития МО и ВПО может развиваться относительно долго, может быть, несколько десятилетий. Начавшись сегодня, такая эскалация может развиваться быстро, останавливаться, даже на какое-то время возвращаться на предыдущий этап, но затем вновь идти вперед, вплоть до уничтожения противника — ЛЧЦ оппонента.

Исходя из этой долгосрочной посылки предполагается, что Российская Федерация и ее потенциальные партнеры и союзники должны иметь свою ссобсственную, оригинальную, ориентированную на свои интересы, долгосрочную стратегию обеспечения национальной безопасности, как минимум, до 2050 года, в основе которой должны лежать[104]:

— долгосрочные цели и задачи обеспечения сохранения системы ценностей, суверенитета и безопасности, исходя из оценки и перспектив развития МО и ВПО до 2050 года;
— поиск и разработка наиболее эффективных средств и способов обеспечения безопасности до 2050 года, которые соответствуют реальным возможностям российской ЛЧЦ;
— долгосрочные цели и задачи опережающего национального развития во всех областях человеческой деятельности, но, прежде всего, человеческого потенциала российской ЛЧЦ;
— максимально эффективное использование национальных ресурсов, а также возможностей Российской Федерации и ее союзников, и партнеров в интересах укрепления национальной безопасности и развития.

Существующий вариант стратегии национальной безопасности, утвержденной указом Президента Российской Федерации В. В. Путина 31 декабря 2015 года за №683 не отражает в полной мере этой потребности в силу следующих причин:

— в нем не предлагается долгосрочного прогноза развития сценария МО и ВПО в мире, т.е. оценки тех вероятных условий, при которых будет обеспечиваться безопасность и развитие России до 2050 года;

---

[101] Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» №683 от 31 декабря 2015 г. / http://base.consultant.ru

[102] Конституция Российской Федерации. Ст. 108.

[103] См. подробнее: Стратегическое прогнозирование международных отношений: кол. монография / под ред. А. И. Подберезкина, М. В. Александрова. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — 743 с.

[104] См. подробнее: *Подберезкин А. И., Харкевич М. В.* Мир и война в XXI веке: опыт долгосрочного прогнозирования развития международных отношений. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — 581 с.

— в нем в полной мере не сформулированы средства и меры противодействия развитию военно-силового сценария, навязываемого западной ЛЧЦ;
— в нем нет реального механизма реализации Стратегии и многих ее обязательных компонентов.

В качестве примера можно сослаться на рассуждения В. Багдасаряна, который (не бесспорно) представил это состояние следующим образом:

Рис. 4.14[105]. Необходимые компоненты Стратегии

В этой связи представляется целесообразным рассмотреть один из возможных вариантов долгосрочной стратегии национальной безопасности Российской Федерации, который может стать:

— основой для широкой дискуссии в стране с целью мобилизации общественного мнения и национальных ресурсов в интересах сохранения идентичности, развития и укрепления безопасности;
— материалом для соответствующего законодательно-нормативного оформления долгосрочной национальной стратегии до 2050 года;
— инструментом повышения эффективности политического, военного, идеологического, общественного и экономического управления.

Преамбула. Предварительные условия.

Документ о стратегии национальной безопасности России должен представлять собой единый, политико-идеологический документ, а, с другой стороны, иметь достаточно прикладную и обязательную для выполнения практическую стратегию национальной безопасности и развития, иметь ясную, понятную для всех логику и последовательность изложения. В основе этой логики и последовательности должна лежать простая и понятная, следующая модель:

[105] *Багдасарян В.* Какая стратегия нужна России для победы в войнах нового типа / http://devec.ru/politika/analitika/1993-vardan-bagdasarjan-kakaja-strategija-nuzhna-rossii-dlja-pobedy-v-vojnah-novogo-tipa.html

— Первоосновой стратегии национальной безопасности является национальная система ценностей и интересы, а не внешние условия (вызовы, опасности и угрозы), как в настоящее время: мы должны ясно знать цели национального развития и средства для достижения этих целей, а внешние условия, естественно, могут вносить в эти цели и средства свои коррективы. Другими словами предлагается сделать исходной точкой отсчета систему национальных ценностей, национальные интересы, а не внешние угрозы (группа факторов «А»);
— Эта система ценностей и интересы трансформируются в главную политическую цель и конкретные задачи (группа факторов «В»), на которые решающее влияние оказывают три группы факторов:
  — Внешние условия, вызовы и угрозы (группа факторов «Б»);
  — Национальные ресурсы, субъективное восприятие правящей элитой обществом и нацией этих интересов и ценностей (группа факторов «Г»);
  — Правящая элита, влияющая на Стратегию (группа факторов «Д»).

В самом общем виде эта модель выглядит следующим образом. Она уже неоднократно использовалась в самых разных работах автора[106]:

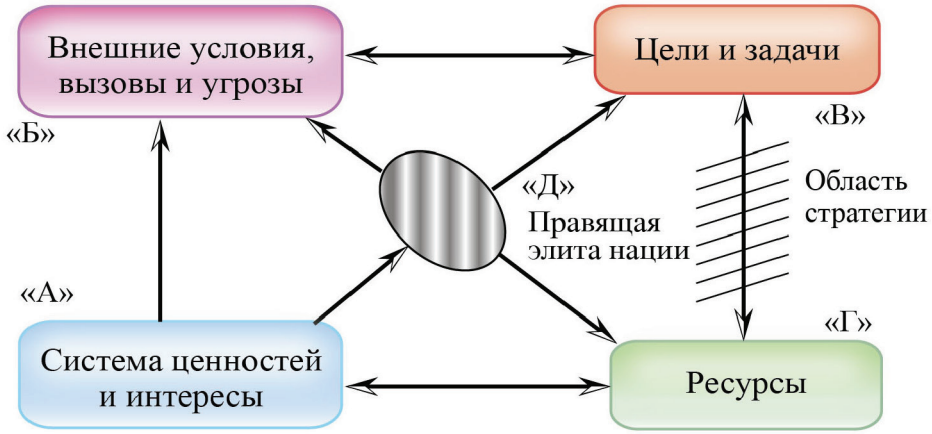

Рис. 4.15. Модель создания стратегии национальной безопасности

Таким образом, порядок формирования стратегии национальной безопасности, может быть, и будет только следующим:

1-й этап — формулирование национальных интересов и ценностей, лежащих в основе Стратегии;

2-й этап — оформление этих интересов в национальные цели;

3-й этап — определение внешних условий реализации Стратегии (МО и ВПО);

4-й этап — определение необходимых ресурсов для целей Стратегии.

Каждый из этих этапов должен быть четко обозначен и сформулирован в формализованном виде, необходимом для правового документа уровня федерального конституционного закона. Представляется, что внесение корректив в существующую «Стратегию национальной безопасности Российской Федерации» целесообразно с самого начала, а именно: новую Стратегию необходимо принимать в форме Федерального конституционного закона, что, соответственно, не только отменяет предыдущий указ, но и ставит ФЗ «О Стратегии» на уровень общенационального документа высшего порядка, по отношению ко всем другим документам. Прежде всего, речь идет в отношении ФЗ №390 «О безопасности» и №172 «О стратегическом планировании в Российской

[106] См., например: *Подберезкин А. И.* Военные угрозы России. — М.: МГИМО–Университет, 2014.

Федерации»[107], с которыми Стратегия изначально вступает в противоречия по ряду принципиальных положений, в частности, о роли Стратегии и Совета Безопасности, в анализе, прогнозе и планировании социально-экономического развития России.

Это меняет ситуацию не только в иерархии правовых документов, но и в политической реальности: все остальные стратегии, концепции и планы должны будут в обязательном порядке исходить из основных положений Стратегии, сформулированных в Федеральном конституционном законе. Более того, быть обязательными к исполнению.

До настоящего времени принято около 100 федеральных конституционных законов, из которых законы о власти (правительстве, судах, уполномоченном о правах человека и др.) относятся именно к категории федеральных конституционных законов. Подобная форма принятия Стратегии делает ее обязательным документом для исполнения всеми органами власти, институтами и гражданами, а не документом, имеющим, по сути, рекомендательный характер, которым она является сегодня, повторяющим современную практику в США[108].

Наконец, форма федерального конституционного закона означает, что Стратегия является результатом совместной деятельности не только исполнительной власти (где центр тяжести прежде перемещался от Президента к Председателю правительства и обратно), но и законодательной власти, а также неизбежным результатом публичной дискуссии, означающей привлечение широких кругов правящей элиты и общественности. Этот же подход означает, что проект федерального конституционного закона «О Стратегии национальной безопасности России», вносимый Президентом РФ, может и должен обсуждаться в других институтах власти, правящей элиты и гражданского общества — от Государственного совета и различных комиссий и советов до Общественной палаты, институтов РАН, партий, организаций и т.д., — что делает Стратегию не только по-настоящему общенациональным документом, который является обязательным к выполнению, но и общеизвестным, доступным и политически очень широким инструментом, значительно повышающим эффективность управления обществом и государством.

Эти политико-идеологические функции сегодня вообще отсутствуют в Стратегии, утвержденной 31 декабря 2015 года, прежде всего потому, что она изначально носит камерный, аппаратно-исключительный, а не общенациональный характер руководства к действию, для правящей элиты, на среднесрочную и долгосрочную перспективу и не является общенациональным документом. Если использовать аналогию советского периода, то утверждавшиеся съездом КПСС на 5 лет директивы «Основные положения социально-экономического развития», затем утверждались Верховным Советом СССР в качестве закона. Они одновременно являлись:

— идеологическим курсом;
— политическим вектором;
— законом, обязательным к выполнению;
— средством долгосрочного управления;
— основой для развития военно-политической организации страны.

На последнем обстоятельстве необходимо остановиться подробнее. Сегодня военно-политическая организация России в отличие от США[109] управляет только органами федеральной, региональной и местной власти, фактически игнорируя две другие крупные организационные структуры нации — общественные институты и бизнес. Только ГКО, созданный в 1941 году, выполнял в полной мере общенациональные функции, полностью контролируя не только государственные, но и общественные институты, и негосударственную экономику (частную, кооперативную и пр.).

В настоящее время в США власть по сути дела создала такую военную организацию, которая контролирует не только государственные, но и общественные, и частные институты, что, естествен-

[107] Федеральный закон Российской Федерации «О безопасности» №390-ФЗ от 28 декабря 2010 г. и Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» №172-ФЗ от 28 июня 2014 г.

[108] См., например: National Security Strategy. — Wash.: The White House. February. 2015. — P. 1–30.

[109] См., например: National Security Strategy. — Wash.: The White House. February. 2015, где, в частности, говорится, что «американское мировое лидерство направлено на цели добра, но также основано на национальных интересах…». — P. 2.

но, резко усиливает мощь США и возглавляемого ими союза. Поэтому необходимо, чтобы в новой редакции Стратегии было четко записано, что эта Стратегия является общенациональной (а не национальной по названию), т.е. обязательной для всех органов власти (федеральных, региональных и местных), а также институтов гражданского общества и частных, а также корпоративных организаций. Сегодня это говорится (в т.ч. об институтах гражданского общества) вскользь в ст. 3. Стратегии в редакции 31 декабря 2015 года[110], а также в предыдущем варианте в преамбуле Указа Президента России от №537 от 12 мая 2009 года в следующей редакции: «В целях консолидации усилий федеральных органов исполнительной власти (почему только исполнительной?), органов государственной власти субъектов Российской Федерации, организаций и граждан Российской Федерации в сфере обеспечения национальной безопасности (зачем необходима эта оговорка?) постановляю:…»[111]

Таким образом, новый вариант Стратегии национальной безопасности должен быть федеральным конституционным законом, прошедшим достаточно широкое обсуждение во всех трех основных группах, представляющих собой структуру общественно-политической системы нации, — органах всех ветвей власти (включая региональные и местные), институтах гражданского общества и структурах, представляющих негосударственную экономику.

Более того, учитывая, что значительная часть общества представлена отдельными лицами, которые не участвуют непосредственно в этих органах и организациях, необходимо устроить широкое общественное обсуждение-дискуссию, которое стало бы средством привлечения к общему проекту тех, кто стоит в стороне от формализованных структур — неработающих, пенсионеров, инвалидов и пр., насчитывающих в нашей стране десятки миллионов человек.

В этом случае Стратегия национальной безопасности может стать продуктом общенациональных усилий, а не экспертно-аппаратным изобретением, а также впоследствии документом, в разработке которого приняло участие большинство нации. Этот подход означает, что Стратегия не должна быть излишне детализирована: в ней даются основные, концептуальные положения, которые впоследствии развиваются в других документах, детализирующих и уточняющих эти принципиальные положения. Тем самым общественное внимание концентрируется на главных характерных особенностях Стратегии, имеющих общенациональное значение, а не на отдельных деталях, численность которых превышает 110 статей.

Думается, что таких принципиальных статей должно быть не более 21–25, объединенных в несколько глав, которые не должны повторять структуру прежних двух «Стратегий» в силу более фундаментального и концептуального подхода.

Период, который охватывает настоящая Стратегия, должен простираться на долгосрочную перспективу, как минимум, 25–30 лет, с тем, чтобы соответствующие документы стратегического планирования (стратегические прогнозы, программы, оценки) охватывали соответствующие горизонты, а не ограничивались констатацией только современной действительности.

Вместе с тем Стратегия должна носить явно политико-публицистический характер по форме изложения и своей структуре, апеллируя не только к общественному мнению нации, но и зарубежным кругам. Думается, что не следует опасаться озвучивания амбициозных идей и планов, так же как это делается в «Стратегии национальной безопасности США», где, например, прямо говорится: «Мы обладаем возможностью — и обязательством — лидерства в усилении, развитии и — если надо — создания правил, норм и институтов для обеспечения мира, безопасности, процветания и защиты … в XXI веке»[112]. Стратегия должна стать постоянным руководством к действию всех граждан России и оперативным документом, определяющим основные приоритеты и способы обеспечения национальной безопасности России.

---

[110] Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» №683 от 31 декабря 2015 г.

[111] Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» №537 от 12 мая 2009 г.

[112] National Security Strategy. — Wash.: The White House. February. 2015. — P. 23.

4.6. ФЕДЕРАЛЬНЫЙ КОНСТИТУЦИОННЫЙ ЗАКОН «О СТРАТЕГИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ДО 2021 ГОДА»: НЕКОТОРЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

(проект)

Вносит: Президент РФ (декабрь 2016 г.)
Принят Государственной Думой (декабрь 2016 г.)
Одобрен Советом Федерации (декабрь 2016 г.)

Глава I. Общие положения

Статья 1. Предмет регулирования настоящего Федерального конституционного закона.

1. Настоящий Федеральный конституционный закон определяет, основные принципы, цели, средства и содержание деятельности по обеспечению национальной безопасности и национальному развитию, а также вытекающим из этого другим видам безопасности.

2. Настоящий Федеральный конституционный закон регулирует функции федеральных, региональных и местных органов власти, а также институтов гражданского общества, бизнеса и отдельных граждан в области обеспечения национальной безопасности и национального развития.

3. Настоящий Федеральный конституционный закон устанавливает правовые основы национального и государственного стратегического планирования, координации и консолидации всех органов власти, общественных институтов, граждан и бизнеса в интересах максимально эффективной реализации Стратегии национальной безопасности Российской Федерации на долгосрочный период до 2050 года.

Статья 2. Содержание деятельности по обеспечению национальной безопасности и развитию.

Деятельность по обеспечению национальной безопасности и развитию включает в себя:

1. Прогнозирование развития международной и военно-политической обстановки, анализ и оценку возможных опасностей и угроз безопасности и развитию Российской Федерации.

2. Прогноз и определение основных направлений государственной политики, а также национальное стратегическое планирование в области обеспечения безопасности и развития.

3. Правовое регулирование в области обеспечения национальной безопасности и развития.

4. Разработку и применение наиболее эффективных средств, способов и мер по прогнозированию, предупреждению и устранению угроз безопасности и развитию нации.

5. Применение всего комплекса мер по обеспечению безопасности и развития.

6. Организацию научной, образовательной, конструкторской деятельности в области обеспечения безопасности.

7. Распределение национальных ресурсов, включая финансирование мер обеспечения безопасности и развития.

Статья 3. Правовая основа безопасности.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2050 года — официально признанная и утвержденная, в виде Федерального конституционного закона, система взглядов и мер в области внутренней и внешней политики, обеспечивающих высокий уровень национальной безопасности и опережающие темпы национального, культурного, духовного и социально-экономического развития в целях максимально полной реализации потенциала, как отдельной человеческой личности, так и всей нации.

1. Концептуальные положения в области обеспечения национальной безопасности и социально-экономического развития, объединенные и утвержденные в настоящей Стратегии, являются обязательной политико-правовой основой для всех прогнозов, стратегий, концепций и планов обеспечения национальной безопасности и развития во всех областях, отраслях, регионах и муниципальных образованиях и для всех органов власти, организаций, бизнеса и граждан.

2. Настоящая Стратегия является базовым документом, лежащим в основе всех федеральных законов и нормативных актов по обеспечению национальной безопасности и социально-экономическому развитию до 2050 года, основой для координации действий и конструктивного взаимодействия всех ветвей власти и органов управления, а также институтов гражданского общества, граждан и негосударственных экономических, финансовых и других организаций.

3. Основная задача настоящей Стратегии состоит в формировании и поддержании, максимально благоприятных внутренних и внешних условий для развития нации и государства, в основе которых лежит сохранение и максимально полная реализация потенциала каждой человеческой личности.

Статья 4. В условиях дальнейшего ухудшения международной обстановки, обострения традиционных и появления новых угроз для развития личности, нации, общества и государства, настоящая Стратегия предназначена для консолидации усилий всей нации, всех органов власти, организаций и граждан, и использования максимально эффективных механизмов реализации ее потенциала.

В настоящей Стратегии используются следующие основные понятия:

— **национальная безопасность** Российской Федерации (далее — национальная безопасность) — состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация Конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие.

Национальная безопасность включает в себя оборону страны и все виды безопасности, предусмотренные Конституцией Российской Федерации и ее законодательством, прежде всего, государственную, общественную, информационную, экологическую, экономическую, транспортную, энергетическую и безопасность личности;

— **национальные интересы** Российской Федерации (далее — национальные интересы) — объективно значимые потребности личности, общества и государства в обеспечении их защищенности и устойчивого развития;

— **угроза национальной безопасности** — совокупность условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность нанесения ущерба национальным интересам;

— **обеспечение национальной безопасности** — реализация органами государственной власти и органами местного самоуправления во взаимодействии с институтами гражданского общества политических, военных, организационных, социально-экономических, информационных, правовых и иных мер, направленное на противодействие угрозам национальной безопасности и удовлетворение национальных интересов;

— **стратегические национальные приоритеты** Российской Федерации (далее — стратегические национальные приоритеты) — важнейшие направления обеспечения национальной безопасности;

— **система обеспечения национальной безопасности** — совокупность осуществляющих реализацию государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности органов государственной власти и органов местного самоуправления и находящихся в их распоряжении инструментов.

4.6. а). Стратегический прогноз развития международной обстановки и России в первой половине XXI века (Глава II Стратегии)

Глава II Федерального конституционного закона “О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2021 года» предполагает фиксацию нескольких принципиальных положений, характеризующих современное и будущее состояние международной обстановки (МО) в целях общенационального понимания и оценки ситуации в мире. В частности:

1. Развитие России в первой половине XXI века будет происходить в неблагоприятных внешних условиях обострения борьбы между локальными человеческими цивилизациями (ЛЧЦ), нациями и государствами в трех ключевых областях, а именно за:

— лидерство в области формирования и продвижения систем ценностей, норм и правил, существующих у стран-лидеров ЛЧЦ;
— продвижение национальных интересов в финансово-экономической и военно-политической областях, как гарантии для обеспечения максимально выгодных внешних условий существования, закрепленных в новой международно-правовой системе;
— перераспределение природных ресурсов и известных запасов, а также территорий, акваторий и транспортных коридоров.

2. В качестве наиболее вероятного сценария развития международной обстановки в первой половине XXI века следует рассматривать сценарий военно-силового противоборства основных локальных человеческих цивилизаций — западной, во главе с США, китайской, индийской, российской и ряда других, — каждая из которых будет преследовать собственные глобальные и региональные цели, реализуемого в нескольких вероятных вариантах — «переговорно-силовом» («оптимистическом»); «военно-силовом» («пессимистическом»); «промежуточном» («реалистическом»).

3. Наибольшую опасность представляет развивающийся в настоящее время сценарий, где стратегия западной ЛЧЦ, нацелена на сохранение полного контроля над сложившимися в XX веке исключительно благоприятными для нее финансово-экономическими и военно-политическими системами любыми средствами и способами (включая массированное применение военной силы).

4. В этих крайне неблагоприятных условиях для России у нее по существу остается два возможных варианта национальной стратегии поведения в целях выживания и дальнейшего сохранения нации и государства.

Первый вариант — Стратегия предполагает частичный отказ от защиты системы национальных ценностей и национальных интересов в пользу «универсальных» ценностей и интересов западной ЛЧЦ и максимально полную интеграцию с ней при понимании того, что в будущем будет очень высокая степень вероятности потери национальной идентичности и суверенитета, а также территориальной целостности.

Второй вариант — Стратегия предполагает национальную мобилизацию и концентрацию правящей элиты, ее ресурсов и всего общества в целях противодействия развитию внешних и внутренних опасных тенденций и угроз. Этот вариант Стратегии предполагает определенные экономические, социальные и иные дополнительные издержки, которые неизбежны при защите системы национальных ценностей и интересов.

Выбор между этими двумя вариантами стратегии национальной безопасности означает для России и нации, в конечном счете, исторический, цивилизационный, выбор — сохраниться ли уникальной евразийской цивилизацией на территории восточной Евразии, либо интегрироваться и раствориться цивилизационно, территориально и ресурсно в западной ЛЧЦ, переняв, в конечном счете, ее систему ценностей, нормы и интересы в качестве национальных, как это произошло для большинства европейских государств.

5. История войн человечества вообще и Второй Мировой войны, в частности, показывает, что далеко не всегда состояние и потребности военно-политической обстановки в мире и в регионе определяют интенсивность и масштаб боевых действий и потерь среди военнослужащих и гражданского населения. Нередко бессмысленные и масштабные с политической точки зрения военные действия имеют совершенно иные обоснования. Иногда, даже субъективные. Так, массированные бомбардировки союзниками Дрездена и атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки — как теперь уже признано — не имели ни политической, ни военной необходимости.

В настоящее время, в XXI веке, в войнах в Ираке, Афганистане и Сирии погибли миллионы человек, что свидетельствует о приемлемости гибели сотен тысяч и миллионов гражданских

и о том, что война представляется вполне «мыслимым» инструментом политики. Этот вывод актуален и сегодня, когда мы с сожалением констатируем, что стремительно реализуется один из самых негативных возможных сценариев развития военно-политической обстановки — сценарий военно-силового противоборства западной локальной цивилизации с другими, прежде всего российской, локальной цивилизацией. Характер этого сценария предполагает эскалацию использования военной силы в международных отношениях в качестве главного политического средства, способного обеспечить сохранение в будущем существующих сегодня под контролем США финансово-экономических и военно-политических систем в мире.

6. Известно, что достаточно мирное сосуществование двух систем в период холодной войны объяснялось сохранением военно-стратегического паритета, сложившегося в послевоенные годы. Именно этот паритет, прежде всего по количеству ядерных боеприпасов и средств их доставки, являлся той материальной основой, которая не только спасла мир от глобальной войны, но и, в конечном счете, привела к разрядке международной напряженности, формированию справедливой системы международной безопасности и сокращению целых классов вооружений.

К сожалению, нынешняя стратегия Запада предполагает уже в среднесрочной перспективе завершение создания новой системы международной безопасности, в основе которой лежит военно-технологическое превосходство Запада. Такое превосходство предполагает ликвидацию, прежде всего, ядерного паритета за счет уничтожения ядерных потенциалов, с одной стороны, и создания по сути дела новых стратегических неядерных потенциалов, с другой:

— систем высокоточного оружия, включая гиперзвуковые и ударные беспилотники, способные выполнять стратегические задачи;
— широкомасштабную систему противоракетной обороны, элементы которой будут размешены во многих регионах мира и морских акваториях;
— наконец, многократно дублированную систему боевого управления в условиях войны, способную обеспечить руководству США контроль над эскалацией и победу в военном конфликте.

7. Очевидно, что в России эту логику и намерения Запада прекрасно понимают. Как и необходимость не допустить слома военно-стратегического паритета, который в XXI веке определяется в военной области, прежде всего, состоянием и соотношением сил в области стратегических наступательных ядерных вооружений и средств воздушно-космической обороны (ВКО).

Именно поэтому данные категории вооружений и военной техники (ВиВСТ) развиваются в последнее десятилетие в России, в приоритетном порядке. Мы ожидаем, что их полная модернизация и развертывание новых образцов завершится по плану, к 2021 году.

С политической и военной точек зрения Россия рассматривает ядерное оружие (ЯО) и средства воздушно-космической обороны как основу своего суверенитета и главную гарантию международной безопасности.

8. Следует обратить внимание и на два новых, сугубо политических, обстоятельства в стратегии Запада, с помощью которых тот пытается изменить военно-стратегическое равновесие и создать по сути дела новую систему международной безопасности. Это:

— во-первых, создание нового, более широкого спектра средств, включая военно-технические, в системе средств новой публичной дипломатии (например, террористических и экстремистских организаций, диверсионных структур и частных военных кампаний (ЧВК)), деятельность которых должна быть обеспечена так называемой «силой принуждения» — комбинацией средств «мягкой» и «жесткой» силы.

Такие силы и средства направлены непосредственно на изменение политического курса правящих элит, прежде всего их способности отстаивания национальных интересов и систем ценностей. И в этой стратегии ведущая роль предназначена военной силе, которая должна стать «материальным обеспечением» способности эффективного использования этих средств и способов уничтожения наций и государств;

— во-вторых, важная роль в реализации этой стратегии предназначается политике принуждения, дипломатическими, политическими, экономическими и иными средствами публичной дипломатии — к уничтожению оппонентами своего ядерного оружия, как фактически единственному средству, способному нейтрализовать политику силы Запада. В этих целях заметно активизировалась, не только официальная дипломатия, но и мобилизуются все институты гражданского общества, СМИ, некоммерческие организации, фонды, партии и т.д., которые должны достаточно агрессивно навязывать идею всеобщего и полного ядерного разоружения.

9. Необходимо отчетливо понимать, что международная безопасность, в реальной перспективе, может быть гарантирована только при помощи сохранения стратегического сдерживания Запада, материальным фундаментом которого, в свою очередь, является ядерное сдерживание. Это обеспечивается только высоким качеством стратегических наступательных вооружений и систем воздушно-космической обороны, составляющих, «единый стратегический комплекс». Это положение ясно зафиксировано не только в Стратегии национальной безопасности России и ее Военной доктрине, но и в политической практике: военные конфликты в Грузии и вокруг Крыма показали их абсолютную применимость, более того, — незаменимость сегодня во внешнеполитической области.

4.6. б). Система национальных ценностей и интересов (Глава III Стратегии)

В основе Стратегии национальной безопасности лежит система национальных ценностей и интересов, сложившихся к настоящему времени. Она представляет собой объективную реальность, в которой сформировалась нация на протяжении всего периода ее существования, а также ее институты государства и общества. Система формируемых приоритетов важнейших национальных ценностей и интересов представляет собой основу всей стратегии национальной безопасности и развития, и состоит из стратегических национальных приоритетов, к которым относятся:

1. Количественный рост и качественное развитие нации и ее человеческого капитала, которые, в свою очередь, измеряются:

— демографическими показателями;
— душевым доходом;
— уровнем образования;
— качеством культуры, науки и искусства.

2. Сохранение самоидентификации нации, ее суверенитета, территориальной целостности, контроль над природными ресурсами, пространством и транспортными коридорами.

3. Экономическая и технологическая мощью нации и государства, конкурентоспособность и роль в мировой торговле и глобализации.

4. Участие в деятельности мирового сообщества, всех субъектов МО и международных организаций по обеспечению стабильности и развитию в мире в целях благополучия всего человечества.

4.6. в). Цели и задачи (Глава IV Стратегии)

1. Система объективных национальных ценностей и интересов практически воплощается в политических целях и задачах, сформулированных руководством страны при активном участии всех граждан, государственных и общественных институтов нации.

2. С точки зрения внешнеполитической, эти задачи включают в себя:

— обеспечение максимально благоприятных внешних и внутренних условий для развития нации и государства, исключающих внешнюю угрозу войны или военного конфликта;

— содействие социально-экономическому, научно-техническому и культурному развитию нации; предлагающее развитие высокого уровня сотрудничества России с другими ЛЧЦ, государствами, международными организациями и акторами в интересах ускоренного развития;
— эффективную защиту национальной идентичности и человеческого капитала от внешнего влияния и попыток деформировать национальную систему ценностей.

3. С точки зрения внутриполитической, основная цель национального развития заключается в ускоренном росте и развитии национального человеческого капитала и его институтов в России и традиционных территориях обитания и распространения. Эта цель конкретизируется в постановке следующих задач:

— быстрых темпах демографического роста населения страны при улучшении основных показателей его физического, интеллектуального, нравственного и духовного здоровья;
— достижения максимально высоких показателей душевого дохода в расчете на одного гражданина, сопоставимого с аналогичными показателями стран-лидеров мировой экономики;
— предоставлении возможности получения бесплатного высшего и среднего образования и переподготовки на протяжении всей жизни человека;
— предоставлении всего спектра медицинских услуг на уровне мировых стран-лидеров в области здравоохранения;
— предоставлении всех возможностей для интеллектуального и творческого развития личности на протяжении всей жизни человека.

4.6. г). Внешние условия развития нации и реализации Стратегии (Глава V Стратегии)

1. Внешние условия развития нации должны в минимальной степени угрожать ее безопасности и негативно влиять на темпы ее социально-экономического развития, подвергать сомнению или пересмотру заявленные цели и задачи политики.

2. Внешние условия, вызовы и угрозы в минимальной степени должны негативно влиять на общество и правящую элиту нации.

3. Внешние условия, вызовы и угрозы в минимальной степени должны негативно влиять на систему национальных ценностей и национальные интересы.

4.6. д). Ресурсное обеспечение (Глава VI Стратегии)

1. Главная задача эффективной Стратегии и политики в области использования национальных ресурсов — их максимально эффективное применение в целях национального развития и обеспечения безопасности.

2. Государственная политика Российской Федерации в области национальной безопасности и развития, обеспечивается согласованными действиями всех элементов власти и общества в целях максимально эффективного использования всех национальных ресурсов и возможностей посредством реализации комплекса мер политико-идеологического, организационного, нормативно-правового и информационного характера.

3. Наибольшее значение среди всех видов национальных ресурсов в XXI веке имеет национальный человеческий капитал, обеспечивающий не только максимальную долю экономического прироста и качества социально-экономического развития, но и являющегося важнейшим средством политики. Развитие этого важнейшего национального ресурса, опережающими темпами, становится главным условием опережающего развития нации и государства и наиболее приоритетной задачей Стратегии.

4.6. е). Полномочия органов власти, институтов гражданского общества и отдельных граждан в области обеспечения национальной безопасности и развития (Глава VII Стратегии)

Статья 1. Полномочия Президента Российской Федерации в области обеспечения национальной безопасности и развития.

Президент Российской Федерации:

1. Формирует и возглавляет национальную военную организацию, в которую входят все органы власти, институты и негосударственные организации, а также отдельные граждане.

2. Определяет основные направления обеспечения национальной безопасности и развития.

3. Устанавливает компетенцию органов власти и институтов гражданского общества в обеспечении национальной безопасности и развития.

4. Вносит на обсуждение и утверждение Федеральным Собранием Стратегию национальной безопасности.

5. Утверждает правовые акты, конкретизирующие положения Стратегии в ее отдельных (внешнеполитических, военных, экономических, социальных и др.) аспектах.

Статья 2. Полномочия палат Федерального Собрания Российской Федерации в области обеспечения национальной безопасности и развития.

1. Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации:

1) рассматривает принятые Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации федеральные законы в области обеспечения национальной безопасности и развития;

2) утверждает указ Президента Российской Федерации о введении чрезвычайного положения;

3) рассматривает принятый Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации, по представлению Президента России, Федеральный конституционный закон «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» и организовывает его обсуждение в региональных и местных органах власти, а также среди институтов гражданского общества и отдельных граждан.

2. Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации:

1) принимает федеральные законы в области обеспечения национальной безопасности и развития;

2) организовывает обсуждение и принимает Федеральный конституционный закон «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»;

3) принимает в случае необходимости федеральные законы, развивающие и конкретизирующие указы Президента Российской Федерации в области национальной безопасности и развития, включая законы, обеспечивающие их реализацию соответствующими ресурсами.

Статья 3. Полномочия Совета безопасности РФ.

Совет Безопасности РФ в соответствии с Федеральным законом от 05.10.2015 №285-ФЗ является:

1) конституционным совещательным органом, осуществляющим подготовку решений Президента Российской Федерации по вопросам обеспечения безопасности, организации обороны и социально-экономического развития Российской Федерации;

2) осуществляет координацию деятельности всех национальных органов власти, институтов гражданского общества и граждан в области укрепления национальной безопасности и развития;

3) Совет Безопасности формируется и возглавляется Президентом Российской Федерации;

4) в целях реализации задач и функций Совета Безопасности в области укрепления национальной безопасности и развития Президентом Российской Федерации могут создаваться рабочие органы Совета Безопасности и аппарат Совета Безопасности.

Статья 4. Полномочия Правительства Российской Федерации в области укрепления национальной безопасности и развития.

Правительство Российской Федерации:

1) участвует в работе Совета Безопасности и выполнении задач, сформулированных в Стратегии национальной безопасности;

2) участвует в определении основных направлений социально-экономического развития Российской Федерации.

4.6. ж). Политико-идеологические, организационные, нормативно-правовые и информационные основы (Глава VIII Стратегии)

1. Реализация настоящей Стратегии обеспечивается за счет консолидации усилий и ресурсов всех органов власти, общества и его институтов, а также бизнеса, путем максимально эффективного использования всех национальных ресурсов и возможностей:

— политико-идеологических;
— нравственно-духовных;
— материальных;
— финансово-экономических;
— природных ресурсов.

2. Главным ресурсом развития и реализации Стратегии является национальный человеческий капитал, а его опережающее развитие означает главный способ увеличения всех национальных возможностей.

3. Разработка, согласование, информационно-аналитическая поддержка, координация всех положений Стратегии на всех ее уровнях происходит на общенациональном уровне при координирующей роли Совета Безопасности непосредственно под руководством Президента Российской Федерации.

4. Контроль за ходом реализации Стратегии возлагается на Президента Российской Федерации и осуществляется в рамках ежегодного послания Президента Федеральному Собранию России.

4.6. з). Заключение[113]

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации представляет собой концептуальное политико-правовое видение того, как в будущем будет укрепляться безопасность и суверенитет России и развиваться наша нация в мире. Стратегия четко показывает основные цели и средства нашей политики и национальной мощи, национальные ценности и интересы. Она демонстрирует нашу решимость при любых обстоятельствах обеспечить самостоятельное развитие, суверенитет и безопасность.

[113] Считаю целесообразным по аналогии со Стратегией национальной безопасности США дать общее политическое заключение характера Стратегии. См. National Security Strategy. — Wash.: The White House. February. 2015. — P. 3.

Научное издание

Подберезкин Алексей Иванович

СТРАТЕГИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ В XXI ВЕКЕ

Аналитический доклад

Согласно Федеральному закону РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ
данная продукция маркировке не подлежит

Компьютерная верстка *А. С. Туманова*
Оформление *В. С. Поляничева*

Подписано в печать 01.09.2016
Формат 60×84 1/8. Усл. печ. л. 11,1. Уч.-изд. л. 5,25
Тираж . Заказ №

Издательство «МГИМО–Университет»
119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии
и множительной техники МГИМО МИД России
119454, Москва, пр. Вернадского, 76